

Ф.И. Елисеев

С КОРНИЛОВСКИМ КОННЫМ.

Эта часть мемуаров Федора Ивановича Елисеева посвящена событиям 1917-начала 1919 года. В книге описаны последние месяцы 115-летней истории славного 1-го Кавказского полка Кубанского Казачьего Войска. Вторая часть книги посвящена первым восстаниям кубанских казаков против большевицкой власти и событиям Второго Кубанского похода добровольческой армии в котором Ф.И. Елисеев принимал участие сначала как командир сотни Корниловского Конного полка, а потом стал и командиром полка.

Часть 1. Февральская революция. Арест солдатами офицеров полка. Перевод полка в Финляндию.

Часть 2. Солдатские бунты на фронте летом 1917 года. Первые столкновения с большевиками в Петрограде. Октябрь 17-го в Финляндии. Возвращение полка на Кубань.

Часть 3. Занятие большевиками Кубани. Восстание казаков Кавказского отдела ККВ.

Часть 4. Освобождение Ставрополя казаками Шкуро. В запасном полку. Командирование в Корниловский Конный полк. Бои Корниловского конного под Ставрополем.

Часть 5. Бои под Ставрополем в октябре-ноябре 1918 года. Корниловский Конный полк в дивизии генерала Врангеля. Участие кубанских казаков в Белой Борьбе, числовые данные. Новый командир полка – Николай Бабиев.

Часть 6. Бои на Маныче в ноябре 1918 года. Елисеев становится командиром полка. Полковник Мурзаев. Таманская красная армия. Бои в Астраханской губернии.

Часть 7. Бабиев и Корниловский Конный полк. Первые конфликты с Бабиевым. Гибель есаула Васильева. Победный бой 21 апреля 1919 года.

Часть 8. Бои на Маныче в апреле 1919 года. “Золотая” атака корниловцев. Перевод в резерв Войска.

Приложения. Об авторе. Именной указатель.

Ф.И. Елисеев.

С КОРНИЛОВСКИМ КОННЫМ

КАЗАКИ В ФИНЛЯНДИИ И НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ

ТЕТРАДЬ ПЕРВАЯ

“Если толпа живет исключительно чувствами — то общество руководствуется, преимущественно, идеями”.

В Конвой Его Величества

Наше село Владикарс проходила 1-я Терская казачья батарея. Полковник Мистулов никогда не пропускал мимо себя никого, чтобы не угостить, здесь же были его родные терские казаки. Офицеры полка устроили им хороший обед с хором трубачей, с песенниками, с лезгинкой. Наш “левый фланг” молодежи, как всегда, отлично пел. Грузинское “мравалджамиер” (многая лета) за их командира, за батарею и за Терское войско пелось на все лады. После лезгинки командир батареи попросил меня подойти к нему, и у нас с ним произошел следующий диалог:

— Почему Вы, подьесаул, не в Конвое Его Величества? - были первые слова его.

Стоя почтительно перед гостем и штаб-офицером, я переспросил его, не понимая, что он этим хочет сказать:

— То есть как это не в Конвое Его Величества, господин войсковой старшина?

— Да так, — отвечает он. — Вот я все время наблюдаю за вами и нахожу, что ваше место там, а не в полку.

— Я не имею право там быть, так как я не из дворянской семьи, — отвечаю ему совершенно искренне.

О Конвое в полку никогда не говорилось между офицерами, но все знали или, не зная, считали, что поступить в Конвой Его Величества, вернее, чтобы быть принятым в него, надо быть сыном видного офицера, к тому же иметь большую протекцию. Я же не только ничего этого не имел, но никогда и не думал об этом, как о вопросе, мимо меня проходящем... Из нашего полка был принят в Конвой сотник Гулыга*, но он сын знаменитого Генерального Штаба генерала Гулыги*, что совершенно не равно моему положению по отцу.

Услышав мои слова, Савицкого даже передернуло.

— Откуда вы взяли это? — громко и твердо произнес он. — У нас, у казаков, нет деления на дворянских детей и недворянских... У нас есть наше казачье равенство, — как-то особенно подчеркнул он два последних слова. И продолжал:

— В Конвое Его Величества поступают офицеры по личным качествам, а не по происхождению или по заслугам отца. У нас, у казаков, свои законы, — поясняет он мне.

Я стою “смирно”, слушаю его мало мне понятное мышление, как будто даже “вольное, революционное”... А он продолжает твердо:

— Я сам кубанский казак. В Конвое служит мой родной брат, есаул и командир сотни. Хотите, я ему протелеграфирую о Вас? Ваше место в Конвое Его Величества, — закончил он.

Столь неожиданный разговор, да еще при всех офицерах — меня смутил. Рядом сидит Мистулов* и не только что молчит, но и не смотрит на меня, слушая наш диалог. Наступила короткая тишина. Я повернул голову в сторону Мистулова, как бы ища разрешение этого вопроса им лично. Он, подняв голову, произнес:

— Я буду очень польщен, если мой адъютант будет служить при императоре. Соглашайтесь, дорогой Федор Иванович. Я тоже напишу письмо своему другу, терцу, помощнику командира Конвоя полковнику Кирееву.

* Дополнительная информация о людях, чьи фамилии помечены “звездочкой” помещена в Именном указателе.

Все это произошло столь неожиданно и в такой веселой обстановке, что я растерялся. Но сознание быть офицером “Собственного Его Императорского Величества Конвоя”, как он официально титуловался, о чем мне никогда и в мысли не приходило, — вдруг представилось таким легко возможным и так близким.

— Ну, согласны? — выводит меня из затруднения Савицкий.

Я согласился. Телеграмма была составлена тут же, за столом и послана в Петроград. И каково же было мое удивление, когда ответ от его брата, есаула Савицкого*, был получен на второй же день, такого содержания: “Подъесаулу Елисееву рекомендуется немедленно же прибыть в Петроград и явиться ко мне. Есаул Савицкий”.

Все это было неожиданно, и на второй день я выехал в Петроград. Из Тифлиса послал телеграмму временно командующему полком войсковому старшине Калугину* (полковник Мистулов получил высшее назначение. — П.С.) что “в случае освобождения вакансии на сотню — прошу иметь мою кандидатуру как самого старшего подъесаула перед очередными кандидатами”. Что-то внутри подсказывало мне, что я вернусь в полк. Это было в средних числах февраля 1917 г.

В станице Кавказской и в Екатеринодаре

По пути заехал в свою станицу. Были дни масленицы, холодно. Лежал глубокий снег. Но масленица есть масленица -V- с угощениями, с гульбой и со скачками. К нашему

парадному крыльцу на Красной улице подъехало человек 20 казачат подготовительного разряда. Они на своих строевых лошадях, на новых седлах. Они должны скоро прийти “в первый полк” на службу Царю и Отечеству, поэтому хотят повидать меня, офицера и адъютанта этого первоочередного полка. Все они безусая молодежь, которых я знал подростками, а теперь они 20-летние казаки. Поздоровался, сказал несколько бодрящих слов и попросил проджигитовать тут же. Кони у них молодые, полунеуки. Казаки гибкие, смелые, желающие отличиться. Кладу на снежной битой дороге улицы по 20 копеек серебром и, к моему удивлению, они подхватывают их на карьере.

Дело, интерес, был не в деньгах, а в молодечестве друг перед другом. Я был и удивлен, и восхищен ими. Но наша любимая и дорогая бабушка, мать отца, овдовевшая в молодости и тяжелым трудом поставившая и сына, и внуков, лишила меня удовольствия поощрять этих молодецких казачат. Она нашла, что я очень щедр, закончив фразой свое удовольствие:

— Им хоть сколько раз поставь, они все равно схватят.

Но это была лучшая оценка молодым джигитам, насколько они были уже ловки в седле.

...Екатеринодар всегда тянул меня к себе. В столице Войска обязательно кого-да-нибудь встретишь из своих сокурсников по военному училищу или же сослуживцев по фронту. Так вышло и теперь.

На тротуаре, возле реального училища, неожиданно встречаю войскового старшину Галаева*. Как осетин, он скромно и отлично одет, чисто по-горски. Поверх черкески — бикирка на дорогом меху, двубортная, позволяющая иметь верх ее не застегнутым. Я перед ним беру под козырек, а он, блестя глазами через пенсне, — крепко жмет мою руку и просит не стесняться перед его штаб-офицерским чином и быть дружеским, как мы были в лагерях на реке Челбасы в мае 1914 г. Он был тогда сотником 2-го Черноморского льготного полка, а я хорунжим. Высокий, стройный, скромный. Офицеры Черноморского полка тогда подтрунивали над ним, “перекрестив” его в черноморского казака, прозвав “Пэтро Галайко”. В противовес своим офицерам — он не пил. И в офицерском лагерном тэйбль-д-оте — он только один раз выступил в лезгинке со мною, да и то по настоянию своих сверстников. Скромный в жизни, в лезгинке он проявил исключительный жар и понимание этого кавказского танца. В азарте его исполнения — он выхватил из кобуры револьвер и все семь зарядов выпустил себе под ноги. Захваченный его азартом — я так же выхватил свой “наган” и все семь пуль выпустил в потолок. Наутро скандал. Меня вызвал мой командир 2-го Кавказского льготного полка полковник Равва и по-отечески предложил — или двое суток ареста, или же на свой счет починить крышу офицерского собрания, пробитую в семи местах пулями... Я предпочел заплатить за починку, но не идти под арест. Вот откуда и появилась дружба с Галаевым, тогда сотником, почему и встреча теперь с ним была особенно приятна.

Это тот войсковой старшина Галаев, который первым организовал в Екатеринодаре партизанский отряд против красных и погиб в первом же бою под станцией Эйнем, на подступах к Екатеринодару, в самом начале 1918 г. и признан героем Кубани.

В тот же день, вечером, и на той же Красной улице, и так же неожиданно — встречаю сверстников по Оренбургскому казачьему училищу — Соколова*, своего взводного портупей-юнкера, Мальцева* и Ряднину*. Они офицеры 2-го Екатеринодарского полка. Их 4-ю Кубанскую казачью дивизию с Западного фронта перебрасывают на Турецкий фронт. Чтобы дать отдых казакам, ее задержали в Войске. Своих друзей я не видел с 1913

г. Соколов и Ряднина в чине подьесаула, а Мальцев есаул и на шашке у него Георгиевский темляк. Они хотят веселиться и, кстати, сегодня благотворительный бал в третьей женской гимназии. Мы там. И как всегда на ученических балах — сплошное веселье, молодое и беззаботное. Сотни красивых гимназисток старших классов, очень милых и задорных. Для них не хватает кавалеров в танцах. Они окружают Вас, накалывают бумажные жетоны, собирая деньги для раненых, и сами приглашают на бальные танцы. За время войны я впервые на таком многолюдном и веселом бале — и мне приятно, словно это заслуженная награда после всех лишений, перенесенных на диком Турецком фронте. После бала холостяцкий ужин в ресторане-шантане “Буфф” и завтра через станицу Кавказскую — в Петроград.

На утро следующего дня, выйдя из подъезда гостиницы, что рядом, через улицу, со зданием Войскового штаба, где я остановился, — увидел нашего наказного атамана, генерала от инфантерии Бабыча*, хотя погоны он имел серебряные, т. е. кавалерийские. Он вышел из Войскового штаба и подошел к углу улицы. Атаман одет был в обыкновенную “строевую” серую черкеску при черном бешмете и черной, старинной, крупной папахе. Совершенно седые усы и борода. Борода аккуратно подстрижена и раздвоена. В правой руке он имел обыкновенный “стариковский” костыль, на который он опирался не по своей старости (ему тогда было 72 г.), а как бы для солидности.

Дойдя до угла, атаман остановился. Радостный от такой неожиданной встречи (его я вижу только второй раз в своей жизни), я приготовился отдать положенную и почтительную воинскую честь своему Кубанскому войсковому атаману. В это время тихо, рысцою, с противоположной стороны, на самой обыкновенной лошаденке в санках приближался извозчик. Атаман пальцем левой руки сделал ему легкий жест. Извозчик остановился, и атаман Бабыч не торопясь сел в санки и потом... дал ему знак повернуть налево и следовать по тихой и малолюдной Бурсаковской улице, параллельной Красной. На ней, против сквера и памятника Запорожцам с императрицей Екатериной Второй находился его Атаманский дворец Кубанского Войска.

Есаул Конвоя Савицкий

До Москвы — никаких приятных ощущений. Вагоны переполнены. За стеклами вагона сплошной снег, холод, “серая” Русь... и отличные удобства почувствовал только от Москвы — по Николаевской железной дороге. Сразу бросилось в глаза, что это “столичная дорога”. Но здесь был уже настоящий север — злой и холодный. Теплых вещей у меня — никаких. Единственная шерстяная дачковая черная черкеска да белый дачковый шерстяной башлык. Слово “черкес” очень часто стало слышаться мне вслед. Да... здесь кавказский казак есть лицо мало ведомое. “Черкес”? Ну и пусть я буду черкес. Не объясняться же мне с каждым!

Пыхтя и выпуская клубы пара, поезд вошел в громадный Николаевский вокзал. Выйдя из вагона, я почувствовал свое полное одиночество и какую-то беспомощность в большой толпе людей. Где же мне остановиться? В Петрограде ни одной души знакомых. Хотя я в нем второй раз в своей жизни. Первый раз был юнкером, прибыв из Оренбурга на Рождественские Святки 1911-1912 гг. Но тогда я официально остановился в сотне юнкеров Николаевского кавалерийского училища, а теперь...

Беру извозчика и говорю ему везти меня в ближайшую гостиницу на Невском проспекте. Все гостиницы переполнены. Едва нашел комнату на 9-м этаже. Но когда я вошел в нее,

то испугался: это была маленькая клетушка, узкая кровать, столик и один стул. Но, чтобы пройти к столику, — был аршинный проход между кроватью и стеною. Цена же его — 9 рублей. Спрашиваю “лучший номер” — служащий вежливо отвечает: “Радуйтесь, господин офицер, что и такой Вы достали. В столице все переполнено”.

Деваться некуда. И расположился я в нем с ручным чемоданом, в котором находились все принадлежности моей парадной формы одежды: красный длинный бешмет, расшитый серебряным галуном; черная каракулевая папаха с красным верхом и галунами; эполеты, все боевые ордена; тесьмы, чевяки и ноговицы ручной работы — подарок черкешенок Хакуриновского аула в 1914 г., так изящно и скромно украшенные тонкими полосками шитья золотом; белье, фотографии и другие мелочи. Приехал ведь служить при самом Русском Императоре, поэтому взято все самое лучшее из формы одежды...

Выпив кофе, еду на санках по адресу на Шпалерной улице. Большой многоэтажный дом. По лестнице с красными толстыми коврами поднимаюсь на указанный этаж. Везде блеск и красота. Проходя этажи, читаю фамилии офицеров Конвоя Его Величества, квартирующих в этом большом доме. Чины и фамилии выгравированы на медных табличках дверей. Хорошо запомнилась фамилия хорунжего Федюшкина, явно офицера Терского Войска. И сравнил я нашу офицерскую жизнь на войне в Турции, в каменных норах курдов, полных блох...

Достиг двери с табличкой “Есаул Савицкий”. Позвонил. Дверь открыла высокая стройная блондинка. Я назвал себя, сказав причину, по какому случаю я прибыл из-под Карса и почему хочу видеть есаула Савицкого. Блондинка, не закрывая двери, ответила: “Я сейчас скажу мужу”.

Супруга Савицкого не подала мне руки и не выразила никакого удовольствия встретить на столь далеком севере своего земляка, кубанского офицера. Это мне не понравилось. Скоро вышел ко мне высокий, крупный, с черной бородой мужчина, с лицом, будто после остатков болезни “оспы”, с прической “ежиком”. Широкий китель, темно-синие бриджи с двойным галунным конвойным лампасом облегли его большую фигуру.

— Я есаул Савицкий... чем могу служить? — были его первые слова.

Доложив о себе, о его телеграмме к брату для моего вызова в Петроград, я услышал от него следующие слова:

— Его Величество вчера выехал в Ставку. Командир Конвоя также. В столице неспокойно. Начались революционные вспьшки. Государственная Дума закрыта. И... уже поздно. Вам придется вернуться в полк.

Я был огорашен. И почувствовал, что аудиенция окончена. Докладываю о письме генерала Мистулова на имя помощника командира Конвоя полковника Киреева. Савицкий вернулся к себе и позвонил по телефону Кирееву по сути моего прибытия, оставив меня в коридоре. Вернувшись, он передал ответ полковника Киреева: “уже поздно...”

Передав письмо для Киреева, поклонился и вышел, т. е. начал спускаться вниз по нарядной лестнице с красными толстыми коврами, окаймленными начищенными медными пластинками-нажимами, мимо дверей на каждом этаже, где квартировали офицеры Конвоя Его Величества Кубанского и Терского казачьих войск.

Что меня удивило, так это то, что есаул Савицкий, природный кубанский казак, лет сорока от роду, сын генерала — он не только что не поинтересовался Турецким фронтом, откуда я прибыл, настроением войск, но он не поздоровался со мною за руку и не пригласил зайти в квартиру, хотя бы в его кабинет. Все объяснение было стоя, в коридоре. Словно я явился ему из соседней комнаты “на пять минут”, а не из-под Карса, откуда шесть дней пути скорым поездом по железной дороге.

Офицеры армии всегда были недовольны офицерами гвардии за их привилегированное положение, за быстрое продвижение в чинах и как бы за снисходительный взгляд, свысока, на армейских офицеров. Это было недопустимо. Все кадровые офицеры получали одно и то же военное образование, все оканчивали одни и те же военные училища, все они служили одному Императору и Отечеству. Почему же такая несправедливость в продвижении в чинах и по службе? Этот вопрос поднимался в военной печати и готов был к разрешению, но революция задержала его осуществление.

В гвардии не было чина подполковника и из капитанов, ротмистров и есаулов — давался сразу же чин полковника. Между прочим, есаул Савицкий предупредил меня, что при зачислении в Конвой, по положению в гвардии, “Вы, подьесаул, будете числиться младше всех хорунжих, уже состоящих в Конвое Его Величества”.

Петроград, февраль 1917-го. “Солдатик”

Выйдя от Савицкого, я почувствовал себя так одиноко в столице, словно попал в пустыню. Ведь здесь нет у меня ни одного знакомого человека! Не возвращаться же мне немедленно в полк в Закавказье?

Иду по Шпалерной улице, в сторону Литейного проспекта. На тротуаре, у небольшого магазинчика кавказского серебряного оружия, стоит очень высокий, крупный телом горец, в длинной шубе-черкеске, при дорогом кинжале в позолоте. Он остро рассматривает меня, что я невольно остановился и спросил — кто он? И узнал, что он бывший старый урядник или вахмистр Конвоя Императора Александра Второго. Это его магазин кавказского серебряного оружия “для казаков-конвойцев”. Его фамилия Бичерахов.

Он осетин-казак Терского Войска. У него есть сын-офицер, Лазарь Бичерахов*, сейчас начальник Партизанского отряда в Персии, в корпусе генерала Баратова*. Мне так приятно было слушать этого богатыря казака-осетина, совершенно бодрого старика и так стильно и богато одетого по-кавказски в столице Российского государства.

Против нас, у ворот между высокими домами, стоял дневальный казак-конвонец в синей черкеске, расшитой галунами, и в красном бешмете. Здесь стояла 5-я сотня Конвоя, сформированная во время войны из георгиевских кавалеров разных полков, коей командовал есаул Савицкий.

Распрощавшись с отцом Лазаря Бичерахова, направляюсь к Литейному проспекту и... встречаю голову большой толпы манифестантов-рабочих, идущих с Выборгской стороны. Это было 24 февраля. По тротуарам Литейного — гуляющая нарядная питерская публика. Много офицеров. Среди манифестантов много женщин. Детей не видно. Мужчины — все рабочие. Идут они нестройно, тихо, толпою. Слышится порою начало революционных песен, которые тут же и прекращаются. Иногда кто-то выбрасывает вверх из толпы небольшие красные флажки.

Рядом со мною плетется сгорбленная крестьянка-старушка. Я ласково обращаюсь к ней со словами:

— Бабушка! Что это?

— Как што это? Не видишь, што-ли? Голодный народ вышел... ты-то вон как разодетый... ишь какой барин! — злобно произнесла она, перекинувшись брезгливо лицом и своим тщедушным телом, и сошла с тротуара.

Я удивился этому ответу, но еще более удивился такой нескрываемой злости и ненависти этой старухи к офицерскому мундиру, и мое настроение сразу же понизилось. Я никогда не слышал от своих женщин-казачек не только чего подобного, но наоборот — я слышал и видел от них бесконечную любовь к офицеру, как к существу высшему и глубоко почитаемому.

— Казаки! Казаки! — вдруг пронеслось в толпе несколько голосов, и она, толпа, сразу же остановилась и как бы присела, прячась от ударов. Из-за угла показался взвод донских казаков. Одеты они были “налегке”, в темно-синие свои длинные суконные чекмени, в маленьких барашковых черных шапчонках, суживающихся кверху, при шашках и винтовках, но без пик. Все казаки молоды, не старше 25 лет от роду, на отличных лошадях. Впереди подхорунжий с подстриженной бородкой, видимо, сверхсрочной службы, с двумя или тремя георгиевскими крестами на груди. Они шли шагом и в колонне “по три”. Услышав крики “Казаки! Казаки!”, командир этого взвода донских казаков, идя впереди своих подчиненных с подбоченившеюся правою рукою, — поднял ее вверх и громко произнес:

— Ничиво! Не бойтесь! — я очень ясно слышал эти слова.

Толпа же немедленно закричала:

— Ур-ра-а... казаки! — и двинулась дальше вперед, расступившись и дав им дорогу.

Интересовал меня Конюшенный музей, куда я и направился. Я долго оставался в нем и осмотрел все, что было возможно по времени. Много коронационных царских колесниц всех эпох, покрытых позолотой вплоть до колес. Вот сани с железными полозьями, сделанные лично царем Петром Первым. Особенное внимание обратил на три казачьих седла, “подарок своему Августейшему Атаману всех Казачьих Войск, Наследнику-Цесаревичу и Великому Князю Алексею Николаевичу от Донского, Кубанского и Терского казачьих Войск”, изготовленных в Войсковых военно-ремесленных школах.

Седла с полным прибором. И напрасно я искал по войсковой гордости преимущественной красоты в подарке от своего Кубанского Войска. Все три седла были, конечно, первоклассной работы казачьих мастеров, но седло от Терского Войска выделялось каким-то своим исключительным изяществом и тонкостью чисто горской, кавказской работы. Тут же, у седел, на специальных топчанах лежали и “приборы” к ним, т. е. уздечки, пахвы, нагрудники.

От Донского Войска — все черного ремня с массивным серебряным набором. Все богатое, но мало изящное. От Кубанского Войска три прибора черного, белого и кирпично-красного (войскового цвета) ремня. От Терского Войска также три прибора — черного,

белого и голубого цвета уздечки, пахвы и нагрудники к седлу. У кубанского и терского седел луки ленчика (арчака) отделаны белым, а у терского — оленьим рогом.

Я долго стоял над седлом от Терского Войска и с восхищением любовался им — такой изящной ручной работой казаков. Это было поистине “черкасское седло”, как поется в некоторых казачьих песнях.

Без всяких приключений мы спокойно доехали до Ростова-на-Дону. Но революция — незаметно для нас — шла вслед за нами. О ней уже знала “чернь”, только ничего не знали и не видели мы, офицеры. В Ростов прибыли часов в восемь вечера. В нашем купе 2-го класса за дверьми, на продольной верхней полке для багажа, почему-то лежал солдат в шинели. Когда он вошел и занял это неположенное для солдат место, мы не видели. Оно было за нашими дверьми.

С корнетом мы решили пройтись на вокзал и выпить кофе. “Солдатик... посмотри мои вещи”, — сказал я ему ласково, как своему младшему брату-воину, и указал рукою на мой чемодан и на пальто. “Слушаюсь, Ваше благородие”, — как-то подобострастно ответил он. При этом его глаза, как мне показалось, блеснули какой-то радостью, хотя до этого он притворялся спящим.

Через десять минут мы возвратились, но в купе нет ни “солдатика”, ни моего чемодана. На скамье оставалось только небрежно брошенное мое офицерское пальто мирного времени, сшитое в Оренбурге перед производством в офицеры и которое я впервые одел в Петроград. Беспokoйно оглядывая купе, я убедился, что чемодан похищен именно этим солдатиком. Словно рвотной нечистью обдал все мое существо такой поступок солдата-воина. Искать его и вещи было бесполезно в толчее ростовского вокзала! Да его там уже и не могло быть... Я был так огорчен в лучших своих офицерских чувствах к солдату-воину. Стоимость пропавших вещей не жаль, но жаль, как дорогую память, полную парадную форму кубанского офицера, все боевые ордена до Святой Анны 2-й степени включительно, редкие фотографии: юнкерские, офицерские в Турции, в городе Ване. Все взял с собой самое ценное и дорогое для моей души. Но главное — многие из этих вещей никому не нужны как ценность, разве только золотые ордена, не теряющие своей стоимости. Хорошо, что Святой Владимир был со мной, на черкеске.

Огорчаться стоило: украл солдат, предусмотренно залезший в офицерский вагон 2-го класса, в котором он быть не имел права, и на которого я, по всегдашней своей доброте к нижнему чину, вместо того чтобы “вышибить” его отсюда — по-братски понадеялся на совершенно неведомого солдата.

С таким настроением я вернулся в свою станицу. Здесь было все спокойно, и о “бунтах в Петрограде” никто ничего не знал и не слышал. Казачья станица жила своею патриархальною жизнью, богатая и довольная существующим порядком. Через два дня я выехал в полк. Революция гналась за мною по пятам и “настигла” в Карсе.

По пути в полк. Станция Акстафа

С каким-то грустным чувством выехал я из своей Кавказской станицы в Каре, зная, что после отъезда полковника Мистулова в полку будут большие перемены психологического свойства. На железной дороге был полный порядок, и наш скорый поезд шел точно по расписанию.

За Елисаветполем, на станции Акстафа, снова неожиданно 2-й Екатеринодарский полк представился мне офицерами-сверстниками по Оренбургскому казачьему училищу, подьесаулами Соколовым, Васюковым* и Рядниной. От них узнаю, что их 4-я Кубанская казачья дивизия перебрасывается в Персию, в состав Кавказского кавалерийского корпуса генерала Баратова. Они просят меня задержаться на сутки с ними, так как полки дивизии выгружаются из поездов здесь и потом последуют походным порядком через Эривань, на Джульфу. Джульфа — пограничный пункт между Россией и Персией на реке Араксе. Я согласился задержаться здесь до следующего утреннего поезда, идущего на Тифлис.

Вечером идем в гарнизонное офицерское собрание. За одним из столов старшие офицеры-екатеринодарцы “режутся” в карты, в азартную игру “железку”, по-французски — шмэн дэ фэр, что значит — железная дорога. Среди них вижу войсковых старшин Давыдова* и Журавель*, которых хорошо знал по 1-му Екатеринодарскому Кошевого Атамана Чепеги полку в 1910 г. Тогда Давыдов был подьесаулом и образцовым начальником полковой учебной команды, а Журавель был только хорунжим и прославленным скакуном на офицерских скачках. На груди у него офицерский Георгий 4-й степени.

После семи лет разлуки мне эта встреча была особенно приятна. В этот вечер мы впервые узнали, что в Петрограде произошла революция, Император отрекся от престола, и государственная власть перешла в руки какого-то Временного правительства. Для меня лично это было такой сильной неожиданностью, что, совершенно не думая, вырвалась фраза, и довольно громко: “Казакам после этого будет плохо...”

И каково же было мое удивление, когда войсковой старшина Давыдов, крупный, бородатый, с резкими пронизывающими Вас серыми строгими глазами, мой былой кумир по полку в 1910 г., — строго посмотрел на меня и произнес: “Как раз будет наоборот... от этого всем станет жить гораздо легче”.

Никто из присутствовавших офицеров на это ничего не ответил, но меня этот ответ штаб-офицера удивил и огорчил. Мне стало очень грустно, офицеры же продолжали играть в карты, словно ничего и не случилось в нашем Отечестве. Перед офицерами были кучи бумажных денег. Играли все азартно, особенно смело Давыдов и Журавель.

У нас в полку играли только в преферанс. Мы, молодежь, научились этой игре лишь в Турции, жалованье было большое, играли мы все не особенно хорошо, а от этого и азартно. Но проиграть 10, 15, 20 рублей “в одну пульку” — считалось “азартным проигрышем”. И никаких других карточных игр в полку не существовало. Здесь же офицеры “швырялись” сотнями рублей. Невольно подумал я, что офицеры-екатеринодарцы богатые люди и не живут на одно жалованье.

Все это вместе взятое — мне не понравилось, но, связанный долгою дружбою с подьесаулом Рядниной, я не устоял против его просьбы и, прокрутившись в собрании ровно до утра, почувствовал никчемность своего посещения.

Наконец настало утро. Мы вышли в коридор. У вешалки, вместо моих новых мелких галош для азиатских чевяк на мягких подошвах, подшитых “фаданом”, стояли пара галош полуглубоких, старых, изношенных и очень грязных. На дворе грязь, в мягких чевяках не пройти. Ко всему виденному и слышанному в собрании — и это довольно мелкое явление — еще больше усугубило мое и без того скверное настроение. “Ну, кто мог так умышленно обменять галоши? — думаю я. — Кроме господ офицеров никого ведь в собрании не было!”

Благородный Алеша Ряднина, честный и верный друг, неловко сконфужен.

“Ничего, дорогой... одевай пока эти до первого магазина”, — смеется он, успокаивая меня. И я одел эти старые, чужие, грязные, большие галоши, словно солдатские “кегли” для часовых, как неприятную необходимость, чтобы дойти до вокзала. Тогда я не мог и подумать, чтобы столь незначительный случай в первый же день революции стал как бы символом всего того “грязного и чужого” для Казачества, что принесла ему русская революция 1917г.

Тифлис. Революция в Карсе

В Тифлисском Михайловском пехотном военном училище — наш третий младший брат Георгий*, юнкером старшего курса. Он из вольноопределяющихся 1-го Кавказского полка и участник Эрзинджанской операции в июле 1916 г. Моими заботами он готовился и выдержал вступительный конкурсный экзамен в это прекрасное военное училище, почему посетить его мне надо.

Жоржа не узнать: ко мне в приемную вышел высокий статный богатырский блондин с правильными чертами лица, с красивыми смеющимися глазами и с полным пониманием и сознанием воинского юнкерского щегольства. Мы оба были очень рады встрече. Обнялись. Сели. Передал новости семьи. В доме, в нашем многолюдном и дружном семействе было все благополучно.

Сидя с ним в юнкерской приемной, я думал: кто же теперь будет производить их в офицеры? Императора ведь нет! Кто же другой имеет ту высшую государственную власть, которая так резко перерождает человека — из обыкновенных смертных в роль благородной офицерской касты? Так мы были воспитаны и только так понимали свое высокое офицерское положение в своем Отечестве.

Его выпуск произведен был в офицеры приказом военного министра. Через три года с месяцами наш младший брат Жорж, в чине есаула Корниловского конного полка Кубанского Войска, жуткою смертью погибнет в Таврии в июле 1920 г., на пятом своем ранении в гражданской войне, на 24-м году от рождения... Зачем же было родиться, жить и учиться?!

В Тифлисе я задержался два дня. Остановился в гостинице “Ной”, на Михайловском проспекте, недалеко от военного училища. На этом проспекте мне пришлось увидеть странную картинку: Михайловское военное училище, всем своим строевым составом, шло куда-то на парад. Роты шли отлично, с винтовками “на плечо” и с примкнутыми штыками. Шли весело, ровно, четко, как гвардия. В строю ничего не было революционного. Все было ЦАРСКОЕ. И вдруг я слышу от них революционную и боевую песню, но так мощно, стройно и красиво исполняемую “в ногу” и абсолютно всем своим составом — “Смело товарищи в ногу...”

Если вначале я, любуясь четким строем юнкеров, как-то не обратил внимания — что они поют? — то следующие слова песни оскорбляли уже их юнкерский мундир:

Вышли мы все из народа, дети семьи трудовой,

Братский союз и свобода — вот наш девиз боевой!

Пели сильно, дружно, даже красиво и как бы вызывающе — но было обидно смотреть на молодецкий строй юнкеров и от них, от юнкеров, будущих офицеров — слышать этот социал-революционный боевой марш. К тому же я удивился — когда же они его разучили? И кто их научил? Не курсовые же их офицеры? Я ничего не понимал... Все это наводило только одну грусть и тоску. Но это, как оказалось, были только “цветики революции”...

Распроставшись с братом, который был произведен в офицеры перед самой Святой Пасхой, я выехал в Каре. В Александрополе, что между Тифлисом и Карсом, на вокзале я видел все того же знакомого мне жандармского ротмистра в красной своей форменной фуражке, высокого стройного блондина с немецкой фамилией, который, как всегда, встречал всякий пассажирский поезд. Мы поздоровались. В лице его я заметил тревогу. Думаю, что он уже обо всем знал, ждал своей судьбы — жандармского офицера царской власти, но волна революционного разрушения и насилия еще не докатилась до Александрополя.

Через четыре часа наш поезд подошел к Карсу. Из окна вагона вижу большую толпу солдат, как саранча, с винтовками и с примкнутыми штыками — они что-то кричат и бегут к вокзалу. Наш поезд остановился. У дверей вагона 2-го класса сталкиваюсь с озверелой толпой солдат. Какой-то унтер-офицер с винтовкой уже вскочил на порожки вагона и, увидев меня, крикнул: “Вот он!”

Я невольно сделал шаг назад. “Нет, ни он! — вдруг произносит и добавляет: — Где он?” — обращаясь неизвестно к кому. Вначале я понял, что произошел местный солдатский бунт, и они ищут виновника их притеснений, что ко мне, к казачьему офицеру, совершенно не относится. Меня они пропустили на перрон, а сами ворвались в вагон, ища кого-то.

Железнодорожный вокзал в Карсе находился за городом. Перед вокзалом большая площадь. Она полна солдатами, все с винтовками. Вижу, через площадь, рысцою, идет наш обозный казак Новосельцев, станицы Новопокровской. Обоз 2-го разряда и ветеринарный околоток от нашего полка находились в Карсе. Зову его к себе и тревожно спрашиваю:

— Что случилось? Где наш полк?

Казак берет руку под козырек и растерянно отвечает:

— Не знаю, Ваше благородие... солдаты говорят — пришла революция... пришли и к нам и заставили верхи (верхом на лошадях) выехать на улицы, а зачем — не знаю. Полк в Сарыкамыше, а во Владикарсе остались обозы и да мы. А дальше я ничего не знаю, Ваше благородие, — закончил обозный казак.

К ночи я прибыл в селение Владикарс. Там было совершенно тихо и спокойно, и никто ничего не знал, что творилось в Карсе. На утро прибыл в наше село 1-й Таманский полк и Кубанская конная батарея, 4-я или 6-я, нашей же дивизии. Было тихо, но в воздухе чувствовалась тревога; и как всегда — денщики, а от них и строевые казаки узнают события раньше, чем мы, офицеры.

Утром, едучи верхом по селу, вижу, что батарейцы не встали с завалинок и не отдали мне положенной чести. Этого в нашем полку никогда не случалось. Наши казаки при всех встречах с офицерами охотно и отчетливо отдавали воинскую честь, как бы гордясь этим.

Черноморцы всегда были тяжелы на подъем, но это нас, кавказцев, не касалось и в данном случае их жест словно осквернял улицы “нашего села отдыха”, где полк стоял вот уже шесть месяцев. И батарейцы, как и таманцы, — были здесь только гостями. Я окрикнул казаков. Они встали и отдали честь. А вечером мы узнали, что в Карсе образовался военно-революционный комитет, комендант крепости с немецкой фамилией арестован “как изменник”, и от казаков просят прислать немедленно делегатов “за инструкциями”. Только теперь я понял, что батарейцы уже знали “о революции в Карсе” и о своих, еще не ясных правах “нижних чинов” после революции.

ТЕТРАДЬ ВТОРАЯ

Революция в нашем селе Владикарс

Командир 1-го Таманского полка войсковой старшина Белый* немедленно же собрал всех офицеров гарнизона Владикарса, пояснил обстановку и решил выяснить — что от казаков требуется?

От их полка были командированы командир 1-й сотни подъесаул Демяник* и два урядника. Все были назначены самим командиром полка. Полк он возглавлял временно, как старший помощник. С повышением по службе полковника Кравченко законного командира в полк императорскую властью еще не было назначено.

Офицеры Таманского полка, батарейцы и я — сидели в нашем офицерском собрании и тревожно ждали возвращения из Карса своих делегатов. Все офицеры 1-го Таманского полка, однобригадники еще с мирного времени, были отлично мне знакомы. Со многими был в близкой дружбе, даже на “ты”, в данном случае и с делегатом, подъесаулом Демяником, как все его звали в полку — Вася. Вот почему эти тревожные часы мы переживали одинаково.

Демяник с урядниками вернулся часа через два-три. Стояла уже полночь. Никто не спал. Белый нетерпеливо встретил Демяника. Мы все напряженно слушаем Васю. Он, как всегда, был спокойный. Оказывается, он был на заседании военно-революционного комитета гарнизона крепости Каре. Там нашим делегатам сказали, что “в Петрограде произошла революция. Император отрекся от престола. Вся власть в государстве перешла к народу. Все царские министры арестованы. Образовалось новое революционное Временное правительство. Вышел новый приказ по Армии, озаглавленный — “Декларация прав солдата и офицера”, подписанная военным министром Гучковым”.

Доложив, он передал своему командиру полка “эту декларацию”, которая была получена в Карсе телеграфно из Петрограда. Белый стал читать ее нам внятно, чтобы не пропустить ни единого слова.

По мере того как умный, гордый, энергичный широкоплечий брюнет с аккуратно подстриженной бородкой, войсковой старшина Белый, летами, думаю, под сорок, читал ее

нам пункт за пунктом, — лично я чувствовал, как у меня под ногами уходила почва офицерской власти над своими подчиненным нижними чинами. Словно я стоял в реке, на песке, который, под тяжестью человеческого тела и течением воды уходил из-под ног, шел за течением, а человек беспомощно погружался в воду... А в душе, и в моих мозгах, сгущалась не печаль, а какая-то мрачная тьма; и мне, секундами, казалось, что это происходит сон, какой-то кошмарный сон...

Думаю, что это ощущали очень многие офицеры-таманцы и батарейцы, потому что при чтении “декларации” стояла гробовая тишина; и даже остроумные таманцы, порою несдержанные на реплики, даже и при своем командире полка — в данные минуты все грустно молчали, словно набрали воды в рот. Белый окончил читать. Офицер он был пылкий, гордый, но в данном случае он спокойно спросил подьесаула Демяника:

— А Вы, подьесаул, не спросили их (т. е, военно-революционный комитет Карса), что те господа офицеры, кто с новыми правилами не согласен, могут ли подать в отставку?

— Не спросил, господин войсковой старшина, — ответил Демяник.

— Очень жаль... Лично я этого не разделяю и на военной службе не останусь, — довольно строго и наставительно ответил он Демянику и даже выщукал его за это. Мы все молчали. Вообще же никто из нас, строевых офицеров, ничего не понимал в политике и совершенно не разбирался в совершаемых событиях.

Белый, по словам таманцев, был воспитателем какого-то кадетского корпуса, почему и был строг и пунктуален. Он скоро ушел из полка.

— Позвольте доложить еще, господин войсковой старшина, — отвечает Демяник и докладывает, что военно-революционный комитет в Карсе секретно передал урядникам, что офицеров, протестующих против революции, надо немедленно же арестовать и препроводить в Каре.

Это заявление доконало нас окончательно. Мы сразу же почувствовали полную свою начальническую беспомощность в воинской дисциплине и почувствовали страх. Страх не перед казаками, а перед Карсом, с его многочисленным солдатским гарнизоном, перед коим мы, дивизия казаков, теперь вся разбросанная полками по далеким селам, не представляла собой никакой силы. Мы почувствовали сразу же диктатуру карской солдатской массы, толпы и совершенно не хотели быть арестованными и препровожденными туда, где, полагали, что с нами не будут церемониться...

Некоторые старшие офицеры-таманцы выражали свое негодование, но выражали в тонах семейных, и мы не знали, — что еще ждать, и чего ждать? — как меня, через ординарца-казака нашего офицерского собрания, вызывал на улицу второй штаб-трубач полкового хора, корнетист, вахмистр Красников. На улице, в темноте ночи, вернее далеко за полночь, Красников, взяв руку под козырек, тяжело дыша, тревожно докладывает:

— Ваше благородие... я прибежал предупредить Вас, что некоторые казаки трубаческой команды хотят Вас арестовать и отправить в Карс... не все, конечно, а нашлись сволочи... надо как-то до этого не допустить...

Холодная струйка чего-то быстро пробежала у меня по позвонку от шеи и растворилась в копчике. Эта струйка чего-то была мне еще неведома. Потом, во время восстания 1918 г. и

в боях гражданской войны, когда порою смерть стояла так близко, эта струйка появлялась вновь в такой же степени и в таком же движении, быстром, две-три секунды по времени. Эта струйка была — чувство страха за свою жизнь. Но когда эта струйка растворялась в моем копчике, у седалищного нерва — было уже не страшно.

Ее, вот эту струйку страха за свою жизнь, открыла мне русская революция. До нее, в Императорской армии, во всех боях — ее я не ощущал. Когда струйка страха растворилась — во мне заговорило чувство возмущения.

— Почему? За что меня хотят арестовать? — коротко спрашиваю.

— Да все, Ваше благородие, за заигранные деньги... они их хотят получить на руки... всегда об этом говорили, почему, дескать, они хранятся в банке, а не розданы на руки?

Услышав это — у меня сразу же отлегло от сердца, так как этот вопрос легко исправим. Для этого надо поехать в банк, взять заигранные трубачами деньги и раздать им.

— Кто же там мудрит? — спрашиваю Красникова.

— Да все тот же старший Стрельцов и Чиженко, — отвечает он.

— Я сейчас сам приду к трубачам... пусть соберутся вглавной хате, — говорю Красникову, отпускаю его и возвращаюсь в столовую, чтобы спросить разрешения Белого — “отлучиться по делам службы”...

Полковой хор трубачей

В мирное время 1913-1914 гг. — я был помощником начальника полковой учебной команды. Рядом с казармой учебной команды, по одной линии, разделяемой проходом в 10 шагов, — находилась казарма полкового хора трубачей. Ежедневные “бесперебойные” занятия в учебной команде тут же, на полковом дворе-плацу перед этими казармами, на дневную и вечернюю уборку лошадей обязательно с песнями, которые научил петь “в три голоса”, и любую песню “в ногу” — вызывали восхищение трубачей, понимающих в музыке, в нотах. Танец лезгинка из учебной команды перенесся и в трубаческую.

Все это нравилось казакам трубаческой команды, и они подражали во многом “учебникам”. Сверхсрочный вахмистр трубаческой команды и первый корнетист Лашко из 1-го Таманского полка, старый и умный казак, живший с семьей на вольной квартире, большой музыкант и певец, он хорошо, умно и авторитетно держал своих подчиненных трубачей.

В Мерве всегда жарко. Город маленький и бедный. Никаких развлечений. Даже не было кинематографа. Единственное развлечение — это поздно вечером пройти в городской сад, где под открытым небом многие играют в лото за длинными столами: офицеры гарнизона и их жены и богатые туркмены в своих полосатых халатах, охваченных широким кушаком, за который воткнут кривой нож в ножнах, оправленный в массивное серебро ручной работы.

Воинственные туркмены — теперь мирные жители под скипетром Белого Царя. И кривой свой традиционный нож в ножнах серебряной оправы они носят только для щегольства,

как носят кинжалы наши горцы Кавказа. Высокая, косматая папаха белого курпея, которую туркмен никогда не снимает с головы, даже играя в лото, также является его щегольством.

Мы, молодежь хорунжие, не любили играть в лото, но иногда приезжали на извозчиках в этот сад просто провести время. В этом саду, на эстраде, играл по вечерам наш хор трубачей. Заигранные деньги, по военному закону, шли в полк, но не выдавались на руки трубачам.

В один из вечеров, когда мы, хорунжие, гурьбой вошли в сад, вахмистр Лашко, он же и капельмейстер хора, что-то сказал своим трубачам, и они бравурно сыграли лезгинку. Явно, что это они сделали для меня, первосвященника танца лезгинки в полку. Три рубля “бумажкой” были наградой казакам.

С тех пор при моем появлении, где бы то ни было, — хор сам всегда играл лезгинку, как приветствие. Пришлось всегда отвечать деньгами, коих и не было жаль. Так завязалась у них дружба и уважение ко мне.

В Турции, 2 ноября 1915 г., я был назначен полковым адъютантом. Этим я стал начальником хора трубачей на правах командира сотни. Строевым вахмистром и капельмейстером стал вахмистр Лашко. Во всех офицерских пирушках вызывался хор трубачей и офицеры полка, в особенности молодежь, всегда щедро давали им деньги “за труды”, не говоря уже о выпивке для них.

В Персии, в городе Маку, перед самой войной против Турции, при первой встрече с 1-м Таманским полком — я обнаружил, что их хор трубачей гораздо музыкальнее нашего и сильнее по своему составу. В мирное время их хор трубачей был отлично обмундирован. Полком тогда командовал полковник-артиллерист Филимонов, родной брат будущего Кубанского войскового атамана генерала Филимонова*. Вообще же у таманцев всё было устроено в полку лучше и богаче, чем у нас, кавказцев, их однобригадников.

Став полковым адъютантом, я решил построить нарядные черкески и папахи для трубаческой команды. Пока полком командовал Мигузов* — говорить с ним, чтобы все это сделать на полковой счет, — не могло быть и речи.

С вахмистром Лашко условился, что половину заигранных денег он будет раздавать трубачам, а вторую половину будем сберегать в банке. Молодежи хорунжим был доведен до сведения этот план и предложено быть щедрыми во время нечестных в Турции веселиях. Придя на отдых под Каре, я быстро устроил своих трубачей играть по субботам и воскресеньям в Карсе, в общественном собрании.

Как сказано выше — в таких случаях заигранные деньги, по положению, идут в суммы полка, но не раздаются трубачам на руки, как их частный заработок. Это было вполне правильно и логично: почему казак-трубач, неся службу военную, но не имея никаких нарядов во внутренней службе полка, а тем более не участвуя в боях, может зарабатывать деньги на полковых музыкальных инструментах, а строевые урядники и казаки в то же самое время нести все бремя военной службы полка, за это ничего не получать, кроме очень скромного жалованья от государства, которое получают и трубачи. В общем, этот вопрос считался безапелляционным, о котором полковой адъютант не должен и разговаривать даже с трубачами.

На наше счастье, на отдыхе полком командовал гуманнейший человек, полковник Мистулов. Доложив ему об устройстве хора полковых трубачей играть в Карсе и доложив, что по войсковому положению, деньги должны идти в суммы полка, — я просил его оставить деньги “в фонд трубачей” для постройки темно-синих черкесок, белых папах, чевяк и ноговиц.

Мистулов всегда выслушивал доклад внимательно и до конца, в это же время обдумывая свое решение. И, когда я закончил, он как бы с удивлением посмотрел на меня и сказал:

— Федор Иванович! И Вы еще меня спрашиваете об этом! Ну, конечно, какой может быть разговор. Поступайте так, как Вы предрешили.

Из заигранных денег в Турции трубачам были уж построены белые папахи, чевяки и ноговицы. В грязную погоду разрешено было носить мелкие галоши. И вот, когда хор появлялся в Карском общественном собрании, то не только что нам, офицерам-кавказцам, но и всей публике было приятно видеть казачий хор трубачей в однообразных черкесках, в белых папахах, а главное — в мягких чевяках и в мелких галошах, а не в грязных грубых солдатских сапогах, идущих по паркету танцевальной залы. Трубачи сами это отлично видели, как ими любовались посетители, и сами подтягивались к еще большему воинскому щегольству.

Разучил с ними некоторые нотные украинские песни. Лучший танцор лезгинки в полку был трубач-баритонист Матвей Позняков, казак станицы Расшеватской. Родные братья Стрельцовы, казаки станицы Тифлисской, артистически танцевали на пару станичный казачок. Трубаческая команда стала завистью казаков сотен. Приглашен был новый капельмейстер с большим знанием музыкального дела.

Мне казалось, что трубаческая команда меня как своего непосредственного начальника — любит и уважает. И вдруг — некоторые из них хотят меня арестовать и отправить в Каре, на суд в военно-революционный комитет. Огорченный и злой, теперь я иду к ним, чтобы “разговаривать, смотря прямо в глаза им...”

— Встать! Смирно! — командует штаб-трубач, вахмистр Лашко, когда я появился у дверей так знакомой мне трубаческой хаты. Я быстро бросил взгляд по всем их лицам, чтобы определить настроение.

— Здорово, братцы! — как всегда, но менее радушно, произнес я, хотя днем “до революции” я видел их несколько раз.

— Здравия желаем, Ваше благородие! — дружно ответило тридцать голосов.

Я прохожу мимо них к “святому углу” и занимаю там место. Я умышленно сажусь как можно дальше от выходных дверей, чтобы мне не было никакого “отхода-бегства”, чем хочу им показать, что я совершенно не боюсь их и хочу ответить на все их прихоти.

— Садитесь, — говорю им и, выждав их это выполнение, тихо, грустно спросил:

— В чем дело? Что Вы хотите?

Все молчат и... сопят. Тянутся нудные, может быть, тридцать секунд, но они кажутся очень длинными и томительными.

— Ну, так шо ж Вы?.. Стрельцов, Чиженко?.. Говорить! Шо Вы балакалы тут усим! — прерывает очень нудное молчание смелый и авторитетный вахмистр команды, штаб-трубач Лашко на своем черноморском наречии.

И вот Стрельцов-старший выражает желание “всех” получить деньги “на руки”. Говорит спокойно, вежливо, по-воински. Чиженко же хочет еще “доказать”, почему должны быть деньги выданы на руки. Я слушаю молча, но разглядываю остальных трубачей и вижу, что под моими взглядами они опускают глаза вниз. А третий корнетист Меремьянов, казак станицы Тихорецкой — даже закашлял и стал поправлять свое сиденье, словно ему что-то кололо в одно место.

Бедные, бедные казаки, — думал я тогда, в эти свои скорбные минуты. Поистине — не знают, что хотят!

— Окончили? — спросил я Стрельцова и Чиженка.

— Так точно, окончили, Ваше благородие, — ответили они.

При гробовой тишине я тихо, очень грустно, рассказал им “историю” этих заигранных денег, указав, кто им дал эту возможность “заиграть деньги”, куда по закону шли эти деньги в мирное время, подчеркнув, каковы они теперь и каковы были до моего адъютантства. Вся моя военная служба в полку, прошедшая на их же глазах, давала мне полное основание говорить им всю правду, не стесняясь во всем и не боясь личной ответственности. Все это они знали и раньше! Я так хорошо знал весь станичный быт казаков, что заглянул во все их щели, нашел и рассказал им то, что заставило их стыдиться.

— Сколько, по-вашему, заигранных денег в банке? — громко и неожиданно для них спросил я всех, но главное, это относилось к вахмистру Лашко, который вел им учет.

— Около девятисот рублей, — был ответ, что и было так.

— Деньги в банке... завтра же поеду, получу и раздам вам. Согласны?

— Так точно, согласны, Ваше благородие! — весело ответили они.

— А теперь оставайтесь спокойны. Полка нет. Мы не знаем, что там. Время тревожное. И не дурите зря, — закончил свою речь я уже стоя, как и все, они встали на ноги со своих мест.

— До свидания! — говорю им, бывшим таким молодцам раньше, хотя они и оставались такими же, коих было просто мне жаль.

— Постараемся! Рады стараться! Счастливо! — смесь ответов без строя, не знающих, как на все реагировать, огласили большую комнату, и я, уже под дружественные взгляды все так же не испорченных душою своих родных казаков-трубачей — вышел на улицу в ночную тьму... Было часа два ночи.

На душе у меня было очень скверно. Главное — я здесь один, здесь нет полка, здесь нет полковой силы, нет нашего полкового организма, чтобы действовать вместе или разделить горе всем полком. Так неожиданно нагрянула полная неопределенность, которая, с

остатками полка во Владикарсе, полностью навалилась на меня, единственного офицера, непредвиденными событиями появившегося здесь.

Деньги в банке взяты и переданы вахмистру Лашко, который и разделил их между трубачами. По странной иронии революции — каждому из них досталось по тридцать серебряников...

Прошло два года. В феврале 1919 г., за Манычем, в селе Приютном Астраханской губернии была сосредоточена бригада казаков 3-й Кубанской дивизии генерала Бабиева* — 1-й Кавказский полк полковника Орфенова* и Корниловский конный, которым командовал автор сего в чине есаула. Было холодно, грязно, снежно и скучно. И вдруг ко мне приходят на квартиру “поздороваться” бывший третий корнетист Меремьянов и Стрельцов-младший — небольшого роста, сухой, юркий казачок, очень вежливый и отличный танцор “казачка”. Они одеты в те же черкески, что и во Владикарсе, в мягких ноговицах, в чевяках и... в мелких галошах, т. е. в тех, что я им справил тогда на заигранные деньги. Принял я их как родных братьев так “далекого” и так приятного прошлого Императорской армии нашего 1-го Кавказского полка. Угостил, чем мог в то скудное время.

— Та и дураки же мы были тогда, господин есаул, — говорит юркий Стрельцов-младший.

— Когда это “тогда” и какие дураки? — переспрашиваю его, совершенно забыв о прошлом.

— Да што деньги заигранные от Вас потребовали во Владикарсе, — отвечает он.

— Ну, это дело прошлого... и его не стоит вспоминать, — совершенно искренне отвечаю ему.

— Ды как же ни вспоминать! — отвечает непоседа Стрельцов-младший. — Ды, Вы знаете, што мы с Меремьянычем самые почетные казаки у полковника Арфенова. И все через Вас. Вы посмотрите, мы до сих пор ходим в чевяках и калошах, што Вы нам справили, несмотря на такую стужу и грязь. И полковник Арфенов, как увидел нас, дык немедленно взял к себе в личные ординарцы и никуды не отпускает от себе. И к Вам мы пришли с ихнива позволения, а то бы не пустил к другому. И хучь и не казак, а понимает в казачестве, — закончил юркий Стрельцов-младший про полковника Орфенова.

Скромный и малоразговорчивый Меремьянов сидит и только сочувственно улыбается, вставляя порою свои реплики для подтверждения слов своего друга.

Меня эта исповедь уже не интересовала. Казачью душу я и тогда понимал так, как была вот эта исповедь. Казаки, конечно, и тогда, в первые дни революции, не были дураками в прямом понимании этого слова, но, не имея хорошей грамотности, гражданского самосознания — они поступали только эмоционально, т. е. как толкало их чувство, а не здравый рассудок. Собственно говоря, этому тогда было подвергнуто почти все население необъятной России, и в особенности уставшая от войны и военных неудач 12-миллионная Русская Армия; и упрекать в этом свое родное казачество — я совершенно не намерен.

Заблуждались и мы, офицеры, так как политически были абсолютными “нулями”. В катастрофе надо броситься с засученными рукавами, но не в белых барских перчатках, как поступили многие из нас тогда.

Что же случилось в полку?

В Сарыкамыше революционный солдатский бунт поднялся раньше Карского. Стоявшие там в резерве 1-го Кавказского армейского корпуса стрелковые полки 6-й Кавказской стрелковой дивизии арестовали некоторых своих офицеров и разграбили полковые денежные ящики. Начальник гарнизона понял это не как революционную вспышку, а как обыкновенный солдатский вооруженный бунт. Для усмирения его он просил начальника нашей 5-й Кавказской казачьей дивизии генерала Томашевского* прислать один казачий полк.

Недалеко от Сарыкамыша, в селении Селим, на отдыхе стоял 1-и Таманский, и, казалось, его нужно было бросить на Сарыкамыш, а не наш полк, который стоял в семи верстах южнее Карса. В штабе нашей дивизии считали, что 1-й Кавказский полк был более дисциплинированный, как полк линейных казаков, чем 1-й Таманский, полк черноморских казаков, который, как подлинный из поколения разрушенного Запорожского Войска — имел в своих сердцах какое-то тогда мало кому понятное “казачье свободомыслие”.

Генерал Томашевский, родом не казак, сухой формалист, недавно принявший нашу дивизию, но человек умный, опытный, с польской задорностью в характере, распорядился так: наш полк бросить на Сарыкамыш из-под Карса, а 1 -и Таманский перебросить под Карс из Сарыкамышского района.

Нашему полку приказано было ускоренным аллюром дойти в Сарыкамыш и поступить в полное распоряжение начальника гарнизона для подавления солдатского бунта. Прибыв в Сарыкамыш, полк остановился на одной из площадей, спешился, как нахлынула на него солдатская вооруженная масса.

— Товарищи казаки!., произошла революция! Царь свергнут с престола со своими министрами!., власть перешла к самому народу!., присоединяйтесь к нам!., и арестовывайте Ваших офицеров! — кричали они.

По рассказам офицеров и казаков, полк растерялся и не знал, что делать. И арестовывать своих офицеров не стал. Тогда солдаты выкрикнули:

— Укажите на негодных офицеров, и мы сами их арестуем!

Нашлись казаки, которые указали на “негодных офицеров”. Недовольство ведь всегда бывает. И были тут же арестованы:

Войсковой старшина Калугин* — временно командовавший полком.

Войсковой старшина Алферов* — командир 1 -и сотни.

Подъесаул Леурда* — его младший офицер.

Подъесаул Кулабухов* — командир 2-й сотни.

Есаул Авильцев* — командир 5-й сотни, и его младшие офицеры.

Хорунжий Романов* и

Хорунжий Уваров*.

После этой бескровной, но грубой экзекуции Солдатов над офицерами полка полк был отпущен в свое село Владикарс, оставив в тюрьме Сарыкамыша семь своих офицеров. Его и привел во Владикарс старший в чине и помощник командира полка войсковой старшина Пучков*. Обо всем этом во Владикарсе никто ничего не знал. Пронесся лишь слух, что

арестован командир полка и некоторые офицеры, но кто именно — не знали. Здесь же оставались жены офицеров, прибывшие с Кубани, чтобы повидать и хоть немного времени пожить с ними, и вдруг... их мужья арестованы солдатами, брошены в тюрьму и полк их не защитил...

Что они, жены, тогда переживали — я, как холостой, тогда этого особенно остро не понимал. Как к единственному офицеру здесь все они бросились ко мне — узнать, выяснить, помочь. Легко сказать — не только что помочь, но и узнать-то не было возможности. Жуткое состояние было супруги Калугина, нашей старшей дамы полка, природной казачки станицы Дмитриевской, рожденной Копаневой.

К вечеру ближайшего за катастрофой дня наш полк подходил к селению Владикарс. С Феодосией Игнатьевной Калугиной и с Лидией Павловной Маневской мы вышли на южную околицу села, чтобы как можно скорее узнать — при полку ли их мужья? Так просили они меня, чтобы я был с ними в эти жуткие часы “подхода полка”.

Словно после жестокого поражения возвращался наш славный полк в село Владикарс — хмурый, злой и... страшный. Полка было не узнать. И он входил в село без песен, как небывалое дотоле явление. Мрачно и безучастно шел впереди полка в седле войсковой старшина Пучков. Мы трое болезненно вперили в него свои взоры, желая как можно скорее узнать, кто же арестован? Иль это неправда?

В колонне “по три” полк растянулся очень длинно по шоссе-дороге, и мы видим только его “голову”. Но Пучков, подъезжая к нам, как-то странно поклонился своим полковым дамам, словно хотел подчеркнуть перед казаками, что “я с этими дамами мало знаком и никакого отношения не имею”. И хотя Пучков был человек флегматичный, и добрый, и хороший в жизни, но такое невнимание к своим полковым дамам в этот момент еще больше расстроило Калугину, и она заплакала. Маневская, женщина с живым характером — она еще острее вперила свой взгляд в длинную колонну полка, чтобы как можно скорее убедиться — стоит ли во главе своей третьей сотни ее любимый Жорж — войсковой старшина Маневский* иль тоже арестован? Он не был арестован.

1-я сотня, головная, наполовину состоявшая из моих станичников-сверстников, сбитая, лихая, храбрая и озорная, — она проходила мимо нас мрачно, молча и, как мне показалось, некоторые казаки бросали на нас свои взгляды не особенно дружелюбно. Меня это неприятно покорило. Но когда в хвосте сотни провели в поводу при седлах верховых лошадей Алферова и Леурды, так мне хорошо знакомых, но всадников не было, — я понял, что произошла большая психологическая катастрофа в полку, от которой нельзя ждать добра.

Молча, сурово-напряженно, сотня за сотней так дорогого нам и любимого полка прошли мимо нас, с офицерскими лошадьми в хвосте почти каждой, при офицерских седлах, но без седоков-офицеров, и молча же разошлись по своим квартирам. Я уже не помню, как мы все трое дошли до своих квартир. Жуткий и незабываемый был этот день “первой встречи” с родным полком в первые же дни революции. 115-летнее существование 1-го Кавказского полка в Императорской России закончилось навсегда.

По новому “положению в армии” должны быть избраны сотенные и полковой комитеты. В полковом комитете должны быть два представителя от офицеров. Собрались мы и не избрали, но просили быть войсковому старшине Маневскому и сотнику Бабаеву (сыну)*. Оба офицера спокойные, разумные и уважаемые казаками. По тому же “положению” — делегаты от сотен и команд полка, как и офицеров — в своей среде выбирают

председателя и секретаря. Здесь замечен был характерный психологический сдвиг в умах казаков. Несмотря на то, что Маневский был признан не только офицерами, но и казаками выдающимся, честным и отличным офицером, — собрание делегатов председателем избрало все же казака, старшего медицинского фельдшера полкового околотка Куприна, станицы Новопокровской, а войскового старшину Маневского избрали секретарем полкового комитета. Это нас задело.

— Как ты мог согласиться на это? — возмущенно спрашиваю я Маневского, своего бывшего командира сотни в течение полутора лет войны.

Умный и серьезный Маневский посмотрел на меня и спокойно, но с некоторой духовной напряженностью ответил:

— Видишь, Федя, — произошла революция. Полковой комитет — выборные люди. С этим надо считаться и согласиться. Вот почему я и согласился быть секретарем в нем, раз меня избрали.

Довод Маневского был справедлив. Фельдшер Куприн оказался очень серьезным председателем, с мнением которого считался полк и который работал только на укрепление порядка и дисциплины в полку.

Особенно похвальную роль играл сотник Паша Бабаев. И полковой комитет в своем составе вел себя достойно. И никаких эксцессов в полку со своими офицерами уже не повторилось, даже и после октябрьской революции.

Но как бы то ни было, все мы, офицеры, посчитали, что это произошел “солдатский бунт”, не больше, и замкнулись в своей среде. Некоторые командиры несколько дней не выходили в свои сотни, передавая все распоряжения через вахмистров. Было как-то стыдно теперь встречаться с казаками и называть их на “Вы”, что было противно даже самому казачьему станичному нутру. Казаки сами стеснялись этого, остряли над собою, считая такое обращение смешным, лишним и неудобным.

Интересное явление: офицеры должны называть всех казаков на “Вы”, тогда как урядники продолжали называть казаков по-старому на “ты”, а они их, урядников, также по-старому называли на “Вы” и по имени и отчеству.

Мое положение полкового адъютанта оказалось очень тяжелым. Если другие офицеры буквально не выходили из своих хат, то я должен быть безотлучно в полковой канцелярии. В нее посылались такой ворох разных казачьих денежных претензий, что трудно было понять, куда это делся тот молодецкий казак полка, которого мы привыкли видеть за все эти долгие годы службы и войны? Дошли до того, что потребовали деньги за “недоеды” и “фуражные деньги”, мотивируя, что в Турции казаки не получали полный свой паек, а лошадей полк кормил “не полностью”.

Полковая канцелярия “не изрыгала особенных истин”, стояла на точке зрения закона, выполняла все своевременно и безо всяких задержек. Авторитет полковой канцелярии оставался нерушимым. Должен подчеркнуть, что абсолютно все писари строевой и хозяйственной канцелярии восприняли революцию не только что спокойно, но, пожалуй, и с усмешкой. А когда “навалились” несуразные денежные требования казаков, явно противозаконные, о чем писари знали лучше офицеров, они внесли даже юмор в свою работу и, к их чести, работу выполняли так же добросовестно и любовно, как и прежде, хотя ее прибавилось вдвое.

Начались бесконечные митинги, но они были не политические, а хозяйственные, на которые являлось не больше сотни казаков из всего полка, а потом и они надоели.

Казаки давно и сильно волновались за свои вещи, оставленные в цейхгаузах в Мерве, где была мирная стоянка полка. У каждого казака остались там сундуки с парадной формой одежды (черная черкеска, красный бешмет и высокая черная папаха для парада) и другие ненужные на войне вещи. Почти у всех урядников остались там серебряные кинжалы с поясами. Их требования были вполне справедливыми. Так думали и мы, все офицеры. Канцелярия немедленно же заготовила соответствующие документы, и группа казаков во главе с урядником выехала в город Мерв Закаспийской области.

Большинство казаков, в особенности урядники, революцию восприняли отрицательно и не выходили на митинги, чтобы “не потерять свое лицо”. Когда же приехала из Карса какая-то солдатская делегация на грузовом автомобиле с красными флагами, чтобы приветствовать казаков “с революцией”, то мы не позавидовали бедному Куприну, которому надо было “улащать” их революционными словами и стыдиться на их упрек — “почему так мало казаков пришло на митинг”?

Казаки вообще не любили солдат, а “красный флаг” для них был одно оскорбление, связанный только с шахтерами, с солдатами и вообще с “мужиками”, которые вечно “протестовали” против правительства.

Должен подчеркнуть, что ни один казак нашего полка за все месяцы революции не одел на себя “красный бант”, считая это позором для казачьего достоинства.

Мои вестовые казаки

Денщик Иван Ловлин, станицы Казанской — еще из Мерва, перед войной. Он дальний мой родственник по матери, которая также казачка станицы Казанской, из многолюдной семьи Савеловых “деда Петра”.

Конный вестовой Федот Ермолов, станицы Расшеват-ской, с начала 1915 г. Оба мои сверстники летами. Преданные казаки своему “пану”, как офицер назывался в кубанских станицах. Всю Турецкую войну неразлучно со мной. Ермолов 3-й сотни, где я был полтора года младшим офицером. Во всех разведках рядом со мной. Под Мемахатуном ранен. Имеет две Георгиевских медали “За храбрость”. Сам Мистулов, наблюдая его, произвел в звание приказного (ефрейтора). Отличный ездок и стройный, скромный казак. Под Баязетом в 1915г. потерял своего дивного коня. Отец купил ему нового, годного под офицерское седло. Это были два очень доверительных моих казака, даже в “интимных” моих холостяцких “экскурсиях”. И их теперь я должен называть на “Вы”?.. Таков был новый закон.

Занятый весь день в канцелярии, приходя в свою комнату, я старался как можно реже видеть их и как можно короче разговаривать. А если отдавал распоряжения, то старался называть все в третьем лице: “надо сделать то-то... надо оседлать коня... надо вызвать такого-то казака” и прочее.

— Слушаюсь, господин подъесаул, — отвечали они смущенно и так же, как можно скорее, выходили из моей комнаты.

В один из вечеров, когда я мрачно настроенный сидел у себя, услышал какой-то неестественный шепот за дверью. Потом стук в дверь и слова жуликоватого своего Ивана Ловлина, прозванного “Абдулла”:

— Господин подьесаул — позвольте зайти?

— Заходите, — глухо отвечаю.

Они вошли оба, в черкесках, при кинжалах, Ермолов при шашке и папахах. Взяв под козырек, Абдулла заявляет смущенно:

— Господин есаул — позвольте доложить? Мы с Федот Иванычем просим не называть нас на “Вы”, потому что нам стыдно.

Встав со стула и смотря им в глаза, заявляю (нарочно), что этого я сделать не могу, так как произошла революция, теперь мы все равны и я даже за такое самовольство могу быть преследуем полковым комитетом.

— Никак нет — а мы не желаем! — одновременно произнесли они очень громко. — И нам стыдно от этого перед Вами, господин подьесаул, — как-то словно умоляюще произнесли они.

Я их понимал и не стал уж беречь их души. Поблагодарил, налил им по чайному стакану водки и они, “махнув” ее одним духом, пошли закусить к хозяйшке, старушке-молоканке. Я думаю, что такое движение души было очень у многих казаков, в особенности у урядников, но в революционной стихии, разнесшейся по всей стране, было уже непоправимо.

Через год, в гражданской войне, мы всех своих казаков и урядников называли на “ты”, что являлось нормальным взаимоотношением.

Судьба моих вестовых. В гражданской войне денщик Иван Ловлин поступил в строй и был убит в степи уже при большевиках. Федота Ермолова, по новому закону при Керенском, 2-я сотня, которой я командовал, своим собранием представила в младшие урядники с оставлением на положении “конного вестового”. В гражданской войне, находясь в рядах 2-го Кавказского полка, награжден был Георгиевскими крестами 4-й и 3-й степеней, получил последовательно звания — старшего урядника, вахмистра, подхорунжего. Под Великокняжеской, в конной атаке, был тяжело ранен в ногу и получил чин хорунжего. Нога сохла, и он остался неизлечим. В строю отступал до самого Адлера, что на Черноморском побережье, и там остался в составе капитулировавшей Кубанской армии. Красными был сослан куда-то на север, и дальнейшая судьба его мне не известна.

Своим вестовым — Ивану Гавриловичу Ловлину и Федоту Ивановичу Ермолову и другим незаметным героям Кубани — я с братского любовью посвятил эти свои строки.

Освобождение офицеров. Войсковой старшина Калугин

Мы, старшие офицеры тогда, чувствовали себя глубоко оскорбленными арестом офицеров полка и председателю полкового комитета фельдшеру Куприну поставили ультимативный

вопрос: “во что бы то ни стало — освободить их”, что зависело исключительно от ходатайства полкового комитета.

Куприн очень разумный казак, высокий, стройный, крупный, представительный, очень авторитетный среди казаков как полковой фельдшер и как умный и серьезный человек, воспринявший революцию в силу случившегося, обещал все, что в его возможностях, сделать. Он объехал все сотни, и каково же было его удивление, что сотни, офицеры которых были арестованы, вынесли также ультимативное свое решение, от которого не хотели отойти:

1 -я сотня требовала совершенного ухода из полка своего командира войскового старшины Алферова и своего младшего офицера подъесаула Леурды.

2-я сотня удаляла от себя своего командира подъесаула Кулабухова, но не настаивала на удалении из полка.

5-я сотня согласилась принять к себе обратно своего командира сотни есаула Авильцева, но требовала удаления из полка своих младших офицеров хорунжих Романова и Уварова.

Весь полк решил вернуть на прежнюю должность временно командира полка войскового старшину Калугина.

Со всеми этими постановлениями делегация от полка, во главе с Куприным, на полковом грузовичке выехала в Сарыкамыш. Делегация с освобожденными офицерами вернулась назад в тот же вечер.

На открытом грузовичке, забрызганном грязью, к штабу полка подъехала мрачная группа казаков. Среди них семеро небритых в течение двух недель, истомленных душевными муками, оскорбленных, униженных и придавленных революционными событиями людей...

Те семеро были наши родные офицеры полка, с которыми мы были так близки и которых так хорошо знали и любили. Среди них своею могучею фигурою с впалыми глазами, с исстрадавшимся лицом, еще более поседевший в свою бороду — могиканин полка, 50-летний войсковой старшина Калугин — командир полка. Жуткая картина. Все семеро в черкесках нараспашку, в погонах, но без оружия. Прибыли стоя, на грузовике, словно для казни, на эшафоте... “Арестанты”... арестанты самые настоящие и неподдельные... Это были долгие и боевые офицеры своих казаков, а теперь — горькая чаша питья революции...

На них страшно было смотреть. Прибежавшие полковые дамы бросились в слезы. А старшая из них, Феодосия Игнатьевна Калугина, исстрадавшаяся по мужу, в черной косынке простой казачки — она в мертвой хватке повисла на груди мужа.

Многие казаки полка стояли и мрачно, стыдливо молчали. Говорить, действительно, было не о чем! И несмотря на это — некоторые сотни твердо стояли на своем и не хотели принимать к себе некоторых офицеров, прибывших из-под ареста.

Телеграммой в Екатеринодар запросили свой Кубанский Войсковой штаб — что делать с офицерами, удаленными по настоянию казаков? И получили ответ: командировать в Персию, в Отдельный Кавалерийский корпус генерала Баратова.

Подъесаул Леурда Николай был окончательно “смят” событиями. У него словно отнялся язык. Хорошо воспитанный, хорошей ученой семьи, гордый и благородный — он был выбит из колеи и говорил нам, сверстникам, только о смерти, которую он произведет над собою сам. И ровно через год он застрелился в Екатеринодаре. “Вина” его перед казаками 1 -и сотни была в том, что он был “далеко от народа” и со своими казаками, кроме служебных взаимоотношений, духовного общения не имел.

Войсковой старшина Алферов... Тяжело мне писать о нем, но, будучи его помощником в полковой учебной команде в 1913-1914 гг., я сам страдал за казаков, за его грубое, оскорбительное с ними обращение. Молодым офицером умел широко кутнуть с казаками, теперь же он болен, зол и придирчив к казакам. Над ними — большой сквернослов. Маленький, сухой, шупленький, с тонкими правильными чертами лица, с темной бородкой, подстриженной “под черкеса”, одевался также чисто по-черкесски — он и был похож на черкеса. И из этого маленького тела исходил голос “иерихонской трубы”, в особенности когда он в конном строю ругал казаков неприличными словами, но... подчиненные казаки его совершенно не боялись. Такая странность. Казаков своей учебной команды в 35 человек, за восемь месяцев обучения, — по фамилиям знал не более половины. Перед войной, приняв 1-ю сотню, — по фамилиям знал только урядников, да и не всех. По лицам не знал казаков своей сотни, почему они его не раз и обманывали, выдавая себя за казака “другой сотни”. Абсолютный бессребреник и ни государственной, ни казачьей копеечкой никогда не воспользовался. В общем, оригинал, проявления которого во многих случаях его личной жизни и службы просто анекдотичны. Он совершенно не мог понять, за что его арестовали казаки и удаляют из полка? “Я их так любил...” — только и мог он как-то сказать в нашем кругу офицеров, будучи уже “опальным”, и фатально ехал в другой полк, в полную неизвестность. “Все равно, где служить... лишь бы служить”, — были его последние слова нам, его сослуживцам и соратникам.

Большой поклонник всего кавказских горцев — он почему-то сам предложил купить у него очень легкое по весу и изящное седло “калаушинской работы”, назвав сумму в 150 рублей. “Пусть будет Вам на память обо мне”, — добавил он, чем показал, что он меня ценил, хотя за 8 месяцев пребывания в учебной команде под его начальством он никогда не назвал меня по имени и отчеству, называя только “по

чину”. Странное уважение и “оценка” своего подчиненного офицера.

Неизвестно, за что был арестован командир 5-й сотни есаул Авильцев, исключительно заботливый о своих подчиненных и теперь вновь приглашенный командовать своей сотней. Вернее — как допустила сотня арестовать солдатом своего командира сотни. Думаю, казаки просто растерялись тогда перед солдатскою вооруженною бунтарскою массою.

Хорунжий Романов, будучи на льготе урядником “третьей очереди”, по мобилизации вошел в свой 3-й Кавказский полк (третьеочередной) на Турецкий фронт. После школы прапорщиков назначен в наш полк, куда прибыл летом 1916г., и зачислен в 5-ю сотню, половина казаков которой состояла из его станичников, с которыми он обращался слишком “по-начальнически”, даже с вахмистром сотни и взводными урядниками-станичниками: Жученко, Дереза, Бесединым. Эти урядники по своей грамотности были

равны ему, а по знанию и опыту военной и боевой службы “первоочередного полка” — стояли выше его. Станичники же его и удалили из полка.

Хорунжий Уваров прошел стаж службы, как и Романов, и удален из сотни по тем же причинам.

Странное явление было: все эти офицеры прожили в полку еще несколько дней и казаки, встречаясь с ними, отдавали положенную воинскую честь им, словно ничего и не случилось.

Войсковой старшина Калугин после освобождения вновь вступил в командование полком, но оскорбительный арест смял душу этого бывшего могоканина полка. Он стал беспомощным и боязливым, и, если надо было подписать что-либо серьезное, он неизменно спрашивал: “Как по-вашему, Ф.И. — это ничего?” “Все здесь правильно, Степан Егорович”, — всегда успокоительно отвечал ему.

А не он ли был всегда целитель полка! И не он ли так чутко-глубоко знал все нужды полка? С его мнением считались и Мигузов, и Мистулов, так как он 25 лет служил в родном полку. Он знает все радости и болезни полка, и знает их так, словно свое тело, свою семью. На казака никогда не накричит, не обидит его, и, если казак провинится, он подзовет к себе, образно все расскажет, непонимающему — покажет; и все сделает ласково, по-отечески.

Казаков своей сотни он любил, как хороший отец любит свое большое семейство. Он отлично знал, что творилось в желудках лошадей и в мозгах казаков, и казаки относились к нему с полной сыновнею любовью. Преданная жена-друг и три сына, воспитанники Владикавказского кадетского корпуса, украшали его жизнь и службу. И теперь такая величина полка, Калугин осторожен в подписи каждой официальной бумаги, исходящей от него как временно командующего полком.

Главными двигателями всей жизни полка теперь были полковой комитет и полковая канцелярия, и командир полка своей подписью только фиксировал все то, что ему преподносили, но он и здесь боялся дать свою подпись! Жуткая трагедия офицера!

Новая присяга. Маневский. Таманцы

С Турецкого фронта, через Сарыкамыш, немедленно же ринулись толпы солдат-дезертиров, заполнивших все поезда и крыши вагонов. Из Карса, от совета и строевого начальства, через штаб нашей дивизии, пришло распоряжение: “От 1-го Кавказского полка на станцию Салем выставить заставу в один взвод конных казаков под командой урядника, с заданием — “С поездов силою снимать дезертиров”.

Застава выставлена и начала действовать, но на казаков посыпались оскорбления и угрозы: “Ка-ак?.. Оп-пя-ать?.. Как в 1905 г.!.. Народ усмирять?.. Душить свободу!.. Нагаечники!.. Опричники-казаки!.. Мы вам покаж-жем!”

Казаки искренне негодовали и на солдат-дезертиров, и на новую власть: “Почему это опять посылают казаков как бы на усмирение, задерживать солдат-дезертиров? Мы революцию не делали! У нас своих дезертиров-казаков нет! Дезертируют только солдаты, так и пусть Каре выставляет от себя свои “солдатские заставы”, — говорили казаки.

Каре распорядился, чтобы урядник, возвращаясь с заставы со своим взводом, о результатах докладывал бы полковому адъютанту, и полк доносил в высшую инстанцию. Через два-три дня из заставы вернулся со своим взводом старший урядник 3-й сотни Роман Гнездилов, казак станицы Тифлисской. По линии своего отца и нашей бабушке — он доводился мне дальним родственником. Урядник был умный и разговорчивый. Все офицеры и казаки хорошо его знали — Романа для офицеров, а для казаков — Роман Андреевич. Полтора года на войне я был его начальником в должности младшего офицера этой сотни.

Гнездилов доложил мне все, что пережили и передумали казаки заставы. Он просил меня внушить командиру полка и полковому комитету, что в интересах казаков и полка во что бы то ни стало заставу снять и отказаться от этого унижительного назначения, иначе будет или бунт казаков, или перестрелка с солдатами-дезертирами.

Революция уже дала свою гнусную “отрыжку”, которая так возмутила казаков нашего полка. Карсу было соответственно донесено, и застава была упразднена, но “солдатская”, конечно, не назначена.

В войсках прошла волна “пораженчества”, с лозунгом “Мир без аннексий и контрибуций”. Казаки полка в этом совершенно не разбирались, где на четыре слова всей фразы — два были иностранных, но они в частных беседах с некоторыми офицерами, в особенности урядники, точно нам говорили, что “дисциплины нет... народ устал... надо кончать войну”.

Мы, абсолютно все офицеры, которые революцию приняли за “солдатский бунт”, — мы думали еще более определенно, чем казаки и урядники: армия разложилась и с ней воевать дальше невозможно. И если наш полк, такой всегда молодецкий, гибкий, подтянутый и послушный, теперь совершенно вышел из рук своих офицеров, то о солдатских полках и говорить нечего! Поэтому мы, все офицеры полка, в своих интимных беседах откровенно говорили, что “надо кончать войну всеми возможными способами”.

От Временного правительства пришел приказ-воззвание к войскам, что “война должна продолжаться до победного конца, в полном согласии с союзниками”. Одновременно приказано произвести присягу этому Временному правительству. Все это привез в полк наш командир 1-й бригады дивизии генерал-майор Филиппов*, родом терский казак.

По этому случаю полк был построен в пешем строю, в резервной колонне. Перед строем казаков Филиппов сказал очень хорошую речь, а потом приказал мне прочитать и воззвание, и присягу. Воззвание длинное, уговаривающее. Было очень тепло. Даже жарко. Читая, я изредка бросал взгляды на строй казаков, чтобы наблюдать — какое впечатление оно производит на них? И видел: казаки небрежно стояли в положении “смирно”, чуть опустив головы, и все это не доходило до них — ни до ума, ни до сердца. В позах передних шеренг я видел “лень слушать” мое чтение... И уверен, что они, слушая чтение, думали так: “И зачем все это? И из-за этого нас вот выстроили на солнце, и так нудно и лениво стоять и слушать... Скорее бы адъютант окончил читать, и распустили бы нас по квартирам...”

Только люди, совершенно незнакомые с психологией воинской дисциплины, могли думать, что подобными воззваниями или присягой “коллективу” можно двинуть в бой эти так быстро разваливавшиеся воинские части, на подвиг, на жертвы, на смерть... В организме армии вырван главный стержень — дисциплина. Это равносильно тому, чтобы

в сложном техническом механизме был удален главный “винт-двигатель”. Присяга же Временному правительству, даже и в умах казаков, была какой-то шуткой.

...3-я сотня хочет попрощаться со своим бывшим командиром и через вахмистра просит меня доложить Маневскому. Оскорбленный за арест офицеров — он отказался. Все же — уговорил. Сотня квартировала в двух верстах южнее Владикарса. Верхом на лошадях поскакали туда. Она встретила нас в пешем строю. Спешились, подошли к ней.

— Здравствуйте, братцы! — как всегда сердечно произнес Маневский.

— Здравия желаем, господин войсковой старшина! — ответило свыше 120 ртов, и все вперились глазами в своего командира всех лет войны, умного, честного и бессребреника, ожидая — “что он скажет на прощанье”?

— Соберитесь в круг возле меня, — запросто сказал он, и сотня быстро, “на носочках”, охватила его своим кругом черкесок и папах. Сказав несколько слов о революции, просил оставаться дисциплинированными и потом повел глазами “по первым рядам”, словно желая навсегда запечатлеть в себе тех, которых любил, как своих младших братьев. Никого зря не обругал и человеческого достоинства в них никогда не унизил. И стоят впереди — вахмистр сотни подхорунжий Нешатов Никон с тремя Георгиевскими крестами, казак станицы Казанской; взводный урядник Терешин Куприян с двумя Георгиевскими крестами, казак станицы Кавказской, с кем я сидел на одной парте в станичном двухклассном училище и которого я боялся, как сильного и твердого старовера. По грамотности и развитию в другом полку он давно должен бы быть прапорщиком, но в нашем полку — ни один из взводных урядников не был допущен в школы прапорщиков. Да никто из них и не стремился; и как вышли на войну взводными (старшими) урядниками, в том же звании многие и вернулись домой после трех с лишним лет войны.

Вот стоят три взводных урядника с Георгиевскими крестами, все казаки станицы Тифлисской — Асеев, Гречишкин, Гнездилов. Первые два с законченным двухклассным образованием, окончили Ташкентскую окружную гимнастическо-фехтовальную школу.

Стоят два родные брата урядники Сычевы, станицы Дмитриевской. Старший Трофим, раненный на склонах Большого Арарата, — отказался эвакуироваться из-за коня, лучшего в полку кабардинца, нарядного и прыткого, как лань.

Не перечислишь всех молодцов. И мне они дороги не менее чем Маневскому. Полтора года в сотне на войне. Разъезды через день. Взводы, группы казаков в разъездах менялись, а мы с Леурда, два хорунжих в сотне, — в разведку через день за 10-20 верст “в неизвестность” меж гор, валунов и через речки, ручьи, порою по тропинкам “в один конь”.

— В лице вахмистра сотни, подхорунжего Нешатова — обнимаю вас, братцы! — сказал громко Маневский, подал руку Нешатову, обнял и поцеловал в губы. И под клики “ура” широкой рысью мы покинули нашу родную сотню. На душе чуть-чуть повеселело.

Арест офицеров солдатами в Сарыкамыше нас глубоко оскорбил. В особенности обидно было за Калугина. Его, конечно, солдаты арестовали просто как главу полка. Но это не оправдывало казаков, что они не отстояли именно главу полка.

В 1920 г., уже не связанный воинской дисциплиной, я спросил своего станичника, друга детства и сверстника летами, вахмистра Егора Крупа:

— Арестовали бы солдаты командира полка полковника Мистулова?

— Ник-когда бы полк не допустил до этого! — как-то с особенным жаром и уверенностью ответил мне Егор.

— Почему? — допытываюсь я.

— Не знаю, Федор Ваныч... но не допустили бы казаки! И вообще — случилось бы что-то другое, — отвечает он с тем же жаром.

— Что же именно случилось бы, Егор? — настаиваю.

— Не знаю “что”, но его бы не дали казаки арестовать, — твердит он.

Таково было обаяние замечательного командира нашего полка. Я не стал его больше допрашивать, но, зная Мистулова, думаю, когда солдаты нагрянули на полк, он бы в секунду посадил полк в седло и скомандовал бы: “Шашки — к бо-ю!” И если бы этим не устрасил вооруженных солдат — то “проломился” бы с полком мимо их толп и увел бы полк.

Калугин, не сомневаюсь, — растерялся. В боях — он был твердый, умно распорядительный и лично храбрый.

Большую роль в успокоении солдат и спасении наших офицеров сыграл Генерального штаба подполковник Караулов, терский казак, родной брат будущего Терского Атамана 1918-1919 гг. Он был в Сарыкамыше начальником штаба гарнизона. Это говорили сами же наши арестованные офицеры. Он сохранил полностью их оружие — кинжалы, шашки, револьверы и потом прислал в полк.

Странно и обидно, что из всей нашей дивизии именно один наш полк попал в жаркую перепалку в первые же дни революции, и лишь потому, что в штабе дивизии считался самым дисциплинированным, почему его и послали в Сарыкамыш для усмирения взбунтовавшихся пехотных полков.

“Кавкаи службисты!., дисциплину любить!.. Всэ пэрэд начальством тягнуца”, — острили над нами наши же однобригадники офицеры 1-го Таманского полка. Острили, конечно, не зло, но доля правды была. В нашем полку шегольство было “под горца Кавказа”, а отсюда и лихость, и молодечество, живость в исполнении воинской дисциплины, соревнование в танце лезгинка, а отсюда — легкие чевяки, затянутый стан узким кавказским поясом, небольшие папахи, сдвинутые на брови, бритая голова.

У таманцев же — порядок больше бытовой, от запорожского казачества больше, чем от воинской дисциплины. Лучший у них танец — это гопак. Любят они танец полька на пару, с пристукиванием каблуками по полу и с прибауткой “а-ча-ча!” в такт. Танец лезгинку они психологически не понимали, почему не только что ее не танцуют, но и не любят ее.

Казак-таманец и в летнюю жару любит одеть на себя “кожух” (овчинный строевой полушубок) и быть в нем нараспашку. Папаха большая, с заломом и чтоб выглядывал из-

под нее, спереди, “чубок”. Казак-таманец своего офицера не боялся, а каждый казак для офицера был “дядько” (ударение на “о”). Это чисто украинское обращение к тому, кого не знаешь по фамилии.

Войсковой старшина Белый вскоре уехал из полка. Его заменил войсковой старшина Закрепа*. Это был старый матерый таманец-запорожец, и психологией, и видом. Умел с казаками выпить. На коне, в косматой “заломленной” папахе, чуть набекрень, на дивном своем коне — белом иль гнедом, с запорожскими усами — с него пиши картину. Говорили, приняв временно полк, он выехал к нему верхом и сказал приблизительно такую речь:

— Хлопци!.. произошла революция... тэпэрь уси свободни... а мы будэмо жыты по-старому. Понятно?

— Так тошно, понятно, господин войсковый!

Остальные полки дивизии и обе батареи стояли также далеко от Карса, и их события не коснулись так близко, как наш полк, отдохавший всего лишь в семи верстах от Карса.

Фельдшер Куприн, сотник Бабаев и казак Маглиновский

Куприн — казак станицы Новопокровской. Видный ростом, старший фельдшер полкового лазарета еще с мирного времени, отлично знавший свое фельдшерское дело, влюбленный в воинскую дисциплину, всегда почтительный к офицерам, — он, по своему положению “нижнего чина”, казалось, должен был отстаивать интересы казаков. Но “их интересы” иногда настолько выходили из границ положенного, что он никак не мог идти с ними “в ногу”. Как осторожный человек, он порою не только что требовал для казаков, но и объяснял, внушал им, “чего нельзя требовать”. Событиями же и вне своего желания выдвинулся в полку как “казачий трибун”, который один только знал, что надо делать и что нельзя, и казачья масса его слушала. Он, конечно, лучше всех понимал “нутро” казака.

Как грамотный человек, имевший дело с докторами, мозгами он стоял выше казаков на целую голову. Через него прошли сотни больных и раненых казаков. К своей специальности фельдшера он относился очень серьезно и во всякую болезнь казака вникал сердечно, стараясь ему помочь, что давало ему авторитет в полку. Революцию воспринял он разумно и не очаровывался ей.

В успокоении полка ему помогал молодой сотник Павел Бабаев, член полкового комитета от офицеров, оказавшийся хорошим оратором, спокойным, логичным и умным офицером. Бабаев, после окончания Владикавказского кадетского корпуса, поступил в Константиновское артиллерийское училище уже во время войны. Окончив училище, он вышел не в артиллерию, а в наш полк, прапорщиком, “для совместного служения с отцом”, как официально позволял закон, куда и прибыл в мае месяце 1915 г. в город Ван, в Турцию. Его отец, Иван Бабаев*, был начальником полковой команды связи и только в чине подьесаула. В Императорской армии офицерские чины “запросто” не давались. В 1-м Таманском полку служил его родной дядя, сотник Василий Бабаев*, командир 5-й сотни, через год Георгиевский кавалер. Бабаевы считались умными и серьезными офицерами. Отец Бабаева имел очень много детей, и Павел был вторым по рождению. Его дядя был холост.

Будучи младшим офицером в сотне подьесаула Манев-ского, — он многое перенял от умного и благородного своего командира. Обладая музыкальными способностями и густым дивным баритоном, он хорошо поставил сотенный хор песенников. Сердечное обращение со своими казаками, конечно, не могли не знать казаки других сотен. Кроме того, он был очень молод, не был заражен дисциплиной мирного времени, был скромен, благороден и добр, но серьезен. Из всех офицеров полка только я один был с ним на “ты”, почему в эти дни он часто заходил ко мне как к полковому адъютанту, чтобы посоветоваться по разным вопросам для проведения их в жизнь через полковой комитет. Считался с ним и председатель полкового комитета Куприн, и, собирая казаков на митинг, они выступали на нем рука об руку.

Должен еще раз подчеркнуть, что это не были “митинги” революционного характера, а были обыкновенные собрания во дворе какого-нибудь молоканина. Комитет стоял на подводе или на случайном возвышении, и Куприн и Бабаев рассказывали — что сделано и что еще можно сделать или чего нельзя делать. Это были семейные полковые беседы перед сотней, не более, казаков. В принципе — казаки не любили митингов.

Казак Петр Маглиновский. Он прибыл в полк в 1916 г. и приходился родным братом хорунжему Ивану Маглиновскому*. Они казаки станицы Брюховецкой Кавказского отдела, но Черноморского полкового округа. Богатой семьи. Отец, войсковой старшина в отставке, имел офицерский участок земли в юрте своей станицы. Несмотря на это младший брат не захотел учиться и был уволен из кадетского корпуса, не получив и прав вольноопределяющегося 2-го разряда. Хорунжий Маглиновский о брате отозвался как о “лентяе и шалопае”, но, любя его, просил меня “наглядывать” за ним, так как сам он находился при штабе дивизии в качестве обер-офицера для поручений с самого начала войны и не мог следить за братом.

На меня его брат произвел неприятное впечатление. Как и брат, он был красивый brunet, но в глазах было что-то испорченное. Говорил он со мной независимо и решительно, отказался быть писарем в канцелярии или ординарцем, заявив быть только в строю и рядовым казаком, кем он и был в действительности. При случайных встречах я никогда не видел его хорошо настроенным. Он был или разочарован в жизни, или озлоблен на всех “вышестоящих”, как мне казалось тогда. Когда же случилась революция, я думал, что он возьмет “левый крен” и будет мстить всем вышестоящим, т. е. нам, офицерам. Вышло же наоборот. С черными глазами и с матовым лицом, он стал кумиром в своей 5-й сотне и своим баритональным голосом, своим спокойствием и логикой, словно косой, срезал и останавливал заблуждающихся.

Казаки сотни звали его “Петя”. На митингах он спокойно стоял среди казаков своей сотни и внимательно слушал говоривших “с трибуны”. Одет был всегда просто, как и все казаки, часто в казачьей шубе нараспашку. И вот, когда казаки заходили в “тот тупик”, из которого сами не могли вывести заключения, — 5-я сотня обыкновенно обращалась к нему с такими словами: “Петя!.. Скажи ты — как быть?” И Петя, немного подумав и взвесив все, отвечал из толпы же, грамотно, хорошо, разумно, иногда помогая пальцами правой руки фигурально выразить эту образность. В большинстве случаев все шло так, как он это преподносил. Это была его большая заслуга перед полком.

В 1919 г. я обнаружил его рядовым казаком в своем Корниловском конном полку, коим командовал. Никто не знал его прошлого. В одном бою красная шрапнель разорвалась над нашими коноводами, и единственный казак, который был убит, — это был Петр Васильевич Маглиновский.

—Убило ли кого? — выкрикнул командир сотни.

—Та Маглыновського... и тикы одного, — ответил вахмистр сотни из коноводов нам, офицерам, стоявшим на курганчике.

Меня это так сильно тогда кольнуло в душу! Погиб именно тот казак, кто так умно отдавал всю свою моральную силу на борьбу с красными еще тогда, когда слово “большевик” было неведомо казакам.

В том же году его старший брат есаул Маглиновский, наш любимый всеми Ваня, “красная девица”, прозванный так полковыми дамами еще в мирное время, был убит в бою в Саратовской губернии, находясь в одном из полков родного войска. Им командовал, кажется, полковник Гетманов*, затем генерал.

Подъесаул Кулабухов

Больше всех мне было жаль подъесаула Владимира Николаевича Кулабухова. Это был во всех отношениях отличный офицер. Мы знали, что у него немного тяжелый характер для казаков — он властный и службист. Получалось дикое положение: 2-я сотня не удаляла его из полка и не оставляла в сотне на должности. Было тяжело смотреть на бывшего гордого офицера, теперь беспомощно фланирующего от своей квартиры в полковую канцелярию и... обратно.

— Ну, куда я поеду теперь, Ф.И.?.. В какой полк?.. И что я там буду делать?! — вздыхал и откровенничал он мне. Его душа была разбита, измята в лучших своих воинских и офицерских пониманиях.

После Екатеринодарского реального училища он окончил Елисаветградское кавалерийское училище в 1912 г. и хорунжим вышел в 1 -и Запорожский полк, имевший стоянку в городе Кагызмане Карской области. Произошло увлечение одной полковой дамой, и он должен был покинуть полк. Общество офицеров нашего полка его приняло, и он прибыл в Мерв перед самой войной. В полку он проявил себя как отличный строевой офицер, так и отличный полковой товарищ.

Осенью 1916г., как старший в чине подъесаул среди нас, молодежи, — он принял на законном основании 2-ю сотню, наполовину состоявшую из его станичников новопокровцев. Он очень активно стал ею командовать.

— Я свою сотню сделаю как эскадрон юнкеров! — не раз он, полушутейно, высказывал нам. На это мы только улыбались, но Володя делал свое дело, что казакам, естественно, не нравилось. Для отчетливости, редко, но давал он “леща” неповоротливым казакам, а главное — “давал” своим станичникам, которые его любили, вначале гордились им, но потом обижены были в своих лучших чувствах к нему. Вот главные причины, почему сотня удалила его от себя.

Я ломал голову, как помочь этому отличному офицеру и большому другу. Быть полковым казначеем — он отказался. Назначить помощником командира полкового обоза, было стыдно предлагать.

“Я не уеду из полка! Пускай они что хотят, то и делают!” — печально сказал он как-то мне. “Хотите быть полковым адъютантом, Владимир Николаевич? А я приму Вашу сотню!” — решился я на сверхъестественную меру. “А разве это возможно? Ведь это такая почетная должность”, — неуверенно сказал он.

Адъютант, по службе и жизни полка, является буквально вторым лицом после командира полка. Так как же можно допустить на эту должность “удаляемого офицера”!

“А как же Вы, Ф.И.? Неужели Вы искренне уступаете мне должность?.. Из опальных, да на самую верхушку полка?” — все еще недоверчиво спрашивает он.

“Владимир Николаевич! По рукам! Но пока все это между нами! Без согласия командира полка и полкового комитета — этого сделать никак нельзя! В особенности последнего. Их надо подготовить. А Вы словно ничего не знаете!” — говорю ему искренне и обнимаю за плечи, по-мужски.

Калугин не допускал мысли, что с этим согласятся казаки и в особенности полковой комитет. Кулабухова, как своего младшего офицера во все годы войны, он любил, уважал и ценил. С полковым же комитетом я обещал ему говорить сам. Он согласился.

Председатель полкового комитета фельдшер Куприн был станичник подъесаула Кулабухова. Отец Кулабухова был богатый землевладелец, обрабатывал до ста десятин хлеба. Семья была большая, много родственников, и уважаемая в станице. Фельдшеру Куприну с этим считаться было надо. Станичный священник Алексей Иванович Кулабухов, глубоко уважаемый в своей станице, был двоюродным братом Володи. Их отцы родные братья. Сам Куприн уважал Кулабухова. Все это я отлично знал. Рассказав Куприну о своем плане, я просил его помощи. Он взялся руками за голову, а потом, раскрыв их и широко улыбаясь, произнес:

— Господин подъесаул... я не знаю. И поднимать этот вопрос в комитете — страшно! Вы же знаете, за что удалили Владимира Николаевича, и теперь Вы предлагаете его на самую главную должность в полку. Это просто невозможно! — ответил он.

— Я Вас прошу лично, Куприн, чтобы Вы не мешали нам. А главное, чтобы не протестовали. А если кто поднимет этот вопрос, умейте противопоставить. Полковой комитет мы запрашивать не будем. Приказом по полку подъесаул Кулабухов будет назначен полковым адъютантом. Это право командира полка. Не так ли, Куприн? Вот это-то и надо сказать Вам полковому комитету, если он будет протестовать! — продолжаю гипнотизировать я его. — В полковую канцелярию требуется активный и хорошо грамотный офицер. Кулабухов именно таков. А кроме того — я принимаю его “взбунтовавшуюся” сотню. Вы так и объясните комитету! — вливаю я в Куприна все свои доводы. — Если же мы так беспомощно поддадимся казакам в назначении на должности офицеров, то и 2-я сотня может не захотеть меня принять. Что же будет тогда? — урезониваю я Куприна.

И урезонил. И урезонил, что это не есть дело полкового комитета. На самом деле — полковой комитет “по событиям дней революции” мог не только что не допустить этого, но мог настоять перед Карским солдатским комитетом немедленно же “извлечь из полка” любого офицера, под предлогом “врага народа”.

Теперь мне надо урезонить старшего полкового писаря по строевой части вахмистра Халанского. Услышав мой план, он буквально взвыл:

— Господин подьесаул, подьесаула Кулабухова удалила от себя сотня! А Вы его хотите назначить на должность полкового адъютанта?.. То есть на ту должность, которая стоит над всеми сотнями полка!.. Он тогда будет иметь такую власть, которую не имел, будучи командиром сотни... Да и не согласится на это полковой комитет. Я-то хорошо знаю настроение казаков! — закончил он свою первую тираду слов.

Халанский был умный, честный и добрый по натуре человек. Свое дело он знал лучше любого адъютанта. Старшим полковым писарем он был уже в 1913 г., когда мы прибыли в Мерв молодыми зелеными хорунжими, и он помогал некоторым из нас составлять личные рапорты на имя командира полка. Небольшого роста, пухленький, с приятным лицом и маленькими руками — он больше подходил на штатского канцеляриста, но был всегда воински почтителен. На свой десяток писарей он никогда не накричит, а только упрекнет в чем-либо. Они его глубоко уважали.

— Не согласятся и писаря принять его, — урезонирует он меня. — Вы же знаете, господин подьесаул, какой у него характер? — добавляет он.

— Я хорошо знаю характер подьесаула Кулабухова, — теперь уже я урезониваю Халанского, — а что касается писарей, то Вашего одного слова для них достаточно и они Вас послушают, — рублю ему. Говорю ему, что Куприн будет молчать. — Я и Вас прошу только молчать, когда состоится приказ по полку о Кулабухове. — Урезонил.

Все это пишется для того, чтобы показать — как была тяжела ситуация для нас, офицеров, полная ненормальности, постигшей армию.

26 марта 1917г. был издан приказ по полку: “Подьесаул Кулабухов назначается полковым адъютантом, подьесаул Елисеев назначается командиром 2-й сотни на законном основании. О сдаче и приеме должности — донести”.

На удивление — никакого протеста ни от кого не получилось. Когда наша дивизия была уже в Финляндии, я спросил некоторых казаков трубаческой команды: “Каков их новый начальник подьесаул Кулабухов?”

“Ничего... хороший”, — был ответ... Кулабухов действительно переменялся и был отличным адъютантом.

Офицерский состав полка после дней революции

Удаленные офицеры выехали в Персию. Острых вопросов в полку уже не было. После 26 марта офицерский состав полка принял следующее положение:

Войсковой старшина Калугин Степан — временно командующий полком.

Войсковой старшина Пучков Александр — помощник по хозяйственной части.

Войсковой старшина Бабаев Иван — помощник по строевой части.

Войсковой старшина Маневский Георгий — помощник по строевой части.

Подьесаул Поволоцкий Владимир* — командир 1-й сотни.

Подьесаул Елисеев Феодор — командир 2-й сотни.

Подъесаул Винников Александр* — командир 3-й сотни.
Подъесаул Дьячевский Диамид* — командир 4-й сотни.
Есаул Авильцев Владимир — командир 5-й сотни.

10. Подъесаул Некрасов Александр* — командир 6-й сотни.

11. Подъесаул Кулабухов Владимир — полковой адъютант.
Подъесаул Мацак Гавриил* начальник команды связи.
Есаул Ламанов Петр* — командир обоза.

Младшие офицеры с законченным средним образованием и из выпусков военных училищ ускоренного курса во время войны: 14. Сотник Щербаков Иван*. 15. Сотник Бабаев Павел. 16. Сотник Фендриков Филипп*. 17. Хорунжий Субботин*. 18. Хорунжий Катасонов Михаил*.

Из школ прапорщиков: 19. Хорунжий Гончаров*. 20. Хорунжий Косульников*. 21. Корнет Кантемиров (осетин).

Бывшие урядники 3-го Кавказского (льготного) полка, окончившие школы прапорщиков и прибывшие в полк летом 1916 г. перед 2-й Мема-Хатунской операцией: 22. Хорунжий Суворов*. 23. Хорунжий Кузмичев*. 24. Хорунжий Трубицын*. 25. Хорунжий Кабища*. 26. Хорунжий Луцен-ко*.

Военные чиновники: 27. Лекарь Копелиович — старший медицинский врач. 28. Зауряд-лекарь Жуков — младший врач. 29. Гиршберг* — ветеринарный доктор. 30. Надворный советник Чирсков* — старший делопроизводитель, терский казак.

В таком составе полк был переброшен из-под Карса на Западный фронт, в Финляндию, куда прибыл в самых первых числах мая 1917г.

...Из дому получил телеграмму, что с нашей матерью произошел удар и она лишилась возможности говорить. Калугин отпустил меня. Свой полк я встретил уже на станции Кавказской.

ТЕТРАДЬ ТРЕТЬЯ

Екатеринодар. На станции Кавказской и в пути

Мы с братьями идем по Красной улице. Издали видна длинная колонна конных казаков. Гуляющая публика остановилась и ждет ее. Ждем и мы. Узнаем, что идет Конвой Государя со своими двумя штандартами, чтобы сдать их на хранение в Войсковой штаб, где содержатся все Войсковые регалии Кубанского Войска. Колонна проходит мимо шпалер публики.

Их две сотни казаков. Все одеты однообразно в черкески защитного цвета с кручеными желтыми гвардейскими жгутами на них вместо погон. Красные бешметы, обшитые желтой тесьмой, и в крупных черных папахах с красными верхами. Под всеми, словно на подбор, темно-гнедые кабардинские кони с черными гривами и хвостами. У всех холодное оружие в серебре. Офицеры одеты особенно щегольски. Под ними нарядные лошади. Седельная сбруя в кавказском серебре. Два императорских штандарта с двуглавыми

орлами на древках поверх черных чехлов парили над строем конвойцев и говорили всем, что это идет “особенная строевая часть”.

Сотни шли спокойным шагом в колонне “по шести”, абсолютно молчаливо и своим нарядным видом так загипнотизировали публику, что она молча, сосредоточенно и торжественно смотрела на казачий конный строй, как на сказочное видение, которое она встречает впервые в своей жизни и которое уже не повторится никогда...

Из полка получил телеграмму: “Дивизия перебрасывается на Западный фронт. Ждите полк в Кавказской”.

Станция Кавказская на хуторе Романовском (теперь город Кропоткин) — это историческая идиллия 1-го Кавказского полка. Ежегодно здесь грузился эшелон молодых казаков, отправляясь на царскую службу в далекую Закаспийскую область. Ежегодно на эту станцию приходил эшелон старых казаков из той же области, окончивших свою действительную, 4 с половиной лет, службу. И вот теперь полк, в полном своем тысячном составе, должен пройти ее, следуя на Западный фронт. И он прибыл. Каждый эшелон разгружался на три дня, чтобы дать казакам возможность повидать свои семьи, пребывающие в хутор Романовский. Надо сказать, что самые молодые казаки, прибывшие в полк в январе 1914 г., не видели своих жен три с половиной года, а самые старые казаки, прибывшие в полк 1910 г., не видели семь с половиной лет. Отпуски на родину были тогда настолько редки, что о них лучше не писать. Какова была радость казаков и их семейств при встрече — также лучше не писать.

Эшелоны двигались на север. Со станции Тихорецкой их повернули на Царицын. Там перегрузка на пароходы и двинули вверх по Волге. Лично я шел с последним эшеленом полка, который составляли 1-я сотня подьесаула Поволоцкого и взвод артиллерии 4-й Кубанской батареи, под командой подьесаула Миронова-младшего (Васи, как его называли).

В 1-й сотне половина казаков мои станичники. Всех знаю с детских лет. Взаимоотношения чисто дружеские, но почтительные. В Царицыне проездка по городу. Казаки только в бешметах и при кинжалах. Сотню ведет вахмистр. Для развлечения присоединяюсь и я к сотне “рядовым казаком” со станичниками, одетый также в бешмет и при кинжале. Иногда и офицеру приятно “ощутить свободу”... Сотня идет с песнями. Толпы народа “изучают казаков”. Вот на углу стоит группа пленных австрийских офицеров, человек сорок. Все они в своих военных мундирах, довольно чисто одеты и воински подтянуты. Они активно вперились глазами в строй, видимо, изучая своих врагов — храбрую казачью конницу.

1-я сотня была признана самой лихой в полку. Она идет с веселыми молодецкими песнями, с бубнами, с тарелками и с зурною. Это была школа мирного времени оригинального командира сотни есаула фон Озаровского и подьесаула Доморацкого, его младшего офицера.

Мы проходим так мне знакомые с юнкерских лет места, “пароходом по Волге” — Камышин, Саратов, Сызрань, Самару. У всех этих городов пароход стоит долго. На пристанях много праздного народа. Изобилие всяких продуктов. Богата Россия. Толпы солдат в шинелях нараспашку, с картузами на затылок, с вихрами волос из-под них. Теплое весеннее солнце и революция “распарили” их. На казаков они смотрят недоброжелательно, вступают с ними в революционные разговоры, и я вижу, что казакам это совершенно не нравится.

В Нижнем Новгороде выгрузка “для поездки” лошадей. Еду с сотней и с удовольствием рассматриваю сохранившиеся постройки знаменитой Нижегородской ярмарки. Пльвем дальше. В Рыбинске эшелон выгружается с парохода и делает посадку в товарный поезд. Начальники эшелонов не знают конечного пункта нашего движения, и свой маршрут получают по этапам.

Москва. Здесь эшелон не задерживается и немедленно же направляется в Петроград. Мы теряем головы -- куда нас направляют? И только в Петрограде узнали, что дивизия направляется в Финляндию, к городу Або, для противодействия возможного сюда десанта немецких войск.

Белоостров — пограничная станция с Финляндией. Здесь смена железнодорожной бригады — русской на финскую — и паровоза. Он очень маленький и в блестящей медной оправе. Казалось, что такому маленькому паровозу не поднять наш длинный поезд товарных вагонов. Короткий тонкий свисток, и этот паровозик-муравей как-то незаметно сдвинул поезд с места и очень скоро развил большую скорость. На станциях короткие остановки. Везде чистота исключительная. И не только что никаких толп празднующихся солдат, каких казаки видели на каждой остановке в России, но вообще здесь не видно русских солдат.

До Выборга — сплошные дачи. На железнодорожных станциях элегантные дачницы всех возрастов. Все это петроградская знать и аристократия. Они влюбленно смотрят на казаков и при отходе поезда — долго и активно машут беленькими платочками. Казакам это нравится, льстит им, и они отвечают добрыми улыбками и также машут руками в ответ.

В Финляндии. Наш новый командир полка

Части нашей 5-й Кавказской казачьей дивизии расположились восточнее города Або. Штаб нашего полка расположился в каком-то имении. В имении тишина, чистота и порядок. Было часа четыре дня 5 мая, но имение словно вымерло. Солнце стояло, по-нашему, в полдень. Оказалось, что у финнов и на полевых работах установлен 8-часовой рабочий день, почему все лошади уже в конюшнях, а рабочие и работницы разошлись по своим квартирам — очень чистым и уютным.

У входа в главный дом-дворец имения ординарец доложил мне, что прибыл новый командир полка, но фамилию его он еще не знает. Поднимаюсь во 2-й этаж и в большом зале вижу всех наших штаб-офицеров — Калугина, Пучкова, Бабаева и Маневского, полкового адъютанта подьесаула Кулабухова и еще некоторых своих офицеров. Во главе стола сидит незнакомый мне полковник с приятным чистым и красивым лицом и с небольшими, но густыми усами, уже посеребренными сединой. Они обедают. И выпивают. Войсковой старшина Калугин, увидев меня, вдруг говорит, так обращаясь к этому неизвестному мне полковнику:

— Жорж! А вот еще один наш командир сотни, подьесаул Елисеев.

Из этих слов Калугина, и то, что этот полковник сидел за столом на председательском месте, — я понял, что он есть наш новый и законный командир полка. Отрапортовал, как положено. Полковник быстро поднялся со стула на ноги, как поднялись и все офицеры, что требует воинский устав внутренней службы, но главное, он принял меня так, как

будто он давно меня знал. Немедленно же усадил за стол, закуска, выпивка, а у них продолжение прерванного мной разговора. Калугин и Пучков называют его при нас по имени — “Жорж” и на “ты”, а он их так же. Оказывается — они старые друзья и сослуживцы.

Вызван полковой хор трубачей. Это не был кутеж, а просто — первая приятная встреча нового командира полка и большого и старого приятеля наших штаб-офицеров. Новый командир полка — веселый, разговорчивый и шутник. Со всеми офицерами он обращается, как с равными, называя сразу же всех по имени и отчеству. А потом, как бы желая подчеркнуть полковое офицерское товарищество, — выкрикнул хору трубачей:

— А ну-ка, дайте “казачка”!

И когда хор бравурно выбросил его из своих инструментов — он быстро встал из-за стола, и коротко, и так легко прошелся “навприсядку”, что мы и диву дались и почувствовали, что наш полк возглавил стопроцентный кубанский казак-полковник.

То был Георгий Яковлевич Косинов*, с чина хорунжего офицер 1-го Екатеринодарского полка, теперь он прибыл из 2-го Екатеринодарского льготного полка. Летом 1919 г. он стал генералом. О нем потом.

2-я сотня. Новый полковой комитет

С нею я познакомился только здесь, в Финляндии. Она была расположена по квартирам в селе, отстоящем от штаба полка на восток около 20 километров. Сотня нисколько не была “взбунтовавшаяся” против своего командира сотни подьесаула Кулабухова.

В мирное время она стояла совершенно изолированная от полка в урочище Тахта-базар, на Афганской границе. Сотней командовал старый кавказец есаул Ерыгин*. Высокий, стройный и красивый брүннет, которого трудно отличить от нашего кубанского черкеса, но характера был флегматичного. С началом войны 1914 г., он был назначен помощником командира полка по хозяйственной части. Командиром сотни был назначен его же младший офицер подьесаул Пучков, человек добрый и тоже флегматичный. Оба они, и Ерыгин, и Пучков, не любили напрягать службу ни себя, ни казаков, передав все вахмистру сотни, сверхсрочной службы подхорунжему Соболеву*. Подхорунжий был “крутоват” по службе, но зато были отличные и добрые душой взводные урядники. Казаки были богатых и хозяйственных станиц — Новопокровской и Дмитриевской. И вот, привыкнув к добрым бывшим своим командирам сотен и семейственно-изолированному укладу своей сотенной жизни-службы, — они были “вздернуты на дыбы” своим новым и молодым командиром сотни подьесаулом Кулабуховым, который, как говорил нам, сверстникам, — решил сотню свою подтянуть так, чтобы она стала “как эскадрон юнкеров кавалерийского училища”. Кстати, он окончил Елисаветградское кавалерийское училище в 1912 г. Не будь революции, — сотня терпела бы, но вот произошла стихия, и казаки отомстили своему командиру-станичнику.

Теперь я нашел сотню совершенно спокойную, сбитую долгим сотенным товариществом, отлично поющую песни. Все урядники мне хорошо известные, некоторые мои воспитанники по учебной команде, соседи по станице. Казаки интересовались политикой и ежедневно, по вечерам, да еще “в белые финские ночи” — читали газету “Речь”, конституционно-монархического направления. Я был холост. Самые молодые казаки, прихода в полк 1914 г. — были мои сверстники летами. Мы зажили очень дружно и... с песнями и с плясками.

Согласно революционному закону по армии — сотенные и полковой комитеты переизбирались каждые два месяца. Командир полка с удручающим настроением ждал результата выборов и когда я к нему явился и доложил, — не сдержался экспансивный полковник Косинов. Обнял он меня крепко и с каким-то особенным восторгом произнес: “Ну, слава Богу! Наконец-то во главе офицер, легче будет вести дело. А то эти доклады-требования фельдшера — просто голова туманится от всего и... с ума можно сойти”. Полковник Косинов был большой души казак, добрый, широкий по размаху, вспыльчивый, но отходчивый.

Всегда, при всех возникающих в полку вопросах, — я вначале докладывал командиру. При этом всегда присутствовал могикинин полка Калугин, часто Маневский и, конечно, полковой адъютант подъесаул Кулабухов, который оказался отличным адъютантом и очень покладистым во взаимоотношениях с казаками. Обсудив вопросы, с долей возможных “уступок казакам”, — собирал комитет, докладывал, и все сходило гладко. Это было еще потому, что полк, прорезав всю взбаломошенную Русь с самого крайнего юга и до крайнего севера и насмотревшись на расхлябанных солдат, нашел, что с ними казакам не по пути. Кроме того, исключительно оздоравливающее впечатление на казаков произвела Финляндия. После революционной России казаки попали в край тишины, порядка, вежливости и труда.

Финны вначале встретили казаков молчаливо и подозрительно, но, присмотревшись к ним и сравнив их с революционным солдатским элементом, искренне полюбили — и за сохранившийся порядок в частях, и за молодечество, и за доброе отношение к их хозяйственному добру. Казаки — земледельцы в своих станицах, почему посмотрев на спокойных и трудолюбивых финнов, которых в их быту русская революция совершенно не коснулась, — они дали им должную оценку и полюбили их. Казаки сами, без нашего принуждения, как-то сразу же подтянулись воински, одевались аккуратно и старались щегольнуть перед их девицами (“нэйти” — девушка) и вообще показать себя перед финнами. Казаки нашего полка буквально переродились психологически.

Ф.И. Елисеев

С КОРНИЛОВСКИМ КОННЫМ

Выступление дивизии под Двинск

В десятых числах июня месяца 1917 г., по железной дороге из-под Або, эшелоны полков выступили на Петроград. В Пскове долгая остановка и скопление трех эшелонов (сотен) нашего полка. С подъесаулами Некрасовым и Винниковым осматриваем древний русский город, его кремль. Потом заходим в городской сад и на веранде летнего помещения ресторана — пьем кофе.

В саду тучи солдат. Почти все они в шинелях, наброшенных на плечи с расстегнутыми хлястиками, с помятыми фуражками на затылок — вихрастые, с ленивыми движениями, чем-то недовольные. Военский вид их, самый отвратительный и до того небрежный, словно их мозг растворился, словно этот их мозг также “помялся” и сдвинулся “на бок” вместе с фуражками.

Мы сидим за столиком в черных черкесках при серебряных погонах, при кинжалах и пашках и при револьверах. Боже! Какие злые взгляды бросали солдаты на нас! Уже вечерело. “Пойдемте, господа, в свои вагоны... а то в темноте и в глуши — долго ли до греха?” — говорю я своим друзьям-сверстникам. Они соглашаются, и мы уходим из полутемного городского сада под все те же злые взгляды солдат.

Перешагнув границу Финляндии и появившись в своей России, мы попали в какой-то солдатский Содом и Гоморру. На каждой станции много газет и журналов. В иллюстрированных лубочных журналах такая похабщина на царскую семью с Распутиным, что самое дикое воображение не может представить, чтобы это могло быть, даже в самом скверном крестьянском или рабочем семействе. Наши казаки совершенно не верили этому и относились к подобным журналам брезгливо и с возмущением. На железнодорожных станциях было такое, словно открылось исчадие ада, все темные силы зла вышли наружу и справляют свое дьявольское дело...

Вся наша дивизия была сосредоточена в пяти-семи верстах восточнее города Двинска, расположившись биваком в сосновых лесах. Здесь мы почувствовали остроту Западного фронта и чувство беспомощности от налетов германской авиации. Против нас здесь стояли немецкие части. Близость фронта сказывалась во всем. Везде было много солдат и обозов. Немецкая авиация очень тревожила войска. И несмотря на это митинги в полках нашей дивизии проводились как никогда часто и уже при участии солдат.

Наш полк стоял биваком рядом с 3-м Екатеринодарским полком, в котором были, как и полагается, пожилые казаки со льготы третьей очереди. На митингах их офицеры вели себя совершенно иначе, чем офицеры нашего полка. Мы приходили в черкесках и при полном положенном для офицеров оружии, становились все вместе позади своего командира полка. На все запросы казаков отвечал командир полка полковник Косинов, горячо и по-отечески, смело и логично, с большой долей грусти в душе — высказывал им все по существу дела.

У екатеринодарцев же было иначе. Офицеры приходили одетые в гимнастерки, иные без оружия и, раскинувшись по бивачному среди сочувствующих им казаков — лежа, сидя, стоя, — они бросали критические реплики ораторам довольно смело и улыбались при этом самодовольно. Их поддерживали многие казаки, но по их адресу тут же бросались от солдат оскорбления и даже угрозы.

Я считал этот способ работы екатеринодарцев не только что несолидным, но и вредным. Дразнить людей, воспринявших революцию, совершенно нельзя. Им надо противопоставить логику и холодный ум.

Смело и хорошо говорил их помощник командира полка войсковой старшина Муравьев*. Маленького роста, юркий, смуглый — он отлично знал казачью душу.

Тут же бывал и их командир полка, полковник Миргородский*, наш старейший кавказец. Богатый человек. В юрте своей станицы имел офицерский участок земли и дом в Романовском. Добрейший человек. В молодости джигит и мог кутнуть. Его дом в Мерве с добрейшей супругой и детьми посещаем был всеми офицерами с большой любовью. Для казаков он был у нас в полку выше родного отца. Черноморский казак по рождению — он им остался по психологии и своему разговору и среди “линейцев”. Как всегда — он много курит и молчит. Конечно, молчал и душою плакал за казачество, которое он так любил и для которого всю свою долгую офицерскую службу делал только добро. “Хай балакають... побалакають и пэрэстануть”, — как-то ответил он, когда кто-то попросил и его сказать слово.

На удивление, при всей той государственной разрухе и падении воинской дисциплины — в полки приезжали солдатские делегаты из высших войсковых соединений, звавшие казаков продолжать войну до победного конца. Это была подготовка к одной очень неприятной экспедиции...

Наша встреча с донцами

Стоять биваком в палатках, в сосновом лесу на песчаной почве — было приятно. Рядом проходит шоссе на Двинск. По ней тянутся скучные войсковые обозы. Без дела казаки скучают. Вдруг слышится хор трубачей. Идет, видимо, кавалерийская часть, так как хор играет “не в ногу”. Из лесу, из поворота дороги, действительно показалась конница. Впереди старшие офицеры, за ними хор трубачей на одномастных лошадях, а дальше — конная колонна строем “по три”. Наши казаки, из леса, быстро подошли к шоссе, рассматривая славную русскую регулярную конницу.

Офицеры на отличных лошадях, в хорошей посадке, но будто скучные. За ними идут драгуны. Революционная расхлябанность коснулась и их. Драгуны сидят в седлах небрежно. Распущенные поводья. Пики, которые драгун будто “тяготят”, небрежно брошены за спину на бушлаты. Так же небрежно брошены за спину и эскадронные цветные значки, которые должны держаться “в руке” и строго перпендикулярно. Небрежно брошены и фуражки на головы. И офицеры-кавалеристы, и драгуны — как-то безучастно смотрят на казаков, как и наши казаки так же безучастно смотрят на проходящие эскадроны. Что думает каждая сторона, я не мог изучить в те долгие минуты, а может быть, и целый час времени, когда прошли мимо казачьего бивака три полка русской кавалерии.

Разочарованные, некоторые казаки повернулись и пошли к биваку, как из того же поворота дороги из леса — вдруг молча показалась новая голова конной колонны. Что бросилось в глаза сразу же — резкая разница в движении лошадей и в посадке седоков. Смелый шаг лошадей, просящих повода. Седоки — прямая посадка в седле, упор на повод. Фуражки чуть набекрень и с левой стороны вихрастые чубы. Лица всадников молодые, с острым взглядом, смуглые. Красный лампас на шароварах резанул всем нам глаз.

— Д о н ц ы - ы! — пронеслось по шпалере наших казаков, стоявших на песчаных возвышенностях у шоссе, и, словно электрическим током, пронизало всех то родное и так близкое каждому казачьему сердцу: “идут свои казаки!” и “Ур-ра!. Ур-ра-а!” — заревели наши казаки, схватили с голов свои папахи и вороньими крыльями замахали ими в воздухе. Некоторые, от восторга, бросали их вверх. Донцы не остались в долгу и, без команд, ответное “Ур-ра!” и махание фуражками, и взволнованность лошадей под седоками — были приятным ответом нам, кубанцам.

С песчаной дюны у шоссе — так приятно забилося сердце, видя эту трогательную картину братского приветствия между кровными Казачьими войсками и так еще сохранившийся воинский вид донского казачьего полка.

Военный министр генерал Сухомлинов, в своем большом труде уже за границей, писал, что “придание к кавалерийским дивизиям по одному казачьему полку имелось целью — привить кавалерийским полкам казачье молодечество, а казачьему полку дать больше “регулярности”. Это и шел один из донских полков, приданный “четвертым” к драгунской дивизии.

Под Двинском наша 5-я Кавказская казачья дивизия была влита в 1-й кавалерийский корпус, которым командовал генерал, князь Долгоруков*. В него входили до нас: кавалерийская дивизия (номер не помню) и 1-я Донская казачья дивизия. Последней командовал генерал Греков, бывший командир сотни юнкеров Николаевского кавалерийского училища в мирное время, по прозвищу юнкеров — “шакал”.

Итого, в этот корпус входило 9 казачьих полков и три кавалерийских. Нашу дивизию перебросили в Двинск, где будет получено какое-то оперативное задание. Там, на площади, наш полк выстроился против какого-то кавалерийского полка на рыжих лошадях. Драгуны, держа лошадей в поводу, ждут своих офицеров. Медленной рысью подошел командир одного из эскадронов. Ему вахмистр скомандовал “Смирно”!

— Здравьете, господа! — вдруг слышим мы его приветствие.

— Здравьете... господин ротмистр! — слышим в ответ и... невольно переглянулись мы, командиры сотен, между собой, слыша подобное воинское приветствие в строю и... славной русской конницы. Мы несказанно удивились.

Что-то мокрое, слизистое, брякнуло в наши души и в души наших казаков. У нас до сих пор все офицеры здороваются в строю “по-старому”: “Здорово, молодцы!” или “Здорово, 2-я сотня!”, “Здорово, братцы!” и казаки, также “по-старому”, дружно и весело отвечают: “Здравия желаем, господин подьесаул!” или произносят тот чин, который с ними здороваются.

“Строй есть святое место”, говорит наш воинский устав, и в строю и для строя — не должно быть никаких “штатских манер”. Наши казаки отлично это понимали и не вводили никаких новшеств. У драгун же, оказалось, иное. Потом мы спросили их офицеров, — “почему это”? И получили ответ: “Так постановил полковой комитет”.

Спросили мы и еще: “Почему эскадроны встречают своих начальников, держа лошадей в поводу, а не в седлах?” И получили наивный ответ: “Чтобы не утомлять лошадей”. Мы были огорчены и разочарованы их порядками.

Разоружение пехотных частей. Жуткая картинка

Здесь, в Двинске, полки получили приказ от Временного правительства из Петрограда: “Под руководством комиссара Северо-Западного фронта поручика Станкевича — 1-му Кавалерийскому корпусу разоружить пехотные части, находящиеся в окопах и отказавшиеся продолжать войну. Отказавшихся препроводить в Двинск, в “интендантский городок”, и держать под арестом до судебного разбирательства”.

Разоружать свои же русские пехотные части! А если кавалерия и казаки не захотят? А если пехота по нас откроет огонь, то что делать? Вопрос был очень острый. Мы боялись провокации, чтобы опять не накликать на казаков оскорбительных кличек — усмирители, опричники...

В полки прибыли делегаты из штаба Северо-Западного фронта и внушали казакам — “не бояться”. Казаки соглашались “выступить”, но при условии, что с ними будут участвовать в разоружении и “солдатские части”. Делегаты заверили, что для этого составлен специальный отряд из всех родов оружия и, кроме того, будут самокатчики и броневики. Договорились. Миссия была, конечно, неприятная, но казакам было еще указано, что если они откажутся заставить пехоту сидеть в окопах, — придется им самим занять их место в пешем строю.

Этот аргумент был довлеющим для казаков. К тому же политический комиссар, поручик-сапер и юрист по образованию Станкевич был партийный товарищ главы Временного правительства Керенского, т. е. — как распоряжение, так и выполнение, поручено из левых политически кругов, поэтому никто не может подумать о каком-то контрреволюционном выступлении казаков. Это казаков успокоило.

По диспозиции — с вечера все полки корпуса заняли исходное положение и с утра двинулись с двух сторон по продольному протяжению линии окопов. Это был резервный ряд окопов, тянувшийся в восьми верстах западнее Двинска. С северной стороны, широкой рысью, головным шел наш полк. Впереди, рассыпанным двухшереножным строем шла 2-я сотня с командиром полка полковником Косиновым. С противоположной стороны, с юга, по широкому ровному полю верст на пять от кавказцев, так же рассыпанным строем и широкой рысью шел полк драгун на серых одномастных лошадях, что чаровало глаз красивой конной воинской баталией.

Поручиком Станкевичем было заранее передано пехотным частям в окопах, что при приближении конницы всем выйти из окопов без винтовок, что и было выполнено. Станкевич тут же приказал офицерам пехоты немедленно же выделить “зачинщиков”. На наше удивление — офицеры очень активно и строго по-военному стали выделять подобных. Тут же многие солдаты заискивающе докладывали своим офицерам, что они “никогда” не отказывались воевать и всегда были послушными солдатами. Наши казаки

смотрят на все это, смеются и радуются тому, что все обошлось безболезненно, на что было потрачено так много уговаривающих их трескучих слов.

Еще одна деталь бросилась в глаза: все офицеры пехоты были в малых чинах, но были активны и воински подтянуты.

Всех выделенных солдат препроводили в Двинск и поместили в “интендантский городок”. Это был небольшой квартал в городе, обнесенный толстой и высокой, сажени в три, кирпичной стеной с массивными решетчатыми железными воротами на восток. Всех задержанных было около девяти тысяч солдат. Наш полк остановился перед воротами, ожидая комиссара Станкевича. Здесь же была и одна рота “самокатчиков”, свыше ста человек, на велосипедах. Политическое настроение их было твердое, за продолжение войны. Все солдаты этой специальной роты были люди хорошо грамотные и с интеллигентным оттенком.

Прибыл Станкевич. Увидев его, изолированные в городок солдаты подняли невероятный шум, требуя освобождения. Станкевич — небольшого роста, загорелый, на вид самый обыкновенный пехотный офицер военного времени, но университетский значок на обыкновенной гимнастерке защитного цвета и его внешнее спокойствие — вызвали среди офицеров нашего полка уважение.

Изолированные солдаты грубо и резко требовали его войти к ним и дать объяснение, — за что они арестованы? Станкевич медлил с ответом и чего-то ждал. Но вот подошел броневик. Из него быстро выскочил молодой офицер, взял под козырек перед Станкевичем и доложил ему, что он прибыл в его распоряжение, которое выполнит немедленно же и точно. Мы переглянулись. Станкевич приказал открыть ворота. Во двор с гудением вошел броневик. За ним шли Станкевич, наш командир полка и старшие офицеры. За нами самокатчики, вооруженные винтовками. Толпа сразу же замолкла, и Станкевич, от имени Российского Временного правительства, возглавляемого “Александром Федоровичем Керенскими (так он подчеркнул), — потребовал от них подчинения свои офицерам для продолжения войны до победного конца в согласии с нашими союзниками. А пока они будут задержаны здесь “для опроса” и извлечения из их среды зачинщиков. Они не протестовали.

Войска уведены. От нашего полка приказано было нести внешнюю охрану их, силою в одну сотню, сменяясь ежедневно. Первой для охраны была назначена моя 2-я сотня. По распоряжению нашего командира полка полковника Ко-синова, два взвода казаков, по полувзводно, заняли все четыре угла этого “интендантского городка”, а два взвода оставались в обширной сторожке перед единственными воротами на восток.

Вначале все было тихо и спокойно. Но едва хвост колонны нашего полка скрылся в лесу, отстоявшем в трех-четыре верстах, как звериный рев многотысячной толпы обрушился на казаков. Я быстро выстроил свою резервную полусотню в пешем строю, готовясь ко всяким случайностям. Лошади сотни стояли на коновязи позади сторожки, так же с охраной.

Рев солдат, с площадной, “многоэтажной”, бранью, с оскорбительными эпитетами по адресу казаков усиливался. Солдаты, с внутренней стороны взобравшись на стену, грозили спрыгнуть вниз и расправиться с казаками. Хотя и безоружных, — но их было около девяти тысяч, нас же, казаков сотни — немного более ста человек, отбросив наряд при лошадях.

Мы чувствовали и понимали, что при их настырности они действительно могут нас “смять”... и хотя комиссаром Станкевичем приказано было в случае необходимости открыть огонь по бунтовщикам, но я знал, что в настоящее беспокойное революционное время — это нелегко сделать. Да и послушаются ли казаки “открыть огонь по своим”? Лица казаков моей резервной полусотни были бледны. Бледны были лица у взводных урядников — Федорова и Толстова — людей умных, авторитетных среди казаков и явных “контрреволюционеров”.

Вдруг из строя, из задней шеренги, слышу нервное, громкое:

— Чиво ж Вы нас тут держите? Они нас разорвут на куски?

— Ах, этак твою мать! — выкрикнул я неизвестному казаку и командую. — Смирно! Не разговаривать в строю! И слушать только мою команду!

А сам быстро иду вдоль строя, вглядываюсь в лица казаков и выкрикиваю:

— Кто сказал?.. Кто испугался?

Все казаки молчат, затаив дыхание. Это был тяжелый и страшный момент. Самые молодые казаки в полку были прихода в Мерв в январе 1914г. Следовательно, они прослужили в полку более трех лет, из коих на войне пробыли около трех лет. Казаки же прихода в полк 1911 г. — прослужили в нем свыше шести лет. Устав все учили и службу знают. И вот — строевая команда — взяла верх и над изменностью человеческой души, и над революционными завоеваниями “прав солдата”. Это был очень характерный психологический момент.

И только что успокоил свою резервную полусотню, как вижу — с дальнего от нас угла один полувзвод казаков, бросив свой пост, быстро бежит к нам без всякого строя. Со стен солдаты бросают в них кирпичи, камни и гулкое насмешливое улюлюкивание.

“Ну... конец!” — пронеслась страшная мысль в голове. Оставив полусотню хорунжему Трубицыну, своему младшему офицеру, пожилому человеку из урядников 3-го Кавказского полка, но с полною надеждою на взводных урядников и вахмистра сотни подхорунжего Митрофанова, — бегу им навстречу. Впереди всех, с перекошенным от страха лицом, но с винтовкою в руках — сломя голову бежит казак Козьминов. Выхватив из ножен шашку, кричу-командую ему:

— Стой! Стой! — кричу я сгоряча с грубой руганью.

Казак тяжело дышит, но остановился. Вижу, впереди своих казаков бежит сам взводный урядник Копанев, с бледным от страха лицом. Копанев был умный, серьезный и очень авторитетный среди казаков.

—Копанев! И Вы тоже?! — бросаю ему. — Восстановите порядок и — назад! — кричу ему.

— Ды... господин подьесаул... они же нас сомнут! Не стрелять же по своим? — растерянно бросает он.

—Зарядить винтовки и — за мной! — командую всем.

Скорым шагом, с винтовками “на изготовку” идем-спешим к углу, к своему посту, чтобы успеть занять его своевременно. Дошли и заняли. На удивление — солдаты замолчали и спустились со стены к себе. Ночь прошла спокойно. На утро нас сменила 5-я сотня есаула Авильцева.

В конном строю, пройдя молча, замкнуто и смущенно несколько верст до бивака полка, — вызвал вперед песенников. Как никогда — они выехали лениво. Долго не могли начать песню, а когда запели, то я понял, что в душе их что-то произошло. И произошло только нехорошее против своего командира сотни.

Я понял, что они обижены моим оскорбительным криком и руганью двух испугавшихся казаков, чего теперь, в революционное время, офицеру делать уже нельзя. Другое дело — прав ли был я или не правы были те два казака, но теперь площадной руганью пользоваться нельзя.

— Песенники по местам! — командую. — Отделениями на-лево! Стой! Равняйся! Смирно! — подал длинную команду. Сотня выстроилась и замерла по уставу.

— Казак Козьминов! На двадцать пять шагов вперед перед сотней — рысью! — бросаю в строй.

Казак Козьминов выехал вперед. Шагом подъезжаю к нему, останавливаюсь против него и громко произношу так, чтобы все услышали:

— Я Вас выругал матерным словом... Я извиняюсь перед Вами, на глазах всей сотни... Принимаете это?

— Ды никак нет, господин подьесаул... я ничиво, — отвечает он, взяв руку под козырек.

— Я Вас спрашиваю, Козьминов, — принимаете ли Вы мое извинение? — повторяю ему.

— Так точно, господин подьесаул, но я ничиво... — продолжает он. Сотня казаков вся вперилась глазами в эту “революционную картинку” и затаенно молчит.

— Ну, хорошо! Идите в строй! — командую ему. И, выждав “его уход”, — громко произношу:

— Справа по-три! Песенники на-перед! Сапегин — затягивайте!

Как они запели! Весело, громко, с открытыми ртами и душами, явно, чтобы “смять” ту странную военную картинку и диалог, который вел их командир сотни с рядовым казаком, своим подчиненным, совершенно недопустимый в армии при Императорской власти. А их командир сотни, идя впереди молча, созерцал в своей душе — и радость, и обиду...

Пишется это для того, чтобы читатель понял — какую жуткую драму переживали мы, офицеры, в те жуткие месяцы русской революции! Как и думаю, что подобный случай мог быть тогда только в казачьих частях, т. е. — среди казаков, как людей одной крови и мышления.

Полковой штандарт

Под Двинском наша дивизия простояла ровно месяц, но он остался так памятен мне по многим “революционным картинкам”, что лучше бы его и не было ни в моей жизни, ни в жизни родного полка.

Это было с 10 июня по 8 июля 1917 г. После разоружения пехотных частей — всему 1-му Кавалерийскому корпусу был дан покой. Полки нашей дивизии расквартировались по литовским и белорусским селам, и казаки полностью отдыхали и много пили местного сельского пива, приготовляемого самими же крестьянами. Вдруг получен приказ: “5-й Кавказской казачьей дивизии занять пехотные окопы”. Наши казаки приуныли. Но скоро пришла “радость”: 1-й Таманский полк отказался идти в окопы, мотивируя, что — “мы конница”, и просили наш полк “пид-дэржать йих”, как выразились делегаты-таманцы, прибывшие к нам. Полковой комитет их не поддержал, но некоторые сотни полка выразили сочувствие им.

Горячий и гордый наш командир полковник Косинов, задетый этим до самой последней капли своей крови, — для спасения чести полка он решил бросить свой последний резерв, и если это не поможет, то уйти из полка. Так он нам говорил потом.

В один из дней, когда уже опадала дневная жара и было так приятно и мягко в воздухе, полку приказано было построиться в пешем строю и ждать своего командира.

За речкой, перед густым гаем леса, на большой возвышенной площадке, обрамленной холмиками, далеко за окраиной литовского села — “покоем” был построен наш полк. Казаки при шашках и при винтовках. Стоим и ждем, а почему — никто не знает. Ждем, конечно, командира полка!

Нам не видно ни села, ни мосточка через речонку. И первое было то, что мы услышали свой хор трубачей. А потом, из низины — показалась довольно внушительная колонна: впереди командир полка при полном банте своих боевых орденов, за ним, также при орденах, полковой адъютант подъесаул Кулабухов. За адъютантом следуют два урядника при развернутом полковом Георгиевском штандарте, и за всеми ними — полковой хор трубачей. Картина была импозантная. Увидев это, войсковой старшина Калугин скомандовал:

— Полк — смир-рно! Под Штандарты-ы-ы! Слушай! На-кра-ул! Гос-спод-да оф-фицер-ры!

Полковник Косинов, не обращая внимания на слова команды, с бледным лицом, очень красивый со своими черными седеющими усами, гладко выбритый — он направляется прямо к правофланговой 1-й сотне. Знаком руки он останавливает игру оркестра, и с адъютантом и со штандартом, дойдя до середины ее развернутого фронта, — остановился. Полковой развернутый штандарт с адъютантом — стали позади него. По всем правилам строевого устава, взяв под козырек и голосом оскорбленного начальника и воина, громко воззвал:

— 1-я сотня? Идете ли Вы на фронт со мною?!

Не только что казаки, но и мы, офицеры, не ожидая столь внушительно-трагического жеста со стороны командира полка, — как-то замерли от его слов. 1-я сотня, самая боевая и лихая в полку, немного озорная и, пожалуй, “самая революционная” (условно), возглавляемая добрым подьесаулом Поволоцким, которого сотня за это любила и называла за глаза “наш Володя”, — она на три четверти своих голосов, довольно дружно, ответила:

— Идем! Господин полковник!

Ничего не отвечая 1-й сотне, — Косинов поворачивается направо и со штандартом направляется к моей 2-й сотне. От всей этой картины, так ударившей казаков по нервам, — теперь полк стоял, словно окаменелый. Полк уже знал, что от него хочет их горячий и гордый командир. Я быстро повернул голову в сторону сотни и только глазами повел по своим молодецким урядникам, испытывая их и внушая им — как надо ответить. На тот же вопрос своего командира — 2-я сотня ответила громко, вызывающе и как бы вызывающе к другим сотням:

— Идем! Господин полковник!

Следующая отвечала 3-я сотня. От нее мы ожидали только положительного ответа, так как в центре “покоя полка” стоял их былой во всю войну и выдающийся командир сотни, теперь помощник командира полка войсковой старшина Маневский. В его присутствии сотня, словно под гипнозом его умных и справедливых глаз, — могла ответить только положительно.

Косинов пошел к 4-й сотне. В этой исключительной и небывалой в воинских анналах картине — нервы были напряжены до крайности и все глазами провожали печальный ход своего командира, вполне отдавая полный отчет в том, чем все это было вызвано. Во главе 4-й сотни стоял подьесаул Дьячевский, бывший младшим офицером этой сотни еще с мирного времени, с заброшенного в пустыне поста на Персидской границе в Туркестане, Пуль-и-Хатун. Он проделал с этой сотней всю войну. Казаки очень любили Дьячевского за его личную бесконечную доброту души и за то, что он не любил службы, не напрягал ею и казаков, а в кутежах бросал казакам в подарок последний свой рубль.

В центре же “покоя полка” стоял их испытанный отец-командир, войсковой старшина Калугин, для которого его 4-я сотня, друг-жена и три мальчика-кадета — были самыми близкими и дорогими существами в его жизни. За 4-ю сотню мы не боялись, и она ответила достойно.

Косинов направился к 5-й сотне. Если бы спросить казаков 5-й сотни — за что они арестовали своего командира сотни есаула Авильцева в Сарыкамыше, т. е., как они допустили арестовать его солдатам, — они, пожалуй, не могли бы ответить толком. Можно точно сказать, что есаул Авильцев был самым заботливым командиром для своих казаков. Как старый офицер и как долгий полковой казначей он точно знал, куда и как использовать казенную копейку, и использовал ее только для своей сотни. 5-я сотня состояла из казаков Терновской и Тифлисской станиц и была очень спокойная. Взводные урядники — Жученко, Беседин, Дереза были так рассудительны всегда и дисциплинированы. Эти три урядника были казаки Терновской станицы. 5-я сотня ответила также отлично.

Гипноз, охвативший сотни, усиливался. Осталась для опроса 6-я сотня. Она формировалась из двух станиц — Успенской и Новолокинской, что рядом со

Ставропольской губернией. До середины 1916 г., еще из Мерва, ею командовал старый, спокойный и добрый есаул Флейшер*, который ни себя, ни сотню службой не напрягал. Во все те же годы его младшим офицером был хорунжий Некрасов, который также ни себя, ни казаков службой не напрягал. Теперь Некрасов, как и все мы, сверстники, в чине подьесаула и командир своей 6-й сотни. Казаки его любили и уважали. Сотня ответила согласием громко, как и другие сотни.

Все, что здесь описывается, для любой армии и любой страны — только ненормально, как было бы больше чем ненормально для тех же казаков несколько месяцев тому назад. Но теперь наступило жуткое революционное время, полное произвола и непослушания в армии, — почему командир полка и произвел подобный “опрос сотен”.

После этого, все при том же гробовом молчании всех — полковник Косинов, в сопровождении штабдарты, вышел на середину полка и в хорошей отеческой речи просил не осрамить седины нашего родного Кубанского Войска. Казаки отвечали: “Постараемся, господин полковник!” Взводными колоннами сотни прошли церемониальным маршем перед полковым штабдартом и были отпущены по своим квартирам.

Но в окопы идти не пришлось. В Петрограде вспыхнуло большевистское восстание, о чем мы смутно услышали, и весь 1-й Кавалерийский корпус по железной дороге был брошен в Петроград.

Александрийские гусары

В вечерние сумерки, в дождь и слякоть под копытами коней — наш полк шел к железнодорожной станции на погрузку в Петроград. В каком-то селе обгоняем пехоту. Пехота, но при шашках.

— Какой полк? — спрашиваем из строя.

— Бессмертные гусары... — слышится в ответ, и, когда поравнялись с головой этой небольшой колонны, во главе ее я увидел штабс-ротмистра Колю Равву. Два родных брата Равва, Коля и Павлик, в 1912 г. окончили Елисаветградское кавалерийское училище. Их отец служил в Кубанском Войске (не казак) и в 1911-1914 гг. жил в нашей станице, являясь командиром 2-го Кавказского льготного полка. Сыновья-юнкера на каникулы приезжали к родителям, где мы и познакомились и подружились, как юнкера славной русской конницы. Я был тогда юнкером Оренбургского казачьего училища и годом моложе их.

На Рождественских Святках под 1913 г. я гостил у обоих братьев-корнетов в Самаре, где стоял Александрийский гусарский полк. Здесь с Колей первая встреча с тех пор. Он большой конник. Со своим взводом атаковал конных австрийцев, получил шашечное ранение в голову и награжден Георгиевским оружием. И теперь вдруг “шагает”... В полутемноте кричу ему:

— Ты как попал в пехоту, Коля?

Узнав по голосу, отвечает:

— Спешили два эскадрона за излишком конницы, и вот я здесь. Но — уйду! Не дают летать на конях, — буду летать в воздухе! — вызывающе бросает он.

Больше я его не видел. Писали, Коля Равва стал летчиком, но его сбила своя же пехота, как протест, что он летал на разведку. Аэроплан его рухнул на землю и... так жутко погиб отличный кавалерийский офицер Александрийского полка бессмертных гусар, как звался этот полк.

ТЕТРАДЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Опять в Финляндию

1-й Кавалерийский корпус, как и наша 5-я Кавказская казачья дивизия, не успели прибыть в Петроград для подавления первого большевистского восстания, которое произошло 3-го и 5-го июля. Его подавили 1-й, 4-й и 14-й Донские казачьи первоочередные полки, стоявшие тогда в Петрограде. Нашу дивизию перебросили в Финляндию и расквартировали в районе железнодорожной станции Ууси-кирка (Новая церковь), что немного севернее района Териок. Наш же полк размещен был в селе того же названия, отстоявшего от станции в 10 километрах на запад. Узнав о переброске в Финляндию, казаки были очень рады, искренне полюбив эту страну.

Должен подчеркнуть, что, когда полк выступал из Финляндии под Двинск в июне месяце, местное население района под Або, где квартировал полк, через своих ленсманов (старосты сел) преподнесло полку похвальную грамоту, в которой говорилось, что “казаки, в их представлении, казались варварами... Но когда население так близко соприкоснулось с ними и сравнило их с русскими революционными солдатами — нашло их людьми спокойными, рассудительными и воински дисциплинированными”. Получив эту грамоту, командир полка полковник Косинов, как и мы, старшие офицеры полка, не только что не обратили внимания на ее содержание, но как-то легкомысленно отнеслись к ней, даже посмеялись и, конечно, не сохранили ее. Казаки об этом знали, им это очень льстило, вот почему, узнав, что наш полк перебрасывается вновь в Финляндию, и были бесконечно рады.

Моя 2-я сотня шла последним эшелоном полка. На очень маленькой станции Ууси-кирка, разгрузившись и пройдя походным порядком 10 километров по шоссированной дороге в сосновом лесу, — с пригорка “воткнулись” в церковную площадь. Наш полк всегда входил в населенные пункты с игрою оркестра полковых трубачей и с песнями всех сотен. Вызвав песенников и свернув налево, сотня двинулась по улице.

— Здорово, друг... уведомляю, что кончен наш кровавый бой... — затянул любимую у “линейцев” песню бархатный баритон приказного Гераськи Сапегина, казака станицы Дмитриевской, и сотня, на три голоса, подхватила речитативом:

— Тебя-а! С победой поздравляю!.. — и потом протяжно, как бы с жалобой, заунывно, огласила: — Себя-а — с оторванной рук-ко-ой...

Сотня спускается вниз, почему казачья песня, разливным эхом, слышна очень далеко впереди нее. Казаки находятся в каком-то упоительном ударе, поэтому и поют исключительно восторженно. Жители-финны с любопытством рассматривают казаков и слушают их стройное пение. По аллеям громадного двора-парка справа бегут три девушки-подростка. Они выскакивают на улицу через боковую калитку и от неожиданности останавливаются, наткнувшись “на голову сотни”. Сотня с задором поет уже веселую песню, а они, вылупив свои глазенки, любовно заглядывают во рты казаков. На них легкие летние платьица, на ногах сандалии без чулок и весь их вид такой элегантно-очаровательный. Под взоры “этих фей” казаки поют еще веселее, как вдруг подсакивает сотенный урядник-квартирьер и докладывает, что: “Для Вас, господин подьесаул, и для первой полусотни квартиры отведены на этой даче”, — и рукой показывает на двор-сад, откуда выбежали эти феи.

Я слегка растерялся: “На этой дивной даче?.. И с феями?” Над воротами дачи, на голубом фоне, золотыми крупными буквами, красуется надпись — “Светлановка”.

В конном строе первая полусотня входит в этот двор-сад, а вторую полусотню урядник-квартирьер ведет куда-то вверх.

Я осматриваюсь: справа “службы”, а в глубине двора, за цветочными клумбами — маленький дворец. За ним лес, уходящий к озеру. Наши феи уже здесь. Одна из них, лет 15, с острыми черненькими глазенками, очень живая, все время находящаяся в каком-то восторженном движении, приблизившись к моему беспокойному белому кабардинцу и заглядывая мне в глаза, быстро бросает:

— А для Вас, господин офицер, комната отведена на даче Калерии Ивановны.

— Спасибо, спасибо! А кто такая Калерия Ивановна? — спрашиваю я это наивное дитя.

— А она — владелица этой дачи... хотите, я проведу Вас к ней? — отвечает она.

Разместив сотню, отдаюсь в распоряжение феи. Мы проходим цветочные клумбы, раскинутые террасками книзу, и на пороге роскошной виллы — вижу блондинку лет 30, пикантно одетую по-парижски, в высоких полусапожках коричневой шевровой кожи, плотно зашнурованных до пол-икры. Рядом с ней десятилетняя девочка, видимо, дочка, и гувернантка. Мило улыбаясь, она произнесла внятно и любезно:

— Господин офицер... Здравствуйте! Очень приятно, что Ваши казаки будут стоять у меня. Позвольте познакомиться? Для Вас уже отведена комната. Я покажу ее Вам сейчас.

Так встретила меня хозяйшка этой роскошной дачи, Калерия Ивановна Светланова, супруга инженера Петра Семеновича Светланова в селе Ууси-кирка. Мы входим с нею в большой кабинет с очень высоким потолком. На стенах его средневековое вооружение — мечи, панцири, металлические сетки. А у входа в него, у двери — в два роста человека средневековые рыцари, закованные в броню. Потом, по ночам, проходить мимо них было немного жутко.

— Господин офицер, Вы голодны! Мы сейчас закусим, а вечером из Питера придет муж, и мы будем вместе ужинать, уже как следует, — говорит она.

Вечером, как и всегда потом ежедневно, прибыл ее муж. Познакомились и сразу же подружились. Ему лет 35. Среднего роста красивый брюнет, добрый, остроумный, у

которого “царицей дома” была его жена, отличная пианистка. Дом Светлановых богатый и гостеприимный. У них гостят дочки его друзей-инженеров, вот “эти феи”. За столом у них всегда не менее десяти человек. Меня хозяйюшка посадила “навсегда” возле себя справа. За столом всегда очень оживленно, так как все остроумны, веселы и хорошо воспитаны. Разговор у них льется рекою. Они очень рады прибытию казаков, т. е. “боятся солдат, а у казаков — всегда порядок”, без лукавства и лести говорят они.

Здесь очень много богатых русских дачников-собственников. Имеется и православная церковь. Все гостеприимны и с удовольствием разместили у себя наших офицеров “на полный пансион”.

“Казачий чуб...”

От Правления Совета Союза Казачьих войск из Петрограда пришло приглашение: “Командировать от дивизии одного офицера и казака для участия в торжественных похоронах донских казаков, погибших в Петрограде при подавлении большевистского восстания 3-го и 5-го июля сего года”. Полковые комитеты собрались в расположении 1-го Таманского полка. Старший в чине, председатель полкового комитета 1-го Таманского полка, подьесаул Демяник, не мудрствуя, сказал:

— Ты, Федор Иванович, холостой... вот ты и поезжай в Петроград и возложи венок от нашей дивизии.

Вася Демяник недавно женился на голубоглазой Марусе Мазан. Ее отец, старый таманец, и в Асхабаде заведовал конюшней, кажется, государственной, с чистокровными жеребцами текинской породы. Я Марусю знал. Довод молодожена был мне понятен.

С младшим урядником своей сотни Фоменко (станции Новопокровской) на Выборгском вокзале в Петрограде беру извозчика, чтобы ехать в Совет Союза Казачьих войск. Фоменко ни за что не хочет сесть рядом со мною в фаэтоне, считая это совершенно недопустимым по воинской дисциплине. Мои уговоры ни к чему не привели.

— Тогда я Вам приказываю, Фоменко, сесть рядом со мною! — говорю ему.

— Слушаюсь, господин подьесаул! — смущенно произнес он, покрутил головою, улыбнулся и несмело сел на заднее сиденье небольшого фаэтона “в дуге с пристяжной”.

Таковых, как этот младший урядник (не учебнянин), было много тогда у нас в полку. Им революция была просто непонятна и неприятна.

Мы катим по Невскому проспекту. На нем очень много праздной гуляющей публики, и, как нам показалось, она была в каком-то восторженно-повышенном настроении. Но, к своему удивлению, мы увидели, как на всех углах стоят донские казаки в новенькой форме при красных лампасах на широких темно-синих шароварах, в своих войскового цвета фуражках, при шашках и... продают газеты.

Мы с Фоменко делимся своим негодованием на донских казаков, которые в своей якобы революционной распущенности дошли до последнего падения, торгуя газетами. Наш извозчик остановился у решетчатых железных ворот. Здесь был въезд во двор института,

где помещался Совет Союза Казаков. Но у ворот стоит также бравый донской казак, в полной форме и при шашке и... продает газеты.

— Что ты братец, делаешь?.. Почему продаешь газеты? И не стыдно ли тебе? — спрашиваю его с грустью.

Стройный блондин с прямым красивым профилем, урядник Фоменко, в черкеске и при шашке стоит со мной рядом, готовый исполнить немедленно же всякое распоряжение своего командира сотни. А молодецкий донец “с усами” и с пышным чубом из-под цветной фуражки, взяв под козырек, докладывает мне:

— Господин подьесаул... Совет Союза Казачьих войск выпустил специальный номер газеты под заголовком “Вольность”, посвященный памяти наших донских казаков, погибших здесь при подавлении большевистского восстания 3-го и 5-го июля... и для распространения его выслал большой наряд казаков по городу, причем — весь доход пойдет на помощь семьям погибших казаков.

Выслушав этот бойкий рапорт — у меня свалилась гора с плеч и я радостно обнимаю молодецкого донского казака и закупаю у него всю кипу еще не распроданных газет для своего полка.

Мы в здании женского института. Там много казачьих делегатов. Нас направляют в отдел, где встречаем делегатов с родной Кубани, так сейчас далекой от нас. Они крепко жмут нам руки и буквально не знают, куда нас посадить от радости. Мы ведь от строевой кубанской дивизии и из далекой для них Финляндии!.. Член Войсковой Рады Петр Макаренко*, высокий стройный красивый brunet с густыми усами в черном учительском мундире с петлицами по бортам и с золотыми пуговицами — он особенно внимателен к нам. Говорит он только по-черноморски. Подошел сотник-пластун в длинной черкеске, и Макаренко представляет его мне, отрекомендовав: “сын нашего Бардижа”*. После обмена мнениями — нас просят пожаловать завтра в Казанский собор, где уже стоят гробы с останками погибших казаков. Оставшись один, я читаю этот специальный казачий номер газеты. Весь номер посвящен событиям по подавлению “первого большевистского восстания в Петрограде” с подробностями — как погибли казаки. Там было помещено прекрасное стихотворение сотника Калмыкова — “Казачий чуб...”. Зачарованный стихотворением, задевшим все струны моей молодой казачьей души, я выучил его наизусть. Вот она, кровавой славою покрытая и казачьими костями усеянная — История Казачества в стихах:

Казачий чуб, казачий чуб — густой, всколоченный, кудрявый...

Куда под звон военных труб — ты не ходил за бранной славой?

Какие берега морей, какие горы, степи, дали —

Тебя — красу богатырей — еще ни разу не видали?

Была далекая пора, когда, влекомый буйным зовом,

Под многогрудное “Ура!” — ты гордо вился над Азовом!

Твоя широкая душа, не зная грани и предела,

За берегами Иртыша, за Ермаком ходила смело!
И твой протяжный звонкий “гик”, твой гордый голос исполина,
При хладном блеске острых пик — слышали улицы Берлина!
И твой полет степной стези, и твой лампас алей калины,
Когда-то видели вблизи Балкан цветущие долины...
И не один, а много раз, во дни кровавые расплаты,
Тебя палил огнем Кавказ, студили холодом Карпаты!
В степях, в горах твои следы, где буйно ветры злобно веют,
И где, свидетели беды, казачьи кости не белеют?
И вот — за доблесть на посту, тебе “последняя награда”:
На окровавленном мосту, на хладных стогнах Петрограда...
Судьба три года берегла тебя в бою, в огне окопа,
Теперь убит из-за угла, рукой наемного холопа...
И у подножья Царских Врат, во имя мира и покоя —
Прости убийцам, милый брат, своею щедрою душою!
И унеси под звуки труб, под звон Архангеловой меди,
Свой гордый чуб, казачий чуб, к последней праведной Победе!

Похороны донских казаков

На второй день с урядником Фоменко мы едем в Казанский собор. На площади перед собором — в конном строю выстроены 1-й, 4-й и 14-й Донские казачьи полки. На правом их фланге, также в конном строю — стоит Казачья сотня Николаевского кавалерийского училища, имевшая форму одежды Донского войска, но шаровары без лампас.

Вид всей этой конницы около трех тысяч всадников — величественный. На пиках, оцетинившихся к небу, — черные траурные флюгера, которые, колыхаясь от легкого летнего ветерка, явственно выявляли всем казачье горе.

В самом соборе стояло девять гробов с телами убитых казаков. Среди них было и тело хорунжего Хохлачева, погибшего со своими казаками при исполнении воинского долга. Все гробы, каждый в отдельности, были покрыты черным траурным крепом.

После торжественной панихиды гробы вынесли на паперть собора какие-то люди в штатском. То, оказалось, были члены Временного правительства. В тишине послышалась воинская команда:

— Шашки вон! Пики в руку! Господ-да оф-фицеры!

Толпа народа, запрудившая всю площадь, молитвенно обнажила головы...

Гробы с останками погибших казаков установлены на лафеты орудий, и торжественная похоронная процессия, с многочисленным духовенством и делегатами, с горами венков из живых цветов — двинулась по Невскому проспекту, в направлении Николаевского вокзала. Этот день был днем-предвестником, как бы “первой ласточкой”, предупреждавшей о предстоящей гибели и национальной России, и Казачества.

Вечером того же дня мы — на Варшавском вокзале. Там были родственники погибших казаков. По своему облику, по одежде, они так непохожи на окружающих, что невольно останавливали на себе взгляд каждого. Это стариннейшие люди, сохранившиеся в своей доподлинности в лесисто-степных дебрях Северного Дона, Хопра иль Медведицы. Казачьи семьи стоят “гуртом” среди многолюдной столичной толпы. Все они печальны, вернее — все они чувствуют себя очень горестно, одинокими, чужими и словно людьми другого государства. На них смотрят с глубоким сочувствием и сожалением. Среди них маленький казачок лет 15 — сын одного убитого казака. Он в длинном отцовском темно-синем мундире, в донской, войскового цвета, красно-голубой фуражке и при длинной отцовской шашке-палаше до пола.

Кто-то громким голосом очень энергично привлекает внимание всех и внятно, убедительно говорит-кричит, указывая на подростка-казачонка, что “он сын погибшего отца... и приехал сюда со своего далекого Дона, чтобы в строю заменить его!” и выкрикивает дальше: “Он, этот казачок — уже надел мундир своего отца и его шашку!” И резким жестом, вновь показывая на мальчика-казачонка, который стоял печально невдалеке словно “кот в сапогах”, продолжал выкрикивать, уже диктуя толпе:

— И если казаки отдают России свою жизнь, то мы, штатские — должны отдать для гибнущего Отечества свои деньги! А пока что — давайте сбросимся этому молодому казаку на его новый мундир! Кто сколько может! — уже кричал он, диктуя всем окружающим.

— Ур-ра-а — казачеству! — громко и восторженно пронеслось по всему обширному залу Варшавского вокзала, и в воздухе замелькали шляпы, фуражки, котелки... Денежные знаки — рубли, трешки, пятерки, десятки и выше — щедро посыпались в шляпы каких-то добровольных и энергичных сборщиков для казачьих сирот.

За границей я нигде не встречал в казачьей печати описание этих дней первого большевистского восстания в Петрограде, при каких обстоятельствах погибли казаки и какого именно Донского полка. В своих воспоминаниях — коротко об этом указал Джордж Бькженен, дипломатический представитель правительства английского короля. Вот его краткая запись: “Положение Временного правительства в этот день было критическим, и если бы казаки и несколько верных полков не подоспели вовремя, чтобы его спасти, — ему пришлось бы капитулировать. Пока мы обедали, казаки атаковали кронштадтских матросов, собравшихся в прилегающем к посольству сквере, и заставили их (матросов) обратиться в бегство. После этого они (казаки) повернули обратно по Набережной улице, но немного дальше попали под перекрестный огонь. Мы увидели нескольких лошадей без всадников, мчавшихся полным галопом, и как на двух казаков, которые вели пленного красного, напали солдаты и убили их под нашими окнами”. (“Моя миссия в России”. Стр. 108.)

Вот короткие слова живого свидетеля, но довольно жуткие. Здесь важно то, что первые жертвы гражданской войны никогда не забываемы...

Новые офицеры полка

В родной полк вернулся сотник Попов*. В начале 1914 г., с взводом казаков от полка, он был назначен в Персию (в Мешхед), в конвой Российского Императорского консула. Попов считался в полку отличным и энергичным офицером, как и гордым человеком.

На митингах Попов выступал часто. Говорил умно, активно и своими речами, призывая казаков к порядку, к дисциплине, — очаровал их. Почти все казаки знали его еще по мирному времени, так как в полку он пробыл ровно два года, почему и верили ему. Офицеры и выдвинули его кандидатуру в новый полковой комитет. Попов с удовольствием идет на это. В комитете его выбирают председателем. За дело принимается активно и... пересаливает. Он так стал смело говорить в комитете и требовать дисциплины, проявляя при этом свои диктаторские замашки, что комитет своею властью удаляет его с поста, а на его место выбирают вахмистра 1-й сотни Григория Писаренко, казака станицы Кавказской. С этого дня оборвалась духовная связь офицеров полка с полковым комитетом.

Полк — это есть громоздкая и серьезная часть армии. Всякий полк блистал славою своего командира полка или падал в бесславие от отрицательных личных качеств его. В то революционное время, когда полковой комитет фактически по своей власти стоял выше командира полка — естественно, во главе этого комитета должен был стоять обязательно офицер. Офицер опытный, серьезный, интеллигентный и развитый, который интересы своей страны, армии — ставил бы выше революционных всевозможных требований-прихотей толпы, массы, хотя бы она и состояла бы из доблестного нашего молодецкого казачества. Конечно, обыкновенному уряднику — это понять, постичь — было невозможно. Председатель-урядник больше требовал от власти, вместо того чтобы ей помогать. Вот почему и оборвалась духовная связь офицеров с полковым комитетом. Сотник Попов, ущемленный, уехал в отпуск и в полк уже не вернулся.

Почти одновременно с сотником Поповым в полк прибыл подьесаул Растегаев*, кадровый офицер Кубанского (Варшавского) конного дивизиона. Он прибыл в полк без запроса общества господ офицеров полка, как полагалось в Императорской армии — принять или не принять офицера в свой полк?

По своему чину подьесаула — он становился старше всех нас, молодых подьесаулов и старых кавказцев, что нам не должно было понравиться! Но... на его родной сестре был женат наш, нами уже оцененный только с отличной стороны — командир полка Г. Я. Косинов, почему мы молча приняли его в свою семью. Растегаев оказался отличным офицером и полковым товарищем, импозантным в седле на своем мощном рыжем английском коне и с дивным баритоном, годным в оперу. Подьесаул Дьячевский заболел, выехал на Кубань и его 4-ю сотню принял Растегаев.

Как-то 45-летний командир 5-й сотни есаул Авильцев, придя в офицерское собрание, со свойственной ему остроумной грубостью, сказал нам:

— Прямо-таки взбесились казаки моей сотни... все время просят устроить джигитовку! То не дозовешься и недо-шлесся никого и никуда, а тут — хотят джигитовать! Я, конечно, разрешил им, но заявил, что за последствия не отвечаю, — сломает кто-нибудь себе голову, а потом и потянут еще в революционный суд...

Выслушав эту тираду, мы весело смеялись. А застрельщиком-то этого был урядник Науменко Трофим, казак станицы Терновской. При мне он окончил учебную команду курса 1913-1914 гг. Отличный наездник, танцор лезгинки и казачка, песенник и отличный, лучший гимнаст на снарядах в учебной команде. К тому же — щеголь и ухажер. Еще под Або я видел его, шедшего под ручку с какой-то “нэйти” (барышней) в шляпке. Я только радовался за своего воспитанника, услышав теперь неудовольствие его командира сотни.

К этому времени подошли сотенные праздники 1-й и 3-й сотен, которые всегда праздновались торжественно. Казаки отпраздновали их теперь отменно и... с молодецкой джигитовкой. Начало 5-й сотни оказалось заразительным. Революция и джигитовка, две вещи, казалось бы, несовместимые...

Концерт-бал 2-й сотни

Побывав на праздниках соседних сотен, казаки 2-й сотни заволновались. Вахмистр и взводные урядники обратились ко мне с ревнивым чувством и такими словами:

— Что бы это сделать, господин подьесаул? В других сотнях праздники, а у нас ничего! Уже и сотня волнуется! — весело, запрашивающе говорят они.

Сотенный праздник приходился на 8 ноября, в день Святого Архистратига Михаила, ждать его было долго. Взвесив все, я предложил им устроить сотенный концерт-бал в финском народном доме. Урядники подхватили эту мысль, и подготовка к нему началась немедленно же. В ход пустили стихи Пушкина и Лермонтова о Кавказе и о казаках. К участию приглашены танцоры и других сотен.

На концерт приглашены все офицеры полка с их хозяйшками с семьями, казаки других сотен. Вход бесплатный. Платный лишь буфет, свой собственный, казачий.

Концертную программу открыл хор полковых трубачей. Их сменил хор сотенных песенников. Пели отлично, не построеному, а “благородно”, на три музыкальных голоса.

На фоне хора, со взводными урядниками Федоровым и Толстовым (оба Темижбекской станицы), мы спели “трио” “Така ии доля...” Наши казаки-линейцы почти не знакомы с поэзией Тараса Шевченко, почему пение слушали очень внимательно:

За тэ — що так щыро, вона полюбыла

Козацькии очи — просты сыроту...

Стояла тишина. Думаю, что в эти моменты многие казаки перенеслись в свои станицы и думали только о своих женушках-подруженьках и о своем далеком и невозвратном “парубстве”...

Не стоит писать об успехе. В особенности у местной русской питерской знати, которые-то и казаков с Кавказа видят и слушают, так близко, впервые в своей жизни. Они полюбили их искренне. Трио спело еще две-три веселых песни, и занавес опустился, так как после этого будет “гвоздь” концерта. И, когда занавес поднялся вновь, зрителям представилась картина — черкесы...

Они, “черкесы”, небрежно раскинулись по всей сцене — сидя, стоя, полулежа. Некоторые чистят свои шашки, кинжалы, ружья... протирают ремни седел. Другие отдыхают на бурках, будто разговаривая между собою и примеряя папахи... Позади, приказный Федот Ермолов, присев на корточки, — держит в поводу своего коня. В стороне “костер”: под ветками ели — электрическая лампочка. На сцене полутьма.

Дав время публике рассмотреть эту картину, откуда-то из-за сцены она слышит голос-баритон:

В большом ауле, под горою,

Близ саклей дымных и простых,

Черкесы позднею порою Сидят. —

О конях удалых

Заводят речь, о метких стрелах,

И с ними как дрался казак...

Старший урядник И.Я. Назаров (станции Кавказской), бывший урядник Конвоя Его Величества, лицом и манерами очень похожий на горца Кавказа — он, сидя у самой рампы и наждаком чистя свой длинный чеченский кинжал, любуется им и разговаривает, словно сам с собою:

Люблю тебя, булатный мой кинжал,

Товарищ светлый и холодный...

Задумчивый грузин на месть тебя ковал —

На грозный бой точил черкес свободный...

Некоторые казаки-“артисты” от бездействия на сцене — тяжело сопят... Но — сейчас будет “действие” и самое главное. Тихо, заунывно, по-строевому, но не по-нотному, один затынул: “Горе нам, Фези к нам — с войском стремиться...” Я не буду описывать, как прошла лезгинка под эту, так знакомую в кавказских казачьих войсках песню. Лучшие танцоры полка, урядники — Назаров, Квасников, Науменко, Логвинов и трубач Матвей Позняков — ходили и прыгали “на когтях”, т. е. на пальцах ног, как балерины “на пуантах”. Успех был исключительный. Несколько раз танцоров вызывали “на бис”.

Но это было еще не все. Секретно ото всех я подготовил еще один номер. За час до его исполнения я приказал своему конному вестовому привести моего белого кабардинца, по кличке “Алла-гез” (Божий глаз).

— Идите в залу, смотрите и слушайте, — говорю я своим “артистам”.

На белом фоне папахи, бешмета, черкески и лошади — красного войскового цвета были лишь бриджи и прибор к седлу, т. е. уздечка, нагрудник и пахвы. Так представился всадник на сцене. Поднялся занавес...

Из залы, из темноты — на нервного кабардинского коня дохнуло какое-то “живое чрево”. Он вздрогнул от неожиданности, на миг замер, а потом “заегозил”, готовый броситься со сцены в неизвестность от страха. Привычными движениями шенкелей, поводом и похлопыванием по шее — успокоил его. Град аплодисментов нарушил тишину. Зрители думали, что это очередная “живая картинка”, но это было не так... Успокоив коня и дав возможность “разрядиться” публике, — я, насколько позволяло спокойствие и умение, произнес не торопясь и громко:

Кто при звездах и луне

так быстро скачет на коне?

Чей это конь неутомимый

бежит в степи необозримой?

Публика замерла от неожиданности:

Казак на юг свой держит путь...

Казак не хочет отдохнуть

Ни в чистом поле, ни в дубраве,

ни при опасной переправе...

Рассказав по А.С. Пушкину стихотворение “Тонец”, что у казака-гонца есть — и червонцы, и булат, и ретивый конь, но — “шапка для него дороже!” и, похлопав по папахе — продолжал: “Зачем он шапкой дорожит?” И после короткой паузы:

Затем... что в ней “Наказ” зашит!

“Наказ” сынам Родной Кубани!

Чтоб там яснее понимали,

чтоб Терек, Дон, Урал, Кубань

Слился б — вместе потекли,

и Русь Святую бы спасли...

В зале творилось что-то особенное. Топот ног казаков заглушил аплодисменты. И понятно. Казаки, издерганные в эти месяцы революции анархическими выступлениями

солдат, жаждали порядка. В нашем полку совершенно не было сепаратных политических мыслей. Из “завоеваний революции” они приветствовали восстановление Войсковой Рады и выборного войскового атамана. Искренне приветствовали образование в Петрограде Правления Союза Казачьих войск и, как трактовалось везде, ждали Учредительного Собрания. Вот были все их политические мысли. Главное же — они жаждали порядка в армии, как и порядка во всей России.

На следующий день урядники просили отпечатать это “мое” стихотворение, чтобы раздать казакам на память о вечере. “Уж больно оно хорошо Вами составлено”, — говорят они. Но когда я им сказал, что это стихотворение А.С. Пушкина, и я только кое-что переставил в словах, — они не хотели верить и даже, как мне показалось, разочаровались. Им так хотелось верить в неведомое!

Демобилизация старых казаков

Распоряжением Временного правительства приказано или разрешено демобилизовать старых казаков, до прихода в полк 1910 г. включительно. Временное правительство, видимо, стало ясно понимать, что революционная армия дальше воевать не может и надо ее постепенно оздоровить, отпустив домой старых. Казаки встретили это с радостью. Сборы были быстры. Уходящим казакам дан молебен. На церковной площади, сбатовав лошадей — они выстроились с непокрытыми головами, держа папахи по-уставному и набожно крестясь, расставаясь с родным полком. На молебне присутствовали все офицеры. И, смотря на эту картину, кто бы мог сказать, что произошла революция? То молились казаки, молились искренне, как молились и до революции.

И казалось, изолируй их от комитетов и разных агитаторов, и вновь станет нормальная дисциплина! Но кто же СИЛЬНЫЙ мог это сделать? Вот ЕГО-то еще и не нашлось! А ЕГО-то все мы так ждали...

Казаки стали прощаться со своими офицерами. Подходили они к офицерам сами, прощаясь вежливо, сердечно. И многие из них сказали нам, офицерам, сакраментальные слова: “Простите, если что сказал, иль сделал после революции!”

Мы, офицеры, эти “поборники старого режима”, мы сердечно жали руки им, желая счастливого пути, а главное — “Передать земной поклон нашей родной Кубани-матери и всему нашему кровному Кубанскому казачьему Войску, находящемуся так далеко-далеко от нас”...

С уходящими на льготу казаками — ушел и вахмистр моей сотни, подхорунжий Василий Иванович Митрофанов, Георгиевский кавалер трех степеней, казак станицы Расшеватской. По сроку службы вахмистром сотни должен быть старший урядник Федоров, очень популярный в сотне, но он решительно отказался, доложив мне так:

— Господин подьесаул! Я вышел на войну взводным урядником, в этой должности проделал всю войну и хочу до конца остаться на своей должности.

Такая скромность. Уступая его искренности, вахмистром сотни назначил его же станичника и друга, но годом моложе по службе, старшего урядника Толстова, не менее Федорова популярного в сотне и главу песенников. При мне, в учебной команде 1913-1914 годов, он был взводным урядником, и его я лучше знал, нежели Федорова. Вахмистром он был отличным.

В сотне ежедневно производилась “вечерняя заря”. После нее читался приказ по полку и делались распоряжения на следующий день. Почти ежедневно после нее — я оставался с казаками петь песни, немного шлифовать старые. Много шутили, и все, конечно, заканчивалось плясками “казачка”. У клумб большого двора “Светлановки”, на высоком красивом фигурном металлическом столбе висел большой фонарь газового освещения. Под ним большая площадка для всей сотни, усыпанная песком. На этой площадке и была сосредоточена вся жизнь сотни, и днем, и вечером.

Послушать песни казаков и посмотреть их пляски — часто выходила вся семья инженера Петра Семеновича Светланова. Казаками Светлановы были очарованы.

Всегда после песен Калерия Ивановна Светланова неизменно обращалась ко мне со следующими словами:

— Ф.И., можно ли Вашим казакам подарить за песни рублей десять? Какие они у Вас молодцы! Какие вежливые и послушные! Словно сделаны из другого теста, чем наши солдаты... — продолжала она. — Я ведь не езжу в Петроград исключительно потому, чтобы не видеть этих грубых и распущенных солдат. А Ваши казаки...

Я не сразу соглашался на подарок казакам от нее, чтобы не умалить казачьего достоинства, да и пели и танцевали казаки сами для себя, а не для зрителей, хотя бы и милых наших хозяев Светлановых.

— Нет-нет, Ф.И.! Вы позвольте мне дать им денег! Петя! Дай и ты... от себя! — наставительно говорит она мужу. И они дают вместе 25 рублей.

— Покорно благодарю, барыня! — молодецки и громко отвечает Толстое, глава песенников, коротко козырнув ей, Калерии Ивановне.

Правильно было бы ответить “спасибо, госпожа Светланова”, но старший урядник Толстое, как и все казаки, называли нашу хозяйку барыней. Потом я, с глазу на глаз, спросил Толстова, “не оскорбительно ли такое обращение к нашей хозяйке для казаков”? Но Толстов даже удивился моему вопросу, как и сказал, что иного обращения он и не знает.

Во время Второй мировой войны, с занятием красными Риги, Светлановы были сосланы в Сибирь и там погибли.

Гримасы революции

Занятий в полку никаких. Для развлечения часто скачу в седле по мягким дорогам соснового леса — один, без вестового. Иногда скачу и с “амазонкой”...

Бросив повод на луку и хлопнув ладонью по крупу своего Алла-геца, и когда тот, с удовольствием, широким наметом, бросился вперед через ровные изгороди, чтобы как можно скорее попасть в приятную для него конюшню — иду под дождик по двору расположения второй полусотни. Обозный казак Баженов, выпрягши своего коня из сотенной двуколки, бросил хомут и вожжи между оглоблей. Все раскисло под дождем и производит удручающее впечатление бесхозяйственного развала. Меня это задело.

Казак моей сотни — из богатой семьи станицы Новопокровской был в обозной полковой команде и в мирное время. Этого казака тогда я видел ежедневно несколько раз. Он очень отчетливо всегда отдавал мне воинскую честь.

Крупный костистый мужчина, с энергичным крупным лицом и энергичными движениями — я и тогда удивлялся: как такой молодецкий казак-богатырь мог попасть в полковую обозную команду, когда его место могло быть даже в кубанских сотнях Конвоя самого Русского Императора?

Его старший родной брат, бывший старший урядник Кубанского (Варшавского) дивизиона, бывший на льготе — прибыл в полк на пополнение в начале 1915г., под Баязет и назначен был в нашу 3-ю сотню. Он был еще крупнее его, умный, серьезный, с гвардейским воинским лоском и почти юнкерской воинской отчетливостью. Вот почему поступок его младшего брата с казенным сотенным хозяйственным имуществом меня глубоко возмутил. Дай казаку немного воли, он сделает еще худшее, — считал я. Этого надо не допустить и пресечь при первом же случае. Стоя под дождем и рассматривая раскисшую упряжную сбрую, я вижу из-под надвинутой на глаза папахи, что под навесом их дачи-казармы стоят человек двадцать казаков, смотрят в мою сторону, улыбаются, а среди них стоит крупный ростом и широкий в плечах казак Баженов, но с серьезным лицом. Явно — они смеялись над ним, как попавшимся в воинском проступке.

— Позвать мне обозного казака Баженова! — громко произношу в направлении этой группы казаков моей сотни.

По мокрой траве в грязи ко мне бежит детина-казак, чавкая своими сапогами по раскисшей почве и, подбежав, взяв отчетливо руку под козырек, произнес:

— Чего извольте, господин подьесаул?

— Опустите руку и станьте “вольно”, — спокойно говорю ему.

— Никак нет, господин подьесаул! — отвечает он, — не могу!

— Но тогда опустите только руку, — предлагаю ему. Он опустил, но стоял в положении “смирно”. И у нас произошел с ним следующий диалог.

— Скажите, Баженов, если бы Ваш отец увидел это... — при этом я указал ему рукою на раскисший хомут и вожжи, — что бы он сказал Вам?

— Виноват! Господин подьесаул! — отвечает он смущенно.

— Да и вообще — позволили бы Вы вообще в станице, в отцовском хозяйстве — бросить конскую кожаную упряжь под дождем?

— Никак нет, господин подьесаул! — отрицает он.

— Как отец поступил бы с Вами за это? — морально мучаю я его, стараясь добраться до его совести.

— Они бы меня наказали... — сознается он, с почтением называя своего отца в третьей лице.

— Ну, так вот что, Баженов, возьмите все это и уберите под сарай немедленно же... — резюмирую я “его исповедь”. И этот богатырь-детина, могущий кулаком сбить с ног быка, — он послушно собирает раскисшую ременную сбрую и несет под сарай. Казаки под навесом от дождя весело смеются...

Привожу эту мелкую, но характерную картинку как показатель революционной распущенности, которая достигла даже казачьей хозяйственной души. И командиру сотни, вместо того чтобы только крикнуть-приказать: “Баженов! Убрать!” — пришлось произнести целую тираду, чтобы подействовать на совесть, на душу казака. При этом пришлось подбирать необходимые слова и вежливо, чтобы не оскорбить этого всего лишь обозного казака, называть его на “Вы”. Тогда как раньше — это сделал бы любой приказный, но в другой форме и по-воински более определенной и строгой. И думалось тогда: “При таких взаимоотношениях и революционной дисциплине — можно ли было вести казаков в бой, в атаку, на смерть?! Да и пошли бы они?!”

Военная инспекция

Прибежал ординарец из штаба полка и доложил мне, что минут через десять сотню будет смотреть какой-то генерал, о чем полковой адъютант приказал мне доложить, чтобы выстроить сотню в пешем строю. Собрать и выстроить сотню казаков, квартирующих так скученно, было делом пяти минут.

От ворот “Светлановки” до фигурного фонаря с керосиновой лампой было шагов сто. Вот оттуда-то и показалась группа наших штаб-офицеров с командиром полка и адъютантом, а впереди них какой-то генерал, которого я вижу впервые.

Среднего роста, коренастый, смуглый, по-кавалерийски подтянутый и с походными ремнями накрест кителя, при шашке и револьвере — он бодрым шагом шел к нам. Видом он был моложе нашего командира полка.

Скомандовав сотне: “Смирно-о! Шашки вон! Слушай — на кра-ул!” и взяв шашку “подвысь”, иду навстречу, чтобы отрапортовать. Иду и думаю: “Как же его титуловать?”

По новому революционному закону, и к генералам надо обращаться “по чину”, т. е. — “господин генерал”, но не “Ваше превосходительство”. К своему начальнику дивизии мы обращались по старому — “Ваше превосходительство”, но сейчас к сотне приближался неизвестный мне генерал и я не знал, как же ему рапортовать? Душа и мозг диктовали обратиться “по-старому”, но тут же перебивает мысль: “А вдруг этот генерал воспринял революцию и может не только что цукнуть меня за незнание нового закона, но он может упрекнуть меня и в контрреволюционности!” Иду и все думаю, и не решаюсь остановиться на одном, каком-либо определенном, но, когда, по-положенному, опустил клинок шашки к своему левому носку чевяка на четверть от земли, то как-то машинально отрапортовал:

— Господин генерал... во 2-й сотне 1-го Кавказского полка все обстоит благополучно!

Выслушивая рапорт, генерал испытывающе смотрел мне в глаза. Он был красив благородною красотой с черными приятными глазами. И, выслушав, протянул мне руку.

Быстро передав эфес шашки в левую руку, подал свою. А он, каким-то легким коротким движением, потянув меня к себе, — тихо спросил:

— Как настроение казаков?

— Надежное! — машинально ответил ему. .

На приветствие генерала сотня ответила громко, дружно, молодецки: “Здравия желаем, господин генерал”, и не пошелохнулась в строю. Пройдя перед фронтом и рассматривая лица казаков, он поблагодарил их за стройный вид и направился к воротам.

— Кто это? — быстро спрашиваю я полкового адъютанта подьесаула Кулабухова, схватив его за рукав черкески.

— Командир 1-го Кавалерийского корпуса, генерал-майор князь Долгоруков, — ответил он.

Мне стало стыдно, что я своего командира корпуса и князя с такой старинной фамилией назвал “господин генерал” в своем рапорте. Оказывается — генерал князь Долгоруков инспектировал моральное настроение своих частей, так как назрело, известное потом, выступление генерала Корнилова*.

Корниловское выступление

Пребывание полка в Ууси-кирка сильно оздоровило всех, отодвинув на второй план жуткие дни революции. Назначение на пост Верховного Главнокомандующего генерала Корнилова порадовало казаков. Все соскучились по твердой власти и считали, что генерал Корнилов “подтянет всех”! К тому же им льстило, что родом он был казак Сибирского войска. В полку слышали, Керенский очень считался с настроением Петроградского совета, который буквально парализовал волю и действия правительства. Генерал же Корнилов — шел против этих советов.

Душой наш полк был полностью на стороне генерала Корнилова. Когда же после катастрофического “июльского наступления”, или, как он озаглавлен был потом, “тернопольский разгром”, генерал Корнилов, тогда Главнокомандующий Юго-Западным фронтом, минуя Ставку Верховного Главнокомандующего генерала Брусилова, прислал Временному правительству свой ультиматум, — у казаков личность его стала священной-героической.

Вот его телеграмма-ультиматум Временному правительству, которой казаки зачитывались как священными словами: “Армия обезумевших темных людей, не ограждавших себя властью от систематического развращения и разложения, потерявших чувство человеческого достоинства бежит... На полях, которые нельзя даже назвать полями сражений — царит сплошной ужас, позор и срам, которых Русская Армия еще не знала с самого начала своего существования...

Меры правительственной кротости расшатали дисциплину и вызывают беспорядочную жестокость ничем не сдерживающихся масс. Эта стихия проявляется в насилиях, грабежах и убийствах... Смертная казнь спасет многие невинные жизни ценою гибели немногих изменников, предателей и трусов...

Это бедствие должно быть прекращено. И этот стыд — или будет снят революционным правительством, или, если оно не сумеет этого сделать, — неизбежным ходом истории будут выдвинуты другие люди...

Я, генерал Корнилов, вся жизнь которого от первого дня сознательного существования и донныне в беззаветном служении Родине — заявляю, что Отечество гибнет, и потому, хотя и не спрошенный, — требую немедленного прекращения наступления на всех фронтах в целях сохранения и спасения армии для реорганизации на началах строгой дисциплины, и дабы не жертвовать жизнью немногих героев, имеющих право увидеть лучшие дни. Необходимо немедленно, в качестве временной меры, исключительно вызываемой безвыходностью создавшегося положения, введение смертной казни и учреждение полевых судов на театре военных действий. **ДОВОЛЬНО!**

Я заявляю, что если правительство не утвердит предлагаемых мною мер и тем лишит меня единственного средства спасти армию и использовать ее по действительному назначению для защиты Родины и Свободы — то я, генерал Корнилов, самовольно слагаю с себя полномочия Главнокомандующего. Генерал Корнилов”.

Эта смелая, глубоко патриотическая телеграмма своим тоном и требованием впервые открыла всей России личность генерала Корнилова, могущего быть спасителем армии. 19 июля Временным правительством генерал Корнилов был назначен вместо генерала Брусилова Верховным Главнокомандующим. Теперь о нем заговорила вся печать, и мы впервые узнали его биографию. Она подкупала казачьи сердца и точно говорила им, что “он — наш”.

Сотня выписывала две газеты — “Речь” и “Новое Время” Обе газеты правые, конституционного образа правления. Казачьи же газеты и воззвания из Петрограда от Совета Союза Казачьих войск — прочитывались до последней строчки. Казаки большое внимание обращали на то, что говорили генерал Корнилов и Донской атаман генерал Каледин*. Речь последнего, как политическая декларация от 13 казачьих войск — вызвала восторг среди казаков нашего полка:

“Казачество не опьянело от свободы... Оно не сойдет со своего исторического пути служения Родине с оружием в руках на полях битв, и внутри — в борьбе с изменой и предательством. Обвинение в контрреволюционности было брошено в казачество именно тогда, после того как казачьи полки, спасая революционное правительство по призыву министров-социалистов, — 3 июля вышли, решительно, как всегда, с оружием в руках, для защиты Государства от анархии и предательства.

Понимая революционность не в смысле братания с врагом; не в смысле самовольного оставления назначенных постов, неисполнения приказов и предъявления Правительству неисполнимых требований, преступного хищения народного богатства; не в смысле полной необеспеченности личности и имущества граждан и грубого нарушения свободы слова, печати, собраний, Казачество отбрасывает упрек в контрреволюционности! (Справка: История 2-й русской революции, т. 1, вып. 2-й, стр. 38).

Когда призрак “генерала на белом коне” так неожиданно появился на фоне разлившейся анархии в стране, — большевистские газеты подняли травлю генерала Корнилова, с требованием “смены его”. На это немедленно же отозвалось с энергичным протестом казачество, и 6 августа Совет Союза Казачьих войск, возглавляемый войсковым старшиной А. И. Дутовым*, послал следующее постановление Временному правительству:

“Генерал Корнилов не может быть смещен как истинный Народный Вождь и, по мнению большинства населения, единственный генерал, могущий возродить боевую мощь Армии и вывести страну из крайне тяжелого положения. Совет Союза Казачьих войск, как представитель всего Российского Казачества, заявляет, что смена генерала Корнилова неизбежно внушит казачеству пагубную мысль о бесполезности дальнейших казачьих жертв, видя нежелания власти спасти Родину, честь Армии и свободу народа действительными мерами.

Совет Союза Казачьих войск считает нравственным долгом заявить Временному правительству и народу, что он снимает с себя ответственность за поведение Казачьих войск на фронте и в тылу при смене генерала Корнилова. Совет Союза Казачьих войск громко и твердо заявляет о полном и всемерном подчинении своему вождю — Герою Лавру Георгиевичу Корнилову (Справка: Архив октябрьской революции, дело генерала Корнилова. № 5-й, л. 16).

Это постановление произвело в нашем полку на казаков очень сильное впечатление. Они отлично знали, что там, в Казачьем Совете, уж ни в коем случае не сидят “казачьи контрреволюционеры”, а как раз наоборот, что в нем находятся такие делегаты от Казачьих войск, которые отстаивают казачьи права и интересы.

августа казаки читали в газетах еще и следующее: “Союз Георгиевских кавалеров единогласно постановил: всецело присоединиться к резолюции Совета Союза Казачьих войск и твердо заявить Временному правительству, что если оно допустит восторжествовать клевете и генерал Корнилов будет смещен, то Союз Георгиевских кавалеров отдаст немедленно боевой клич всем кавалерам к выступлению совместно с Казачеством”.

тот же день казаки прочитали и еще одно постановление: “Главный комитет Союза офицеров Армии и Флота, в тяжелую годину бедствий — все свои надежды на грядущий порядок возлагает на любимого Вождя Генерала Корнилова.

Мы призываем всех честных людей и все Русское офицерство незамедлительно высказать ему свое полное доверие, подтвердив, что его честная, твердая и испытанная во многих боях рука, его имя и пролитая кровь за Родину — являются, быть может, последним лучом надежды на светлое будущее России. (Справка: Архив октябрьской революции, дело генерала Корнилова, № 36, л. 44.)

В соответствии с этими событиями полк вынес положительную резолюцию. А потом разнесся слух и писалось в газетах, что “генерал Корнилов, с Дикой дивизией и с казаками, идет на Петроград, чтобы восстановить твердую власть”. В полку все зашевелились и ждали часа, когда и нашему полку будет приказ “двигаться на столицу с севера”.

Моя 2-я сотня буквально ликовала. Взводные урядники и председатель сотенного комитета Козьма Волобуев горели полным нетерпением — “все может произойти в Петрограде помимо нашего полка, что будет очень обидно”... Так как сотни полка стояли изолированно одна от другой, то полковой комитет потребовал точного постановления от сотен на это событие.

— Господин подьесаул! Напишите как можно сильнее в пользу генерала Корнилова! — обратились ко мне вахмистр, взводные урядники и сотенный комитет. — Не бойтесь! — говорили они. — Ведь это мы будем подписывать постановление, а не Вы! Не бойтесь!

Постановление было написано мною в духе полного и беспрекословного подчинения своему Верховному Главнокомандующему генералу Корнилову и передано в полковой комитет. С полным сознанием исполненного своего патриотического долга перед нашим Отечеством — мы ждали развертывающихся событий под Петроградом, уверенные на все сто процентов, что генерал Корнилов раздавит крамолу и восстановит порядок в Армии. Мы даже ждали с часа на час телеграмму из Петрограда о новых распоряжениях и подписанных самим Корниловым.

Мы тогда не знали, что генерал Корнилов оставался в своей ставке в Могилеве, а на Петроград послал 3-й Конный корпус, под командованием генерала Крымова...

Было воскресенье 27 августа. В семье Молодовских, где квартировал командир 6-й сотни подьесаул Шура Некрасов с супругой, на их роскошной даче, был большой парадный обед. Это был день именин сына-студента хозяев Николая и, по совпадению, день рождения супруги Некрасова, Зои Александровны, по-полковому — “Заиньки”.

На этот обед были приглашены полковой адъютант подьесаул Владимир Кулабухов и я. Обед прошел очень весело, уютно и приятно. Произносились горячие тосты за именинников и особенно за успех генерала Корнилова. Мы были восторженно возбуждены. Уже подавали к столу сладкое, как я увидел быстро идущего к нам, сидевшим на террасе дачи, председателя сотенного комитета, младшего урядника Волобуева. Он был в черкеске, при шашке. Он шел торопливо, и это показалось мне странным. Предчувствуя что-то недоброе, я быстро спустился вниз и нетерпеливо спросил:

— Што такое, Козьма?

Взяв руку под козырек, он возбужденно доложил:

— Господин подьесаул! Генерал Корнилов отрешен Керенским... Все дело провалилось. В Выборге солдатами убит командир корпуса и много офицеров. В полк приехали матросы и требуют от полка постановления: “За кого мы? За Корнилова или за Керенского?” Все сотни вынесли постановление “за Керенского”... Председатель полкового комитета вахмистр Писаренко прибыл в нашу сотню с этим вопросом... мы не знаем, — что делать? И без Вас не можем дать ему ответа... почему он и требует Вас немедленно же придти в сотню — и говорить с ним...

Кровь ударила мне в душу, в лицо, во все мое существо, и я почувствовал такую злость к революции, к сотням нашего полка, вынесшим резолюцию “за Керенского”, и к вахмистру Писаренко, который “требует” меня к себе, а не просит... я почувствовал такую беспомощность, пустоту и банкротство в своей душе, что — сегодняшний такой ясный солнечный день — показался мне темнее ночи...

Я почувствовал, что все, что я делал во все эти жуткие месяцы революции по оздоровлению казаков, и что будто бы все уже подходило к своему благодатному концу — все это погибло вот сейчас, и погибло безвозвратно...

И если арестован генерал Корнилов, Верховный Главнокомандующий, национальный герой страны, и арестован так просто, то что же тогда мы?.. Она, революция, ведь совсем тогда раздавит нас, офицеров!

Немедленно же сообщаю ужасную новость всем и тороплюсь в свою сотню, в нашу милую Светлаиовку.

Вахмистр Григорий Писаренко

Он мой станичник. Его я знал с детских лет. Подворье его отца было недалеко от нашего, а участки земли — почти рядом. В одно лето их отец-вдовец просил помочь скосить ему несколько десятин пшеницы, которая, перезрев на корне, уже высыпалась. Я был учеником Майкопского технического училища и на каникулах работал в своих садах над Кубанью и в степи, что было нормально в каждом казачьем семействе. Отец и послал меня к ним “с жатвенной косилкой”. Младший брат Жорж был “погоньшем” в седле на переднем уносе четверки лошадей в упряжке косилки.

Как принято на жнитве — кроме платы за косовицу по 4 рубля от десятины — мы обедали и ужинали с семьей Писаренко, на ночь возвращаясь “в свой табор”. Деревянными ложками ели вместе борщ из общей большой деревянной чашки и еще что-то... У отца Писаренко два сына и две красавицы-девицы дочери. Старший сын давно окончил “за Каспием” свою действительную службу в 1-м Кавказском полку, а Гришка был двумя годами старше меня. До этого, в станичном двухклассном училище, он был вместе со мною и бросил учиться в 4-м отделении.

Ежедневно, после классных занятий, расходясь по домам, мы, казачата, всегда “дрались край на край”, т. е. восточная часть станицы, исключительно “староверская” (бывшие донские казаки) — дралась с западной частью станицы, бывших малороссийских казаков. Для облегчения в драке — мы навешивали свои ученические сумки на смиренных казачат, к которым принадлежал и Гришка Писаренко. И, кстати, наш старший брат Андрей, будущий войсковой старшина.

Гришка Писаренко — худой, длинный, в какой-то бабьей ватной стеганой шубе, слегка согнутый, обвешанный нашими сумками — всегда стоял далеко “от поля битвы” и мрачно созерцал нашу молодецкую, с шумом, с криком “стой, не бойсь” баталию. За это его прозвали “дылда”, т. е. негодный, трусливый казачишка.

С тех далеких лет я его больше не видел, так как учился. Но в 1913 г., как умного казака, его назначили в полковую учебную команду, где я был помощником, только что окончив военное училище, имея чин хорунжего.

Писаренко, хорошо грамотный казак против других, очень преуспевал в изучении военных уставов и был отличный гимнаст на снарядах. Но его характер... Когда он бывал дежурный по команде — такого придиры к своим же казакам-учебникам трудно было найти. Его они не любили, его они не боялись и разыгрывали, как могли. Вахмистром команды тогда был Н.И. Бородычев*.

Так вот: к этому Гришке Писаренко я шел “для объяснения” по политическому моменту и... он меня “требовал” к себе. Трудно найти большую иронию революции...

Моя 2-я сотня вся в сборе. В кругу ее Писаренко — в черкеске и при шашке.

— Здравствуйте, Григорий, — говорю я ему и, как всех своих станичников полку, называю по имени.

— Здравия желаю, господин подьесаул! — отвечает он по-строевому, взяв руку под козырек.

Бросив глаз на сотню, на урядников — вижу, что здесь уже много было говорено до меня и дело, видимо, плохое...

— Я к Вам по службе, господин подьесаул, — немного ехидно говорит он. — От полка требуют постановления — за кого мы — за Керенского или за Корнилова? Как известно, Ваша 2-я сотня вынесла постановление за генерала Корнилова... но Корнилов теперь отрешен от должности Керенским... к нам приехали из Выборга матросы... они ждут ответа... все сотни стоят за Керенского... теперь нужен официальный ответ от Вашей сотни! Сотня не хочет сказать своего мнения без Вас. Что Вы скажете на это? — внятно сказал Писаренко, довольно смело и чуть победоносно.

— Вот нате, прочтите телеграмму Керенского, — добавляет он и дает ее. В ней было сказано “об измене генерала Корнилова”...

Я почувствовал полный провал, но совершенно не хотел менять своего слова перед сотней, как и не хотел богохульствовать перед высоким именем генерала Корнилова и лицемерить “в преданности Керенскому”...

— Моя сотня вынесла постановление, что она исполнит приказ своего Главнокомандующего, — говорю я Писаренко. — Сотня не высказала, что она идет против кого-то... Как воинская часть, она исполняет приказы Главнокомандующего... — напрягаю я всю свою логику и говорю Писаренко, не вдаваясь в подробности.

— Да нет, господин подьесаул! Все это мне как председателю полкового комитета уже известно... Вы не хитрите, а скажите прямо — за кого Вы? За Керенского или за Корнилова? — перебивает меня ехидно нетерпеливо довольно неглупый Писаренко, но сейчас он нервный и желчный. Он так поставил вопрос ребром, что изворачиваться мне уж не было никакой возможности.

Казаки сотни окружают нас, слушают и молчат. И, несмотря на это, я совершенно не хотел кривить душой и изменить свои чувства к генералу Корнилову. Я напрягаю всю свою волю и логику и отвечаю ему:

— Так вопрос ставить нельзя. Правители меняются. Полк присягал Временному правительству, когда во главе его еще не стоял Керенский... мы до сих пор верны своей присяге (в которую никто из нас не верил, и принесли ее шаблонно). Ведь может уйти и Керенский... и тогда что? — внушаю я Писаренко и почувствовал, как казаки сотни легко вздохнули после этих слов.

Я вижу, что и Писаренко поставлен в тупик этими словами. Но я знаю, что это еще не есть “мое оправдание”, и вопрос сейчас во всей России и армии поставлен именно между двумя этими лицами — между Корниловым и Керенским, но отнюдь не между Временным правительством и Главнокомандующим. Эти два лица стали двумя

противоположными политическими лагерями, и баллотировка идет такая: Керенский — защита революции, а генерал Корнилов — контрреволюции.

Умный Писаренко понимал мою душу. Думаю, что в душе он и сам был сторонник генерала Корнилова в силу своего характера и ясного понятия им воинской дисциплины, которую он любил и следовал ей всегда точно. Но, как председатель полкового комитета и как понявший полный провал выступления генерала Корнилова, к тому же “прижатый к стене” делегатами-матросами — он уже должен был идти только за Керенским.

— Все равно, Федор Иванович, — отвечает он мне более мягко. — Вы говорите очень складно, но это Вам не поможет... Все пять сотен вынесли постановление за Керенского и вот задержка только за Вашей сотней. И Вы не допустите, чтобы через Вас пострадал “увесь” полк, — говорит он уже со станичным выговором слов.

Он поставил вопрос вновь ребром. Я чувствовал, что “тону”... А Писаренко продолжает:

— И хуже будет, если в Вашу сотню приедут сами матросы... я и так едва уговорил их остаться там и прибыл сам, чтобы уладить вопрос.

Жуть вопроса еще заключалась в том, что пять матросов, прибывшие в наш полк, бесцеремонно “вынимают из полка душу”. Без всякого сопротивления одной тысячи вооруженных казаков. Я понял полную бесполезность борьбы, которая окончится все равно победой темных сил, а для меня может окончиться совсем печально...

— Хорошо! Мы напишем сейчас же постановление, — говорю ему, беру бумагу и пишу: “2-я сотня 1 -го Кавказского полка верна своей присяге Временному правительству и подчиняется всем его распоряжениям”.

Писаренко протестует и настаивает, чтобы сотня указала, что она стоит именно за Керенского. Это задело казаков. Раздались грозные голоса из толпы. Вахмистр сотни Толстов, бывший начальником Писаренко по учебной команде, который отлично знал его характер, — окрысился на него зло и негодуя. Председатель сотенного комитета Козьма Волобуев, развернувшись плечами и ударив кулаком по столу, выкрикнул с грубой руганью:

— Да што ты еще хочешь от нас?.

Но Писаренко не растерялся. Он подчеркнул, что матросы точно ему сказали — “в полку имеются открытые “корниловцы” — это 2-я сотня с их командиром и их надо извлечь”... Дело принимало неприятный оборот. Надо было как-то выкручиваться.

— Послушайте, Григорий, — говорю ему. — Мы даем исчерпывающую резолюцию. Мы идем за Временным правительством, а там уже дело Ваше уметь внушить матросам. Нельзя же писать — вчера за Корнилова, а сегодня за Керенского! Таким резолюциям грош цена! — закончил я.

Писаренко смотрит на меня и что-то обдумывает.

— Хорошо, господин подьесаул! Я доложу и подтвержу, что и Ваша сотня стоит за Керенского. Но смотрите! И не подведите! И чтобы этого больше не было! — уже угрожающе закончил он.

Писаренко ушел. С разбитой и буквально оплеванной душой остался я среди казаков своей сотни. Мы все чувствовали полное свое банкротство и некоторый стыд и страх. Настолько была сильна стихия революционного разрушения.

И еще один эпилог

После всего этого, ошеломленный и оскорбленный, — я пребывал в некоторой прострации и не интересовался, что происходило в полку. На третий день меня вызвал к себе командир полка полковник Косинов и неловко, словно не находя подходящих слов мягко сказал:

— Федор Иванович... Вы знаете, как я Вас люблю, ценю и уважаю... поэтому — я хочу Вас спасти... Поезжайте в отпуск на Кубань... или — куда хотите. Одним словом, дорогой Ф.И. — хоть временно, но Вы должны удалиться из полка...

Я слушаю его и ничего не понимаю, почему и смотрю на него широко раскрытыми глазами и удивленно вопрошающими. А он, передохнув, продолжал:

— Вы, Ф.И., наверное, не знаете, — какой разговор со мною вел полковой комитет? Я боюсь, что Вас могут арестовать, а у меня нет власти защитить Вас. — И закончил: — Уезжайте, ради Бога, из полка...

Он боялся вторичного приезда в полк матросов, о чем говорил ему полковой комитет. Все это было для меня такой оскорбительной неожиданностью, что я, подтолкнутый чувством гордости и злости, заявил неподкупному своему командиру полка, что из полка я никуда не уеду и только прошу ставить меня в курс революционных полковых событий. Он беспомощно развел руками и ответил в минорном тоне:

— Я Вас понимаю, Ф.И. Я хочу Вам только добра... вернее — я хочу Вас спасти.

Что говорил полковой комитет Косинову — я и не допытывался, так как точно знал, — они протестовали против стопроцентной поддержки мной и моей 2-й сотней генерала Корнилова. И я не только что не испугался возможного моего ареста, но и был уверен, что он не сможет совершиться, во-первых, — по неустойчивому политическому состоянию и полка и полкового комитета, менявших свое настроение в зависимости от событий, а во-вторых, — в пятидесяти шагах от моей комнаты, у въезда во двор дачи Светлановки, квартировала полусотня казаков с преданными урядниками, которая на мой зов выскочила бы в защиту и в одном белье, но с винтовками в руках.

Узнав о поведении полкового комитета, сотня предложила мне на ночь ставить часового у входа в дом. Отказав в подобной защите, предупредил, чтобы они держали глаза и уши остро. Как и предполагал, абсолютно ничего не случилось. Шаткие тогда были казаки...

Мой конфликт с сотней

Вахмистр докладывает, что в сотне не совсем спокойно. Оказалось, что их упрекают другие сотни в том, что она слепо последовала своему командиру, “явному корниловцу”.

Это меня задело. Надо было действовать, чтобы сохранить духовный настрой сотни. На вечернюю “зарю” я вышел при шашке, как знак, что присутствую официально.

Под фигурным фонарем с газовым освещением — сотня стоит “смирно”, как и в мирное время.

— До меня дошли слухи, что Вы недовольны мною... — начал я в тишине августовской мягко-прохладной ночи грустным голосом. — Недовольны тем, что Вас якобы через меня другие сотни называют контрреволюционным именем “корниловцы”. Вы меня хорошо изучили. Так заявляю вам, что я не только удивлен Вашим мнением, но и оскорблен им, чего никогда не ожидал от Вас. Оказывается, что вся моя работа для сотни за все эти месяцы революции считается Вами вредной. Я Вас никогда не уговаривал зря, а только рассказывал и Вы шли за мною. Теперь это окончится. С завтрашнего дня я буду Вашим командиром сотни только официально. Делайте в сотне, что хотите. И в сотню, которую я так любил, — частным порядком я уже не появлюсь...

— Разойтись! — сухо скомандовал я и тихим шагом, с мрачным настроением, пошел к своей даче.

Сотня не сдвинулась с места. Войдя к себе в комнату и глянув в окно, увидел: вся сотня собралась в большой круг, и взводные урядники оживленно что-то говорили казакам. В тот памятный вечер у меня происходила своя личная трагедия. Вне своего полка, а теперь вне своей сотни — в те жуткие дни революции, когда казаки не верили своим офицерам, — я уже не находил интереса к военной службе...

Куда же идти? Куда же бежать от общего горя? — думал я. И как единственное утешение и моральное удовлетворение, и как единственное место, где можно еще работать — я нашел. Это было Оренбургское казачье военное училище, так мне дорогое всегда. В ту же ночь я написал рапорт начальнику училища с ходатайством о зачислении меня сменным (курсовым) офицером училища. Полковой адъютант подьесаул Кулабухов выдал мне “Краткую выписку” из послужного списка, а командир полка полковник Косинов со своею похвальной аттестацией — отправил все в Оренбург.

Трехгодичный курс Оренбургского училища 1910-1913 годов я окончил отлично, взводным портупей-юнкером, имея два золотых жетона за гимнастику и джигитовку, а теперь, на этой войне, — награжден всеми боевыми орденами до Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом включительно. Шанс приема мне рисовался возможным.

Через несколько дней пришло уведомление, подписанное начальником училища, Генерального штаба генерал-майором Слесаревым, что подьесаул Елисеев Феодор зачислен кандидатом на должность сменного офицера. Генерал Слесарев, терский казак, был начальником училища, при котором я прошел курс военного образования. На душе стало легче.

Прошло дня два-три. Поздно вечером сижу в своей музейной комнате с высоким потолком и с тяжелыми шторами на окнах и что-то пишу. В комнате тишина. Все средневековые доспехи рыцарей, украшающие стены, своим холодным металлом только давят на душу. Я всегда чувствовал некоторую неприятность, когда, входя в свой кабинет, проходил мимо парных рыцарей в металлических бронях с опущенными забралами, стоявшими часовыми у моей двери. Проходишь, словно между двух скелетов в два человеческих роста. Да еще в темноте. Невольно содрогаясь... А теперь, когда на душе так грустно и одиноко, — все это в особенности неприятно.

Вдруг слышу шуршание многих пар сапог в коридоре и топот людей. Потом робкий стук в дверь и голос вахмистра Толстова:

— Господин подьесаул... дозвоьте войти?

— Входите... — негромко отвечаю.

В раскрытую дверь входят: вахмистр, все взводные урядники — Федоров, Копанев, Шевляков, Маслов, председатель сотенного комитета Козьма Волобуев, сотенный каптенармус урядник Чусов (мой учебнянин) и запевалы-урядники Фендриков и Сапегин. Все в черкесках и при шашках. Сняли папахи, взяв их по-уставному, как “на молитву”. Встав со стула и застегнув черкеску на нижний крючок, — смотрю на них. Вид их смущенный. Вахмистр Толстов докладывает, с перерывами в словах:

— Господин подьесаул... мы пришли делегатами от сотни... сотня извиняется перед Вами... и просит не сердиться... и вернуться к ней... и она будет по-прежнему послушна Вам.

Я смотрю на них с нескрываемой любовью. А рыжий Чусов, очень умный казак, при моем взгляде на него — густо краснеет и опускает глаза вниз. Всем им почему-то неловко. И это так не похоже на них. Ведь такие молодцы! И большинство их очень смелые на слова! А вот теперь — словно провинившиеся школьники. Но главное — я отлично знаю, что они-то здесь, эти урядники, совершенно ни при чем! Именно они всегда требовали порядка в сотне! И им русская революция противна, так как надо было командовать и руководить своими взводами во всех случаях сотенной жизни. Все это мне было так ясно, как и ясно было то, что сотня извиняется совершенно искренне.

Совершенно не желая надрывать душу своим молодецким урядникам ненужными объяснениями, даю 25 рублей Толстову и говорю:

— Вот Вам... после вечерней зари я приду в сотню... купите, что можно — водки, колбасы и французских булок... и пусть к столу соберутся желающие... и никаких объяснений... выпьем за мир! Идите! Все после зари.

В этот вечер молитву на заре казаки пели воодушевлено, как никогда. Через пять минут после нее я вошел в помещение первой полусотни на даче Светлановка. На мое приветствие все они откликнулись так, что можно было ожидать обвала потолка. Собралась вся сотня. На столах было столько водки и закусок, что мои 25 рублей совершенно не окупали всего этого.

— Откуда все это? — спрашиваю.

— Вы извините, господин подьесаул, но... мы еще сами сложились... кто сколько мог, — с улыбкой отвечает Толстов.

Наш мир с сотней в этот вечер был зафиксирован дружно, крепко и надолго. И, как оказалось, навсегда. И в этот памятный вечер песни лились так нежно, так душевно — как никогда до этого времени. Сотня пела отлично. От этих песен, от коротких душевных тостов, от душевной беседы — душа неслась к казачьему небу. Генерал Корнилов — победил!

Через несколько дней, распоряжением свыше — вся наша 5-я Кавказская казачья дивизия была переброшена вглубь Финляндии.

ТЕТРАДЬ ПЯТАЯ

Наш полк в Вильмондстранде

Временное правительство под председательством Керенского, ставшим и Верховным Главнокомандующим русскими войсками — после ликвидации корниловского выступления, видимо, не желая иметь вблизи Петрограда казачьих частей, — нашу 5-ю Кавказскую дивизию отправило подальше от столицы, разбросав полки так:

Штаб дивизии, 1-й Кавказский и 3-й Линейный полки с 6-й Кубанской батареей — в городок Вильмондстранд (по-фински — Лапперанта).

1-й Таманский полк и 4-ю Кубанскую батарею — в Выборг (Виипури).
3-й Екатеринодарский полк — в Гельсингфорс (Хельсинки).

В маленьких, почти игрушечных, финских товарных вагонах сотни полка поэшелонно подошли к маленькому железнодорожному вокзалу и остановились. Дальше дорога не шла. В городе Вильмондстранде был ее конец (тупик).

У вокзала стоят толпы солдат и мрачно смотрят на казаков. Здесь квартирует какая-то тыловая часть и имеется комендант города в чине поручика. При нем жена, свояченица и теща. Они из города Старой Руссы. Все красивы и хорошо воспитаны. Комендант-поручик исключительно внимателен к нам и говорит, что его солдаты “шалят”, и он очень рад, что в его город прибыли казаки, у которых всегда порядок.

Выгрузившись из вагонов, с песнями идем в конном строе по очень тихонькому городку, пересекаем железнодорожный мост и неожиданно видим военные двухэтажные казармы. Входим в обширный двор. Вокруг него капитальные постройки казенного интендантского образца. Дивные конюшни и коновязи. Вместительная столовая. То оказались казармы 20-го драгунского Финляндского полка, где он стоял в мирное время. Но когда казаки вошли в казармы, — их удивлению и возмущению не было конца: в них был такой хаос, словно там прошла татарская орда... Все перевернуто, разбито и загажено. Железные солдатские кровати перевернуты, соломенные матрасы и подушки раскиданы. Оказывается, здесь стояла какая-то пехотная часть и, уходя, оставила “свой революционный след”...

Поставив лошадей в конюшнях и оставив свои седла и сумы на коновязи, сотни вычистили помещения, расставили кровати, выбили матрасы и подушки и лишь тогда разместились в казармах. Обширная с темным потолком, полумрачная столовая, пропитанная солдатскими щами и черным хлебом, видимо, ни разу не мытые столы и цементный пол за семь месяцев революции — отдавали кисло-противным запахом, от которого хотелось бежать немедленно. Вымыли и столовую. Казаки зло рычали на солдат за все это. Поистине — казаки были сделаны словно из другого теста.

Вильмондстранд расположен на берегу озера Сайма. Казармы были в северной части городка. Внизу, у самого берега залива, в сосновом лесу — находились офицерские флигели драгунского полка, с отдельным зданием полкового клуба. Здесь был полный

порядок, ничего не испорчено, и в них разместились большинство офицеров только нашего полка.

Казарменная жизнь требовала известного воинского порядка, а в коннице — в особенности. Общий утренний подъем, чай, обед, ужин. Ежедневно три уборки лошадей с задачей корма. Все делалось по сигнальной трубе. И хотя теперь не было той прежней воинской чопорности и воинской дисциплины, но сама жизнь заставляла казаков исполнять все свои обязанности в известный час и всем вместе. И то, что у казаков были собственные строевые лошади, к которым они всегда относились заботливо, — усиливало порядок и послушание.

Ввиду перегруженности конницы в Русской армии — приказано образовать при штабе каждой дивизии по два пеших эскадрона. Но так как у казаков были свои собственные лошади, то обезлошадить две сотни, не зная, куда девать казачьих лошадей, — вопрос этот был разрешен в нашей дивизии компромиссно: сформировать две сотни пеших казаков номинально, вливая в них прибывающих казаков без лошадей.

Командиром пешего дивизиона был назначен нашего полка войсковой старшина И. Т. Бабаев, а командирами сотен — от 1-го Таманского полка его родной меньший брат, Георгиевский кавалер есаул В.Т. Бабаев и от нашего же полка, подьесаул Павел Бабаев.

Все Бабаевы были отличными офицерами, честными и серьезными людьми. Как люди умные — они яснее нас видели, что армия развалилась, почему и не стоит ломать мечей зря для ее немыслимого выздоровления. Мы их любили, острили над ними, но не зло, называя эту малочисленную часть — “бабаевский дивизион”. Есаул Бабаев очень скоро поступил на ускоренные курсы академии Генерального штаба в Петрограде и совсем выбыл из дивизии. В общем, в жизни дивизии этот пеший дивизион был мертв.

Внутренняя жизнь полка

Корниловское выступление надломило полк. Всем было известно, с какою жестокостью и безнаказанностью в эти корниловские дни были убиты в Выборге командир 42-го Армейского корпуса генерал Орановский*, комендант Свеаборгской крепости генерал Васильев и целый ряд других офицеров, кто попался под руку солдатской черни (и. д. начальника штаба дивизии Ю. В. Сербии* писал мне, что в Выборге было убито 80 офицеров).

Обо всем этом сообщалось в газетах, и казаки читали, как избитых офицеров солдаты бросали в море, а когда те цеплялись руками за берег, — добивали их прикладами там же... И главное — все это прошло совершенно безнаказанно. Для черни соблазн этот был очень велик и доступен тогда.

Положение было жуткое. Даже страшное! Но жить и служить Отечеству было надо, а следовательно, надо было и работать. У самого вокзала — обширный, ровный, чистый военный плац для занятий, хоть целой дивизии. Вокруг него — сосновый лес. Ближе к вокзалу стоит военная православная церковка. И вот — чтобы поддержать порядок в полку и занять умы казаков — решено ежедневно и накоротке, на этом плацу, производить несложные конные перестроения. После них — сотни весело и с песнями — возвращались в свои казармы. Это было совершенно не утомительно для казаков и отнимало у них два-три часа времени.

Солдаты местного гарнизона с ужасом смотрели на это и говорили некоторым казакам:

— Как это можно? И зачем делать строевые занятия теперь, в революцию, когда все должны свободно жить и дышать!

Кроме этого — их удивляло и возмущало полное послушание казаков в строю и сохранившаяся воинская дисциплина у нас. Но наряду с этим — их восхищали казачьи песни в строю, сам нарядный подвижной конный строй, как и то, что казачьи офицеры — в жару, в пыли конного строя, среди шеренг казаков, сами пели песни с казаками и даже запевали их.

— Да, у казаков другие офицеры, чем у нас... — оправдывающе говорили некоторые из них.

В Российской императорской армии все офицеры были одинаковы, но разность была в том, что у казаков было территориальное формирование строевых частей, а в России — по признакам смешения и губерний, и национальностей. Тем-то и были крепки казаки всегда и всюду.

Встречаясь в городе, на улице — наши казаки по-прежнему отдавали всем офицерам воинскую честь и, если не с отчетливостью былого, то, во всяком случае, с полным почтением. Офицерам же своего полка и своей сотни — в особенности.

Большевицкая рука тянулась всюду к войскам. Мы знали, что от солдатских митингов и делегатов очень страдают наши таманцы и батарейцы в Выборге. Особенно же страдает 3-й Екатеринодарский полк в Гельсингфорсе, где стояла русская эскадра и город наполнен матросами и солдатами. На удивление, как и на восхищение, политической жизнью полка у них руководил войсковой старшина Муравьев и очень удачно сохранял казаков от всевозможных нападков и агитации.

Наша столовая стала центром митингов всего гарнизона Вильмондстранда. Солдатские ораторы не нападали на казаков, но внушали им, доказывали, как несправедливо поступала с ними царская власть; как казаки долго несли свою военную службу, справляя все для нее на свой счет; как эта царская власть посылала казаков на усмирение бастовавших рабочих и для охраны помещичьей земли. Подходили ораторы хитро, продуманно и... обещали казаков освободить от всего этого. И освободят, но... “вам мешают ваши же офицеры”, — заканчивали они.

— Убить казацких ахвицеров и бросить их в Сайменское озеро! — ревела в ответ солдатская толпа с разных мест. Порою — нам было страшно...

Митинги исходили от солдат. Весь революционный удар их был направлен на наш полк, как более стойкий. 3-й Линейный полк, сформированный из старых льготных казаков только на время войны, жил незаметно. Строевых занятий у них не производилось. Их командиром тогда был полковник Штригель*, милый человек с запорожскими усами, очень общительный и большой музыкант. На удивление — при составе полка из старых казаков — у них было очень много молодых офицеров, окончивших ускоренные курсы военных училищ. Мы никогда не видели их на этих общих митингах, за исключением сотника Богомаза, из учителей, кажется, станицы Ханской Майкопского отдела, который увлекался политикой, с уклоном влево.

В 1920 г. я встретил его в чине войскового старшины, он стал “правой ориентации” и с возмущением вспоминал митинги в Вильмондстранде, на которых он играл заметную роль.

6-я Кубанская батарея жила замкнуто. Ее офицеры жили между собою очень дружно. Военский порядок в батарее был хороший. Они считали себя специальным родом оружия и не интересовались событиями в нашем гарнизоне.

Штаб дивизии утопал в переписке. В Вильмондстранд прибыл новый начальник дивизии, Генерального штаба генерал-майор Черный*, который вышел на войну во главе 1-го Линейного полка Сводно-Казачьей дивизии на Юго-Западный фронт. Мы уже знали о боевых доблестях этого полка и радовались прибытию к нам родного кубанского генерала.

2-ю Сводно-Казачью дивизию вывел на войну известный конник генерал Павлов. Потом ею командовал его большой друг и также знаменитый конник, генерал П. Н. Краснов, впоследствии Донской Атаман 1918-1919 гг. Эту дивизию составляли: 16-й и 17-й Донские казачьи полки, 1-й Линейный полк Кубанского войска, 1-й Волгский полк Терского войска и артиллерийский дивизион Оренбургского казачьего войска. Красочная была дивизия..

Ввиду того что митинги происходили в расположении нашего полка, полковник Косинов всегда присутствовал на них и просил старших офицеров полка бывать также, чтобы быть в курсе событий. В офицерской походной шинели защитного цвета нараспашку поверх черкески, в черной папахе крупного курпея — стоял он впереди нас, внимательно и с усмешкой слушал солдатских ораторов, стремящихся освободить казаков от военной службы и дать им вольную жизнь на Кубани... И потом, сделав два-три шага вперед и подняв руку вверх в направлении ораторов, — громко, внятно выкрикнул:

— Вы хотите учить нас, казаков, как жить! Как служить и как распоряжаться нашею же землею?! Вы не только что не понимаете нашей казачьей жизни, но мы Вам и не позволим!

— Уб-бить! Уб-бить йиво-о! — звериным ревом гудит толпа солдат. Казаки же — молчат, смотрят в нашу сторону и явно сочувствуют словам своего смелого командира полка.

— Попробуйте-е! — перебивает он их зычным голосом и повел взглядом на казаков.

— Дол-лой, дол-лой! — впервые слышим мы революционный клич казаков, но теперь он зло направлен против солдат.

Здесь у казаков заговорила войсковая гордость, что солдаты хотят научить их, как надо жить и служить, и оскорбленное чувство за своего смелого командира, которого они искренне полюбили.

— И Вы называете себя революционной демократией? — выйдя вперед, выкрикнул полковой ветеринарный врач Гиршберг. — Я был студентом и интересовался политикой, — громко говорит он и развил целую теорию о ней.

Солдаты сразу же приумолкли, так как говорил не казак, не офицер, а ученый человек, к тому же в защитного цвета шинели, в фуражке и в малом чине. Он спасал положение.

И подобные митинги происходили почти еженедельно.

Об этом интересном человеке надо сказать несколько слов для полковой истории. Их род выходцы из Швеции. Отец — инженер путей сообщения, служил на Владикавказской железной дороге, одно время проживая в хуторе Романовском, при станции Кавказской, где и родились его сыновья. Старший из них, теперь наш полковой ветеринарный врач, как уроженец Кубани, отлично знал быт и психологию казаков и реагировал солдатам логично, разумно. Офицеры нашего полка никогда не выступали на митингах, вот почему мы были ему исключительно благодарны и полюбили его горячую искреннюю душу. А так как он окончил училище вместе с нашим полковым адъютантом подъесаулом В.Н. Кулабуховым, и они были очень дружны между собой, — это еще более сближало нас с Константином Оскаровичем Гиршбергом.

В бытность дивизии в Ууси-кирка временно исполняющим должность начальника штаба дивизии был капитан Сербин*. В очень обстоятельном письме ко мне от 24 октября 1954 г. из Аргентины, освещающая события тех месяцев революции, он особенно похвальное внимание останавливает на нашем полку, о котором пишет так: “1-й Кавказский полк, имевший во главе блестящего, спокойного и редкой души человека, полковника Георгия Яковлевича Косинова и его помощника незабвенного доблестного Георгия Константиновича Маневского, — полностью сохранил свой порядок”.

Странно было то, что нас, казачьих офицеров гарнизона города Вильмондстранда, ни разу не собирал наш штаб дивизии. Полки и батарея жили своей внутренней жизнью и только встречались иногда на финских вечеринках с танцами. На них бывала исключительно молодежь, офицеры, и каждая часть занимала свой столик на ужин. Исключение составлял полковник Штригель, который часто бывал на них с немногими своими молодыми офицерами. Мы, молодежь кавказцы, пели и казачьи песни, и юнкерские романсы. Отличный баритон-запевала подъесаул Растегаев украшал наш стол и привлекал внимание всех. Дамы млели, слушая его (он и сам был красив), и к нам иногда присаживался к столу Штригель и некоторые батарейцы, с которыми мы дружили и которых хорошо знали и по мирному времени, и по Турецкому фронту. Беспристрастно говоря — наряду со многими революционными неприятностями, мы проводили время, политикой совершенно не интересуясь, как и не представляли — чем же все это закончится? Политически мы были абсолютно безграмотны.

Трагедия души офицера-драгуна

К нам в Вильмондстранд, с фронта, прибыл подполковник, заведующий хозяйством 20-го Финляндского драгунского полка, в казармах которого расквартирован наш полк. Представившись полковнику Косинову, он доложил, что прибыл изъять из полкового цейхгауза вещи и отправить их в свой полк.

Тихо, скромно, молчаливо провел он дня три среди нас и, выполнив свою задачу, собрался уезжать. В летнем гражданском клубе, на берегу озера Сайма, командир полка, со старшими офицерами, дали ему прощальный ужин в уютном изолированном кабинете. Приглашение он принял скромно и с удивлением.

Полковник Косинов был очень общительный и веселый в жизни человек. От него не отставали и его штаб-офицеры — Калугин, Пучков, Маневский, да и мы, молодежь,

теперь все подьесаулы в свои 24-25 лет, командиры сотен. Наш полк был гостеприимный и любил угощать. Гость-подполковник был за столом тих, скромн и молчалив. Чуть выше среднего роста, склонный к полноте, но с легкой кавалерийской походкой, привитой и воспитанием, и долгой службой в кавалерии. Он окончил эскадрон Николаевского кавалерийского училища в Петербурге и имел от роду около 40 лет.

Наши тосты об армии, о кавалерии, об их драгунском полку — он принимал скромно и сдержанно и как будто удивленно; и своими печальными глазами словно спрашивал нас: “Почему это?.. К чему это?.. Так ли это?.. Искренне ли это?” И когда подали кофе с ликерами, он попросил полковника Косинова ответить нам и ответить сидя. И отвечал:

— Я прожил среди Вашего казачьего полка три дня... Я старый кадровый кавалерийский офицер и хорошо вижу все с первого же взгляда. Как хорошо у Вас в полку, господа! Какие молодцы Ваши казаки! Как они еще послушны Вам, офицерам! Я так завидую Вам, господа!..

И, сделав паузу, продолжал под наше гробовое молчание:

— Посмотрели бы Вы, что делается в нашем, бывшем так славном, 20-м Финляндском драгунском полку! Драгуны-солдаты словно сошли с ума... У них осталось единственное слово в употреблении — ДАВАЙ! Все им ДАЙ — и законное и незаконное... Я заведующий хозяйственной частью полка и все это ДАВАЙ! — адресуется ко мне. Вы думаете, господа, что я приехал сюда добровольно? Солдаты потребовали полковое имущество, чтобы разделить его между собою... и я вот его везу к ним... и не знаю, — удовлетворю ли их требование?! Они вытянули у меня уже всю душу, и теперь я возвращаюсь снова в полк на новые мучения... — и, не окончив своей речи-исповеди, он, маститый и благородный, склонив свою крупную голову на руки, — безмолвно зарыдал.

Все мы, так чутко слушавшие его слова, при виде такого перехода буквально оторопели. Передохнув несколько минут и успокоившись, он продолжал:

— Вот и все. Вот и конец армии... И, пожив среди вас, казаков, — я словно в последний раз увидел былые наши императорские полки, а теперь... Я даже не знаю, что со мною будет в нашем драгунском полку! Замучат они меня, наши солдаты... — и он вновь заплакал.

Наши штаб-офицеры быстро обступили его и успокоили. Косинов и Маневский, как самые активные — обняли его и выпили на “ты”. За ними последовали остальные — Калугин, Пучков, Бабаев. Подполковник-драгун оживился. “Ты” и ласковые имена друг к другу без отчества — Жорж, Степа, Саша (его имя было, кажется, Всеволод), словно слова к любимой женщине — привели его в нормальное состояние, и дальнейшая беседа потекла уже по-семейному, в которой он поведал нам многие случаи из жизни и поведения своих драгун-солдат, полные кошмара.

— Офицеры разбегаются у нас из полка, — продолжил он. — Нет возможности терпеть придирки, требования и оскорбления драгун. Я у Вас прожил три дня. Если я расскажу своим офицерам, как сохранился Ваш полк — они не поверят, — настолько все это прекрасно против нашего полка драгун! И вот, отдохнув у Вас, — я возвращаюсь вновь на новые мучения, — закончил он, подполковник 20-го Финляндского драгунского полка.

Его слова у нас в полку не пропали даром. Мы, старшие офицеры, лишний раз убедились, насколько сохранился наш полк, и это давало еще большую силу и желание вновь

работать для полка, чтобы сохранить его дорогое для нас имя — наш славный 1-й КАВКАЗСКИЙ полк. В таком состоянии своих чувств — мы ждали своего войскового праздника, отмечаемого 5 октября старого стиля — ежегодно.

Войсковой праздник. Полковая джигитовка

Для поддержания дисциплины, воинского духа и войсковой гордости в полку этот традиционный праздник решено отметить особенно помпезно.

Широкой души полковник Косинов — не пожалел полковых экономических сумм для столь торжественного дня. Командиры сотен также не пожалели сотенных артельных экономических сумм. Сделан был наряд урядников на Кубань для привоза белой кубанской крупчатой муки и всевозможных призов-вещей отличившимся в этот день наездникам, из казачьего седельного снаряжения и вооружения: уздечки, пахвы, нагрудники, плети, кинжалы, серебряные пояса, никелированные гильзы-газыри для черкесок. Три главных приза — серебряные часы с цепочками — будут куплены здесь. Решено наградить 25 казаков из 60, добровольно записавшихся участвовать в казачьем ристалище. Начальником наезднической полусотни назначен был автор этих строк. Репетиции начались.

Увидев казаков-джигитов, “разбивающихся” на ней, солдаты ахнули от удивления, злобы и ненависти к офицерам полка.

Решено, что все офицеры полка примут участие в состязании по владению холодным оружием, а желающие и в джигитовке. Приз для них — золотой жетон с надписью “За рубку и джигитовку — 1-й Кавказский полк”, по решению комиссии, во главе с командиром полка. Офицерский полковой приз прельщал некоторых молодых офицеров, почему и они выезжали на репетицию вместе с наезднической полусотней.

Обширный кавалерийский плац за городком, обрамленный сосновым лесом, был пыльно-песчаный. Все наездники в черкесках, в папахах, мокрые от пота и густо запыленные, но все веселые и увертливые в седлах. Наряду с ними, в таком же виде — скачут и офицеры. Возвращались в казармы обязательно с песнями. И через несколько дней казаки слышат от солдат:

— Да-а... Ваши офицеры не то, что наши...

Это определение было неправильное. И им наши казаки могли бы совершенно справедливо ответить так: “Но и вы, солдаты — не то, что мы, казаки”.

Солдаты узнали, что этот наш Войсковой праздник установлен императорским указом в день тезоименитства своего сына, наследника цесаревича и великого князя Алексея Николаевича, который являлся августейшим атаманом всех казачьих войск России. Они пригрозили казакам революционно сорвать праздник.

Наша трагедия заключалась еще в том, что вся царская семья, постановлением Временного правительства, недавно и секретно вывезена в Сибирь и под усиленной охраной поселена в Тобольске. С нею был и наш августейший отрок-атаман. По событиям — была полная нелогичность праздновать этот день казакам. Празднуя его — мы показывали, проявляли полную свою контрреволюционность...

Но, несмотря на совершившуюся революцию, — казаки искренне ждали этот день, как торжественный праздник Войска.

Странно было то, что в полку было несколько человек, революцию как бы поддержавших, но и они совершенно не протестовали против празднования именно этого дня.

Мы, офицеры, ждали от солдат их революционного выступления. И подготовились: полк в походную православную военную церковку, что на плацу — прибыл в конном строе. Мы рассуждали так: короткий молебен произвести перед конным строем; это будет и нарядно, и оригинально, и занятно для казаков — для их ума и сердца. И если солдаты захотят выступить, — в конном строе казаков нельзя будет разъединить, а в случае сильной активности солдат — полк легко вывести из их толпы. Да и парад в конном строе интересен, неустомителен и короток. А иначе — пыли там, в пешем строе, обязательно “в ногу” и с подсчетом — “раз-два, раз-два”, отчего казаки уже отвыкли за три года войны.

Исполнение плана вышло очень удачно. Шесть сотен казаков в седлах, с обнаженными головами, набожно крестясь, выслушали короткий молебен полкового священника отца Чуба, казака станицы Старощербиновской Ейского Отдела.

— На-кройсь! — негромко скомандовал командир полка полковник Косинов.

Перед строем полка выехал верхом командир нашей 1 -и бригады генерал-майор Филиппов, терский казак. Он был общителен, не женат, мог широко кутнуть. Казакам он нравился. Хорошо сидел в седле. В черкеске, при полном холодном вооружении, в высокой темно-серой каракулевой папахе, слегка сдвинутой набок, стоя перед полком, — он поздравил казаков с войсковым праздником и заклинал их не поддаваться никаким искушениям и быть до конца казаками. Его призыв “ура” за вольную Кубань — как нельзя был кстати. Он удивительно умно, сердечно и проникновенно говорил. Сухое смуглое лицо, закуренное ветрами, походами и табаком — говорило казакам, что их призывает к порядку свой боевой казак-генерал.

Парад. Развернутым строем, на широких рысях — сотни прошли перед генералом Филипповым и, с сознанием святости этого дня, без песен вернулись в свои казармы.

Полковой наш дедовский Георгиевский штандарт за Турецкую войну 1877-1878 гг., за взятие Деве-Бойнских позиций под Эрзерумом — возглавлял наш полк в эти дорогие и святые для полка моменты.

В сотнях обильный обед. В 4 часа дня начало призовой джигитовки. Военное поле запружено свободными от службы казаками, солдатами и финской публикой. Стоял теплый сухой осенний день. Издали, со стороны города, показалась конная группа до сотни казаков. Впереди полковой оркестр. За ним, развернутым строем, наездники. На правом их фланге громадный полковой флаг войскового цвета (алый) с крупными черными инициалами на нем “1К”. В одношереножном строе наездников каждая сотня имеет свой сотенный цветной значок. С полковым — всего их семь. Это нарядно. Словно конная контрреволюционная манифестация.

Все казаки — и полковой хор трубачей, и наездники — в серых черкесках, черных бешметах, все в белых папахах и при красных башлыках за плечами. То, что было нормальным в мирное время, теперь, в революционное время, показалось особенно

красочным. Многотысячная толпа повернулась к приближающимся конным казакам и... замерла.

У офицерской палатки — командир полка, войсковые старшины Пучков и Маневский и все вахмистры сотен. Это полковая комиссия для оценки и награждения призами. И никаких комитетов. Джигитовка — это есть воинский конный спорт, и его оценивать могут только строевые казаки.

С маршем хора трубачей, пройдя толпу, наездники повернули кругом, выстроившись фронтом к ней. На правом фланге их — около 15 офицеров полка, во главе с 50-летним войсковым старшиной Калугиным. Маститый телом, с седою подстриженной бородкой по-черкесски — он представлял собою характерную фигуру старого кубанского офицерства.

Хор трубачей выстроился против офицерской палатки. Под марш “карьер”-джигитовка началась “с рубки лозы”. На нее, первым номером, поскакал войсковой старшина Калугин. За ним остальные офицеры, в порядке старшинства чинов. Рубка лозы и уколы шара у офицеров прошли хорошо, но не отлично. За ними, первым номером от наездников — карьером выбросился из строя старший урядник Иван Яковлевич Назаров, бывший урядник Конвоя Его Величества. Он старый казак. Ему 39 лет. В полк прибыл с пополнением в Турцию, под Баязет, весной 1915г. Танцор, наездник, песенник. Под ним гнедой кабардинец. К седлу “красный прибор”, т. е. уздечка, пахвы, нагрудник — красного ремня. На ногах суконные ноговицы и мягкие чевяки.

Сжавшись в седле, хищно пригнувшись к гриве своего карьером скачущего кабардинца — он так ловко, лихо, зло и красиво срубил две лозы и шашкой отбросил далеко шар к ногам толпы, что она взрывом восторженных аплодисментов потрясла воздух.

Не стану описывать всех номеров джигитовки. Казачья джигитовка, везде и всюду, вызывает только один восторг зрителей. Одно только должен сказать, что все номера казаки исполнили лучше, чем офицеры. Первый приз за джигитовку присужден был Назарову.

Офицерский жест приказному

Для истории нашего войска и нашего полка — должен отметить следующее.

За несколько дней до призывной джигитовки, на репетиции, разбился приказный 4-й сотни Поздняков, казак станицы Тифлисской и не мог участвовать в состязании.

Под ним вороной как смоль, небольшого роста, конь. На лбу белая проточина и три ноги “в чулках”, т. е. белоногий выше щиколоток. Энергичный, ретивый и нарядный, словно конек-горбунок.

Поздняков — стройный подтянутый блондин без всякой растительности на лице. К седлу у него — прибор красного ремня. Он глухой на одно ухо, но отказался возвращаться в свою станицу, не желая расставаться с полком, в котором провел всю войну.

— А што я там буду делать? Остаюсь до конца в полку, — ответил он командиру полка.

Он отличный джигит и наездник тем наездничеством, которое так свойственно казакам-линейцам. Его станица, вернее, казаки их станицы, признаны в полку отличными наездниками. Его конек-горбунок очень прыткий, но не, особенно сильный. Я предупреждал его несколько раз, чтобы он был осторожен при подхватывании предметов (папах) на земле, чтобы не свалиться вместе со своим конем. Мои предупреждения были только вызовом для него, что “он ничего не боится!”, как отвечал мне, своему начальнику наезднической полусотни.

В один из дней репетиции — вихрем выскочил он из строя, смахнулся с седла, чтобы схватить папаху и... в клубе пыли — исчез вместе со своим конем. А через пять-семь секунд, когда чуть рассеялась пыль, мы все увидели, как его конек-горбунок, вскочив на ноги и подняв хвост трубой, будто рад, что он теперь без всадника — понесся по плацу, раздувая ноздри. Казак же — остался на земле недвижим. Поздняков сломал себе ключицу и отправлен был в госпиталь. Было очень жаль казака, а главное, что он не сможет участвовать в состязании, к чему так стремился.

Калугин и Кулабухов были его начальниками во все годы войны и очень сокрушались о несчастье, случившемся с лучшим джигитом их 4-й сотни. Кто-то подал мысль — вознаградить его от офицеров. Быстро были собраны деньги, приобретены массивные серебряные часы с цепочкой. Молодецкий казак не утерпел и, с рукою на повязке, прибыл из госпиталя, чтобы хоть посмотреть на любимый казачий конный спорт. Вот здесь-то и были преподнесены ему часы-подарок так неожиданно и для него, и для всех казаков полка. На крышке их было выгравировано: “Молодецкому джигиту, приказному Позднякову, от офицеров полка”.

В тот же день, вечером, в финском народном доме, был устроен полковой вечер-бал и конкурс в лезгинке. Призы — серебряные часы и цветные кожи (“козлы”) для чевяк. Все это было от офицеров. Конкурс — на сцене, под полковой оркестр. В зале присутствовали и казаки. Вход бесплатный. Казаки, не вмещаясь в зале, роем пчел заполнили все проходы в залу и открытые окна и двери.

Все танцоры, числом до десяти — в черкесках, в белых бешметах и папахах. Все в суконных черных ноговицах и в красных чевяках без подошв. Выступали поодиночке. Кроме грации в кавказском танце — главное внимание и танцорами, и комиссией во главе с командиром полка полковником Косиновым уделялось всевозможным прыжкам и “па на когтях” (на пальцах ног). На восхищение — некоторые из них делали “па” на одной ноге, т. е. на одном большом пальце ноги.

1-й приз присужден был младшему уряднику 1-й сотни Логвинову, казаку станицы Темижбекской — серебряные часы. Следующими были в порядке стильности в танце и “па на когтях” — трубаческой команды приказный Матвей Поздняков, станицы Расшеватской, и старший урядник Назаров.

Следующими шли — старший урядник Яков Квасников, казак станицы Тихорецкой из 4-й сотни, и 5-й сотни старший урядник Трофим Науменко, станицы Терновской. Под “туш” полкового оркестра командир полка лично раздал им их призы.

Начался бал. В городе жили несколько жен русских офицеров, мужья коих были на фронте. Среди них высокая, стройная и интересная жена офицера 20-го Финляндского драгунского полка штабс-ротмистра Бернова, в казармах которого стоял наш полк, поэтому мы числили ее как свою полковую даму и были очень внимательны к ней. Бальные танцы, серпантин, конфетти, летучая амурная почта и все прочее, как и в мирное

время. Казаки вышли из зала, так как начинался офицерский бал, но они толпились в дверях, в окнах, с нескрываемым любопытством наблюдая наше веселье. В перерыве танцев ко мне подошел урядник Квасников и тихо спросил:

— Можно ли нам с урядником Науменко принять участие в танцах?

— Конечно, Яков! — поощрительно отвечаю моим лучшим наездникам, танцорам и песенникам по учебной команде мирного времени. И они танцевали вальс и многие бальные танцы и приводили в изумление всех, — откуда они этому научились?

И полковая джигитовка, и конкурс в танце лезгинка, и офицерский бал — как сказочное явление — происходили ровно за 20 дней до большевистского переворота в Петрограде.

В ночь большевистского переворота

Окончив празднества, полк отдыхал. Никаких занятий. Стало как-то пусто на душе. В полночь на 26 октября временно командующий полком спешно вызвал к себе всех офицеров полка в один из флигелей драгунского полка на берегу Сайменского озера. Войсковой старшина Калугин (заменивший уехавшего в отпуск на Кубань полковника Косинова) тревожно сообщил телефонограмму штаба дивизии, что в Петрограде свергнуто Временное правительство Керенского и вся власть перешла к совету народных комиссаров.

Не успели мы и посоветоваться, как быть? — как прибыл к нам председатель полкового комитета вахмистр Писаренко и тревожно доложил Калугину, что в Петрограде произошел государственный переворот, всю власть взяли большевики, и гарнизонный совет солдатских депутатов получил телеграмму от самого Ленина с приказом: “Немедленно же избрать начальствующих лиц во всех частях гарнизона, не считаясь с чинами, а сопротивляющихся офицеров — арестовать”. И добавил: “Полковой и сотенные комитеты просят господ офицеров пожаловать в полк, который собрался в офицерском клубе 20-го Финляндского драгунского полка”.

Стояла темная ночь. Было далеко за полночь. Нас вызывали в помещение, стоявшее в низине на самом берегу Сайменского озера, и заронила мысль, что солдатская угроза — “утопить казацких офицеров в озере” может произойти не сегодня, а вот сейчас. И так как большевистско-солдатская власть восторжествовала, то мы уже не надеялись, что казаки могут отстоять нас, своих офицеров, силой.

В черкесках, при полном оружии, кучной группой вошли мы в помещение клуба. Многосотенная толпа казаков родного полка, которых мы так любили и к которым теперь вошли со страхом, все в черкесках и при холодном оружии, встретила нас без строя полукругом, лицом к двери, в которую мы вошли.

Быстро окинув взглядом, увидел: ни одного солдата среди казаков, впереди стоят урядники, наши верные помощники по поддержанию воинского порядка в полку, молодцы на подбор, находящиеся в рядах полка еще с мирного времени и сплошь Георгиевские кавалеры. Не успел я сделать свое заключение о настроении все этой массы казаков “без строя” — как вахмистр Писаренко громко скомандовал:

— 1-й Кавказский полк... смирно!

В черкеске, придерживая левой рукой шашку по уставу, скорым шагом подойдя к командиру полка, остановился, приложил руку к папахе и внятно отрапортовал:

— Господин войсковой старшина, полковой и сотенные комитеты, ввиду случившегося государственного переворота в России — постановили: Вас лично и всех господ офицеров — оставить на занимаемых должностях.

Такое неожиданное выявление полка, строевой рапорт председателя полкового комитета и такое представление казаков, стоящих в воинской стойке “смирно”, нас огорошило. Калугин не нашелся, что ответить на это, и так растерялся, что пролил слезу. С нескрываемым волнением, рукавом черкески, по-станичному, он вытирал слезы. Потупились казаки от этой картины: у них перед старейшим офицером полка была вина за допущение ареста его солдатами Сарыкамыша в первый день революции. Получилось томительное замешательство. Стояла гробовая тишина. Совершенно бессознательно, интуитивно, делаю два шага вперед и прорезываю всех безмолвствующих словами нашей войсковой молитвы-песни:

— Ты, Кубань — ты наша Родина! Вековой наш бог-богатырь!..

И казачья масса, напряженная до крайности, будто только и ждавшая этого — она молниеносно разряжается и, просветлевшая, громко подхватила сотнями голосов:

— Многоводная, раздольная — разлилась ты вдаль и вширь...

Своим мощным и красивым баритоном врывается командир 4-й сотни подъесаул Растегаев и — взалкал:

— Из далеких стран полуденных... — и, перефразировав, продолжил: — Из Финляндской стороны...

Небесным громом радости и с бесконечной любовью к своему родному Кубанскому Войску — подхватили мощно все:

— Бьем тебе челом, родимая — твои верные сыны...

Словно оспаривая перед офицерами свою любовь к Кубани, — все остальные куплеты запевали по-очереди уже урядники. И всю эту трогательную нашу песнь-молитву — полк пропел в воинском положении “смирно” и, как полагается, с последними словами ее:

Мы, как дань свою покорную

от прославленных знамен —

Шлем тебе, Кубань родимая,

до сырой земли поклон!

Каждый казак снял папаху, и все разом, всем полком, торжественно и молитвенно — поклонились в круг. Калугин успокоился. После молитвы-песни он скромно и достойно

поблагодарил казаков за доверие и, не зная еще степени своей власти, — спросил у Писаренко:

— Можно ли казакам разойтись?

— Так точно, господин войсковой старшина! Как Вы прикажете? — ответил он чисто по-воински.

— Ну, дайте распоряжение уж Вы, Писаренко, — спокойно отвечает ему Калугин, могоканин полка, в течение 25 лет отдавший свою силу и любовь родному полку.

Морально удовлетворенные и ободренные — казаки весело и с гомоном в темноте ночи двинулись в свои казармы, находившиеся наверху. Так встретил наш полк большевистский переворот в Петрограде.

Праздник 2-й сотни

Несмотря на полное спокойствие в полку в связи с переворотом в Петрограде — положение оставалось очень тяжелым. Вся власть в Вильмондстранде перешла к местному гарнизонному совету солдатских депутатов. Совет народных комиссаров приступил к заключению мира с Германией. Не подчинившийся этому приказу исполняющий должность Верховного Главнокомандующего генерал Духонин был смещен. Вместо него был назначен большевик, прапорщик Крыленко. С матросами, явившись в ставку, в Могилев — он арестовал Духонина, которого там же зверски умертвили солдаты-матросы.

Кубанское войсковое правительство, как и все другие казачьи войска, не признало власти совета народных комиссаров и сразу же повело с нею вооруженную борьбу.

Вся 5-я Кавказская казачья дивизия, находившаяся в Финляндии, была отрезана от Кубани дальностью расстояния и наступившей анархией на всей территории России. Трагическое положение толкало казаков сплотиться вокруг своих офицеров с полным сознанием и жуткой реальности, и что только они могут вывести казаков из этого заколдованного круга, чтобы в воинском порядке с оружием и достойно возвратиться на Кубань. Большим моральным ударом для частей дивизии было то, что новая власть вооруженной силой разогнала Совет Союза Казачьих войск в Петрограде и объявила его вне закона. Этим дивизия лишилась своего казачьего центра в столице России. Начались солдатские митинги все в той же нашей полковой столовой. К тому же выпал глубокий снег. Ударили северные морозы. Солдатские большевистские ораторы улащали казаков разными красивыми подачками, требуя протеста против атаманов Каледина и Филимонова — глав Донского и Кубанского Войск. Казаков жали в тиски. Но одно выступление казака-черноморца на митинге укрепило казаков.

— Яка ж цэ народна власть? — начал он. — Я був в Пэ-трогради тоди... наших козачых прыставытэлэй розигналы... кого арэштувалы... а як я зайшов у наш козачый союз — шо ж я там побачыв! — воскликнул он. И, передохнув, продолжил. — Кровати, столы, стулля — всэ поповэрталы ваши солдаты до горы раком (т. е. вверх ногами)...

Шум, рев, хохот казаков — были ему приветствием, как и наглядный ответ большевистским ораторам.

Подходил праздник 2-й сотни, установленный в день Архистратига Михаила 8-го ноября. И, несмотря на такие тревожные события, — сотня решила отпраздновать его как следует. На Кубань заранее был командирован урядник с двумя казаками. Они привезли два чувала белой кубанской муки, называемой крупчаткой, и мешок соленого свиного сала, так любимого казаками.

Финляндия была очень бедна хлебными злаками, и белый хлеб там считался роскошью. Население питалось только ржаным черным хлебом, обыкновенно черствым, выпекаемым на много дней вперед. В виде громадных бубликов, нанизанных на жердь, хлеб сберегался на чердаках. Вот почему казаки так хотели к своему празднику полакомиться родным хлебом своих богатых станиц. На напитки и закуски щедро были отпущены деньги из артельных экономических сумм.

Решено было пригласить всех господ офицеров полка, всех вахмистров и взводных урядников ото всех сотен и команд и полковой хор трубачей. После молебна — на длинные столы в одном из отделений кирпичных двухэтажных казарм 20-го Финляндского драгунского полка — сели около 250 человек. И единственной дамой среди всех была неожиданная гостья — жена младшего урядника Анцупова-старшего (в сотне было два родных брата), казачка станицы Дмитриевской. Ее с мужем посадили рядом с командиром полка.

После простой казачьей жизни в станице румяная молодая бабенка была сильно смущена и никак не хотела принять это приглашение. Молодецкий и смелый на слово муж, рослый, всегда видный на своем крупном сильном коне, польщенный вниманием офицеров — он ласково, но с определенной властью над женой, активно взял ее за талию и, к всеобщему восхищению присутствовавших, сел с нею на указанное место. В широкой зимней станичной кофте, покрытой темным кашемиром, в длинной широкой юбке, в теплом шерстяном подшальнике на голове — она была анахронизмом в Финляндии, где все крестьянки одевались по-городскому. Но всем нам было особенно приятно, — это была подлинная наша Кубань, ее станица.

Первый тост за войскового атамана и войсковое правительство встречено было громовым “УРА”! От радостного настроения — зываю к казакам:

— В честь нашего славного Кубанского Войска — ОГОНЬ! — и сам стреляю из револьвера в потолок.

Рой офицеров, вахмистров и взводных урядников (мы разрешили и взводным урядникам приобретать револьверы и носить их в кобурах) последовали этому примеру. Сверху посыпалась на всех штукатурка. Под нее все еще более восторженно кричат “ура” и продолжают стрелять в потолок. Вдруг подбегает ко мне сотенный вахмистр подхорунжий толстое и тревожно докладывает, что одна из пуль, рикошетом от потолка, ранила в шею казака Гаврилова.

Его уже окружили казаки. Спешу к раненому и вижу: из шеи сочится кровь, но ранение поверхностное. В такое тревожное время — этот случай был неприятен. Гарнизонная солдатская власть к этому случаю могла “пришить” все что угодно во вред офицерам. Все надо было ликвидировать тут же и немедленно. Казак Гаврилов был тихий, скромный, молчаливый и послушный и в революционных делах ничего не понимал.

— Больно, Гаврилов? — спрашиваю его, а сам испытывающе смотрю в его глаза, чтобы уловить настроение.

— Немножко... но ничего, господин подьесаул, — отвечает он. Я треплю его по плечу и бодро спрашиваю:

— Пьете водку, Гаврилов?

— Так точно, пью, господин подьесаул, — уже весело отвечает он.

— Дайте два чайных стакана! — бросаю в массу казаков. Стаканы быстро появились, наполненные водкой.

— За Кубань!. За наше славное Кубанское Войско — выпьем вместе, Гаврилов? — говорю ему бодряще, и вместе выпиваем до дна. Еще более громкое “ура” покрыло всех и скрыло от посторонних глаз и ушей этот случай.

Веселие разгоралось. За столы “просочились” и не приглашенные урядники. Всем хватило места, как и хлеба и соли с напитками. Здесь собралась вся полковая старшина в папах с галунами. Это был “цвет полка”, закаленный дружбой еще с мирного времени и прошедший вместе всю войну. Лились песни, гремел пол второго этажа от станичного танца “казачок”. Урядники-хозяева следили за порядком.

Как пели и как танцевали казаки! Это было последнее веселие в 1-м Кавказском полку. Через несколько дней, приказом народных комиссаров — во всей бывшей российской армии — приказано снять погоны, и корпус офицеров был отменен. Все покатило вниз, в анархию...

Через три дня, 11 ноября, был день моего рождения. В уютной квартире хозяйюшки-финки собрались все офицеры полка. В смежной комнате за столом с напитками и закусками — разместился полковой хор трубачей, согласившихся игрою приветствовать своего бывшего адъютанта. Тогда приказывать было уже нельзя. Все мы, и офицеры, и трубачи, в погонах, в черкесках. Закусывая и выпивая, — хор трубачей под руководством штаб-трубача Лашко — мягкими нежными мелодиями улаждал наш слух, с сознанием чего-то нами всеми безвозвратно утерянного...

Душа ведь вешун. И эти два праздника были буквально ПОСЛЕДНИМИ, когда мы, офицеры-кавказцы, собрались вместе на веселие с полковыми трубачами в полковой семейной обстановке...

Вторая встреча с Сорокиным

Жизнь в гарнизоне Вильмондстранда шла своим чередом. Хорунжий нашего полка Косульников Андрей женился на свояченице коменданта города. Она — красивая стройная девица, отличная в бальных танцах, хорошо воспитанная. Род их из города Старая Русса, обрусевших поляков. Мы были рады прибавлением в полку приятной дамы, с которой наша молодежь подружилась еще до женитьбы Косульникова. Супруга коменданта-поручика, теперь наша полковая родственница — разрешилась от бремени, но радость мужа была омрачена событиями: он должен был бежать с митинга своих солдат и

спасся от расправы в нашем полку. 3-го Линейного полка сотник Богомаз — так же после митинга прибежал в наш полк и просил защиты. Полк защитил обоих.

В Выборг прибыл с Кубани полковник Казаров*, войсковым атаманом назначенный командиром 1-го Таманского полка, но полк его не принял. Полк ли на митинге, офицеры ли полка или полковой комитет не признал его, — нам было неизвестно, но потом мы слышали суть их ответа, который был таков: “Войсковый штаб прислав нам команды-ра якого-сь вирмэна (армянина). Так хай краще (лучше) остаеця наш Закрипа”.

После отказа полковник Казаров прибыл в Вильмондstrand и представился начальнику дивизии — как быть? Последний был уже бессилен, и Казарову пришлось вернуться в Екатеринодар. Казаров старый офицер Кубанского войска. Говорили, что род его армянский. Но, может быть, род его шел от хазар, что гораздо старше рода казачьего.

Выше среднего роста, стройный, подтянутый, с веселыми умными черными смеющимися глазами брүнет. Одет по-горски, с недорогим, но изящной работы холодным оружием. Таким я встретил его в Вильмондstrandе, в штабе нашей дивизии. Он не был смущен или огорчен случившимся или умело скрывал это от посторонних глаз. “Ну, что ж!.. Вернись в Екатеринодар”, — сказал он нам, присутствовавшим там офицерам. В 1919 г. на его дочке женился наш кавказец подьесаул Володя Поволоцкий, состоя тогда в Кубанском учебном конном дивизионе в Екатеринодаре.

Войсковой старшина Закрепа, старейший таманец, летами старше полковника Казарова. Это был красивый прообраз запорожской старшины и видом, и духовными качествами. Есаул мирного времени. Его сотня считалась лучшей в полку. С казаками он жил “по-запорожски”, и не только что с ними, но и со всеми он говорил только по-черноморски. Для казаков казенной копейки не жалел. Настоящими казаками, он считал, являются лишь черноморские казаки. Нас, линейцев, он не любил, находя их “неприродными казаками”, искусственными. Я был близок к нему и в одном кутеже в Турции хорунжим — принял от него “ты”. Он мог потянуть игральную карту “в девятке” и широко кутнуть с казаками. В 1-м Таманском полку он был корнями свой.

Из Питера прибыла уусикирская “амазонка” и просила навестить ее. Стояла уже зима — сухая, тихая, как всегда, в Финляндии. По-летнему одетый в одну черкеску, в чевяках с мелкими галошами — скорым шагом иду по тротуару. Впереди, не торопясь, идет какой-то офицер, мне незнакомый. Темно-серая черкеска облегает тонкую талию. Шашечная португепя с богатым набором опущена ниже костреца черкески, как признак щегольства и самоуверенности носящего ее. Дорогой работы шашка.

Кто он, думаю, неведомый здесь кубанский офицер? Равнясь с ним, вижу погон сотника 3-го Линейного полка, но лицо незнакомое. А он, услышав шаги обгоняющего, — повернул ко мне голову и, как-то загадочно улыбувшись, произнес:

— Здравствуйте, подьесаул!

Лицо у него сухое, смуглое, чуть “с рябинками”. Глаза умные, смеющиеся. Что-то знакомое мне показалось в нем. Заметив мое некоторое недоумение, он произносит:

— Не узнаете? Сорокин*! Помните Кагызман?

И я вспомнил нашу с ним первую встречу в конце декабря 1915 г., когда вся дивизия шла из Турции на отдых под Каре, и в Кагызмане его, прапорщика Сорокина, я спас от

скандала. Но теперь сотник Сорокин совершенно не был похож на того “серого” прапорщика. С усами, стройный, щегольски подтянутый офицер.

Я его совершенно не знаю, почему и говорить мне с ним не о чем. Но для приличия спрашиваю, откуда он появился в нашем городе? И узнал, что он состоит в “Союзе трудового казачества”, являющегося подотделом совета солдатских и рабочих депутатов в Петрограде. Теперь он едет на Кубань. “Союз трудового казачества” был нам неприятен. Если он вначале и не был большевистским, но был “левым” и работал против Совета Союза Казачьих войск. Потом он стал уже чисто большевистским.

— Зачем же Вы едете на Кубань? — спросил его.

— Там предстоит работа... И Вы об этом потом узнаете, — ответил он и загадочно улыбнулся.

В 1918 г. он стал главнокомандующим Северо-Кавказской красной армией и сражался против нас.

Заколдованный круг. Вопрос о титуловании

Мы попали в заколдованный круг. Все казачьи правительства не признали власти совета народных комиссаров. Последние объявили войну Дону и Кубани. Наша дивизия, четыре конных полка и две батареи были отрезаны от своей казачьей Отчизны территорией всей красной России и фактически подчинены были совету народных комиссаров во всех отношениях, вплоть до получения государственных денег на содержание полков и батарей.

Мы не сомневались, что в случае острого конфликта большевики легко смогут обезоружить дивизию, а офицеров арестовать и препроводить в Петроград, в Петропавловскую крепость, где уже сидели некоторые наши рядовые казаки, захваченные в помещении разогнанного Совета Казачьих войск.

Кроме того, — единственный железнодорожный путь на юг России проходил через Петроград, который никак нельзя было миновать. Дивизия попала в мышеловку... Но надо было что-то предпринимать для выхода. И, как курьез, командующий полком войсковой старшина Калугин, собрав старших офицеров и развернув географическую карту России, предложил “искать путь”, чтобы — “с полком, походным порядком, обойдя Ладожское озеро с востока — двинуться на Кубань”...

“Путь” не только что не был найден, но был и отброшен как невозможный для выполнения. Грозные же события развивались. Вышел новый декрет совета народных комиссаров и приказ по всем армиям об упразднении всех чинов, о снятии погон и о новых перевыборах всего командного состава.

В декрете указывалось (подчеркивалось), что командиром полка может быть избран даже рядовой солдат, как и кашеваром может быть поставлен всякий бывший офицер, до командира полка включительно. Разрешалось носить только боевые ордена. Подобное распоряжение проведено было приказом по 42-му армейскому корпусу, куда мы входили, по нашей 5-й Кавказской казачьей дивизии и перепечатано по полкам.

Дальше этого идти было буквально некуда. Офицеры обрекались на полное изгнание и безо всяких жалоб и защиты.

Весь наш полк снял погоны. Что удивительно было, так это то, что подобное распоряжение не понравилось и рядовым казакам, не говоря уже об урядниках и офицерах. У нас отнимали эмблему воинского чина и эмблему родного полка. И никто, даже из рядовых казаков, не уничтожил погоны! Все с иронической руганью отпарывали их осторожно, чтобы не испортить черкесок, и уложили свои погоны в походные сумы, считая это распоряжение не серьезным и... временным.

В нашем полку не стали делать переизбрание новых начальников и оставили офицеров на прежних должностях. И только 3-я сотня уволила своего командира подьесаула Винникова, а полковой комитет избрал недавно прибывшего прапорщика Павлова, из учителей станицы Новопокровской, вторым помощником командира полка по хозяйственной части. Протестовать мы уже не могли.

Шура Винников — милейший и стойкий полковой товарищ, но он был очень замкнут для казаков и с ними не имел никакого общения, кроме сухо-служебного. На его место был избран младший офицер моей 2-й сотни, хорунжий из урядников 3-го Кавказского полка Трубицын Иван. Старый летами, любитель выпить, Трубицын был не глуп, исключительно прост с казаками, но наступить себе на ногу он не допускал. Говорил он по-станичному, чем вызывал улыбки и у простых казаков. Прапорщика-учителя Павлова избрали заведующим хозяйством потому, что, как потом говорили мне казаки, — он “свой”, бывший учитель, хороший человек, и казачья копейка не пропадет даром. На это реагировать уже не хотелось...

Кто теперь мы — офицеры и командиры без погон? Как к нам должны обращаться подчиненные? Как мы должны подписывать свои официальные бумаги-рапорты? — невольно возникли житейские вопросы. Собрались офицеры и решили: нас казаки должны называть по имени и отчеству при всех служебных и не служебных обращениях. Подписывая же официальные бумаги, после указания должности — ставить только свою фамилию.

Мы, офицеры, стали “никто”. Официально — командный состав, но без власти и безо всяких воинских отличий. И только личный авторитет, и только среди казаков своего полка — давал право на уважение и послушание.

Начальник дивизии, генерал Черный, не поладил с дивизийным комитетом и выехал в отпуск на Кубань. Уехал в отпуск на Терек и генерал Филиппов. Дивизийный комитет выразил недоверие начальнику штаба дивизии подполковнику Щербакову*, и он был отозван в Петроград, в распоряжение Главного штаба. На этом штаб-офицере Генерального штаба я немного остановлюсь. Он прибыл к нам в Вильмондstrand, сменив и. д. начальника штаба дивизии капитана Сербина. Тогда неженатый, энергичный и дружелюбный со строевыми офицерами — он стал своим среди нашей кавказской полковой молодежи и был всегда желанным гостем при всех случаях. Его работа по сохранению порядка в частях и была главной причиной, по которой комитет отстранил его от должности.

По новому декрету — должны быть произведены выборы начальника дивизии. Гадкий был внешний вид у нас, офицеров, без погон, когда собрались мы в финском народном доме, для выборов себе начальника дивизии. Кроме офицеров в нем участвовали дивизийный, полковые и батарейные комитеты.

И в этой толпе казаков в несколько десятков человек — офицеры, при полном своем вооружении, при серебряных шашках и кинжалах, были, словно нарядная лошадь “без хвоста”... Так заметно было что-то недостающее им, внешних отличий, говорящих об их офицерском положении. В особенности касалось это старых офицеров.

Командир бригады полковник Ширай*, старейший таманец, крупный, матерый, с бородою, в длинной черной черкеске, при дорогом холодном оружии, энергичный в движениях, словно ничего и не случилось в дивизии — он, старший среди нас, — весело шутил с казаками. Хорошо и активно держал себя командир 4-й Кубанской батареи, есаул Краморов*, наш старый туркестанец-батареец, слегка склонный к полноте, с гладко выбритым приятным добрым лицом, не утеревший своего авторитета среди казаков-батарейцев.

На это первое и уродливое собрание “для выборов начальника дивизии” прибыли и мы, кавказцы, с огорченной и печальной душой. Чтобы скрыть позор “безпогонья”, я накинул на плечи белый башлык. Увидев это, наши казаки комитета улыбаются, но не зло. Из их группы подходит ко мне мастер Войсковой военно-ремесленной школы Гонский, казак станицы Тифлисской, и с озорной улыбкой спрашивает:

— Господин подьесау, позвольте посмотреть, нет ли у Вас под башлыком погон?

Гонского я отлично знал еще по мирному времени. Почти интеллигентный человек, вежливый. Отличный полковой мастер на все руки, по всем специальностям. Из бильярдных шаров слоновой кости выточил мне комплект газырей. Тогда он был разжалован в рядовые, печалился мне на свою судьбу и я, сочувствуя ему, — хорошо оплатил его частную работу. Я знал, что Гонский подошел ко мне не для контроля, а просто, по озорству.

— Посмотрите, посмотрите, Гонский! — ответил ему. И он, двумя пальцами чуть приподняв край башлыка на плечах, улыбнулся и сказал:

— А мы говорили между собою — интересно, снимет ли погоны подьесаул Елисеев?

Такое время было тогда неустойчивое и так отвратительное.

Из Петрограда, от “союза трудового казачества”, прибыл студент Мирошниченко, назвав себя кубанским казаком. С лицом дегенерата, мрачный, в гимнастерке и офицерских темно-синих бриджах, в стоптанных сапогах... Явно отрицательная личность, фланирующая среди казаков, подслушивающая их разговоры. Его никто не знал. И вдруг он заявил, что, если его изберут начальником дивизии, он немедленно же выхлопочет в Петрограде отставку дивизии на Кубань.

Собственно говоря, казаки только этого и желали! Но Мирошниченко настолько был антипатичен и настолько не внушал доверия, к тому же был абсолютно чужд дивизии, неведом ей, не понимал казачьей души и всего того, что дивизия пережила, что собою она представляет, что у казаков создалось подозрение — кто он и откуда? Они отвернулись от него и не допустили голосование его кандидатуры.

К чести казаков — они по-семейному, спокойно и по достоинству начальником дивизии избрали старейшего из присутствовавших здесь штаб-офицеров — полковника Ширая. Дивизионный комитет и команды штаба дивизии — начальником штаба избрали себе

есаула Пенчукова*. Он наш старый кавказец, отличный офицер, хороший полковой товарищ, холостяк — перед самой войной был начальником бригадной конно-саперной команды. Всю войну провел в этой должности — мирно и спокойно, являясь всегдашним партнером игры “в винт” с начальником дивизии генералом Николаевым*, интендантом и главным делопроизводителем штаба дивизии. Он был в ужасе от этого избрания и печалился нам: “Ну что я буду делать?! Ведь я не знаю своих обязанностей!” Дивизия вступила в новую эру страданий.

Возвращение па Кубань

Совет Союза Казачьих войск в Петрограде разогнан. Казачьи правительства на своих территориях не признали над собою власти совета народных комиссаров, почему на все хлопоты дивизионного комитета о возвращении дивизии на Родину — Петроград неизменно отказывал. Но война окончена. Российская армия постепенно самостоятельно демобилизовалась. Начались недостатки в отпуске денег на содержание полков и батарей. Финны неохотно продавали фураж. Им русская революционная армия настолько опротивела, и у них настолько поднялся дух шовинизма, что мы ждали от них “варфоломеевской ночи”.

Наступила зима снежная, лютая. Житная солома, длинная и крепкая, как камыш мелкого сорта — стала половинным кормом для лошадей. У казаков появилось нерадение к уборке своих же собственных лошадей. Кони стали худеть, болеть коликами. Они облохматились от холода и голода. Всем было наглядно видно, что мы гибнем, гибнем... Надо было уходить на Кубань и спасаться какими бы то ни было путями. В этом было единодушие всех и ненависть к новой власти. Уже между Донским атаманом генералом Калединым и советскою властью, на границах земель Войска Донского — образовался боевой фронт, а мы, казаки, все еще сидим в далекой Финляндии!

После долгих хлопот дивизионного комитета, куда, кстати сказать, не вошел ни один офицер, — совет народных комиссаров дал пропуск дивизии для возвращения на Родину, но с условием, что по прибытии туда — полки будут бороться против “контрреволюционных атаманов Каледина и Филимонова”.

И длинными эшелонами полки дивизии двинулись из Финляндии по железной дороге. 8 декабря 1917 г., из Вильмондстранда, погрузившись в вагоны, — первым эшелоном полка выступила 2-я сотня. При ней полковой штандарт, командир бригады полковник Жуков*, полковой денежный ящик, хор трубачей и весь наличный состав штаба полка: Войсковой старшина Калугин — командующий полком. Войсковой старшина Пучков — помощник по хозяйственной части. Прапорщик Павлов — 2-й помощник по хозяйственной части. Войсковой старшина Маневский — помощник по строевой части. Подъесаул Кулабухов — полковой адъютант. Подъесаул Винников — смещенный с должности. Военный чиновник Чирсков — полковой делопроизводитель. Ветеринарный врач Гиршберг. Медицинский врач, зауряд-лекарь Жуков.

10. Полковой священник о. Чуб.

11. Полковой капельмейстер (фамилию не помню).

Начальником эшелона был командир сотни, подьесаул Елисеев. Эшелон благополучно миновал Петроград и Москву, но под Воронежем был задержан. Местная власть потребовала сдачи оружия, заявив, что пропуск может дать только воронежский совет рабочих и солдатских депутатов. С неизменным и верным своим помощником, председателем сотенного комитета, младшим урядником Волобуевым, с передаточной станции, что в семи верстах восточнее Воронежа — в специальном паровозе — прибыли в Воронеж. Была ночь. Мы в комитете. Грязь, окурки, колбаса, куски недоеденного хлеба, дымный чад от курения, девки с подрезанными волосами и с папиросами в зубах, какие-то солдаты, рабочие — все это было наглядным показателем очага красной власти Воронежского района. Умный и энергичный Волобуев даже обрадовался этой картине, чтобы лучше действовать. Он еще в дороге сказал мне, чтобы я больше молчал, а говорить будет он. Мы оба были в черкесках и при холодном оружии, т. е. при шашках и кинжалах. И он умело говорил с ними. После долгих препирательств нам дали право двигаться дальше.

Замечательные картинки в дороге. Мы, офицеры, свободно выходили на всех станциях и гуляли возле своих вагонов. Толпы солдат везде и всюду. Глядят недружелюбно. Полковник Жуков — высокий, стройный, красивый, в шубе-черкеске, застегнутой на все крючки, в высокой крупного курпея каштановой папахе без залома, заложив руки за спиной, спокойно прохаживался у вагонов. Наши же казаки — активно шныряли везде, никого не впуская в свои вагоны. Поезд воинский, вооруженный. И потом уже казаки рассказывали:

— Што?.. Великого князя везете с собой?.. На трон готовите?

Это солдаты говорили о полковнике Жукове. Он действительно был очень породист и молодым офицером служил в Конвое Его Величества.

На станции Миллерово произошла та же сцена и требование сдать оружие. Но здесь мы были уже смелее. Дыхание донских степей, родной казачьей земли давало нам моральные силы. Здесь был уже фронт “против Каледина”. После томительных переговоров с красным командованием, и опять-таки ночью — эшелон был пропущен, и мы вошли “в стан белых”.

Полковой священник отец Чуб, казак-черноморец, юморист и добряк — на радостях, что мы достигли Белого Стана, — он заявил, что в церковной двуколке есть несколько бутылок красного вина для богослужения и экстренно можно использовать их только с разрешения заведующего хозяйством. Он же, священник, против этого ничего не имеет... Заведывающий хозяйственной частью полка войсковой старшина Пучков, добряк по натуре, могущий поддержать веселую компанию, немедленно же дал разрешение. Финны нам отвели для офицеров маленький вагон 2-го класса. Разместились мы в нем очень скученно. И присутствовавший здесь командир полка Калугин, также человек добрый и компанейский, но немного пунктуальный — с улыбкой и беспомощно только развел руками...

Отец Чуб энергично достал вино, открыл бутылки, и мы, как драгоценную влагу — выпили с исключительной сердечностью. На всех нас тогда нашла какая-то, еще нам неизвестная, теплота чувств друг к другу, словно невысказанная любовь, так долго скрывавшаяся в наших сердцах в течение всей долгой войны. И если не боевые действия, не повседневные встречи в суровой боевой обстановке, если даже и некоторые разгульные кутежи, когда душа смягчает и люди не в меру откровенничают, — если все эти случаи

никогда и никого на эту исключительную теплоту не толкнули, — то эта толика церковного красного вина, после всего пережитого, она дала толчок к накопившимся добрым доверительным чувствам друг к другу.

Первый эшелон на станции Кавказской

Из Ростова дал телеграмму в станицу Кавказскую, на имя Атамана Кавказского Отдела, полковника Репникова*, с обозначением часа прибытия эшелона на станцию Кавказская, прося сообщить в станицы и лично встретить головной эшелон, идущий с полковым штандартом и штабом полка. Со станции Тихорецкой дал вторую телеграмму, с точным подтверждением часа прибытия. На железнодорожную станцию Кавказскую эшелон подошел к 12 часам ночи на 22 декабря старого стиля (в дороге были 14 дней).

Подходя к вокзалу, хор трубачей из вагона огласил ночную тишину полковым маршем. Песенники хватили зычно песни, также из вагонов. Наш поезд был направлен между многими товарными поездами и тихо, в ночной мгле, остановился где-то далеко от вокзала. С большой группой песенников, в черкесках и при кинжалах (без шашек), с песнями — иду к вокзалу, в надежде, что там нас ждут родственники и власть.

Мы там. Но вокзал обоих классов полон спящих солдат и — никого, ни властей, ни родственников казаков. Наши чувства омрачились болью в душе. На нас, воински подтянутых, хотя и без погон, но с Георгиевскими крестами урядников и казаков — солдаты полусонными глазами посмотрели недоумевающе и вновь склонили свои вихрастые нечесанные головы ко сну... Огорченные, разочарованные и смущенные — мы уже без песен вернулись в свои вагоны, в ожидании более радостного утра следующего дня.

С вечера — были только заморозки и никакого снега. А, проснувшись поутру, — все было занесено снегом. Сама природа, словно очищая прибывших из красного ада, закрыла, засыпала наш “революционный след” своим белым чистым снежным покрывалом и как бы говорила: “Казаки! Начинайте свой новый Белый путь!”

Но не тут-то было... Утром выхожу из вагона и, к своему ужасу, вижу: казаки, кто как попало, разгружают своих лошадей сами, без подмостков, а прыжками вниз. Они седлают лошадей, и каждый выезжает самостоятельно к себе в станицу. Сваленное сотенное имущество валяется в снегу... Все словно на базаре, а не в воинской части. Почти все казаки выпивши. Всегда стойкий вахмистр сотни подхорунжий Толстов с грустью и с нескрываемым возмущением докладывает: “Никто и никого не хочет слушаться!”

— А штандарт? — говорю ему. — Его же надо торжественно отвезти и поставить в церковь Кавказской станицы! Соберите казаков попутных станиц и внушите им эту мысль! — диктую ему полуприказание, которого теперь уж никто не слушает...

Из Екатеринодара прибыл законный командир полка полковник Косинов. В офицерской защитной шинели-пальто и в погонах, — но событиями оторвался от полка. Он привез приказ от войскового атамана полковника Филимонова, что “для охраны войскового порядка — расквартировать сотни так: две на хуторе Романовском, две на станции Гулькевичи и две в станице Кавказской”. Но это было безнадежно, в чем он и сам убедился. Исполнив формальность, наш мужественный духом, законный командир полка

Георгий Яковлевич Косинов вернулся назад в Екатеринодар, чем и закончилось фактически его пребывание и власть в полку.

Выгрузились. Все господа офицеры, как и громадное большинство казаков моей 2-й молодецкой сотни, признанной самой стойкой в дисциплине — двинулись самостоятельно в свои станицы. Что 2-я сотня была самая стойкая и надежная — показывает тот факт, что с нею шел на Кубань весь штаб полка, полковой Георгиевский штандарт и денежный ящик. И вот, возле штандарта — собралось человек 30 урядников, приказных и казаков из 135 наличного состава сотни. Собрал взвод казаков, выстроил в конном строе, вынес из вагона наш дедовский штандарт и — двинулся в Кавказскую, в главную станицу отдела, где я родился, рос и учился.

Мы вернулись с войны

Мы возвращались с войны — долгой и упорной. За эти годы мы так много видели и испытали и... все потеряли. Даже и воинскую честь. И наш молодецкий 1-й Кавказский полк, гордость станиц, его формировавших, — теперь возвращался с войны так бесславно. И свой штандарт полковой — сопровождает только 30 казаков.

Красная улица в станице Кавказской начинается сразу, обрубом, где когда-то были ворота и вал, как защита от черкесов. А до начала улицы, насколько хватает глаз, — шел широкий шлях из Романовского. По нему и двигалась наша конная группа со штандартом, с широким полковым флагом на высоком древке и с сотенным своим цветным значком. Душа рвалась наружу от радости, что мы уже дома, и от пережитого горя в месяцы революции. И вот тут-то, как встречается в описаниях “возвращение казаков с войны” с песнями, со стрельбою у кургана — все это стихийно толкнуло нас на песни. В этом строе 30 казаков — почти все были вахмистры и урядники, отличные песенники. Здесь была “вся соль 2-й сотни”. И строевые песни грянули во всю свою мощь.

Наш елисеевский дом отца стоит пятым — от обруба Красной улицы, против старых зданий управления Кавказского отдела. Под косым углом — из него далеко видно все Движение по шляху, как и дом виден еще издали на его высоком фундаменте. Группа вошла с широкой песней в улицу. На парадном крыльце вижу бабушку, мать, брата Андрея*, хорунжего, с супругой и сестренкой. Бабушка и мать, вперив глаза в нашу сторону, плачут от радости. Три сестренки-гимназистки — заерзали, забежали по парадному крыльцу от радости, увидев меня. Наш отец, в папахе и с окладистой бородою, стоя внизу, у калитки забора, — строго, серьезно смотрит на приближающуюся конную группу казаков. В его позе, в его лице — никакой радости.

Умный был наш отец. Видел он, опытный старый казачина в свои тогда 49 лет, что — так с войны не возвращаются! Все видел он... И, главное, видел, что все мы были без погон, в том числе и его сын-офицер... Это не только позор, но это никак не могло уложиться в его честной голове, — почему без погон? За что? Вот почему он и смотрел на нас своим мертво-спокойным взглядом. Все и всегда видел он своим ясным умом, и только одного не смог увидеть он, предугадать, что ровно через три месяца он будет расстрелян красными за то, что “учил детей”...

Не доезжая несколько десятков шагов до своего двора, бросаю вахмистру Толстову — “управляй!”, а сам скопытка подскочил на своем белом прытком кабардинце к парадному крыльцу — с седла и наскоро целую всех. Отец без улыбки — подставил мне свои

холодные сухие губы... Любил же он меня в семье — крепче всех. “Потом, потом!” — бросаю всем и — вновь к строю, к казакам, к песням строевым, надрывающе прощальным и, как оказалось, в последний раз поющимся.

Песня строевая лилась по широкой и нарядной Красной улице, самой старой станицы на Кубани. Слезно рыдали казачки-бабы в своих платках, облокотившись на заборы. Они-то, родные наши страдалицы-затворницы, остро понимали, что значит “первоочередной полк”! Он был красота, мощь, необходимость казачьей службы! И вот, теперь, “первоочередной полк” идет с войны такой куцый и так бесславно закончивший ее...

На грязной от слякоти и снега станичной площади перед церковью — выстраиваю свой взвод развернутым фронтом.

Привычную церемонию “унос штандарта” ничем не изменить, почему и командую:

— Под штандарты-ы!. Шашки-и... ВОИ!

Сотенный трубач младший урядник Ильин, казак станицы Новопокровской трубит-пиликает “соло” так скучно... Скидываюсь с седла, подхожу к штандарту в черном кожаном чехле и со штандартным старшим урядником 5-й сотни Коровиным, казаком станицы Терновской (высокий, стройный, красивый блондин) — в чевяках шагаем по грязи и снегу, направляясь в церковь (ассистента-урядника фамилию не помню). Я держу руку под козырек. Случайные старые казаки на площади, уже привыкшие к революционной анархии, недоуменно смотрят на все это. Внесли. Прикрепляем штандарт к правому клиросу. Склоняюсь на одно колено, крещусь... Со щемящей горестью целую дорогое и так знакомое мне древко. Встаю вновь на колено, крещусь и отступаю два шага в сторону. Молодецкий Коровин и его ассистент-урядник следуют моему примеру. Они набожно крестятся, становятся на колени, кладут земной поклон, встают и целуют древко. Потом все трое крестимся вместе еще раз, кланяемся, поворачиваемся и выходим из церкви. На площади еще раз перекрестились, надеваем папахи и идем к своему взводу. Сажусь в седло и командую:

— Шашки в но-ож... НЫ!

Жуткий миг! Этою командою словно все прикрылось, скончалось... И этою командою скончался наш славный полк после векового своего существования, с 1803 г.

“Вынь патрон — перестань стрелять!” — есть еще один характерный сигнал. Но — “в ножны!” — символичнее и хуже. Вложив шашку в ножны, словно захлопнул за собою дверь навсегда ...

— Спасибо, братцы, что довели штандарт! — говорю с коня казакам. — Военная служба окончена!.. Теперь вы свободны!.. Можете ехать по домам!.. А кто хочет попрощаться — так за мною, в дом моего отца, на обед!

— Значковые! За мной! — сказал и крупной рысью своего сильного коня двинулся назад вдоль Красной улицы.

Десятка полтора урядников, привязав под сараями своих лошадей и заложив им на корм “отцовской люцерны”, с полным вооружением, с винтовками в руках, снимая папахи и крестясь на иконы, вошли в наш дом. В доме все мигом забегало, затормошилось от радости. Вновь объятия, поцелуи. И по казачьим традициям — со всеми членами нашей

семьи целовались и вошедшие казаки-урядники. Как в каждом казачьем доме — у нас была полная чаша: и вареного, и пареного, и копченого и засоленного в бочках — огурцов, капусты, помидор, слив, винограда, арбузов... Стол был накрыт в изобилии. Казаки, поставив винтовки в угол, сели за стол. Вместо отца — бабушка посадила меня “под святой угол”. Сегодня ее внук почетный человек.

Разместились. На столе несколько графинов водки, а яств, солений — не перечеть. По традиции, без благословения, без тоста главного за столом — никто не может притронуться к еде. Налили всем рюмки. Так все было аппетитно!

Как “главный” теперь за семейным столом и “герой войны” — встал я с бокалом в руке. Встали так же все — и урядники, и семья. Попросил их сесть, так как говорить сидячим — легче, видя их всех. Все сели. Молчание. Все сосредоточились.

— Братцы... — тихо, спокойно начал я. — Война окончена... мы дома...

Что случилось со мной, — не знаю и теперь, но “что-то” резко схватило меня за горло... остановился язык... кровь бросилась в лицо и я... разрыдался как дитя, упав головою на стол. А за мною зарыдали все, в особенности женщины. Но отец!.. Такая умница и гордость! Пышная борода и густы усы. При других — одно горделивое достоинство! Отец трех сыновей-офицеров! И он разрыдался...

Вот это называется — радостное окончание войны?! Это был еще один психологический разряд души, как и при выборах в Финляндии командира полка и нас, офицеров. То, что мы пережили в революцию, — вышло наружу. Это было все то, что мы так долго скрывали под своим военным мундиром, сдерживали в себе, и что теперь так безудержно вырвалось наружу в семейном кругу, среди своих близких.

Полковыми песнями сопровождался наш многолюдный тогда и так памятный обед, на общую радость и веселье всех присутствовавших. Много было душевного откровения в тостах и в разговорах.

Обед закончен. Все урядники подходили к нашей старой казачке-бабушке, потом к нашей матери, к сестренкам, к отцу. Всех благодарили и обязательно целовались в губы. Со мною они прощались как братья, с которыми я окончил что-то большое и страшное и теперь идущее в неизвестность... Полк ведь еще не был демобилизован! Для полковой истории приведу их фамилии потомству.

1. Подхорунжий Ф.И. Толстов, вахмистр сотни. 2. Подхорунжий Федоров, взводный 1-го взвода. 3. Вахмистр Шевляков, взводный 2-го взвода — все казаки станицы Темжбекской.

Казаки станицы Дмитриевской: 4. Подхорунжий Копанев (первый), взводный 3-го взвода. 5. Вахмистр Чусов Трофим, сотенный каптенармус, дивный 1-й голос. 6. Младший урядник Докукин. 7. Младший урядник Сапегин Герасим, дивный запевала, бархатный баритон. 8. Приказный Рыбалкин, выдающийся 1-й подголосок.

Казаки станицы Новопокровской: 9. Младший урядник Кароченцев Андрей, сотенный артельщик. 10. Младший урядник Фендриков, 1-й подголосок и танцор. 11. Младший урядник Ильин, сотенный трубач. 12. Младший урядник Абеленцев Андрей, певец, танцор и наездник.

Станиц Расшеватской и Казанской: 13. Младший урядник Ермолов Федот, мой конный вестовой. 14. Казак Ловлин Иван, мой вестовой с мирного времени. Оба мои одногодки. Остальных не помню по фамилиям. Где они теперь? Распрощались, разъехались по своим станицам и домам, которых некоторые не видели в течение семи лет... Легко это только сказать, написать, но понять...

Остальные сотни полка, прибыв разновременно на станцию Кавказская, так же самостоятельно разошлись по своим станицам. Чтобы не бросать упрека только казакам — должен подчеркнуть, что и господа офицеры тоже разъехались по домам, в города и станицы, к своим семьям. Фактически полк был весь в отпуску на рождественские каникулы. С началом 1918г. — была новая страница полка, вплоть до Кавказского восстания 19 марта 1918г.

Елисеев Ф.И.

С КОРНИЛОВСКИМ КОННЫМ

ТЕТРАДЬ ШЕСТАЯ

В революционной стихии развала

Наступил 1918-й год. Все строевые части Кубанского войска уже вернулись со всех фронтов Великой войны и постепенно, самовольно — демобилизовались. Штабы их еще существовали. На Кубань не вернулись только полки Отдельного Кавказского кавалерийского корпуса генерала Баратова из Персии, где фронт еще кое-как держался. Их доля потом была более печальная при возвращении на родину, чем доля других полков. Вот их имена:

1-я Кавказская казачья дивизия генерала Раддаца* — 1-й Запорожский, 1-й Уманский и 1-й Кубанский конные полки.

3-я Кубанская казачья дивизия генерала Рафаловича* — Адагумо-Азовский, Екатеринославский, Ейский и Ставропольский конные полки, сформированные в 1915 г.

1 -и Хоперский — входивший в состав Кавказской кавалерийской дивизии.

4-я Кубанская казачья дивизия генерала Рыбальченко* — 2-й Екатеринодарский, 2-й Черноморский, 3-й Запорожский и 3-й Полтавский конные полки.

Партизанские отряды войсковых старшин — Бичерахо-ва и Шкуры*, несколько Кубанских конных батарей и отдельных сотен. Нумерацию их не могу указать, чтобы не ошибиться.

Из Персии все эти части дошли походным порядком до порта Энзели, что на юге Каспийского моря, там погрузились на пароходы, в Петровске выгрузились и эшелонами по железной дороге — двинулись на родную Кубань. Никто еще не описал путь их движения. Они проходили в первых числах марта месяца 1918 г., когда вся Кубань была во власти красных. Генерал Корнилов был еще на Дону со своей Добровольческой Армией, а Кубанское правительство, с войсковым атаманом и Кубанскими отрядами — оставили Екатерино-дар и отошли к югу от него. Все железнодорожные узлы на Кубани — Армавир, Кавказская и Тихорецкая — были заняты красными гарнизонами, с военно-революционными трибуналами во главе. На станции Армавир этим трибуналом арестовывались все офицеры, препровождались в местную тюрьму, а эшелоны отпускались на север, для расформирования по своим станицам.

Никто не описал этого... Но все эти эшелоны проходили мимо станции Кавказской, и нам, жившим в станице Кавказской, — многое было известно...

Хотя положение казаков и было беспомощное, но военно-революционный трибунал оставлял при них тех офицеров, о которых казаки ходатайствовали. Среди них был и наш меньший брат Георгий, тогда прапорщик 2-го Черноморского полка, освобожденный

вместе со своим командиром сотни подьесаулом Степаном Сопневым*. Они прибыли в наш дом и рассказали общую печальную судьбу всех. Редко кто избежал ареста, в особенности из числа старших офицеров. Летом 1918 г., пересылая из Армавира в Екатеринодар для суда на станции Ладожская, их задержал 154-й Дербентский пехотный красный полк и расстрелял в количестве 68 человек вместе с доблестным генералом Радацом. Погиб там и генерал Перепеловский*, и наши старые кавказцы — полковник Суржиков*, войсковые старшины Беляевский* и Доморацкий* и два бывших наших сверхсрочных подхорунжих мирного времени, хорунжие Бычков и Соболев. 2-го Екатеринодарского полка войсковой старшина Давыдов погиб там же. Остальных, думаю, по фамилиям и чинам, не зафиксировано для истории и Войсковым штабом... Горькое явление.

Внешняя война была окончена, а что дальше нас ждало” — пожалуй, никто ничего не знал. Штабы полков и управление Кавказского отдела еще как-то работали, а казаки отдыхали по своим станицам. Думаю, что подобное происходило во всех Отделах и частях Кубанского Войска в то время.

Беззаботно и весело отпраздновав Рождественские Святки, казаки нашего полка собрались в станице Кавказской, где находился штаб полка. Начались денежные расчеты и фактически ликвидация всей хозяйственной части полка. Как первоочередной полк — он не подлежал демобилизации, но он уже и не был строевой частью. Это были толпы пеших казаков, праздно шатающихся по Красной улице от штаба полка и до управления отделом в ожидании каких-то распоряжений, получения жалованья и других каких-то денежных недополучек. И мы, офицеры, не знали, — что же нам делать, так как никто не давал никаких распоряжений.

Остальные части Кавказского полкового округа были как-то в тени. 2-й Кавказский полк, прибыв с Западного фронта без своих офицеров и разойдясь по станицам как подлежащий демобилизации, — штаб полка оставил в станице Новопокровской. Полк привел с фронта революционно выбранный командир полка, подхорунжий Никита Лебединцев*. В Новопокровской ютились и штабы пластунских батальонов — 4-го, 10-го, 16-го и 22-го и постепенно заканчивали свое существование. 3-й Кавказский полк, давно прибыв с Кавказского фронта, — со своими пожилыми казаками, по-семейному ликвидировал свое полковое хозяйство.

И на местах по станицам, и в центре отдела — власть была бессильна, чтобы остановить революционно-разрушительную стихию. И лишь родные страдальцы-старики, эти стойкие хранители вековой казачьей патриархальности и казачьей обыкновенности, да все поголовно бабы-казачки — они с нескрываемою злобою активно выступали против “хранавиков”, тыча им в глаза проклятия.

Хотя, должен подчеркнуть, что в станицах не было резкого деления на два лагеря. Фронтвики, безусловно, устали и хотели окончания своей военной службы, что было вполне нормально. Что ждало всех в будущем, никто ничего не знал. Не знали этого и мы, офицеры. Предсказателей тогда не было.

В управление отдела созваны все офицеры строевых частей. Приказ войскового атамана полковника Филимонова говорил, что в 1-м Кавказском полку оставить только десять офицеров, а остальным прибыть в Екатеринодар, для поступления в правительственные отряды. В полку должны остаться: командир полка, его два помощника, полковой адъютант и шесть командиров сотен. Всего десять офицеров. Но в наличии, при полку, оставались только следующие офицеры: кроме командира полка войскового старшины

Калугина, в порядке старшинства чинов, подьесаулы: Елисеев, Некрасов, Поволоцкий, Винников (командиры сотен), Мацак, Бабаев, сотник Фендриков и хорунжий Косульников.

Не говоря о младших офицерах — все остальные уехали к своим семьям и в полк уже не вернулись. Войсковые старшины Пучков, Маневский, есаул Авильцев и подьесаул Дьячевский навсегда остались в Майкопе. У первых трех там были свои собственные дома. У всех четырех были семьи. Полковой адъютант подьесаул Кулабухов, отличный офицер — также не прибыл в полк. Подьесаул Растегаев, видя пустоту жизни в полку, обогнув с севера красный центр хутора Романовского, ускакал в свою Ладожскую станицу на своем мощном коне. “Не догнали красные”, — сказал он мне потом.

С захватом железнодорожного узла станции Кавказская и хутора Романовского с сорокатысячным не казачьим населением живая связь управления Кавказского отдела с Екатеринодаром и Войсковым штабом фактически прервалась. Хутор Романовский стал сильным и страшным красным очагом. Офицеры, хотя и без погон, желавшие проехать в Екатеринодар, опознавались и арестовывались. Некоторым из них удалось скрыться и пробраться в станицу Кавказскую, где еще существовала законная казачья власть в виде управления отделом и нашего полка. Мимолетно появились в ней войсковой старшина Мальцев и есаулы братья Гетмановы — Михаил* и Сергей*. Наш отец нашел им надежного соседа-извозчика, старого солдата, и они благополучно, кружным путем, минули Романовский и пробрались в Екатеринодар. Мальцев погиб в бою при штурме Екатеринодара 31 марта, а братья Гетмановы совершили 1-й Кубанский поход, участвовали в гражданской войне.

В студеную зимнюю полночь кто-то требовательно постучал в наши ворота.

— Здесь ли живет Ф.И. Елисеев? — спросили отца два подозрительных субъекта, небритых, в солдатских шинелях и солдатских же “репанных” с отворотами серых шапках.

— А Вы-то кто? — спросил отец.

— Не бойтесь, папаша... мы его друзья. Разбудите Федю, пусть он выйдет... он нас узнает, — говорит один из них.

То были мои сверстники по Оренбургскому училищу, теперь подьесаулы 3-го Кубанского полка Степан Сердюк* и Назар Савченко*. Бежали из полка, из станицы Ново-Александровской Лабинского отдела. Несмотря на то что они были в солдатской форме и без погон, в них заподозрили офицеров и арестовали. Оба они были умны, но настоящей военной выправки не имели и в военном училище. Савченко — замкнутый человек, но Сердюк был разговорчивый и с черноморским юмором. И он внушил красногвардейцу, охранявшему их, что они есть “прости казаки... булы мобылызовани и тэпэрь йидуть до дому”. Солдат долго сомневался в правдивости этих слов, но потом отпустил “на их совесть”. И так как в Екатеринодар нельзя было пробраться, они и вспомнили обо мне, жителе Кавказской станицы, не находящейся еще под властью красных.

Наша семья приняла их как сыновей. Отдохнули бедолаги. Сердюк и здесь был интересен в своем юморе. Нашу мать называл “тетенька” или “мамаша”. И, расставаясь, неграмотной казачке — поцеловал руку. Отец вновь уговорил извозчика-соседа, солдата Прокошку, кружным путем доставить их в станицу Казанскую, откуда можно было еще проехать в Екатеринодар по железной дороге.

Но не всем судьба уготовила благоприятный исход. В полковой канцелярии неожиданно встретил 2-го Екатеринодарского полка войскового старшину Журавель. Он ехал из Персии, как квартирьер своего полка. Узнав о преграждении пути в Романовском, со станции Гулькевичи, на извозчике, он прибыл в нашу станицу и представился командиру полка Калугину, у которого и остановился.

В тужурке с меховым отложным воротником нараспашку - под ней гимнастерка с погонами и на груди белый офицерский Георгиевский крестик. Офицерские диагональные темно-синие бриджи вобраны в боксовые сапоги. Он брюнет с круглыми большими глазами. Среднего роста, чуть полный, но по-офицерски очень подтянутый. Он мало говорил с нами и... сидя в канцелярии, наполненной писарями и казаками, о чем-то думал. Мне особенно приятна была эта встреча, да еще в нашем полку и в моей станице, с однополчанином по 1-му Екатеринодарскому кошевого атамана Чепеги полку 1910 г. Тогда он молодым хорунжим взял 1-й офицерский приз на скачках, с препятствиями, а я, 17-летний вольноопределяющийся, был награжден 1 -м полковым призом за наездничество и джигитовку. Это было 6 мая, в день тезоименитства Государя Императора Николая Второго. Вид его был всегда грустный. Возможно, что душа-вещун предсказывала ему близкую смерть.

И вот, в один из дней, в полку не стало его и подьесаула Саши Винникова. Потом мы узнали, что Журавель, Винников и два молодых офицера-пластуна ночью, пешком, вышли из станицы, обогнули с севера хутор Романовский и, добравшись до станицы Ловлинской (бывший хутор станицы Казанской), под греблей решили отдохнуть. Здесь их увидел конный разъезд красных и арестовал. Под штатскими тужурками они имели офицерское одеяние. На допросе признались, что пробирались в Екатеринодар. Разбор дела и суда был короткий. Красные достали в станице лопаты, приказали им вырыть яму и потом зарубили пашками, добив прикладами винтовок...

Узнав очень скоро об этом, мы были потрясены!.. Было жаль погибших так трагически, в особенности, однополчанина Шуру Винникова. Жгучий брюнет с лицом матового цвета. Замкнутый с казаками, но в среде молодежи — остроумный и стойкий полковой товарищ. В июле 1914 г. он прибыл молодым хорунжим в Мерв, с полком проделал всю войну и вот... так жутко погиб от рук своего же русского солдата... Было о чем подумать!

Но наряду с глубоким сожалением — мы удивлялись, почему они двинулись пешком? Ведь так легко было достать в станице верховых лошадей! Да у Винникова и была своя строевая кобылица! Кроме того, почти все офицеры нашего полка своих строевых лошадей передали вестовым в ожидании лучших дней или продали им за бесценок. Хотя все это есть бесплодное гадание “вслед”...

Бессилие казачьей власти

Наш полк, вернувшись на Кубань, не надел погон. Приказа об этом не было, и мы, офицеры, не сговариваясь, считали: это может вызвать вредные разговоры среди казаков. В станице было много иногородних и демобилизованных солдат. Были неприятные случаи с чинами управления отдела, даже и с заслуженными писарями — “почему они еще носят погоны?” — дерзко говорили солдаты. В понятии солдат и мужиков — во всей России установилась красная власть; всей бывшей армии показано снять погоны, и вот только кучка казаков еще придерживается старого строя.

Атаман Кавказского отдела полковник Репников отлично понимал психологическое настроение черни и отдал приказ: “всем снять погоны во избежание могущих быть неприятностей”. Случай к могущим быть неприятностям проявился очень скоро.

В одну из ночей рота красноармейцев чуть выше ста человек, придя из Романовского, захватила станичную крепость с арсеналами. По грязи и слякоти, растянувшись по узкому тротуару Красной улицы, она дошла до церковной площади и попыталась захватить ящики с новыми винтовками, бывшими при нашей полковой канцелярии. Все это было сделано совершенно беспрепятственно со стороны нашей власти. К удивлению и похвале — отстояли захват оружия несколько казаков нашего 1-го полка, и рота вернулась в Романовский. Она была послана военно-революционным трибуналом, видимо, как разведка для испытания военной мощи казачьих сил. И не нужно быть провидцем — как красногвардейцы поступили бы при встрече с офицерами в погонах. Положение казачьей власти становилось совершенно беспомощным. И хотя фронтовые казаки стали “праветь”, но воинской дисциплины не существовало... Это проникновение вооруженных красных в станицу взбудоражило многих. Станичная власть устроила что-то вроде митинга в помещении прогимназии, на который пригласила своих офицеров-станичников, весь цвет стариков и бывших станичных атаманов. Решено было: станицу разбить на четыре боевых участка, под начальством своих офицеров. Мне предложено быть начальником 1-го участка, западного, главного, на который уже было нападение с Романовского.

Условлено было: на ночь выставлять пешую заставу на шляху, у кургана с крестом, как главного пути красных в станицу. Застава выставлена. Была снежная метель и очень холодно. Вдруг в полночь, в парадную дверь резкий стук в наш дом. Видимо, донесение с заставы, думаю я. Быстро выхожу на крыльцо и вижу, — вся боевая застава с винтовками, у нашего дома, согнулась закутанная в башлыки и зимние полушубки.

— Вы что это? — недоуменно спрашиваю своих подчиненных воинов, которым поручено охранять станицу.

— Холодно, Федор Ваныч... — отвечает начальник заставы и добавляет: — Разрешите идти по домам? — И для убедительности своего аргумента о холоде, заканчивает: — Да и какой черт в такую метель пойдет на станицу?!

Почесал я за ухом, подумал и... отпустил охрану по домам, зная, что, если не отпущу, они все равно сами разойдутся.

Убедившись, что оставаться в станице бесплодно, решил пробраться в Екатеринодар. Отец и брат Андрей, хорунжий, видя сборы, оба молчат. Видимо, сочувствуют. Тогда в умах казаков было, что войсковая власть окрепнет и очистит войсковую территорию от красных. Нужно только время. Пригорюнилась лишь наша любимая мать.

— Куда ты, сыночек?.. Все офицеры живут дома, а ты опять на войну? — только и сказала она, но не заплакала, так как каждая казачка всегда сознавала обязанности казака — служить и... воевать.

Я еще не решил, — как, каким путем пробраться через красный хутор Романовский — как почувствовал какую-то, мне раньше неизвестную боль в прямой кишке, откуда появилась кровь. В местной войсковой больнице старый, знакомый всем доктор Власов, военный врач с двумя просветами, определил острый приступ геморроя, который нужно немедленно же удалить операционным путем. Хотя эта болезнь свойственна многим кавалеристам, но о ее состоянии и способе лечения я ничего не знал.

Предварительное очищение желудка, бритье и... меня положили в местную войсковую больницу. После операции под хлороформом, когда я проснулся, почувствовал себя так, словно мне воткнули в организм сучковатый кол, и я никак не могу даже и лежать. Три дня никакой пищи, кроме двух-трех стаканов молока. Потом был “вытянут кол”, и желудок перестал работать. Лечение — постель, диета. Я совершенно был выбит из строя, и мой план пробраться в Екатеринодар — отпал безвозвратно.

Установление советской власти в отделе

23 февраля 1918 г. открылся съезд делегатов от всех станиц Кавказского отдела. Он происходил в прогимназии нашей станицы и был скоротечен, как и малолюдн. Не было сомнений, что он был созван явочным порядком и с точно продуманной целью: признать власть совета народных комиссаров в Петрограде. Это не был казачий съезд. Он был “общий” и от иногородних. В нем было что-то конспиративное. Мы, офицеры, совершенно не интересовались им, посчитав это бутафорией. А оказалось иное.

Съезд признал центральную власть в Петрограде, предписал установить советскую власть в станицах и избрал из своей среды комиссара Кавказского отдела, некоего Одарюка*. И мы столкнулись с очень неприятной реальной действительностью.

Атаману отдела полковнику Репникову приказано было в трехдневный срок сдать все дела Одарюку и быть свободным. Мирно сдав власть, он выехал в свою станицу. В станицах избраны станичные комиссары и советы, уже от всего населения. Пока что — все происходило по-мирному.

Одарюк — по профессии учитель, офицер военного времени. Небольшого роста, “малыш”, называли бы его казаки, брюнет со смуглым лицом. Спокойный, умный, хорошо говорил и знал, что надо говорить. Он в офицерском пальто защитного цвета (конечно, без погон), под пальто обыкновенный, не первой свежести китель, темно-синие брюки суженки с красным кантом, вобранные в сапоги; через плечо обыкновенная шашка в черных ножнах. Ничего воинственного и страшного. Его ближайшим помощником был штабс-капитан из иногородних, станицы Тифлисской, также в кителе и при пехотной сабле. Видом этот штабс-капитан был более суровый и явно недоброжелателен к казакам. Мы удивлялись — как это два офицера, люди, видимо, не глупые и серьезные, носящие еще офицерский мундир, хотя и без погон, могли стать большевиками? И, считая это несерьезным и временным, — не обратили должного внимания — ни на них, ни на совершившийся переворот на наших же глазах.

28 февраля пал Екатеринодар. Кубанские правительственные части отошли на юг. Это был сильный удар для нас. 7 марта в Кавказскую прибыл с Персидского фронта Екатеринославский казачий полк, бывший 2-й Сводно-Кубанский при формировании его в 1915 г. Его привел младший полковой делопроизводитель “из писарей” в чине коллежского регистратора, так как все офицеры были арестованы в Армавире военно-революционным солдатским трибуналом и брошены в тюрьму.

Из станицы Новопокровской в Кавказскую переселился штаб 2-го Кавказского полка со своим революционным командиром подхорунжим Лебединцевым. Командирами сотен у него были урядники. Из станицы Павловской прибыла 6-я Кубанская батарея 4-орудийного состава под командой прапорщика из студентов Павлова. Он не казачьего рода. В Кавказской образовался наплыв штабов, частей, казаков, совершенно не знающих — что же будет “завтра”?

Безвыходное положение полка

После падения Екатеринодара, когда фактически советская власть восторжествовала во всех населенных пунктах земель Кубанского Войска, как и во всей России, — Одарюк отдал “приказ о полной демобилизации старых частей, о формировании новых, но только пластунских батальонов смешанного состава, т. е. из казаков и иногородних, и о формировании “отряда особого назначения”.

Этого никто не ожидал. Даже и рядовые казаки поняли, что с расформированием войсковых казачьих частей, со сформированием смешанных, в особенности отряда особого назначения — они лишатся права и возможности отстаивать свои казачьи интересы.

На многолюдном митинге в крепости — решено не расформировываться и ждать событий. События же приближались: формирование смешанных частей не прошло, в отряд особого назначения никто не хотел идти, а тут прошел слух, что генерал Корнилов с Добровольческой Армией идет на Кубань. Все заволновались.

В интимном собрании немногих офицеров предрешено: всеми способами сохранить полк с целью — при развертывающихся событиях захватить в свои руки узловые станции Кавказская и Тихорецкая и ждать отряды генерала Корнилова и войскового атамана полковника Филимонова.

В этот план были посвящены только немногие молодые офицеры, но он полностью понимался нутром всех казаков. Начались ежедневные митинги в крепости. Я уже выписался из больницы, но так ослабел после операции, что не мог присутствовать на них, но был в курсе всего. Войсковой старшина Калугин совершенно отошел от дел, остальные же штаб-офицеры так и не вернулись в полк. Все дело вел самый младший из нас, 22-летний Паша Бабаев. С первых же дней революции он очень удачно и успокаивающе действовал на казаков своими выступлениями. У него были и такт, и логика, и отсутствие ненужной и неуместной тогда офицерской гордости. Он по инерции, по уважению к нему казаков — теперь стал неофициальным руководителем полка. Ему казаки верили. Как все происходило в подробностях, — я тогда не расспрашивал, но полк избрал его командиром полка, что нисколько никого не обидело. По моменту — он был самый подходящий.

Командирами сотен избраны были в порядке старшинства своих чинов: подьесаулы — Елисеев, Некрасов, Мацак, Поволоцкий, сотник Фендриков и подхорунжий Нешатов. Его 3-ю сотню составляли его же станичники казанцы и соседи тифлисы. Никаких помощников и адъютантов в полку. Полк стоял, словно на вулкане. Радовались мы зачислению в полк молодого хорунжего Сергея Поволоцкого, родного брата Володи Поволоцкого. Он окончил кадетский корпус и сотню Николаевского кавалерийского училища 1 октября 1917 г. — курс один год. Вошел в полк и наш младший брат, Георгий. И как приятно было смотреть на Сережу Поволоцкого и на нашего Жоржа. Оба молодые, красивые, стройно сложенные богатыри, на “ты” выпившие в нашем доме в пирушке.

Они оба и хорунжий Косульников — вошли младшими офицерами. Все офицеры были казаки станиц не Кавказского отдела. Они не имели никого родственников в нашей станице, почему и жили вместе в общественном доме для офицеров старого урядника-конвойца Севастьянова. С братьями Поволоцкими жил и их отец, полковник одного из пластунских батальонов. За исключением Некрасова и Косульникова — все были

холосты. Жилось им не совсем весело в чужой станице. Вот почему наш многолюдный и большой дом отца с тремя сыновьями-офицерами и щебетуньей-сестренкой Надюшей — был для очень многих заброшенных сюда офицеров и друзей — и домом веселия, и духовного уюта, и заговорщицких планов против красных.

Одарюк согласился оставить полк в прежнем составе присяг старых казаков Великой войны, но твердо потребовал, чтобы он назывался бы 1-й Кавказский “революционный” полк. Казакам совершенно не улыбалось припечатать к своему бывшему славному полку это позорное слово, но... иного выхода не было. То же случилось и с 6-й Кубанской батареей.

По слухам — генерал Корнилов приближался к пределам Кубанской области. Одарюк приказал полку и батарее сосредоточиться на станции Тихорецкой, но в пешем строе, т. е. выступить без лошадей. Казаки закрутили головами. Начались бурные митинги “отказа” исполнить это распоряжение. Сам Одарюк был уже где-то на фронте и оттуда прислал ультимативное требование: “Полку и батарее выступить в Тихорецкую или сдать оружие и разойтись”.

Этого казаки никак не ожидали. От Одарюка последовали новые угрозы. Пришлось подчиниться. Погрузившись в вагоны, одним эшелонем, полк и батарея прибыли в Тихорецкую. Там много красных войск, штабов и полная неразбериха. Но армия генерала Корнилова уже пересекла железнодорожную линию Ростов-Тихорецкая и вела бои под станицей Березанской. Воспользовавшись этим, полк и батарея, простояв сутки в бездействии, самовольно вернулись назад, в станицу Кавказскую.

В тот же день получен Бабаевым новый и очень грозный ультиматум от Одарюка: “В 24 часа казакам сдать оружие, а нет, — в станицу вышлют карательный отряд с броневиками и бронепоездами”. Тон ультиматума был слишком определенный, чтобы его не учесть. События же в некоторых станицах говорили о предстоящей близкой кровавой развязке. Карательный отряд с бронепоездом, подойдя к станице Новопокровской, обстрелял ее артиллерийским огнем и принудил казаков разоружиться. Многие казаки этой станицы прибыли в Кавказскую и просили немедленной помощи. То же произошло и со станицей Архангельской, где был расстрелян почетный казак и брошен в свалочное место.

К нам во двор въехали три казака станицы Темижбекской. Их кони в поту, в грязи. Все три казака при винтовках. Приказный Авильцев 5-й сотни, который не раз бывал ординарцем при мне в Турции, доложил, что в станицу прибыл бронепоезд с карательным отрядом и разоружил ее. Все оружие уже снесено казаками в станичное правление, его приказано ночью отправить в Романовский. Их прислал сюда за помощью станичный комиссар, бывший урядник Конвоя Его Величества и, в доказательство верности, прислал делегатом своего младшего брата, который мне и представился с Авильцевым.

Тучи сгущались. Над некоторыми станицами уже разразилась гроза. Надо было спасать положение или положить оружие. Последнего мы совершенно не желали делать. Оставалось — ВЗЯТЬСЯ ЗА ШАШКИ...

Голос обиды и возмущения всколыхнул всех, так как произошло неслыханное явление: казаки перестали быть хозяевами своих станиц, хозяевами своих очагов... У них отбиралось даже и оружие, как решающее достояние казачьего существования в течение многих веков! В этот момент ультиматум Одарюка сыграл роль поджигателя горячего вещества.

Восстание. Конь рыжий

Стояла пасмурная погода. Толпы казаков заполнили вместительный сарай одного из арсеналов крепости. Об ультиматуме еще никто не знал, но все чувствовали надвинувшуюся на казаков грозу. Наличие же казаков-гонцов на покрытых грязью лошадях из соседних станиц говорило яснее ясного о происходящих событиях. Среди многосотенной толпы казаков бросались в глаза длиннородые старики-кавказцы, как и присутствие офицеров других частей, ранее никогда не бывших на митингах. Тяжелое молчание давило всех, а взгляды каждого выражали решение, вызов.

Мы, старшие, взгромоздились на нары. Впервые среди нас я увидел старейшего нашего кавказца, офицера и станичника войскового старшину Ловягина*. Он сын очень богатого урядника-старовера, выходца с Дона. Своим скуластым смуглым широким калмыцким лицом, в простой черной казачьей овчинной шубе-кожухе, широкоплечий, в косматой черной папахе — он выглядел мощным степным табунщиком. Ловягины, и отец-урядник, и сын-офицер — почетные люди в станице. Вот почему сына окружает целый рой стариков-староверов, всегда очень стойких и принципиальных казаков. Видно было, что все они пришли сюда не зря. Тут же, возле них, также в простом черном длинном казачьем кожухе с нахлобученной на глаза папахой крупного курпея — стоял сотник Алексей Жуков*, высокий, красивый, чуть гнутый, словно желая укоротить свой рост. Острыми черными глазами он изучал казаков, так как не был ведом многим, в особенности нашему полку.

Впервые я встретил здесь и командира 2-го Кавказского полка подхорунжего Лебединцева и одного из его командиров сотен урядника Козлова, станицы Дмитриевской. Скромно, слегка смущенно, но вежливо поздоровались со мною, как со старым сослуживцем. Я искренне пожал им руки.

Итак, в крепостном бараке собрались все те, кто был активен и хотел борьбы против красных. Вошел Бабаев и занял председательское место, т. е. встал на нары между нами. Как никогда, тишина стояла исключительная. И при мертвой тишине он прочитал ультиматум Одарюка — “сдать оружие”. Полное молчание было ему ответом.

— Так как же поступим? — нарушив молчание, громко произнес Бабаев, наш командир полка.

Этого вопроса словно все и ждали. Рев, звериный рев многосотенной толпы, был лучшим выразителем их душ в тот памятный миг.

— Не сдава-ать!.. Не сдади-им!.. Давай сюда Одарюка!.. — заревела толпа. И среди бушующей порывистой казачьей молодежи — послышался резкий всхлипывающий плач стариков: “Дет-точки!.. Сыны-ы!.. Поддержите-е... давно бы та-ак!”...

Момент был страшный. Пропась, искусственно созданная революцией между двумя поколениями “отцов и детей”, сомкнулась своими берегами и на ее месте выросла могучая фигура казака-воина, свободолюбивая и грозная.

Радостные слезы разрядили и побратали всех. Гонцы от станиц уже открыто выступили с речами, прося о немедленной помощи и защите. Выступил и Лебединцев, революционный командир полка. Умно, здраво, как всякий казак-земледелец, проведший в боях всю

войну, переживший две революции, много видавший и многое переживший, — он очень проникновенно сказал всем свою первую речь. Он звал казаков к восстанию. Его речь произвела отличное впечатление. Оказалось, что мы так мало знали духовный мир даже своих ближайших урядников!

Самое тяжелое положение было в Темижбекской станице. Их оружие сегодня ночью должно быть отправлено в Романовский, в штаб Одарюка. Время клонилось уже к вечеру. Все казаки здесь были пешие. Терять время было нельзя. Экстренную помощь могли дать только казаки нашей станицы. На правах командира сотни, которую составляли теперь кавказцы и темижбекцы, — громко зываю в массы:

— Кавказцы! По домам! Всем собраться верхами (верхом) на лошадях и при оружии у новой староверской церкви! И оттуда — на Темижберх! — закончил я по-станичному.

Подхваченные полным сочувствием — мы, казаки станицы Кавказской, быстро высыпали из барака, бегом метнулись по домам, к своим строевым коням. По Красной улице, с широким полковым флагом и двумя сотенными (2-й и 3-й), которые хранились в нашем доме, — с группой темижбекских казаков-гонимых, рассекая весеннюю слякоть копытами застоявшихся коней, — крупной рысью идем к восточной окраине станицы. Вооруженные винтовками и шашками, всегда удалые темижбекцы, колышущиеся боевые значки, разгоряченные кони, вызывающий взгляд седоков, нервно торопящаяся скачка кавказцев к сборному пункту, выскакивающих со всех улиц и переулков, — взбудоражили станицу, еще ничего не знавшую о случившемся.

— Вы это куда же, Федор Ваныч? — подозрительно вы крикнул мне младший урядник Сломов, встретившийся с нами, едучи на линейке.

— На Темижберх, Афоня! — бросил ему, махнув рукою на восток.

— Што?.. Против советской власти?.. Кстати, я еду в Романовский. И я все расскажу Одарюку! — донесли до меня его слова. Но отвечать Сломову было и некогда, и не к чему. Мы уже взялись за оружие (в Турции от полного разжалования Сломова спас я; умный, отличный урядник, он ушел в тыл и возненавидел начальство, так как пострадал от него несправедливо).

Летя по улице; я чувствовал, что “мосты позади сожжены”. Моя душа находилась как бы в безвоздушном пространстве... Но она, вещун, бессознательно говорила, что ожидается что-то страшное и непоправимое. Как грачи на баштан — с разных сторон, на площадь с новой кирпичной староверской церковью — слетались казаки. Их было уже свыше сотни. Быстро сделав строевой расчет, в колонне по шести, двинулся по улице,

С Богом куба-а-анцы, не робея-а,

Сме-е-ело в бой — пойдем друзья-а-а... —

без разрешения и без приказанья затянул старый и дебелый казачина-урядник Михаил Иванович Татаринцев, сверстник и друг нашего отца, видимо, вспомнивший свою былую молодость и службу в нашем дедовском 1-м Кавказском полку, и десятками возбужденных голосов был подхвачен:

Бейте, режьте — не жалея,

Ба-а-асур-ма-а-нина врага!

То была любимая песня казаков, идущих в поход. Оглянулся назад и вижу: вся передняя шеренга песенников состоит сплошь из стариков-бородачей, всегдашних главарей станичного сбора — столпов казачьего самоуправления. Здесь и гибкий, сухой, маленький Гаврила Чаплыгин, и “беспалый” блондин Чаплыгин, и старые урядники-конвойцы императора Александра Третьего, длиннородый, весь седой, старовер Севостьянов, старовер Изот Фомич Наумов, и бывший станичный атаман — умный, энергичный, смелый Козьма Иванович Стуколов, и другие. Через пять дней почти все они были расстреляны красными...

Позади, длинною лентою вытянулись верховые казаки — служилые, фронтовики, “дымари”, малолетки и все те, кто успел прискакать на сборный пункт. На широких рысях, пройдя 12 верст, — сотня ворвалась в Темижбекскую. Один взвод был послан захватить вокзал. С тремя остальными, усилив аллюр, — по Красной улице устремился к станичному правлению. Терроризированное население высыпало на улицу. Бабы-казачки, утирая подолом юбок слезы, причитали: “Радимаи-и... Скарея-а-а!”...

Заняв улицы возле правления и быстро выстроив сотню у главного фронта, — со Стуколовым и беспалым Чаплыгиным вошли в правление. Мои бородатые ординарцы были в домашних костюмах, конечно, в папахах и с винтовками в руках. Появление нашей сотни было полной неожиданностью для станичного совета. Оружие было уже снесено во двор правления, грузилось на подводы, а совет что-то “решал-мусолил” ...

— Кто здесь председатель совета? — в определенном тоне спросил их. Красивый рыжебородый казак, лет 35, привстал со стула и ответил:

— Я... а што Вам надо? — смелым тоном начальника ответил он. Меня это задело.

— Я командир Кавказской конной сотни и прибыл сюда забрать то оружие, которое Вы собираетесь отправить Одарюку... и прибыл сюда по просьбе гонцов от станицы! — быстро, строго, официально пояснил ему.

— Никаких гонцов к Вам никто не посылал! — парирует он мне смело, этот бородатый казак, видимо, старовер. Я чувствую, что сейчас нужно действовать уже силой. Вижу — Стуколов и Чаплыгин, как и присоединившийся к ним Севостьянов, двойник древнего Гостомысла — стоят рядом со мной и, давя меня плечами, готовы действовать...

Мужичий состав совета, растерявшись, молча, стоя — выслушивает наш диалог. Меня удивила стойкость председателя, видимо, урядника, такого молодецкого и солидного видом. Хитро, резко метнув глазами и рыжей бородой на своих членов станичного совета, — он вдруг коротко бросает мне:

— Господин офицер!.. Пожалуйста в мою комиссарскую комнату! — и, взяв активно меня под руку, быстро ввел к себе. — Ваше благородие (так и назвал меня)! Да это же я сам, станичный комиссар, послал к Вам своего родного брата-гонца с казаками... и не могу же я об этом признаться перед станичным советом!.. Пож-жалуйста, как можно скорее и энергичней действуйте и забирайте оружие!.. Я сам урядник Конвоя Его Величества и станичным комиссаром стал умышленно, чтобы иметь власть в своих руках... в руках казаков, — закончил он. Его фамилия была, кажется, Никитин. Бедное казачество! До каких ухищрений приходилось им доходить, зажатым в тиски красной власти.

Распустив станичный совет темижбекцев и через комиссара приказав все оружие грузить на подводы, — вышел со своими стариками к сотне. И что же мы увидели? Вся площадь перед станичным правлением была запружена радостным народом, а на левом фланге кавказской сотни стояла новая конная сотня темижбекцев, свыше ста человек. Впереди нее стоял мой дорогой вахмистр 2-й сотни, подхорунжий Фидан Толстов (“Фидан” — Федор, как называли его все в семье и в станице)...

При нашем появлении на крыльце — вверх полетели папахи всегда молодецких темижбекцев, раздалось радостное “ура”, а казачки-бабы, с сияющими лицами и еще не остывшими слезами на глазах, махали радостно платочками и руками.

С крыльца станичного правления, коротко пояснив собравшимся о цели нашего прибытия к ним и о поднятом восстании против красных в станице Кавказской, — просил казаков поспешить в “восставший Казачий Стан”. Сказал коротко, сжато, по сути дела, но зато мои старики, в особенности Стуколов — умный, активный, ненавидевший все мужичье, всегда решительный и даже резкий на слова, так хорошо знакомый со всеми плюсами и минусами казачьего самоуправления, — уж он “распространился обо всем”, чем щедро подлил масла в казачий огонь. Беспалый Чаплыгин — так спокойно и логично сказал о причинах восстания, что я удивился, — у простых казаков-стариков куда было больше жизненной сноровки, чем у нас, молодых офицеров-командиров.

Погрузив пятнадцать подвод с винтовками и патронами, — со своей сотней кавказцев немедленно же отправил их в Кавказскую. Темижбекцы обещали “всею силою станицы” прибыть в Восставший Стан завтра. Они никак не хотели отпускать меня, не расспросив о восстании. В особенности последний станичный атаман вахмистр Толстов, Варшавского дивизиона, родной дядя Фидана, окруженный своими стариками-станичниками.

— Ну хоть на полчаса зайдите к нам в дом? — просит он.

Дух бодрости в такой момент поддержать надо. Согласился и зашел. Моего коня на улице держал в поводу казак. Но не прошло и пяти минут, как вошел этот казак и досадливо сказал, что мой конь “вырвался из его рук”... Что-то неприятное ударило в душу, как плохой предвестник. Толстовы дали своего верхового коня, и я в глухую ночь, один, двинулся в Кавказскую за 12 верст, ругая своего, так всегда строптивого коня по кличке Орлик. На нем я совершил всю войну в Турции. Темно-рыжей масти. Густая шерсть. Очень густые и пышные грива и хвост, также рыжие. Густота их признак силы лошади. Глаза навывкате и злые. Он всегда норовит кого-то укусить или ударить ногой. Садиться в седло — надо быть всегда очень осторожным. Вложив ногу в стремя, надо быстро вскочить в седло, иначе он рвет вперед или становится на дыбы, и седок падает назад, на спину. Но зато силы, выносливости он был неистощимой.

Пишу для того, чтобы подчеркнуть следующее. Через несколько дней, во время ночного набега в тыл красным на станицу Казанскую, при обезоруживании солдат — он вновь вырвался у казака, сбежал и этим поставил меня в очень затруднительное положение. Куда он убежал с седлом — так и осталось загадкой, и я его с тех пор больше уже не видел.

С дороги, не заезжая домой, в полночь, я приблизился к станичной крепости. У прохода в крепость, между валов, уже стояли часовые.

— Стой! Кто едет? — окликнул один из них.

— Командир кавказской сотни... из Темижбека, — отвечаю ему.

— А-а... Это Вы, Федор Ваньч! — спрашивает казачий страж и пропускает вперед. Часовой казак был нашей станицы. Война красным, значит, уже объявлена, думаю я. Это было 19 марта старого стиля 1918 г. Неожиданно, у ворот крепости, в ночной тьме встречает меня войсковой старшина Ловягин. Он благодарит за столь большой успех в Темижбекской, пожал руку и поздравил с назначением “начальником всей конницы восставших”, добавив, что его казаки избрали “начальником всех восставших”, а помощником к нему — сотника Жукова. В тоне его я почувствовал нескрываемую грусть. Сердце-вещун этого умного и выдающегося старого офицера-кавказца, видимо, подсказывало ему его близкую гибель...

О подъесауле Бабаеве, нашем командире полка — он ничего мне не сказал из чувства такта. Бабаева “обошли” наши старики, как неведомого им офицера. Ловягин же был кровно “свой”, к тому же самый старший из присутствовавших на митинге, и их старовер, т. е. — на все сто процентов — свой.

Расставшись с Ловягиным, глубокой ночью вернулся в дом отца. Во дворе, у “мажары” с дробинами — вижу, привязано до десятка лошадей под седлами.

Кто это — думаю? Вхожу в дом. На кроватях, на диванах и вообще на всем, где можно было спать, — в разных позах, при оружии — спали офицеры, больше 3-го Кавказского полка. Проснувшегося полковника Постникова* спрашиваю:

— Что этот сон означает?

— Собрались удирать... вот и сгруппировались, — не то шутя, не то серьезно отвечает он, наш старый кавказец и шутник в жизни, никогда не любивший напрягать военной службой ни себя, ни казаков.

— Здорово, — отвечаю ему досадливо. — Еще не было начала и уже удирать? — сказал и пошел в свою спальню.

Стан восставших казаков

20 марта в Кавказскую, в крепость, прибыла конная сотня темижбекцев в 135 казаков и батальон пластунов в 400 человек. Всем им роздано было оружие. Темижбекцы явились первой живой помощью восставшим. И первый день прошел в лихорадочных приготовлениях к дальнейшему.

Было выпущено обращение к казачьему населению “восстать всем против ненавистной красной власти”, с перечислением насилий, произведенных карательными отрядами красных. Началось разоружение иногородних в нашей станице. Странная казачья натура! Безусловно, воинственная и в то же время великодушная. Даже во вред своему благополучию. Никто из местных большевиков не был арестован. И само разоружение было мирным, по-домашнему, по-свойски. Они же потом иначе отплатили казакам...

Не был сменен и комиссар станицы, вахмистр Писаренко. Восстали против красных, а на местах осталась та же структура советской власти, с теми же лицами.

Ближайшие станицы на призыв откликнулись немедленно же, смело и восторженно. Дмитриевская мобилизовала 25 присяг и на подводах прибыла в крепость. Кавказская

мобилизовала 35 присяг, т. е. до 55-летнего возраста. В Восставший Стан вошли все, от мала до велика.

В станицу Расшеватскую, где проживал атаман отдела полковник Репников, — решено послать сотню темижбекцев под командой подъесаула Храмова* и с ним несколько стариков-кавказцев, как показатель, что “восстало все казачество”. С этою молодецкою сотнею прошу выехать бывшего станичного атамана К.И. Стуколова, которого знали многие и в других станицах. Он соглашается и тут же предлагает другим. И на моих глазах произошла незабываемая сцена.

— Поедем со мною, Иван Гаврилович? — говорит он моему отцу, сверстнику, другу и единомышленнику по станичному самоуправлению.

— Я спрошу Федю, — отвечает ему.

— Ну, спроси, только поскорей... сотня сейчас выступает, — бодрит он его. И от группы стариков отделяется наш отец, подходит ко мне и произносит:

— Можно, Федя, и мне ехать делегатом в станицу Расшеватскую? — спросил наш дорогой 50-летний бородатый отец 25-летнего своего сына подъесаула — “начальника всей конницы восставших”.

— Конечно, папа, поезжайте, — почтительно ответил ему. Казачьи сценки, достойные истории.

Трогательной картиной было прибытие казаков станицы Расшеватской, со своим станичником и атаманом отдела полковником Репниковым, мобилизовавшим в строй все силы станицы. Длинной лентой конного строя своей сотни и темижбекцев — в колонне “по три”, — медленно, полувольтом, продемонстрировали они по широкой площади перед крепостью и выстроились развернутым фронтом к ней. Позади всей конной группы до 400 человек — подтянулись подводы “на железных ходах” пеших казаков. Картина — словно запорожцы, собирающиеся в поход.

Высокий квадратный земляной вал крепости долгой Кавказской войны был весь усыпан многотысячной толпой казаков всех возрастов. Здесь было, кажется, все население станицы Кавказской, собравшееся праздновать свой великий праздник “Казачьего Освобождения”.

Весна давала о себе знать. Уже подсохла земля, и солнце приятно грело по-весеннему, словно приветствуя своими нежными лучами правое дело казаков. Конную сотню расшеватцев возглавлял их станичник и наш старейший кавказец войсковой старшина Зеленин*. К прибывшим вышел начальник восставших — мощный, скуластый, с черною бородкою “надвое” Ловягин, сопровождаемый почетными стариками станицы Кавказской. Все, кроме Ловягина, были с винтовками в руках. Длинные седые бороды, костюмы разных покровов, но все в папахах. Видно было, что только крайняя необходимость заставила этих людей взяться за оружие, чтобы отстаять свое казачье право.

Впереди этого роя стариков, непосредственно за Ловягиным, с большим белым хлебом и солонкою на нем — широко шагая, шествовал великан-казак, Илья Иванович Диденко. Если кому-то нужно было бы писать картину “Илья Муромец”, то надо было взять Диденко. Роста высоченного. В косую сажень плечи. Грузная, но не обремененная

дородность. Черный, как смоль, с небольшою густою бородою. Стройный и красивый. При этом — доброе сердце. Его знали очень многие в станицах. Он служил в Конвое Его Величества Императора Александра Третьего. В фигуре и в лице — двойник своего Государя. И Император, в своих выездах за границу — всегда брал с собой урядника Диденко, словно этою колоритною фигурою казака-великана давал знать иностранцам о всей мощи российской. И винтовка на нем, брошенная на погонный ремень на правое плечо, дулом вниз, по-охотничьи — выглядела на его громадной фигуре, словно трость.

Произошла необходимая воинская церемония, с командой: “Шашки-и... ВОН!” — Зеленин, с шашкой “наголо” поскакал навстречу Ловягину и отрапортовал по всем правилам строевого устава. Толпа затаенно молчала, с восторгом наблюдая происходящее. Вся эта масса конных и пеших казаков прошла в крепостные ворота. За командиром темижбекской сотни подъесаулом Храмовым следовали делегаты, старики-кавказцы. Среди них и наш отец, с винтовкой через плечо и, как мне показалось, очень грустный. Предчувствие смерти, видимо, уже витало над его душой и говорило о ней...

К ночи этого дня казаков Дмитриевской станицы привел войсковою старшина Копанев*, так же наш старейший кавказец.

Восставший Стан казаков разбухал. Крепость приняла вид встревоженного муравейника. Глава советской власти в Кавказском отделе, комиссар Одарюк, заволновался. Началась с ним ненужная переписка. Одарюк выпустил воззвание к населению, подчеркивая в нем, что восстали только одни офицеры с небольшою кучкой казаков. Ему ответили: если он хочет убедиться, что это не так, — он может прибыть к восставшим, с гарантией, что вернется обратно невредимым. Он принял предложение и прибыл на автомобиле с небольшим своим штабом.

Разрезая толпы вооруженных казаков, его машина подошла к центру собравшихся. Он, видимо, не ждал такого большого скопления казаков. Мягко, заискивающе улыбаясь, — он вошел в круг, где стоял Ловягин со старшими офицерами и стариками. И заговорил — длинно, внушительно объясняя поведение его карательных отрядов по станицам. Но его слова не дошли до души казаков и никого не убедили. Вид же ошестившихся стариков впереди многотысячной толпы казаков с винтовками в руках — говорил ему, что казаки восстали поголовно и всерьез.

С ним прибыл и его доверенный помощник, наш кавказец, есаул Пенчуков. Хороший офицер и отличный полковой товарищ, добрый по натуре и компанейский — в Финляндии, к своей неожиданности, он был избран писарями и командами штаба на должность начальника штаба дивизии. Ничего тогда в нем не было “красного”, но, прибыв на Кубань и расположившись штабом дивизии на хуторе Романовском, он воспринял советскую власть, отказавшись подчиниться Кубанскому Войсковому штабу. Отношение к нему казаков, в особенности, стариков на этом собрании, было исключительно недружелюбное и даже опасное. В их понятии никак не вязалось — как это свой казачий офицер, да еще родного 1-го Кавказского полка, мог признать красных, да еще и служить у них? Пенчуков был бледен, растерян, молчалив. Раздавались голоса о самосуде над ним... Переговоры с Одарюком ни к чему не привели, и он был отпущен к себе, в свой штаб, в Романовский...

Наш Восставший Стан разросся в своей численности. Его надо было кормить. Отрядным интендантом был назначен есаул Шниганович, так же наш старый кавказец и станичник. Все довольствие легло на казаков станицы Кавказской. И к чести их — возы сена и зерна

для лошадей, горы печеного белого хлеба, сотни ведер молока — неслись в крепость безвозмездно нашими всегда сердцелюбимыми казачками.

— Кушайте на здоровье, родименькие, — приговаривали обычно они. — А то эта красная нечисть... — добавляли к этому, определив свое бесхитрое отношение к одним и другим.

Но главная трагедия была в том, что отряд разросся, а дисциплины — никакой. Была сознательность подчинения офицерам, но воинской дисциплины не было. Сотни конных и батальоны пеших казаков сформировались по своим станицам и при своих станичных офицерах, входя своими полунезависимыми единицами в общий Стан. Никаких внешних воинских отличий. Это было народное ополчение без воинского костяка, а руководители его — без плана.

На 5-й день восстания — люди стали уставать от бездействия. Прибыв в Кавказскую “налегке” и пробыв здесь 4 дня — казаков потянуло домой, в свои станицы, к семье, к пашне... “Сознательность восстания” и станичная дисциплина для дела вооруженной борьбы здесь оказались непригодными. В Стан не прибыли еще казаки богатых и больших станиц — Успенской и Ильинской. Ждать их стало уже невозможным и надо было действовать, чтобы казаки сами не покинули Восставший Стан...

Образовался военный совет от сотен, батальонов и станиц. Где находились войска Кубанского правительства и генерала Корнилова, — никто не знал. Да и узнать было невозможно. Они были где-то за Кубанью, как потом узнали.

К этому времени, к 24 марта, силы Восставшего Стана исчислялись:

Пеших казаков — около 7 тысяч.

Конницы — около 1 тысячи.

Четыре полевых орудия 6-й Кубанской батареи под начальством прапорщика Павлова (из студентов).

40 пулеметов системы “Льюиса” (ручных), под управлением хорунжего Елисеева Андрея, нашего старшего брата.

Весь отряд был вооружен новыми винтовками из отдельского арсенала. Вечером, на 24 марта, военным советом решено:

1. Пехота наступает на Романовский с ранней зарей и должна взять его.
2. Саперы, под командой поручика Смирнова (петроградец), в полночь взорвут железнодорожный путь из Ставрополя и из Гулькевичей.
3. Конному отряду — выступить в полночь и, обойдя Романовский с севера, у разъезда Рогачева взорвав путь из Тихорецкой, — к утру занять станицу Казанскую. По занятии пехотой Романовского конница веером должна двинуться на северо-запад и поднять восстание в ближайших станицах.

Думалось в нашем военном совете — крепко держать узловую станцию Кавказскую (Романовский), связаться с армией генерала Корнилова и Кубанскими правительственными отрядами и ждать их к себе. Военный план, по сути, был хорош, но мы не учли силы красных, их бронепоезда, их организованность и то, что вся Россия была в руках красных со всеми государственными ресурсами, а мы -горсточка восставших против такого великана.

“Последнее прости”. Поход конного отряда

В нашем просторном хозяйственном дворе к мажаре привязано до десятка строевых лошадей под седлами. Пасмурная ночь. В полночь конница восставших, до одной тысячи казаков, должна выступить в степь...

К назначенному часу, в черкеске, при оружии — из своей спальни вышел я в просторный застекленный коридор-столовую нашего большого дома. При тусклом свете лампы, в дальнем углу коридора, в бешмете нараспашку, сидел задумчиво наш отец, облокотившись локтем на спинку стула и подперев голову кистью руки. Проходя мимо и не предчувствуя беды, расставаясь только на сутки, как думалось тогда, я произнес тихо:

— До свидания, папа...

— Прощай, сынок... — последовал ответ отца.

Я остановился и обернулся лицом к нему, так как ответ его прозвучал каким-то замогильным тоном, предвестником недоброго. И это пронеслось каким-то странным предрешеньем. Шагнув вперед, я остановился и подумал: “Почему отец сказал “прощай”, когда мы расстаемся только “до завтра”?”

Отец сидел все также, не шевелясь, и был в каком-то странном и подавленном состоянии. В полутьме — черты его лица мне не были видны, и он продолжал сидеть все в той же позе — мертво. Я постоял еще момент... еще раз бросил на отца свой взгляд... потом повернулся, толкнул ногою дверь, прошел к мажаре, вскочил в седло и — с группой казаков-ординарцев, нервной рысью застоявшихся коней, — прошел на улицу через растворившиеся широкие ворота отцовского двора.

То, оказалось, были последние слова отца ко мне и последний взгляд сына на него... С того момента я больше уже его не слышал — и... не видел...

Завтра, ровно через 12 часов от этого момента — он будет убит красными — наш дорогой отец...

На площади перед крепостью — черная туча конной массы. Тихо поздоровавшись, проехал по сотням.

— С Богом... за мной, — тихо я произнес головной темижбекской сотне и, крестясь, двинулся в голове ее.

Мы на западной окраине станицы. Тишина кругом. Станица спит. Тихо и в конном строе казаков в несколько сот человек.

— Заедemте, Федар Ваныч, к моему двору... я попрощаюсь с женой, а Вы, ежели хотите, выпьете парного молока, — говорит мне мой штаб-трубач И.И. Шokol, старше меня десятью годами, когда мы поравнялись с их широким подворьем четырех братьев и их геройского отца. Жена Ивана Ивановича быстро принесла из погреба холодного молока. В седле я выпил часть его.

— С Богом!.. — этими словами проводила нас единственная свидетельница-казачка, и мы, догнав голову колонны, подошли к железнодорожному мосту, у станичного “става”.

Остановив отряд в ложбине и пояснив задачу, с приказанием “не курить” — двинулись дальше. Верст пятнадцать до Рогачевского разъезда прошли быстро. Головной взвод занял его. Взятými здесь инструментами развинтили рельсы и оттянули их. Темижбекский казак Козьминов взобрался на телеграфный столб, шашкой перерубил провода, но подгнивший столб свалился вместе с казаком, и он сломал себе ногу.

Двинулись к Казанской. Головной взвод подошел к разъезду номер 105, что в семи верстах от станции, как слышу — крупной рысью он идет назад.

— В чем дело? — резко останавливаю казаков.

— Там красногвардейцы! — слышу в ответ.

— Чего ж вы не захватили их? — бросаю им.

— Да они заперлись у начальника разъезда! — оправдывается кто-то в темноте из строя.

Беру их всех и наметом лечу вперед. Быстро оцепили все строения, но красных солдат нет. Спешиваю взвод и бегу к зданию начальника. В оконных ставнях, через щели, виден свет. Дверь заперта изнутри. Приказываю открыть. Оттуда просят пощады. Требую выдачи винтовок, через дверь, прикладами в нашу сторону. Дверь полуоткрывается, и в нее глянуло десять прикладов. Гарантирую караулу неприкосновенность, а если не откроют сами — взломаем дверь.

Они открыли. Десять обыкновенных русских солдат, лохматых, спросонья, со страха совсем растерянных, трясутся и просят пощады. Они мобилизованы из ближайших хуторов. Отпускаю их на волю. Не уходят и просят записки — “кто и почему их отпустил”, чтобы не отвечать перед властями. Даю и отпускаю.

Упрекаю взвод, что они, тридцать человек, испугались десяти. Казаки молчат. Отряд уже подошел и, остановившись густой массой, ждет нас. Подхожу к отряду и зову — “коня!” Его никто не подает. Маленькая томительная пауза.

— Где же мой конь? — резко бросаю в массу.

— Вырвался, Федор Ваныч... — отвечает кто-то. “Ах, шляпа!” — кипит во мне.

Казак упустил коня начальника отряда. Где же взять другого? Кто из казаков уступит в такой момент своего коня, да еще ночью? Злоба проникает в мое существо.

— Да садитесь на коня Козьминова! — кто-то говорит из строя.

Сел. Двинулись дальше. Мигом заняли станцию Милованово, что у станции Казанской. Начальнику станции говорю о восстании казаков. Он искренне радуется. Даю ему указание: “Не принимать поездов”. И, оставив один взвод здесь, гумнами двинулся в станцию.

Какая-то фигура на коне, в тужурке, но в папахе и с карабином через плечо, быстро приближается к голове колонны и зло зашумела, забурчала, заругалась на меня, идущего впереди:

— ... вашу мать!.. Пять дней, как восстали, и хоть бы одного гонца прислали сюда!.. А ты тут сиди как на угольях! — закончил он.

Это оказался комиссар станицы Казанской хорунжий Подымов*, личность, на которой надо остановиться. Бывший старший писарь управления Кавказского отдела — умняга и молодец. На Кавказе во время войны — сумел получить чин прапорщика за боевые отличия, потом чин хорунжего. Станица выбрала его своим атаманом как очень дельного человека. Пришла советская власть, — станица избрала его комиссаром, которого очень полюбил Одарюк и верил ему. Узнав о нашем восстании, но отрезанный “красным центром” в Романовском, он все эти дни искусно варьировал, чтобы остаться у власти, не вызывая подозрения у Одарюка; а дождавшись — открыть против него действия. Ничего не зная, что происходит в Кавказской, — он метался, как затравленный зверь.

Вот почему он такой руганью и встретил нас, прибывших. Поздоровавшись и узнав, “кто я” — направился с нами прямо на станичную площадь, сказав, что у него “все готово”. И действительно: в правлении бодрствовало несколько вооруженных казаков. Крикнув кого-то по имени, приказал немедленно же “бить набат”. Загудел церковный колокол. Уже начало светать. Народ быстро запрудил площадь. С коня Никита Подымов заговорил. Да!.. Это был не только что умняга, но и талантливый оратор. Складная взывающая речь. Много яда против ненавистной красной власти. Сильным призывом всех “к оружию” для освобождения “загаженной измученной России” — закончил он свою пылкую речь. Он сказал “Расеи”, как говорят в станицах. Сам он видный и красивый казак лет под 40; статный, стройный, с темными усиками и с чистым мужественным лицом; в каракулевой темно-коричневой папахе и с карабином через плечо. Верхом на добром кабардинце — он был готовым вождем повстанцев.

— Правильно, Никитушка! Правильно-о! — приветствовала его толпа, как своего активного и справедливого руководителя станицы.

— Сейчас слово скажет начальник конницы восставших казаков, наш родной по матери станишник, подьесаул Елисеев! — добавил он и указал рукою в мою сторону, стоявшему перед густой массой конных казаков на площади.

После его сильной речи — мне говорить было уж нечего. Но, коротко пояснив цель восстания, — просил поддержки вооруженными казаками. Но Подымов уже приступил к делу. На площади появилось сено, зерно, хлеб, сало, молоко. Началось разоружение иногородних. Главных, с подзатыльниками, он отправлял в каземат при правлении. И все это было так просто, решительно и умеючи... Тут же собирал казаков, раздавал винтовки, ставил их в ряды.

Сотня пластунов человек в 200 и полусотня конницы уже влились к нам. Пластунов возглавил подьесаул Иван Иванович Коробко, сверстник и друг по Майкопскому техническому училищу, которого я не видел ровно десять лет. Ликование всех было полное.

Часам к десяти утра сюда прибыла сотня казаков станицы Тифлисской. Ее привел хорунжий Саморядов. Почти все урядники и казаки были “первого полка”, хорошо мне известные по Турецкому фронту. Сотня просила двинуться на их станицу, где жители ждут нас, как избавителей. Но я ждал результата наступления нашей пехоты на Романовский и лишь тогда действовать — “веером двинуться по Кубани в северо-западном направлении”.

Начальник станции сообщал мне, что со станции Гречишкино, что у станицы Тифлисской — к нему вышел поезд с 154-м Дербентским красным пехотным полком, идя, видимо, на помощь своим в Романовский. С отрядом скачу туда. Впереди большой полковой флаг на высоком древке. Он войскового цвета, т. е. красный.

— Приятно видеть, что и казаки восприняли революцию и восстали под нашим рабочим революционным знаменем, — вдруг радостно приветствует меня начальник станции Милованово.

Я не стал его разочаровывать, чтобы не лишиться его поддержки. Сотни спешены и залегли в канавах гумен. Поезд подошел и остановился. Он был товарно-пассажирский. Случилась ошибка. С несколькими казаками проходим по вагонам. Обезоружили нескольких красновардейцев, поезд задержали и, оставив охрану, вернулись вновь на площадь. Было уже обеденное время, но от наших главных сил с Романовского — ни звука.

Катастрофа... и отступление

Для выяснения обстановки в главных силах — посылаю кружным путем взвод темижбекцев, под командой хорунжего Маслова-младшего (из студентов). Казаки отряда, закусив, при теплом солнце, на площади же сбатовав лошадей, крепко спят после бессонной ночи и похода. Мне так же очень хочется спать, но на душе какая-то мучительная тяжесть. Да я и не могу, не должен спать. Надо быть начеку. Вдруг разъезды казанцев, высланные в сторону Романовского, доносят, что оттуда движутся пехотные цепи.

“Ну... слава Богу! Наши взяли Романовский”, — думаю я. Вдруг от них прибыли раненые казаки. А из-под балки, к Казанской, тихо выползал бронепоезд и на ходу открыл по ней шрапнельный огонь... Все стало яснее ясного — наши разбиты и отошли. Без пулеметов, без орудий — конница не могла защищать станицу против бронепоезда, поддерживаемого своей пехотой. Надо отходить в степь и пробиваться в Кавказскую, к главным силам.

Поручив подъесаулу Храмову на широких рысях вывести конницу из зоны досягаемости орудийного огня бронепоезда, сам с несколькими ординарцами, за версту от бронепоезда, изучаю обстановку. От гумен казанцев, бегом к бронепоезду, бежало несколько мужиков, приветствуя своих... Ко мне подъехал Подымов.

— Федор Иванович... все кончено... надо уходить, — печально произнес он.

Конный отряд степью шел назад к Рогачевскому разъезду. С Подымовым кратчайшим путем выехали на бывшие покосы станицы, так мне знакомые с детства, но которых не видел больше десяти лет, и остановились на кургане. Мой “конь рыжий” не нашелся. Я взял себе коня брата Жоржа, а ему передал коня казака Козьминова. Но этот конь брата был слаб, и за ночь и полдня похода — совсем ослабел. Отряд, растянувшись, шагом приближался к нам. Мы были в безлюдной степи, еще серой от зимней спячки. Построив отряд в колонну “по шести” — балкой повел его на восток. Бронепоезд красных, идя параллельно нашему движению, дымом паровоза определял свою скорость движения. Возле Кавказской, у става, дымок остановился. Полная пустота в душе и какая-то гнетущая скорбь. Флюиды говорили о каком-то жутком и непоправимом горе. Потом только выяснилось, что в эти минуты, у става, у бронепоезда, красным главарем “Сережкой портным” был убит наш дорогой отец. Вот они, флюиды человеческие, которых нельзя отрицать. Вдруг с бугра, охлюпью на коне, скачет к нам наперерез казак

из станицы. Он машет нам рукой “остановиться”. Подскакал. Это был Тимошка Шokol, самый младший из четырех братьев, родной брат моего штаб-трубача. Подскакав к нам, он осаживает своего разгоряченного коня и быстро, запальчиво говорит:

— Федар Ваньч... красные разбили нашу пехоту и давно уже заняли станицу... арестованы некоторые старики и увезены в Романовский на суд... а Иван Харитоньч Ловягин — зарублен...

Весть эта — громом поразила нас. Кто-то крикнул — броневики! И... сотни дрогнули. Расшеватская сотня в 120 коней с молодыми, еще не служилыми казаками — карьером, дробясь веером, — бросилась на северо-запад, в направлении своей станицы. Выхватив револьвер из кобуры, кричу-командую:

— Строй фронт! Наметом! — и, напрягая каблуками все силы своего ослабевшего коня, несусь крысиным наметом вдоль фронта.

Офицеры, без команд, так же выхватили свои револьверы и, угрожая ими, с лицами, искаженными страхом и решимостью, сдерживали строй растерявшихся казаков. Дав передышку пройти страху, остановились. “Куда теперь?” — невольно возник вопрос у всех.

— Идем на Челбасы, в лагерные казармы... и переждем там до выяснения обстановки, — предлагаю казакам.

Они молчат... Двинулись по той же балке. Отряд мой поредел. Все казанцы остались в своей станице. Осталась и полусотня тифлисцев с хорунжим Саморядовым, но до 50 казаков во главе с младшим урядником Кольцовым шла с нами. Теперь и они остановились, молодецкие тифличане нашего первого полка, и стали думать, куда им идти? Тут ко мне они уже не обратились за советом. Да и что я им мог сказать, посоветовать! И в последний раз я уловил скорбный взгляд, направленный в мою сторону, молодецкого и геройского урядника Романа Кольцова с тремя медалями, который своими печальными глазами — вырывал из моей души — п о м о г и! Но я уже ничем не мог помочь. Казаки вышли из повиновения и спасались “кто как хотел и мог”...

Полусотня тифлисцев с Романом Кольцовым повернула назад и двинулась к своей станице. На окраине их ждали красные. Кое-кто скрылся, но 35 казаков было схвачено и тут же расстреляно. Среди них погиб и молодецкий младший урядник Кольцов, командир полусотни своих станичников.

Взводными колоннами уводили офицеры своих казаков на восток. Солнце было на закате, и с его уходящими лучами — казаки, отделяясь от общей массы группами и целыми взводами, — направлялись в свои станицы. Достигли шляха Кавказская-Дмитриевская. В ложбине до сотни подвод и гурты скота. Подъезжаю к трем парубкам, стоявшим невдалеке. Поздоровались. Среди них мой сверстник, не служивший казак Щербаков. Вид их мрачный.

— Что в станице? — спрашиваю.

— Да што!.. Все бежали... и ее заняли красногвардейцы... а это все беженцы-станичники, — отвечает Щербаков.— А вы, Федар Ваньч, в станицу не показывайтесь... сейчас же арестуют вас красные и... — он не договорил, что будет мне после этого. Но я и сам знал, “что будет после этого”...

Этот широкий шлях — был решающим. Здесь казаки совершенно вышли из подчинения своим офицерам. Командир Дмитриевской сотни, сильно укороченной, младший урядник Анцупов-старший, моей 2-й сотни по Финляндии, по-братски сказал мне: “Куда же идти, Федор Иванович? Я поведу свою сотню домой...” — и, повернув на север, — тронулся. С ним пошли и некоторые кавказцы. Со мной осталась самая большая сотня темижбекцев. И с нею мы, офицеры, двинулись на восток.

Конец пришел и самой стойкой и послушной этой сотне конного отряда. Молча, стараясь не встречаться взглядами со своими офицерами, они большими группами сворачивали направо, к юго-востоку, направляясь в свою станицу. И с темнотой группа офицеров в 9 человек осталась одна-оди-нехонька, затравленная, физически изнуренная, на уставших лошадях и не знающая — что же будет завтра?

Это были: Темижбекской станицы войсковой старшина Попов, его брат сотник, хорунжий Маслов-старший, бородатый прапорщик Никитин и еще кто-то. Их командир сотни подьесаул Храмов. Казаки станицы Кавказской — автор этих строк, младший брат Георгий и прапорщик Митя Жарков.

С сумерками — все офицеры-темижбекцы тронулись в свою станицу. В степи, в истоках болотистой речки Челбасы, держа лошадей в поводу, скрючившись от холода, дремали четыре офицера: два брата Елисеевых, Храмов и Жарков. Это было все, что осталось от тысячного отряда конницы восставших...

Ночь на 25 марта, на праздник Благовещения Пресвятой Богородицы, смертельным страхом нависла над нами. На небесах витали ангелы, а на земле владычествовал сатана. В природе было сыро и холодно. В желудках голодно, а на душе — мертвящая жуть...

Что произошло в главных силах восставших

По рассказам участников-офицеров — наша пехота, по плану заняв исходные пункты, с рассветом перешла в наступление на хутор Романовский. Но в тех местах, где меньше всего ожидали казаки, — густые их цепи были встречены огнем противника, который был, как оказалось, в курсе плана наступления восставших.

Полнейшая неожиданность, отсутствие дисциплины и сознание, что ты “восставший” без тыла, без базы, — все это вместе взятое внесло полную деморализацию в души казаков, и они, растерявшись, спешно отошли в Кавказскую. В крепости вновь многолюдный митинг. Послышались упреки, что это офицеры со стариками затеяли восстание. Но в это самое время красные выставили орудия в виду станицы и открыли по ней редкий шрапнельный огонь. Разрывы были высоко, и все же... белые дымки разрыва снарядов совершенно деморализовали казаков, и они толпами бросились по улицам, спасаясь. И напрасно в крепости почти рехнувшийся от горя маститый Ловягин уговаривал казаков защищаться до конца... И напрасно хорунжий Елисеев Андрей, сам выдающийся пулеметчик, выставил во всех крепостных главных пунктах свои пулеметы, числом сорок... В последний момент они оказались без нумерных казаков, почти сплошь его сверстников-станичников.

Все бежало... К обеду красные солдаты вошли в станицу и приступили “к суду и расправе”... И произошло следующее. Войсковой старшина Ловягин, начальник Восставшего Стана казаков, верный своему долгу — оставался до конца в крепости. Красные, ворвавшись туда, схватили его и на подводе отправили для суда в Романовский.

Но озверевшие солдаты не выдержали и на выгоне, у кургана с крестом, штыками и пашками исковеркали его тело, бросив труп там же, на шляху. У него остались жена и 10-летний сын. Красные запретили его хоронить с церковным отпеванием.

Студент Саша Солодухин, душа и баян всего восстания, казак станицы Ильинской, укрывшись в одном дворе, был обнаружен и тут же заколот штыками. На теле его оказалось 18 ран.

Были схвачены старики — хранители духовной станичной казачьей жизни, старые конвойцы-урядники эпохи Императора Александра Третьего — Севостьянов, Диденко, Наумов Изот и урядники — Мишнев Михаил, Чаплыгин Гавриил. Их расстреляли в Романовском в тот же день.

Спасаясь, очень многие бежали на восток, в ближайшую станицу Темижбекскую. Красные яростно искали сотника Жукова, но не нашли. В Темижбекской схватили нашего командира 1-й бригады полковника Георгия Семеновича Жукова, который никакого участия в восстании не принял. Но достаточно было звука этой ненавистной для красных фамилии — Жуков, как оказался расстрелян совершенно невинный штаб-офицер. Он был родной брат известных на Кубани полковника Семена Семеновича Жукова и флигель-адъютанта Государя Императора Николая II, офицера Конвоя Его Величества есаула Жукова, застрелившегося на фронте во время 1-й Великой войны.

Для Войсковой Истории должен подчеркнуть, что — сотник Алексей Тимофеевич Жуков, состоявший тогда обер-офицером при атамане Кавказского отдела полковнике Репникове, был одним из самых активных руководителей Кавказского восстания.

В Темижбекской был арестован бежавший туда и наш полковой делопроизводитель, надворный советник Трофим Семенович Чирсков, родом терский казак. За пышную бороду красные приняли его “за генерала” и потому придумали ему особенную смерть: привязав к буферу вагона, накатили на него другой и... живьем раздавили совершенно невинного человека, к тому же человека тихого, робкого и исключительной доброты.

Там же был расстрелян коренной казак, войсковой старшина Попов, офицер 1-го Кубанского полка и командир взвода темижбекской сотни в моем конном отряде. Поручик Важенский из очень почтенной семьи нашей станицы, красивый и скромный молодой человек, боясь попасть в руки красным, бежал к Кубани и на ее берегу застрелился...

Казак Козьминов станицы Темижбекской, что сломал ногу, рубя телеграфные провода на разъезде Рогачевском, и оставленный в больнице в Казанской, был прикончен штыками при перевозке его в Романовский на военно-революционный суд... Остальных жертв красного террора не помню и не знаю.

Трагедия в нашем семействе

После поражения — паника в нашей станице, в Стане главных сил, была полная. Ненавистный красный враг уже обстреливал ее шрапнелью, совершенно неслышанным и невиданным оружием для женщин и детей, поэтому семьи казаков, наскоро связав “узлы необходимого”, устремились на восток и в степь, боясь разгрома и убийств со стороны красных. Все это было и в нашем семействе. Кстати сказать, двор нашего отца находился в непосредственной близости от станичной крепости.

— Сыны, сыны!.. Только не попались бы живьем! — так рассказывала потом наша мать, зывал отец. И, отправив ее, нашу мать, с тремя дочурками-подростками на линейке на восток, — держал в седле Андрею-сыну его строевую кобылицу, и... сам попал живьем в руки красных.

С матерью нашей он условился, что она будет ждать его у двора “сватов Жуковых”, на востоке от станичной площади, и уже оттуда двинутся в Темижбекскую. Но... наша добрая и слабовольная мать...

— Поспешим, сватушка, в наш сад над Кубанью под горою... а сват (т. е. наш отец) — он догадается, куда мы убежали, и найдет нас, — так уговорила ее свекровь нашей старшей сестры Марии. И они, две семьи, двинулись под гору, в их далекий фруктовый сад перед самым правым берегом Кубани.

Отец с последним станичным атаманом и соседом, старшим урядником И.В. Виноградовым, скорым шагом шли на условленное с матерью место встречи, чтобы вместе бежать на Темижбек, но... не нашли ее там. Наверное, не дождавшись, тронулась самостоятельно на восток с толпой других, решили они и быстро двинулись в том же направлении по длинной улице, ведущей к Темижбекской станице. И уже на окраине ее из переулка выскочил красный патруль и арестовал их. Почему — неизвестно, но бывшего атамана он отпустил, а нашего отца препроводил к бронепоезду, стоявшему у западной окраины станицы. И между начальником красного карательного отряда, бывшего на бронепоезде, и нашим отцом произошел такой диалог:

— Ты есть Елисеев? — отец ответил утвердительно.

— Это твои три сына-офицера? — отец ответил, также утвердительно.

— Ну... иди!.. Ты свободен... — коварно сказал он, Романовского хутора мужик, “Сережка-портной”. И когда отец отошел от бронепоезда — он выстрелил ему в спину, но ранил в ногу и отец упал... Тогда он подошел к нему и в упор выстрелил в голову... Пуля пробила череп и осталась в голове. Наш дорогой отец был убит наповал...

Так рассказал машинист бронепоезда, когда белые войска заняли нашу станицу и хутор Романовский. На второй день 70-летняя его старушка мать, наша бабушка, с 30-летнего возраста вдова, взяв костылек и заплетаясь своими износившимися в работе старческими ногами, плетется на далекую окраину станицы, чтобы найти тело любимого и единственного сына. Все запуганы... все попрятались или убежали из своих домов в степь, но ей... ей теперь все равно...

Вот и свежие могилки за железнодорожным полотном. Их много. И это не могилки, а небольшие насыпи поверх погибших казаков. Здесь пострадал вчера взвод темижбекских казаков, высланный из Казанской от конного отряда, для выяснения, — что же происходит в главных силах? Не зная о случившемся в Кавказской — хорунжий Маслов напоролся на красный бронепоезд...

Заскорузлыми от старости руками — она разрывает одну, другую, третью могилку... Лежат окровавленные казаки, но ее сына нет. А чтобы вороны не выклевали бы казачьи глаза, старушка заботливо присыпает их землю и разгребает следующую могилку. В четвертой — два тела. “Он!.. Он, мой родной, любимый и единственный сыночек” — залилась старушка горячими слезами.

Сирота с 16 лет. Отца его так же убили разбойники в степи. Отбыв 16 лет царской действительной службы в Закавказье, участник Турецкой войны 1877-1878 гг. Перенес Баязетское голодное сидение в той войне. Вернулся домой. Только бы работать и поправлять хозяйство после станичного пожара и долгой своей службы, и вот... злые люди убили его...

Вот и его сын. Учил детей. Дал своему Отечеству на войну трех сыновей-офицеров. И за это — красные убили его...

Лежит мертвый бородатый казачина, и почему-то блаженная улыбка застыла на его устах. Как глубоко верующий человек — он, видимо, молился перед смертью, так как пальцы правой руки сложены для крестного моления. Пулей пробита нога, и лишь маленькое входное отверстие в висок, прекратившее ему жизнь в его 50 лет...

И плетется вновь старушка назад, домой, “за линейкой”, чтобы привезти дорогое тело в дом и похоронить по-христиански. Кругом тишина. Улицы пусты. И лишь встречающиеся злые собаки на улицах да красногвардейцы на реквизированных казачьих строевых лошадях нарушали покой мертвой станицы. Но ей теперь все равно...

Горе в нашем семействе тогда — трудно описать. Где были мы, два брата, Жорж и я — и что с нами? — им не было известно. Старший брат Андрей — где-то укрылся. В доме — две беспомощные старушки да три наших сестренки-подростка. Кто утолит печаль вот их?!

Тело отца привезли в дом. Омыли и положили в гроб, в зале на столе. В семействе, глубоко верующем в Бога, должна быть священная тишина и церковный лампадный запах. Говорить громко в доме — считалось кощунственным перед гробом отца. Непереставаемые слезы и плач всех.

На третий день, в глухую полночь — вдруг громкий требовательный стук в наши массивные ворота, наглухо запертые на засов. “Вновь обыск”... — решили терроризированные “пять душ”, старых и малых, осиротевших женщин. Они боятся и не выходят на стук. Но он повторяется громко, нетерпеливо, требовательно. Как глава дома — на парадное крыльцо вышла бабушка.

— Федюшка уби-ит!. — заголосила она.

В доме паника и новый удар. То “бил копытами” в ворота мой злой нетерпеливый рыжий конь Орлик, прибежавший в свой дом без седла и без уздечки... Где он был в эти три дня? Кто снял с него седло и уздечку? Откуда он бежал домой? — все это осталось загадкой для всех. Но женщины, с нашим отцом в гробу в доме — иначе и не могли понять, что конный отряд разбит и его начальник убит, ежели прибежал его конь домой.

Отец похоронен. О его гибели я узнал два месяца спустя. Но красные не оставили семью в покое. Они распространили слух, что Федор (так называли меня красные мужики в станице) нарочно отпустил своего коня, к гриве которого была привязана записка такого содержания: “Когда я вернусь домой с нашей казачьей властью, будет расстреляно тридцать человек красных как месть за отца”.

Конечно, — это была фантазия станичного совета. Но мой рыжий конь, злой и неутомимый, был реквизирован для нужд красной армии.

Заключение

“Ласточка сделала весну”. В апреле того же года Добровольческая Армия с кубанскими отрядами, после неудачного штурма Екатеринодара, где погиб ее кумир генерал Корнилов, — степями, минуя железные дороги, — прошла в Кавказский отдел и на несколько дней расположилась в трех станицах: Дмитриевской, Ильинской и Успенской. Здесь впервые Кубанское правительство мобилизовало два года казаков, и их отцы-старики искренне благословили своих сыновей в неведомый поход.

В мае месяце того же года мобилизованные Одарюком молодые казаки отбывали лагерные сборы на реке Челбасы. В одну из ночей они оседлали своих лошадей и походным порядком, с боями, прошли в станицу Егорлыцкую Донского Войска, где находилась Добрармия и Кубанские войсковые части со своим войсковым атаманом и правительством. Их было одиннадцать сотен. Вывел их подхорунжий Сухоручко, казак станицы Тихорецкой. Из них немедленно же были сформированы два полка — 1-й Кавказский и 1-й Черноморский. Командиром Кавказского полка был назначен полковник Безладнов*, а Черноморского — полковник Малышенко*.

Об этом событии генерал Деникин* пишет так в своем труде “Очерки Русской Смуты” (том 4, стр. 141): “5-го июня гарнизон станицы Егорлыцкой Донского Войска с недоумением прислушивался к сильному орудийному гулу, доносившемуся издалека: то вели бой с большевиками отколовшиеся от красной армии и в тот же день пришедшие к нам одиннадцать конных сотен Кубанских казаков”.

Должен заметить, что от Кавказской и до станицы Егорлыцкой по прямой линии — 120 верст. Как они шли и какова судьба этого героя подхорунжего Сухоручко — нигде не описано. Так и истлел подвиг этого подхорунжего, не дошедший до скрижалей Войсковой Истории.

Комиссар станицы Казанской, хорунжий Подымов... Отделившись от конного отряда и пробыв сутки на хуторе Лосеве у своего друга, он вернулся в свою станицу. Одарюк его не тронул, и он продолжал оставаться председателем станичного совета вплоть до прихода Добровольческой армии, которую встретил как освободителей. Станица избрала его своим атаманом и потом — членом Краевой Рады. Крепко держал он власть над станицею в своих руках. Летом 1919г. случайно встретился с ним в расцвете его силы и власти. Умница и орел. Одет как черкесский уздень. В конце февраля 1920 г. 2-й Кубанский корпус генерала Науменко*, оставив хутор Романовский, имел дневку в Казанской. Я тогда временно командовал 2-й Кубанской дивизией. Он явился ко мне, сломленный неудачами фронта, и ушел с войсками к Черному морю.

Жил в Югославии, тосковал по родине и решил вернуться. “Откручусь, как и раньше”, — говорил он своим станичникам. И в 30-х гг. он и прославленный инструктор и джигит станицы Тифлисской вахмистр Зубенко вернулись на родину. И очень скоро оба были расстреляны в Армавире. Так погибли два знаменитых казака-кавказца.

Комиссар станицы Кавказской, вахмистр Григорий Писаренко. После нашего восстания он был смещен Одарюком. В июле месяце, при занятии станицы одним из пехотных полков Добровольческой армии — станица выставила свой гарнизон в одну сотню конницы и батальон пластунов. Начальником гарнизона был назначен наш старший брат Андрей, хорунжий. Гарнизон держал боевые посты по правому берегу Кубани. Екатеринодар еще находился в руках красных, как и вся левобережная Кубань. В конной сотне станичников находился и Писаренко, в погонах с басоном вахмистра. Станица

никого не тронула, кто был в станичном совете, и Писаренко вошел в ряды своих станичников без упрека. Службисту по натуре — ему не могли нравиться порядки красных. И вот в один из дней — его вызвали с позиции в штаб пехотного полка.

— Наверное, расстреляют за комиссарство, — говорит он станичникам. Те его успокоили. У яра перед Романовским были расстреляны 17 человек, в том числе и вахмистр Григорий Писаренко и лихой извозчик, старый солдат рыжий Прокошка, что переправил на своих санках более десяти офицеров, минуя Романовский кружным путем. Таковы жуткие гримасы революции.

Наш же 1-й Кавказский полк возродился совершенно при новом офицерском составе и действовал в Ставропольской губернии, вместе с 1-м Черноморским полком, составляя бригаду полковника Глазенапа*, ставшего вскоре генералом и военным губернатором Ставропольской губернии. В 1919г. эта бригада вошла в новую 3-ю Кубанскую казачью дивизию генерала Бабиева*, долго оперировала на Маныче, брала Царицын. Потом дивизия была переброшена за Волгу и действовала далеко на восток от нее. В 1920 г. я встретил 1-й и 2-й Кавказские полки в 4-й Кубанской дивизии генерала Косинова. И в апреле месяце оба полка, входившие во 2-й Кубанский конный корпус, капитулировали в рядах Кубанской армии... Последним командиром 1-го Кавказского полка был наш старый кавказец, полковник В.Н. Хоменко*, как и все офицеры бригады, оставшийся с казаками, чтобы испить горькую чашу побежденных. Полковой Георгиевский штандарт, находившийся при обозе с взводом казаков, был захвачен красной конницей в окраинах станицы Пашковской. Вот и конец родному полку... написанный мной в 1940 г., в джигитском турне по тропическим странам Юго-Востока Азии.

Елисеев Ф.И.

С КОРНИЛОВСКИМ КОННЫМ

ПАРТИЗАН ШКУРО

ТЕТРАДЬ ПЕРВАЯ

В гражданской войне 1918-1920 гг., в сердцах кубанского казачества, генерал Шкуро признан был героем Кубани. Ему мы и отдаем полную свою дань любви и восхищения за первые его подвиги.

На заседании Кубанской краевой Рады, на станции Тихорецкой 5 июля 1918 г., появился молодой партизан Шкуро. С его именем пришлось познакомиться раньше. Еще в ноябре 1917 г., когда вновь поставленное краевое правительство приступило к своей деятельности, — на его рассмотрение поступило несколько прошений о “перемене фамилий”. Среди них была просьба войскового старшины Шкура изменить свою фамилию на “Шкуранский”. Правительство удовлетворило эту просьбу. Шкура-Шкуранский характеризовался при этом, как веселый и бесшабашный офицер, но талантливый и удачный партизан, умевший создать вокруг себя соответствующее окружение из казаков. Был не прочь при этом и соригинальничать: набрал при развале армии казаков-“волков”.

Теперь пред нами предстала, вопреки создавшемуся заочному представлению, миниатюрная фигурка казачьего офицера с нервно подергивающимся лицом, с насмешливой кривой улыбкой. Чин — полковник, а говорили, что он только войсковой старшина. Самовольное перескакивание через чин было в обычае того времени, когда утерялось следящее начальническое око.

Извещение правительства о согласии на перемену его фамилии к нему, по-видимому, не дошло, но он успел усвоить другое имя — не Шкура и не Шкуранский, а — Шкуро. Он почитал это более благозвучным. Председательствовавший в Раде Рябовол*, давая ему слово для доклада, провозгласил: “слово предоставляется полковнику Шкуранскому”.

Доклад Шкуранского был краткий, но очень красочно изображал деятельность самого вождя. Рада выслушала доклад внимательно. Один делегат Майкопского отдела предложил даже поощрить его производством в генералы. Это предложение сочувствия не встретило, но состоялось постановление командировать в отряд, к месту его нахождения в Ставропольской губернии, одного члена правительства и одного члена Рады. Выбор пал на меня и члена Рады от Баталпашинского отдела Усачева. Нашей задачей было: ознакомиться на месте с состоянием отряда и его настроением.

Со своей стороны ознакомить его с взглядами правительства и Рады на сущность противобольшевистской борьбы, на организацию и состояние противобольшевистских сил.

Поддержать и всячески поощрять противобольшевистские настроения казаков отряда.

По железной дороге мы должны были доехать до станции Песчано-Окопской, а оттуда, на автомобиле, до села Медвежье и в село Ладожская Балка, где должен был находиться в то время отряд Шкуро. Когда мы усаживались в Песчано-Окопской в ожидавший нас автомобиль-полугрузовик, вооруженный пулеметами, к нам сел в машину генерал преклонного возраста. Садится и, обращаясь к провожавшему его молодому офицеру, говорит:

— Дайте мне хотя бы винтовку... все же пригодится в случае нападения большевиков, — будет из чего застрелиться...

Мы переглянулись с Усачевым. Тронулись. Наш генерал держался скромно и сосредоточенно. Винтовку из рук не выпускал. Из завязавшегося потом разговора выяснилось, что едущий с нами генерал не кто иной, как вновь назначенный ставропольский губернатор.

Отряд Шкуро. Полковник Слащов. Выступление на Ставрополь

К вечеру мы подъехали к селу Ладожская Балка. Шкуро в отряд с нами не поехал, а выехал в Кавказскую, только что занятую дивизией генерала Боровского*. За селением, расположив повозки несколькими рядами, стояли табором “шкуринцы”, как в былые времена запорожцы. Штаб отряда помещался в этом богатом большом селе у зажиточного купца. Начальник штаба отряда полковник Слащов* (тогда он имел псевдоним “полковник Яшин”, от своего имени Яков) и несколько офицеров составляли весь штаб. Они встретили нас с интересом, но осторожно: кто и зачем сюда пожаловал?

Пока мы принимались за предложенную нам чашку чая, Слащов удалился с есаулом Мельниковым*, возвратившимся от Шкуро вместе с нами для заслушания его доклада.

Слащов, вернувшись, спокойно, деловито возобновил разговор на тему: как организована Кубанская войсковая власть, какие взаимоотношения с командованием Добровольческой армии и прочее. Он тут же дал краткую информацию о своем отряде. Отряд почти весь состоит из кубанских казаков. Он много переносит невзгод, но бодрости не теряет. Все у Слащова (это именно тот Слащов, будущий генерал и защитник Крыма) складно и деловито. Генерала Уварова выслушал, в меру обнаружил уважение к начальству, но дал ясно понять, что в отряде, впредь до возвращения полковника Шкуро, он, полковник Слащов — есть главный начальник отряда, и полномочия губернатора начнутся с занятием главного города губернии — Ставрополя. Нам же Слащов обещал свое содействие по взаимному ознакомлению с казаками, когда все будем в Ставрополе. А пока что — сделаем остальную часть похода совместно.

От полковника Шкуро, оказывается, Слащов получил директиву, доставленную сюда вместе с нами через есаула Мельникова — “немедленно двинуться и взять Ставрополь”. Часов в 6 вечера был отдан приказ о выступлении, и к 8 часам подводы вытянулись в длинную ленту. Ночной привал сделали в попутном селе, кажется, Птичьем. Весь штаб и мы — все спали в одной комнате, на полу. Постепенно знакомились с людьми отряда.

С рассветом двинулись дальше. Спустились в открытую и ровную низину. Весь отряд перед глазами. С нами, со штабом, идут главные силы. В стороне от нас, с полверсты — гарцует сотни полторы казаков бригады подъесаула Солоцкого*.

Сил, вообще говоря, немного, но отдельные части отряда носят громкие названия: бригада, полки и т. д. В отряде не было ни одной пушки. Было несколько бомбометов. При общей массе людей без пушек все же одиноко трусился на лошади полковник Сейдлер, именуемый “начальником артиллерии”.

Главные силы — пластуны на подводах, конница на лошадях. Собственно говоря, точного разделения казаков на пехоту и кавалерию не было. Достав лошадь, казак с удовольствием садился в седло, предпочитая быть в коннице. А в общем — как выехали из дому, так и ездят теперь по степям Ставрополя на собственных лошадях и в собственном одеянии. Тот, кто сумел отбить у большевиков винтовку, был счастлив. У некоторых лишь берданки или охотничьи ружья.

В общей сложности боевых сил было: бригада пластунов — около 1000 человек и дивизия конницы — около 2000-2500 казаков.

Неподалеку гарцевал на недурной лошади всадник. Грязная-грязная рубаха, разорванная сверху донизу и связанная узлом... Изодранные шаровары... на босу ногу чевя-ки. Все вооружение — сбоку шашка. В прорехи просвечивает голое тело — грязное, обветрившееся. Лицо загорелое. Как из меди вылитый человек.

Другой — сотник Брянцев. По общим отзывам — очень хороший офицер. Его внешность — типичная для карачаевцев: бурая конусообразная войлочная шляпа, черкеска вся в заплатках, на ногах самодельные из сырой кожи чевяки-по-стола без подошв. И это — обыкновенная картина.

Подходим к большому селу Московскому. В сторону дворов высылаются лава комендантской сотни. Никому не позволено входить в село. Когда приходим на церковную площадь и располагаемся табором, Слащов направляет сельским властям просьбу: доставить продовольствие его отряду на время привала. Власти выполняют эту просьбу, и все выходит, как говорят — чинно и благородно. Такой порядок произвел на нас благоприятное впечатление.

С именем Шкуро связано очень много рассказов о легкомысленном отношении к чужой собственности не только близких ему людей, но даже его самого. Не могу утверждать, было это или нет, в особенности потом, в зените его славы, но в описываемый момент мое впечатление вполне благоприятное, как в отношении начальников отряда, так и в отношении его рядовой массы. Сильно бедствовали сами, но население не обижали.

Полковник Шкуро, отправляясь к нам для доклада в Тихорецкую, послал большевистским комиссарам Ставрополя требование: очистить город, иначе он подвергнет его бомбардировке из тяжелой артиллерии. Как уже было сказано выше, ни одной пушки в отряде не было. Угроза была сплошной “партизанщиной”, но она была сделана и были назначены сроки, когда должен быть очищен город. Эти сроки приближались, и теперь отряд шел занимать город. Когда солнце склонялось к западу, мы двинулись из селения по направлению к Ставрополю.

Гипноз имени. Торжественный молебен

Существует очень распространенное мнение о так называемом “обаянии личности отдельных людей”. В гражданской войне приходилось наблюдать особый гипноз “имени”, и этим часто хочется объяснить особую удачливость отдельных носителей его. К таким именам нужно отнести и имя Андрея Григорьевича Шкуро. Как будто не зря он занимался с такой настойчивостью звуковой стороной своей фамилии: Шкура, Шкуранский, Шкуро.

При начале знакомства со Шкуро Вам, прежде всего, бросается в глаза его миниатюрность, подвижность, непосредственность и, говоря правду, незначительность. Между тем заочно при частом повторении имени у Вас создается представление о строгом карателе противника, неумолимом мстителе за обиду, жестоком и беспощадном преследователе — партизане Шкуро.

Я не берусь утверждать, что все то, что я сейчас приведу — абсолютно верно, но в штабе Шкуро утверждали, отнюдь без желания поставить себе или своему вождю в заслугу: за весь длительный и обильный всяческими осложнениями поход отряда Шкуро по Ставрополью и северной части Кубани только один раз назначенный военно-полевой суд приговорил подсудимого к высшей мере наказания — к смертной казни. И это был комиссар Петров — бывший местный штабс-капитан, прославившийся жестокостью. Он бежал из Ставрополя с деньгами и пулеметами на автомобиле. В селе Кугульта его и четырех его спутников захватила авангардная сотня. Был назначен суд, председателем которого был офицер отряда, юрист по образованию, а членами суда — выборные казаки-старики от каждого полка.

Этот суд приговорил Петрова и всех, кто был с ним, к смертной казни. Считая, что такое наказание по отношению к спутникам Петрова слишком сурово, Шкуро приговор не утвердил, а перенес дело на решение всего отряда. И вообще — как подписать смертный приговор? На каком основании? Громада отряда здесь — верховная власть. Пусть она и решает!

Сначала Шкуро удалось доказать невиновность бывших при Петрове шофера и его помощника и их отпустили на все четыре стороны. По отношению к остальным трем подсудимым — из рядов отряда слышались крики: “Смерть!.. Смерть!..”

После этого Шкуро утвердил смертный приговор Петрову, а двум его приближенным высшую меру наказания заменил “поркою”. Отряд с таким мнением согласился. Их выпороли и отпустили. Петров же перед смертью просил, чтобы его тело отправили матери, что и было выполнено. Это было в селе Константиновском. Участники рассказывали, что Петров умер мужественно.

Шкуро дрался с организованной воинской силой красных, а с мирным населением обращался хорошо: “Не трогайте меня, — и я вас не трону!” Кормиться отряду надо. Население — давай продовольствие. Иногда отпущенное населением продовольствие и фураж оплачивались, если касса отряда не пуста, если при предыдущей стычке с красными в нее что-то попало. В противном случае — кормились “за русское спасибо” и выдавались квитанции с обязательством уплатить при соединении с Кубанским войсковым правительством.

Население в то время было приучено ко всяким насилиям, и все, только что описанное, воспринималось не как “недопустимое”, а лишь как неизбежное. “Хорошо, что хоть честью просят”, — говорили крестьяне.

“Мы не боремся с советской властью, но мы объявляем войну лишь комиссарам-насильникам...” — приблизительно такими словами формировал основную идею борьбы Шкуро от имени отряда, в специально выпущенной им прокламации. Я читал ее. Напечатана была на машинке. Краткий текст совсем не обнаруживал у составителей способности “глаголом жечь сердца людей”. Все выражено по-будничному. На прокламации собственноручная подпись самого начальника отряда, с маленьким “завитком” у конечной буквы “о”, как будто бы подписывавшийся все еще колебался, — поставить ли в конце фамилии наследственное “а” (Шкура) или благоприобретенное “о” (Шкуро).

Комиссары испугались “тени партизан”... В лунную ночь с 7 на 8 июля 1918 г. мы приблизились к Ставрополю и остановились на господствующей над городом возвышенности. Мы оказались более счастливыми под Ставрополем, чем Наполеон на Поклонной горе под Москвой. Здесь нас уже поджидала депутация города. Полковник Слащов, действовавший именем Шкуро, принял представителей, поблагодарил их и предложил всем им возвращаться к пославшему их населению и оставаться спокойными. Здесь губернатор выступил на сцену и в автомобиле, с небольшой охраной отправился в город принимать приветствия восторженного населения.

Штаб отряда расположился в здании гимназии. Избавление от большевистской дьявольской власти Ставрополь собирался праздновать на площади перед духовной семинарией, по традиции — благодарственным всенародным молебном.

Середина лета, июль месяц, а чин служения — пасхальный, архиерейский и все духовенство — в светлых ризах. Все началось прочувствованным словом епископа и трехкратным возгласом:

— Христос воскресе — сестры и братья! — и ответ: — Воистину воскресе!

Нервы не выдерживают. Все кругом рыдают... Посмотрел я искоса на рядом стоящего главного виновника торжества, “сурового Шкуро”, а он, что называется, “не река рекой разливается” — слезы у него в три ручья, и он не пытается скрыть их.

Большевики, по крылатому выражению своего высокого шефа Льва Троцкого, уходя, сильно “хлопнули дверью”. На задах бывшего казачьего юнкерского училища, закрытого в 1896 г., произведена была гекатомба ставропольского офицерства и интеллигенции. Вот почему и рыдал народ на Богослужении.

В этот же день Шкуро устроил парад своим войскам. Трубили трубачи, и полк за полком проходили мимо него. Хрипловатым голосом Шкуро выкрикивал:

— Спасибо за сверхдоблестную службу!.. Спасибо, богатыри!..

Казачи-старички, вне строя, за стеною толпы, давали волю восторгу: “Отец наш!”

Позже генерал Шкуро “растворился в овациях толпы”, взбаламученной гражданской войной. Пройдохи и проходимцы будут курить ему фимиам...

Завтрак с офицерами отряда

Был устроен торжественный завтрак — Шкуро, Слэцов и все офицеры отряда, кто не был на позициях, и мы, члены Рады. В то время как в основной массе отряда, в рядовом казачестве было очень много людей пожилых и стариков — состав офицерства, наоборот, был преимущественно молодым. Перед завтраком, пока не подошли все, для занятости разговором — Шкуро давал советы офицерской молодежи, как обращаться с дамами. Советы были пикантные...

За завтраком, вопреки ожиданию, Шкуро почти ничего не пил. Офицеры отряда пили, но умеренно. Я не могу думать, что такая воздержанность была устроена в нашу честь! По общему тону обращения — нас воспринимали как приезжих, но не особенно важных гостей. Среди молодежи много наивных, хороших лиц. Весь поход, весь подвиг, который они совершили, для них дело обычное и неизбежное.

Мрак безвременья для многих лиц в отряде должен был представляться во много раз беспросветнее, чем, скажем, в той же Добровольческой армии. Рядовое офицерство там имело во главе вождей с всероссийскими именами. Представления об их влиянии, об их значении могли давать надежду на торжество поднятого знамени. Здесь же офицерство, волей-неволей, в минуту сомнений, могло находить утешение лишь в сознании правоты своего дела и в вере, что правда эта, в конце концов, восторжествует.

Складывалась особая конституция отряда: офицеры, сам начальник отряда, в бою командовали, держали боевую дисциплину, вели весь боевой учет. Но к моменту решения всех дел общего характера — призывался к участию весь отряд, старики. К старикам Шкуро, по его собственному признанию, обращался довольно часто:

— Как господа старики? — спрашивал он. И старики высказывались. К их авторитету Шкуро обращался для сдерживания массы отряда от грабежей, насилий и прочего.

Сложные чувства владели мной, когда пришлось сидеть за общей трапезой с офицерами отряда. Лица перед нами такие простые и такие близкие кубанские лица, что и нужды их, и горести, и радости, также были близкими и простыми. И когда наступил момент, и стало ясно, что нужно какими-то словами приветствовать этих простых людей, совершающих геройство, то как-то сами собой подобрались образы о делах, прославляемых в песнях, и о том, что говорится в сказках.

Была надежда, что неисчислимые жертвы во имя свободы не останутся безвестными. Что Россия будет! И будет жить казачество!

Н (бывший член Кубанского правительства)

Главнокомандующий Вооруженными Силами Юга России генерал Деникин так описывает взятие Ставрополя полковником Шкуро: “К концу июня 1918 г. отряд Шкуро появляется в Ставропольской губернии, ведя удачные бои по дороге с большевиками. Это движение опережала громкая молва о несметной силе отряда, неизменной удаче его “атамана” и жестоких расправах с советскими властями.

Появившись 5 июля к северу от Ставрополя, Шкуро вошел в связь с Добровольческой армией, а городу предъявил ультиматум о выходе из него в определенный срок красноармейцев, грозя в противном случае — “начать обстрел из тяжелой артиллерии”. Как это ни странно, но комиссары Ставрополя и начальник гарнизона Шпак, напуганные тревожными вестями, идущими со всех сторон об успехах добровольцев, 8 июля очистили

город без боя. Ликованию измученных жителей не было предела” (Очерки Русской Смуты, т. 3, стр. 188).

В Новопокровской. Подъесаул Владимир Николаевич Кулабухов

По указанному семьей Полянских адресу, я нашел их старшего сына Павла Петровича, младшего урядника Собственного Е.И.В. Конвоя. Для него это была полная неожиданность. Кроме дружественных взаимоотношений наших семейств на Рождественские Святки 1911-1912 г., я, будучи юнкером Оренбургского казачьего военного училища, отпуск взял в Петербург. Как воинский чин, на время отпуска, был прикомандирован к Казачьей сотне Николаевского кавалерийского училища. Имея свободное время, я проехал в Царское Село, где расположен был Конвой Его Величества, чтобы навестить своих станичников и Пашу Полянского. Встретили они меня как будущего офицера с полным воинским почтением и глубочайшей радостью. Теперь вот получилась новая и такая неожиданная встреча, но в иной обстановке и очень жуткой. Встреча произошла при рабочих. Увидев меня в столь несвойственном мне наряде, умный казак и вида не подал, что я офицер. О нашем Кавказском восстании он не знал. К вечеру мы уединились, и я рассказал ему все, что произошло в нашей станице и что семья ждет его домой...

Исколесив северо-восточную Кубань, Ставрополье, Сальские степи — в красной газете читаем сообщение, что “генерал Корнилов, заняв Екатеринодар, веером своих войск двинулся на север от Кубани”.

Окрыленные этим сообщением, спешим в свой Стан — в Стан Белых войск. Товарный поезд идет медленно. На станции Белая Глина — долгая остановка. Дальше на запад будет уже наша Кубань. Где армия генерала Корнилова, мы еще не знаем. На станции красноармейцы и крестьяне Ставропольской губернии. Осторожно наводим справки. Оказалось, что “кадеты” (так тогда называли всех на юге, кто шел против красных) отброшены в Донские степи, и народ ликует.

Мы попали в заколдованный круг. Решили ехать в станицу Новопокровскую. Там я узнаю от друга и однополчанина подъесаула Кулабухова общее положение. Она крайняя кубанская станица от Ставропольской губернии. До нее один пролет, до станции Ея. К нашей радости, попался извозчик, который хорошо знает, где живет “старик Кулабухов” — так я дал адрес.

Шел второй день Святой Пасхи. Было часов 8 утра. Навстречу нам идет народ в церковь в праздничных нарядах, словно в мире все спокойно. Идут семьями. Вижу двух урядников моей 2-й сотни. От них прячу свое лицо, а сам наблюдаю за ними. Они отличные урядники, но и они не должны знать, что я прибыл в их станицу. От радости — разболтают друзьям, что может легко дойти до красной власти, а тогда... я же объявлен “вне закона”. Они два раза оглянулись нам вслед и... узнали меня. На восточной окраине станицы въехали в богатый двор зажиточного казака.

— Здесь живет Володя Кулабухов? — спрашиваю молодуху у амбара.

— Здесь... но их нет дома... они в церкви. А Вы кто такой будете?

Расплатившись с извозчиком, решительно идем в дом и просим послать за Володей, наказав: приехал в гости его друг по войне... Он скоро прибыл. Расцеловались. Я молчу, не зная — с чего начать рассказывать, спрашивать. Такая неожиданная и странная встреча искренних друзей и соратников по Турецкому фронту с 1914 г. Потом Финляндия, разоружение солдат под Двинском, вновь Финляндия, большевистский переворот в Петрограде и возвращение на Кубань через всю красную Русь. Бывшие молодые блестящие хорунжие, сотники, потом подьесаулы, командиры сотен, а теперь...

От меня он узнал, что после нашего неудачного восстания я еще не был дома, и никто в семье отца не знает, где я, как, и я не знаю, что случилось в станице и в семье после роковых событий. Выслушав, он осторожно говорит, что в семье случилось какое-то несчастье... был арестован наш отец... говорили, что его расстреляли красные, но... может быть, это и не так.

Внутреннее мое чутье подсказало, что отец наш расстрелян, но мозг никак не хотел верить этому, так это было слишком жестоко.

Володя, мой дорогой друг, чувствуя, что он сказал слишком много, стал поправляться, что это-де были только слухи, не больше...

Мы были “замызганы”. Нам немедленно же приготовили горячую баню. Выкупались и потом отведали дивного и сытного пасхального казачьего обеда. Прожив несколько недель, как загнанный волк, теперь свежий, накормленный и обласканный, захотел спать, спать... На чистых простынях, на пуховых подушках душевного станичного гостеприимства у лучшего и испытанного долгими годами войны друга — я заснул, словно провалился в преисподнюю.

Сколько спал, не знаю, но сквозь сон слышу, словно издалека и никак не могу понять, — откуда это и почему меня зовут:

— Федя... Федя... вставай!.. Вставай!.. Тебе надо ехать...

Куда ехать?.. Зачем ехать, когда мне здесь так хорошо на чистых белых мягких пуховиках...

Володя выводит меня из приятного забытья. Я встаю, ласково и благодарно улыбнулся ему, а он, присев на край кровати, грустно, мягко, тихо говорит:

— Федя... тебе надо немедленно же уезжать из станицы. Тебя видели твоей сотни казаки. Они очень обрадовались этому и от радости — рассказали другим. Уже вся станица знает, что ты не только что здесь, но что ты находишься у меня. Урядник Козьма Волобуев передал мне, что об этом знает и станичный совет. Совет мужичий. Он может в любую минуту прибыть сюда и арестовать тебя... Ты знаешь, как я тебя люблю, Федя, но сил у меня нет, чтобы тебя защитить... и я должен тебе обо всем сказать только правду. Я тебя не гоню из дома, Федя, но предупреждаю, а дальше — сам решай. Но если надо — я дам тебе лучшего своего коня-рысака и беговые дрожки, и вы оба бежите сейчас же...

Раздумывать было нечего. Все было так жестоко реально, о чем я и сам хорошо знал. И опасность подступила к самому горлу. А верный друг продолжал:

— В Ставрополе скрывается мой двоюродный брат, Алексей Иванович Кулабухов*. Он священник и член Кубанского правительства. Как он туда попал из Корниловской армии, — я не знаю, но он дал знать о себе и жена выехала к нему. Зайди к ним и скажи только

два слова, что ты прибыл “от Володи”... и этого достаточно. И если в их силах — они сделают все возможное для тебя.

Я все понял. Подъесаул Владимир Николаевич Кулабухов никогда не говорил зря. Нам быстро подали беговые дрожки с дивным вороним молодым рысаком российской породы. Сноха, жена брата, дала пакет с едою. Расцеловались с другом, и мы шагом, словно по делам, спокойно выехали со двора. На улице ни души. Ретивый конь просит повода. Дрожки — словно пух. “Не догнать нас и конному на дальнее расстояние”, — успокоительно пронеслось в голове.

Крупной рысью двинулись мы по дороге на станицу Успенскую, родину моего спутника. Сплошная равнина. Кругом нас черное вспаханное поле для посева ярового хлеба. В степи ни души. Тихо-тихо в природе. И мы — словно “точка”, видимая со всех сторон. Это плохо. Надо скрыться хотя бы с глаз станицы. И мы пустили своего доброго коня во всю его “беговую прыть”.

К позднему вечеру были под Успенской. В станицу заехать опасно. Мой спутник знает все дорожки и закоулки родной станицы. Он у меня за кучера. Их подворье у окраины станицы. Остановившись у гумен, через канаву махнул он к себе. В темноте жду и думаю: подойдет красный патруль и спросит — кто ты? Куда едешь? И что я ему отвечу? Ужасно скверное настроение.

Но молодецкий мой спутник не заставил долго ждать себя. Он быстро “седлает” дрожки, схватывает от меня вожжи и пускает коня полной рысью по дороге к станице Ново-Александровской. И, когда мы миновали станицу, он говорит:

— Мать так обрадовалась, увидев меня, но, когда узнала, что и Ф.И. со мной, — испугалась. “Феде нельзя заезжать в станицу... его сейчас же арестуют”, — сказала мать.

— И я понял, — продолжал друг. — И только сказал ей — до завтра. И даже не повидал жену, — закончил он.

Красный командир Шпак

Далеко за полночь мы въехали в Ново-Александровскую. Красный солдатский патруль остановил нас у самой окраины станицы.

— Стой! Кто идет?! — вскрикнул он.

Мой спутник хорошо усвоил “солдатский язык”. Он коротко ответил, что едет к другу, и назвал фамилию сослуживца-урядника. Но пока мы доехали до его друга — нас останавливали три красных патруля. Это мне не понравилось, и это говорило о том, что станица занята красными частями и находится на военном положении.

Друг моего спутника принял нас хорошо, сердечно. Но мое имя ему не было сказано из предосторожности. Наутро новый план: еду в Ставрополь, а он домой. Свой советский документ он передал мне.

Через станицу проходит железнодорожная ветка Кавказская—Ставрополь. Поезда ходят нерегулярно. Был третий день Святой Пасхи. Народ празднует. От удушливого

одинокства — иду, слоняюсь по станице. У станичного совета народ. Оказывается, совет готовится к торжествам по случаю “победы над кадетами”. “Где, когда?” — думаю я.

Выносят красные флаги. Оркестр трубачей. Шествие двинулось к вокзалу, на митинг. Из речей узнаю, что победа заключалась в том, что армию Корнилова оттеснили из пределов Кубанской области. Сюда вернулся местный отряд под командой “героя” товарища Шпака. “Слово предоставляется товарищу Шпаку”, — говорит председатель.

В круг выходит казак, одетый в черную черкеску и черную папаху. По виду, несомненно, самый обыкновенный казачишка. Он заговорил, что “он гнал кадетов, аж до самой Донской степи...” Ему аплодировали и кричали “ура”. Потом оркестру он заказал лезгинку и сам пустился в пляс. Танцевал он долго и бестолково. Было очень жарко. Он во всем черном и в сапогах. Очень вспотел и устал. Потом неуклюже остановился на середине круга, снял папаху, поклонился всем зрителям, перегнувшись “в зад”, и шапкою же стал вытирать пот, струившийся у него по лицу, шее...

Из-под своей рыжей босяцкой шляпы чертом смотрел я на этого “командира красных войск”. Простой казачишка, и вот — бунтарская стихия выдвинула его во главу анархического элемента, и он — герой...

Мне было тошно. И свое настроение я прочел на лицах и в позах двух, видимо, урядников первоочередного полка, стоящих почти рядом со мной. В каракулевых черных шапчонках, сдвинутых “на глаза” (по-казачьи — знак недовольства), в защитных гимнастерках, при поясах в серебряной оправе, в черных “ламбуковых” шароварах при красном войсковом канте на них и в мягких козловых сапогах — стояли они и, явно иронически, смотрели на все это, с презрением к герою Шпаку, может быть, их однополчанину славного 1-го Кубанского полка и одностаничнику.

Член Кубанского правительства Алексей Иванович Кулабухов

На утро следующего дня был первый товарно-пассажирский поезд на Ставрополь. И час-другой, на площадке вагона 3-го класса, по родной степи уже в весенней зелени — дали мне спокойствие и приятное ощущение полной свободы, что здесь за мной уж никто не следит. А степь!.. Она, родная, была все так же хороша, словно ничего не случилось — ни на Руси, ни в родном Кубанском Войске.

В Ставрополе, с вокзала, иду на Станичную улицу, по адресу А.И. Кулабухова. Это окраина города, бывшая станица хоперских казаков, переселенных вглубь Кавказа, к истокам Кубани. Всех улиц этого названия — четыре. Легко нашел дом. На мой звонок в парадной двери вышла очень приятная молодая женщина, одетая скромно, в полугородском костюме, но в ней легко было узнать нашу казачку.

—Здесь живет Алексей Иванович Кулабухов? — спросил я ее.

Женщина замялась, тогда я добавил: “Я прибыл из Ново-Покровки, от Володи”. И этих слов, действительно, оказалось достаточно. Ее лицо сразу же преобразилось в приятную улыбку, в ласковость и доверие, и она немедленно же впустила меня в гостиную.

— Я сейчас... — сказала она и скрылась.

Долго никто не показывался. Потом тихо, почти неслышно, отворилась дверь, и в гостиную вошел высокий сухой стройный брюнет лет 35. Бледное лицо имело правильные черты и грустные умные глаза. При его появлении я встал, повернувшись к нему.

— Я Алексей Иванович Кулабухов... с кем имею честь говорить? — тихо, грустно, но ласково произнес он и подал мне руку для пожатия.

Мой короткий рассказ о себе — какой станицы, в каком офицерском чине, что я сослуживец Володи в своем родном территориальном 1-м Кавказском полку, о нашем неудачном восстании, — полностью удовлетворил его. Он отлично все понял, как и надо было понять своему брату-казаку и почти соседу по станице. Выслушав все это, он тихо, устало опустил в кресло.

Окончив рассказ о своей “одиссее”, я сразу же спросил об армии генерала Корнилова — где она и что с ней?

— Я здесь скрываюсь от красных. Я не выхожу из дома. За моим арестом последует немедленно расстрел. Я ведь член Кубанского краевого правительства. Я строго запретил жене говорить кому бы то ни было обо мне. Ваше счастье, что Вы назвали имя Володи, моего двоюродного брата. Жена не выдержала. Это слово ее подкупило. Вы так вежливо и доверчиво ей об этом сказали, что она... она и призналась обо мне. Я ее поругал за это и, вот, вышел к вам с полной доверчивостью, как к своему кубанскому казаку и офицеру, к тому же однополчанину и другу нашего Володи, которого мы все очень любим и ценим.

Проговорил он все это тихо и без остановки. И продолжил:

— Так вот — армия ушла в Донские степи на переформирование. Там и наш Кубанский войсковой атаман полковник Филимонов, все краевое правительство и Рада. Там и наши кубанские войсковые части. Армия небольшая, но хорошо дисциплинированная. Есть надежда и прочее, — подчеркнул он мне не торопясь — дельно, внятно, доверительно.

Говоря это, он ни разу не назвал имя генерала Корнилова — кем именно в моем понятии держалась армия, и чье имя звало к себе всех патриотов и чьим именем пугают красные своих, почему и спросил, — а генерал Корнилов?

Алексей Иванович на минутку остановился, посмотрел вниз на свои ботинки и потом тихо, как-то особенно грустно, произнес:

— Генерал Корнилов сейчас не руководит армией. Он тяжело ранен. Всем руководит генерал Алексеев.

Эта новость меня удивила и поразила. Я очень пожалел генерала Корнилова и понял, что бои были сильные, если ранен сам Командующий армией. На мои новые вопросы об армии он дополнил: “В армии только четыре орудия. Патронов мало. Приходилось сражаться в невыгодных условиях, почему и были большие потери”.

— Как Вы попали сюда, Алексей Иванович? — сверлю я его вопросами, желая все знать об армии генерала Корнилова.

— Три сотни кубанских казаков были посланы в станицу Ново-Александровскую. Для успешной мобилизации казаков этой станицы был послан и я как член правительства. Наш налет был сделан ночью и удачно. Я расположился у своего друга, но красные в эту

же ночь перешли в контрнаступление и выбили наш отряд. Я был отрезан от него и не мог соединиться. Скрывшись у друга, потом пробрался в Ставрополь. В городе быть более безопасно, чем в станице. Затем дал знать о себе жене, и она прибыла ко мне.

Весь его рассказ, такой спокойный и дельный, меня оздоровил. Я почувствовал, что не я один нахожусь в несчастье. Что армия генерала Корнилова жива, значит, надо терпеть, ждать и стремиться быть в ней.

Приютить он меня не мог, что было понятно и без слов. Просил меня быть осторожным и его имени не упоминать нигде и никому, что также было понятно. На меня А.И. Кулабухов произвел глубокое впечатление. Он был, безусловно, большой казак и российский патриот, глубоко переживавший смуту в Отечестве. Весь его внешний облик — высокого, стройного и красивого брюнета с правильными чертами лица, удрученного трагическими событиями, одетого во все черное (брюки навывпуск и черная куртка со стоячим воротником, застегнутая на все крючки), — был абсолютно лишен какого бы то ни было стремления к светской жизни для личного удовольствия. Во всем его существо были резко выражены глубокая грусть, траур на душе. На лице не было и признака следов радости или улыбки. И это лицо, казалось мне, не умеет улыбаться, думая лишь о том, — как бы сделать людям добро, не заботясь о себе.

“Черный Рыцарь”, или “Монашествующий Рыцарь” — кстати было бы имя ему. Своими правильными чертами лица и высокой стройной фигурой — он похож был на благородного замкнутого черкеса. Я его видел тогда в первый и последний раз.

В конце лета того же года, по делам службы от Шкуро, проезжая станицу Новопокровскую, я остановился у подьесаула Володи Кулабухова. Он только что женился на Мариинской институтке, дочери генерала Абашкина*, будущего атамана Баталпашинского отдела. После всего пережитого теперь мы оба в черкесах и погонах с четырьмя звездочками подьесаулов, свободные на своей кубанской войсковой земле — встреча была исключительно душевная. Тогда я уже знал о гибели генерала Корнилова, почему и спросил своего друга, — отчего скрыл тогда Алексей Иванович от меня смерть Командующего Добровольческой армии? И вот что я услышал от него, — что именно просил он, член краевого правительства, священник А.И. Кулабухов передать мне, если его двоюродный брат, подьесаул В.Н. Кулабухов, встретит меня:

“Имя генерала Корнилова было так высоко в сердцах всех российских патриотов. Только этим именем держалась Добровольческая армия. Только это одно ИМЯ звало всех в ее ряды, куда шли, не рассуждая, слепо веря в этого героического человека и большого русского патриота. После его смерти в бою армия переживала почти полную гибель. Но мы верили, — надо было только передохнуть. Но сказать тогда, что генерал Корнилов УБИТ, означало — вырвать веру из сердец многих. Вот потому-то я и скрыл от подьесаула Елисеева смерть вождя в те жуткие дни”, — закончил он.

Без упрека, с дружеской улыбкой, Володя добавил мне: “А вы моего трехлетка-рысака “загнали”, проделав 80 верст без отдыха... да обратно столько же верст на второй день... Но, Федя, я рад, что помог тебе в грозный час”.

Этими словами А.И. Кулабухов, как член Кубанского краевого правительства, выразил свои высокие благородные чувства отечественного патриота, а его двоюродный брат, подьесаул, подчеркнул делом — верность дружбы.

Обе семьи Кулабуховых были зажиточными казаками своей станицы. Отцы их принадлежали к тем казачьим семьям, которые нашли нужным дать образование своим детям. В те дни А.И. Кулабухов был в Екатеринодаре, в правительстве, а его жена, с двумя дочурками, воспитанницами Мариинского института в Екатеринодаре, жила в станице. Я считал своим долгом навестить ее и поблагодарить за прием в Ставрополе. Володя Кулабухов оповестил об этом многочисленных родственников обоих семейств Кулабуховых. Во всех них я увидел столько любви, нежности и уважения друг к другу, что просто было больше, чем приятно, находиться в их обществе. И эта любовь, как и внимание, переносились и на меня. Это были образцовые казачьи семьи в станице Новопокровской, которых все любили и уважали, как и гордились ими. И нужно познать их жуткое горе, когда в ноябре 1919г. Алексей Иванович Кулабухов погиб мученической смертью, именно за Казачье Дело.

Офицерское восстание в Ставрополе. Матросы. Красный террор

На Варваринской площади, в собственном домике, жили наши троюродные сестры. В 1913 г., молодым хорунжим, я гостил у них несколько дней. Это единственное семейство, к которому я мог обратиться за помощью. Приняли они по-родственному, но скоро мне пришлось бежать от них ночью, так как меня кто-то обнаружил и ломился в дверь для ареста.

Пришлось менять и еще два пристанища. Одиночество и неведение “завтрашнего дня” томили меня смертельно. Прошел слух, что с юга, с Кубани, на Ставрополь — идет с большим отрядом полковник, партизан Шкуро (ударение на “а”). Красная печать подняла тревогу. Это совпало с доставкой в Ставрополь трупа красного командира-матроса, погибшего в бою “с кадетами” на севере губернии. Население насторожилось, узнав, что где — т. е. “фронт”, значит, где-то идет борьба, следовательно, — можно ждать освобождения города от красной власти. С появлением же недалеко от города отряда Шкуро — красная власть выпустила к населению воззвание такого содержания: “Товарищи-граждане! Не поддавайтесь на удочку! Если в город войдет Шкура, — то он снимет с вас последнюю шкуру”.

Население затаенно ждало именно отряд Шкуры, так как об армии генерала Корнилова и о его смерти абсолютно ничего не знало и не слышало. В таком неведении находился и я лично. Имя Шкуро зажгло луч надежды...

В одно раннее утро население услышало пальбу в городе. По улицам носились красные броневики и конные матросы. Под страхом расстрела “на месте” всем запрещено было выходить на улицы. После полудня — все затихло. А к вечеру население узнало, что ввиду подхода к городу отряда Шкуры было офицерское восстание, которое подавлено. Как и во многих восстаниях против красных — вначале был успех. Один отряд офицеров занял даже красноармейские казармы, но другой отряд куда-то своевременно не прибыл... кто-то струсил и не выполнил своей задачи и... все погибло. Офицеров ловили и расстреливали на месте. Красный террор разрастался. Отряд Шкуро, по слухам, прошел восточнее города, верстах в десяти, и скрылся где-то на севере губернии. И сколько было у него войск, — никто ничего толком не знал. Некоторые говорили, что “отряд Шкуры” — это миф, выдумка красных, чтобы возбудить в населении надежду, толкнуть офицеров на восстание, чтобы легально произвести расстрелы, узаконить террор.

И они добились своего: жизнь в городе замерла. Теперь в нем полностью властвовали матросы. В своих белых летних костюмах, с револьверами, заткнутыми спереди, открыто за пояс — они были страшны. На реквизированных казачьих строевых лошадях, на которых храбрые кубанские полки прошли почти всю гористую Турцию и Персию в войне 1914-1917 гг., которых поили в далеких и неведомых турецких реках Араксе, Евфрате, Карасу, библейском Тигре, а в Персии и в далекой месопотамской Диале... На тех лошадях, на которых кубанские казаки верой и правдой служили своему великому Отечеству и на которых только что вернулись к себе на Кубань, на заслуженный отдых — на них теперь скачут матросы.

На пылких, нервных и благородных кабардинских скакунах эти здоровые матросы-увальни, на высоких казачьих седлах, словно гориллы на заборе — они жестоко, глупо и по-дурацки скакали по каменным мостовым города. Резко дергая поводьями, рвали губы этим гордым коням, терроризируя их своим полным и отвратительным непониманием того, что они хотят от этого благородного существа, коим считалась “кабардинская порода” лошадей.

Я возненавидел матросов. Ах, если бы была хоть одна сотня казаков первоочередного полка мирного времени с дисциплиной слепого повиновения своим офицерам то с нею неожиданно наскочить бы на город... его ведь можно сразу же пройти и очистить ото всей этой “революционной пены”, — думал я, глядя на этих матросов зло и ненавистно.

Уже настал июль. Красный террор как будто бы уменьшался, но просвета к освобождению не было видно. Главное — не было абсолютно никакой связи с окружающим миром. Красные газеты писали только о своих делах, о каких-то передрягах в какой-то Черноморско-Кубанской советской республике и Северо-Кавказском районе, о своих вождях Автономове*, Сорокине и Полуяне, об их разногласиях. Освобождение города от красных пришло неожиданно.

Появление белых

7 июля в Ставрополе с утра было заметно какое-то нервное движение в красных войсках. Из казарм выходили красноармейцы, спешно грузили на подводы вещи и двигались к югу. Обыватель, давно поставленный в полное неведение всех распоряжений красной власти, видел и здесь непонятное ему передвижение войск. Думали, что они идут на фронт. Но — на какой? Где этот фронт? Да и есть ли он вообще?

Никто этого не знал, и меньше всего знали, что фронт находился тогда лишь в одном переходе от города. Красноармейцы шли быстро, слегка озабоченно, но не в панике. Думаю, что они также ничего не знали о событиях на фронте.

К вечеру того же дня 7 июля город будто бы очистился от красного гарнизона. На улицах были заметны усиленные отряды милиции из городских жителей. Некоторые из них как будто с офицерской выправкой. В городе стояла та тишина, которая бывает перед грозой или после нее. Часов в пять вечера, находясь около здания духовной семинарии, вдруг услышал, что — “в город вошли белые”.

Сорвавшись с места, побежал на Воронцовский проспект. Там, у гостиницы, возле городского театра, стоял грузовик-автомобиль с пулеметами “для боя” и с номерами к ним в офицерских, настоящих офицерских погонах. Все угловые улицы были полностью

забиты жителями города, но еще не ликующими. Народ, словно боялся верить тому, что видят их глаза. “Уж не трюк ли новый от красных?” — думали все. Но поведение офицеров при пулеметах уже не вызывало сомнений, что это “настоящие белые”.

Из гостиницы вышел небольшого роста генерал, не старый собою, одетый по-походному. Тут же в толпе появились “летучки” (печатные воззвания) за подписью — “вр. губернатора Ставропольской губернии генерал Уваров”. Появившийся генерал и был Уваровым. От чувства радости “освобождения” — толпа разразилась криками “ура”. Я словно оцепенел. Я не знал, что же мне дальше делать. Думаю, этого не знала и вся толпа людей, находившаяся здесь. Они стояли и смотрели на прибывших белых офицеров, что-то говорили между собой, многие плакали.

Я почувствовал необходимое стремление “двигаться”, что-то делать, помогать кому-то, но никак не стоять на месте. Мне захотелось говорить, выразить свою радость, захотелось “жить”, но... никого знакомых вокруг меня не было в чужом городе. Я был один в многотысячной толпе.

Пробежав вниз по Николаевской улице, там я обнаружил все затопленное народом: тротуары, кофейни, всю улицу, по которой не только что трудно было проехать, но трудно было и пройти. Там, за плачущими лицами, я видел и восторженные. Видел лица с огнем злобы и мести. Народ очень шумно выражал свои чувства. Среди толпы появлялись редкие офицеры в погонах, только что вступившие в город. При появлении их — толпа бурно приветствовала военных. Офицеры же, молодецки козырнув, — ласково улыбались всем.

Совершилось что-то совсем непонятное, и совершилось так неожиданно и без борьбы, даже и без единого выстрела, и так быстро, что думалось: уж не сон ли это?

Я протиснулся в кофейню. Группа людей моего возраста стояла у столика и жадно глотала кофе. Их лица измучены. Костюмы потертые. По их разговору и их виду, я заключаю, что все они местные офицеры и только что вышедшие из своих убежищ, где они прятались после неудачного восстания. На худых и изможденных лицах мне так были понятны их ярко возбужденные глаза, горящие огнем негодования к насильникам и нескрываемою радостью совершившегося. Один из них, особенно изможденный, заказывает еще одну чашку кофе.

— На последние, — говорит он. — Теперь можно это позволить... времена переменялись...

Ровно до полуночи толпился народ на улицах и не хотел расходиться. Но войск, белых войск, мы все еще не видели. И я уже боялся, как бы красные не сделали западню. Но радость настолько была велика, что страшно было думать, что красные могут вернуться.

Вход в город партизан Шкуро

С утра я уже был на Николаевской улице. В этот день жители не только что убедились в реальности занятия белыми войсками Ставрополя, но и наблюдали вход их в город. Я был счастлив вдвойне наблюдать это потому, что в город входили родные кубанские казаки, партизаны полковника Шкуро, которых мы так ждали три недели тому назад.

Входила целая дивизия хоперских и лабинских казаков. В колонне “по три” — тихо, немного устало, поднимались они по Николаевской улице вверх от вокзала. Кто же они были, эти казаки, восставшие “против трудового народа”?

В потрепанных черкесках и гимнастерках, в одних бешметах, на некоторых темно-бурые войлочные осетинские шляпы. На папахах у всех были белого цвета полосы, сверху вниз, чуть наискосок, как отличительный знак того, что они принадлежат к войскам “Белого Стана”.

Казаки были разных возрастов. Подростков среди них было очень мало, но зато много казаков было пожилого возраста. Все были самые настоящие казаки-землеробы — обветренные, загорелые в походе и в тоске по своим станицам и семьям, оставленным в руках красных. У всех были усталые, исхудалые лошади. И трудно было отличить, где господа офицеры, урядники и рядовые казаки. Это был воистину “восставший Стан Казачий, где всяк всякому был брат”. Все были без погон.

Вооружены были, чем и как попало. У многих карабины и обрезы. Они их держали (носили) погонным ремнем на передней луке, дулом вниз и под левое колено. Это чисто “по-горски”. Некоторые держали их погонным ремнем на правом плече, даже под рукой, чтобы при встрече с врагом сразу же схватить его на карьере свободной правой рукой, не выпуская повод из левой, и дать своевременный выстрел по противнику. Некоторые были вооружены берданками и даже охотничьими ружьями. У многих были строевые переметные и ковровые сумы. У некоторых были бурки в тороках.

Казаки этих двух полковых округов — Хоперского и Лабинского, раскинутые своими станицами между черкесскими аулами, невольно переняли некоторые навыки своих кунаков. Своим видом, легкой посадкой в седле, станичным костюмом без соблюдения каких-либо форм и цветов — они представляли собой подлинное “иррегулярное войско”, поднявшее знамя восстания всем миром против красной власти. За сотнями следовал обоз — две-три полупустые мажары с хлебом, зерном и больными казаками. Кучерами были седые бородатые отцы. К “дробинам” мажар привязаны оседланные кони больных казаков. “Тыла” у них не было!

За одной мажарой шел верхом очень молоденький офицер, красивый собой. Он был также в потрепанной, но хорошей “дачки” черкеске, с шашкой “с клипами”, богато отделанной серебром. Под ним был подморенный, но дивный конь светло-золотистой масти. Из-под черкески было видно дорогое седло. Офицер был очень бледен и, явно, болен. Ему словно было совестно, что он не в строю, как и знал, что на него смотрит многочисленная толпа, почему он скромно сидел в седле и смотрел только вперед, на голову своего коня.

С последними рядами казаков я двинулся вверх, на базарную площадь. Там были выстроены все полки. Толпа людей окружила строй казаков и угощала их всем, чем могла. На удивление — казаки были очень скромны и малоразговорчивы. С удовольствием принимали только папиросы. Перед их строем стояли командиры, которые своим “замызганным” в походе видом и одеждой совершенно не отличались от массы своих подчиненных.

Перед спешенными казаками дает какое-то распоряжение особенно характерный по своему внешнему виду начальник: на нем длинная серая черкеска, полы у которой, словно оборваны собакой; карабин, надетый погонным ремнем на правое плечо и ложей под мышкой, дулом вниз; на ногах черные суконные ноговицы, блестящие своей потертостью временем и путлищами для стремян, и чевяки-постолы без подошв сырой невыделанной

кожи, сшитых примитивно фаданом (ушивальником) “через край”, с одной лишь целью — чтобы охватить ступню; на голове у него ширококрылая темно-бурая войлочная карачаевская шляпа табунщика. “Абрек... настоящий абрек”, — думаю я, смотря на эту оригинальную, импозантную и очень стройную фигуру молодецкого партизана.

— Кто это? — спрашиваю ближайшего в строю казака.

— Да, сотник Брянцев... наш командир полка, — запросто отвечает он.

В стане белых войск. Мое представление полковнику Шкуро

В этот же день был приказ по гарнизону: всем господам офицерам зарегистрироваться завтра же. Нас явилась не одна сотня. Все откликнулись с порывом. Закончив, иду в казачий штаб, к своим. Он помещался в том же отеле, только на втором этаже.

— Фед-дя! — слышу радостное восклицание, поднявшись в коридор, и мигом попадаю в объятия однокурсника по военному училищу есаула Саши Мельникова.

— А мы получили сведения, что ты расстрелян после восстания, — пылко говорит он и тут же тянет за рукав, чтобы немедленно же представить меня атаману Шкуро.

По совпадению, Шкуро выходил из своего номера. Мельников отчетливо аттестует меня со всех положительных сторон. Шкуро приятно улыбается, без всякого начальнического “фасона” подает мне руку и быстро, весело говорит:

— Ну, конечно, Вы к нам, к нам...

Я так же радостно улыбаюсь, даю немедленно же свое согласие поступить в строевые ряды войск атамана Шкуро, и он куда-то спешно уходит.

В 1910 г. Шкура был хорунжим 1-го Екатеринодарского кошевого атамана Чепеги полка, а я — вольноопределяющимся того же полка. Мы были в разных сотнях. Его я видел несколько раз, и меня он мог и не знать. Офицеры и казаки полка называли его “хорунжий Андрей Шкура”, с ударением на “а”. Он тогда был немного оригинальный в своей жизни, его любили за молодецкие веселья, в которых он никогда не забывал своих братьев казаков. Я не видел его ровно 8 лет, но сразу же узнал, так мало он изменился.

Шкуро куда-то уехал, и мы остались вдвоем с есаулом Мельниковым. Сашу я не видел 4 года. Он сын директора гимназии, который недавно был расстрелян красными. Мельников — коренной хоперец, песенник, музыкант, широкий по натуре. Гибель отца очень озлобила его против красных. У Шкуро он самый близкий и доверенный офицер, которого тот брал с собой в Тихорецкую, с докладом к Кубанскому краевому правительству. И Саша говорит мне:

— Мы Андрея Григорьевича называем атаманом, потому что у нас казаки хоперцы, лабинцы и две сотни терских казаков. Он как бы Кубанско-Терский атаман.

На мое удивление “такому званию” — мой друг с улыбкой ответил:

— Это Андрею Григорьевичу очень нравится, — и продолжил, что ему Шкуро предложил сформировать “партизанский отряд”. — Прошу тебя, Федя, на должность командира сотни, — закончил он. Я дал согласие.

В тот же день в Ставрополь вошел 1-й Черноморский полк под командованием полковника Малышенко и поступил в подчинение Ставропольского губернатора для наведения внутреннего порядка. Началось спешное формирование частей. Из ближайших станиц немедленно же стали прибывать казаки. На базарной площади масса казачьих подвод, конных и пеших казаков: формировался 1-й Кубанский полк. В новом командире, войсковом старшине Фостикове*, я узнал адъютанта 1-го Лабинского полка по Турецкому фронту 1914-1915 гг., когда он был в чине сотника.

Фостиков в короткой бурке поверх гимнастерки, на которой красуется орден Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом. Узнав меня, он козыряет дружески и, по обер-офицерски, дружески жмет мою руку, приглашая в свой полк на должность командира сотни. Я благодарю его, улыбаюсь и отвечаю, что уже состою в отряде Шкуро.

— Очень жаль, — бросает он. — Так мало теперь кадровых офицеров, — добавляет.

Разговорились о многом, как старые соратники.. Оказалось, что он так же, как и я, скрывался в Ставрополе.

Я в полуштатском костюме. За три месяца после нашего восстания, скрываясь от красных, я переменял много мест и квартир. Все мое имущество было на мне. О расстреле отца я узнал только спустя два месяца, как и наша семья узнала, что я жив, также после двух месяцев моего отсутствия в родной станице. Горе в семье (до этого) было неопишное. Я хотел повидать могилу отца, поклониться ей, как и должен был повидать и успокоить пять несчастных женщин — 70-летнюю старушку-бабушку, 50-летнюю мать, теперь вдову, и трех сестреночек-гимназисток, старшей из которых, Надюше, было 15 лет. К тому же, мне нужно было одеться в военную форму, привести себя в военно-походный вид. Шкуро меня понял и дал три дня отпуска. Я выехал в свою станицу.

ТЕТРАДЬ ВТОРАЯ

В своей станице

Дома одна бабушка. Ей 70 лет. Жуткая доля “удовицы”... Ее муж, наш дед, после победоносной русско-турецкой войны 1877-1878 гг., с 1-м Кавказским полком был размещен в Абхазии. 16 лет царской действительной службы — и никакого отпуска “на родину”. С подружками, верхом на лошадях в седлах, “через Пашинку и Кавказские горы”, как рассказывала бабушка нам, маленьким своим внукам, — они ездили в Абхазию повидаться с мужьями. Ездили два раза. “Пашинка”, так называлась и при нас станица Баталпашинская. И когда дед вернулся домой 35-летним казаком “на льготу”, — в тот же год он был убит разбойниками в степи.

Нашему отцу было тогда 16 лет. Он был единственный у родителей. В то время пожаром было уничтожено полстаницы. В огне погибло и все наше хозяйство. После этого и началась жизнь “молодой удовицы”, нашей бабушки, полная горя, труда и слез. Натерпевшись жизненных невзгод, она настояла “учить детей”, т. е. своих внуков. За них-

то, “ученых”, и был расстрелян наш 50-летний отец три месяца тому назад, так же в степи, но новыми разбойниками, большевиками. Теперь в доме нет никого из мужчин-работников по казачьему хозяйству.

Старший мой брат, хорунжий — начальник местного гарнизона по постановлению станичного сбора. Младший брат Жорж, также хорунжий — по занятии станицы частями Добровольческой армии, как и все станичные офицеры, был мобилизован и зачислен в Алексеевский пехотный полк рядовым бойцом. Полк вел упорные бои на подступах к станице Тифлисской. Большевики занимали весь левый берег Кубани и своим артиллерийским огнем разрушали станицу, унося казачьи жизни, не считаясь ни с полом, ни с возрастом.

Мать, теперь тоже “удовица”, в степи убирает хлеб. Отец засеял 28 десятин (три с половиной пая казачьего надела) и их надо убрать. Какая-то добрая душа косилкой, бесплатно, скосила “загон” пшеницы, и теперь она, с тремя дочурками-подростками, вяжет пшеницу в снопы.

Вот почему, увидев меня, так неожиданно прибывшего после трехмесячного отсутствия, да еще в неведомом для казачьего глаза странном костюме, — бабушка горько-горько, без слез, заплакала. Слез у нее давно нет. За 35 лет своего вдовства, она, маленькая ростом, иссохла в труде и заботах о семье и по хозяйству и — выплакала полностью все свои слезоньки.

Послеобеденное время. Со старшим братом, “охлюпью” на строевых конях, в простых станичных рубахах, выехали в степь на свой участок. Мать, увидев нас издали, остановилась, оперлась на грабли и... заголосила — тяжело, гулко, с завыванием волчицы-матери, потерявшей своих детенышей. Было так тяжело и страшно от этого, неслыханного мной еще никогда, какого-то грудного и надорванного голоса-плача матери. Она вся тряслась от плача и будто бы не заметила, когда мы подъехали к ней.

Соскочив быстро с коня и держа его в поводу, я молча обнял ее, нашу дорогую и добрую мать... а она, бедняжка, крупная женщина, всегда такая добрая ко всем людям, она, не говоря ни слова, всем своим телом повисла у меня на груди и горячими слезами залила всю мою рубаху, нежно приговаривая: “Сыночек мой... сыночек Федюш-ка...” На моей сыновней груди она выплакивала и своего погибшего мужа, и радость встречи с сыном. Я всегда знал, что в горе надо выплакаться. Всплакнул и я. Брат стоял рядом, и лицо его передернулось прыгающими гримасами.

Мать выплакалась и утихла. Вытерла концом платка слезы и, подняв голову, глубоко-глубоко посмотрела мне в глаза, видимо, чтобы рассмотреть хорошенько. Потом взяла обеими руками мою голову и стала целовать все лицо горячо, пылко, со страстью материнской любви. И потом уже тихо, спокойно спросила: “Ну, как ты, мой сыночек, там жил?..”

Бедные матери!.. Надо только понять все их горе!

Вновь в Ставрополе

В первые дни занятия Ставрополя боев за городом совершенно не было. Красные отошли на юг, к селу Татарка, бывшей станице Ставропольского казачьего полка времен Кавказской войны, и словно канули в неизвестность.

Город преобразился, стал ежедневно праздничным и жил буквально “на улице”. С утра и до поздней ночи люди толпились у гостиницы, где помещался штаб губернатора, и у штаба Шкуро, на верхнем базаре. Там, на площади, формировались новые части. Много было добровольцев из учащейся молодежи. Она, оскорбленная в своих чувствах перед Родиной, горела стремлением к мести.

К штабу Шкуро прибыли добровольцы-крестьяне Московского и Донского сел, что под самым Ставрополем. Все они были солдаты действительной службы Великой войны 1914-1917 годов на Кавказском фронте. Одеты они были в защитные гимнастерки и штаны. На головах фуражки. Все были без погон, но на фуражках красовались белые ленточки. Их было человек 250. Эту роту молодцов выстроил местный поручик, видимо, их же полка. Сам он в полуштатском костюме, в белой летней городской рубашке, на которой были навесные погоны. Отойдя далеко от фронта на его середину, он сам встал в положение “смирно” и, после некоторой паузы, громко, отчетливо скомандовал, словно рисуясь перед толпой:

— Рот-та!.. Равняйсь!.. Смир-р-но! Ружья на-а пле-чо!

И эти солдаты, может быть, некоторые из них даже мелкие вчерашние большевики, но — получившие воспитание в императорской армии — они, словно соскучившись “по порядку”, так молодецки проделали ружейные приемы, что называется “с хрястом”, что многосотенная толпа людей, преимущественно женщин, дружно зааплодировала им.

Вот тут-то нужно было учесть настроение солдатской массы, психологию души русского мужика-земледелец. Они так горели желанием загнать большевиков в самые “тартарары”, что любо было на них смотреть. Но через несколько дней пыл их остыл из-за придирчивой дисциплины, приказа надеть погоны и влиться в “какой-то офицерский полк”. И они разошлись по своим домам...

Во дворе штаба Шкуро, в здании гимназии, всегда стояли оседланные кони его конвоя. Казаки по вечерам пели песни и танцевали лезгинку. Здесь всегда пребывал народ и влюбленно и благодарно смотрел на казаков, на своих избавителей. Появление Шкуро всегда вызывало бурные овации. Но ни он лично, ни его казаки не воспринимали это как что-то особенно заслуженное. И Шкуро, и его казаков редко можно было встретить в городе. Это еще более интриговало жителей и создавало глубокое уважение к ним.

В один вечер, когда его ординарцы пели песни, к ним вышел Шкуро. Казаки быстро прекратили пение, урядник скомандовал “смирно”. Шкуро скромно поздоровался и вошел в круг. Песни продолжались. Пел и Шкуро. Потом казаки “запели лезгинку”. И на удивление всех посторонних зрителей — Шкуро пустился в танец. Фурор был исключительный. Так рождались “имя и слава Шкуро”.

Неожиданно красные перешли в наступление на Ставрополь. Их снаряды разрывались над городом, который уже привык к мирной жизни. Город вздрогнул. Шкуро и здесь нашелся. Он выслал сотню есаула Зеленского от 1-го Черноморского полка, которой приказано с песнями пройти по главным улицам города, чтобы показать жителям, что — “на фронте все спокойно”.

И действительно — жители, очарованные дивным пением черноморских казаков, в своих песнях, не сравненных ни с кем, — с радостью смотрели на них под разрывы шрапнелей красных. Сам же Шкуро немедленно поскакал на фронт у окраин города и приказал

передать голосом по боевым цепям, что — “среди них Шкуро”. Атака была быстро отбита.

В госпитале много раненых после этого боя: местных студентов, гимназистов и другой учащейся молодежи, только вчера штатских, а теперь вот израненных. Возле них, со слезами на глазах, но теперь радостных — сидят матери, сестры, невесты. Много местных сестер милосердия. Велики идея и дело Освобождения! Молодежь добровольно одела на себя терновый венец ради освобождения России.

Подъесаул Солоцкий. Еще о Шкуро

Отряд Шкуро переименован во 2-ю Кубанскую казачью дивизию. Командиром Лабинской бригады числился подъесаул Солоцкий, совершивший поход со Шкуро. Я познакомился с этим очень интересным кубанским казаком.

Он очень стильный казак-линеец, в темно-серой “дачковой” черкеске, с хорошим, скромным по отделке серебром “под горца” холодным оружием. С густой черной бородой, подстриженной по-черкесски, но с молодым лицом и живыми умными карими глазами. По внешнему виду — очень солиден. Издали, — словно генерал, хотя ему, может быть, чуть свыше 30 лет. Под ним дивный, светло-гнедой масти, с черным хвостом и гривой, живой как ртуть кабардинец. И седок, и лошадь — украшают один другого. Солоцкий очень находчив в разговоре. К большевикам питает психологическую ненависть и такую, какую питает земледелец к разным сорным травам, проросшим в его пшенице. “Этот бурьян надо вырвать с корнем, чтобы пшеница была чистой”, — говорит он.

Выразив нам приблизительно такую мысль и бросив на нас быстрый свой орлиный взгляд, — он молодецки сел в седло, привычно, правой рукой с плетью быстро подобрал под себя полы черкески. Его кабардинец немедленно же “заегозил” под ним, прося повода. Солоцкий — в желтых замшевых перчатках, но “по-горски” — с изящной плетью в руке, служащей ему только для украшения. У него в крови, безусловно, есть много черкесского. Козырнув нам со сложенной плетью в руке, широкой рысью своего горячего коня двинулся к бригаде родных лабинцев. Он точно знал, что он хочет. Не могло быть сомнения, что это рождался видный герой Кубани.

Через несколько дней, у горы Недреманной, что южнее Ставрополя, разрывом шрапнели красных — он был убит наповал... Кисмет (судьба)...

Неожиданно и на удивление всем Шкуро сдал свою дивизию полковнику Улагаю* и остался не у дел. Уже был занят Екатеринодар, и он выехал туда. Вернулся скоро. После смещения — жители Ставрополя впервые видят его на Воронцовском проспекте совершенно одного, как бы прогуливающегося. У него явно грустное лицо и понятно — почему.

Вот как описывает генерал Деникин в своем труде “Очерки Русской смуты” — почему был устранен от своей дивизии полковник Шкуро: “В Тихорецкую, куда приехал Шкуро представиться и заявить о своем подчинении, — я первый раз увидел этого офицера, которого Кубань долго считала своим национальным героем. Тогда только начиналась еще восходящая линия его карьеры и слагались первые легенды...”

Молодой, нервный, веселый, беспечный, подкупающий своей удачью и бесшабашностью — словом — тип настоящего партизана. Отряд его имел состав приблизительно четырех

полков, потому я обещал Шкуро — после реорганизации и снабжения его артиллерией и технической частью — развернуть отряд в дивизию, сохранив за ним командование. Но прошло несколько дней, и из Ставрополя стали поступать тревожные сведения.

Отряд Шкуро, отличный для набегов, был мало пригоден для длительного боя на подступах к Ставрополю. Партизаны кутили, больше всех сам Шкуро, не раз обижали население, поделили склады. “Старики” кубанцы ворчали: “не для того они шли в отряд, чтобы защищать буржуев”...

Кубанский атаман (полковник Филимонов) отнесся так же с сомнением к отряду. В результате — в Ставрополь был командирован вернувшийся после излечения ран, полученных в “Первом походе”, достойнейший полковник Улагай и принял дивизию, получившую потом наименование 2-й Кубанской. Шкуро, хотя и с некоторой обидой, согласился стать в ней бригадным командиром. Через некоторое время, по выделению наиболее беспокойных казаков Баталпа-шинского отдела в Кубанскую партизанскую отдельную бригаду — Шкуро получил с ней самостоятельную задачу — действовать на фланге Добровольческой армии и поднять Закубанские отделы” (т. 3, стр. 188, 189).

Сам Шкуро молчал, но среди его ближайших офицеров и в городе ходили упорные слухи, что, будучи в клубе на одном городском ужине, он сказал речь, что он борется за 8-часовой рабочий день и за Учредительное Собрание. Это не понравилось Командующему Добровольческой армией генералу Деникину, и Шкуро был отрешен от своего отряда.

В том же томе своего труда и на тех же страницах генерал Деникин как бы противоречит своим доводам и о самом полковнике Шкуро, и о его отряде:

“Ставрополь ликовал недолго. На третий день после освобождения опомнившиеся от испуга большевистские отряды повели наступление на город с трех сторон, подойдя к его предместью. Казаки Шкуро и вновь сформированный из ставропольских офицеров 3-й Офицерский полк, с трудом отбили наступление. 12 июля положение было грозное и требовало переброски туда с главного, Екатеринодарского, направления полка с батареей и броневиками. Но Шкуро удалось отбросить большевиков за Кубань...”

В районе Ставрополя наступило затишье, которое было нарушено 18 июля, когда с юга и востока на город вновь повели наступление красногвардейцы, силами до 10 тысяч, при 6 орудиях. И на этот раз, партизаны, подкрепленные частями генерала Боровского (Улагаевский пластунский батальон из состава 2-й пехотной дивизии принимал главное участие), после 10-дневных боев — разбили противника, преследуя его в обоих направлениях верст на 40” (т. 3, стр. 188, 189).

Это второе повествование генерала Деникина как будто исключает первое.

Последняя встреча со Шкуро

Алексеевский партизанский пехотный полк, в который был мобилизован наш меньший брат Георгий, хорунжий, с Екатеринодарского направления был переброшен в Ставрополь. Завтра он выступит на юг, под Недреманную гору, которую нужно взять от красных.

Брат вернулся со 2-м Черноморским полком из Персии

7 марта 1918г. 19 марта вспыхнуло наше восстание, 24 марта оно было ликвидировано, и с тех пор я его не видел около пяти месяцев. Высокий, стройный, плечистый блондин с прямым профилем и правильными чертами лица — он был теперь настоящий мужчина-воин. Он возмужал. Возмужал в неприятностях, в горестях и кровавых боях своего нового полка. Он в “солдатском полку” уже командир взвода, хотя весь полк состоит из кубанских мобилизованных казаков, и только командный состав — добровольческий.

С ним несколько его новых друзей, офицеров, не казаков полка, с которыми мы вместе провели весь вечер в Ставропольском городском саду. Утром полк выступил на фронт.

Наш партизанский отряд есаула Мельникова формировался медленно. Причина: не было казаков. Из частей Шкуро казаков брать было нельзя, да их и не давали. Набирать же можно было только из станиц и — добровольцев. С урядником станицы Темнолесской, на чужом коне, скачем в его станицу “за добровольцами-казаками” в свой отряд. Перед станицей, возле села Татарка, встречаю быстро несущуюся тачанку с группой офицеров Алексеевского полка, друзей брата, раненых и спешивших в Ставрополь.

— Как брат? — спрашиваю их на ходу. Они замялись с ответом.

— Ранен тоже... — несмело отвечает кто-то из них.

— Тяжело?.. Нет?! — тревожно окликаю их, повернувшись в седле.

— Да так... сильнее нас... — кричит кто-то и — они переглянулись между собой.

— Тяжело?! — кричу им вслед.

— Да!.. Тяжело!.. И Жорж уже в Ставрополе! — кричит мне старший из них.

Брат тяжело ранен, но — служба прежде всего. В Темнолесской казаков нет. Все мобилизованы. Скачем дальше в станицу Екатерининскую. Дорогу пересекает болотистый ручеек. В нем застряла маленькая легковая машина. Казаки, спешившись, возятся с ней. На бережку, на чурбане, сидит полковник Шкуро. Он грустный. Соскочив с коня, я подошел к нему. Он будто рад, что есть возможность хоть кому-либо излить свою горечь, печаль, обиду.

При нем нет и одного офицера. Он торопится в Ставрополь, чтобы там и как можно скорее разрешить “свой вопрос”, который, по его словам, таков: “со своей партизанской бригадой, состоящей исключительно из казаков-хоперцев, — он прорвет фронт красных в районе Невинно-мысской, вторгнется в Баталпашинский отдел и там поднимет “на ноги” всех казаков, черкесов, осетин, карачаевцев и ближайшие станицы Пятигорского отдела Терского войска. Потом он будет действовать в тылу у красных, чем и облегчит боевые операции частей Добровольческой армии”.

Говорил он все это с жаром и с полной уверенностью в успехе. Слушая его, нельзя было не “заразиться” этим интересным и рискованным боевым делом.

— Плюньте на свой отряд, подьесаул, и идите ко мне! У меня так мало офицеров! Сразу даю Вам в командование сотню, а там — по способностям, — закончил он.

Есаул Мельников формировал партизанский отряд в две сотни казаков с разрешения Шкуро, как его ближайший и доверенный офицер, у которого я уже нахожусь в подчинении, хотя и чисто дружеском, о чем здесь же докладываю ему.

— Я Сашу уговорю отпустить Вас ко мне. Повторяю — у меня мало офицеров, а кадровых — совсем нет, — дружелюбно говорит он.

Я даю согласие, но, к слову, добавляю, что у меня нет собственного коня, так как обоих реквизировали красные. На мое удивление, Шкуро сразу же как-то сконфузился и грустно ответил:

— Мой отряд небольшой, денег нет; многие казаки так же без лошадей и в поход выступают на мажарах, как ездящая пехота...

В этом ответе Шкуро было много жути. Видимо, главное командование, т. е. генерал Деникин, не верило в успех прорыва фронта красных отрядом Шкуро. И, видимо, Шкуро, получив отказ и не субсидируемый деньгами и необходимым вооружением, как и конским составом, шел на личный риск, веря в своих казаков-партизан, совершивших с ним тяжелый поход, как и верил в те внутренние казачьи силы, которые были в зоне красных.

Строки генерала Деникина, приведенные выше, — только подтверждают мое предположение, что Шкуро шел на личный риск, риск прорыва красного фронта и, может быть, вопреки желанию главного командования. У Деникина не сказано, что Шкуро поручено “прорвать фронт красных и вторгнуться в Баталпашинский отдел”, т. е. — в тыл красным, а сказано — что “он получил самостоятельную задачу действовать на фланге Добровольческой армии и поднять Закубанские станицы”, видимо, когда общий фронт войдет за Кубань. А если его бригада будет действовать на фланге, наряду с общим фронтом, следовательно, никаких особенных денежных субсидий, хотя бы на укомплектование ее конским составом, — надобностей не вызывает.

И можно предполагать, что он, оскорбленный и неоцененный за свой, безусловно, смелый и рискованный поход от подножия Кавказских гор, через сплошной массив красных войск, в северное Ставрополье, теперь воспользовался тем, что ему дали самостоятельную задачу, и решил провести ее так, как он понимал.

Сильная Северо-Кавказская красная армия занимала к этому времени всю левобережную Кубань, весь район севернее Армавира, и все, что было восточнее Ставрополя до самого Каспийского моря. Железнодорожная магистраль от разъезда Гулькевичи, на левом берегу Кубани, что в семи верстах от узловой Кавказской станции, через Армавир, Невинномысскую, Минеральные Воды и далее по всей Терской области, была в руках красных. Многочисленные красные бронепоезда курсировали по ней беспрепятственно, охраняя свои базы. Шкуро, у которого часть отряда была “на мажарах”, надо было пересечь эту магистраль...

И Шкуро прорвался через магистраль, вторгся в Баталпашинский отдел и буквально поголовно поднял “на ноги” всегда лихих и молодецких хоперцев. Там немедленно же образовались отдельные черкесские, осетинские, карачаевские отряды. Присоединились терские казаки ближайших станиц. Его отряд развернулся и назвался “1-я Кавказская казачья дивизия” (не считая станичных ополчений). Все силы Шкуро были изолированы от частей и общего фронта Добровольческой армии, теперь состоящей в наибольшей своей численности из кубанских дивизий и пластунских бригад.

Таманская Красная армия, пройдя форсированным маршем по берегу Черного моря от Новороссийска до Туапсе, вытеснила оттуда грузинские части, повернула на восток и также вытеснила из Майкопа и его района 1-ю Кубанскую казачью дивизию генерала Покровского, чем на долгое время отрезала отряды Шкуро от главных сил.

По схеме боевого фронта генерала Деникина, помещенной в четвертом томе, — общий район, занятый Шкуро, являлся изолированным оазисом в треугольнике между Кисловодском, Невинномысской и станицей Лабинской и официально обозначался на карте: “отряды Шкуро”.

В тот период времени 1-я Конная дивизия генерала Врангеля* действовала против станицы Михайловской Лабинского отдела. Юго-западнее ее — 1-я Кубанская дивизия генерала Покровского*. 18 сентября 1918г. красные вновь захватили Армавир, потом Ставрополь, и Шкуро со своими отрядами находился от нас где-то далеко-далеко в горах, как бы в “безвоздушном пространстве”, не имея живой связи даже и с ближайшими частями Белых войск. Полковнику Шкуро было тогда чуть больше 30 лет.

— Денег нет... лошадей запасных нет... спешить казака и дать, Вам, подьесаул, его коня — я не имею морального права, — спокойно и грустно сказал Шкуро мне и развел руками, словно расписываясь в полной своей беспомощности. Казаки вытянули из тины его автомобильчик, он быстро на нем двинулся на север, в Ставрополь, а я на юг, в станицу Екатерининскую.

Не оказалось казаков и в этой станице. Все были уже мобилизованы или добровольно ушли на фронт, который был недалеко от станицы.

Налет красной конницы

Переночевав в Екатерининской, ускоренным переменным аллюром возвращаюсь в Ставрополь. У военного госпиталя, отправив урядника, вошел внутрь. Сестра милосердия указала мне, где лежит хорунжий Елисеев. С ужасом вижу, как брат, лежа на спине, скорчив ноги в коленях, как маятник качается, переваливаясь с бока на бок. Лицо его черное, безжизненное и худое. Глаза впалые и прямой его нос сделался большим. Крупный, широкоплечий, былой богатырь телом и здоровьем, в лазаретном холщовом белье — он выглядел несчастным и беспомощным. Целую его в сухие губы и спрашиваю:

— Как?

— Горит... — чуть слышно тянет он, указывая на живот. — Пуля ударила под правую мышку... с Недреманной горы, сверху... и застряла где-то внутри...

Бегу к старшему врачу, называю себя и спрашиваю о степени ранения брата.

— Вы его родной брат? — переспрашивает доктор, и, получив подтверждение, добавляет: — Есть ли еще родственники у раненого?

Отвечаю утвердительно.

— Ранение смертельное... пуля задела брюшину и осталась там. Ему жить осталось немного. Вызывайте родственников попрощаться... — выложил мне все это доктор.

Стоит ли писать о моем душевном состоянии?! Дать телеграмму в станицу для вызова своих старушек, с указанием причины — знаю, что это совсем убьет их несчастных, только недавно потерявших нашего отца. Обо всем совершенно откровенно говорю своему начальнику и другу есаулу Мельникову, и он немедленно дает мне отпуск в станицу, чтобы лично и осторожно передать эту печальную весть и привезти сюда бабушку и мать.

С первым поездом спешу в станицу. Приезжаю ночью. Осторожно ведаю, что Жорж ранен, хотя и тяжело, но не опасно. За ним нужен уход родных. И уговариваю обеих несчастных женщин выехать немедленно в Ставрополь, ночью же. И только старшему брату рассказал всю правду.

Отправив их, в два часа ночи вернулся в дом и заснул тяжелым мертвым сном. Сквозь сон слышу церковный набатный звон. Слышу, но не могу понять — так ли это? Или это во сне мне грезится?

Самая старшая из трех сестренок, теперь оставшаяся “главой дома”, 15-летняя гимназистка Надюша, быстро вскакивает ко мне в спальню и тревожно вскрикивает:

— Федя! Бьют в набат!.. Наверное, красные напали на станицу!..

Вскакиваю с постели, быстро одеваюсь, хватаю карабин и на кабардинской кобылице брата — скачу на площадь, в штаб гарнизона. Там от брата узнаю, что конница красных, силой до 200 человек, переправившись вброд через Кубань далеко восточнее станицы, сбила посты, ворвалась уже в станицу, подожгла ее в нескольких местах, заняла станичный Гетмановский железнодорожный разъезд и, разбившись на партии, бросилась по улицам станицы с криками: “Смерть казакам!”

Гарнизон станицы состоял из сотни старых местных пеших казаков, одного взвода таких же пеших казаков станицы Ильинской, взвода старых конных казаков под командованием кавказца подьесаула Храмова и офицерского взвода Дроздовского полка с двумя ручными пулеметами. Всего около 150 человек.

Население станицы, привыкшее к тревоге, всегда было начеку. Оно быстро взяло лошадей в хомуты, бросило готовые узлы всякого своего добра на мажары и вскачь бросилось на север, в степь. Отправились больше женщины и дети, а мужчины бросились в сараи, в сады, чтобы ждать и защищать свои хозяйства.

Головной дозор красных вскочил уже на церковную площадь и тут же был убит. Пластуны местного офицера подьесаула Бондаренко скорым шагом двинулись к Гетмановскому разъезду, чтобы восстановить связь со Ставрополем, а главное — со станцией Кавказской, где находился штаб Дроздовского полка, которому гарнизон был подчинен. Конница Храмова бросилась на восток. И началась настоящая охота на ворвавшихся красных.

Некоторые казаки, застигнутые врасплох, остались в своих дворах в районе красных. Урядник и Георгиевский кавалер 2-х степеней Великой войны Яшка Мазанов из-за плетня, из винтовки, “ссадил” с коней двух красноармейцев. Один старик, из охотничьего ружья, также из-за плетня, ссадил третьего, схватил его винтовку и присоединился к своим. Со старым вахмистром Наумовым, старовером, участником подавления в Китае в 1900 г. боксерского восстания, скачем по самой крайней улице к Кубани. Здесь уже прошла “конница” (один взвод) храброго Храмова. В разных местах лежали свыше десяти

зарубленных красноармейцев и столько же убитых пулями их лошадей. Красноармейцы все окровавлены и лежат в неестественно жутких позах. Все они молоды, не старше 25 лет, одеты в хорошую военную, защитного цвета форму старой армии. Один конь рухнул убитым на узком тротуаре между акацией и плетнем. Тут же и его хозяин красноармеец: их кто-то “ссадил” в упор из-за плетня, буквально защищая “свой порог и угол”.

Горят дома, сараи, на гумнах не обмолоченный хлеб в снопах... Пламя красиво и методично, по сухому плетню, распространяется к очень богатому дому “под железом”, и, если плетень не оттянуть, то через 10-20 минут загорится и этот нарядный казачий дом, покинутый всеми. Мы вскакиваем во двор, спешиваемся, ломаем плетень, оттягиваем его в сторону и этим обрываем движение “нарядного пламени”, которое в своей ненасытности съедает все на своем пути.

Жутко и жалко было смотреть на горящее казачье добро опустевших дворов. И никакой и ниоткуда помощи и защиты! Все бежали из станицы, бросив все свое добро и спасая лишь свою жизнь. Ни на улицах, ни во дворах — ни души. Даже и собаки, как всегда, убежали с хозяевами в степь.

Часам к 8 утра — красные были сброшены под кручу. Станица лежит на очень высоком и обрывистом правом берегу Кубани, за которым, к самой реке, широко раскинуты плодороднейшие сады казаков — виноградников, жердели, яблук, слив, груш и других фруктовых деревьев.

Красные ушли тем же бродом, через который и пришли. Гарнизон стал подсчитывать “раны”. На улицах подобраны зарубленными: две казачки, один мальчик-казачок и одна девочка-казачка, до десятка стариков-казаков, в коннице Храмова в упор убит юнкер, и в Дроздовском взводе ранено три офицера.

На улицах станицы лежало 14 зарубленных красноармейцев и свыше десятка их лошадей. Старики приказали местным мужикам, сочувствующим красным, похоронить убитых красноармейцев, “где они хотят, но только не на станичном кладбище”. К ночи жители вернулись в свои дома и... одни оплакивали своих погибших родных и близких, а другие — снесенное огнем свое хозяйство, нажитое десятками лет.

Этот набег красных, своей дерзкой смелостью и варварством, сильно напоминал набеги горцев на казачьи станицы времен Кавказской войны. Набег этот для красных был исключительно удачным. Такое их молодечество для нас было малопонятным и никак не вязалось с их общей распущенностью и недисциплинированностью. Но это было выяснено в тот же день: весь отряд был пьян.

В их районе, тут же у станицы, только на левом берегу Кубани, был винокурный завод Лейбо. Перед набегом ими было выпито много. Это рассказал захваченный в плен черкес. Кроме того, ото всех трупов убитых разил тошнотворный запах спирта.

Характерный штрих: черкес заявил, что он был мобилизован красными. Наши кубанские черкесы, почти поголовно были “белые”. Может быть, этот черкес и был “красным”, но казаки этого не допускали и смотрели на него как на несчастную жертву, и старались даже не огорчать его излишними допросами, угощали табаком и весело, по-кунацки, улыбались. Улыбался и пленный черкес.

Старший наш брат взял на сутки отпуск у командира Дроздовского полка, коему был подчинен гарнизон, и, на второй же день, мы спешно выехали в Ставрополь, чтобы застать еще в живых меньшего брата.

В госпитале, у его кровати — бабушка и мать. Обе они заплаканы. Жорж по-прежнему “качался” на спине. Наш приезд, старших братьев, его обрадовал, но свою радость он выразил только слабой и беспомощной улыбкой своих всегда веселых глаз. У его смертного одра теперь собралась вся наша взрослая половина семьи. Секретно от несчастных женщин мы, братья, обратились к доктору — сказать нам правду. Он жмет плечами и говорит:

— Ранение смертельное... задета брюшина... он все время лежит со льдом... бывают случаи, что выживают, но — ручаться я не могу.

Мертвая жуть вошла в наши души. Но жизнь и служба должны идти своим чередом. Заплаканная мать и поколебленный в своем спокойствии брат выехали в станицу, я на службу, а у кровати умирающего осталась маленькая сухенькая умная и энергичная наша любимая бабушка, чтобы воочию перенести, уже не знаю, какой по счету, удар в своей долгой горемычной жизни...

В Екатеринодаре

Шкуро прорвал фронт красных и исчез где-то у них в тылу. В Ставрополе почувствовалось, что “ушла душа”. Стало как-то скучно.

Назначен новый губернатор, полковник Глазенап. Пошли какие-то перемены к худшему. Мне стало не нравиться многое в нашем партизанском отряде, который все еще находился в стадии формирования. К тому же, он теперь назван “Партизанский отряд Ставропольского генерал-губернатора”. Это было совсем уже странным и непонятным. Полковник Глазенап, до своего назначения сюда, был командиром бригады, состоящей из 1-го Кавказского и 1-го Черноморского полков Кубанского Войска, сформированной в Донских степях. 1 -и Черноморский полк находился с самого занятия Ставрополя в самом городе и был в подчинении губернатора для наведения внутреннего порядка. 1 -и Кавказский полк был в районе села Медвежье, что северо-западнее губернского города.

Не нравились мне все эти штабы, мелкие формирования и другие комбинации. Полк! Вот где интерес, сила, величина, стремление каждого офицера, семья боевых друзей, военная стихия. Я решил искать случая, чтобы уйти из отряда.

Раненому брату стало чуть лучше. Слезами и молитвами излечила его наша дорогая бабушка. Излечила, не ведая его судьбы: он погибнет через два года в Таврии, в Корниловском конном полку родного войска, в дивизии доблестного Бабиева.

Мой начальник, есаул Мельников, командирует меня за казаками в Екатеринодар, в запасной полк. Я в войсковом штабе, у военного министра Кубанского Войска, есаула Савицкого (официальная должность — член Краевого правительства по военным делам). Савицкий — статный офицер Конвоя Его Величества. Принял он меня сухо, но дельно. Руки не подал. И не встал со стула. В конце февраля 1917 г. я ему представлялся в Петрограде. Возможно, что он не узнал меня. Крупный, бородатый. На нем китель и темно-синие бриджи с двойным гвардейским серебряным галуном. На столе, рядом с

папкой для бумаг, лежит красная гвардейская фуражка с белыми кантами. Вид импозантный и солидный.

Выслушав меня, он, смотря на мои командировочные бумаги — спокойно, не торопясь и не волнуясь — не сказал, а словно прочитал следующее: “все кубанские силы находятся в распоряжении Кубанского войскового атамана; все кубанские офицеры и казаки должны служить только в своих кубанских строевых частях; ваш отряд не Войсковой Кубанский, и я не только что не дам вам, подьесаул, казаков из Кубанского запасного полка, но я вас спрашиваю — как вы, кадровый офицер, без разрешения Войскового штаба, могли служить не в казачьей части и не находящейся на учете Войскового штаба?”

Все это говорилось есаулом Савицким, которому тогда было около 40 лет, настолько ясно, логично и убедительно, что мне парировать ему абсолютно было нечем. К тому же — я и сам так понимал этот вопрос. Наш партизанский отряд был казачий. Формировался он с разрешения полковника Шкуро, тогда главного и авторитетного начальника всего Ставропольского района. А что полковник Глазенап, по уходе Шкуро, многое переиначил — нам, подчиненным офицерам, вообще тогда было неведомо.

Обо всем этом я тут же доложил Савицкому, добавив, что сам ищу случая попасть в любой полк родного войска.

Оставаясь все так же серьезным, но уже в мягких тонах, он говорит:

— В таком случае я дам Вам сейчас же предписание явиться в Запасной полк в Екатеринодар. Вы представитесь командиру полка, и он Вас, при первом же удобном случае, отправит в полк, на фронт.

Все оказалось так просто и нормально. Получив бумаги, представился командиру полка. Им оказался полковник Посевин*, наш старейший кавказец, известный скакун и наездник. Расцеловались. На душе стало совсем светло, так как я входил в свою родную войсковую стезю.

Выйдя из кабинета военного министра, захожу в войсковую канцелярию по хозяйственной части. Мне нужно получить деньги за двух погибших лошадей на Турецком фронте в 1916 г. Рапорт и свидетельства об их гибели были поданы по команде тогда же. Казенная расценка каждой лошади 150 рублей, за которые теперь нельзя приобрести и плохой рабочей лошади.

Перед заведующим канцелярией войсковым старшиной Майгура стоит молодецкий офицер, подтянутый, скромно, но хорошо одетый в темно-серую черкеску, при добротном холодном оружии, отделанном серебром. Он в погонах есаула, хотя ему не свыше 30 лет. В левой опущенной руке он держит по-офицерски черную, крупного и хорошего каракуля папаху с серебряными галунами по верху войскового цвета. Перед штаб-офицером стоит подбористо, каблуки вместе, но так как они ведут частный и дружеский разговор, то офицер полусогнул левую ногу в колене, что тогда допускалось. За письменным столом, стоя, Майгура что-то выслушивает и любезно отвечает, спрашивает. Закончив разговор, офицер принял воинскую стойку, распрощался и вышел.

— Вы знаете, подьесаул, кто со мной говорил, — обращается ко мне заведующий хозяйством, брюнет с сединами, в кителе, с длинными черными тонкими казацкими усами. Отвечаю, что не знаю и что впервые вижу этого есаула.

— Это 1-го Запорожского полка сотник Павличенко*, мой станичник, из простых урядников. Но посмотрите, - какой он молодец! Безусловно, он выдвинется в гражданской войне и будет героем, — закончил он.

Ровно через год сотник Павличенко стал генералом.

На Красной улице, в толпе, навстречу мне идет очень знакомый офицер. Он весь седой, но коротенькая бородка, подстриженная по-черкесски, напоминает что-то очень близкое. Поравнявшись со мной, он бросил на меня быстрый взгляд, потом моментально отвел его и, как мне показалось, он хотел как можно скорее пройти мимо меня незамеченным. Но было уже поздно, — я узнал его.

— Баяр?! — окликаю его и бросаюсь к нему.

— А-а, Баяр! — быстро отвечает он мне в тон, и мы любовно жмем друг другу руки.

Он в гимнастерке с полковничьими погонами и старых потертых темно-синих офицерских бриджах. На голове измятая папаха. На ногах старые заношенные, уже не поддающиеся чистке, мягкие кавказские козловые сапоги, под названием “ханкинды”. Они истоптаны, перекошились и имеют жалкий вид. Вообще — у него весь вид жалкий, как человека, много что-то перенесшего.

— Что с вами, Баяр? Откуда вы? — закидываю его дружескими вопросами.

— Ах, и не спрашивайте... только что прибыл из Новороссийска после большевистской тюрьмы, просидев в ней много месяцев... вот почему у меня и такой вид. Арестовали еще в Уманской, все разграбили. Теперь я нищ и гол, — говорит он и показывает на свои истоптанные и перекосившиеся сапоги.

Мне стало жалко, как и было стыдно видеть этого когда-то щегольского есаула, конника-спортсмена, офицера нашей 4-й Кубанской казачьей батареи Юрия Николаевича Белого*. Батарея входила в состав Отдельной Закаспийской казачьей бригады нашего войска. 1-й Таманский полк стоял в селении Каши, у самого Асхабада, 1-й Кавказский в Мерве, а 4-я батарея стояла в урочище Каахка, между этими городами. До Асхабада 11 верст. Он тогда был холост, под 40 лет. В Асхабаде жила его невеста. И, как заядлый конник, для свидания с ней, на два дня (суббота и воскресенье), — он скакал верхом, делая это расстояние в один переход.

При первой же встрече с ним тогда — он первый проявил ко мне, молодому хорунжему, чувство дружбы, обратившись по-текински “Баяр”, каковое обращение относилось у текинцев только к старшему, заслуженному или богатому человеку. Я ответил ему тем же, что его порадовало. Так мы и остались навсегда друг для друга — “Баяр”.

Осенью 1915 г. из Турции, из-под города Дутаха, что на реке Евфрате, он вызван был на Западный фронт, для принятия в командование батареи. Мы все были очень рады за нашего Юрия Николаевича в его продвижении по службе. Была лютая зима. Полки стояли в землянках. Во всем был недостаток в полках, чтобы не сказать больше. После проводов — карьером он бросился от нас на север, в Алашкертскую долину и дальше на сытый Западный фронт — с голодного и холодного Турецкого фронта. Теперь я его встречаю через два с половиной года, но...что же сделали большевики из этого отличного артиллериста, щегольского офицера, спортсмена-конника?! Передо мной стоял седой-

седой полковник с надорванной, разбитой душой и в военном костюме, которого не одел бы в мирное время даже его денщик.

Я в канцелярии Запасного полка. Она помещается на Почтовой улице, в бывшей канцелярии 1-го Екатеринодарского кошевого атамана Чепеги полка, в мирное время. Здание старое, одноэтажное. Там много офицеров. Встречаю знакомых по Турецкому фронту. Вот 1-го Таманского полка сотник Башта*, всегда живой, лихой и жизнерадостный. Теперь он серьезен, с усталым лицом, слегка прихрамывает.

— Что с Вами? — спрашиваю его.

— Был в Первом походе, тяжело ранен, много перенес лишений... многое пережил, — говорит он. И, как будто смутившись за себя, что из такого молодецкого офицера он сделался словно инвалидом, добавляет: — К тому же я теперь женат.

Сказал и засмеялся, но улыбка его совсем не была похожа на ту, которую я так хорошо помнил по Турции.

— Григорий Иванович, Вы ли это?! И почему Вы только в чине сотника? — дружески жму я руку Горпищенко*, кадровому офицеру Таманского полка, гораздо старше меня по выпуску из военного училища.

— Э-э, батенька... — тянет он. — Хорошо и это. Я ведь был разжалован в рядовые за то, что с немцами освободил от красных Таманский полуостров и с полковником Перетятка* образовали временное Войсковое правительство. Но теперь реабилитационная комиссия разобрала наше дело, и мне вернули мой царский чин. Я числюсь в Запасном полку. На фронт, конечно, никогда не пойду. Оскорблен... и с меня довольно... — говорит он спокойно, но с явной обидой. Лицо его грустно и безразлично ко всему. Я его понял.

Так, бюрократической ошибкой “верхов” из строя вышибли отличного офицера и спортсмена-конника, исковеркав его личную жизнь и военную карьеру. Наслушавшись многого, мной овладел “мрак тыла”. Нет-нет! Скорее на фронт. Там все более ясно, чисто, как и честно — делаю я свои выводы.

Громкая строевая песня пехоты слышится вдоль Красной улицы. Обыкновенная солдатская песня — “Взвейтесь соколы орлами...”, но чувствуется, что в исполнение ее вложено что-то другое, более интересное и возвышенное. При приближении колонны войск эта песня разрастается и несется победным маршем, которого нельзя ничем остановить. Она приблизилась, и я вижу: идет батальон, состоящий исключительно из одних офицеров. Все они в погонах до штаб-офицеров включительно, но все на рядовом положении. Винтовки с примкнутыми штыками они держат вертикально за спинами, с накинутым ремнем на правые плечи. Правая рука наложена на этот ремень, а левой они размахивают в такт шага. Широко открытые рты далеко несут строевую солдатскую песню во всю ее бравурную мощь. Видно, что господа офицеры не только что не стесняются толпы, что они состоят на рядовом положении в строю, но словно этим гордятся.

А жители, перенесшие власть красных, одни влюбленными глазами, другие плачущими восторженно пронизывают их и разряжаются громкими криками и шумными аплодисментами. Я искренне вторю толпе. Великое слово — Освобождение.

По Почтовой улице мимо проходит “артиллерийский унос” в две пары коней, но без орудий. На лошадях совершенно новая артиллерийская сбруя. Впереди, верхом на лошади, идет младший урядник. Два казака правят лошадьми, сидя на уносных. По новой сбруе на лошадях я понял, что оно только что получено из интендантства, и они возвращаются в свою батарею. Нарождается новая войсковая артиллерия, — делаю свои выводы, и сердце мое радуется.

— Федор Иванович! Беги к Бабиеву! Он только что со мной прибыл из Майкопа. Он должен скоро принять полк и набирает к себе только таких командиров сотен, которые “не пригинаются” в боях. Я уже дал ему свое согласие, — говорит мне запальчиво подьесаул Лопатин*, однобригадник-таманец по Турецкому фронту.

Отличный боевой офицер и полковой товарищ, потом адъютант полка, он был с Бабиевым в конном отряде полковника Кузнецова*.

В начале 1915 г., в Турции, в Алашкертской долине, я познакомился с командиром 3-й сотни 1-го Лабинского полка сотником Колей Бабиевым и сразу же подружился. Оба были холосты, и это еще больше сближало нас — конников и казакоманов. Много было у нас молодецких холостяцких походов. Я иду к нему как к старому другу.

Бабиев остановился у своего отца-генерала*, жившего в богатом доме местного купца-армянина Тарасова, на Штабной улице, рядом с областным правлением. Их застал я обедающими. Я ему поведал о цели своего визита.

— Вакантного полка еще нет. Мой 1-й Черноморский уже занят. Другого полка я принять не хочу, почему и выжидаю. Но Вас, Джембулат, с удовольствием возьму в свой полк, — сказал он мне.

Пока кругом неудача, а отсюда и тоска. Екатеринодар переполнен. Гостиницы все заняты. Войсковое офицерское собрание на Екатерининской улице также переполнено, и все высшими чинами. Знакомых в городе у меня нет. Денег также очень мало в кармане. “Где же я буду ночевать?” — пронеслось в голове. В своем столичном войсковом городе офицер войска не имеет ночлега.

Случайно в канцелярии встречаю своих станичников-сверстников, с которыми исколесил походами и боями Турцию в войне 1914-1916 годов и с которыми дружил еще мальчиком в станице. Скромно, со смущенным юмором, говорю им, что мне негде спать.

— Да, пойдете, Ф.И., к нам на “Разгонный пост”, там и переночуете с нами. Правда, казармы переполнены, но мы заснем во дворе. У нас есть бурки, — дружески и совсем не по-военному говорят они мне, друзья детства, приказный и Георгиевский кавалер Егор Крупа и Максим Суряднов, рядовой казак, прошедший всю Великую войну в строю.

“Разгонный пост” — это старый казачий пост времен Кавказской войны. Он стоит на самом берегу Кубани, за городским садом, по дороге на Дубинку. Там небольшой двор, простые сараи-казармы, покрытые камышом, и тут же стоит старая казачья сторожевая вышка на кривых, стропилами поставленных, дрекольях в два этажа. Это прототип настоящего войскового герба Кубанского Войска.

Мы там. Не только что казармы, но и весь двор переполнен казаками. Чтобы не было стыдно, снимаю черкеску с серебряными погонами и орденом Св. Владимира и в одном

бешмете — иду со станичниками-друзьями ужинать — поесть настоящего казачьего борща из казенного котла.

Столы тут же, на дворе — длинные, дубовые. Деревянные у всех ложки, не простые, а “чабанские”, чтобы ими можно было зачерпнуть борща “как следует”. Большие деревянные миски, человек на десять каждая. Красота... словно в Запорожской Сечи 150 лет тому назад. Поужинали. Ложимся спать. Одна бурка вместо перины. Черкески в голове вместо подушек. Не раздевались и сняли только чевяки. Вторая бурка — общее одеяло. Ночи на Кубани прохладные. Прижались друг к другу и заснули, словно родные братья в степи, в непогодь. Вот она — Слава Казачья...

Так прошел мой первый день в Екатеринодаре. На второй день нашел старого друга и сверстника по военному училищу, подьесаула 1-го Екатеринодарского полка Ряднину, пристроился к нему и стал ждать своего назначения на фронт.

В один из вечеров, гуляя по Клубной аллее в городском саду, вдруг слышу громкий оклик. На скамейке, с костылями, сидит раненый прапорщик Шура Тюнин*, мой однополчанин по 1-му Екатеринодарскому полку мирного времени вольноопределяющимся. Мы оба рады встрече. Его я не видел с 1912 г.

— Иди в наш полк. Он теперь называется Корниловским. Отличный полк. В нем много офицеров и хороший командир полка полковник Науменко, — радостно говорит он. — Тебе, Ф.И., обязательно надо быть в нашем полку. Это самый лучший полк в войске. У нас теперь новая форма — черно-красный погон и эмблема смерти на рукаве, — как оказалось, ошибочно хвастается он.

— Я, Шура, очень рад попасть в ваш полк, но называться не хочу и надо ждать запроса только от полка, — отвечаю ему.

Тут же он знакомит меня со своими старшими корниловцами, раненым подьесаулом Поночевным и больным есаулом Муравьевым, таманцем моих лет мирного времени. Они оба молчат. В свой полк не приглашают и сами в него уже никогда не вернулись.

В канцелярию запасного полка я являюсь ежедневно, в ожидании назначения. Через несколько дней командир полка полковник Посевин спрашивает меня:

— Хотите идти во 2-й Кубанский полк к полковнику Лопата? — и добавляет, улыбаясь: — Но полковник Лопататого... чудака. Предупреждаю Вас.

— Где он дерется? — спрашиваю.

— Где-то под Армавиром.

— Хорошо. Я согласен, — фиксирую ему.

Получив 5 дней отпуска “на сборы”, — выезжаю к себе в станицу. У меня не было строевого коня. Это меня мучило. Прибыть в полк без коня и воевать на казачьей лошади — я не допускал, как и не любил пользоваться казачьими строевыми лошадьми, считая это оскорбительным для казака. В станице попечалился об этом старшему брату, и он подарил мне своего второго коня. Я выезжал на фронт со спокойной душой. Но... опять всплакнула горюче мать-вдова, сиротинушка:

— Ты опять, сыночек, выезжаешь на войну... а я вот все одна и одна по хозяйству... и мочушки моей уж нету... А-а-ах... — заголосила она, бедная наша мать 12 детей. Младший ее сын, Георгий, все еще лежал в Ставрополе в госпитале, как будто бы медленно поправляясь...

Внимая ужасам войны,

При каждой новой жертве боя —

Мне жаль ни друга, ни жены,

Мне жаль не самого героя...

Увы! Утешится жена,

И друга — лучший друг забудет!

Но где-то есть душа одна:

Она до гроба помнить будет!

Средь лицемерных наших дел

И всякой пошлости и прозы —

Один я в мире подглядел

Святые искренние слезы:

То слезы бедных матерей...

Им не забыть своих детей,

Погибших на кровавой ниве,

Как не поднять плакучей иве

Своих поникнувших ветвей...

Это стихотворение, написанное Некрасовым на несчастную для России Севастопольскую компанию 1854-1855 гг. Вечная, неумирающая истина...

В те жуткие годы гражданской войны 1918-1920 гг. на долю казачьих матерей легла исключительная, душу раздирающая трагедия, которой никогда не забыть и во веки вечные. И когда-то, во всех станицах и хуторах, Казачество — должно воздвигнуть неугасаемый памятник — **РЫДАЮЩЕЙ КАЗАЧЬЕЙ МАТЕРИ.**

С КОРНИЛОВСКИМ КОННЫМ

ТЕТРАДЬ ПЕРВАЯ

Власть закона кончается там, где начинается непререкаемая власть совести.

Наполеон

В 1904 г. началась Русско-японская война. Мне шел двенадцатый год, и я был в 4-м отделении двухклассного училища, т. е. был уже сознательным мальчиком, изучал десятичные дроби, геометрию, отечественную историю, географию и другие предметы, положенные во 2-м классе гимназий, реальных училищ и кадетских корпусов. Заведующий училищем был опытный педагог и большой казак из станицы Тифлисской Николай Дмитриевич Асеев. О начавшейся войне он прочитал нам в классе газету, выразил непоколебимую уверенность в победе Русского оружия и с пафосом воскликнул:

— Этих япошек — мы шапками закидаем!

Мы, экзальтированная казачья молодежь отроческого возраста, всегда воинственно настроенная, тут же выхватили из своих ученических парт свои папки разных цветов и размеров, с энтузиазмом бросали их вверх к самому потолку и неистово кричали “ура”.

Но... “не закидали японцев шапками”. Военная техника, как оказалось, стояла у них выше нашей, как и были другие причины, что Великое наше Отечество из этой войны вышло не победившим.

Из Великой войны 1914-1917 гг. — мы вышли вновь не победителями, хотя наши войска сражались исключительно доблестно.

Из гражданской войны 1917-1920 гг., на всех фронтах Белых Армий — мы вновь вышли непобедителями, хотя сражались также очень доблестно, было много пролито крови, в особенности армиями казачьих войск.

И невольно возникает вопрос: почему мы НЕ победили в течении этих трех войн, долгих и жестоких, которые прошли на нашей жизни, а в двух последних — мы были активными участниками их?

Профессор, Генерального штаба генерал Н.Н. Головин*, в своей книге “Наука о войне” пишет, что “после каждой войны, для точного изучения правдивых событий — надо писать только истину, и тогда только будут понятны — и причины побед, как и причины поражений”. Из его большого труда приведу лишь несколько фраз, относящихся исключительно к тем, кто НЕ одержал победы...

“Неверное употребление орудия — привело к неправильному заключению о негодности его” (стр. 28).

“От сокрытия части правды — всего несколько шагов до созидания неправды” (стр. 59).

И как замечательно его заключение о том, что военной правде надо прямо смотреть в глаза, главным образом НЕ победителям, чтобы на своих ошибках учиться: “Одно только надо утверждать, что ходить около пропасти с открытыми глазами менее рискованно, нежели ходить с завязанными глазами” (стр. 227).

Еще более выразительно высказался председатель комиссии по составлению истории 13-го Лейб-гренадерского Эриванского полка, Генерального штаба генерал-лейтенант П.О. Бобровский, военный историк. Он пишет:

“В военной истории полка встречались и неудачи, невзирая на храбрость предводителей-офицеров и героический дух солдат, но неизбежных при отсутствии предусмотрительности или поддержки, вследствие самоуверенности и т. д. Поэтому представление полка постоянно в ореоле Славы и Доблести, вечно торжествующего, всепобеждающего — не соответствует серьезным целям его истории.

Необходимо знать причины неудавшихся военных предприятий, по обстоятельствам, иногда вовсе не зависящим от войсковой части. Она, история, должна передать фотографически все то, что при данных условиях являлось причиной немощи людей полка к успешному разрешению поставленной ему задачи или, напротив, — что именно, при самой неблагоприятной обстановке, возбуждало энергию и поднимало дух целой части, доводя ее до самоотвержения и героизма, всегда назидательных” (Попов К. Храм Славы. Париж, 1931. стр. 18).

На фронт. Полковник Дроздовский

Верхом, в одиночку и без вестового, которого у меня не было, из станицы Кавказской, выехал я на фронт 10 сентября, направляясь в Армавир.

Ехал “конен и оружен”. Под левым коленом, погонным ремнем на передней луке седла, дулом назад и вниз “по-горски” — висел заряженный карабин; в тороках казачьи сумы, в которых находились: запасная пара белья, вторые бриджи и запасные чевяки; сверху неизменная казачья бурочка, защитница от дождя и жары, она же и постель. Вот и весь был мой офицерский багаж.

Я начинал свою боевую службу, словно сначала. Ехал в одиночку и в полную неизвестность: где полк? каков полк? кто его командир? каковы господа офицеры? — я ничего не знал. Да все это меня и не смущало, как и не волновало. Я уже прошел такую школу службы и войны, и службу военную так хорошо знал, как и любил, что ничего не боялся. Да и сам за себя мог постоять.

До Армавира 60 верст. Это расстояние решил пройти в один переход. Справа тянулось железнодорожное полотно, а слева — сплошное море кукурузы и подсолнечников — высоких, нарядных и жирных, в которых легко мог скрыться и всадник. На полпути от станции “Кубанская—Армавир” встречаю разъезд 2-го Офицерского конного полка, состоящего из наших кубанских казаков. Начальник разъезда, корнет, удивлен, встретив меня, и доложил, что эта зона уже есть нейтральная и что я мог бы встретиться и с красным разъездом. От этих слов неприятный холодок прошел у меня по спине. Вот и был бы “бесславный конец” тогда, — подумал я.

К вечеру я был в Армавире. Там находился штаб 3-й пехотной дивизии полковника Дроздовского* и его небольшой резерв. Ночую в сарае с рядовыми чинами конвоя Дроздовского. Наутро представляюсь начальнику штаба дивизии и спрашиваю, “где находится 2-й Кубанский полк?” В штабе о нем ничего не знают и говорят, что сейчас — не до этого: красные перешли в наступление и подходят к Армавиру, и Армавир может быть сдан...

— Оставайтесь пока при нашем штабе, — закончил он.

В городе, действительно, беспокойно. Близко слышен сильный ружейный бой. На улицах подводы беженцев из станиц, казаков-лабинцев. К полудню красные подошли к окраинам города с запада.

Против штаба дивизии, на площади, происходит “сменная езда” конвоя начальника дивизии. Часть всадников текинцы, остальные кавказские татары. Подо всеми хорошие лошади. Вахмистр-текинец командует сменой. Он очень импозантный на своем жеребце-текинце и в своей высокой черной косматой папахе. Он совершенно чисто говорит по-русски. В своем безделье, наблюдая это, — делаю вывод, что ученье происходит для морального воздействия на население, что, дескать, — на фронте все спокойно.

Ученье закончено. Лошади поставлены в сараи, где стоит и мой конь. К штабу подходят две подводы с пленными. Красноармейцы очень грязные, заросшие, с длинными патлами волос на головах и одеты во что попало. Видно, что они все время были в поле, в боях. Вид их отталкивающий. Подводы остановились, и конвоирующий их солдат ждет распоряжения. На балконе 2-го этажа быстро появился молодой полковник лет 35 в пенсне, в гимнастерке с расстегнутым воротником от жары, при аксельбантах, с энергичным лицом, без фуражки. В руках у него донесение о пленных.

— На кой черт их сюда привезли? — громко вопрошает он в пространство. — Это только обуза! Вахмистр! Убери их!.. — тем же энергичным тоном, не допускаемым ослушания, произнес он коротко.

— Кто это? — спрашиваю я какого-то соседа.

— Начальник дивизии, полковник Дроздовский, — отвечает он.

Высокий стройный текинец, вахмистр конвоя Дроздовского, завел подводы во двор — в темном сарае, по очереди, “убрал их”... Мне было страшно.

Красные наседали. На улицах Армавира строились баррикады. Все обозы ушли на правый берег Кубани, в станицу Прочноокопскую. Без дела было так скучно, а главное — бесплодно.

Пересекая площадь, скорым шагом приморенных коней к штабу дивизии подошел казачий разъезд в 4 человека. Они были очень запылены. Кони в поту. Младший урядник быстро соскочил с коня и, нисколько не задерживаясь, поднялся наверх, в штаб. Я с любопытством рассматриваю спешенных казаков; их облик мне близко знаком.

— Какого полка? — спрашиваю.

— Корниловского, — отвечают все разом.

— А станицы какой?

— Ильинской, — отвечают так же все разом.

Ну, конечно, я не ошибся. По облику — это наши родные кавказцы, почему и лица их, и одежда, и манера разговаривать, и держать себя при офицере, — так мне знакома и приятна.

“Где полк? каков полк? кто командует им?” — забросал я их вопросами, но они, кроме своей 1-й сотни, больше ничего не знают. А полк дерется “там, где-то под станицей Михайловской”, — отвечают они, молодые казаки, видно, не участвовавшие по своему возрасту в Великой войне.

— Подьесаул! Пожалуйста наверх! — вдруг слышу голос с балкона. Оборачиваюсь — и узнаю начальника 3-й пехотной дивизии полковника Дроздовского. Быстро поднимаюсь наверх, в штаб. Стоя, все так же энергично, но без начальнического задора, коротко и ясно говорит он:

— Вот что, подьесаул... положение очень тревожное. Может быть, мы сдадим Армавир красным. Я только что получил важный пакет от начальника 1-й Конной дивизии. Его привез урядник. Я немедленно же отвечаю. Мой ответ очень важный, как и секретный. Ваш 2-й Кубанский полк неизвестно где находится. Я Вам вручаю этот пакет. Берите разъезд Корниловского полка и спешно отправляйтесь в этот полк. Ваш путь будет по правому берегу Кубани, через станицы Прочноокопскую и Григореполисскую. В последней переправитесь вновь через Кубань и ищите своих. Урядник покажет Вам путь следования, — закончил он.

Молча выслушав все это и найдя, что распоряжение вполне нормальное, — получив пакет — вышел.

Мы немедленно же двинулись в путь. Перед Прочноокопской встречаю конную колонну человек в 250. Она идет строем “по шести” и в полном уставном порядке, несколько не растягиваясь. Я изучаю ее. Такова уж привычка: увидев новую строевую часть — присмотреться к ней. И вижу: кроме офицеров-кавалеристов в фуражках — вся колонна состоит из кубанских казаков. Казаки одеты в хорошие гимнастерки, в папахах, на хороших свежих лошадях. И узнаю, что это идет 2-й Офицерский конный полк, что меня удивило и задело — почему казаки в добровольческих частях, а не в своих, кубанских?

В станицу Григореполисскую прибыли с темнотой. В ней скопление обозов. Станичный атаман — сотник из урядников разрывается на части, чтобы всем дать ночлег. Он отводит нам квартиру “за Кубанью”, в крестьянском селе Ново-Михайловском. Мы там. Крестьяне-хозяева отнеслись к нам так себе, но накормили и дали лошадям фураж.

С зарей — следуем дальше, но уже по маршруту, указанному моим урядником. Скоро въехали в Скобелевский хутор. На улице масса казаков. Это был обоз 1-го разряда Корниловского полка, который держится начеку, так как на фронте беспокойно. Среди них вижу много казаков 1-го Кавказского полка Великой войны и даже казаков своей 2-й сотни. Все они радостно приветствуют и провожают добрыми напутствиями.

Не слезая с коней, двинулись дальше. Скоро спустились в балку и подошли к степному колодцу, чтобы напоить лошадей. Колодец без сруба, примитивный, но глубокий. И только мы взяли за ведра, как с противоположной стороны балки показалась линейка, запряженная двумя лошадьми, скачущая к колодцу. Подскочив, казак-кучер быстро остановил лошадей. С линейки соскочила сестра милосердия и энергично крикнула: “Подать воды!” На линейке кто-то лежал. Видны были только ноги в чевяках и ноговицах и офицерские темно-синие бриджи с кантом войскового цвета. Все же тело и лицо были прикрыты полотнищем палатки.

— Кто это, сестрица? — спрашиваю.

— Командир Корниловского полка... полковник Федоренко*, — отвечает она.

—Что — болен? ранен? — допытываюсь.

— В голову... и не выживет... уже без чувств... — с грустью, рывками слов, поясняет она.

Смочив водой голову раненого, — линейка быстро снялась, как и подлетела, и, уже вскачь, бросилась к железнодорожной станции Отрада Кубанская.

Полковник Науменко

Мы поднялись на склон балки. Большие скирды соломы. От них двинулись дальше на юг, уже без дороги. Пройдя с полверсты, вижу конную группу человек в десять, идущую нам навстречу. Урядник почтительно докладывает мне:

— Это идут наш командир полка полковник Науменко.

На высоком хорошем коне чалой масти вижу молодого полковника лет 35. На нем простая широкая гимнастерка, небольшая черная папаха, офицерские темно-синие бриджи. Он при кавказской шашке и с полевой сумкой, наполненной довольно плотно бумагами. Перейдя в крупную рысь и осадив своего совкого Карабаха шагах в шести, рапортую:

— Господин полковник — из Армавира, с секретным пакетом от начальника 3-й пехотной дивизии, — представляюсь. Где находится начальник 1-й Конной дивизии, которому адресован пакет?

— Здравствуйте, — говорит он и глазами внимательно изучает незнакомого ему офицера.

Я так же изучаю его. Лицо сухое, доброе, с маленькими усиками.

Наблюдательные умные глаза. И никакой строгости — ни в лице, ни в интонации голоса и подкупающее к себе внимание. За ним идут верхом в седлах — сестра милосердия, какой-то сотник и не казачий прапорщик в фуражке, в очень потертom мундире “хаки”. За ними следуют их конные вестовые.

— Дайте мне этот пакет, — спокойно говорит он.

— Пакет адресован начальнику 1-й Конной дивизии, почему я не могу вручить его Вам, — отвечаю.

Полковник посмотрел на меня серьезным, но не злым взглядом и спокойно и решительно произнес:

— Дайте мне пакет и за последствия я отвечаю.

Я передал, и он, быстро вскрыв его, прочитал написанное до конца.

— Поедьте с нами, — обращается он ко мне, и мы двинулись к тем скирдам соломы, которые только что прошли. По пути он расспрашивает о положении в Армавире, по

моему личному наблюдению, и попутно, как бы вскользь, спрашивает: какое окончил военное училище и когда? в каком полку провел Великую войну? какие имею боевые награды и прочее, т. е. — спрашивал то, что было так нормально тогда среди кадрового офицерства.

Такой подход к незнакомому офицеру мне очень понравился, и я вывел заключение, что он, этот незнакомый мне полковник, которого я вижу впервые в своей жизни, — офицер умный и серьезный. У скирдов все спешились.

— Познакомьтесь, подьесаул, — говорит он, — это сестра милосердия Корниловского полка... а это мой адъютант, сотник Клерже*... это офицер для поручений прапорщик Сергеев. Это весь мой штаб бригады, — закончил он.

Мы все запросто расселись вокруг, казаки достали из своих сум закуску. Полковник Науменко был очень прост и приятен в обращении со всеми. Он был внимателен к сестре милосердия, шутя, острил над ней и над своим адъютантом сотником Клерже, называя его только по имени “Саша”. Окончив закусывать, я спросил: когда мне можно будет вернуться в Армавир?

— Зачем? — спрашивает он.

— Я имею предписание Войскового штаба на службу во 2-й Кубанский полк и должен его найти.

— Никуда Вы не поедете, подьесаул. Вы останетесь в нашей дивизии. Я Вас назначаю в Корниловский полк. Нам нужны кадровые офицеры, и Вы примите сразу же сотню, — спокойно, как уже решенное, произнес он.

— Господин полковник! Я имею предписание и не могу ослушаться, — докладываю ему.

— Вам нравится быть офицером Корниловского полка?

— Я мечтал об этом еще в Екатеринодаре, — искренне ведаю ему.

— Ну, очень приятно. Так я Вас туда и назначаю, и всю ответственность перед Войсковым штабом — беру на себя. Саша! Напиши предписание подьесаулу, — закончил он, обращаясь к сотнику Клерже.

Все это произошло так неожиданно, странно, как и приятно. Я тогда не знал, что полковник Науменко только что принял бригаду в 1-й Конной дивизии.

Странная случайность: сотник Клерже, оказалось, уже был жених этой сестры милосердия. С февраля по май 1919 г., командуя Корниловским полком на Маныче в 3-й Кубанской казачьей дивизии генерала Бабиева, я получил рапорт от сотника Клерже из Екатеринодара с просьбой разрешить вступить в первый законный брак с нею. По положению мирного времени, этот вопрос разбирался обществом офицеров полка. Мы все любили Сашу Клерже, исключительного добряка, как и хорошо знали свою сестру милосердия. Постановление общества офицеров утвердил; собрали денег и командировали в Екатеринодар от полка офицера на свадьбу, с поручением “купить хороший подарок”.

Полковник Науменко был очень опечален гибелью полковника Федоренко. По его словам, это был не только отличный офицер, но и его личный друг по 1-му Полтавскому полку мирного времени. Принимая бригаду, он вызвал своего друга, чтобы передать Корниловский полк достойному. И вот Федоренко вышел на курган Шамшале-тюбе, что перед станицей Михайловской, навел бинокль в сторону красных и... упал, сраженный пулей в голову.

— Ну, а теперь валяйте в полк. Полком командует войсковой старшина Камянский*, знаете ли Вы его? — говорит Науменко весело.

— Не знаю, — отвечаю. Встаю, прощаюсь и еду в полк, который где-то в версте или двух от нас.

Корниловский полк

Спешенная конная масса человек в 500 стояла в неглубокой ложбине, держа лошадей в поводу. При ней ни одного офицера. Спрашиваю — “где командир полка и господ офицеры?” Отвечают: “под курганом” и показали руками на запад.

В полуверсте стоял небольшой курган. Иду к нему крупной рысью. Прохожу голое поле. Слышу некоторый свист чего-то, а чего, не знаю. Из-под кургана кто-то поднялся и резко машет рукой — “слезай!” (условный кавалерийский сигнал). Я не понимаю “в чем дело”, смотрю вперед и иду тем же аллюром.

“Дзынь... дзынь...” — вдруг услышал так знакомый звук полета пуль над головой.

“Обстреливают... — пронеслось в уме, — но откуда?” — думаю.

Из группы людей под курганом вскочили на ноги еще двое и нервно машут папахами, давая тот же кавалерийский знак — “слезай!” Я понял, что прохожу обстреливаемое красными пространство, почему — чуть-чуть подав корпус вперед и нажав коленями на тебеньки седла — как мой молодецкий Карабах быстро перешел в прыткий намет.

“Дзынь-дзынь...” — зачастило.

Доскакав до кургана, соскочил с коня. Под ним лежало человек 15 офицеров. На кургане и по его сторонам — редкая цепь казаков, фронтом на запад. Бросив взгляд на группу офицеров, — сразу же узнал друзей. Это были: сам командир полка войсковой старшина Камянский, бывший командир 3-й сотни 1-го Таманского полка в Турции, с которым я был дружен, подьесаулы Черножуков* и Сменов*. Я попадал сразу же в семью друзей, и мне стало так легко-легко на душе.

Я был без вестового. Держа коня в поводу, быстро заговорил под пулями:

— Господин войсковой старшина, подьесаул Елисеев представ...

— Да ложитесь скорей!.. Какой тут к черту может быть рапорт?! — своим тонким голосом, так мне знакомым, кричит-смеется милый и добрый Камянский, чуть приподнимается и тянет мне свою руку. — Откуда и как? — весело спрашивает он.

И я, пользуясь “вольностью позиционного положения”, здороваюсь за руку со всеми. Черножуков и Сменов, старые друзья еще по мирному времени, радостно приветствуют со встречей и с назначением в их полк. В кратких словах рассказываю о своей “одиссее”.

— Ну и хорошо, — говорит Камянский, прочитав предписание полковника Науменко. — Георгий Иванович! Вам как самому младшему в чине придется сдать 2-ю сотню подьесаулу Елисееву, — говорит он красивому пухленькому хорунжему, возрастом за 30 лет.

— Слушаюсь, — отвечает он, и я вижу, что это ему неприятно. Это был хорунжий Дронов*, старый екатеринодарец.

К ночи полк отошел к знакомым уже мне скирдам соломы, выставив в охранение одну сотню казаков. Это было 13 сентября 1918 г. В этот день наличный офицерский состав полка на позиции, был следующий:

Войсковой старшина Камянский — вр. Командующий полком.

Есаул Шурихин* — командир 1-й сотни.

Подьесаул Елисеев — вр. командир 2-й сотни.

Подьесаул Черножуков — командир 3-й сотни.

Сотник Зеленский* — вр. командир 4-й сотни.

Сотник Лебедев* — вр. командир 5-й сотни.

Подьесаул Сменов — командир 6-й сотни.

Есаул Удовенко* — полковой адъютант.

Прапорщик Ишутин* — начальник команды связи.

10. Прапорщик Астахов* — его помощник.

Младшие офицеры:

11. 1-й сотни — прапорщик Шиллинг*.

12. 2-й сотни — хорунжий Дронов.

13. 2-й сотни — прапорщик Ищенко*.

14. 3-й сотни — хорунжий Копчев*.

15. 4-й сотни — прапорщик Бэх*.

16. 5-й сотни — прапорщик Бэх (большой)*.

17. 6-й сотни — поручик Пухальский*.

18. Прапорщик Дзюба* — вр. начальник пулеметной команды.

В станице Усть-Лабинской находился обоз 2-го разряда с заведующим хозяйством полковником Кротовым*. При обозе 1-го разряда в Скобелевском хуторе было около 100 казаков и 8 пулеметов на линейках.

В полку в строю, на фронте, было около 500 казаков. Самая многочисленная была 2-я сотня, имея в строю чуть свыше 90 казаков. За исключением 1-й сотни, состоящей из казаков Новопокровской, Ильинской и Дмитриевской — остальные сотни состояли из

казаков черноморских станиц, преимущественно Ейского отдела, через которые проходил полк во 2-м Кубанском походе. По своей психологии полк был чисто черноморским, сотни отлично пели песни. В тылу находилось много раненых офицеров и отпускных, почему почти все должности в строю занимались “временно”.

Походно-боевой быт полка

Наш полковой бивак у скирдов соломы, в степи. Сотни, не расседывая лошадей, стоят под открытым небом. Ни деревца кругом. Стога соломы — единственное наше укрытие от дневной жары. По очереди — одна сотня в охране на линии кургана Шамшале-тюбе, который переходит из рук в руки — то белым, то красным. На нем полк уже понес большие потери. Это нервирует людей.

Сотенное питание приходит из обоза в походных кухнях. Кормят казаков сытно. У них много мяса, хлеба, овощей, фруктов. Все это идет полубесплатно из богатых станиц от щедрого казачьего населения. Бахчи в полной зрелости своих плодов. Они заброшены хозяевами, так как идут переменные бои, и работать в поле опасно, почему в сотнях много арбузов и дынь. В общем, казаки ни в чем не нуждаются, за исключением боевых патронов, которых у казака 5-10 в патронташе. Вся сила полка — удар холодным оружием, т. е. конной атакой, в то время как красные просто засыпают своим огнем.

Лошади у казаков подморены. Кроме недостатка зернового фуража, ввиду непрерывных боев и передвижений — они не расседываются, стоят на солнцепеке, что уменьшает их аппетит. Далекая водопой, и он бывает случаен. Ежедневно и еженощно в тревоге, почему нет не только что регулярной уборки лошадей, но и самим казакам некогда и негде выкупаться, отчего в полку появились чесоточные люди и лошади. Для свежего глаза заметно было переутомление полка. Старые корниловцы-первопоходники говорили о необходимости отвести полк на непродолжительный отдых, чтобы хоть “помыться казакам”. Но это были только мечты утомленных в походах людей.

Господам офицерам из обоза 1-го разряда приходят пароконные линейки — с отличным борщом, курятиной, фруктами казачьих садов. Вначале мне было непонятно, что “этот выезд” принадлежит лично командиру сотни. Старая привычка, что у каждого офицера должен быть свой походный выюк с одним денщиком, крепко укоренилась за долгую войну. И я не раз спрашивал вахмистра своей сотни: “можно ли мне достать чего-нибудь поесть?” А вахмистр сотни, подхорунжий Харченко*, умный и молодецкий казак, отчетливый по-юнкерски, выслушав мою наивность, вдруг заявляет-докладывает на третий день моего командования сотней:

— Господин подьесаул! Да Вы только прикажите! Все ведь это Ваше — сотенная линейка держится исключительно для командира сотни. Кладите и Ваши сумы туда... чего Вы их таскаете в тороках?

Это меня удивило, но вижу, вахмистр серьезный. Сотню он держит в руках не только что силой одной воинской дисциплины, но больше силой своего личного авторитета во всем. Он их станичник, козарлюга-казак и большой песельник. Со мной он говорит на очень чистом русском языке, а с казаками — только по-черноморски.

— А ну — выходь на писни! — только крикнет он, и все казаки летят к нему.

Все это было для меня странным. Для уточнения — обращаюсь к своему предшественнику, хорунжему Дронову, который теперь у меня младшим офицером в сотне и которого я называю только по имени и отчеству.

— Чья эта линейка, Георгий Иванович? — спрашиваю его.

— Да все это Ваше, Федор Иванович! — смеется он. — В других сотнях не только что у командира сотни, но и у младших офицеров есть свои линейки для личных услуг, — добавляет он. — А Вы чего-то спрашиваете, — смеется он.

— Ну тогда она будет у нас общая для всех офицеров сотни, — фиксирую я.

15 сентября прибывают в полк из отпуска и после ранений — командир 2-й сотни подьесаул Безладнов*, сотник Васильев*, сотник Друшляков* и хорунжий Воропаев*. Здесь произошли некоторые изменения в должностях: войсковой старшина Камянский эвакуируется по болезни и во временное командование полком вступает Безладнов, 1-й сотней — сотник Васильев, сотник Друшляков назначается младшим офицером в 5-ю сотню, а хорунжий Воропаев — в 6-ю.

Офицерский состав полка как боевой элемент был отличный. Кадровых офицеров было только 5 человек: есаул Удовенко и подьесаулы — Черножуков, Безладнов, Елисеев и Сменов (перечислены по старшинству), остальные были офицеры военного времени. В боевом отношении и в командовании сотнями — они были отличны. Большинство было “первопоходников”, но здесь, на фронте — это совершенно не подчеркивалось ими. Обратное явление было “у тыловых”. Это был их удел.

1-я конная дивизия и генерал Врангель

Она состояла из пяти первоочередных полков Кубанского войска и Черкесского конного — всего шесть полков и одной или двух конно-горных батарей (не казачьих). Весь штаб дивизии был не казачий, т. е. в нем не было ни одного казачьего офицера.

Командир 1-й бригады полковник Науменко, ее составляли —

Корниловский полк — подьесаул Безладнов, 1-й Екате-ринодарский полк — полковник Муравьев.

Командир 2-й бригады полковник Топорков*, ее составляли —

1-й Запорожский полк — подьесаул Кравченко*, 1-й Уманский полк — полковник Жарков*.

3-я бригада: 1-й Линейный полк — полковник Мурзаев* и Черкесский конный полк — ротмистр кавалерии, фамилии не знаю.

В боях строгого разделения побригадно не было. Полки часто действовали разрозненно, но бывали случаи, когда три полка разных бригад действовали под командованием то полковника Науменко, то полковника Топоркова. В командование дивизией недавно вступил генерал-майор Врангель, но об этом в полку мало кто знал, о нем не говорили, и его еще никто не видел.

К моему прибытию в полк дивизия, разрозненными полками, занимала широкий участок фронта вокруг станицы Михайловской Лабинского отдела, имея на правом фланге, на левом берегу реки Лабы — 1-й Линейный и Черкесский конный полки, а на правом берегу — остальные полки. Корниловский полк находился на самом левом фланге дивизии, доходя своими разъездами до железнодорожной линии Курганная — Андрей Дмитриевка. Копхальская переправа через Лабу была в руках красных, и они имели даже небольшой плацдарм на левом берегу, перед переправой.

Правее 1-й Конной дивизии, со стороны Майкопа, действовала 1-я Кубанская казачья дивизия генерала Покровского, а левее, по линии железной дороги Кавказская — Армавир — 3-я пехотная дивизия полковника Дроздовского, которая, как мы потом узнали, 13 сентября оставила Армавир, и его заняли красные.

“По данным штаба дивизии, силы находившегося против нас противника исчислялись в 12-15 тысяч человек, главным образом пехоты, при 20-30 орудиях. Конницы было лишь несколько сотен. Противник был богато снабжен огнеприпасами и техническими средствами. При красных войсках имелось несколько бронемашин, достаточные средства связи. Дрались красные упорно, но общее управление было из рук вон плохо”, — пишет генерал Врангель в своих воспоминаниях (Белое Дело. т. 6. стр. 74).

Это признание примем за исходный пункт. 1-я Конная дивизия действовала против Таманской красной армии. По занятии белыми войсками Екатеринодара — эта армия была отрезана от главных красных сил Сорокина. Через Новороссийск, по шоссе, она двинулась на юг берегом Черного моря. Из Туапсе вытеснила грузинские части, повернула на восток и из Майкопа вытеснила дивизию генерала Покровского. Потом, перейдя Лабу, — связалась со своими главными силами и окопалась в районе станицы Михайловской.

Дралась Таманская армия упорно, так как состояла, в своем большинстве, из иногородних Кубанской области района Черноморья, всегда непримиримых врагов казачества и, по нашему мнению строевых офицеров, действовавших против нее, — управлялась она хорошо. Это показали бои.

17-го сентября перед вечером получено было приказание — “полку быть в конном строю, для представления начальнику дивизии”. Временно командующий полком подъесаул Безладнов сообщил нам, командирам сотен, что прибыл новый начальник дивизии генерал Врангель, который приедет посмотреть полк.

К вечеру, почти к заходу солнца, полк выстроился в резервную колонну у тех же скирдов, где имел постоянное охранение участка фронта дивизии. Издали показался маленький автомобиль и шагах в ста от полка — остановился. Из него вышел очень высокий и тонкий офицер в гимнастерке, при шашке и в фуражке. Безладнов, не любивший “тянуться” перед начальством, спокойно скомандовал:

— Корниловский полк — смир-рно! Шашки — вон! Господа оф-фицер-ры! — и ленивым наметом поскакал к нему, держа шашку “под-высь”.

В полку не было ни полкового штандарта, ни хора трубачей, почему картина “встречи” была молчалива и совсем не величественна, как было в старых полках. Полк ведь родился на поле брани и был, безусловно, славен только своими подвигами.

Издали не видно было ни лица генерала, ни его погон. Приняв рапорт, Врангель прошел вперед несколько шагов, остановился, взял руку под козырек, и очень громко, внятно, с расстановкой, густым мощным баритоном, видимо, привыкший долго и картинно здороваться с войсками, произнес:

— Здо-ро-во мол-лод-цы кор-рнил-лов-цы!

— Здравия желаем Ваше-е-е...

Мы предупредили свои сотни, что ждем начальника дивизии, генерала. Конечно, все мы ждали, что появится он обязательно в черкеске и наш кубанский генерал, но оказалось иное. К тому же казакам не было видно ни лица, ни погон генерала, так как заходящее солнце слепило им глаза.

В своих воспоминаниях генерал Врангель пишет, что он привык и мог разговаривать с войсками, но в тот день, переговорив с Безладновым и передав ему какой-то пакет, — он сел в свою машину и тронулся назад, не сказав нашему полку ни одного слова. Безладнов же повернул коня и ленивой рысью возвращался к полку. Полк продолжал стоять молча, тоскливо. Общая картина получилась скучная и томительная.

В полной тишине полка вдруг я слышу слова из передней шеренги своей сотни:

—Шо воно такэ? — т. е. кто это таков?

— А чор-рти... — вторит ему кто-то.

Офицером я впервые стою перед строем черноморских казаков, и такая вольность меня и удивила и задела. “Строй есть святое место” — говорит наш воинский устав и вдруг такая вольность! Быстро повернувшись в седле кругом — повел строго глазами вдоль строя передней шеренги, но... казаки смотрели вперед и лица их были “мертвы”...

Спокойный Безладнов объявил полку, что завтра, с рассветом, назначено общее наступление дивизии. На ночь полк разместился на прежнем месте, все у тех же стогов соломы. Перед ужином, собрав сотню, упрекнул ее, что она, как и все сотни, плохо ответила начальнику дивизии на его приветствие и не сказала слова — “превосходительство”.

— Далэко було, и нэ видно було, чи то було прэвосходы-тэльство, чи ни... — кто-то ответил из задних рядов. Открывался новый лик казака.

Прорыв в тыл к красным

В средних числах сентября месяца 1918 г. Таманская красная армия занимала на Кубани только территорию Лабинского полкового округа с городом Армавиром и часть Баталпашинского отдела с центром в Невинномысской. Со стороны Ставрополя на нее давили пехотные части Добровольческой армии и 2-я Кубанская казачья дивизия полковника Улагая; на Армавирском направлении действовала 2-я пехотная дивизия полковника Дроздовского; со стороны станицы Петропавловской, вправо и влево от нее — 1-я Конная дивизия генерала Врангеля; со стороны Майкопа — 1-я Кубанская казачья дивизия генерала Покровского и со стороны станицы Баталпашинской, как центра, действовали разные отряды и полки полковника Шкуро, потом переименованные в 1-ю

Кавказскую казачью дивизию. Фактически Таманская красная армия была окружена с трех сторон, имея в своем распоряжении единственную железнодорожную магистраль Армавир—Невинномысская и дальше в Терскую область и Петровск, что на Каспийском море.

Как всегда, нам, строевым офицерам, общая обстановка совершенно не была известна. Ночью на 18 сентября в полку получен был приказ по дивизии, что она с рассветом сделает прорыв на станцию и станицу Курганную с востока. Ночью же в полку получен был и приказ по нашей бригаде от полковника Науменко, и так как он касался лично меня, то он хорошо запомнился. В нем писалось, что Корниловский полк назначается в авангард; от него выслать две головных сотни — 1-ю и 2-ю, под общим командованием подъесаула Елисеева; головным сотням идти впереди полка шагом, в 2 верстах, держа конной цепочкой связь со своим полком и ни в коем случае не отрываться дальше от полка.

Задача головным сотням: заняв станцию Курганная, продолжать движение до Кош-Хабльской переправы через Лабу, и если удастся занять эту переправу, то связаться с бригадой полковника Мурзаева, которая действует с северо-запада против этой переправы.

Этот приказ мне запомнился хорошо потому, что 1-й сотней командовал есаул, старше меня в чине и старший по пребыванию в полку. Я же, только что прибывший всего лишь пять дней тому назад в полк, совершенно не знал боевой обстановки и получал очень ответственную задачу. И в том, что дивизия займет станцию и станицу Курганную и тем отрежет главную группу пехоты красных в станице Михайловской, — сомнений не было никаких.

В полночь, к нашим скирдам соломы, подошли пехотные части 2-й дивизии полковника Дроздовского и сменили наше полковое сторожевое охранение. Эта дивизия, 13 сентября оставив Армавир, теперь была переброшена сюда, чтобы, наступая на Михайловскую с северо-востока, отвлечь внимание красных от прорыва нашей дивизии с востока.

При полной темноте 18 сентября, с головными сотнями и 4 пулеметами на линейках, выступил. Сотни шли по ложбине, к мостику через Чамлык, находившемуся у самого полотна железной дороги. По пути головной разъезд захватывает пост красных в 5 красноармейцев. Уже светало. Два казака, ехавшие на мажаре в степь из Михайловской, сообщили, что в их станице очень много пехоты — “как червей их там, проклятых...” — пояснили они.

Головные сотни прошли деревянный мостик через Чамлык. Торная пыльная дорога лежит перед ними до самой станции Курганной. Слева, к югу, совершенно рядом — тянется железнодорожное полотно, а справа, к северу — сплошное поле кукурузы и подсолнечников. Все тихо, мертво кругом в предутренней дремоте. Рассвело. Уже видны станция и станица Курганная, как и Михайловская от нас к северу. Мы уже в тылу у красных. На широких рысях нас обгоняет сотня казаков. Впереди нее высокий тонкий ротмистр в фуражке.

— Кто Вы и куда? — бросаю ротмистру.

— Партизанская сотня 1-го Екатеринодарского полка, для захвата станции Курганная, — коротко отвечает он, не останавливаясь. Но не прошло и 20 минут, как вижу, что эта партизанская сотня, широким наметом, и уже в колонне “по шести”, мчится прямо на нас,

готовая все смять на своем пути. Ничего не зная о случившемся с нею и дав ей дорогу, — слышу от ротмистра:

— Скорее уходите!.. Позади бронепоезд!

И действительно: бронепоезд красных, хищным ястребом, несется на нас со стороны Курганной, готовый, как Змей Горыныч, раздавить, проглотить нас. У казаков только винтовки и пулеметы на линейках, и он неуязвим с нашей стороны. И единственное наше спасение — только в отступлении.

— Отделениями налево кругом! Широкой рысью — назад! Марш-марш! — пронизываю длинный конный строй казаков.

И только что мы проскочили наш узкий мостик через Чамлык, свернули налево и рассыпались по кукурузе, — как бронепоезд был уже на нашем уровне, быстро остановился и немедленно же осыпал сотни жестоким пулеметным огнем.

Рассыпавшись по кукурузе в две линии, фронтом к броневнику, — послушные команде казаки спокойно оставались на своих местах, в каких-нибудь 150 шагах от бронепоезда противника, и лишь некоторые из них склонились грудью к передней луке. Высокая насыпь железнодорожного полотна дала нам как бы “мертвое пространство”. Роем пчел пули пролетели над головами казаков и резко, сухо затрещали по твердым листьям кукурузы позади них.

Быстро соображаю, что по стрелковому уставу — огонь сверху, с горы — не всегда бывает действительный, дает “перелеты”, и этим немного успокаиваюсь. Но тут слева, и также неожиданно, со стороны наших главных сил — раздались два резких орудийных выстрела, попавших прямо в бронепоезд. Он зашипел, заерзал, немедленно же ответил из своих орудий, потом дал задний ход и тихо скрылся от нас за лесом, что у переправы. Наши орудийные выстрелы преследовали его. Он отвечал. И между ними началась орудийная дуэль.

Ко мне подскакал полковник Науменко и тоном, не терпящим возражений, сердито приказал “преследовать бронепоезд”. В колонне “по три” быстро выскочили сотни на дорогу, вновь через мостик, и устремились в преследование, но бронепоезд красных, обсыпав колонну шрапнелью, тихо отползал к Курганной. Наши пушки “не доставали” его, так как были горные, а бронепоезд был вооружен полевыми орудиями. Так было досадно тогда...

Рассыпав сотни в лаву — продвигаюсь к Курганной под шрапнельным огнем. Остальные сотни полка, перейдя Чамлык по тому же мостику, рассыпались почему-то на юг, по направлению к станции Константиновской. Их головные разъезды видны были далеко влево от нас, на курганах. Правофланговый разъезд головных сотен уже перерезал дорогу Михайловская — Курганная, захватив при этом около 30 подвод с продуктами.

“Один из наших боковых отрядов захватил большевистский обоз до 30 повозок, груженных овсом и хлебом”, — так пишет генерал Врангель (Белое Дело. т. 5. стр. 77).

Их захватил небольшой урядничий разъезд моих головных сотен, но не отряд. Почувствовалась “заминка в наступлении”, чтобы не сказать хуже...

За Михайловской слышалась сильная ружейная и пулеметная стрельба — это вела бой с красными 2-я пехотная дивизия полковника Дроздовского, но в нашу сторону, со стороны Михайловской, никто не выступал. Головные сотни Корниловского полка сдерживал своим орудийным огнем только бронепоезд красных. Остальные четыре сотни полка “сдвинулись” влево, на юг и стали терять связь со своими головными сотнями. Пришлось пересечь полотно железной дороги и образовать с ними “одну линию всадников в кукурузе”.

На скирдах соломы, по нашу сторону Чамлыка, видны были фигуры людей. Там, как пишет генерал Врангель, был его наблюдательный и артиллерийский пункт. Возле них стояла спешенная конная группа в две-три сотни человек, кажется — 2-й Офицерский конный полк дивизии Дроздовского. Где были остальные три полка дивизии — 1-й Екатеринодарский, 1-й Запорожский и 1-й Уманский — мы не знали и не видели их. Но по всему было видно, что наше появление здесь было полной неожиданностью для красных, как и то, что мы уже потеряли момент захвата Курганной. Вместо молниеносного наскока на нее всеми полками — лавами разбросан был только Корниловский полк; остальные полки бездействовали, и штаб Конной дивизии сидел на скирдах соломы...

Красные зашевелились. Из станицы Курганной выступила пехота вперемежку с конницей и без затруднения остановила жидкие лавы Корниловского полка. Высокая кукуруза и подсолнечник совершенно скрывали от нас их наступающую пехоту. По всему широкому полю кукурузы видны были головы конных, наших и противника, определяющих линию фронта.

Вдруг из станицы Михайловской кучной массой несетя конница человек в 200 на скирды, на штаб дивизии, явно угрожая нашему тылу. И если она захватит переправу через болотистый Чамлык, то мы попадем в ловушку. Но в этот момент генерал Врангель схватывает какой-то полк такой же силы и резервной колонной, сам впереди нее, широкой рысью, очень уверенно идет навстречу врагу.

Нам издали хорошо была видна эта прекрасная картина конного маневра. Силы были равны, но возьмет верх сильный духом. Видя смелое движение против них, — красные убавили свой аллюр, а генерал Врангель уже перешел в широкий намет. Красные не выдержали, повернули назад и разрозненно отскочили к южным окраинам Михайловской.

Отбросив красных, Врангель быстро отошел к скирдам. Здесь им была проявлена похвальная личная смелость.

Наше наступление-прорыв явно захлестнулось. Нас теперь бьют уже с двух сторон — с севера из Михайловской и с запада из Курганной. Чувствовалось, что мы ослабеваем. Противник же неуязвим, за отсутствием у нас патронов. Левый фланг нашего полка, с далеких курганов, стал отходить крупной рысью. Ободренные красные активно перешли в наступление на мои головные сотни. Шагом, по кукурузе, отходим и мы. Видя это, генерал Врангель, на невысоком кабардинском коне, в гимнастерке и фуражке, наметом скачет к нам, в лавы. Он уже недалеко от нас, и мы слышим его мощный твердый голос:

— Молод-цы кор-нилов-цы! Впе-ре-од!

Здесь я помещу строки самого генерала Врангеля (стр. 77): “Около часу дня цепи красных показались со стороны Курганной, охватывая наш правый фланг. Одновременно конница противника стала на рысях обходить нас, угрожая перехватить переправу через мост на реке Чамлык. В резерве у меня было 4 сотни Корниловского полка. Я приказал им

атаковать конницу красных. Сотни развернулись в лаву, двинулись вперед, но, попав под фланговый пулеметный огонь красных, смешались и стали отходить.

Конница противника продолжала продвигаться. Положение становилось критическим: с захватом моста, имея в тылу болотистый, трудно проходимый Чамлык, — мы могли оказаться в тяжелом положении, нашей артиллерии грозила гибель. Я послал частям приказание медленно отходить к переправе и артиллерии — “сняться”. Лава корниловцев быстро отходила. В сотнях заметно было замешательство. Я решил личным примером попытаться увлечь части за собой и, вскочив на лошадь, поскакал к отходившим корниловцам. Часть казаков повернула, другие приостановились. Стала отходить лава противника. Увлекая казаков криками, я бросился за противником, однако, обернувшись, увидел, что за мной следует лишь небольшая часть казаков. Остальная лава крутилась на месте. Ружейный огонь был чрезвычайно силен. Пули свистали, щелкали о землю, вздымая пыль.

Редко мне, за мою продолжительную боевую службу, пришлось бывать под таким огнем. Упал раненым мой значковый казак. У моего офицера-ординарца убита лошадь. Батарея наша снялась, и было видно, как она отходит рысью к переправе. Немногие скакавшие за мной казаки стали постепенно отставать. Пришлось повернуть и мне. Выругав казаков, я приказал им спешиться и занять небольшой хуторок у переправы”.

Генералом Врангелем очень красочно описан этот момент боя, но это было немного не так. А было вот как.

Видя такое неожиданное и очень смелое появление самого начальника дивизии, скакавшего к лавам (сотни стояли в кукурузе, но не отходили, как пишет генерал Врангель), — ближайšie сотни, моя 2-я и 4-я сотника Зеленского (Врангель появился в стыке этих двух сотен), дружно рванулись вперед, но не за генералом, а с генералом. Мы, командиры сотен, были сами в лаве и даже впереди нее и видели, как скакал к нам генерал. По чувству обыкновенной воинской гордости, мы, до приближения его к нам с криками “молодцы корниловцы — вперед!” — бросились сами вперед с казаками, насколько позволяла коням высокая кукуруза, путавшая им ноги.

Нас, малочисленных и беспомощных, красные наглядно давили назад, к переправе. И мы тогда не знали, что отступление другим частям было дано начальником дивизии. И если это было так, то наша ничтожная жидкая лава трех сотен (моих 2 головных и соседней 4-й, сотника Зеленского) уже не могла спасти положение.

Красные, увидев наше движение вперед, открыли жесточайший огонь. Сотни, проскакав по-кукурузе несколько десятков шагов, замялись. Чувствуя свое превосходство в силах и видя по фронту отступление конных казаков рысью, — красные сами перешли в контратаку. Они были в кукурузе так близко от нас, что мы ясно слышали их крики:

— Лови!.. Лови генерала... “иво мать!”... — и еще смелее устремились на казаков.

Сотник Зеленский, находившийся в непосредственной близости от Врангеля, подскочил к нему и стал что-то активно говорить, а что — я не расслышал. Врангель остановился, потом повернул своего коня и рысью пошел назад, переводя его в намет.

Порыв сотен был отбит. Красные усилили свой нажим. И головные сотни, вначале шагом, а потом рысью, и со всех сторон торопливо двинулись к мосту. Картина полного и безудержного отступления была очень тягостна.

Генерал Врангель свое повествование заканчивает так: “Батарея благополучно перешла мост. Полки медленно отходили к переправе, частью переправились выше по реке, вброд. Наконец пришло донесение от полковника Дроздовского — он сообщал, что атака его дивизии успехом не увенчалась. Части понесли жестокие потери, и он вынужден отказаться от дальнейшего наступления.

На душе у меня было мерзко. Операция, которая, казалось, неминуемо сулила успех, не удалась” (стр. 77).

Генерал Врангель ускакал от нас. Мы остались, и, естественно, каждый командир сотни стремился с честью вывести своих подчиненных из тяжелого и проигранного боя.

Как гибнут казаки...

Я на линии фронта лавы своей отступающей 2-й сотни. Обнаженной шашкой, “показом”, сдерживаю казаков, чтобы они отходили рысью, ровно, и не выскакивали бы вперед меня. Правее меня отступает 4-я сотня сотника Зеленского, а левее — 1-я сотня есаула Шурихина. Мы пересекаем грунтовую дорогу. Вот маленькая прогалина без кукурузы. Огонь красных усилился. Один казак не выдержал огня нам в тыл, выскочил из строя вперед, что-то крикнул, быстро соскочил с коня, схватился руками за лицо, словно у него неожиданно заболели зубы, и, как-то визжа и хрюкая, побежал вперед и... упал. С обеих его щек лилась кровь. Пуля пробила его лицо сбоку, насквозь. Его конь бежит за ним. Несчастный вновь вскочил на ноги, схватился за лицо и побежал. Два казака подскочили к нему и, с седел схватив его под мышки, помогли ему бежать, спастись дальше.

Мы проходим несколько раненых казачьих лошадей с раздробленными ногами и брошенными без седел своими хозяевами. Спасительный мостик через Чамлык находится по ту сторону полотна железной дороги, через которое надо перебросить четыре линейки с пулеметами. Правее нас ека-териодарцы и наши остальные три сотни с командиром Безладным — уже наметом идут к переправе. У мостика, по которому можно проходить только в колонне “по три”, — образовывается “пробка”. Я чувствую, что если мы еще “хлынем” туда, — то будет что-то невообразимое. Умышленно сдерживаю свою сотню в аллюре рысью. Наши лавы головных сотен и Зеленского, сокращая ширину фронта, идут уже раздробленными взводными группами.

Рядом со мной взвизгнул казак, как-то неестественно вздернулся в седле и склонился телом на переднюю луку седла. Его немедленно же подхватили два казака, но... он уже не дышал: пуля пробила ему голову с затылка.

Впереди нас, на рысях, кривляясь из стороны в сторону, четыре пулеметных линейки переваливают через высокую железнодорожную насыпь. Они идут наискось через нее. Поднялись. Они у рельсов. Но колеса линеек своими железными шинами, с визгом скользя по стальным рельсам, как по льду, никак не могут “взять” их. Кучера-казаки ставят линейки по перпендикуляру к рельсам, а нумерные-казаки, быстро соскочив с седел, приподнимают передние колеса. Рельсы “взяты”. Линейки кубарем скатываются на другую, северную сторону полотна. Там уже для них появляется некоторое “мертвое пространство” от огня противника. На душе стало легче: пулеметы спасены. И все это делается под жестоким огнем красных, деловито, с полным сознанием необходимости.

1-я, 2-я и 4-я сотни перевалили полотно и это теперь — арьергард дивизии. Сотни смыкаются в колонны и крупной рысью, сдерживаемые своими офицерами, безостановочно устремляются к мосту и быстро проходят его. По обеим сторонам его, у водяной мельницы, у пролеска и у железнодорожного полотна — цепью залег 1-й Уманский полк полковника Жаркова.

Мои две сотни, отойдя чуть севернее уманцев, заняли позицию фронтом на запад. Скоро снялись уманцы, и вся дивизия двинулась в свои исходные пункты, откуда пришла сюда, для прорыва в тыл красным.

Младшим и подчиненным офицерам тогда не разрешалось критиковать действия своих начальников. Неудачу надо объяснить тем, что в набег дивизия шла шагом. Утренний рассвет застал ее в пяти верстах от Курганной; в бой брошен только один Корниловский полк, и он действовал не скученной массой, а разбросался лавами по фронту на пять верст; вся же дивизия остановилась у самого Чамлыка и не приняла участие в предназначенном набеге.

В то время у красных еще не было дисциплины. Они не ждали и проспали наше наступление. И если боковой урядничий разъезд силой в 10 казаков достиг и перерезал их главную магистраль основных сил с тылом дороги Михайловская—Курганная и успел захватить 30 подвод с овсом и хлебом, то что же могло быть, если бы дивизия, всей своей силой в пять конных полков, свыше 2000 шашек, на рассвете появилась бы у станции Курганная?!

В арьергарде. Временный адъютант

Солнце перевалило за полдень. Казаки и лошади еще ничего не ели и не пили со вчерашнего вечера. Было нестерпимо жарко. А после неудачного боя — было нудно, досадно, тошно на душе. Вахмистр сотни, подхорунжий Харченко, доложил о потерях сотни: через него прошло 2 убитых и 8 тяжелораненых казаков. Лошадей же — гораздо больше. 10 процентов потерь для конницы — это много.

— А тот, что ранен в обе щеки? — спрашиваю его.

— Это не опасно, господин подьесаул, выживет. Я тоже ранен в обе щеки когда-то и — ничего! — докладывает он, молодецкий вахмистр, и показывает на свое лицо.

Действительно — у него, на уровне носа, на обеих щеках — два круглых шрама. Пуля прошла по хрящикам, и он совершенно здоров теперь.

К ночи приказано присоединиться к полку. У первого же большого степного колодца со срубом и корытом большой бадьей казаки достают воду и жадно пьют сами и поят своих измороженных лошадей. Мой конный вестовой из ведра дает пить моему Карабаху. Благородное животное с удовольствием, но совсем не жадно тянет холодную влагу, едва коснувшись воды своим маленьким изящным ртом. Он пьет воду мелкими глотками, и с каждым глотком его тонкие острые, всегда настороженные уши делают короткие, методичные движения вперед и назад, словно подсчитывают свои глотки воды — “раз-два, раз-два”... Выпуклые карие глаза всегда смотрят напряженно и “все видят кругом”. Казак, держа ведро, смотрит на него любовно, улыбается и говорит:

— Як копэць...

— Кто? — спрашиваю его.

— Та Ваш кинь... ну, настоящий копэць! Пье и всэ бачэ! Добрый кинь, — поясняет он.

Копэць, копчик, т. е. — коршун, ястреб — это было очень меткое сравнение. Я это рассказал потом офицерам. Все посмеялись такому сравнению, и мой дивный, юркий как ртуть конь-залет с тех пор так и получил в полку кличку — “Копэць”.

К ночи моим сотням приказано присоединиться к полку. В колонне “по три” Корниловский полк идет на ночлег к своим старым скирдам соломы.

— Командира 2-й сотни к командиру полка! — слышу вызов по длинной колонне полка.

Скачу вперед и представляюсь подьесаулу Безладнову.

— Первым долгом — опустите руку, Федор Иванович, и будем говорить просто. Выручайте! Я слышал, что вы были полковым адъютантом? Пожалуйста, примите должность! Адъютанта тепер у меня нет... Василий Иванович — убит!. — говорит он.

— Убит полковой адъютант?. Есаул Удовенко? Где?.. Когда? — закидываю его недоуменными вопросами.

— Убит наповал... в голову, — печально сообщает он. — Выручайте! — повторяет добряк подьесаул Безладнов.

— К сожалению, не могу, — отвечаю ему.

— Почему, Ф.И.?

— Да должность полкового адъютанта стоит ведь ниже должности командира сотни! А потом — я хочу быть в строю, — отвечаю ему.

На ходу полка мы долго говорили об этом: он уговаривал, а я отказывался.

— Хорошо. Вы будете числиться командиром сотни, а адъютантство примите временно. Пожалуйста! А главное — выручайте. Я ничего не понимаю в канцелярской работе, — продолжает он. — И как хотите, но я вас не отпущу и прошу, как сверстника помочь мне.

Все это было сказано так искренне и так бесхитростно, что я согласился, подчеркнув, что это будет — временно.

В этом набеге командующий полком подьесаул Безладнов с четырьмя сотнями был на левом участке своего полка, по дороге на юг, на станицу Константиновскую. Со штабом полка, с ординарцами, крупной рысью — он так же отходил к мосту через Чамлык. Его пышные белые усы и красивый караковый жеребец под ним были видны нам ясно. К мосту мы подошли чуть позже него. Лицо его не выражало досаду и огорчение. О гибели полкового адъютанта есаула Удовенко, который и годами, и выпуском в офицеры из сотни Николаевского кавалерийского училища был гораздо старше его, он рассказывал:

— Василий Иванович шел позади меня. Вдруг я услышал его легкий окрик. Оглянулся назад и вижу, — он беспомощно склонился к луке своего седла. Казаки подхватили его за талию... но он был уже мертв: пуля пробила ему голову, сразив наповал. В таком положении его и увезли казаки, — закончил Безладнов.

Сотник Зеленский. Причины неудачи порыва

19 сентября полк на биваке все у тех же скирдов соломы. Из станицы Петропавловской к нам прибыл командир бригады полковник Науменко. Все мы сидим в кругу, на земле, под скирдами, прячась от жары. Науменко очень жалеет об убитом есауле Удовенко, который был его полковым адъютантом во 2-м Кубанском походе, да и был почти сверстником его. Взгрустнув немного, он, ласково улыбаясь и глядя в мою сторону, спрашивает:

— А кто это вчера в бою надерзил генералу Врангелю?
Мы все переглянулись между собой, так как ничего не знаем об этом.

— Скажите, не стесняйтесь, — продолжает он. — Об этом мне сказал сам Врангель. “Когда атака захлестнулась на правом фланге корниловцев, какой-то молодой офицер, — рассказывал Врангель, — подскочил ко мне и кричит: “Уезжайте вон отсюда, Ваше превосходительство! Иначе я Вас уберу силой! Я, — говорит Врангель, — вначале опешил от такой дерзости... но потом вижу: красные наседают... атака не пошла... думаю, а может быть, и правда, что тут мне не место и надо уехать? И я уехал...”, — закончил Врангель свой рассказ мне, — дополнил Науменко.

Мы все молчим и переглядываемся, думая, кто же это сказал?

— Он не обижется... а только ему интересно знать, кто это был такой смелый офицер? — продолжал допрашивать полковник Науменко.

— Позвольте доложить, господин полковник? — вдруг говорит сотник Вася Зеленский, поднявшийся на ноги.

Все мы с нескрываемым любопытством подняли глаза на нашего скромного и доброго Васю. Науменко улыбается и говорит: ну расскажите, расскажите, как это было?

— Да как же! — начал он. — Мы уже отступали... силы нет! Вдруг скачет генерал Врангель и кричит: “Мо-лод-цы кор-нилов-цы — Впер-ре-од!” Мы, естественно, перешли в атаку, насколько позволяли кукуруза и подсолнухи, но... вновь захлестнулись. Вдруг я слышу крики красных — “лови!.. Лови генерала... иво мать!” Думаю, — дело плохо, — а вдруг и вправду поймают генерала! Ведь это был бы несмыаемый позор для нашего полка... начальник дивизии попал в плен в рядах Корниловского полка, и полк его не выручил! Да ведь это ужасно бы было!.. А нас так мало было кругом. Ну, я и решил действовать. Я так и сказал: “Ваше превосходительство, Вам здесь не место! Уезжайте вон отсюда!.. Иначе я Вас уберу силой!”

И Науменко, и мы все, выслушав все это, весело расхохотались.

— А право, молодец Вы, господин сотник, что так сделали. Это Вам делает честь. Генерал Врангель осознал свой промах. Но ему хочется только знать фамилию смелого офицера. И не бойтесь. Вам за это ничего не будет, — закончил с улыбкой полковник Науменко. Дивные прошлые времена, времена доверия, чести и полковой гордости...

“3-я пехотная дивизия полковника Дроздовского, на рассвете 18 сентября, должна атаковать противника с фронта. Одновременно я с дивизией и Офицерским конным полком должен был выйти в тыл противника, в районе станицы Курганной, и перехватить пути отхода красных между реками Чамлыком и Лабой”, — так пишет Врангель (стр. 76).

“Недоволен я был и своей неудачной атакой. Части за мною не пошли. Значит, — они не были еще в руках, отсутствовала еще та необходимая духовная спайка между начальником и подчиненными, без которой не может быть успеха” (стр. 78).

В этих словах Врангеля есть правда. Генерала Врангеля полки не знали. К тому же — он был не в казачьей форме одежды, т. е. не в черкеске и папахе, как были одеты казаки. Начальник казачьей дивизии “в фуражке” не imponировал душе казака. Такова тогда была психология казачьей массы. К тому же — генерал Врангель вступил только “в первый бой гражданской войны”, который совершенно отличается от психологии боя “внешней войны”. В боях гражданской войны, в особенности в коннице, — мало “одних слов строевой команды”. Кроме того, в приказе сказано было, что генерал Врангель “временно” командующий дивизией, о чем пишет в своей труде и генерал Деникин.

Все эти, казалось бы, маловажные факты были не в пользу его. И насколько он был поколеблен в своем первом и серьезном выступлении на поле брани гражданской войны, говорят его же собственные слова: “На душе у меня было мерзко. Операция, которая, казалось, неминуемо сулила успех, не удалась”.

Для исторической точности должен отметить, что 2-й Офицерский конный полк тогда дивизии полковника Дроздовского, приданный на время операции к 1-й Конной дивизии, полностью состоял из кубанских казаков и только офицерский состав его был из русской кавалерии. Все офицеры имели свою походную форму одежды, в гимнастерках и фуражках, казаки же, также в гимнастерках, но в папахах, на собственных лошадях и седлах и при своем холодном оружии. Все они поступили в полк добровольно, хотя и подлежали мобилизации по общему войсковому призыву. Полк был четырехэскадронного состава, силою около 250 шашек. Он был в отличном состоянии, так как, находясь при своей пехотной дивизии, не был так изнурен походами, боями и другими передрыгами войны.

В течение гражданской войны я не раз спрашивал казаков: почему они поступили в части Добровольческой армии, а не в свои, кубанские? И всегда получал неизменный ответ: “здесь легче служить... всего вдоволь... не так “гоняют”... и солдатские офицеры нас очень любят и уважают”. Ответ понятный. И почему им не уважать казаков, когда они прибыли к ним не только что на собственных лошадях и с вооружением, но и хорошо обученные строею, уже опытные в войне, как природная казачья конница.

На 2-й день после боя, сидя под скирдами соломы, полковник Науменко спрашивает всех нас о нуждах полка. В полку появилось много казаков с желудочными заболеваниями. Были чесоточные люди и лошади. Командующий полком подьесаул Безладнов просил отвести полк на отдых” на несколько дней, чтобы казаки “хоть бы помылись”. Науменко сам отлично понимал, как и отлично знал состояние полка, и обещал просить генерала Врангеля отвести полк в резерв, в станицу Петропавловскую, что и было сделано скоро.

Безладнов первопоходник и во 2-м Кубанском походе был законным командиром 2-й сотни, когда полком командовал Науменко. Взаимоотношения их были хорошие. Возможно — пользуясь этим, но, думаю, в силу своего прямого характера — Безладнов вдруг, как всегда, громко и грубо спрашивает полковника Науменко:

— А почему Вы все время назначаете наш полк в авангард да в авангард?

Все офицеры сочувственно посмотрели на него. А Науменко совершенно спокойно ответил:

— Потому что — полк носит шефство Великого человека, и он должен это оправдывать и чаще всех бывать в боях.

Наступило маленькое молчание. И Науменко, видимо, чтобы не давать в будущем поблажку подобным разговорам, добавил:

— А хотите, я буду назначать полк в прикрытие к обозам?

— Ну нет!.. Лучше в авангард! — смущенно и покорно ответил Безладнов, и все мы рассмеялись.

В последнем бою полк понес большие потери и, главное, бесплодно. Видимо, это и толкнуло Безладнова как-то сделать протест своему ближайшему начальнику, к которому тогда все относились с большим уважением.

Полковник Науменко поделился со своими корниловцами, что Кубанское правительство вызывает его в Екатеринодар для переговоров о занятии одного важного поста. И когда дня через два-три полк прибыл в Петропавловскую, его он там не застал: полковник Науменко выехал в Екатеринодар.

Елисеев Ф.И.

С КОРНИЛОВСКИМ КОННЫМ

ТЕТРАДЬ ВТОРАЯ

В станице Петропавловской

Корниловский полк, прибыв в станицу Петропавловскую, разместился по квартирам в северной ее части. Штаб полка занял кирпичный дом богатого казака у большой площади. При доме хозяйственный двор с фруктовым садом. Войдя в станицу, меня удивило то, что много хлеба было еще не обмолочено, стояло в громадных “одонках”, уже побуревшее и проросшее от дождей зелеными побегами.

Главнокомандующим красными войсками Северо-Кавказского края был сотник Сорокин, коренной казак этой станицы, принадлежавший к довольно хорошему казачьему семейству. И вот, свой родной казак, с таким высоким, хотя и “красным положением” — он, конечно, имел авторитет в умах станичников, а главное — силу, власть. Уходя из станицы, он мобилизовал молодежь и увел ее с собой. За ними потянулись и некоторые семьи. Вот почему и брошен был хлеб на гумнах и во дворах необмолоченным, над которым казак трудился целый год и теперь бросил на произвол судьбы. Через станичный сбор генерал Врангель распорядился обмолотить его на выработанных процентных началах — одна часть в пользу работавших, а другая — в пользу станицы.

В военной исторической печати часто встречалось, что всеми красными войсками командует “фельдшер Сорокин”, т. е. — не офицер и человек без образования. Сорокин окончил Екатеринодарскую войсковую военно-фельдшерскую школу. Она помещалась на Почтовой улице у самой Крепостной площади, т. е. в самом центре старого Екатеринодара, где когда-то стояли “курени для сиромы” при переселении бывших запорожцев на Кубань, что говорит о ее значимости в войске. Это было закрытое учебное заведение с военным укладом жизни.

Для поступления в школу требовался конкурсный экзамен для казачат, окончивших станичные двухклассные училища. Курс в ней четырехгодичный. По окончании школы они назначались старшими фельдшерами в свои кубанские полки и пластунские батальоны как помощники врачей и назывались — “классными фельдшерами”, в отличие от “сотенных фельдшеров”. Они носили погоны вольноопределяющегося “с витейками”, значит, приравнены по образованию к 4-м классам гимназий и реальных училищ и — две нашивки младшего урядника. На левом рукаве черески -большой галунный угол до локтя, основанием у конца рукава. Последовательно они получали следующие звания, до погон подхорунжего и потом, по удостоению, производились в первый чин военного чиновника — коллежского регистратора (серебряный погон с одним просветом и одной звездочкой). Все это шло по медицинскому ведомству.

Сорокин окончил именно эту школу и Войсковым штабом был назначен в один из Кубанских пластунских батальонов. На войне получил два Георгиевских креста, окончил

школу прапорщиков и был выпущен офицером в 3-й Линейный полк Войска, воевавшим на Турецком фронте в нашей 5-й Кавказской казачьей дивизии. В Финляндии, в 1917 г., я встретил его уже в чине сотника. Таков был этот Сорокин.

В Петропавловскую прибыл и наш обоз 1-го разряда и полковая канцелярия. Надо было воспользоваться отдыхом, чтобы познакомиться с ней. Канцелярии, даже в понятии походов Великой войны, не было. Мне представилась “полковая тачанка” с двумя писарями и ворохом бумаг в сундучках, в казачьих сумах, в мешочках. При тачанке несколько прислуживающих казаков и до десятка заводных лошадей.

— Чьи это лошади? — спрашиваю старшего из них.

— Вакуированих ахвыцэрих, — отвечает он.

— Как их фамилии? — допытываюсь.

— Ны можу знать, — мрачно отвечает.

— А цэй... рябый? — спрашиваю уже по-черноморски, заинтересовавшись крупным пегим конем, чисто цыганского щегольства.

— Та войскога старшины Ермолэнка, — распространяется казак.

— А дэ вин... войсковый? — допытываюсь.

— Та в Катэлиндари (в Екатеринодаре), — отвечает.

Об остальных офицерских лошадях никто из казаков, ухаживавших за ними, не могли мне сказать, — когда и откуда эвакуировались офицеры и почему лошади остались при полку.

От старшего писаря требую офицерский список. По нему в полку числится около ста человек, а наличный состав их на фронте около 25. Узнаю, что есть еще обоз 2-го разряда в станице Усть-Лабинской, при помощнике командира полка по хозяйственной части полковнике Кротове. Имеется “швальная мастерская” в Екатеринодаре под начальством 60-летнего корнета Ярошева, богатого “муковладельца”, которая помещается в его собственном доме. Докладывают, что этот корнет “очень хороший человек”.

— Но дает ли он пользу полку? — спрашиваю.

— Да ведь обоз далеко, а полк все время в движении... вот почему оттуда пока ничего не получаем, — слышу я успокаивающий ответ.

Из всего этого я понял, что у нас есть “два полка”: один на позиции, а другой в тылу. Для ликвидации этого вопроса я вызвал на откровенный разговор временно командующего полком подьесаула Безладнова. Привести в порядок численный офицерский состав по закону он дал мне полное право. В то время почти все командиры сотен в полку были “временные”, что было нехорошо. Это уменьшало желание работать каждого: сегодня он командир сотни, а завтра — вновь младший офицер. Казаки только привыкнут к своему сотенному, как скоро получают нового. Эта чехарда была вредна для дела.

По списку вижу, что многие офицеры не только что давно выбыли из полка, но по слухам — уже служат в разных тыловых учреждениях. Безладнов собрал всех офицеров, по спискам и опросам навели полные справки об отсутствующих и исключили некоторых из списков полка как давно выбывших.

В Петропавловскую прибыли следующие офицеры, коренные корниловцы и вновь назначенные: подьесаул Лопатин, сотники Демяник*, Ковалев*, прапорщики Хлус*, Шевченко*, Дзюба Семен*. Выбыли из полка: есаул Шурихин — по болезни, прапорщики Астахов, Шилинг — оба в штаб дивизии.

После всего этого командующий полком утвердил приказом по полку следующие назначения: командир 1-й сотни — сотник Васильев, 2-й — подьесаул Елисеев, 3-й — подьесаул Черножуков, 4-й — подьесаул Лопатин, 5-й — сотник Демяник, 6-й — подьесаул Сменов, начальник пулеметной команды — сотник Ковалев. Все были зафиксированы как законные командиры сотен. Вместо меня временно командиром 2-й сотни назначен был сотник Лебедев.

Так как полк был “вакантный”, то подьесаул Безладнов был зафиксирован командующим полком, что давало ему право получать жалованье по должности командира полка. Временным адъютантом — подьесаул Елисеев. Всем это понравилось, и мы приступили к ремонту полка.

Стояла сухая ясная осенняя погода. Сотни размещены были очень вольготно по квартирам и ни в чем не ощущали недостатка. 5 октября был наш войсковой праздник. Безладнов согласился отпраздновать “как следует”. Было решено устроить полковую джигитовку. Начальником наезднической команды был избран всеми сотник Демяник. Казаков наездников набралось человек 30.

Немедленно были построены станки для лозы и укола шашками, препятствия, и тренировка началась. Но этим не удовлетворились: на ежедневные конные занятия выезжали и все офицеры. С ними обязательная сменная езда накоротко, потом — рубка и препятствия. Джигитовать же могли только желающие.

После занятий — легкий чай у командира полка во дворе, в тени, за просторным столом. И тут же, за чаем, решались все дела полка и строились дальнейшие планы. Всем это очень понравилось, чем достигалось следующее: во-первых, убили у всех скуку и призвали к активной работе, во-вторых, это общение усиливало полковое товарищество. Главой полка был свой же обер-офицер, с кем легко было всем и обо всем говорить. Да и вообще — в полку выше чина подьесаула никого не было. Весь штаб полка состоял только из двух лиц — командира и адъютанта, и между штабом полка и офицерами не было никаких посредников в лице бывших помощников командира полка } пожилых людей в штаб-офицерских чинах.

Молодым прапорщикам и другим офицерам, получившим чины за боевые отличия, очень понравился “офицерский чай”, на котором они приобщались к офицерской среде. Среди нас постоянное радушие, остроты, смех. А главное — никто не скучал и никто никого не цукал. И это было важно для каждого человека, а для воина, да еще на жестоком фронте — в особенности.

Генерал Врангель и подьесаул Безладнов

Как-то запросто, пешком и в одиночку, пришел в расположение полка наш начальник дивизии генерал Врангель. Командующий полком подъесаул Безладнов слегка заволновался, как при всяком посещении части высшим начальником. Но Врангель, приняв рапорт “о благополучии в полку”, пошел с нами по всем квартирам осмотреть сотни, приказав не тревожить казаков и ничего не говорить об этом, как не вызывать и сотенных командиров. Он хотел посмотреть полк таковым, каковым он есть в обыденной жизни, без официальной натяжки.

Втроем мы заходим во все дворы, входим в сараи, где стоят казачьи лошади, в дома, где живут казаки, и Врангель воочию наблюдает, — как отдыхает полк? Он просит Безладнова говорить ему абсолютно обо всех нуждах полка, совершенно не стесняясь ничем, и говорить запросто, не по службе, а просто — “как равный равному”.

— Я сделаю свою дивизию самой лучшей из всех или же... уйду! — бросил фразу он. И Безладнов, человек совершенно бесхитростный и очень правдивый, “многое ему наговорил”... да так, что Врангель, от восторга за эту его казачью правду и прямоту, обнял Безладнова за талию и прижал к себе. Но я, как не имеющий права голоса, заметил, что генерал порой прищуривал глаза. Мне тогда казалось, что это он делал “от удивления”, как бы спрашивая самого себя — “откуда это появилось такое странное казачье дитя?”, или — чтобы скрыть свои мысли, которые возникали у него, слушая Безладнова, и выявили бы его глаза. Последнее оказалось правильным — он им остался недоволен. Об этом укажется дальше.

Генерал Врангель просил уступить “хоть пару пулеметов другим полкам, ввиду изобилия их у корниловцев”. Безладнов запротестовал. Врангель его уговаривал. И странное дело: чем генерал мягче говорил, тем Безладнов больше дерзил. А потом, словно для того, чтобы прекратить этот ненужный разговор, Безладнов вдруг резко заявил:

— Я тоже хочу, чтобы наш полк был самым лучшим в дивизии! И мы свои пулеметы нигде не получали, а отбили их в боях... пусть сделают это и другие полки!

Разговор переходил в такую форму, что я ожидал, что Врангель “вот-вот осадит” строптивного нашего командира. Но Врангель только улыбался на это и при расставании благодарил Безладнова за всю его откровенность, обещая полковые пулеметы не трогать.

Полк перед генералом Деникиным

В станицу Петропавловскую прибыл командующий Добровольческой армией генерал Деникин. По тревоге — наш полк был вызван на церковную площадь. Для нас все это было исключительно интересно и загадочно. Старые корниловцы давно ждали продолжительного отдыха для полка и отдыха основательного, вплоть до отвода в Екатеринодар.

— Ну, теперь полк его и получит прямо из уст самого командующего, — говорили все. И сердца усиленно бились... ну, наконец-то!.. И сейчас полк получит долгожданный отпуск.

На широких рысях полк прибыл и выстроился резервной колонной на небольшой церковной площади. С пулеметной командой в полку было до 500 всадников. Заполнив всю площадь, сила эта казалось внушительной. Волновался на своем темно-караковом жеребце с густой гривой даже спокойный Безладнов.

Из-за угла скоро показался пешком генерал среднего роста, со спокойными движениями, немного мрачный и полнеющий, но в полном своем физическом расцвете сил. По тому, что его сопровождал генерал Врангель, — я понял, что это и есть генерал Деникин. Я его вижу впервые. На нем обыкновенный армейский китель защитного цвета, темные шаровары “суженки”, вобранные в сапоги, аксельбанты офицера Генерального штаба и пехотного образца шашка через плечо. На голове фуражка защитного цвета. Все на нем было очень просто и скромно.

Безладнов, выкрикнув слова команды военного ритуала, поскакал к нему с рапортом.

— Здорово, храбрые корниловцы! — громко, густым, слегка грустным голосом огласил он ряды строя полка и площади.

— Здравия желаем Ваше прысь!.. — очень громко, дружно и восторженно ответил полк и замер в строю.

Командующий молча обошел ряды полка вплоть до пулеметной команды, все внимательно осматривал и никого ни о чем не расспрашивал. А потом, выйдя вперед и став посередине полка перед его фронтом, начал свою речь, полную похвалы полку за его доблестную работу в долгой боевой службе, полной жертвенности.

— Враг еще не сломлен. Требуется и еще напряжение. Корниловцы должны показать себя, как и раньше, в числе первых. Россия не забудет Ваших кровавых потерь и жертв!

Сердца у всех бились горячо и учащенно, и магическое слово “отдых” — ждали вот сейчас, сейчас... сию минуту, сию секунду...

— За будущую освобожденную Россию, Великую, Единую и Неделимую — УРА! — закончил генерал Деникин. — А теперь — по квартирам. И... отдыхайте, — сказал он Безладнову. И об отдыхе — ни слова. И долгожданный отдых наш канул в вечность. Всем стало сразу же грустно... И такой заметный смотр, смотр в зоне военных действий, и самим командующим — он не порадовал ни офицеров, ни казаков. И хотя с песнями, но невеселый полк возвращался на свои квартиры. Многие офицеры ворчали и ругались. Я молчал, так как был “молодой корниловец”. И все это было потому, что мы совершенно не знали общую боевую обстановку.

Гости из станицы

Однажды утром стояли мы с Безладновым возле плаца, на котором готовились джигиты к полковому празднику. К нам подошла мажара и остановилась. С нее сошли два пожилых казака-старика и, размяв ноги от продолжительного сидения, подошли к нам. Третий остался с лошадьми.

— Дэ цэ тут йе Корныловськый полк? — спрашивает один из них.

— А зачем Вам? — отвечает Безладнов.

— Та мы з Нэзамаевкы... прыйихалы подывыц-ця на своих сынив и спытать командира — можэ шо надо полку?.. То станыця прыставыть (т. е. доставит).

Мы “открыли глаза”: казаки-старички приехали из Незамаевской станицы Ейского отдела, что у южной окраины Донского войска, совершив на подводе не менее 150 верст, чтобы повидать своих сыновей и спросить, — может быть, что надо полку, то станица доставит.

— Хорошо! Корниловский полк стоит в этой станице... я его командир... поезжайте во 2-ю сотню — там Ваши сыновья, — просто и так жестоко-наивно говорит им, старикам, наш добрый руководитель и управитель полка.

Я быстро поворачиваюсь к нему лицом, а спиной к старикам, и быстро говорю, чтобы они не слышали:

— Владимир Арсеньевич... разве так можно?.. Люди приехали издалека... ведь это старики, а не служивые казаки! Зовите их к себе, хоть “на чай”.

Безладнов несколько не удивился моим словам, а словно опамятовался.

— Ну, скажите им Вы... я не умею с ними говорить, — так же просто и спокойно ответил он.

Подьесаул Безладнов — “дитя города”. Родился, рос и учился в Екатеринодаре, где у его отца был собственный дом, рядом со зданием Войскового штаба. Окончил реальное училище и потом сотню Николаевского кавалерийского училища в Петербурге. В отпуск приезжал к родителям также в город. И думаю, что впервые казаков, настоящих казаков, он встретил в полку уже офицером в 1912 г., по выпуску хорунжим из училища.

Мы во дворе. Безладнов сидит за столом и молчит. Старички немного мнутя и не знают, что же им делать?

— Да садитесь вы!.. Чего боитесь? — говорит он им, к несчастью, своим от природы грубым голосом, которым так же говорил и с самим Врангелем.

Ну, совершенно человек не находит с ними общего языка! И это приглашение, такое сухое, да еще с добавлением — “чего боитесь?” — так было не к месту! Пятидесятилетние старички прибыли издалека, с благородной целью узнать о нуждах полка и помочь полку материально... при чем тут была “их боязнь” своих же казачьих офицеров?

Я беру инициативу в свои руки и спрашиваю, что их заставило поехать сюда, на фронт и в такую даль?

— Та чулы мы, шо у полку плохо... нидойидають коза-кы... бо все поход та поход... Старыкы кажут нам — пой-идьтэ Вы!.. У Вас там сыны... можэ и справди голод?.. Тоди од станыци надо дать помогу... бо як прыйдуть ти босякы-болшэвыкы, то... шо тоди будэ?! Мы з кумом посовитува-лысь... и, оцэ, прыйихалы. Тикы, господа охвыцэри, ска-жыть — шо надо полку? И мы прэдаставымо все разом...

Я был в восторге от их рассказов-забот. Повеселел и Безладнов. Ведь такая простота, душевность и жертвенное стремление помочь полку! Мы им ответили, что полку нужны только живые люди, казаки, бойцы, а материальной помощи не надо. А как казаки питаются, “вы сами убедитесь сегодня же”.

Старики приободрились. Мы их уверили в добротности наших порядков и в том, что большевики уже никогда на Кубань не вернутся. Они были очень довольны. Но чай пили “так себе” и все стеснялись. Да и какой там мог быть “чай з панамы?!” Пить с блюдечка — неловко, а из самого стакана, вот как пьют тут же “эти паны” — очень горячо. Да и стыдно сосать сахар, причмокивая, а “внакладку” — и непривычно, и невкусно. И когда мы почувствовали, что все вопросы исчерпаны и им так хочется как можно скорее повидать “своих сынов”, — ординарцу приказано было проводить дорогих гостей во 2-ю сотню.

Наш отдых полка проходит в работе по его ремонту и в подготовке к войсковому празднику. При генерале Врангеле жена. Она заведует санитарной летучкой. Небольшого роста, скромно одета. Они оба часто посещают станичную церковь и ходят даже к всенощной службе. Мы же посещаем церковь очень редко. Казаки полка также, а почему — не знаю. Безладнова возмущает частый и очень шумный разгул в пулеметной команде, расположенной в непосредственной близости от штаба полка, офицеров и урядников совместно, но мер к прекращению этого он не принимает. Урядники их станичники, старокорсунцы, почти сверстники летами. Прапорщики Константин и Семен Дзюба сами недавно были урядниками. Во главе же всех кутящих стоит начальник их команды сотник Ковалев. Все они отлично поют черноморские песни. Команда признана храброй, и это останавливает Безладнова от проявления власти.

Генерал Врангель издает строгие приказы и за грабеж — повесил одного черкеса, тут же, на площади. Мы удивились этому: грабеж, может быть, и был, но мелкий; и черкес грабил того, кто его ограбил; и это было так естественно. К тому же — это был черкес. Их большевики разорили целыми аулами. Так зачем же казнить?! Отнять жизнь у человека из-за мелкого грабежа у большевизанствующих же крестьян? Практичнее — отправить виновного на фронт. В гражданской войне, одним “сухим приказом” — не добьешься успеха.

“В первые же дни прибытия моего в дивизию — я повесил несколько мародеров”, — пишет Врангель на стр. 81.

“Заречные аулы жестоко пострадали от большевиков. Некоторые аулы были выжжены дотла. Много черкесов расстреляно и замучено. В одном из аулов несколько десятков черкесов были живьем закопаны в землю”, — пишет он же на стр. 80.

Такова действительность по книге и... в жизни.

По хозяйственным делам полка часто вижу с помощником станичного атамана, приказным Сорокиным. Он родной брат главнокомандующего красными войсками Сорокина, и лицом похож на него, только совсем не щегольский казак, но очень услужливый, умно услужливый, по-деловому и не заискивающий.

— Не родственник ли Вы его? — спрашиваю вначале.

— Родной брат... только младший, — молодецки отвечает он.

Чтобы точнее узнать о его брате, — почему он пошел с красными — я подкупаю его тем, что говорю:

— Ваш брат, сотник 3-го Линейного полка, был со мной в одной дивизии, и я хорошо его знаю. Расскажите, — почему он у красных?

И брат отвечает:

— Он тщеславен... только из-за этого и ушел к красным. Но он большой казак. И когда брат с войсками уходил из станицы, я спрятался, чтобы он не захватил и меня с собой. Станица же его любит. И вот, как пример, меня, его родного брата, избрала помощником станичного атамана, хотя я имею только чин приказного, — рассказывает он, совершенно не смущаясь, и вижу, бесхитростно.

Вот такова голая действительность, под которую никак нельзя подвести “сухой закон”. И этот приказный, помощник станичного атамана, очень много помог полку в доставке фуража и довольствия.

Поход

До войскового праздника оставалось четыре дня. Мы уже предвкушали его, как вдруг, рано утром 1 октября, из штаба дивизии, прискакал офицер-ординарец с приказанием от генерала Врангеля: “Корниловскому полку спешно, переменным аллюром, двигаться на станицу Михайловскую. Красные снялись ночью с позиций, оторвались от нас и отступили неизвестно куда”.

Прочитав это, Безладнов мрачно произнес: “прос-спа-али...” и выругался грубо. Трубач трубит тревогу. Сотни, ничего не зная, бросились седлать. Ординарцы поскакали к своим сотенным командирам со словесным приказом — “поход”! Все перевернулось вверх ногами...

Широкой рысью отдохнувших коней, поднимая клубы пыли, несется полк к Михайловской. До нее 12 верст. Мы в станице. Генерал Врангель со своим штабом уже там, прибыв на автомобиле. На улицах толпы народа. На лицах всех ликующая радость. Ласковыми глазами, полными любви, встречают они наш полк.

На площади, у станичного правления, стоит сотня конных черкесов, состоящая из пожилых и богатых стариков.

Они добровольно конвоируют генерала Врангеля, который находится в станичном правлении. На нас черкесы смотрят восторженно, веря в нашу силу. Из станичного правления выходит Врангель, бодро здоровается с полком и приказывает переменным аллюром, через станицу Курганную, двигаться в станицу Родниковскую.

Не задерживаясь, полк немедленно двинулся. Безладнов вновь зло и “густо” ругается. Это была его привычка. Выходит, что красные оторвались от нас более чем на 40 верст, и мы об этом ничего не знали.

Приведем здесь выдержки из генерала Деникина: “В ночь на 1 -е октября арьергард Михайловской группы красных, взорвав мост у Кош-Хабльской переправы, стал отходить в направлении станицы Урупской. Это обстоятельство побудило перейти в решительное наступление все три наши левобережные дивизии. Генерал Врангель, опрокидывая арьергарды красных и догоняя главные силы его, в 1-й же день прошел до 50 верст, следуя на Урупскую и Без-скорбную” (Очерки Русской смуты, т. 3. стр. 226).

А вот что пишет об этом генерал Врангель: “В ночь на 1-е октября я получил донесение от командира 1-го Линейного полка полковника Мурзаева, что противник взорвал железнодорожный мост в тылу Кош-Хабльской переправы и что неприятель оттягивает свои части на правый берег Лабы. Я немедленно сообщил об этом на сторожевые участки, приказав войскам — при первых признаках отхода противника — перейти в решительное наступление.

Сделав все необходимые распоряжения, я на автомобиле, в девять часов утра, выехал в станицу Михайловскую. На площади меня уже ждали старики с хлебом-солью. Огромная толпа загрозила площадь. Когда я говорил с казаками, — многие плакали. Большевики, уходя, забрали с собой из станицы заложников.

1-го октября был днем местного Храмового Праздника. Я присутствовал на службе, которая была особенно торжественна и трогательна. Молились на редкость искренно и горячо. По окончании богослужения я вышел на площадь, куда к этому времени стали стягиваться линейцы и черкесы”.

Здесь генерал Врангель путает: это был Корниловский полк и та громоздкая сотня черкесов-стариков, которая прибыла его сопровождать. Линейный и Черкесский полки стояли на позиции против Кош-Хабльской переправы, и, ясно, оба полка двинулись за противником, но не пошли назад, в станицу Михайловскую. Эта ошибка Врангеля подтверждается тут же его следующими строками: “На левом фланге бригады построился под зеленым знаменем отряд стариков-черкесов залабинских аулов. Командовал отрядом старик-черкес Шавгенов, богатый коннозаводчик” (Белое Дело. т. 5. стр. 79 и 80).

На небольшой станичной церковной площади Корниловский полк с пулеметной командой, около 500 всадников, производил впечатление большой силы. Правее полка, под углом, действительно стояла сотня стариков-черкесов, о которых пишет Врангель. Мною же это пишется для войсковой истории, тем более о Корниловском полку Врангель ничего не упоминает, хотя и здоровался с ним и дал полку следующее боевое распоряжение. По этим двум выпискам высших генералов, наших военачальников, видно, что мы “упустили отход красных”.

Полк шагом идет по станице. Везде на улицах, у дворов, много радостно взбудораженного народа. Навстречу нам идет бородатый казак лет 45 — мрачный, злой, со смятой бородой, в расстегнутом бешмете. Вид у него был таков, словно он, проснувшись утром, увидел, что у него все его хозяйство разрушено ночными грабителями. Почему он, указав рукой на изломанные деревья станичного садика, говорит зло:

— Подлецы... что сделали с деревьями... разбойники, — чем выражал весь свой гнев на красных, видя нас, белых, его освободителей. Но вдруг я слышу от Безладнова в сторону старика:

— А отчего Вы их не выгнали отсюда?.. Да еще кормили их...

До станицы Курганной 12 верст. На нее идет широкий пыльный шлях. Вошли в станицу. Жители высыпали на улицу и радостно смотрят на нас. Некоторые плачут, другие радостно приветствуют, давая казакам хлеб и фрукты.

— Што — дождались, сукины сыны? А где ваши молодые казаки?.. Ушли с красными? — вдруг зло бросает Безладнов в большую группу старых казаков и баб, стоявших у ворот. Я буквально оторопел от этих его слов.

— Да-да!.. Сукины сыны... все ушли! — вдруг вторит ему едущий рядом с нами бородатый подполковник, командир конно-горной батареи, не казак, приданный к нашему полку.

Это меня так взорвало, что я тут же им обоим выразил полное свое негодование. Они ничем не реагировали и мы дальше следовали молча.

В станицах Родпиковской и Константиновской

Не задерживаясь нигде и не встречая красных, полк вошел в станицу Родниковскую. Мы прошли уже около 50 верст. Солнце клонилось к своему закату. Врангель на автомобиле обогнал нас и был уже в станичном правлении. Где были в это время полки нашей дивизии, мы не знали.

Полк выстроился на церковной площади. Она заполнена была народом. Красные еще ночью ушли отсюда, и население станицы как бы не верило, что к ним пришли те “белые”, которых они так давно и горячо ждали. Тут же, совершенно рядом, очень низким берегом, поросшим кугою и камышем, — протекала Лаба. Ее заводь с порослями была так характерна для казачьей станицы бывшего Кавказского линейного войска. У станичного правления бурлили старики: кто-то из них, сегодня, сейчас, будет “за атамана станицы”.

Полк стоял в спешенном порядке, не расходясь, держа лошадей в поводу. Возле нас целая ватага казачат-подростков в рваных бешметиках, в потертых шапчонках и в изношенных башмаках. С нескрываемым любопытством и детской наивностью они заглядываются в наши лица, рассматривают наше оружие, черкески, коней... и тут же громко делятся своими впечатлениями. Они словно слегка забыли “казачий строй” и форму казачьей одежды под гнетом красных и теперь, увидев все это, старались восстановить в памяти то, что было почти год тому назад. Они заглядывают казакам в рот, слушая малопонятную для них “мову” казаков-черноморцев.

— А ты зачем суды пришел? — вдруг слышу я. И едва успел оглянуться на произнесшего эту фразу, как один подросток-казачок стал “дубасить” другого.

— Ты за что же? — кричу ему.

— Ы-ы... дык ета балыпавик, дядинька!.. Када ихния тут были, — он нас бил... а теперь вот мы иво! — быстро проговорил мне казачок-подросток лет десяти.

Быть ему урядником, думаю: активный и смышленный. Но... война для всех! Даже и для детей. Не жуткая ли эта трагедия, — подумал я тогда, и мне стало как-то грустно.

5-ю сотню сотника Демяника оставляют здесь “для наведения порядка”. Полку приказано немедленно идти в станицу Константиновскую, где и расположиться на ночлег. Полк круто поворачивает на восток. Врангель пошел в станичное правление говорить со стариками.

В станицу приходим почти ночью, когда казачки готовят “вечерять”. Тьма на улицах — хоть глаз выколи. Станица большая. Квартирьеры не успели нас встретить, и полк блуждает по улицам. Во дворах слышится женский надрывающий душу плач и

неумолкаемый лай собак. Это плачут жены тех казаков, которых красные мобилизовали и увели с собой.

— Што с ними будет?.. — причитает одна из них, встретившаяся нам на улице. Наконец квартирьеры нас нашли. Штаб полка, т. е. подьесаул Безладнов со мной, разместился в богатом доме. В семье одни бабы и дети-подростки. Сами, без наших слов, накрывают нам стол и, накрыв, просят кушать.

Да где же хозяин? — как всегда запросто спрашивает Безладнов своим громким голосом. И старушка, крупная, представительная и еще бодрая казачья мать, которая в семье пользуется исключительным уважением, как глава патриархальной семьи, — она беспомощно и всхлипывающее заплакала, приговаривая:

— ...ак-каян-няя... пагубили маиво сыночка...

Я сразу же все понял. И ее слова “акаянняя и пагубили”, причитаемые в плаче чисто “полинейски”, — этим она сказала “все”.

— Успокойтесь, бабушка... сядьте на скамеечку и расскажите, кого погубили? — ласково говорю ей, обняв за плечи. В это время вошла старшая сноха — высокая, красивая и величавая женщина лет тридцати. У нее очень грустное лицо. Видно, что свое горе она уже выплакала и теперь ее святая обязанность — “вести дом и пригождать дорогой свекровьюшке”, потерявшей своего старшего сына-соколика. А она... она будет только трудиться и плакать незаметно для других о расстрелянном своем муже. Она и передала нам кратко, что муж ее был урядником 2-го Лабинского полка и с войны вернулся прапорщиком.

— Мы богаты и очень почитаемы в станице. Муж был серьезный и такой хороший и уважительный для всех! Ну, конечно, пришли красные, арестовали... потом выпустили. Он скрывался... потом арестовали опять и... расстреляли. Не расстреляли, а исказили всего, — закончила она, молодая вдова. Потом сняла со стены карточку. Он снят с казаками. Почти со скобелевской бородой, с благородным открытым лицом и с острыми наблюдательными глазами — перед нами стоял казак в погонах прапорщика. Это был характерный тип линейного казака, предки которого свой острый взгляд выработали в долголетней борьбе с храбрыми горцами Кавказа.

Их горе, их трагедия были так понятны нам, что я даже пожалел, что мы попали в этот дом. Тут у самого такое горе с гибелью нашего отца, а теперь вот у других... И горе этих женщин, их смирение и внимание к нам, освободителям, было так искренне, что даже разжалобило и Безладнова.

В этот день наш полк прошел около 60 верст и не настиг отступавшую пехоту красных. И надо признать, что этот отход-маневр красных был хорошо продуман и отлично выполнен.

“По данным штаба дивизии, силы, находившиеся против нас (т. е. Михайловская группа, Ф.Е.), исчислялись в 12-15 тысяч человек, главным образом пехоты, при 20-30 орудиях. Конницы было лишь несколько сотен.

Красные, имея пехоту на подводах, отходили чрезвычайно быстро. К вечеру наши части достигли линии станицы Чамлыкской и хутора Синюхинского, пройдя за день 40-45 верст.

Колонна полковника Топоркова (1-й Запорожский и 1-й Уманский полки) нагнала в районе Синюхинских хуторов арьергард противника, нанесла ему поражение и захватила более 100 пленных, пулеметы и большой обоз”, — так пишет генерал Врангель в своем труде “Белое Дело”, т. 3, стр. 74 и 81.

А пока что мы сидим с Безладновым и возмущаемся тем, что мы буквально прозевали отход красной пехоты и никак не можем нагнать ее арьергард. И пять первоочередных полков нашего Кубанского Войска и Черкесский конный — все эти шесть полков Кубанской конницы распылены, действуют самостоятельно, скачут за красными по разным дорогам, скачут за красной пехотой и не могут нагнать ее. И это вместо того, чтобы все эти полки, цвет войска, собрать в один кулак и ударить всей силой в главный красный пункт его отступающих частей, на станицу Урупскую.

На Урупскую. Жуткая трагедия казаков

На утро следующего дня, 2 октября, получен приказ по дивизии:
Через Синюхинский хутор — наступать на станицу Урупскую.

Авангард — 1-й Запорожский и 1-й Уманский полки под командой полковника Топоркова (они ночевали в Синюхинском хуторе, Ф.Е.).

Главные силы — Корниловский и Черкесский полки, под командой подьесаула Безладнова, которым выступить из станицы с рассветом.

В назначенный час главные силы выступили. В голове идет Корниловский полк. Светало. На углах улиц стояли бабы-казачки, только что прогнавшие коров в стада. Мы тихо, спокойным шагом, проходим мимо них. Вдруг от одной из групп баб, наперерез голове колонны полка, смело и уверенно идет крупная казачка лет 45 с длинной сучковатой хворостиной и громко говорит Безладнову:

— Паслухай, што я тибѣ скажу!.. Мы Вас ждали как Бога, а ночью целый взвод черкесов насильничал маю дочь... и ана теперь не может встать...

Краска стыда и злости ударила мне в лицо. Безладнов пробурчал что-то, грубо выругавшись по адресу черкесов, и мы, не останавливаясь, проследовали дальше, оставив баб позади себя. Не останавливать же колонну войск и производить дознание. Да и можно ли найти виновных? Такова жуткая “картинка войны”. Она еще тем жутка, что мы оба были возмущены, но не подняли вопрос и перед командиром Черкесского полка. Он был как бы излишним в боевой обстановке.

Главные силы шли шагом, не торопясь. Спустившись в глубокую балку и по мостику пройдя болотистую речонку Синюху, колонна остановилась у окраины Синюхинского хутора, западнее его. Построив полки в одну линию полковых резервных колонн, фронтом на восток, Безладнов спешил их. Казаки и черкесы скоро принесли от жителей хлеб, молоко, пчелиный мед и принялись завтракать. Из авангарда полковника Топоркова не было никаких вестей, и мы не знали, где он находится.

Из Константиновской, на автомобиле, скоро появился Врангель. Приказав на месте ждать его распоряжений, он двинулся дальше через хутор, к авангарду. Не прошло и полчаса времени, как к нашей колонне подошла мажара. С нее весело спрыгнули человек 15 молодых казаков и заговорили с нами. Казаки нашего полка немедленно окружили их и стали расспрашивать, — откуда и что? Все они были молоды, видимо, еще не служили, все довольно хорошо одеты по-станичному — в маленьких папахах, в темно-серых тужурках с лацканами на бортах войскового цвета, в шароварах с красными кантами, вправленных в сапоги. Одеты были так, как казаки идут “на станицу”, т. е. в центр станицы по каким-нибудь делам в полурабочем, в полупраздничном костюме. Некоторые в ватных бешметях. И только один был среди них старый казак лет 35, с небольшой черной бородкой, подстриженной “по-азиятски”. Конвоирующий их казак подъехал к нам, ко всей группе офицеров Корниловского полка, и подал записку. По положению полкового адъютанта — я беру ее, разворачиваю и читаю вслух:

“В подсолнухах захвачено 15 скрывавшихся казаков красной армии из станицы Константиновской, которых и препровождаю. Командир 1-го Уманского полка полковник Жарков”. И поперек этого донесения читаю надпись: “В главные силы. Расстрелять. Генерал Врангель”.

Все слышат последние слова и словно не понимают: кого расстрелять? и за что?

— Это явное недоразумение, — говорю я Безладнову. — Его надо выяснить... это ошибка, — продолжаю.

— Какая ошибка? — спрашивает, скорее отвечает мне он. — Красные?.. Ну и... расстрелять! — добавляет Безладнов.

На эти слова своего командира полка сотенные командиры, пользуясь равенством в чине, — Черножуков, Лопатин, Сменов заговорили сразу же все, что — это есть ошибка, недоразумение, что генерал Врангель не разобрался, торопясь к авангарду, что время у нас есть, это не спешно и прочее. И вдруг мы слышим от Безладнова, что — “никакого недоразумения нет, это пленные, это “приказ” и если приказ, то какой же может быть разговор?”

Мы слушаем его и не верим своим ушам. Все это показалось нам таким диким, что становилось страшно за могущий быть произвол. Вокруг нас казаки слушают наш, уже довольно крупный, разговор и молчат. Насторожились и пленные. Они стоят тут же и все слышат... Я беру себя в руки и начинаю действовать, чтобы спасти жизнь этих казаков. Донесение, по положению, находится в моих руках. Быстро подступаю к пленным и спрашиваю — “кто они? и как захвачены?”

Наперебой, запальчиво отвечают, что — “они казаки станицы Константиновской. Их вчера мобилизовали красные и насильно увезли из станицы; сегодня, когда завязался бой и красные отступили, — они умышленно спрятались в подсолнечниках, чтобы не идти дальше с ними, и сами вышли к казакам; у них дома “закопаны” винтовки, все их в станице знают — только справьтесь об этом, станица ведь недалеко!” — закончили они. Под полное одобрение всех офицеров и молчаливое созерцание казаков — резко докладываю своему беспечному командиру полка, подчеркивая еще раз, что это ошибка, и будет безумием расстрелять своих же казаков, таких же “белых”, как и мы.

— Я ничего не знаю. Мне приказано, и я исполню, — вдруг упрямо заявляет Безладнов, лежа на бурке.

Я смотрю на него и, еще не веря этим его словам, ищу еще что-то ему сказать особенно доказательного, чтобы внушить ему всю несуразность и жестокость его мышления.

— Да подождите хоть полчаса! Можно послать к генералу Врангелю офицера, чтобы выяснить все это на месте! — совершенно не по-воински говорю ему, не как подчиненный ему офицер и его полковой адъютант, а говорю “как человек” и как равный с ним в чине. А Безладнов отвечает мне уже решительно:

— Мне приказано, и я — исполню!

И на все мои доводы — вдруг говорит “о святости приказа начальника”. Тут я уже не вытерпел. И, передавая ему этот трагический листок донесения полковника Жаркова с резолюцией генерала Врангеля, заявил:

— Ну... действуйте теперь Вы сами... а я отхожу от этого дела.

Передав донесение — отошел в сторону, тяжело дыша. Мое такое заявление произвело впечатление на офицеров полка. Сотенные командиры заявили Безладнову: “чтобы не было поклепа на один Корниловский полк за расстрел своих же казаков, они просят разделить пленных пополам, между нашим и Черкесским полком, и пусть каждый полк расстреливает “свою половину”. Конечно, — это не был даже и соломонов суд.

От черкесов прибыл корнет Пшемаф Ажигоев*, мой старый друг по Майкопскому техническому училищу, человек высокого благородства. На предложение Безладнова он попросил посоветоваться со своими офицерами. Ушел и скоро вернулся с другим корнетом Беданокowym*. Они доложили, что “господа офицеры Черкесского полка просят помиловать пленных до выяснения”. Но у Безладнова, видимо, заговорило упрямство казака-черноморца: он тут же приказал — “разделить пленных пополам и немедленно же расстрелять”.

Услышав это, пленные казаки побледнели. Какой-то длиннородый старик упал на колени в их кругу, поднял глаза к небу, заплакал старчески и начал широко креститься. Эту картину, по своей жути, трудно описать. Пленных разделили пополам между полками и повели... Я еще не верил в это. Мне казалось, что это был сон и сон дурной. Но когда в тридцати шагах от нас раздались беспорядочные выстрелы, я быстро лег на землю лицом вниз, словно омертвелый... Через 5-10 минут слышу голос офицера, исполнившего приказание Безладнова. Прапорщик из урядников-пластунов, неискушенный человек, мешая русский и черноморский языки, он докладывал, что — “насылу рострэлялы... у козакив дуже тряслысь руки...”

Выполняя последний долг христианина, я пошел посмотреть на несчастных. Они распластаны в густой крови, еще не остывшей. Вокруг них стоят казаки-корниловцы и тупо смотрят на трупы, а что думают они — неизвестно. 15 казачьих трупов валялись в беспорядке у западной околицы хутора Синюхина, а в 15 верстах от них, за пригорком — живым укором отчетливо видна была колокольня их Константиновской станицы, в которой были их дома, и где жили их родители, братья, сестры, жены. Они больше уже никогда не увидят их.

Подвода, на которой были привезены пленные, сиротливо стояла тут же.

— А где же возница? — спросил кто-то.

Высокий сухой мужик-подводчик лет семидесяти, также мобилизованный в подводцы, тот, что молился Богу, ничего не зная, стоял с пленными. Его машинально включили в группу и... также расстреляли. На биваке полка наступила жуткая тишина, словно перед грозой. Казаки разошлись по своим сотням, а мы, офицеры, ушли всяк в свои думы-мысли.

Расплата

Немезида, богиня возмездия, карающая за преступления, появилась немедленно же. Вдруг прискакал казак со словесным приказанием от генерала Врангеля: “Бригаде спешно идти вперед. Наши отступают. Запорожцы потеряли даже свои два орудия”.

Это вывело нас всех из тяжелого раздумья. Наметом бригада быстро проходит хутор, поднимаясь вверх, на плато, и видим небывалую для нас картину: под уклон, нам навстречу, в полной панике несутся наметом санитарные линейки; между ними скачут отдельные казаки; вот идут зарядные артиллерийские ящики, за ними артиллерийские “уносы” (запряжки) без орудий. Все мчится с пригорка прямо на нас. Полк невольно сворачивает с дороги, чтобы не быть смятым. Где противник — мы не знали. Выскочив на плато, полк встретил генерала Врангеля, шедшего нам навстречу совершенно одного и оглядывавшегося назад. Он приказал немедленно же полку рассыпаться в лаву и двигаться вперед. И когда полк по скошенному полю, “по стерне”, выскочил на гребень, — мы увидели далеко впереди себя хвост конницы красных, шагом отходящей к станции Урупской. Южнее нас, отдельными сотнями, продвигался вперед 1-й Запорожский полк. А что случилось, — мы еще ничего не знали.

Генерал Врангель так описывает случившееся: “С рассветом 2-го октября преследование возобновилось. Противник, спеша к переправам, быстро отходил перед нашими частями. Приказав бригаде полковника Мурзаева следовать через хутора Синюхинские за левой колонной дивизии, — я остался в станции Константиновской, дабы говорить со станичным сбором и отправить необходимые телеграммы”.

Здесь генерал Врангель вновь путает части. Это были Корниловский и Черкесский полки под командованием подъесаула Безладнова. Полковник Мурзаев со своим 1-м Линейным полком и 1-м Екатеринодарский полковника Муравьева были направлены на юг, на станцию Лабинскую, которую и заняли.

Продолжаем дальше по книге Врангеля: “Закончив дела, часов около десяти, выехал на автомобиле на хутора Синюхинские. Я застал там линейцев и черкесов (поправляю — корниловцев и черкесов, Ф.Е.), расположившихся на привале. Лошади были заведены во дворы (нет, полки стояли на западной окраине хутора, на открытом выгоне, Ф.Е.), люди пили чай. Мне передали донесение полковника Топоркова. Он в шести верстах вел бой с прикрывающим переправу арьергардом противника. Я решил проехать туда. Полковник Топорков, со штабом, находился на артиллерийском наблюдательном пункте, на небольшом кургане. Тут же, за курганом, стояли два горных орудия, шагах в двухстах. За скирдами соломы расположились в прикрытие к батарее две сотни запорожцев. Впереди маячила лава.

Цепь противника залегла вдоль оврага, тянувшегося в 1500 шагах перед фронтом. Пули посвистывали, долетая до наших батарей. Я оставил автомобиль возле прикрытия и пешком, со старшим адъютантом капитаном Роговым и ординарцем, прошел к батарее.

Расспросив полковника Топоркова об обстановке, я взял бинокль и только стал рассматривать позиции красных, как услышал крик: “конница!”

Лава запорожцев, повернув, поскакала на батарею. За ней, из-за оврага, поднималась густая лава красной конницы. Командир батареи подал команду: “Беглый огонь!” Однако запорожцы продолжали скакать, преследуемые конницей противника. Было ясно, что на плечах казаков красные ворвутся на батарею. Раздалась команда “На-задки!” Но было уже поздно: отдельные всадники пронеслись мимо нас.

Поддавшись общему бегству, стоявшие в прикрытии две сотни запорожцев поскакали в тыл. Я, полковник Топорков и другие офицеры пытались остановить скачущих казаков, но — тщетно. Все несло неуклонно. Отдельные неприятельские всадники стали подсакивать к орудиям. Одно орудие опрокинулось. Я видел, как артиллерийский офицер выстрелил в одного из набросившихся на орудие всадников, и как другой, наотмашь, ударил его шашкой. Окруженный несколькими кавалерийскими всадниками — рубился полковник Топорков. Я бросился к своему автомобилю, но, к ужасу, увидел, что машина, работая на холостом ходу, стоит, врезавшись передними колесами в пахоту. Далеко впереди мелькали бросившие машину шофер и его помощник. Я побежал к кукурузному полю. Правей и левей меня скакали врассыпную казаки и бежали артиллеристы. Вокруг второго орудия шла свалка, раздавались выстрелы, сверкали шашки. Ко мне подскочил артиллерийский офицер — “Ваше превосходительство, возьмите мою лошадь!” Я отказался. Офицер настаивал, продолжая ехать рядом со мной. “Лошади Вашей я не возьму все равно. Скачите в хутор, ведите сюда линейцев и черкесов (корниловцев и черкесов, Ф.Е.), а также мой конвой и моих лошадей!”

Офицер поскакал. Я продолжал бежать. Оглянувшись, я увидел трех всадников, скакавших ко мне. На ходу они нагнали какого-то бегущего солдата. Раздался выстрел, и лошадь одного из них упала. Остальные набросились на солдата. Я схватился за револьвер, но, к своему ужасу, увидел, что кобура пуста: накануне я подарил мой револьвер начальнику Черкесского отряда в обмен на поднесенный мне им кинжал и совсем забыл об этом. Шашки на мне не было. Я был совсем безоружным. В эту минуту, правее меня, показалась мчавшаяся во весь опор лазаретная линейка. В ней сидели две сестры милосердия, и лежал раненый офицер-артиллерист полковник Фок. Напрягши все силы, я пустился бежать за линейкой, нагнал ее и на ходу — вскочил. Красные всадники стали отставать.

Отчаяние и злоба душили меня. Гибель батареи, бегство запорожцев, бессилие мое остановить казаков. Сознание, что мне доселе не удалось взять мои части в руки, поднимало в душе моей бурю негодования и горечи. Я всячески гнал лазаретную линейку и трепетно взглядывал вперед, — помощь не приходила.

Наконец мы нагнали солдата, верхом на артиллерийском уносе. Взяв у него одного из коней, я верхом, на неоседланной лошади, бросив линейку, поскакал и вскоре встретил идущих на рысях линейцев (корниловцев, Ф.Е.). За ними шли черкесы. Развернув бригаду, я повел ее вперед. Противник сразу стал быстро отходить за свою пехоту. Он успел увести оба орудия и мой автомобиль, забрав с собой своих раненых, и догола раздеть оставшихся на месте боя трупы наших офицеров и солдат. Мы потеряли семь артиллерийских офицеров и несколько солдат-артиллеристов, зарубленных на самой батарее” (Белое Дело. т. 3. стр. 82, 83).

По описанию самого Врангеля — это был трагический случай, но в нем виноват был он сам. В нашем полку офицеры удивлялись, что он распылял полки, сам оставался в

станциях и выступал перед стариками на станичных сборах, т. е. предпочитал это интересам фронта. Кроме того, в гражданской войне, полной разных случайностей, нельзя командовать конной дивизией, разъезжая на автомобиле.

Когда мы заняли Урупскую, то жители-казаки рассказывали, что красные, вернувшись с трофеями-орудиями, шумно ликовали. Набег же совершил бывший приказный Великой войны по фамилии Кочубей*, лишь с двумя сотнями красной конницы. Было нам о чем подумать тогда, слушая все это от своих родных казаков освобожденной станицы!

Восстановив нашу прежнюю позицию фронта, Безладнов проехал к полковнику Топоркову, находившемуся со своим маленьким штабом у курганчика, южнее нас. Полковника Топоркова я вижу впервые. Он родом забайкальский казак. Угловат, но крепко сложен. Лицо желтовато-темное, простое, полумонгольское. Молчалив и неприветлив. Лежит на курганчике и все время смотрит вперед. Командующим 1-м Запорожским полком является подьесаул Кравченко, мой большой друг по Оренбургскому училищу. Его я не видел семь лет. Встреча была особенно приятная. Обрадовались и разговорились об этой трагедии. Он явно смущен потерей двух орудий его полком. Но ни себя, ни полк — не винит: все вышло так неожиданно и главное — при самих Врангеле и Топоркове, которых в личной храбрости упрекнуть нельзя. И словоохотливо, громко рассказывает, как это было:

— Уставшие казаки прикрытия на солнышке чуть прикорнули, держа лошадей в поводу. Два эскадрона красных, которых совершенно не ждали, кучно и лихо выскочили из балки. Ну, все и покатило назад...

Все это он, по привычке, рассказывает громко, совершенно не стесняясь полковника Топоркова, строгого и мрачного своего начальника, которого он любит и уважает, как потом сказал мне. Последний лежит тут же, все слышит и молчит, и мы понимаем, что Кравченко говорит чистую правду. Кроме того — за потерю орудий — никто не был наказан. Этим снимается даже и моральная ответственность со славного 1-го Запорожского полка.

Простояв здесь до вечера — на ночь наш полк был отозван в станицу Чамлыкскую. Где находились другие полки нашей дивизии, — мы не знали. К станице полк подошел в полной темноте. Штаб полка расположился в доме дьякона, чистом и хорошем, почти городского типа. Позади дома дивный фруктовый сад с широкими песочными аллеями в нем и нарядными скамейками. Полку приказано оставаться в станице до особого распоряжения.

Забыты неприятности “синюхинского дня”, расстрел пленных казаков, и полковая жизнь вошла в свою колею. Не спросил о них никогда и генерал Врангель.

Наступил день 5 октября ст. ст., день Войскового праздника, установленного в честь Тезоименитства августейшего атамана всех казачьих войск, Наследника-Цесаревича Великого Князя Алексея Николаевича.

С Безладновым сидим мы в застекленной террасе уютного дома и пьем чай. Сухое теплое ясное осеннее утро. День выпал на славу. Мы предвкушаем проводы этого торжественного дня с церковной службой, с конным парадом, джигитовкой и, как финал его, с хорошим полковым веселием — как неожиданно прибыл ординарец из штаба дивизии, с приказанием: “полку немедленно выступить с батареей в направлении станицы Урупской”. Час выступления из Чам-лыкской назначен тот, в который мы только что

получили этот приказ. Слегка беспечный, Безладнов решил не торопиться, сказав, — “все равно мы опоздали”.

Вот уже и наши сотни в узкой улице построились, где только возможно. На рысях полк идет к восточной околице станицы. К удивлению, видим, там уже стоит наш штаб дивизии. Генерал Врангель, чем-то сильно взволнованный, сильно разцукал Безладнова “за опоздание”. На доклад последнего, что приказ о выступлении получен с опозданием — генерал Врангель, повышенным тоном, буквально выкрикнул и очень зло “молчать!” и пригрозил отрешить его от командования полком, вручив тут же ему лично отпечатанный приказ по дивизии со строгим выговором “за опоздание”.

— И когда это он успел отпечатать приказ с выговором мне? — как-то флегматично и удивленно, с черноморским юмором, спросил Безладнов меня.

Улыбаясь, я вспомнил, как генерал Врангель прищуривал глаза в станице Петропавловской, выслушивая разные резкости Безладнова. И прищуривал он их, скрывая свое неудовольствие. И бывшие будто ласковые взаимоотношения Врангеля и Безладнова сразу же прекратились. Но офицеры полка, с полным сочувствием за несправедливость, стали на сторону своего командира. Врангель все же отомстил Безладнову...

Полк выступил с батареей в направлении станицы Урупской. Ночевал в однодверном богатом крестьянском хуторке на-реке Синюхе. К ночи в полк подошла сотня пополнения старых казаков Ейского отдела, восточных его станиц. В сотне много было вахмистров, урядников и даже подхорунжих Великой войны. Очень многие с Георгиевскими крестами разных степеней. Почти все они были первоходники и старые корниловцы. По взятию Екатеринодара и с переходом 1-й Конной дивизии за Кубань они, как не подлежащие мобилизации по своему возрасту, были отпущены в свои станицы. Теперь же, ввиду всеобщей мобилизации войском “десяти присяг”, они подлежали ей. И прибыли к нам, как в свой родной полк. Их привел подхорунжий Латыш, с четырьмя Гергиевскими крестами на груди.

В полку, в строю, было около 400 шашек, и прибытие на пополнение свыше сотни казаков, да еще испытанных бойцов, было как нельзя кстати. Подхорунжий Латыш небольшого роста, широкоплечий, хорошо сложенный блондин, воински подтянутый, спокойный и разумный — он произвел на нас отличное впечатление. Сотня казаков, прибывшая в полном вооружении, с достаточным запасом патронов, на хороших собственных лошадях, сильно порадовала полк. Все они тут же были распределены по сотням. Сотник Демяник, старый служака и сам бывший подхорунжий мирного времени, “отвоевал” себе Латыша и назначил его вахмистром своей сотни. Многие молодецкие урядники в других сотнях — тут же получили взводы.

Наутро 6 октября, полк с конно-горной батареей (не казачьей) подошел к Урупской с юго-западной стороны. Противник обнаружен на буграх. Линия его фронта хорошо была видна нам. Оставив полк в ложбине, штаб полка с командиром батареи взобрались на стог соломы, осмотреться. Перед нами ровное скошенное поле. Все видно как на ладони. Фронт красных был широкий, фланги коего не были видны. Правее нас, т. е. к югу, должны действовать екатеринодарцы, линейцы и черкесы, а левее, к северу — запорожцы и уманцы. Но со всеми соседями своей же дивизии — полк не имел живой связи и не знал, где они находятся.

Безладнов, боясь “нового цука за бездействие” со стороны генерала Врангеля, решил атаковать окопы красных двумя сотнями. Доводы о том, что если уж атаковать, то всем

полком, пройдя к противнику балкой, не помогли. 5-я и 6-я сотня, руководимые опытными командирами — сотником Демяником и подьесаулом Сменовым — были брошены вперед. Широкой рысью выбросившись из балки и наметом построив сплошную одношереножную линию лавы и блеснув шашками, — сотни смело и решительно перешли в широкий намет. Красные сразу же зашевелились. В бинокль видно было, как красноармейцы поднялись в цепи и бросились назад. Но по цепи замелькали белые рубашки матросов... побежавшие вернулись, залегли в цепи и открыли по казакам сильный огонь. Мы видим, как от этого огня сотни еще шире рассыпаются в стороны, выходят из управления своих офицеров, потом уменьшают свой аллюр и... останавливаются. Атака явно сорвалась. Казаки стреляют с коней, некоторые спешили и, держа лошадей в поводу, стреляют. Все офицеры сотен верхом разъезжают по лаве, видимо, ободряя казаков. Но все это было бесполезно. Огромного роста хорунжий Воропаев (из урядников Конвоя Его Величества), на громадном своем гнедом коне, в белой широкой гимнастерке, человек отменной храбрости — он, разъезжая вдоль лавы, изредка, обнаженной шашкой грозит в сторону красных. Наша горная четырехорудийная батарея бездействовала — и за дальностью расстояния до противника, и за малочисленностью снарядов. Так сотни простояли под огнем красных до самой ночи, неся ненужные потери.

От внутреннего раздражения ненужности этого боя — сумерками, сидя под скирдой соломы, — я задремал. Сквозь сон слышу очень знакомый голос, повторяющий — “латыш... латыш...” Слышу, но не понимаю, кто это говорит и — в чем дело?

Кто-то тормозит меня за плечо. Открываю глаза, вижу сотника Демяника и быстро спрашиваю:

—А?... Это Вы?.., вернулись? ну как?

— Да я же Вам говорю, что подхорунжий Латыш убит!.. Так жаль... только вчера ведь прибыл в полк... имел четыре Георгиевских креста... я его сразу же назначил вахмистром сотни и вот убит... — говорит мне Демяник, но почему-то не по-черноморски, как всегда, а на чистом русском языке. И весь его юмор в разговорах — как рукой смахнуло. Подойдя к Безладнову, я застал его сконфуженным неудачей боя. Ласково обращаясь ко мне, он просит написать донесение начальнику дивизии и приказ по полку о потерях.

В полной темноте, на рысях вдруг подходит наш правый урядничий разъезд. Урядник докладывает Безладнову, что две сотни казаков-лабинцев, мобилизованных красными и находящиеся на левом фланге своих войск, в ложбине, хотят перейти к нам и просят указания, куда им прибыть?

— Вот от них и делегаты, — докладывает урядник, указывая на двух казаков, находящихся в рядах его разъезда. Это была словно компенсация за неудачи всех наших дней. Делегаты были без погон, но они ничем не отличались от наших казаков в погонах. На папахах у них были белые полосы тряпок. Просто и бесхитростно доложили эти делегаты, как их мобилизовали красные. Сотни сформированы из Константиновской и Родниковской станиц. Сотенными и взводными командирами — у них свои же урядники-станичники.

Получив инструкции, наш разъезд с делегатами немедленно же двинулся в ночную мглу. На всякий случай — полку приказано быть в полной готовности.

Часа через два времени человек 200 конных казаков, наших кубанских, полностью вооруженных, подошли к нам. Командиры “красных сотен” по-старому, по-привычному, явились Безладнову, доложили, как их мобилизовали красные и вывели из станиц, как они “ухитрились обмануть красных, перейти к нам, но все время боялись наказаний от нас” (белых).

Успокоенные и ободренные нами — они остались при полку. Полк сразу же пополнялся на одну треть своего состава. Все были довольны, в особенности командиры сотен, что их ряды увеличивались. Немедленно отправили донесение в штаб дивизии. Наутро было получено приказание от генерала Врангеля — “всех красных казаков немедленно прислать под конвоем в штаб дивизии”. Что с ними там случилось, мы не узнали, но в наш полк никто из них не вернулся.

С полковником Топорковым

В ночь на 8 октября корниловцы, запорожцы и уманцы были сосредоточены на вчерашних наших позициях. Всеми полками руководил полковник Топорков, которого я вижу второй раз. Распоряжается он угловато, но дельно. Он строит полки уступами, и каждый полк в резервной колонне. Таким строем он будет атаковать красных на рассвете, чтобы массой конницы прорвать фронт и ворваться в станицу. Мне этот строй нравится. Он не хочет строя лав, да еще ночью: разорвутся казаки под огнем, и тогда не соберешь их.

Полки тихо сосредоточились. Головным идет 1-й Запорожский полк подьесаула Кравченко. За ним, уступом влево — 1-й Уманский полковника Жаркова. Правее, таким же уступом — Корниловский полк подьесаула Безладнова. Интервалы между полками шагов тридцать. Такой строй конницы для атаки пехоты казался странным, но очень мощным, и для ночной атаки — правильным. И в ночной тишине, в ночной мгле вся эта конная масса свыше 1500 всадников, не считая пулеметных команд на тачанках, построенных позади своих полков, двигаясь как таран, сокрушит, сломит и растопчет все на своем пути.

Полковник Топорков, бывший подхорунжий, на поле брани оказался более практичным, чем все мы, кадровые офицеры.

Далеко до рассвета 8 октября, равняясь по головному 1-му Запорожскому полку — тихо, шагом, — полки двинулись вперед. Сам Топорков был в интервале между запорожцами и корниловцами, как всегда, имея при себе только адъютанта и ординарцев от полков.

У меня было острое чувство — смесь приятной радости и то чувство некоторой боязни перед боем, когда знаешь, что кто-то сейчас будет убит и, может быть — ты сам... В том, что мы сомнем красных, сомнений не было. Такая компактная конная масса не может повернуть назад. Топорковым было приказано: “на огонь красных — ответить общей атакой, перейдя сразу же в намет — кучно, не разрываясь”.

Мы, корниловцы, хотя и не знали полковника Топоркова, но слышали от запорожцев, что он “НЕ поворачивает назад”, как и “НЕ позволит это и другим”. Это давало нам уверенность в успехе, а его мощная квадратная фигура в черкеске, его никогда не улыбающееся лицо и короткие отрывочные распоряжения — говорили нам, что “отступления НЕ будет”.

Потом я часто наблюдал его в боях и думал: вот таков, видимо, был и знаменитый Аттила, только еще более мрачный и, как настоящий монгол, с более яркой внешностью. И парадоксально: сравнивая их, думалось, что — там, где пройдут сомкнутым строем эти три доблестных кубанских конных полка, — трава, конечно, расти будет, но красных мы, безусловно, сломим и раздавим.

Полки тихо двинулись. Под ногами коней “стерня”, скошенное поле. Земля мягкая. Копыта коней ступают на нее, словно на резину — мягко, тихо, уверенно. Идем с обнаженными шашками, готовые в любую секунду мгновенно броситься вперед. Но — все тихо кругом. Вот уже и те вчерашние позиции-бугры, с которых красные расстреливали наши сотни, а красные огня не открывают. Полки еще ближе, ближе к ним и — заняли их — мелкие окопы по пояс, которые оказались пусты. Внизу, в долине реки Урупа, во мраке ночи — мелкими тусклыми огоньками обозначалась станица Урупская. Слышен был неистовый лай собак. Полки спустились вниз и без боя заняли ее. И только сотни разошлись по дворам, в полной готовности к тревоге — как во многих местах слышались горестные женские завывания: это плакали казачки по своим мужьям, уведённым красными.

За Урупом — видны были огоньки красных. Весь тот высокий берег отдавал тревогой. По многочисленным огням в домах и по общему гомону в станице Урупской — красные определили, что в нее вошли “белые”, и немедленно же открыли огонь из винтовок, хорошо достигавший дворов. Полки же им не отвечали, как и не боялись их.

В станице Безкорбной. Уход подьесаула Безладнова

В это же утро 8 октября Корниловский полк был переброшен в станицу Безкорбную, которая была занята накануне екатеринодарцами, линейцами и черкесами. Там и генерал Врангель со своим штабом.

О занятии этих станиц он пишет в своем труде так: “к вечеру наши части достигли реки Урупа, но обе переправы у станиц Урупской и Безкорбной все еще были в руках противника. Последний вел за них упорный бой. В течение последующих дней обе станицы несколько раз переходили из рук в руки. Наконец, 7 октября, под ударами полковника Муравьева пала станица Безкорбная, а в ночь на следующий день полковник Топорков выбил противника из станицы Урупской и занял последнюю. Дивизия заняла двумя полками станицу Урупскую и четыремя — Безкорбную. Красные отошли на правый берег Урупа, где и закрепились на командующих высотах” (стр. 83).

Надо сказать, что никаких “переправ” через реку Уруп не было. Мелководная речка, к осени она совсем пересохла и была проходима вброд во всех местах.

С молодецкими песнями Корниловский полк вошел в станицу. Жители, придавленные и терроризованные красными, высыпали из своих дворов и с восторгом рассматривали конный строй своих казаков, слушая дивное пение строевых песен черноморского казачества. Мы пересекли станичную площадь. На ней рядами посажены деревья — свой маленький “станичный сад”. На площади — здание реального училища. Это был положительный результат трудов бывшего атамана Лабинского отдела полковника Филимонова, теперь войскового атамана, построившего во многих станицах гимназии и реальные училища.

“Правее нас, в районе станиц Попутная, Отрадная — действовали части генерала Покровского (1-я Кубанская казачья дивизия, Ф.Е.), на правом фланге которого, в Баталпашинском отделе, дрались казаки полковника Шкуро. Левее, между реками Урупом и Кубанью, — наступала от Армавира, выдвинутая в этом направлении, 1-я пехотная дивизия генерала Казановича”, — пишет о соседних частях генерал Врангель (стр. 83).

Прибыв в Безскорбную, Корниловский полк расположился по квартирам в восточной ее части. Безладнов идет со мной к однобригадникам, в штаб 1-го Екатеринодарского полка. Им командует полковник Муравьев, знакомый мне по Финляндии в 1917 г., когда он был в чине войскового старшины и помощником командира 3-го Екатеринодарского полка у полковника Миргородского, нашего старейшего кавказца. Приятная встреча. Я знакоплюсь с его двумя помощниками, есаулами Асеевым* и Лебедевым*. Мы обедаем у них и делимся всеми горестями и похода нашего, и боев, и другими неприятностями. Их мысли и настроения одинаковы с нашими, но говорит больше Муравьев, а его помощники, по воинской этике, молчат или поддакивают изредка.

— Тарас! И ты командуешь полком? — вдруг спрашивает Безладнова есаул Лебедев и улыбается.

— А што-ж! Канешно, командую! — как всегда, своим громким голосом отвечает Безладнов и гордо посмотрел на Лебедева.

Потом только я узнал, что Безладнова в военном училище юнкера прозвали “Тарас” за его пышные белые усы, т. е. “Тарас Бульба”. Впрочем, его и потом многие называли только так и даже генерал Бабиев, его начальник дивизии.

Наш штаб полка разместился в богатом доме. Старший сын хозяина, бывший фельдшер Кубанского казачьего дивизиона, стоявшего в Варшаве, — степенный, умный и приятный мужчина лет тридцати. Он женился в Варшаве на польке, очень изящной блондинке, веселой щебетунье. Она готовила и накрывала нам стол. Безладнов всегда приглашал ее мужа обедать с нами.

10 октября днем получен был приказ генерала Врангеля — “с наступлением темноты Корниловскому полку незаметно выйти из Безскорбной и идти в Урупскую, в распоряжение полковника Топоркова”. По случаю нашего ухода — был хороший обед с молодыми хозяевами, которые буквально закармлили нас. Обед затянулся до самого часа выступления. Распростившись с гостеприимными хозяевами, — выступили. Миновав центр станицы, уже перед окраинами — Безладнов вдруг вызвал песенников головной сотни. Мое предупреждение “о соблюдении тишины”, согласно приказу начальника дивизии, не урезонили его. Песенники гаркнули песни, и он, расчувствовавшись, вдруг командует: “Винтовки!”

Казаки быстро выхватили их из-за плеч, и, к своему ужасу, я слышу его новую команду: “В небо! Залпом! Пли!” — и затрещало пять залпов. Я останавливаю новое зарядание винтовок и серьезно, дружески, внушаю ему, что мы находимся в непосредственной близости к противнику, что полку приказано незаметно выйти из станицы и другие доводы, слегка беспечному своему командиру, по натуре доброму человеку и отличному полковому товарищу. Он понял и отпустил песенников в строй. Не прошло и 10 минут, как слышим команду с хвоста колонны: “Стой!.. Стой!”

Подскакал офицер-ординарец штаба дивизии с приказанием генерала Врангеля — “полку вернуться на старые квартиры, а командиру полка явиться к начальнику дивизии”.

Вернулись. Безладнов поскакал в штаб дивизии. Он скоро возвратился — смущенный, злой и грустный. Привез и приказ по дивизии, приблизительно такого содержания: “Командующий Корниловским полком подьесаул Безладнов за то, что неуместно открыл огонь из винтовок в зоне боевых действий, отрешается от командования полком. Во временное командование вступить 1-го Екатеринодарского полка есаулу Асееву”.

Как потом мы узнали, произошло следующее: услышав стрельбу, штаб дивизии решил, что в станицу ворвались красные. Была поднята тревога, но противника не оказалось. И когда выяснилась действительность, за нею последовало и следствие. На второй день Безладнов выехал в отпуск, а Асеев переселился в полк.

11 октября красные перешли в наступление и выбили все три полка из Безскорбной — Корниловский, Екатерино-дарский и Черкесский. 1-го Линейного уже не было в станице. Штаб дивизии отошел на 15 верст назад, в один из хуторов на реке Синюхе, взяв с собой как конвой 4-ю сотню нашего полка подьесаула Лопатина.

Мы стоим в степи, западнее станицы. Полки, посотенно, по очереди, поят коней в каком-то ручье за 2-3 версты. Настроение скверное. Новый командир полка есаул Асеев, добрый и приятный человек, но он полка не знает и считает, что он только случайно в нем, поэтому — стоит ли волноваться?

Весь день полки бесплодно “кисли” в степи под редким огнем красных с околиц станицы. Предоставленные самим себе, выслав разъезды, мы чего-то ждали. К ночи есаул Асеев, по собственной инициативе, отвел полк к резерву дивизии, к 1-му Линейному полку, стоявшему также в степи. Здесь я впервые встретился и познакомился с их признанно доблестным командиром, полковником Мурзаевым.

Чуть выше среднего роста, крепко сложенный, смуглый, слегка скуластый — он был похож на горца. Говорили, что его отец — крещеный черкес. В офицерском светло-сером пальто мирного времени, впереди спешенных сотен своего полка, совершенно один — высоко сидел он на двух, крестом сложенных, снопах и или о чем-то думал, или страдал от старой раны, полученной им еще в Корниловском походе. Одна рука его держалась на широкой черной перевязи от самого локтя. Впечатление производил он внушительное. Спешенные казаки держались порядка и тишины, словно боясь нарушить покой своего полкового вождя. Не командира полка, а именно — полкового вождя. По рождению, по службе в мирное время и в Великую войну 1914-1917 гг. — он старый линейец. В своем 1-м Линейном полку известен как умный, серьезный и доблестный офицер, которому казаки повиновались, как признанному авторитету.

13 октября нашему полку приказано идти в станицу Урупскую. Штаб дивизии оставался в своем хуторе. Наша полковая канцелярия и мелкий обоз находятся при штабе дивизии. Переписка накапливалась каждый день. Главное — надо было приказом по полку провести и отправить в Войсковой штаб потери полка в людях и лошадях. С разрешения командира полка, с вестовым скачу к хутору, чтобы дать распоряжение писарям и к вечеру прибыть в Урупскую.

На хуторе еду прямо в 4-ю сотню, к подьесаулу Лопатину, чтобы от него узнать все новости штаба дивизии. Как всегда — строевые офицеры недолюбливали свои штабы во всех частях и на всех фронтах. Лопатин был рад встрече, тяготясь безделием и скучая по полку.

— Федор Иванович, ты видел Бабиева? — спрашивает он.

— Что-о?.. какого Бабиева? как? почему? — забросал я его недоуменными вопросами.

— Да, Колю Бабиева! Он только полчаса тому назад, как выехал из штаба дивизии... Он назначен командиром нашего полка самим Войсковым штабом, — поясняет всегда словоохотливый Лопатин.

В полку об этом ничего не было известно. Вот оно что-о! Бабиев наш командир полка! Корниловского, доблестного. Это же красота! Бабиев ведь орел! И так еще молод. И мой личный, старый друг. Ну, теперь конец моему “адъютантству”! В строй, в строй! В сотню, в мою славную и певучую 2-ю сотню — кричу я сам себе в душе и ликую.

Быстро дав распоряжение писарям, бросаю канцелярию и скачу в Урупскую. Мне заранее становится стыдно, что Бабиев, увидев свой новый храбрый полк, не найдет в этот момент в его рядах меня. И может еще подумать: “устроился адъютантом... конечно, сидит в тылу... в канцелярии, с бумагами... И это Елисеев ?!”

Через пустыри, через бугры и балки, через овраги, вдвоем с вестовым скачем во все силы своих коней, чтобы опередить Бабиева и встретить его, находясь в строю. Но... не успели. Бабиев был уже в полку.

ТЕТРАДЬ ТРЕТЬЯ

Кубань — земля обетованная

В освободительной борьбе против красных в 1918-1920 гг. — Кубанское казачье Войско явилось первым и главным плацдармом, как и главной базой живой силы и экономических ресурсов для всей Добровольческой армии.

Кубанское Войско в этой борьбе приняло участие в полном своем составе и всей своей войсковой мощью. Оно принесло исключительные жертвы на алтарь своего Великого Отечества и проявило исключительную доблесть на полях сражений.

Я приведу мнение “о всей Кубани” Главнокомандующего Вооруженными силами юга России генерала Деникина, высказанное им в своем капитальном труде — “Очерки Русской Смуты”. Когда Добровольческая армия двинулась на Кубань из Ростова и вошла в пределы Кубанского Войска — он пишет следующее: “Пробуждение казачества пошло стремительнее, чем было его падение (т. 2, стр. 319).

23-го февраля 1918 г. мы вступили в пределы Кубанской области. Совсем другое настроение. Армию встречают приветливо, хлебом и солью. После скитаний среди равнодушной или даже враждебной нам стихии — душевный уют и новые надежды. Кубань — земля обетованная.

Это настроение проходило, словно невидимый ток, по всему Добровольческому организму и одинаково захватывало мальчика из юнкерского батальона, политического деятеля, трясущегося на возу в обозе, и... самого Командующего армией генерала Корнилова.

Кубань — наша база. Здесь мы найдем надежную опору. Отсюда можно начать серьезную организованную борьбу. Нас, пришельцев с севера, удивило огромное богатство ее беспредельных полей, ломящиеся от хлеба скирды и амбары, ее стада и табуны. Сыты все — и казаки, и иногородние, и хозяева, и работники.

Нас располагает к себе веселый открытый характер кубанских казаков и казачек, чуждых большевистского угара. Казаки начали поступать в армию добровольцами. Станица Незамаевская выставила целый отряд конных казаков человек в 150. Станичные сборы (станичное самоуправление из выборных стариков, Ф.Б.), враждебные большевикам, выражают преданность Корнилову. Кубанская земля — обетованная (т. 3, гл. 20, стр. 240).

Бедные черкесские аулы встречали нас как избавителей, окружали вниманием, провожали с тревогой. Их элементарный разум воспринимал все внешние события просто: не стало начальства, пришли разбойники-большевики и грабят аулы, убивают людей (там же, стр. 266).

Почти два месяца похода по Кубани сблизили нас с этим краем. Добровольцы, принимаемые в станицах с сердечной лаской, платили кубанским казакам таким же отношением. Поступающие в ряды армии кубанцы составляли в ней элемент храбрый, надежный и располагающий к себе открытой мягкой натурой, своей простой и ясной верой в тех, кто их вел (стр. 313).

Армия пополнилась тремя конными сотнями станицы Брюховецкой”.

В 30-х гг., ко мне в г. Виши, Франция, из района Гренобля, прибыл сотник Хыль, казак Брюховецкой станицы. Он рассказывал, что Корнилов неожиданно покинул их станицу, и они, спохватившись, — догоняли потом, около 300 конных казаков под его командованием. Он тогда был в чине прапорщика. Догнали. Арьергард, думая, что их преследует “красная конница”, “залег в цепи”. Но когда узнали, что это свои же казаки — радости не было конца. Рассказывает все это сотник Хыль и все смеется — “как они проспали уход Добровольческой армии и потом догоняли ее”.

Прапорщик и — влил целых три сотни конных казаков в трехтысячную армию, не имевшую почти конницы! Отмечен ли на войсковых скрижалях подвиг этого Хыля для Храма Войсковой Славы?..

Продолжаю дальше из книги генерала Деникина: “Кубанцы начали присоединяться к армии целыми сотнями. Кубанское правительство, шедшее с армией, во всех попутных станицах созывало станичные сборы и объявляло мобилизацию” (стр. 315).

Здесь нужно оговориться, что это происходило после гибели под Екатеринодаром генерала Корнилова, уже при отходе армии на Дон. И первая мобилизация “двух присяг” проведена была в станицах Кавказского отдела — Дмитриевской, Ильинской и Успенской, в которых Добровольческая армия задержалась несколько дней, вдали от железных дорог. Казаки этих станиц потом составили 1-ю сотню 1-го Кубанского полка, переименованного в Закубанье в Корниловский (Ф.Е.)

Генерал Деникин: “Между Кубанскими властями и командованием армией установились отношения сухие, но вполне корректные. Атаман (полковник Филимонов), правительство (Быч и Рябовол) и Рада ни разу не делали попыток нарушить прерогативы командования и кроме мобилизации несколько помогли растаявшей казне генерала Алексеева — миллионом рублей и принятием на себя реквизиционных квитанций за взятых лошадей и другие снабжения (стр. 315).

В лице Кубанского казачества — армия имела прочный и надежный элемент (т. 4, стр. 140).

Еще в мае месяце 1918 г. генерал Покровский привел Кубанскую конную бригаду, которая удивила всех своим стройным, как в дореволюционное время, учением.

3-го июня 1918 г. к нам пришел из большевистского района Кубанский конный полк из мобилизованных казаков.

Через два дня гарнизон Егорлыкской станицы (Донского войска) с недоумением прислушивался к сильному артиллерийскому гулу, доносившемуся издалека: то вели бой с большевиками отколовшиеся от Красной армии и в тот же день пришедшие к нам одиннадцать конных сотен кубанских казаков” (т. 4, стр. 141).

Эти одиннадцать конных сотен были казаки двух младших присяг Кавказского и Черноморского полковых округов, мобилизованных комиссаром Кавказского отдела Одарюком. Они находились в постоянных “майских” лагерях на реке Челбасы, находящимися между станицами Кавказской и Дмитриевской, как было в дореволюционное время. Как произошел порыв и уход их на присоединение к Добровольческой армии — неизвестно, но их возглавил и привел подхорунжий Сухоручке, казак станицы Тихорецкой. Кто были командирами сотен, также неизвестно, но потом, по рассказам в станице — в одну из ночей сотни оседлали своих лошадей и двинулись на север. На уровне станицы Новопокровской Кавказского отдела, у железной дороги на Царицын — произошел короткий бой. Сотни прорвались и достигли своей цели.

Из этих сотен сразу же было сформировано два полка по своему территориальному признаку рождения казаков — 1-й Кавказский и 1-й Черноморский. Командиром Кавказского полка был назначен полковник Безладнов, а Черноморского — полковник Малышенко. Что стало с подхорунжим Сухоручко, совершившим столь величественный подвиг, — неизвестно.

Генерал Деникин: “Ко времени освобождения Кубанской области численность Добровольческой армии возросла до 40 тысяч бойцов. Из них на долю Кубанцев выпадало около 60 процентов. Что касается Кубанского казачества, то оно несло тяготы значительно большие: выставляло десять возрастных классов в составе действующей армии и во все время борьбы на территории Кубани почти поголовно становилось в ряды в качестве гарнизонов станиц и отдельных, партизанского типа, отрядов. Природные конники-кубанцы неохотно шли в пластунские батальоны. Но конные дивизии составляли всю массу Добровольческой конницы, оказывая неопределимые услуги армии (т. 4, стр. 83).

Я с полным удовлетворением должен признать, что повсюду по Кубанскому краю, среди родного нам по крови и по духу — славного, приветливого и храброго Кубанского казачества — Добровольческая армия встречала и встречает радушный сердечный прием

и гостеприимный кров” (из речи Деникина Кубанской Раде 1 ноября 1918 г. в Екатеринодаре, стр. 130).

О кубанских “самостийниках” генерал Деникин пишет так: “Оно (самостийничество) родилось как протест против политики Добровольческой армии. Оно, впрочем, по существу дела было не проявлением сепаратизма по отношению к России, а лишь нежеланием признавать Командование Добровольческой армии за Всероссийскую верховную власть” (стр. 76).

Выдержки о Кубанском казачестве из книги “Корнилов-ский ударный полк”:
“Гостеприимно и радушно встречали кубанцы добровольцев. Генералы Алексеев и Корнилов держали речи на станичных сборах. Старые казаки сочувственно кивали головами.

В предутреннем сумраке подошли к станице Ново-Леушковской. Неожиданных пришельцев встретили хлебом-солью” (стр. 78, 79).

“Жители станицы Елисаветинской (под Екатеринодаром) встретили добровольцев колокольным звоном и сразу же стали записываться в армию. Вследствии огромных потерь, понесенных полком за все предыдущие бои, полк был свернут в один батальон, а второй батальон образовали только что записавшиеся добровольцы-кубанцы, и командиром батальона назначен есаул Кисиль*.

На другой день, после гибели в бою командира полка полковника Неженцева*, командиром полка назначен был полковник Кутепов*, и на пополнение корниловцев был влит батальон кубанцев в 350 штыков из станицы Ново-Мышастовской, под командой полковника Шкуратова” (стр. 88, 89 и 90).

Ко всем этим отзывам о кубанском казачестве надо и необходимо сделать оговорки, что все это происходило в самом начале 1918 г., когда вся Россия горела в пламени большевистской анархии, когда русские рабочие и крестьяне массами принимали “лозунги власти” и добровольно шли в Красную армию; когда “полная власть советов была на местах” и когда всякое проявление отпора этой власти каралось расстрелом. Это было тогда, когда соседние с Кубанью Ставропольская и Черноморская губернии активно выступили в поддержку советской власти и когда демобилизованная Кавказская армия, перегруженными поездами и пароходами, саранчой двинулась на север, “по домам”. Своей массой она оседала на узловых железнодорожных станциях Кубани, приносила вооруженный солдатский бунт, анархию и грабеж казачьих станиц. Когда иногородние Кубани с активным озлоблением выступали против казаков и пополняли собой ряды “красной гвардии” на местах.

В эти жуткие дни Добровольческая армия генерала Корнилова, не имея в своих рядах и пяти тысяч бойцов, с обозами, ранеными, занимала станицы только для ночлега, а наутро покидала их, уходя дальше и в неизвестность... Она пополнялась добровольно кубанскими казаками, которые тут же вели бои с красными и на следующее утро покидали свои станицы, свои семьи, свой отчий дом — на террор и разграбление красных, которые входили в родную станицу “завтра” или в тот же день...

Вот в чем заключается высочайший подвиг кубанского казачества, которое несло свою жертву на алтарь Отечества тогда так, как редко кто.

Накопление кубанских военных сил

Генерал Деникин пишет: “Кроме кубанского отряда, вышедшего из Екатеринодара в ночь под 1 марта 1918 г. и объединенного 14-17 марта с добровольческим в районе станиц Калужская-Новодмитриевская; кроме новых пополнений кубанцами во время похода от Екатеринодара до станицы Успенской (Кавказского отдела, Ф.Е.) и потом на Дон, к Кубано—Добровольческому отряду присоединились: на Дону уже русский отряд полковника Дроздовско-го, бригада кубанских казаков, набранная в восточных станицах Ейского отдела, 3 июня к Кубано-Добровольческому отряду прорвался полк мобилизованных большевиками кубанцев, 5 июня из Кавказского отдела Кубани прорвалось новых одиннадцать сотен кубанских казаков.

К 10 июня 1918г. Кубано-Добровольческая армия насчитывала около восьми с половиной — девяти тысяч человек, при 21 орудии” (Очерки Русской смуты, т. 3, стр. 141).

Во 2-й Кубанский поход Кубано-Добровольческая армия двинулась в составе трех пехотных дивизий, одной конной дивизии и одной конной бригады. В эти дивизии входили следующие кубанские части, как указывает генерал Деникин (т. 3, стр. 148): В 1-ю пехотную дивизию генерала Маркова* — а) 1-й Кубанский стрелковый полк. Во 2-ю пехотную дивизию генерала Боровского — а) Улагаевский пластунский батальон, б) 4-й Сводно-Кубанский конный полк.

1-я Конная дивизия генерала Эрдели* — а) 1-й Кубанский казачий полк (потом Корниловский), б) 1-й Черкесский конный полк, в) 1-й Кавказский казачий полк и г) 1-й Черноморский казачий полк.

1-я Кубанская казачья бригада генерала Покровского — а) 2-й Сводно-Кубанский казачий полк.

Корниловский ударный и Партизанский пехотный (потом переименованный в Алексеевский) полки — в большинстве своем состояли из кубанских казаков, о чем генерал Деникин пишет: “Кроме чисто кубанских полков и пластунских частей — кубанские казаки входили в состав пехотных добровольческих полков. Бригада Покровского была развернута в 1-ю Кубанскую казачью дивизию и сформирована отдельная бригада (Глазенапа)”.

Здесь автор этих строк должен пояснить, что точно знает и что сам видел, а именно:

а) 1-я Конная дивизия генерала Эрдели, продвигаясь с боями на Екатеринодар, приняла новые формирования полков и, имея в основном своем составе 1-й Кубанский полк полковника Науменко (будущего войскового атамана генерала Науменко) и Черкесский конный полк, пополнилась новыми полками: 1-м Запорожским, 1-м Уманским и 1-м Екатеринодарским. После взятия Екатеринодара 1-й Кубанский полк был переименован в Корниловский.

б) 1-й Кавказский и 1-й Черноморский полки, выделенные потом из 1-й Конной дивизии генерала Эрдели, образовали Отдельную бригаду Глазенапа, как пишет генерал Деникин. Эта бригада была двинута на Ставрополь. 1-й Кавказский полк был остановлен и действовал в районе села Медвежье. Им командовал полковник Безладнов, потом атаман Лабинского отдела. 1-й Черноморский 10 июля вошел в Ставрополь, с задачей — “для охраны внутреннего порядка”. Этим полком командовал полковник Малышенко, с

которым я там и встретился. Глазенап вскоре был произведен в генералы и назначен Ставропольским генерал-губернатором.

“В рядах Добровольческой армии насчитывалось, как говорили, до 70 процентов кубанских казаков. Трагедия наша и заключалась в том, что наша военная опора — Кубанское казачество находилось под демагогическим влиянием черноморских украинофилов. Наша военная ставка была на казачью силу”, — так пишет профессор Соколов в своей книге “Правление генерала Деникина” (стр. 45 и 57).

С продвижением по Кубани — кубанские боевые силы нарастали, словно ком снега, катящийся с горы. “К началу сентября месяца 1918 г. вся конница Добровольческой армии, за исключением двух конных полков, приданных пехотным дивизиям, состояла исключительно из кубанских казаков и черкесов”, — пишет генерал Врангель (Белое Дело, т. 5, стр. 70).

Генерал Деникин, к сентябрю месяцу 1918 г., весь боевой состав Добровольческой армии определяет следующими силами: а) десять общероссийских пехотных и два конных полка; б) восемь Кубанских пластунских батальонов и шестнадцать Кубанских конных полков.

Это определение не совсем верное. Для точности этого утверждения — перечислим только кубанскую конницу по дивизиям и полкам, бывшим на фронте Добровольческой армии:

1. В Ставропольской губернии — 2-я Кубанская казачья дивизия генерала Улагая, состоявшая из следующих полков: 1-й Кубанский, 2-й Кубанский, 1-й Лабинский, 2-й Лабинский.

В том же районе — 1-й Кавказский, 1-й Черноморский, 4-й Сводно-Кубанский, потом переименованный во 2-й Кавказский.

2. В Закубанье — 1-я Конная дивизия генерала Врангеля, полки — Корниловский конный, 1-й Екатеринодарский, 1-й Запорожский, 1-й Уманский, 1-й Линейный и Черкесский конный.

Правее (южнее) ее действовала 1-я Кубанская казачья дивизия генерала Покровского, которая, как пишет генерал Врангель (стр. 74), состояла “из второочередных, одноименных с моими полками”, т. е.: 2-м Запорожским, 2-м Уманским, 2-м Екатеринодарским и 2-м Линейным.

3. В Баталпашинском отделе действовали отряды полковника Шкуро, которые были сведены в полки и образовали 1-ю Кавказскую казачью дивизию: 1-й Хоперский, 2-й Хоперский, 1-й Кубанский партизанский и 2-й Кубанский партизанский.

Где-то действовали 2-й Сводно-Кубанский и 3-й Сводно-Кубанский полки, которые выступили с Дона во 2-й Кубанский поход.

Если подсчитать только эти перечисленные полки, то получается двадцать два конных полка. Но — на Кубани было мобилизовано к этому времени десять призывных возрастов. Естественно, были сформированы и действовали, не перечисленные мной полки Войска — 1-й Таманский, 2-й Таманский, 1-й Полтавский, 2-й Полтавский, 2-й Черноморский.

Итого получается 27 полков, но не 16, как пишет генерал Деникин. Количество кубанских пластунских батальонов к началу сентября 1918 г. генерал Деникин определяет числом “восемь”. Где они действовали, — не указано. Но, описывая Северо-Кавказскую операцию, с перечислением боевых единиц Добровольческой армии в ноябре 1918 г., указано следующее, им же (т. 4, стр. 106, 107):

1. Армейский корпус генерала Ляхова*:

а) 1-я Кубанская пластунская бригада генерала Слащева, б) 2-я Кубанская пластунская бригада генерала Геймана*, в) 1-я Кавказская казачья дивизия генерала Шкуро (тогда Шкуро был в чине полковника, Ф.Е.), г) Черкесская конная дивизия генерала Султан-Келеч-Гирея*, д) Терские отряды — казаки и горцы, е) Баталпашинское казачье ополчение.

3-я Кубанская пластунская бригада генерала Ходкевича* действовала в Ставропольской губернии (указано там же, Ф.Е.).

Число батальонов побригадно не указано, но надо полагать, что в трех бригадах их было больше, чем восемь, как определяет раньше генерал Деникин.

Все эти боевые силы выставило Кубанское Войско до полного очищения от красных войск всей территории Кубани, которое произошло в конце октября 1918 г. При этом надо подчеркнуть, что это были чисто казачьи полки и батальоны Кубанского Войска из его 1 400 000 казачьего населения. 50 000 черкесского населения выставили дивизию своей конницы. Иногороднее население всей Кубани, т. е. не казаки — распоряжением генерала Деникина — подлежали мобилизации только по его приказу и не в кубанские казачьи части. Этого не казачьего населения Кубани было около 1 600 000.

Что происходило у красных

“В это время у большевиков наступил полный развал и дезорганизация как в военном, так и в гражданском управлении. Об этом свидетельствует не только самовольный уход с фронта конной дивизии Жлобы, но и отказ командующего Таманской армией Матвеева подчиняться Сорокину.

Во второй половине сентября 1918 г. Матвеев собрал на совещание в Армавире командиров частей этой армии, и совещание одобрило заявление Матвеева о непризнании им главнокомандующего Сорокина. Последний вызвал Матвеева в Пятигорск и там расстрелял его по приговору военно-полевого суда. Эта казнь вождя Таманской армии вызвала страшное возмущение в рядах этой армии и усилила среди большевистских руководителей давнее недоверие к Сорокину. Согласно указаниям из Москвы, единоличная власть командующего войсками (на северном Кавказе, Ф.Е.) была заменена революционным военным советом в составе председателя Полуяна (казака ст. Елисаветинской) и членов совета: Гайчинца, Петренко, Сорокина и Крайнего. Был организован новый штаб, во главе с Одарюком. Эти изменения в верховном руководстве большевистскими силами только усилили дезорганизацию. Сорокин не хотел оставаться в тени.

Среди большевистских войск велась усиленная подпольная агитация: одни обвиняли Сорокина в измене и предательстве, другие обвиняли центральный исполнительный

комитет Северо-Кавказской республики в том же. Когда было приказано расформировать штаб Сорокина — последний очень резко выступил против этого распоряжения. 14 октября Сорокин приказал чинам своего штаба арестовать членов центрального исполнительного комитета — Рубина, Крайнего, Дунаевского, Режанского и Власова и через несколько дней расстрелял всех их. Кроме Власова — все расстрелянные были евреи (Трагедия казачества, ч. 1).

По этому поводу в “Очерках гражданской войны на Кубани” советский писатель Г. Ладоха на стр. 115 пишет: “Аресты и расстрелы произвели на окружающих страшное впечатление. Все были терроризованы и не знали — что предпринять? В станице Невинномысской состоялся краевой съезд советов и делегатов фронта. Съезд стал на сторону центрального исполнительного комитета и объявил Сорокина и весь штаб его — вне закона. Избранная съездом “чрезвычайная тройка” беспощадно расправилась с лицами, замешанными в кровавом преступлении. Более 40 человек были расстреляны. Сорокин пытался спастись в Ставрополье, занятом советскими войсками накануне выступления Сорокина, но был арестован. Командир одного из Таманских полков, Высленко, застрелил его в тюрьме (в Ставрополе, Ф.Е.) как объявленного вне закона”.

Дальше Ладоха пишет, что — “Приказом революционного военного совета Северо-Кавказского военного округа, находившегося в Царицыне, — группе Кубанских советских войск, реорганизованной в 11-ю армию, предписывалось войти в связь с 10-й армией, действовавшей справа, в районе Маныча, и с 12-й армией, находившейся в Терской области. Для соединения с 10-й армией надо было взять Ставрополь, и он был взят 14 октября Таманской армией под командой Ковтюха*, офицера из иногородних станицы Полтавской”.

В эти дни 1-й Запорожский, 1-й Уманский и Корниловский полки находились в станице Урупской под начальством полковника Топоркова, остальные же полки — 1-й Екатеринодарский, 1-й Линейный и Черкесский конный в районе станицы Безскорбной, и никто ничего не знал, — что именно происходило на общем фронте и что 14 октября красные заняли Ставрополь.

Генерал Деникин по поводу этих операций красных войск в 4-м томе пишет: “10-го октября 1918 г. Невинномысская группа большевиков перешла в наступление на север, на фронте дивизии Дроздовского. Отряду Дроздовского (3-я пехотная дивизия и Кубанская пластунская бригада, не указана какая, Ф.Е.) предстояло всемерно задерживать противника до прихода с севера 2-й Кубанской казачьей дивизии генерала Улагая. Генералу Казановичу* (1-я пехотная дивизия, Ф.Е.), Врангелю и Покровскому было подтверждено напрямь крайние усилия, чтобы сбросить левобережную группу противника в Кубань и тем развязать нам руки на Ставропольском направлении.

Генерал Казанович 13 октября внезапной атакой овладел Армавиром. Конница Врангеля не могла развить этот удар: 10 октября она была прикована к Урупу настойчивыми атаками противника, причем станица Безскорбная несколько раз переходила из рук в руки. Только 15 октября дивизия вышла частью своих сил на правый берег Урупа. Но 17 октября большевики перешли в контрнаступление на всем фронте между Урупом и Кубанью и оттеснили конные части генерала Врангеля за Уруп, а дивизию генерала Казановича — под Армавир.

В эти дни Минеральная группа красных несколько раз возобновляла наступление на полковника Шкуро по всему фронту, от Невинномысской до станицы Суворовской, но

безрезультатно, и партизаны Шкуро по-прежнему совершали удачные набеги на железную дорогу”.

При таких обстоятельствах на фронте — вечером 13 октября 1918 г. в станицу Урупскую прибыл полковник Бабиев Николай Гаврилович и вступил в командование нашим Корниловским полком.

Полковник Бабиев и его штаб полка

Я в Урупской. Быстро нахожу штаб своего полка. Вхожу в казачий дом и среди командиров сотен — вижу Бабиева. Он стоит боком к двери, подняв левую полу черкески, и фельдшер накладывает ему пластырь на “сиденье”.

— Господин полковник! Временно исполняющий должность полкового адъютанта подьесаул Елисеев — представляюсь, — рапортую официально, умышленно подчеркивая слова “временно исполняющий должность полкового адъютанта”.

Бабиев дружески улыбается в свои серые глаза, крепко жмет руку.

— Ну, вот... уже я и ранен у Вас в полку, — смеется он.

Оказывается, выехав за станицу осмотреть линию расположения красных, легко ранен в ягодицу. Пуля застряла в седельной подушке. Ее извлекли оттуда, и Бабиев показывает ее мне. Все это было так неожиданно — и приезд в полк Бабиева, и его ранение. В комнате собраны все командиры сотен. Бабиев хочет познакомиться с ними в частной беседе. После рапорта поворачиваюсь к ним и вижу новые лица: полковника Артифексова*, полковника Налетова* и очень молодого зауряд-врача. Артифексова я знал по Турецкому фронту. Бабиев прибыл со своим полковым штабом, сформированным в Екатеринодаре.

И это показалось так непривычно для нашего скромного штаба полка, состоявшего всего из двух лиц — командира полка и адъютанта. Но меня это радует. И Артифексов, и Налетов считались отличными офицерами, которых Бабиев знал еще с мирного времени и с которыми дружил доверительно и давно. Все трое были молоды, чуть свыше 30 лет каждый. В полку словно просветлело: не было и одного офицера, даже в чине есаула, и вот теперь — сразу три полковника, молодых, энергичных, доблестных.

Есаул Асеев немедленно же уехал в свой 1-й Екатеринодарский полк. Бабиев просит меня писать “свой первый приказ по Корниловскому полку”. Под его диктовку я написал о вступлении его в командование. Дальше сделал обращение ко всем чинам полка, призывая их к рыцарству, вкладывая в это слово — понятие о боевой доблести. Приказ был закончен следующим девизом борьбы против красных — “За Великую Свободную Россию”. Дальше шли назначения: а) Полковник Артифексов — помощником командира полка по строевой части, б) Полковник Налетов — помощником командира полка по хозяйственной части, в) Зауряд-лекарь Александров — полковым врачом.

Закончив это писание под его диктовку при полном молчании всех офицеров, докладываю ему, что я принял временно адъютантство по случаю гибели в бою есаула Удовенко, и прошу отпустить меня в строй, в свою 2-ю сотню. Но он и слушать не хочет об этом... он сам мало понимает в переписке, ее не любит и ему нужен опытный адъютант, в

особенности на первых порах, когда он совершенно не знаком с положением дел в его новом полку.

— Нет и... нет! — с дружеской улыбкой подчеркивает он. Я его понимаю, но меня это не устраивает, почему подчеркиваю в своем докладе, что остаюсь только “временно”, о чем и прошу повторить “приказом по полку”, что при первой же возможности — перейду в строй. Бабиев курит, сильно затягиваясь, дымит папиросой, улыбается, соглашается. Я верю ему, даю свою адъютантскую подпись в этот новый приказ по полку, но события не изменили моего положения до самого дня ранения 24 октября того же года и моей эвакуации. Это было под вечер 13 октября 1918 г., в станице Урупской Лабинского отдела.

У Бабиева прострелена кисть правой руки там, где сходятся все четыре пальца, переходя в ладонь. Все соединяющиеся косточки (фаланги) — раздроблены. Кисть руки сильно изуродована. Все пальцы правой руки — торчат вперед мертво, не сгибаются. Чуть работает только большой палец; между ним и мертвым указательным пальцем — он зажимает папиросу. Здороваается и отдает честь он левой рукой, что ему, как признанному герою, очень идет.

В тот же вечер, под его диктовку, пишу письмо его родителям в Екатеринодар. Он сообщает им о благополучном прибытии в полк и что случайно, но легко ранен и посылает эту пулю, прося взять ее в золотой ободок, с золотою же цепочкой, чтобы носить на груди “как жетон”. На ободочке просит выгравировать следующее: “13-я. 13. 10. 1918 г. Урупская”, что означало: 13-е ранение, 13 октября 1918 г., станица Урупская. Все это он диктует в присутствии своих помощников, дружески шутит со всеми, часто курит, и всем нам было так тепло и приятно на душе. Письмо подписывает левой рукой, каракулями: “Ваш сын, Коля Бабий”.

На второй день, 14 октября, всем полковым штабом выехали осмотреть позиции. Я любовался нашим новым командиром. Он очень импозантен в седле. На нем легкая “дачковая” черкеска цвета верблюжьей шерсти, черный бешмет, небольшая черная каракулевая папаха. Кинжал и шашка в черных ножнах, рукояти которых — слоновой кости. Как всегда — он в ноговицах и чевяках. Под ним очень нарядный, высокий, рыжей масти, лысый и ноги “в чулках” — хороших кровей конь, веселый и пряткий.

Бабиев сидит в седле глубоко, легко, свободно и нарядно. Коня он держит “на длинном поводе”. Он весь так и просится на картину, как образцовый офицер-наездник Кавказских казачьих войск. Все в нем и на нем скромно, изящно и красиво. Легкое седло “калаушинской работы”, к нему — белый прибор. Ремни — словно шелк. Как настоящий строевой офицер с Турецкого дикого фронта, на котором всегда была нужда, когда мы порой днями не видели своих денщиков с нашим офицерским вьюком, — у него в тороках неизменная бурочка. Под ней маленькие ковровые кавказские сумы для белья, туалетных принадлежностей, запасные бриджи и чевяки.

У полковников Артифексова и Налетова нет собственных лошадей и седел. Они идут на казачьих, отчего Бабиев выглядит еще более импозантным.

У хуторов Абдурахманова и Стасикова

15 октября красные прорвали фронт в стыке нашей 1-й Конной дивизии и 1-й пехотной генерала Казановича, в районе хутора Абдурахманова, который находится между Армавиром и станицей Урупской, и переправились на левый берег Урупа. Корниловцы, запорожцы и уманцы, под начальством полковника Топоркова, сосредоточиваются к месту прорыва и сбрасывают пехоту красных назад, на правый берег Урупа. В этом месте левый берег Урупа высокий, а правый совершенно низкий. Здесь нет долины для реки, почему наша конно-горная батарея, с высокого берега, удачно преследует красных. Корниловские сотни быстро переходят речку и втягиваются в пеший бой. У казаков мало патронов. Они их экономят. Красные же засыпают обстрелом. И, несмотря на это, — передовые сотни корниловцев заняли пологие курганчики, на которых можно укрепиться. По редкой кукурузе быстро скачем с Бабиевым к этим курганчикам-бугоркам, которые особенно обстреливаются красными. Острый короткий “цок” пуль неприятен... У курганчика, где лежит головная цепь казаков, мы быстро сбросились с седел.

Под рой пуль его конь взвился на дыбы. Мой вестовой, казак Ермолов, дико вскрикнул, схватился за левый бок и согнулся. Ближайшие казаки в цепи подхватили Ермолова и наших лошадей и быстро отвели в низину. Оказалось — пуля рикошетом, боком, ударила Ермолова под самое сердце, но, — пробив черкеску, — остановилась у бешмета. Одна из пуль перебила повод уздечки у Бабиева. Такие бывают странности в боях.

Лежим под курганчиком. Нельзя даже наблюдать за боем, так как нельзя поднять головы. Перестрелка идет редкая, но меткая. Красные и казаки стреляют только наверняка и в тех, кто поднимет голову. Поле ровное, красные не далее как в 400-500 шагах от нас и ружья врага несут нам смерть. Подняв голову, — убит наповал прапорщик Шевченко, и его нельзя вынести. Это действует неприятно на всех. Бабиев часто поглядывает на наших лошадей, находящихся в низине. Я это замечаю.

— Не люблю я боя в пешем строю... в нем я чувствую себя беспомощным, — как бы с извиняющей откровенностью и с улыбкой говорит он. И я его понял.

В Турции, против курдов — было совсем не то, что вот здесь, против храбрых русских солдат, хотя и красных теперь. Там — наскок, гик. Часто били по их воображению, а здесь — они нас берут “на мушку”. Там мы превосходили качеством своего оружия противника — курдов, и наша родная малокалиберная трехлинейная винтовка была “царицей стрельбы”. У казака была полная уверенность, что из нее он “достанет” противника, а тут у него всего лишь 5-10 патронов, тогда как у красных неисчислимые запасы их.

К тому же — сегодня Бабиев впервые в бою гражданской войны, в настоящем жестоком пешем бою, который продолжался весь день. Скоро тяжело был ранен командир 1-й сотни сотник Васильев, тут же у курганчика. В командование сотней вступил только что прибывший в полк после излечения от ранения сотник Поляков*. Ровно через месяц будет убит и он...

Полки заночевали на позициях. Утром 16 октября, обнаружилось, что красные отошли. По горячим следам, в конном строю, широким фронтом полки двинулись вперед и к обеду заняли хутор Стасикова. Это очень богатый хутор крестьян, хотя и небольшой. Он находится также между Армавиром и Урупской, но ближе к железнодорожному полотну. Кругом море высокой кукурузы. Пройдя хутор, обнаружили красных и вступили с ними в бой.

Условия были не в пользу казаков: полки в конном строю по густой и высокой кукурузе, а против них три сильных цепи красных, фланги которых скрываются где-то в кукурузе на

горизонте, неуязвимые от нашего огня и шашечного удара. Нудный и безрезультатный был бой в этот день. В нем наш полк понес заметные потери. Тяжело ранены полковник Артифексов и командир 3-й сотни подьесаул Черножуков. Оба ранены в ноги. Слепые ранения, т. е. — пули остались внутри. Их отправили на хутор Стасикова, куда к ночи отошел и полк. Они ночуют при штабе полка. Оба крепятся и держатся молодцами. Артифексов не может снять сапог с раненой ноги. Сапог затек кровью, и нога онемела. Утром их отправили на хутор Абдурахманова и дальше в Екатеринодар. С ними едет и полковник Налетов, в глубокий тыл, чтобы привести в порядок обоз 2-го разряда и расквартировать его в станице Лабинской.

Рок войны безжалостно диктует свои права: вместо большого полкового штаба “по положению” с двумя помощниками в штаб-офицерских чинах он вновь стал прежним — командир полка и полковой адъютант. 3-ю сотню Черножукова принял сотник Зеленский.

Полковники Топорков, Жарков и Бабиев

Все трое разные люди. 16 октября, перед переправой через Уруп к хутору Абдурахманову, полковник Жарков, командир 1-го Уманского полка, оставив свой полк в ложбине, посчитал своим долгом прискакать к “штабу Топоркова”, лично доложить ему обо всем и высказать свое мнение о предстоящей переправе. Наш штаб полка здесь же. Топорков выслушивает его молча, ничем не реагируя, и не смотрит на него. Все мы находимся в конном строю. И мы видим, что он выслушивает Жаркова неприязненно.

Полковник Жарков не только что щегольски одет, но одет оригинально: на нем папаха старолинейного образца — широкая и невысокая, переросшего курпея, т. е. — чуть косматая и с высоким острым верхом войскового цвета (алого), с 8-ю штаб-офицерскими галунами на нем. Он в черной черкеске с крупными старинными газырями высоко на груди и при тесьме. Под ним красивый “совкий” караковый конь. Он докладывает-говорит почтительно, вежливо, резонно и без воинской натяжки. Но, несмотря на это, полковник Топорков, терпеливо выслушав его, вдруг неожиданно спрашивает и тоном не особенно дружелюбным:

— Полковник, а где Ваш полк?

— А вон там... в ложбинке, — вежливо отвечает полковник Жарков, и при этом, для точности определения, — где именно находится его 1-й Уманский полк, — он указывает плетью в сторону расположения полка.

— Ну, так и поезжайте к нему... а когда будет нужно, я вызову Вас, — отвечает Топорков.

Жарков вежливо произнес воинское “слушаюсь”, словно получил очень приятное распоряжение, откозырнул, круто повернул кругом своего совкого коня и широким наметом поскакал к своему полку.

17 октября бой завязался с утра. Красные перешли в наступление. Наш огонь слегка задержал их. Под разными бугорками лежат спешенные полки и ждут. Наш штаб находится со штабом Запорожского полка и штабом Топоркова. У него, собственно говоря, нет никакого штаба, и только адъютант с ординарцами от полков. Все мы приткнулись у небольшого курганчика. Топорков всегда мрачный и неразговорчивый. Полная ему противоположность — Бабиев. И нам странным кажется, что два полковника,

лежа под курганчиком — ни о чем не говорят. Из элементарной вежливости Бабиев пытался вступить в разговор (он всегда был весел и разговорчив), но Топорков отвечал односложными фразами или совсем не отвечал.

Эти два полковника так непохожи были друг на друга. Топорков — это камень, железо, воля, упрямство, настойчивость, угловатость. Он неладно скроен, но крепко сшит. Труд, скромность, никакого внешнего воинского шика и блеска. Все это было чуждо ему. Он только воин. Приказ начальства для него — закон. Его стихия — степь, дождь, снег, слякоть, и он тут же, с казаками — ест и спит и словно рад этому. Он — степной воин.

Бабиев же — сплошная подвижность, легкость, шик. Он красиво скроен и красиво сшит. У него во всем должен быть шик. Без блеска — но шик, эффект. Он должен властвовать над всеми. И даже вот под этими бугорками — все должно быть отчетливо и молодецки. И ему так скучно сидеть без дела под бугорками. И ночевать здесь он не может, так как он очень легко одет, стильно одет, одет, словно для бала. И ему здесь ночью будет и холодно, и неудобно. У него война — набег. А после него, к ночи — домой, к друзьям, к веселью. В веселье же — шум, песни, музыка, лезгинка, блеск, во всем приятность — как награда за набег.

Даже и мне не нравится обращение Топоркова к Бабиеву:

— Полковник Бабиев! А почему у Вас в полку?.. — и так далее обращается он к нему.

Подъесаул Кравченко, мой друг по военному училищу и сейчас командующий 1-м Запорожским полком, только переглядывается со мной, улыбнется и тихо скажет:

— Вы не знаете нашего “Топорка” (ударение на “а”) — он будто суровый, но справедливый. И мы, запорожцы, ценим его и любим.

И пока мы молча сидели-прятались от пуль противника, — красные перешли в наступление по всему фронту. Отступая по кукурузе, полки задерживались на каждом возвышении, на каждом курганчике. Наши пулеметные команды “на линейках”, ломая кукурузу, были беспомощны в своем огне.

Может быть, лучше было собрать все три полка, насчитывающих до 400-500 пашек в каждом, и, прорвав фронт красных, бить их по частям? Но красных такая масса... и главное — не видно их флангов. Фланги скрываются где-то вдаль в кукурузе, которой, кажется, и конца края нет. Сплошное море кукурузы и в ней нескончаемые цепи красных. Они идут в три линии, не останавливаясь. Нам надо отходить. Все равно мы их не задержим. Но полковник Топорков не создан для отхода. Он определенно хочет отстоять свои позиции.

Казачьи лавы отходят, изредка постреливая прямо с седел. Вот и еще рубеж. За ним, дальше, в наш тыл — равнина и сжатое поле. Топорков командует “Слезай!” — и сам слез с коня. Спешились ближайšie лавы. Защелкали редкие казачьи выстрелы, но красные безостановочно идут и идут вперед.

Бабиев, спустившись чуть за пригорок и повернув коня хвостом к противнику, стоит и улыбается, давая этим понять полную бесполезность боя при такой обстановке. Я стою лицом к нему и удивляюсь, почему он стал спиной к красным. Щелкнет пуля в спину — вот и “позорное” ранение! А пули так часто щелкают по кукурузе, чем еще более усиливают впечатление силы огня противника. Его горячий конь, от страха “по-

собачьему” поджав хвост между ног, нервно вздрагивает при каждом щелчке пули. Бабиев же беспрерывно курит. Красные приближаются. Казаки, уже без слов команд, тихо, шагом отходят назад.

— Стой!., Стой!., Куда ты идешь? — вдруг кричит Топорков на какого-то конного казака. А казак, повернувшись лицом к нему, мрачно смотрит, молчит и продолжает идти “назад”. Топорков выхватывает шашку и бежит за казаком. Последний толкает каблуками своего заморенного коня, переводит его в аллюр “рысь”, чтобы уйти от своего командира бригады, и боязливо оглядывается назад, но в это время его конь путается ногами в кукурузе, спотыкается и падает. Казак летит далеко вперед с седла. К нему подбегает Топорков и рукоятью шашки “штрыкает” его в спину, в бока. Казак подсакивает и убегает вслед за своим конем.

Мы с Бабиевым смотрим на эту картину, и нам становится смешно. Топорков это заметил.

— Полковник Бабиев! Что же Вы тут стоите без дела? Соберите свой полк! — выкрикнул он, а зачем собрать — так и не сказал.

— Слушаюсь! — ответил Бабиев немедленно, козырнул ему левой рукой и, пользуясь этим приказанием, мы тронулись широкой рысью к своему полку, чтобы подальше быть от Топоркова.

В это время красные по всему фронту закричали “ура”, и мы все “докатились” назад.

...Вчера, при наступлении, наш полк левым своим флангом соприкоснулся с какой-то казачьей частью. Она наступала по кукурузе в пешем строю, имея лошадей в поводу.

— Какой полк? — кричит Бабиев.

— Отдельная Кубанская сотня подьесаула Растегаева! — отвечают ему криком же ближайшие казаки. Мы думали, что это наступает полк, но оказалось только сотня, и Бабиев, заинтересовавшись численностью ее, спрашивает:

— Сколько в сотне людей?

— Двести пятьдесят! — кричат они.

Как оказалось, эта отдельная Кубанская конная сотня служила в качестве вспомогательной конницы при 1-й пехотной дивизии генерала Казановича...

По равнине — полки отступали рысью, чтобы не нести потерь. Мы шли к станице Урупской. По дороге, в ложбине, видим сотню казаков. Почти все они в маленьких белых папахах. Какой-то пожилой сотник, скомандовав — “Смирно!” — рысью подошел к Бабиеву и рапортует:

— Господин полковник! Сотник Мишуров*, с пополнением для Корниловского полка в составе двух офицеров и ста десяти урядников и казаков, из войска прибыл.

Подъезжаем. Бабиев узнает своих прежних казаков 1-го Черноморского полка, которым он командовал после революции в 1917 г. и которым, на полковой счет, пошел белые папахи, как это было в его 3-й сотне 1-го Лабинского полка. У казаков веселые лица. Они

восторженно отвечают на приветствие своего командира. Сотнику Мишурову приказано “пока” быть “седьмой сотней” и отступить с полком.

Из-за цепей противника появилась красная конница. Издали она показалась нам грозной. В густой резервной колонне коней в 500, с обнаженными шашками — она двинулась за нами крупной полевой рысью, переходящей в намет, и уже миновала свои цепи пехоты. Уходить нам надо было обязательно...

Оставив 4-ю сотню подьесаула Лопатина в арьергарде, полк быстро спустился с кручи к аулу Урупскому и прошел его. На улице, у своей сакли, сидел дряхлый старик-черкес, а у порога — безразлично сидела костлявая старуха-черкешенка. Аул был пуст.

Запорожцы и уманцы отходили к Урупской западнее корниловцев. И едва полк миновал аул, как увидели — сотня Лопатина, во взводной колонне наметом “свалилась” с кочугуров и последовала за нами. Впереди нее, поднятой правой рукой, подьесаул Лопатин сдерживал своих казаков, чтобы никто не выскакивал вперед него. И только что сотня спустилась в низину, как на буграх показались новые конные всадники, обнаженными шашками угрожающе потрясавшие в воздухе и громко матерно ругаясь. Это были красные. Они остановились на возвышенности правого берега долины реки Урупа.

Корниловский полк вошел в Урупскую с восточной стороны и спешными сотнями быстро занял ближайшие неровности. Красные не наступали. На ночь все три полка расположились в Урупской. Станица оказалась пуста. Казаки даже нашли в печах горячую пищу, что показывало, — насколько быстро она была оставлена населением. К утру следующего дня — блеяли овцы в кошарах, мычали коровы на базах, куры, гуси, свиньи вышли во дворы в поисках пищи. Сотенные командиры приказали казакам всем дать корм и выпустить телят к коровам, “чтобы не перегорело молоко в вымях”. Какая жуть казачья!

Пеший бой полка под Урупской

18 октября, с утра — завязался бой на подступах к Урупской. Красные, спустившись вниз, перерезали дорогу Урупская—Безскорбная. Пеший бой вел только Корниловский полк. Запорожцы и уманцы, со своим бригадным командиром полковником Топорковым, были где-то “наверху”, северо-западнее Урупской и также вели бой. Наш бой был упорный и нудный. День стоял пасмурный. Мы чувствовали, что, если красные надавят, — станицы полк не удержит. У нас ведь нет патронов!

Передовую позицию занимает вчерашнее пополнение казаков. Их белые папахи ясно видны нам сзади. Видны ли они красным? — думалось. И если видны, то это плохо: их хорошо брать “на мушку”. И красные их “брали”... Среди них есть уже раненые. Два казака ведут, поддерживая под руки, одного стонущего, харкающего кровью. Руками он схватился за рот. Доктор Александров осматривает его и докладывает Бабиеву, что пуля раздробила челюсть и выбито несколько зубов. Он, подхорунжий, с двумя Георгиевскими крестами Великой войны. Мне жаль его, беспрерывно стонущего. И я запомнил лицо этого несчастного казака.

В начале 1919 г., на Маныче, Бабиев был уже генералом и начальником 3-й Кубанской казачьей дивизии. Автор этих строк был командующим Корниловским полком. В полк вернулся этот подхорунжий. В лазарете ему сшили челюсть и вставили зубы. Но лицо

перекошено, и он слегка косноязычит. Пишу на него представление для награждения Георгиевским крестом 2-й степени; частным письмом к Бабиеву, напоминая ему “картинку” боя под Урупской, прошу утвердить представление. Чуткий Бабиев это делает, шлет его в штаб 2-го Кубанского конного корпуса, и доблестный генерал Улагай утверждает и присылает золотой крест. И я был счастлив навесить его на грудь этому подхорунжему. К несчастью, забыл его фамилию и какой он станицы.

— Та цэ ж було давно! — только и ответил скромно он, уже пожилой человек, видимо, казак “третьей очереди”.

В самый разгар боя, неожиданно из-за бугров, с юго-востока, под огнем красных, пешком, в сопровождении только своего адъютанта-кавалериста — явился генерал Врангель. Оба они в гимнастерках, в фуражках, при шашках и револьверах. Бабиев доложил боевую обстановку. Врангель спокоен, улыбается и потом, с явным приятным расположением к Бабиеву, как-то наивно стал рассматривать его, — как он одет? И рассматривал его так, как рассматривает подруга подругу, увидев на ней новое модное платье. И, налюбовавшись, вдруг спрашивает:

— Полковник! А где Вы заказывали свою черкеску?

И по боевой обстановке и по существу вопроса — это было очень странно.

— Да еще в Тифлисе, Ваше превосходительство! — козырнув ему, отвечает Бабиев, стоя перед ним в положении “смирно”.

— Не беспокойтесь... держите себя свободно, полковник. Я так люблю кавказскую форму одежды, но в ней мало что понимаю, почему и присматриваюсь к другим — кто и как одет? Я ведь приписан в казаки станицы Петропавловской. Станица подарила мне коня с седлом. Теперь я хочу одеть себя в черкеску. Но, чтобы не быть смешным в ней — вот я присматриваюсь, чтобы скопировать с кого. Вы так стильно одеты... — говорит он, ощупывает качество “дачкового” сукна черкески и “щупает” глазами его оружие. Бабиев на его комплименты вновь откозырнул.

Разговор хотя и был неуместным по боевой обстановке, но он нам обоим понравился. Мы поняли, что у Врангеля “есть душа”, что с ним можно запросто говорить. Что он “живой человек” со всеми человеческими страстями и недостатками, но не сухой формалист — генерал, начальник, к которому “не подступиться”.

К вечеру бой затих. На наших глазах красные отходили на ночь к аулу Урупскому. В этом бою ранены были оба офицера, прибывшие вчера на пополнение полка с сотней казаков: сотник Мишуров и зауряд-хорунжий Корякин (смертельно). Выбыло из строя этой “седьмой сотни полка” убитыми и ранеными свыше десяти казаков. Чин “зауряд-хорунжего” давался вахмистрам и урядникам за боевые отличия. На погонах хорунжего они имели “наверху” погона, поперек его, нашивки того звания, из которого они были произведены в офицерский чин. После войны они увольнялись в запас, “по войску”.

Об этих боях генерал Врангель пишет: “Правее нас, в районе станиц Попутная и Отрадная, действовали части генерала Покровского (1-я Кубанская казачья дивизия, Ф.Е.), на правом фланге которого, в Баталпашинском отделе, дрались казаки полковника Шкуро. Левее, между реками Урупом и Кубанью, наступала от Армавира выдвинутая в этом направлении 1-я пехотная дивизия генерала Казановича. Продвигаясь вдоль линии Владикавказской железной дороги, она вела упорные бои. Туда прибыл генерал Деникин.

Мне ставилась задача: форсировать реку Уруп, ударить во фланг и тыл действующих против Казановича частей красных и отбросить их за реку Кубань.

Тщетно, в течение почти двух недель, пытались части дивизии форсировать реку Уруп. Противник, прикрывшись рекой, крепко засел на высоком скалистом гребне. Местность чрезвычайно затрудняла действия в конном строю. В патронах же ощущался огромный недостаток. Между тем генерал Казанович, выдвинувшийся было до станции Овечка, вынужден был затем с тяжелыми потерями отойти почти к самому Армавиру. С величайшим трудом он удержался в самом углу между Кубанью и Урупом. Противник овладел станцией Коноково в 15 верстах к югу от Армавира. Приказом генерала Деникина моя дивизия (1-я Конная) была подчинена Казановичу, и последний требовал моей помощи, настаивая, между прочим, чтобы я держался вплотную к его правому флангу, не соглашаясь с моими доводами, что — занимая уступное положение, маневром, я могу несравненно лучше обеспечить его” (Белое Дело, т. 5, стр. 83 и 84).

Генерал Деникин об этом пишет: “Генерал Казанович, 13 октября, внезапной атакой, овладел Армавиrom. Конница Врангеля не могла развить этот удар. 10 октября она была прикована к Урупу настойчивыми атаками противника, причем станица Безскорбная несколько раз переходила из рук в руки. Только 15 октября 1-я Конная дивизия вышла частью своих сил на правый берег Урупа. Но 17-го большевики перешли в контратаку на всем фронте между Урупом и Кубанью и оттеснили конные части Врангеля за Уруп, а дивизию Казановича — под Армавир” (т. 4).

19 октября — как будто затишье. С Бабиевым сидим за пустым столом в казачьей хате, но в полной готовности выскочить по тревоге в седла. Входит ординарец и докладывает, что приехал какой-то старик и хочет видеть полкового адъютанта. Выхожу на крыльцо и вижу: на дивной рыжей полукровке-кобылице, годной под офицерское седло, сидел “охлюпью” (т. е. без седла) почтенный седобородый старик лет под шестьдесят. Правая его нога, обращенная в мою сторону, была деревянная от колена и неуклюже, и неприятно торчала в сторону, совершенно не гармонируя ни с его “дедовской”, очень серьезно-сердитой осанкой, ни с его дивной, благородных кровей, кобылицей. Удивленный такому неожиданному появлению, почтительно и ласково спрашиваю его:

— Вам што, дедушка?

— Эта, што ль, Карнилавский полк? — как-то сурово, вопрошающе, спросил он.

— Да, это! А што вам надо, дедушка? — вновь ласково и почтительно спросил его, сам говоря “чисто по-линей-ски”, чтобы не обидеть его и не оттолкнуть от себя, как офицер.

— Да в нем мой сын... передавал в станицу, што пад ним каня убили... и прасил прислать другова... ну, вот я и привел, — уже более ласково говорит он, глазами и кивком головы указывая на свою дивную “четырёхлетку” кобылицу, станичного подворного коневодства. И пока я не нашелся, что ему ответить, так как не знал ни его сына, ни того, что под его сыном убит конь, как он спрашивает дальше:

— А, правда, эта, што палком камандует Бабиев? — чина Бабиева он не назвал.

— Да-да, дедушка... нашим полком камандует полковник Бабиев, — поправляю его. А можна да ниво (до него)? — продолжает он.

— Канешна! — отвечаю ему по-станичному, в тон. — Ординарцы! Помогите слезть дедушке! — крикнул я казакам, молча и с любопытством, слушавшим наш разговор. Казаки, послушно и учтиво перед стариком, бросились к нему, а он им сурово:

— Нянада... нянадо (не надо)... и сам управлюсь! — и спокойно, уверенно и, видно, не впервые, сполз влево на свою здоровую ногу.

Передав кобылицу ординарцу, он спокойно, не торопясь, поднялся на крыльцо, вслед за мной вошел в нашу комнату, снял папаху, крупно, набожно, троекратно перекрестился на образа, что в каждой казачьей хате висят “в святом углу” (Бабиев при этом встал со стула, и его отделял от старика только стол), и потом, повернувшись лицом к Бабиеву, произнес спокойно:

— Здравия желаю. — Чина Бабиева не назвал. И добавил: — Вы будитя камандир Бабиев?

Бабиев, чуть улыбнувшись, с доброй, сердечной станичной вежливостью подтвердил это. Тогда старик, чуть повернув голову в сторону и как-то боком кося глаза, словно ему так лучше, удобнее рассматривать, изучать человека, спокойно произнес:

— Да-а... па-абличию — признаю-ю, — т. е. по лицу — похож на род Бабиевых. Видно было, что этот старик знал отца и деда Бабиевых. Дед Бабиева не был “русским”, он стал казаком станицы Михайловской. Отец Бабиева — старый офицер-лабинец, летами моложе этого старика. О внуке Бабиева, сотнике Коле Бабиеве — старик, несомненно, много слышал от своих внуков, — каков он был на Турецком фронте в должности командира знаменитой 3-й сотни 1-го Лабинского полка. Теперь он “удостоверился”, что внук Бабиев — достоин своего отца и “абличием своим” (лицом) — соответствует своему роду.

Я молча наблюдал эту сцену и видел, как приятны были Бабиеву эти слова старика. Со стороны всегда видней.

— Ну, спасибо Вам... а то я не верил... — закончил он Бабиеву, а чему “не верил” — не договорил. И потом, повторив Бабиеву, что он привел нового строевого коня для своего сына, он обращается уже ко мне, видимо, как “к исполнительной власти”. — Ну, так возьмите кабылку для сына...

Ни Бабиева, ни меня — он так и не назвал по чину. И хотя обращался почтительно, но совершенно независимо, видя в нас, хотя и господ офицеров, и сильных в своей власти, но не над ним. Мы, в его понятии, были “их дети”, только в офицерских чинах. Старик был казак Константиновской или Родниковской станицы. Так жаль, что забыл его фамилию. Для войсковой истории — нужна и она.

ТЕТРАДЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Для войсковой истории — важен каждый штрих современника. Воспоминания пишут, обыкновенно, люди в высоких чинах и должностях, а отсюда — они не могли видеть многое “мелкое” в обыденной жизни, на службе и в боях, из чего и составляется часто “большое”.

Я не раз говорил рядовым казакам и урядникам здесь, в Америке, чтобы и они написали “свою историю”, подчеркивая, что наблюдение и переживание офицера на войне и в боях отличается от наблюдений и переживаний рядового казака и урядника. И вот — некоторые откликнулись. Подхорунжий К.П. Ишутин озаглавил свою “эпопею” так — “Мое участие в 1-м Запорожском полку от станицы Михайловской до станицы Николаевской Лабинского отдела”.

В 1-м Запорожском полку

30 сентября 1918 г. большевики в станице Михайловской мобилизовали всех казаков, кто только мог держать винтовку, и сказали им: “на фронт — или пулю в лоб!” В эту же ночь под 1 октября они начали отступать из станицы Михайловской. Нас, группа в 27 казаков, под командой Урядника Максима Дмитренко, сговорились — “перейти к казакам”, почему сразу же поехали в разведку — “как и куда, бежать?”

Видим, — идет их обоз без охраны, и мы присоединились к нему, как бы “прикрытие к обозу”, но нас спрашивают:

— Что вы тут делаете?.. Думаете остаться?

Мы же им отвечаем:

— Прикрытие обоза! — а сами, один за другим, стали уходить в назначенное место. Около 12 часов ночи мы собрались и двинулись в направлении хутора Чаплыгина, где стоял полковник Топорков со своей бригадой. Когда прошли большевистские окопы, то мы не могли дальше двигаться. Спустились в небольшую балку, остановились и выставили кругом посты — ожидали рассвета. И как только стала заниматься заря, мы двинулись вперед. Проехав версты полторы, — показался казачий разъезд. Мы остановились, не зная, — кто они? Заметили и они нас и также остановились; один из них поскакал назад, к скирдам соломы. Видим: из-под скирдов выехал взвод казаков, развернулся в лаву и шагом двинулся к нам. Наш урядник говорит: “Вы стойте тут, а я поеду и узнаю — кто они?”

И навязал белый платок на длинное “стебло” кукурузы — бросился с места в намет, к казакам. Они остановились, и от них тоже один двинулся к нему навстречу. Не доезжая друг до друга шагов на пятьдесят, они остановились, переговорили и поскакали, каждый к своим. Наш урядник прискакал и говорит, что это наши казаки, и чтобы мы, не доезжая сажень на 50, бросили свои винтовки и ехали бы в их сторону. Они стояли все “наготове”, пока мы не побросали свои винтовки. Подъехали к нам, впереди, видим, офицер в чине сотника. Это была 3-я сотня 1-го Запорожского полка, и нас сразу же отправили в штаб бригады полковника Топоркова. Когда прибыли — доложили Топоркову, а сами выстроились в две шеренги. Топорков вышел, и наш урядник скомандовал: “Взвод — смирно!”

Он поздоровался с нами и благодарил нас, что мы “перешли”. Мы начали просить его, чтобы сейчас же наступать на станицу Михайловскую, он сразу вызвал трубача, приказал трубить “сбор”. Бригада быстро выстроилась и двинулась в направлении станицы; нас причислили к полку, в 3-ю сотню, в 3-й и 4-й взводы. Не доходя две или три версты до Михайловской, — Топорков получил извещение, что станица уже занята казаками и там находится генерал Врангель, а бригаде Топоркова приказано двигаться на полустанок

Андрей-Дмитриевский, Чамлыкский поселок (хутор Синюхин) и дальше в направлении станицы Урупской.

Ночевали на Синюхинском хуторе. Здесь нас посылают в сторожевое охранение, а винтовок нет... Мы говорим: “как же это так? на пост — и без оружия? где наши винтовки?”

“Та щэй ны прывызлы...” — отвечают они. Потом дали винтовки, а утром 2 октября двинулись в направлении станицы Урупской. Шли колоннами, и нас стали обстреливать, почему вся бригада свернула под скирды соломы. Казаки всегда бывают неугомонные и весельчаки — тут же пошли танцы, наурская, пули летят сверху, но нас не достают. Идут шутки, запорожцы нас “дразнят”, а мы их, и вдруг — команда:

— По коням!.. В атаку!.. Ур-ра-а! — и видим — перед нами лава красной кавалерии, и мы сразу же кинулись на них. Впереди нас командир 3-й сотни и наш урядник Максим Дмитренко и — красные приостановились и начали забегать на фланг, а впереди красных был сам Кочубей — в бурке, красный башлык и белая папаха, и кричит:

— Я сам Кочубей!.. Мы вам покажем! — и тут они нас “сбили”, и мы стали отходить. Много наших казаков ранили; мой станичник, старый казак, был убит, другой ранен в плечо. Убит Максим Амельченко, а ранен Иван Шаповаленко, и под Василием Колесниковым ранен конь. И благодаря, не помню, какому полку — левее нас действовал, — он выскочил и отбил красных. Говорили, что это был Корниловский полк. После этого полк выстроился, приехал генерал Врангель и ругал запорожцев. Тут же пошли вперед, и когда дошли до тех же скирдов, встретил я моего сослуживца по Первой мировой войне Максима Гридина, станицы Константиновской. Он был у красных и спрашивает меня:

— Что будет?
Я ему говорю:

— Ничиво... пойдешь домой.

Через некоторое время казаки в полку говорят, что “казаков расстреляли”, и начали казаки волноваться и говорить, что “это не хорошо... почему расстреливают?!”

После я узнал, что мой сослуживец был жив. В ночь на 8 октября, как пишете Вы, господин полковник, стали готовиться к наступлению. Перед этим — был послан разъезд в шесть казаков, в том числе и я. Когда мы подъехали близко, то увидели, как один верховой на лошади разъезжает перед окопами и слышен гомон. Наш старший разъезда, урядник, говорит нам:

— Я отъеду в сторону и выстрельну.

Мы ему говорим, что “не надо”. Но он не послушался, отъехал и дал один выстрел. В ответ — красные нас засыпали пулями, но нам ничего, а в штабе были раненые. После этого пошли в наступление. Я был во второй шеренге, и командиры сотен все время говорили казакам: “братцы — держитесь, не бойтесь и не падайте духом и назад не убегать!” И когда дошли до первых окопов они были пусты. Также были пусты и вторые, и третьи. Большевики ушли, и мы ночью вошли в станицу Урупскую. Наш 4-й взвод остался возле мельницы, где была переправа через Уруп.

На рассвете нас обстреляли. Мы дали им ответ, и они замолчали. Сколько мы стояли в Урупской, я не помню, но когда перешли Уруп, это было ночью, был большой ветер. Шли мы по направлению станции Коноково и догнали отступающую красную армию. Полковник Топорков начал кричать — “сдавайте оружие!.. Бросай винтовки!” — и они начали бросать их. Но подошла другая колонна красных и, узнав в чем дело, комиссар кричит: “товарищи!.. В цепь... пли!” — и они как “врезали”, но не знают куда, потому что было темно. Мы сразу назад. Немного отошли, остановились и стояли в чистом поле до утра. И как только занялась заря, — тронулись вперед. Поднявшись на бугорок, видим, как на ладони — красные отходят цепью к Кубани. Топорков остановил бригаду и говорит командиру 3-й сотни: “пошлите взвод казаков, чтобы красные сдали оружие”. Послан был наш 4-й взвод.

Когда мы, не доезжая 50 сажень, остановились, — они смотрят на нас, отходят, но не стреляют. Взводный крикнул — “сдавай оружие!” — они как “всыпят” по нам... Было ранено два или три казака; но тут бригада бросилась в атаку и многих там забрали в плен, и много их осталось в Кубани. Когда мы стали подходить к железной дороге, из Армавира шел поезд и командир сотни кричит взводному 4-го взвода — “пошлите казака узнать — кто это такой?”

Взводный посылает меня. Подскакав к поезду шагов на сто, кричу — “кто такой?”
Отвечают: “2-й Офицерский полк!” — тогда только у меня отлегло в сердце, но они спрашивают — “а это кто?” Я отвечаю — “дивизия генерала Врангеля!”

Не доходя станции Коноково, выстроился 1 -й Запорожский полк. Приезжает генерал Врангель, здоровается с полком и хвалит запорожцев “за храбрость”. А ему казаки в ответ, что говорил: “не буду с Вами здороваться... и ругал нас, а сейчас хвалишь и здороваешься!” А он проезжает и смеется.

В храм Войсковой славы

19 октября 1918 г. Корниловскому полку приказано спешно переброситься из станции Урупской в Безскорбную. Запорожцы и уманцы оставались в Урупской. В Безскорбной были екатеринодарцы, линейцы и черкесы.

Время было послеполуденное. Наш полк шел переменным аллюром вдоль левого берега Урупа. Стоял сухой солнечный осенний день. Полк с песнями вошел в Безскорбную. Во главе полка шла моя 2-я сотня певучих казаков незамаевцев и калниболотцев. Временно сотней командовал сотник Друшляков. Бабиев весь пылал от восторга, вступая со своим храбрым полком во вторую станцию своего Лабинского отдела, где его очень многие знали.

Полковник Бабиев не только понравился полку, но и сразу же очаровал всех. Казаки сразу же оценили его и увидели в нем настоящего орла-командира. Когда он подъезжал к полку, чтобы поздороваться — полк невольно принимал молодецкий вид, “ловил глазами его” и ждал только его “слова”, чтобы громко, молодецки, вдохновенно — ответить:

— Здравия желаем, господин полковник!

На своем светло-рыжем, лысом, белоногом коне, веселом и прытком, широкими аллюрами — к полку он подлетал всегда наметом. Быстро, сноровисто остановив коня, в три-пять прыжков и, взяв левую руку под козырек, — он, своим зычным, чуть хриповатым

голосом, при этом кивнув головой вверх так, чтобы его голос прошел по верху голов строя, — он будирующе пронизывал полк:

— Здорово, молодцы Корниловцы!

И после их ответа, поведя глазами по сотням, — уже весело, с улыбкой произнесет слова команды, словно рассказывая:

— Справа “по три”... головная сотня, шагом ма-арш!

Во всем этом чувствовалась большая опытность, знание души казака, знание как к ней подойти, чтобы ее, надорванную, — только бодрить и бодрить. Полк втянулся в главную улицу Безкорбной. Головная 2-я сотня, запевая по-полковому в два голоса, с воодушевлением гаркнула в сорок песенников двухшереножного конного строя:

Ты Кубань, ты наша Родина, вековой наш Богатырь!

Многоводная, раздольная — разлилась ты вдоль и вширь...

Жители станицы, услышав родную песню в столь мощном исполнении, бегут к воротам и плетням. Старые казаки снимают папахи, детвора бежит и визжит от радости, а наши родные казачки-страдалицы, облокотившись на заборы, рыдают радостными слезами. Идет казачье войско, идет, спешит к ним на помощь, для защиты от этих изуверов-большевиков, которые еще занимают позиции на правом высоком берегу Урупа. 33-летний Бабиев, сам по рождению и по службе кровный лабинец — он весь горел горделивостью и не успевал откланиваться своим родным лабинцам, тепло улыбаясь в свой жесткий, торчащий вверх ус.

Неожиданно для нас у парадного крыльца одного дома появился наш командир бригады, полковник Науменко. Он только что вернулся из Екатеринодара, отсутствуя около месяца. Бабиев немедленно же скомандовал полку “смирно” и с рапортом подскочил к нему. Настроение у всех было повышенное, победное. Науменко здоровается с каждой сотней, благодарит за отличную боевую работу и сам радостно улыбается, встречая свой храбрый полк. Офицерам полка, которых он отлично знал всех в лицо и по фамилиям, — он делает приветствия отдельно, также мило улыбаясь.

Пропустив полк, — он прощается с нами, и мы, широким наметом обогнав все сотни, стали вновь в голове полка. Песни воодушевленно продолжались. Построив полк на церковной площади в резервную колонну, Бабиев нажал коленями на тебеньки седла, резко подлетел к молодецкой 2-й сотне, поблагодарил за песни и добавил:

— Это, братцы, есть наш войсковой гимн... и его надо петь только в торжественных случаях!

Геройский Бабиев был прав, но здесь он ошибся: полк входил в освобожденную свою кубанскую станицу, и это уже и был торжественный случай.

Под станицей Безкорбной

20 октября Корниловский и 1-й Екатеринодарский полки, под командованием полковника Науменко, пройдя вброд Уруп, заняли высокие бугры широкой долины Урупа. 1-й Линейный и Черкесский полки, под командованием полковника Мурзаева, двинулись восточнее, на село Козьминское, находившееся между Коноково и Невинномысской. 1-й Запорожский и 1-й Уманский полки полковника Топоркова вели бой севернее Урупской. Штаб 1-й Конной дивизии и сам генерал Врангель находились в Безкорбной. Красные, пропустив на бугры бригаду Науменко, скоро перешли в наступление и сбили наш левый фланг екатеринодарцев, которые спустились обратно в долину Урупа. Положение Корниловского полка было достаточно твердое. Науменко все время находился при Корниловском полку. Писать донесение было некогда, и он спешно командировал меня к генералу Врангелю, чтобы доложить обстановку и если можно — прислать помощь. Врангеля я нашел на площади станицы, и взволнованным. Я тогда еще не знал, что бригада Мурзаева уже была отброшена красными до самой станицы. На мой доклад о помощи бригаде Науменко он указал на свой конвой и ответил: “Это весь мой резерв”. Но то, что Корниловский полк еще твердо занимает свои позиции, — он просил меня передать Мурзаеву.

Скачу на восток станицы и из-за угла “натыкаюсь” на Черкесский полк, кучно стоявший в улице. Вдали вижу полковника Мурзаева. На крупном темно-гнедом коне, в светло-сером офицерском пальто мирного времени, совершенно один, даже без вестового, стоял он, пропуская мимо себя сотни своего 1-го Линейного полка во взводных колоннах. Скачу к нему и передаю слова генерала Врангеля. Мурзаев мрачно посмотрел на меня и, коротко бросив: “Хорошо... подождите”, ждет подхода последней сотни. И когда голова ее поравнялась с ним и казаки молча, сумрачно и, как мне показалось, стыдливо повернули к нему свои головы, — я услышал от него короткие бранные слова, бросаемые им в строй с горьким негодованием:

— Труссы!.. М-рзавцы!.. Двадцать верст наметом удирать?! Я вам покажу-у!

Я не понимаю — в чем дело. Вижу, только, что признанный храбрец, доблестный командир полка лихих линейцев, командир, любимый казаками, человек интеллигентный — он очень грозен и грубо ругает свой молодецкий 1-й Линейный полк.

Он “не расстроен”, а был очень грозен. Видно было, что такого человека не сломишь и ничем не испугаешь, и если он сейчас грозен, то видимо, что-то случилось особенное и неприятное. Одна рука его была на широкой черной перевязке — старое тяжелое ранение в 1-м Кубанском походе. Это еще более импонировало: он законно мог “устроиться” в тылу, но Мурзаев — не таков...

Пропустив линейцев, — он повернул лицо ко мне и спокойно поясняет:

— Подумайте только... Мы подошли к Козьминскому... шли переменным аллюром (5 минут шагом, 10 минут рысью). Я нисколько не сомневался, что село мы возьмем. Хотя — на кой черт оно нам нужно?! Стоит оно в стороне, только расброска сил!.. И вдруг — на нас неожиданно налетает красная конница... наши полки не выдерживают... поворачивают назад и... стыдно сказать: мы 20 верст “бежали” почти широким наметом. Никакие команды и угрозы — не помогли. Все кричат — “Стой!.. Стой!” и все, все же скачут назад. Скакал и я с ними... И что досадно, что красной конницы было столько же, сколько и нас! И я полки остановил только вот здесь, у станицы. Здесь я их собрал, и вот — церемониальным маршем — пропускал “через мат”... — закончил он.

Я вполне понял гнев этого доблестного кубанского штаб-офицера. И невольно вспомнил маршала Нея, сподвижника Наполеона. По истории — храбрый маршал, чтобы возбудить храбрость своих подчиненных, — перед боем ругал, оскорблял их последними словами, что они “трусы, негодники и прочее”, и накалял их так, что они, брошенные в бой, творили чудеса.

Приближалась голова Черкесского конного полка. Они без слов пели “лезгинку”, словно ничего и не случилось особенного. “Так ли Мурзаев будет ругать-оскорблять черкесов, как своих линейцев?” — невольно подумал я. И можно ли с черкесами так поступить?

Офицеры-черкесы скомандовали “Равнение на-право!” Всадники, перестав мурлыкать лезгинку, молча повернули головы в сторону своего бригадного командира.

— Спасибо за молодецкую службу! — громко, мощным своим баритоном встречает Мурзаев каждую сотню.

— Ряди старатьь...! — отвечают разбросанно они.

Мурзаев был психолог.

По той же дороге скачу обратно в полк, доложить “обстановку” в резерве генерала Врангеля и на нашем правом фланге полковника Мурзаева. Навстречу мне идет параконный экипажек в две лошади — одна “в дуге”, а вторая “в пристяжке”. Из него выскакивает офицер. На нем легкий дорожный плащ, он в коричневых лайковых перчатках, лицо молодое, красивое, нежное и явно гвардейское.

— Я корнет, князь Оболенский... командирован в штаб генерала Врангеля! Не знаете ли Вы, где он находится? — легко, по-кавалерийски козырнув мне и не называя по чину, спрашивает он, добавив, что едет из Армавира.

Экипаж, лайковые перчатки, нежное благородное лицо и мягкий дорожный плащ, и сам этот корнет-князь — все это было так не к месту здесь и не вязалось с боевой и тревожной обстановкой... Быстро ориентируя его в обстановке на фронте, я посоветовал ему как можно скорее двигаться к штабу дивизии, находившемуся на площади станицы, и корнет-князь, вновь козырнув, бросился в станицу.

Ингерманландский гусарский полк

К ночи Корниловскому полку приказано было отойти к станице, оставив на буграх сильное сторожевое охранение, Полк входит вновь в Безскорбную. Было очень темно. У одного из казачьих дворов стоит спешенная конная группа около двух взводов. На фронте было принято: проходя всякую воинскую группу, спрашивать — какая часть? или — какой полк? Бабиев любил спрашивать громко и на черноморском языке.

— Якого полка? — крикнул он в темноту.

Так как из пяти казачьих полков 1 -и Конной дивизии четыре были черноморских, то к казакам в подобных случаях, в темноте, чтобы “родным языком” сразу же сказать им о себе, что идут свои же казаки, — все офицеры обращались именно с этими словами, по-черноморски.

Бабиев хотя и был исключительным и “правоверным линейцем”, но ему очень нравились казаки-черноморцы, и он мог сказать несколько слов на этом, для него трудном, черноморском наречии.

— Ынгыр... гыр-гыр-дыр... та чорти — якогось Ынгырланського драгунського!.. — ответил ближайший казак в темноте.

Бабиев был в восторге и весело расхохотался. Сам он, безусловно, большой казак — “казакоман”, как тогда принято было определять подобных орлов, и был очень дисциплинированный офицер, далекий от неуместной критики своего начальства, отдающий должную и похвальную дань русской кавалерии и кавалерийским офицерам, находившимся при генерале Врангеле, но и его все же возмущало следующее: В штабе дивизии не было и одного офицера-казака.

От полков требовалось бесчисленное количество конных вестовых ко всем офицерам-кавалеристам, находившимся при штабе дивизии, и часто — строевые казачьи лошади с седлами.

Из полков отнимались бойцы для формирования Ингерманландского гусарского полка при штабе дивизии.

До сотни казаков там было для разных назначений, тогда как сотенные командиры дорожили буквально каждым казаком в строю. Кто командовал на войне сотней, тот отлично поймет этих командиров. И главное еще: штаб дивизии требовал от полков “лучших казаков”. Конечно, таковых им не давал ни один полк. Посланных возвращали обратно, с приказом “заменить лучшими”, но им посылались вновь — як нэ Иван, то Дэмьян...

Это была настоящая война между штабом дивизии и полками — долгая, непримиримая и постоянная. И побеждали, обыкновенно, сотенные вахмистры, которые назначали казаков.

Об этом Ингерманландском полку генерал Врангель пишет: “В двадцатых числах сентября 1918г. прибыла ко мне группа офицеров-кавалеристов, большею частью, бывших офицеров Ингерманландского гусарского полка. Из офицеров-кавалеристов я сформировал при дивизии ординарческий взвод. Впоследствии мне удалось его развернуть, и он послужил ядром к восстановлению Ингерманландского гусарского полка” (Белое Дело, т. 5, стр. 79).

Конечно, все это было хорошо и естественно, если бы этот полк формировался из солдат, оставив в покое казаков, и не ослаблял бы полки. Но в этом-то и было главное зло, что все ложилось на казаков.

Казаки не хотели идти туда. И не хотели по психологическим причинам. Как ни странно — у казаков и офицеров-кавалеристов не было никакого “общего языка”. Кавалеристы совершенно не умели говорить с казаками. У нас всех казаков называли на “ты”, по фамилии, иного и по имени — Пэтро, Грыцько, а не зная — кричишь порой так: “Эй, козаче! хлопче! давай коня!” — и казак, услышав это, быстро выполняет приказание.

Там же, при штабе дивизии — было совсем иное. Кавалеристы не знали, говорить ли казаку “Вы” или “ты”. Больше называли на “Вы”, что для рядового казака было тогда

странно и отчужденно. Фамилии же казачьи они плохо запоминали. Да и как их можно было запомнить, такие “странные”, как, например — Нидилько, Шрамко, Супоня, Мамрак, Индыло...

Второпях кавалерист требует свою лошадь. Фамилию казака, конечно, не помнит, и он выкрикивает:

— Эй, казак! вестовой! да давайте же мне, наконец, мою лошадь! — возмущенно кричит он. И казак только по внешности офицера видит, что это его барин. И он с досадой за слово “вестовой”, словно “лакей” лениво подводит ему коня, а сам думает: “хай бы вин тоби здох...”.

Все прибывающие офицеры-кавалеристы, конечно, были без лошадей и без седел. Где же их было достать? Да, конечно, опять-таки в полках... И самое благое начинание генерала Врангеля — формировать кавалерийский полк — вносило только неприятности в дело, в жизнь, и портило взаимоотношения.

Бабиев навсегда запомнил этот “исторический” казачий ответ ему и часто повторял, как анекдот, в своей среде.

ТЕТРАДЬ ПЯТАЯ

Рано утром 21 октября Корниловский, 1-й Екатеринодарский и Черкесский полки, под общим начальством полковника Науменко, пройдя вверх по реке Уруп версты три-четыре, спокойно переправились вброд через реку у села Ливонского, которое находилось на правом берегу Урупа. Круто повернув на северо-запад, прошли до уровня Безкорбной, остановились и спешили. Красных на месте вчерашнего боя не оказалось. Для выяснения обстановки, на север, в направлении крестьянского села Успенского, послана разведывательная сотня.

Нам всем так наскучило безрезультатное хождение “по Урупу”, переход за Уруп и обратно, что и Науменко, и Муравьев, и Бабиев, уйдя из станицы Безкорбной на север, за гребни, скрывшись из глаз генерала Врангеля, решили передохнуть, точно выяснить боевую обстановку и уж тогда действовать. А чтобы все были “в курсе дела”, Науменко собрал вокруг себя командиров полков и всех командиров сотен, и мы все лежим под бугорком, слушаем старших. Командир 1-го Екатеринодарского полка полковник Муравьев резко критикует генерала Врангеля: что мы все время “толчемся на месте”, действуем разрозненно вместо того, чтобы собрать всю дивизию “в кулак” и ударить на красных в одну точку, прорвать их фронт и потом бить по частям.

Полковник Бабиев молчит, но видно, что и он разделяет взгляд Муравьева, но как молодой полковник и только недавно принявший полк — он молчит. Командиры сотен, на которых ложилась основная боевая работа, полностью находятся на стороне Муравьева. Полковник Науменко очень ласково успокаивает Муравьева, но по тому, как он улыбается, также видно его сочувствие словам не всегда сдержанного Муравьева. Во всяком случае, сейчас, здесь собралась чисто строевая среда офицеров, которые думают однородно. И так как полковник Науменко являлся старейшим офицером 1-й Конной

дивизии, который допускал свободно выражать свое мнение подчиненным, чтобы лучше быть в курсе всякого дела, — то вот ему это мнение и выражали.

Прискакал казак с донесением от разведывательной сотни об обнаружении противника, который наступает на нас. Офицеры бросились к своим полкам. Разведывательная сотня отходила шагом, лавой. Пехота красных, в две длинные цепи, шла уверенно вперед, так как ей никто не сопротивлялся. И вот, когда она поравнялась с полками, скрытыми в ложбине, — Науменко, в голову, в конную атаку, бросил Корниловский полк Бабиева.

Солнце было на закате. Морозно, холодно, но сухо. Казаки и лошади промерзли. Как полагается по уставу “для атаки на пехоту” — Корниловский полк шел тремя эшелонами, по две сотни в каждом, развернутым строем. Бабиев шел во втором эшелоне. 1-й Екатеринодарский полк шел следом, “в линии колонн”, как поддержка. Черкесский полк — резерв Науменко.

Полки шли ровно во фланг красных. Появление нашей конницы их обескуражило. Перестраивать свои длинные цепи или заходить плечом — им было уже поздно. Крайние с их левого фланга открыли по казакам беспорядочный огонь, и Корниловский полк немедленно же перешел в широкий намет. И через каких-нибудь две-три минуты — красная пехота побросала винтовки и бросилась навстречу атаковавшим. Все было захвачено полностью, без всяких потерь с нашей стороны. Было даже как-то досадно из-за этого... словно мы и не вели боя. Полки быстро окружили пленных и... не поверили своим глазам: пленные почти полностью состояли из казаков и иногородних пройденных станиц Лабинского полкового округа. Как оказалось потом, все они были мобилизованы, при отходе по этим станицам, Таманской красной армией. Они были так рады, что мы их атаковали, и совсем не считали себя “пленными”, прося сейчас же вступить в бой с красными. Из толпы пленных слышались веселые казачьи остроты и радость встречи со своими казаками. Они были очень богато снабжены патронами и табаком, чего в наших полках совершенно недоставало. Они щедро роздают их своим победителям. Одеты же они были как попало — кто в ватных бешметах, кто в полушубках, кто в шинели. На ногах рабочие “чирики”, кто в опорках, кто в солдатских ботинках и редко кто в сапогах. Но зато большинство было в своих черных потертых казачьих папахах. Командный состав был, больше, свои же люди.

Их оказалась два полка, численностью в обоих чуть выше 1500 человек. Казаки!.. Казаки!.. Сомнений не было ни у кого, но война есть война: всех их, под небольшим конвоем, препроводили в Безкорбную, в штаб дивизии. Генерал Врангель был в восторге и ликовал.

Все это произошло на уровне станицы Безкорбной, за гребнями, верстах в трех-четыре к северу от нее. Станицы Урупская и Безкорбная расположены на левом низком берегу Урупа. Долина самого Урупа шириной до двух верст. Правый берег этой долины, но не реки, очень высокий и довольно крутой. За гребнем его тянется ровное плато до самой реки Кубани. Явно от Безкорбной ничего не видно, что делается за буграми. Конная атака прошла не по приказу генерала Врангеля, а по обстановке и распоряжению полковника Науменко. Я не помню, была ли с нами артиллерия, но если и была, то она огонь не открывала, так как он и не был нужен. К ночи полки вернулись в Безкорбную, где и заночевали.

На следующий день, 22 октября

Утром корниловцы и екатеринодарцы, под начальством своего бригадного командира полковника Науменко, не торопясь, выступили в поход на крестьянское село Успенское, расположенное на левом берегу Кубани, у железнодорожного полотна, ровно на середине расстояния между Армавиром и Невинномысской. От станицы Безкорбной до него, на север, около 20 верст.

Накануне в Безкорбную прибыла полковая канцелярия. Канцелярия — это “тачанка” с 2-3 писарями на лошадях и вооруженных, как и все. Ее мы не видели несколько дней. Старший полковой писарь доложил о накопившейся переписке. На мой доклад Бабиеву об этом — последний ответил: “До завтрака управьтесь с бумагами, а потом вместе с командой связи — догоняйте полк”. Подумав немного, улыбаясь, добавил: “А может быть, мы, как всегда, к вечеру опять вернемся в Безкорбную”.

Закончив работу ровно “к завтраку”, с командой связи прапорщика Ишутина выступили. Проезжая восточную площадь станицы, где находился штаб дивизии, мы увидели вчерашних своих плененных. Они были выстроены в две длинных шеренги, стояли беззаботно и находились даже в веселом настроении. Оказывается, их вливали в пехотный стрелковый полк, формируемый при нашей 1-й Конной дивизии. Здесь же узнаем, что наши полки, сбив красных, успешно двигались к селу Успенскому.

Поднявшись на бугры, переменным аллюром следуем по ровной сухой дороге. Навстречу нам тянутся беженцы-крестьяне на своих подводах. Они смотрят на нас с робостью. Они боятся насилий и, главное, “мены лошадей”. Я это точно вижу в их растерянных взглядах на нас. Легко делать насилие в бою или сейчас же после боя, но потом, над мирным жителем, — не для всех натур это возможно... Я запретил это делать своим казакам и ускоренным переменным аллюром — тороплюсь к полку.

По дороге встречаем до десятка зарубленных красноармейцев, раскинутых в беспорядке, может быть, сторожевую заставу. И хотя они наши злейшие враги, но... как тяжело смотреть на окровавленные трупы убитых людей, зарубленных шашками и, конечно, по головам, может быть, только полчаса тому назад. Не останавливаясь и не рассматривая их, к обеду (часам к 12 дня) мы подошли к селу. Корниловские сотни, с разных сторон, втягивались в него, к площади, на которой, верхом на лошадях, стояли полковники Науменко и Бабиев. Скоро подошли екатеринодарцы, и полки разместились по квартирам. Здесь “застряло” много беженцев из пройденных станиц, как и немало местных красноармейцев, спрятавшихся кто где мог. Их начали вылавливать...

Об этом дне генерал Врангель пишет так: “Переночевав в станице Урупской (в Безкорбной, Ф.Е.) я, на рассвете, верхом, в сопровождении начальника штаба дивизии полковника Соколовского* и нескольких ординарцев, выехал к станице Успенской (к селу, а не к станице Успенской, Ф.Е.). Навстречу нам попадались длинные вереницы пленных, лазаретные линейки с ранеными, тянулся под конвоем казаков захваченный неприятельский обоз. Мы подошли к станице (к селу, Ф.Е.) Успенскому, когда на улицах станицы (села) еще шел бой. Отдельные кучки противника, засев в домах, оказывали еще сопротивление.

Разбитый противник, переправившись через Кубань, бежал частью вдоль линии железной дороги прямо на Ставрополь, частью двинулся через ст. Убеженскую, вниз по течению Кубани, на Армавир, выходя, таким образом, в тыл частям 1-й пехотной дивизии генерала Казановича. Город Армавир прикрывался лишь слабыми силами. По требованию генерала Казановича, я выделил бригаду полковника Топоркова (Запорожцы и Уманцы, Ф.Е.) для

преследования угрожающей Армавиру неприятельской колонны. Бригада полковника Мурзаева (Линейцы и Черкесы, Ф.Е.) продолжала действовать на левом фланге 1-й пехотной дивизии, наступавшей вдоль линии Владикавказской железной дороги, по направлению на станицу Невинномысскую. Сам я, с Корниловцами и Екатеринодарцами, оставался в селе Успенском. Накануне части захватили значительное число пленных и большую военную добычу. Необходимо было все это разобрать и привести в известность” (Белое Дело, т. 5, стр. 85).

В село Успенское генерал Врангель прибыл к вечеру 22 октября. На улицах села боя не было. Как-то не было даже и “живой связи” между ближайшими участками наступающих войск. При нас бронепоезд 1-й пехотной дивизии прошел село Успенское, направляясь к станции Овечка. Туда же были двинуты 1-й Линейный и Черкесский полки под начальством полковника Мурзаева. Бригада полковника Топоркова действовала в направлении на станцию Коноково, т. е. левее бригады полковника Науменко. Мы тогда не знали, что Таманская красная армия, отступая на нашем фронте, прорвала фронт белых и заняла Ставрополь.

О боевой обстановке этих дней генерал Деникин пишет в своих “Очерках Русской смуты”: “18 октября генерал Покровский, после упорного боя, овладел станицей и станцией Невинномысской. От Армавира и Урупа потянулись уже большевистские резервы в сторону Невинномысской и вступили в бой с Покровским 19 октября. Этим ослаблением Армавирской группы воспользовалась 1-я Конная дивизия. 20 октября генерал Врангель произвел перегруппировку, оставив заслон у Урупской и перебросив главные силы к Безкорбной.

октября, перейдя реку, он обрушился на большевистскую дивизию, разбил ее наголову и преследовал уцелевшие остатки ее в направлении села Успенского. Юго-восточнее такая же участь постигла еще два большевистских полка.

октября доблестная казачья дивизия, продолжая преследование, добила оставшиеся части противника и захватила станцию Овечка, куда вскоре подошла пехота генерала Казановича с бронепоездом.

За эти два дня Кубанцы Врангеля взяли около 2 тысяч пленных, 19 пулеметов, огромные обозы” (т. 3, стр. 232).

Очерк этих дней под пером генерала Деникина более объективен и очень широко и правильно освещает события и факты. Указанные им “около 2 тысяч пленных” близки к действительности. Генерал Врангель, на стр. 84, пишет: “мы взяли более 3 тысяч пленных, огромное число пулеметов (одна лишь 1-я сотня Корниловского полка захватила 23)”.

Некоторые строевые начальники, в своих донесениях, любили сгущать краски и обязательно в свою пользу. О 23 пулеметах, захваченных 1-й сотней сотника Полякова, у меня вышло со своим командиром полка, полковником Бабиевым, расхождение. 1-я сотня, находясь на правом фланге полка, у самого села Успенское, бросилась в преследование за красным обозом, захватила несколько подвод и на них обнаружила 21 пулемет, запасных. В донесении, конечно, так и надо было написать. Сотник Поляков, дельный, храбрый, но скромный офицер — он не считал это подвигом, а считал, что захватил подводы с ценным боевым имуществом и только. В душе и сам Бабиев считал так же, но тогда было время упоительных побед, полковой и боевой личной славы, поэтому как были захвачены пулеметы, — Бабиев не указал. Так это и вошло в историю. Но должен подчеркнуть, что

только здесь полки обогатились боевыми патронами и пулеметами. Тогда 15-20 патронов у казака считалось богатством. В походе казак, увидев на дороге патрон, спешит первым схватить его, как ценную находку. Теперь же у казаков полные патронташи, патроны в торбах, в сумках. Некоторые казаки опоясались даже пулеметными лентами. Начальник полковой пулеметной команды прапорщик Костик Дзюба заменил свои истрепанные пулеметы новыми и увеличил число их. Наш полк особенно ликовал от этого. Вечером этого дня с офицерами 1-го Екатеринодарского полка вышла маленькая пирушка.

Мы ликовали еще потому, что вся левобережная наша Кубань была полностью очищена от красных. Под их властью оставалось лишь несколько станиц Кубанского полкового округа, находящихся около Ставрополя. К этому времени, как потом мы узнали, Донская казачья армия полностью очистила от красных войск свою войсковую территорию. Что делалось в Терском Войске, мы абсолютно ничего не знали.

На 23 октября нашей бригаде дана дневка в селе Успенском. С утра был выслан взвод казаков под командой поручика Пухальского на правый берег Кубани, для обнаружения противника. К обеду пришло от него донесение, что он занял станицу Николаевскую без боя, и мост через Кубань не разрушен.

От Добровольческой пехоты генерала Казановича, со станции Овечка, в наш полк, для связи, прибыл офицер, девушка-прапорщик. Во всем новеньком защитном обмундировании, в блестящих золотых погонах, очень юная и миловидная барышня — она отчетливо отрапортовала Бабиеву и доложила об успешном продвижении их частей вперед. Нам было неловко от ее отчетливого рапорта; мы встали, но не как перед “офицером с рапортом”, а как перед женщиной, “перед дамой”. Смутилась и она, покраснела в лице перед двумя молодыми и холостыми офицерами. И, получив “сводку”, — немедленно же выехала в свою часть.

Странный случай. Под станицей Убеженской

На стр. 85 генерал Врангель пишет: “Накануне (т. е. 21 октября, под ст. Безскорбной, Ф.Е.) части захватили значительное число пленных и большую военную добычу... При моей дивизии имелись кадры пластунского батальона, сформированного когда-то из безлошадных казаков и добровольцев. Я решил сделать опыт укомплектования пластунов захваченными нами пленными. Выделив из их среды весь начальствующий элемент, вплоть до отделенных командиров, в числе 370 человек, я приказал их тут же расстрелять. Затем, объявив остальным, что и они достойны были бы этой участи, но что ответственность я возлагаю на тех, кто вел их против своей родины, что я хочу дать им возможность загладить свой грех и доказать, что они верные сыны отечества. Тут же раздав им оружие, я поставил их в ряды пластунского батальона, переименовав последний в 1-й стрелковый полк, командиром которого назначил полковника Чичинадзе, а помощником его полковника князя Черкесова”.

Генерал Врангель не указывает, где произошел расстрел 370 пленных. Но его слова “накануне захваченных” ясно говорят, что дело происходило в станице Безскорбной и формирование происходило из тех пленных, которых захватила бригада полковника Науменко и которые, в своей массе, состояли из лабинских казаков и иногородних. О формировании мы тогда знали, но о расстреле всех начальствующих лиц до отделенного командира — ничего не слышали. Это и есть “странный случай”, чтобы не сказать больше, так как процент расстрелянных был слишком велик.

24 октября корниловцы и екатеринодарцы выступили на правый берег Кубани. Впереди шел Корниловский полк. Перейдя по мосту Кубань и потом железнодорожное полотно Армавир—Ставрополь, полки повернули на север, оставив станицу Николаевскую в стороне, не заходя в нее.

Полки поднялись на плато. Дул холодный ветер. В природе было неуютно. Издали мы увидели длиннейшую линию красных обозов, которые двигались со стороны Армавира на Ставрополь. По бокам обоза — шла гуськом их пехота. Возможно, что это шла сама армия на подводах.

Пылкий Бабиев, опьяненный боевыми успехами последних дней, сразу перевел полк в аллюр рысью, построив его во взводную колонну. Бригадой никто не руководил. С левой стороны, шагов на сто, коротким наметом, наш полк обгонял генерал Врангель. В бурке, в черной косматой папахе, на подаренном кабардинце станицы Петропавловской, вперив взгляд вперед, скакал он к очень высокому остроконечному кургану в направлении станицы Убеженской. Мы впервые видим его в нашей кубанской форме одежды. Бурка, косматая папаха и его остро устремленный взгляд вперед — делали его немного “хищным”, даже похожим на черкеса, и если бы не низкий кабардинец под ним, не соответствующий его высокому росту, вид его, как кавказца, был бы правилен и хорош.

Левее его и чуть позади, скакал наш командир бригады полковник Науменко. За ними — до взвода казаков-ординарцев. По всему видно было, что Врангель не был в курсе боевой обстановки и торопился к высокому кургану, чтобы с него “осмотреться” и потом уже действовать. Линия красных обозов с войсками тянулась сплошной лентой с запада на восток, — насколько хватал человеческий глаз. Атака для конницы, безусловно, была очень заманчива.

Всегда в походе и в боях — я находился рядом с Бабиевым, являясь временно полковым адъютантом и самым старшим офицером в полку, а следовательно, и его заместителем. Мы идем во главе полка уже широкой рысью, чуть параллельно движению красных, но где и как их атаковать при их многочисленности — Бабиев еще не решил, но весь свой взгляд впери в их сторону.

— Бери головных три сотни и атакуй их, а я буду следовать непосредственно за тобой, — вдруг коротко, на широкой рыси, бросает он мне.

Схватив три сотни, — наметом выбросился вперед, перескочил балочку с замерзшим ручейком, покрытым по берегам камышем и кугой и, не замедляя аллюра, — перестроил их “в три эшелона”, как полагается для атаки на пехоту.

Головной эшелон ведет сотник Друшляков, второй эшелон — сотник Лебедев, оба отличные боевые офицеры. Я скачу перед вторым эшелоном. Сотни идут широким наметом. Красные солдаты, соскочив со своих подвод и, кто как попало, кто стоя, кто “с колена”, открыли по казакам огонь. Мы были так близко к ним, что видны были уже их лица. Но мне показалось, что головная сотня начинает сдерживать свой аллюр. Второй эшелон, не замедляя широкого намета, стал нагонять головной. Я вижу, как в головной сотне падают казаки и кони, как некоторые казаки, бросив своих убитых лошадей, бегут влево и скрываются в балочке, другие тащат туда же поводом своих раненых лошадей. Потом мне показалось, что я галлюцинирую и что головная сотня и сам сотник Друшляков начинают сворачивать своих лошадей также влево. И пока я, как мне показалось, галлюцинировал, — головной эшелон быстро повернул налево и скрылся в балочке, не выдержав огня красных. Ободренные красные перенесли его на второй

эшелон. Потом я почувствовал, что кто-то очень сильно ударил меня в правое плечо, как бы палкой, и рука, с поднятой шашкой, беспомощно опустилась вниз... Боли не было никакой, и я скорее понял, чем почувствовал, что я ранен в правое плечо. Второй эшелон сотника Лебедева, и я с ним, автоматически, так же как и головной эшелон, свернули влево и скрылись в балочке. За нами сделал это и третий эшелон. Огонь красных сразу же затих, так как казаки скрылись от него. Тут только я глянул через ручеек влево и увидел, что и Бабиев, со своими тремя сотнями, отступил и находится ниже моих сотен от линии боя.

Выйдя из сферы огня, перейдя вновь ручеек и построив сотни в резервную колонну, подошел с ними к полку и остановился. Бабиев, видимо, ущемленный неудачной атакой и желая на ком-то сорвать свою досаду, производил своим сотням “полковое ученье”, летая по интервалам меж сотен и громко ругался. Он “разносил” начальника пулеметной команды прапорщика Дзюбу за то, что тот своими многочисленными пулеметами на линейках не так “лихо” делал взводные заезды. Дзюба же, спокойный и храбрый черноморский казак, нахлобучив свою папаху на глаза, молча слушал его “разнос”, ничем не реагируя, что еще больше бесило Бабиева.

В интервале между сотнями лежал убитый молодой казак, лицом к земле, словно спал. В добротной гимнастерке, в очень новеньких красных погонах, с черной, траурной оторочкой по краям погона, эмблемой нашего полка — все говорило мне, что он только недавно прибыл в полк и вот погиб. Занятые полковым учением — никто не обращал на него внимания. А мне вспомнилось из “Полтавского боя” А.С. Пушкина:

Сраженный в нескольких шагах,

Младой казак в крови валялся.

А конь, весь в пене и пыли,

Почуя волю, дико мчался —

Скрываясь в огненной дали...

Наконец, Бабиев закончил “свое учение” и глянул в нашу сторону.

— Господин полковник... с первым дивизионом, после неудачной атаки — прибыл, — рапортую ему.

— Зачем же Вы перескочили через ручеек? — с упреком и еще не успокоившись, горячо спросил он.

— Потому что он неожиданно встретился перед нами, — в тон отвечаю ему. Бабиев это знал, но ему надо было “говорить”, чтобы в разговоре, в цукании — забыться от неудачи.

— Господин полковник, я ранен... позвольте сделать перевязку? — докладываю ему.

— Так чего же Вы молчите?! — вдруг крикнул он. — Доктора сюда! — бросил он в сторону. Но когда я повернул голову туда, куда были брошены его слова, — я увидел, что полковой зауряд-врач Александров, сидя на корточках, перевязывал ногу прапорщику Александру Хлусу, раненому также.

Мой вестовой Федот Ермолов помог вложить мне шашку в ножны. Раздели, на холодном ветру перевязали. Пуля навывлет прошла через мякоть правого плеча. Пальцы руки работали, но саму руку поднять я не мог. Нас, раненых офицеров, немедленно же отправили в Успенское, в дивизионную летучку, начальницей которой была супруга генерала Врангеля.

— Как мой муж?! — тревожно спрашивает она.

— Бой окончен, и Ваш супруг жив и здоров, — успокоил я ее.

Наша хозяйюшка-крестьянка села Успенского была удивлена:

— Ведь Вы же выехали здоровым... и вдруг так скоро ранены! Вот страсть-то! — говорит она и не знает — чем же меня накормить.

В этом сказалось сердолобие русской женщины: “выехал здоровым, а вернулся раненым”. Словно раненым может быть только “нездоровый человек”, т. е. больной, или должен быть ранен сразу же, в хате...

К ночи полки вернулись в Успенское. Бабиев выразил радость, что я ранен легко. Ночью — мы вновь вместе. И говорим о причинах неудачной атаки.

— Неповоротливы “хохлы”, — сокрушается он. — А этот прапорщик Дзюба!.. Я его ругаю, на чем свет стоит, а он смотрит на меня исподлобья и... молчит. Этак может вывести каждого из терпенья, — горячится он и теперь. А я слушаю его и улыбаюсь, улыбаюсь. “Горяч ты, Коля, — думал я, — но ты же и молодец, и как таковой ты скоро поймешь храбрых своих корниловцев, в массе состоявших из черноморских казаков”.

Напутствуемый добрыми пожеланиями Бабиева, с просьбой “не задерживаться в тылу” и скорей возвращаться в полк, — утром 25 октября, с Хлусом и ранеными казаками, со станции Коноково — выехали поездом в Кавказскую.

За этот мой период пребывания в Корниловском конном полку, с 13 сентября до 25 октября 1918 г. — полк понес следующие потери в офицерском составе:

Полковник Федоренко — убит 13 сентября у ст. Михайловской.

Есаул Удовенко — убит 18 сентября у ст. Курганной.

Прапорщик Шевченко — убит 15 октября у хут. Абдурахманова.

Зауряд-хорунжий Карякин — убит 18 октября у ст. Урупской.

Ранены:

Полковник Бабиев — у ст. Урупской 13 октября.

Сотник Васильев — у хут. Абдурахманова 15 октября.

Полковник Артифексов — у хут. Стасикова 16 октября.

Подъесаул Черножуков — у хут. Стасикова 16 октября.

Сотник Мишуров — у ст. Урупской 18 октября.

Прапорщик Хлус — у ст. Убеженской 24 октября.

Подъесаул Елисеев — у ст. Убеженской 24 октября.

За этот период времени было убито и ранено очень много казаков. Войсковая история никогда не будет знать их имена — подхорунжих, урядников, приказных и казаков, так как нет полкового архива и участников этой героической эпохи никого не осталось в живых.

В книге генерала Врангеля “Белое Дело” (т. 5, стр. 86) идет описание, расходящееся с действительностью и с датами. Вот оно; “На рассвете 26 октября я с Корниловцами и Екатеринодарцами, переправившись через Кубань, спешно двинулся к Армавиру, одновременно послав приказание полковнику Топоркову также идти туда. Сильнейший ледяной северный ветер временами переходил в ураган. Полки могли двигаться лишь шагом. Плохо одетые казаки окончательно застыли. Около полудня наши обе колонны почти одновременно вошли в соприкосновение с противником, последний, уклоняясь от боя, бросился на северо-восток, здесь был перехвачен частями полковника Топоркова и жестоко потрепан. Угроза Армавиру была устранена, и я приказал отходить на ночлег полковнику Топоркову в хутора Горькореченские, полковнику Науменко к станице Убеженской. Сам я проехал в Успенское”.

Здесь, видимо, спутаны даты. Корниловцы и Екатеринодарцы из села Успенского выступили на правый берег Кубани 24 октября, но не 26-го. Если 22 октября “разбитый противник бежал”, как пишет генерал Врангель на стр. 85, то — победные Корниловский и 1-й Екатеринодарский полки не могли же оставаться в ничегонеделании в селе Успенском ровно три с половиной дня, т. е. — полдня 22-го и потом полные дни 23, 24 и 25 октября?

1-я Конная дивизия все время действовала разрозненно, а полковник Топорков со своими полками — запорожцами и уманцами — действовал просто изолированно от дивизии. Мурзаев также. И если посмотреть на схему, то видно, что все три бригады дивизии действовали не только что в различных, но прямо в противоположных направлениях. После неудачной атаки Корниловского полка 24 октября оба полка, в тот же день, к ночи, вернулись в село Успенское, но не в станицу Убеженскую, до которой не дошли.

Неприятно звучит и фраза, что — “Полки могли двигаться лишь шагом”. Конский состав тогда в полках был достаточно хорош, так как вся дивизия шла походом по своим родным станицам с богатым и гостеприимным населением, и всего было вдоволь как для казаков, так и для лошадей.

Не соответствует действительности и то, как пишет там же генерал Врангель, что — “Плохо одетые казаки окончательно застыли”. В полку у Бабиева “не застынешь”... Да и в остальных полках так же. Боевой дух казачества в то время был очень высок. В психологии и офицеров, и казаков война шла освободительная, полная порыва, как и необходимости. Не ослабляло этих качеств у казаков порою не совсем умелое боевое руководство.

В дни эвакуации

Наш поезд переполнен ранеными. Со мной сидит подпоручик, “рядовой офицерского батальона” 1-й пехотной дивизии генерала Казановича. Он легко ранен в ногу и был очень рад этому, чтобы “хоть немного отдохнуть в тылу”, как он сказал. Но как он восхищается храбростью своего офицерского батальона!

“Наш батальон наступает с винтовками на ремне на одном плече, и красные этого не выдерживают, — говорит он, но добавляет: — Батальон несет очень большие потери. Я сам ранен глупо: шли в рост... когда лучше бы было сделать перебежки. Но офицерский батальон — это сталь, и поэтому — ничуть не страшно. Своих не выдадут, потому что —

мы все офицеры”, — закончил он. Я ему сочувствовал и вполне понимал все. Русская пехота всегда была доблестная, стойкая, но офицерские части — и должны быть в особенности таковыми. В полночь поезд с ранеными прибыл на станцию Кавказскую.

— Фед-дюш-ка... ты ранен?! — заголосила мать, и весь дом был поднят на ноги.

— Я ранен легко... и я с вами... чего же вы плачете все? — с улыбкой, но твердо говорю, чтобы прекратить эти ненужные слезы.

— Ну-да... но в тебя стреляли! И могли ведь убить?! — говорит сокрушенно мать. А когда сказал, что я голоден, так как ел только вчера утром, то это сразу же оздоровило всех.

Я лечусь дома, хожу на перевязки в местную войсковую больницу и, когда стало легче, через неделю поехал в Екатеринодар, по делам полка. В станице Усть-Лабинской находился громоздкий наш обоз 2-го разряда, а в Екатеринодаре имелась “полковая швальная мастерская” под начальством 60-летнего корнета Ярошева, богатого “мукомола”, и помещалась в его собственном доме. От этой мастерской полку не только что не было пользы, но она и не имела связи с полком при его ежедневном походе и боях. Кроме того, корнет Ярошев на требование еще подьесаула Безладнова присоединиться к обозу 2-го разряда в Усть-Лабинскую просто игнорировал это распоряжение командира полка. Бабиев просил меня выяснить — что там?

В очень большом особняке с двором, в конце Красной улицы, недалеко от обелиска 200-летия Кубанскому Войску, на застекленной веранде второго этажа, три казака-корниловца шьют... дамские туфли.

— Кому Вы это шьете? — спрашиваю.

— Барыне... — отвечает старший.

— Какой барыне? — уточняю вопрос.

— Да жене нашего корнета, — с улыбкой поясняет он.

— А где остальные мастера? — допытываюсь.

— Одни в городе, а некоторые в отпуску,— доверительно говорит старший.

Появился корнет Ярошев. Стройный, высокий, плечистый и очень любезный. Его лета и подстриженная борода с сединой совершенно не гармонировали с его чином. Разговор с ним был корректный и короткий. Он был рад познакомиться “со строгим полковым адъютантом”, как он выразился. Но дело было не в адъютантстве. Он говорил, докладывал старшему офицеру полка, прибывшему с фронта и имевшему чин подьесаула. Тогда, в 1918 г. и в начале 1919-го, когда еще не было производств в следующие чины; когда многие старые офицеры по тяжким боевым условиям гражданской войны не могли принять в ней участие; когда офицерский состав нес большие потери убитыми и ранеными; когда сотнями на фронте командовали сотники и хорунжие, а полками даже подьесаулы — этот чин тогда считался очень солидным. Он говорил первым долгом о пройденном боевом стаже в Великой войне 1914-1917 гг., не говоря уже о законченном военном образовании. Доклад-оправдание корнета Ярошева меня не удовлетворил, работы его мастерской на пользу полка, конечно, не было. Результат же был таков: когда я

вернулся в полк, Бабиев как-то смущенно спрашивает о моем разговоре с Ярошевым. Я доложил суть разговора и “работы мастерской” и тут же задал ему вопрос — “а что?”

— Да, я получил слезливое письмо от корнета: он просит остаться с мастерской на месте. Он старый человек, ну я и ответил согласием, — сказал и как-то неловко улыбнулся.

2 февраля 1919 г. я принял в командование Корниловский полк. Тогда в полку были такие молодецкие офицеры-правдисты, как Васильев, Литвиненко*, Мартыненко, Лебедев, Лопатин, Дорошенко и другие, все старые корниловцы и знавшие все, что было в полку. Собрал их, поговорил и распорядился о присоединении “мастерской” к обозу 2-го разряда. Корнет Ярошев, по старости лет, сам ушел из полка, т. е. остался жить в Екатеринодаре в собственном доме, как жил и раньше.

Это было еще малое тыловое зло, но это было зло, которое нужно было уничтожить. Бабиев решил перевести обоз 2-го разряда из Усть-Лабинской в свою родную Михайловскую станицу. Должен подчеркнуть, что он всегда советовался со мной. На это я ему ответил, что “это нехорошо; будут разговоры в полку, что командир полка полковой обоз устраивает в своей станице по каким-то личным соображениям”. При всей своей горячности и властности, Бабиев часто был очень сговорчив. Мои доводы он понял, и обоз был переведен в станицу Лабинскую. Там нашли “приют” многие. Потом полк несколько месяцев был на Маныче, вел бои, голодал, а его “полковое снабжение было за тридевять земель” и полку ни в чем не помогало. Об этом потом. Но по горькому опыту убедился, что в гражданской войне совершенно не нужен был обоз 2-го разряда, так как части питались “местными средствами” и его не видели.

Возвращение в полк. Новые назначения

Бабиев рад моему возвращению. Сейчас он оставлен “за командира бригады” (корниловцы и екатеринодарцы). За него полком командует подьесаул Сменов, но он говорит мне, чтобы я как старший в чине не принимал бы полк, так как дня через два возвращается полковник Муравьев, настоящий командир 1-го Екатеринодарского полка, и он сразу же вернется в полк.

Наконец, мы в штабе своего полка, но там кроме денщиков никого нет. Мы ждем. С темнотой приходит командующий полком, мой старый друг Сменов.

— Фед-дя-а!.. дорого-ой! ты знаешь, где я был? — были первые его слова. И тут же возбужденно продолжает: — Генерал Врангель приказал согнать всех мужиков на площадь у сельского правления и держал к ним речь. Даже я не понял, что он говорил, а мужики, стоя без шапок, только чесали в своих затылках. Вот где может быть наша гибель, — покругив головой, закончил он и не стал передавать мне содержание речи Врангеля.

9 ноября назначена дневка всей 1-й Конной дивизии. С временно командующим полком, подьесаулом Сменовым, мы говорим в этот день много и обо всем. Говорит больше он, а я слушаю. Он мне всегда нравился своим анализом всего, что делается вокруг. Он очень опытный казак и старый службист. В 1910 г. в Оренбург из полков прибыло несколько десятков вольнопределяющихся для держания вступительного экзамена в военное казачье

училище ото всех войск, кроме Донского. Распоряжением коменданта города все мы были размещены в большом доме, и старшим над нами был назначен фельдфебель одного из Кубанских пластуных батальонов, Михаил Сменов, прибывший из Закавказья. Он почему-то не был в ранге “вольноопределяющегося”, т. е. — его погоны не были обшиты трехцветными “витейками”, определяющими положение этого воинского “нижнего чина”, а на малиновом погоне красовался “золотой галун” фельдфебеля. Маленького роста, сухой, подтянутый, воински отчетливый — он нам всем понравился. К тому же он хорошо пел хоровые казачьи песни. Мы, кубанцы, скоро все перешли с ним на “ты”, а я лично — искренне подружился с ним. Но экзамена он не выдержал, остался жить в Оренбурге как ушедший “на льготу казак”, готовился и только через два года, в 1912 г., выдержал экзамен и поступил юнкером “в общий класс”. Я тогда был уже на старшем курсе, во 2-м специальном классе и взводным портупей-юнкером. Дружба наша усилилась, и вот теперь — мы в одном полку, храбром Корниловском конном.

Происходя из очень бедного казачьего семейства, он упорным трудом достиг офицерского чина. Видимо, от этого он и стал “анализировать” события и во всем искать правду”. За это его недолюбливал Бабиев, делающий все горячо, “скопытка”. Сменов отвечал ему тем же. К тому же Сменов тогда был настроен очень либерально.

Из штаба генерала Врангеля в полки прислали воззвание генерала Деникина, с указанием — “за что борется Добровольческая армия?” Эти возвания приказано разбрасывать по селам конными разъездами. Миша развернул передо мною почти аршинного размера листы, в которых напечатано “о земельном вопросе, о конечной цели борьбы и о будущем государственном строе, который “выявит” сам народ”.

— Ну, почему не написать прямо: через Учредительное собрание, — нервничает он. — Нет... тут есть какая-то хитрость. Народ этого не поймет и не поверит. Да и какая это пропаганда в каких-нибудь двадцать листов, данных мне в штабе?! — продолжает он все так же нервно.

Он рвет один лист. Потом садится за стол, берет карандаш, зачеркивает слова “народных представителей” и вписывает на их место — “за Учредительное собрание”. Карандаш у него плохой, зачеркнутое и написанное плохо видно, но он доволен и добавляет: “Пусть крестьяне хоть будут знать, за что мы боремся”. Все мы тогда и не интересовались, и не разбирались в политике, почему я и смеюсь над своим Мишей и этим его как бы успокаиваю. Кроме того, все мы, строевые офицеры, считали, что политика — не наше дело. Наше прямое дело было: чтобы войска не обижали жителей; чтобы наш приход в села был бы для крестьян приятен; чтобы они видели в нас друзей, освободителей, а не врагов, насильников, карателей.

Генерал Врангель пишет, что 6 ноября был вызван генералом Деникиным на станцию Рыздвяную (вторая станция от Ставрополя на Кавказскую), где в поезде генерал Деникин объявил мне о назначении меня командиром 1-го Конного корпуса, в состав которого, кроме моей (1-й Конной дивизии), включалась 2-я Кубанская казачья дивизия полковника Улагая. Последняя прорвавшимся из Ставрополя на северо-восток противником была оттеснена из района деревень Дубовка—Тугулук и ныне располагалась в районе села Донского. 1-му Конному корпусу приказывалось продолжать преследование Таманской красной армии, действуя к северу от железнодорожной линии Ставрополь—Петровское. К югу от этой линии наступали части генерала Казановича и 1-я Кубанская казачья дивизия генерала Покровского.

Полковник Науменко отбыл в Екатеринодар (до атаки Ставрополя) на заседания Кубанской Рады. Полковник Топорков вступил в командование 1 -и Конной дивизией. Бригада полковника Мурзаева (Линейцы и Черкесы) временно оставалась в подчинении генерала Казановича (1-я пехотная дивизия). Взамен ее мне передавалась из 3-й пехотной дивизии (полковника Дроздовского) бригада генерала Чекотовского — 2-й Офицерский конный и 1-й Черноморский казачий полк (стр. 88, 91 и 92).

Маленькое примечание: обо всем этом мы узнали только числа 12 ноября в селе Константиновском и были удивлены (мы, офицеры Корниловского полка), что конный корпус, состоящий исключительно из десяти Кубанских полков, назван только “Конным”, когда фактически он был чисто Кубанским. Это, естественно, задевало нашу войсковую гордость.

10 ноября 1918 г. дивизии двинулись: 1-я Конная — на село Константиновское, а 2-я Кубанская — на село Благодатное. Авангардом от 1 -и Конной шел Корниловский полк.

В холодный пасмурный вечер мы достигли села Константиновского. Красные неглубоко окопались западнее его и встретили наш полк огнем. Цепи их тянулись далеко на юг и на север от села, насколько хватало глаз. Дул холодный восточный ветер. Казаки в овчинных полушубках (кожухах), закутанные в бурки и башлыки, были отличной мишенью для красных. Сменов рассыпал сотни в лаву. Две левофланговые сотни бросились в шашки и сбили пехоту, но в это же время из балки и во фланг кучной массой выскочил неожиданно красный эскадрон, опрокинув и отбросив наши жидкие лавы, так же быстро скрылся назад. Здесь был упущен момент, и полк, “на плечах красных”, не ворвался в село. Но странно было то, что мы не видели позади себя не только что всей нашей 1-й Конной дивизии, но мы не видели и своего бригадного 1-го Екатеринодарского полка вместе с полковником Бабиевым. Полки тогда были малочисленны, но и одной головной бригады было достаточно, чтобы в тот момент ворваться в село и закрепить его за собой. Тогда была еще странная манера — растягивать полки в длину и ширину, вместо того чтобы “бить кулаком” и в одну точку.

Красные конники поняли это раньше нас. Их примитивный мозг работал просто: у них конный бой выливался словно в “кулачный бой” — скопом, грудью, порывом, мы же действовали “широкой лавой”.

Наш успех был сорван, и мы, вновь широко раскинув полк в лаву, маневрировали и постреливали в красных, кто как мог и хотел. Даже и с седла. Хорошей приманкой для огня красных был наш штаб полка с ординарцами человек в двадцать, с большим и высоким полковым флагом. Неожиданно, слева, заговорил красный пулемет, и рой пуль шипяще пронесся над нашими головами. Мы не обратили на это внимание. Но вот второй рой пуль пронесся уже гораздо ниже, и некоторые ординарцы пригнулись к луке своих седел. Сменов заволновался и приказал быстро рассыпаться в лаву тем, кто был с нами. И только что казаки бросились в стороны, как третий снап пуль прошел, пронизал всех нас выше седла. Что-то щелкнуло у меня на груди и дернуло в поясе. Что-то запорошило мне правый глаз. Мой нервный конь запрыгал.

И когда я отошел от неожиданности, то обнаружил, что одной пулей был пробит мой бинокль, висевший на груди, а второй пулей — разбита поясная серебряная пряжка. В бинокле пробит был правый глазок, запорошивший мне правый глаз.

Странное тогда было мышление: мне было жаль бинокль, который с одним глазком — был уже негоден. К тому же это был “пятикратный бинокль системы Цейса”, который мы

все получали при производстве в офицеры мирного времени и бесплатно, как “дар царя” — так и говорилось тогда. В гражданскую его уже нельзя было достать, купить — как редкостную вещь.

— Замечательное ранение, — сказал мне Бабиев тогда, улыбаясь. — Храните этот бинокль, как память, — добавил он.

Как негодная вещь — бинокль висел в нашем доме на стене, в зале. Когда я оставил с 1-м Лабинским полком свою станицу в феврале 1920 г., и красная конница влетела в станицу, глава ее ворвался в наш дом.

— Где Ваши сыновья? — крикнул он нашей матери.

— Ушли в поход, — просто ответила она.

— А-а!.. Военный бинокль! Забыли они его? — зло продолжил он.

— Да он негоден... он разбит пулей, — так же просто ответила мать.

— Это военный предмет... военная добыча, — поясняет он матери, и тут же сам снял его со стены и взял себе. Маленькая, но интересная история.

...Наш бой принял нудную форму. Полком мы были бессильны атаковать село, а наша дивизия не подходила. С темнотой красные отошли на восток, оставив село Константиновское, куда Корниловский полк и вошел без боя. К ночи в него вошла и 1-я Конная дивизия.

В этом бою был ранен прапорщик Александр Тюнин и эвакуирован. Я, контуженный в глаз, остался в строю. Под командиром 3-й сотни хорунжим Литвиненко Илларионом — убита лошадь. Потери в казаках и лошадях были, как всегда, более заметные.

11 ноября, с легким боем, 1-я Конная дивизия заняла село Донская Балка, а 2-я Кубанская дивизия полковника Улагая — село Петровское. Но ненадолго.

Об этих двух днях генерал Врангель пишет так: “10 ноября части корпуса одновременно овладели — 1-я Конная селом Константиновским, а 2-я Кубанская — селом Благодатным. В обоих пунктах красные оказали отчаянное сопротивление, но остановить наше победное шествие уже не могли.

11 ноября, после ожесточенного боя, корпус овладел селом Петровским, конечной станцией железной дороги. Здесь вновь мы захватили пленных, пулеметы и одно орудие. К корпусу присоединились, наконец, Линейцы. Черкесы же остались при дивизии генерала Казановича” (стр. 92).

Но все это было гораздо проще и скромнее, чем сказано здесь.

Елисеев Ф.И.

С Корниловским конным

ТЕТРАДЬ ШЕСТАЯ

Донская Балка

Утром 12 ноября в полк вернулся полковник Бабиев и вступил в командование. Подьесаул Сменов выехал в свою 6-ю сотню. С утра вся 1-я Конная дивизия, разными дорогами, поднялась на довольно высокое плато, вернее, на восточный берег широчайшей Калаусской долины, продвинулась версты на две-три и была встречена залегшей красной пехотой. Спешившись — полки вступили в бой. Дивизией командовал полковник Топорков.

Вдруг пронесся слух, что красные напали на село Константиновское, в котором дивизия ночевала вчера и которое находится от нас, от села Донская Балка, в 15 верстах на запад, т. е. находится в нашем далеком тылу — будто налетел красный эскадрон и захватил в плен весь наш штаб корпуса и самого генерала Врангеля. Это было настолько невероятно, что даже и не верилось. Но когда полковник Топорков немедленно же бросил туда 1-й Запорожский полк, мы поняли, — что-то случилось. А что именно случилось, — послушаем самого генерала Врангеля.

“На рассвете мы были разбужены шедшей в селении (Константиновском) перестрелкой. По-видимому, предупрежденные кем-либо из местных жителей-большевиков, красные, воспользовавшись выдвинутым положением корпуса, выслали отряд для нападения на наш тыл. Около 2 рот пехоты, посаженные на повозки, при 2 орудиях, прошли ночью от села Спицевки к Константиновке и, сбив наши посты, подошли к самой деревне. Около взвода красных ворвалось в самую деревню, произведя сильный переполох. В прикрытии обоза находилась полусотня, около тридцати казаков; столько же почти было у меня в конвое. О сопротивлении думать не приходилось. Будь красные решительнее, они могли захватить нас всех. Однако большевики действовали вяло, обстреливали село, но атаковать нас не решались. К тому же обозы, имея приказание с рассветом переходить в Петровское, были уже запряжены, люди не спали и паники особой не было. Мы успели кое-как одеться, поседлать коней и выскочить из села. Однако обоз 2 полков и наша летучка были захвачены противником. Доктор успел бежать, но сестра попала в плен. Красные захватили было и нашу радиостанцию, но начальник артиллерии генерал Беляев, едва сам успевший выскочить в одной рубахе из дому, собрав вокруг себя несколько десятков артиллеристов и обозных казаков, радиостанцию отбил.

К полковнику Топоркову, части которого занимали ряд хуторов к югу от Петровского, прискакало несколько вырвавшихся из Константиновки обозных казаков и сообщили ему, что я, со всем своим штабом, захвачен в плен. Полковник Топорков спешно выслал в Константиновку Запорожцев, при приближении которых красные, бросив Константиновку, отошли, уведя наших пленных и разграбив захваченный обоз. Большинство наших вещей пропало, в том числе и ряд моих документов.

Между тем в районе села Петровского противник с рассветом перешел в наступление. Части полковника Улагая держались, но положение его было тяжелое, главным образом ввиду недостатка патронов. Я поехал к нему и, подъезжая к Петровскому, нагнал казака с приказанием от генерала Чайковского, заменившего временно командовавшего отдельной бригадой генерала Чекотовского. Чайковский писал Улагаю о том, что “командир корпуса со штабом попал в плен; что он, генерал Чайковский, как старший, вступает в командование корпусом и приказывает немедленно начать отход”.

Расписавшись в прочтении, я тут же, на приказании, написал: “в плен не попадал, приказываю наступать” — и отправил казака обратно” (Белое Дело, т. 5, стр. 93).

Гибель сотника Полякова

Затянулся нудный пеший бой. Уже вечерело. Бабиев послал меня на левый (северный) фланг полка, узнать — что там?

Широкой рысью иду по скошенному подсолнечному полю. Левее меня, по отходящей диагонали, шагом движется полковник Топорков с десятком ординарцев, направляясь в тыл. Хотя он идет навстречу мне, но меж нами такое расстояние, что “чести” можно не отдавать. Да он и не смотрел в мою сторону. Вдруг я слышу его тонкий, слегка визгливый голос:

— Полковник Бабиев! — и тут же следует взмах руки, дескать, — езжайте сюда. Так как я не есть полковник Бабиев, то и двигаюсь дальше.

— Полковник Бабиев! Езжайте сюда! — громче и уже сердито выкрикнул он.

Я понял, что по костюму и посадке в седле — он принял меня за Бабиева. Легким наметом, рассекая бурьян грудью своего молодецкого коня, приближаюсь к нему, беру руку под козырек и спрашиваю:

— Чего изволите, господин полковник?

— А-а!.. Это Вы?! А я Вас спутал с полковником Бабиевым, — говорит он и, к моему удивлению, произносит эти слова ласково и тихо. Мне стало стыдно, что и я считал его не особенно любезным.

Пули щелкают и здесь. Кто-то вскрикнул позади: это был ранен один из его ординарцев. Расспросив спокойно о позициях Корниловского полка, — отпустил.

Рысью иду к маленькому пологому курганчику, на котором залегли несколько казаков. Красные перенесли свой огонь на двух всадников. Я был с вестовым. Так неприятно идти навстречу обстрелу. Подсолнечники срублены высоко, до колен лошади. Они высохшие, твердые, иглообразные кверху. Перейти в намет (галоп) — можно сильно поранить ноги коня в его прыжках, предполагаю я. Огонь красных усилился. Перехожу в намет. Казаки на курганчи-ке зашевелились. Среди них узнаю командира 1-й сотни сотника Полякова. Рукой даю ему знать, чтобы он не поднимался с докладом. Под огнем не выдерживаю и бросаю коня в широкий намет, чтобы проскочить это смертоносное пространство и, подскочив к курганчику, сбрасываюсь с седла. В это время на самом курганчике

приподнялся Поляков и, вскрикнув от боли, упал. Казаки быстро снесли его вниз. Он стонет и указывает на живот.

Было очень холодно. Поляков в овчинной шубе-черкеске. На поясе кинжал, шашка, револьвер. Распоясали, расстегнули, а он все стонет, но крови не видно. Его бешмет “вобран” в широкие шаровары на очкуре. И, когда развязали очкур и освободили бешмет, только тогда полилась кровь: он был ранен в живот, и пуля застряла там. Сотенный фельдшер перевязал рану, и его немедленно же отправили в село Константиновское. И по дороге на Кубань — он скончался, этот высокодоблестный, смирный и спокойный наш старейший корниловец. Все искренне жалели о его гибели, выдающегося офицера и дивного полкового товарища. И так мне было скорбно писать в станицу Динскую, его родителям, старым и простым людям, о смерти их любимого сына. Я так ласково, успокаивающе писал им, хотя и знал, что своим полковым сообщением, пространном в описании гибели, и за подписью самого командира полка полковника Бабиева — залечить их рану-пробоину мы все равно не сможем.

Его младшему офицеру, сотнику Саше Клерже, без спроса Бабиева, тут же приказал принять сотню. Красные цепи были очень близко, и медлить было нельзя. Они брали “на мушку” все, что только показывалось. И это было начало...

По всему фронту — красные открыли жестокий огонь. Вправо, выдвинувшись вперед, вела перестрелку 2-я сотня сотника Лебедева. Вдруг огонь ее затих, и я вижу, как она, числом до сорока стрелков, поднявшись во весь рост, бегом бросилась назад.

— Коноводов!.. Давай коноводов!.. — грозно, тревожно раздались многие голоса с ее стороны.

Я не знаю причины, почему сотня так неожиданно бросила свою позицию, но я вижу, что она, густой линией своих стрелков, спешно бежит назад, словно ища спасения. Раненый казак, оставленный в цепи, бессвязно алкал каким-то странным страдальческим прищелкиванием: “ай-я-яй! ай-я-яй!”

В тихой предвечерней погоде оно было страшным. Я возмутился, что сотня, моя 2-я сотня, бросила в бою своего тяжело раненого товарища, но — тут я увидел, как из балки выскочила густая конная группа человек в двести и ринулась за казаками.

— Коноводы, вперед! В карьер! — кричу назад. И они, молодецкие коноводы, гудя своим конным строем, под характерное “цоканье” стальных кавказских стремян, уже неслись к своей сотне. Соседняя 1-я сотня, увидев красную конницу, также бросилась к своим коноводам. И я, с двумя левофланговыми сотнями полка, — кубарем валюсь вниз, к Соленым хуторам. Левее нас, по маршруту нашего отступления, с остальными сотнями, “катился” вниз и сам Бабиев. Было немного смешно и досадно: как все это быстро и неожиданно случилось.

Красные, доскакав до гребня плато, остановились и, грозя поднятыми вверх обнаженными шашками, — громко ругались нам вслед самой отборной матерной бранью. Был очень тихий осенний вечер и при закате солнца, все это было так ясно слышно.

Оставаться на ночь внизу, под непосредственным обстрелом красных, явно было невозможно, и полки 1-й Конной дивизии, с разных сторон, двинулись назад, в село Константиновское.

Генерал Врангель о конце этого дня пишет так: “До самого вечера части наши удерживали свои позиции, однако к вечеру, расстреляв патроны, вынуждены были отходить. Отдав распоряжение полковнику Топоркову оттягиваться к Константиновке, я поехал к полковнику Улагаю, части которого еще держались на гребне, к северу от Петровского” (стр. 93).

День 13 ноября

Рано утром 13 ноября, неожиданно для нас, красные подступили к селу Константиновскому. Мы их совершенно не ожидали так близко и так скоро. Полки нашей дивизии быстро выбросились из села, спешили и заняли позиции: уманцы и запорожцы впереди восточной окраины села; ли-нейцы южнее их; по линии фронта и к северу от села — екатеринодарцы и дальше корниловцы.

2-я Кубанская дивизия полковника Улагаю накануне, по приказу генерала Врангеля (смотри стр. 93) отойдя на ночлег в село Благодатное, сегодня выдвинулась на восток от него и остановилась. Своим 2-м Кубанским полком, выдвинутым к югу, — она вошла в живую связь с нашим Корни-ловским.

Было очень холодно. В лицо нам дул жестокий морозный восточный ветер. Спешенные полки занимали отроги западного берега 15-верстной Калаусской долины, посредине которой текла болотистая речка Калаус.

Красные цепи были внизу. Ветер дул им в спину и, несясь над их головами, бил казакам прямо в лицо, словно срывая свою злость. Весь день шел нудный пеший бой. Обе стороны не проявили активности и до вечера оставались на тех же местах-позициях, которые заняли с утра.

Казаки и офицеры были достаточно хорошо, тепло одеты, т. е. имели полушубки, но мы с Бабиевым, в одних черкесочках и в чевяках — буквально замерзали. Бабиев много курил и этим словно грел себя. Я же был некурящим, почему, как будто, от холода страдал больше, чем он.

На ночь, на 14 ноября, полки остались на позициях. Бабиев не выдержал холода и ночевать поехал в село, которое было не больше как в версте от расположения полка.

В сотни была подана горячая пища, а лошадям фураж.

С Бабиевым мы на старой квартире, довольно богатого крестьянина. Семья у него большая. Одних “молодух” три или четыре. Живы еще и 80-летние дед и бабка. Часть парней где-то отсутствуют. Может быть, у красных, но Бабиев не спрашивает — где они? У хозяина просторная хата, но не дом, где и обитает все семейство. Семейство хлебосольное, но как-то сдержанное с нами. Во дворе сараи, базы, скот, овцы, птица, и все они заняты “по хозяйству”. Сегодня они, в особенности молодежи, — мало общительны: дали кушать, отошли в свои углы и молчат. Бабиев всегда был очень разговорчивый с хозяевами, где бы он ни останавливался, и любил пошутить с “молодухами”. Сегодня же словно у них заговор против нас. Но Бабиев не обращает на это внимания. Он просит найти портного, просит достать хорошей выделки овчин и за ночь сшить ему легкую мягкую шубу “без застежек”, чтобы ее можно было одевать “под черкеску”.

— Где же достать портного ночью... где же достать овчин? — как-то полуотказно отвечает глава семьи.

— Мне надо шубу! Мне ее нужно сделать в эту же ночь! И я за все это уплачу, — решительно говорит Бабиев. — Да чиво Вы такие грустные? — не выдерживает он.

И от него мы узнаем, что, после набега на село красных, “ваш главный начальник наложил на село большую денежную контрибуцию... некоторых крестьян арестовал, как бы за сочувствие красным и жестоко наказал... а при чем тут мы, крестьяне?” — добавил он.

Кроме того, приказано реквизировать для казаков 800 пар валенок. “Реквизировали и у нас, и теперь бабам не в чем утром ходить доить коров”, — закончил он. Все это для нас было больше чем неожиданно. Полки, находясь весь день на позициях, ничего об этом не знали. Бабиев, при кажущейся своей строгости, — он таким не был. Всему этому он был удивлен. Не помню, как и кому дано было распоряжение, но валенки в этот же вечер были возвращены нашим молодухам, и они сразу же повеселели.

Надо отметить то, что подобная и бесплатная реквизиция чего бы то ни было в казачьих станицах, хотя бы и для нужд армии, — без распоряжения войскового правительства, — совершенно не могла бы совершиться. Чувство внутреннего станичного самоуправления “через станичный сбор стариков” настолько глубоко вкоренилось в казачестве, что его нарушить считалось просто невозможным. Здесь же, в Ставропольской губернии, распоряжалась фронтовая военная власть, ослушаться которую — было опасно.

Об этом дне 13 ноября генерал Врангель пишет: “С рассветом противник возобновил наступление. Прикрывая Константиновку и Благодатное, корпус в течение всего дня удерживал свои позиции. Патроны были совсем на исходе; в запасе ничего не имелось. Наступила ночь, полки заночевали на позициях” (стр. 94).

День 14 ноября

Рано утром наш штаб полка выехал к своим сотням. Бабиев ликовал: белоснежная мягкая шуба отлично выделанной овчины под черкеской была как нельзя лучше к настоящему холоду. Шубу за ночь сшили сами молодухи общительному казачьему командиру полка. Бабиев щедро заплатил им, что-то 200 или 250 рублей. Тогда эта сумма была довольно заметная и равнялась жалованью младшего офицера в месяц. Оклад же командира полка был 750 рублей. Бабиев вообще за все расплачивался, где бы он ни стоял. Расплачивался и бывший вр. командир полка подьесаул Безладнов. Мы платили за все. Наши казачки всегда отказывались брать деньги, считая это прямо-таки греховным делом “в такой войне”, но тогда мы щедро давали деньги “детям на конфеты”. В понятии казачки — это делать можно было, и она с доброй улыбкой принимала их.

Я достал в обозе солдатскую овчинную куртку безрукавку, одел ее поверх черкески “нараспашку” и сразу же почувствовал тепло.

Бой начался с раннего утра. Каков был этот бой? Весь наш 1-й Конный корпус, имея правый фланг южнее села Константиновского, а левый у села Благодатного, по фронту, не менее 15 верст, был разбросан по полкам в одну линию. Перед всем фронтом корпуса, насколько хватало глаз вправо и влево, — мы видели перед собой две густые цепи

красных с многочисленными пулеметами на линейках. Думать о наступлении в конном жидком строю на эту стену ружей и пулеметов было просто смешно. Полки никогда бы не дошли до них не только что до шашечного удара, но не дошли бы и на 500 шагов под их сокрушительным огнем. Полки же тогда были немногочисленны — не свыше 400 шашек в каждом. С нашим левым флангом 1-й Конной дивизии, с Корниловским полком, также расбросавшись в лаву, — действовал 2-й Кубанский полк. Севернее его полковник Улагай с тремя полками своей 2-й Кубанской дивизии держался кучно, словно выжидая момента, чтобы ударить этими полками в нужную минуту. От села Благодатного, в сторону Константиновки, шел пологий скат, который делал широкую седловину и переходил в бугорчатые берега Калаусской долины у нашего села. Поэтому, с позиций Корниловского полка, вся дивизия Улагая была видна нам как на ладони. И на этом широчайшем фронте в 15 верст десять Кубанских конных полков, в спешенном порядке, все же задержали наступление красной пехоты. Она остановилась и залегла. Фронт как бы затих. Было очень холодно. Казаков пронизывал ледяной восточный ветер. Солнца не было с самого утра. Время дня определялось только по часам. И вот после полудня среди красных замечен был легкий отход назад. Они, видимо, не хотели еще одну ночь проводить в степи, в стуже. Позади их цепей протекал болотистый Калаус. Это был самый лучший момент на фронте 1-й Конной дивизии, чтобы, собрав ее в кулак, — конной массивной атакой прорвать фронт — и распространиться по долине. Бабиев это видел и ждал проявления инициативы со стороны старших и... не дождался. Мы видели, как вправо от нас одновременно бросались “в шашки” сотни 1-го Екатерино-нодарского полка, но — безрезультатно: смельчаки погибали, а красные, отразив удар, тихо отходили к следующим бугоркам, прикрываясь огнем своих многочисленных пулеметов. Наша артиллерия, находясь в Константиновке, за отсутствием снарядов, только изредка стреляла. А какая была отличная зрительная цель стрельбы и ее корректирование сверху вниз!

Бабиев оживился. Спешенные сотни полка, на широком фронте, перебегая от бугорка к бугорку, перешли в наступление. Но как только казаки появлялись на ровном месте — целая группа красных пулеметов на линейках, с разных сторон и под разными углами стрельбы моментально останавливала их. За короткий промежуток времени были ранены три командира сотен — сотник Зеленский, сотник Де-мяник и подьесаул Лопатин. Последний сразу двумя пулями. Ранен и его младший офицер, фамилию не помню. Убит сотник, казак станицы Михайловской, станичник Бабиева, фамилию которого также забыл.

Какой-то злой рок руководил нашими полками в тот день. Был досадно, как и было понятно, что, если красные стали отступать сами, их надо еще и “опрокинуть”, и придавить, и растерзать именно перед речкой, болотистой, топкой, не везде проходимой для подвод.

Наконец цепи красных, не разрываясь своим строем, решительно двинулись назад, к Калаусу, и в это же время многочисленные линейки с пулеметами — сколько их? может быть, до двухсот, — по всему фронту нашей дивизии выскочили вперед, остановились и группами, по плану, ошетились на казаков, словно говоря: а ну-ка! попробуйте! так мы вас так “жарнем”...

Это было на участке Корниловского и 1-го Екатерино-дарского полков, где мы все остро переживали этот момент.

Наконец момент был упущен полностью: пехота красных, двумя своими густыми и длиннейшими цепями, перешла болотистый Калаус вброд и остановилась, заняв позиции.

Пулеметные же их линейки, выждав момент, наметом бросились в намеченные места “бродов для подвод” и очень скоро на том берегу вновь ошестинились против казачьих полков.

Думать о дальнейшем преследовании, когда уже упущен самый момент, не приходилось. А красные, оторвавшись от нас, быстро шли тем же своим боевым строем к возвышенностям села Петровского, Соленых хуторов и села Донская Балка, т. е. к тому высокому восточному берегу Калаусской долины, с которого они нас сбросили третьего дня, 12 ноября. Корниловцы и екатеринодарцы, в конном строю своих разрозненных сотен, двинулись к тем переправам вброд, где прошли пулеметные линейки красных.

На наших глазах их густые цепи, с многочисленными линейками и артиллерией, устало, тяжело взбирались на высокий крутой берег долины и... скрылись от нас.

Корниловский полк спокойно перешел Калаус вброд и на своем боевом участке нашел десятка два тяжело раненных красноармейцев, брошенных своими сотоварищами. Бабиев приказал дать им первую помощь, посадить на лазаретные линейки и отправить в крестьянские хаты.

По широкой долине ходили небольшие отары овец крестьян Соленых хуторов. Наш незначительный артиллерийский огонь пошкодил их. Кое-где блеяли раненые овечки. У Соленых хуторов захватили десяток отставших красноармейцев. Вид их говорил, что “нажми” красных перед речкой — многие бы из них не ушли. Грязные, обтрепанные, изможденные, все они мокрые, некоторые в растоптанных валенках, в илу после перехода вброд — вид их был более чем жалкий. При допросе они сказали, что не пошли с красными дальше потому, что — “в таком виде, в степи, в холоде, на ночлеге — можно околеть”. Бабиев приказал их накормить и отпустить ночевать по крестьянским хатам “где кто хочет”.

Полк вошел в один из Соленых хуторов, ближайший со стороны села Петровского и расположился по квартирам. Собрав крестьян, Бабиев решительно приказал им теперь же исправить деревянный мостик у самого хутора, нами пройденный, а для полка немедленно же дать казакам на ужин овец. Мужики предложили “дорезать раненых овечек”, но Бабиев грозно прикрикнул на них и приказал дать “только целых”.

Мужики молча, испуганно отошли, зачесали в своих затылках и стали о чем-то уславливаться между собой; и, может быть, думали тогда: “а не все ли равно — целые ли овечки или раненые в широком казачьем котле?”

Об этом боевом дне 14 ноября генерал Врангель пишет немного иначе, и вот как: “Наступила ночь. Полки заночевали на позициях. В 10 часов вечера прибыл от полковника Топоркова офицер-ординарец и привез перехваченный приказ противника, в коем красным приказывалось в шесть часов утра 14-го перейти в общее наступление. Я решил вырвать у противника инициативу и самому атаковать его прежде, чем он успеет перейти в наступление. Тут же, по телефону, я отдал необходимые приказания начальникам дивизий.

Оставив на позиции у Константиновки полковника Топоркова с одной спешенной бригадой, я сосредоточил все остальные части к своему левому флангу в районе хуторов Писаренки, на полдороге между Благодатным и Петровским, объединив их под общим начальством полковника Улагая. Все оставшиеся еще в корпусе патроны были переданы

полковнику Топоркову, для чего их отобрали у казаков частей полковника Улагая, обозных и в тыловых командах.

Едва засерел восток, полковник Улагай построил свои части в боевой порядок и в пять часов, за час до намеченного приказом противника наступления, атаковал последнего в конном строю, прорвал фронт и обрушился на неприятельские полки, не успевшие еще закончить сосредоточение к месту атаки. Красные—были окончательно ошеломлены и обратились в паническое бегство, преследуемые казаками, стремясь укрыться за реку Калаус. Значительное число красных было изрублено, многие потонули в реке, наши части вновь овладели Петровским и в последние дни, с помощью подошедшего ко мне пластунского батальона, закрепились на высотах к северу и востоку от местечка” (стр. 94 и 95).

Мое описание многих боев расходится с описанием их генералом Врангелем. Он все “обобщает”, но не дает реальных картин боев. Так было и в других операциях.

1-й Конный корпус генерала Врангеля тогда составляли И конных полков. 1-я Конная дивизия — Корниловский, 1-й Екатеринодарский, 1-й Запорожский, 1-й Уманский и 1-й Линейный. 2-я Кубанская дивизия — 1-й Кубанский, 2-й Кубанский, 1-й Лабинский и 1-й Полтавский (письмо генерала Фостикова от 10 декабря 1958 г., Ф.Е.) и Отдельная бригада — 2-й Офицерский конный полк, кроме командного офицерского состава, сплошь был из кубанских казаков и 1 -и Черноморский полк.

По описанию генерала Врангеля — к дивизии полковника Улагая придано еще пять конных полков. Итого, у него оказалось девять, и он с ними “атаковал красных в конном строю, прорвал фронт, порубил и многих утопил в Калаусе”. Ничего этого не было. К тому же мелкий и болотистый Калаус везде проходим вброд; и на наших же глазах длиннейшие цепи пехоты, совершенно без задержки, прошли его вброд там, где каждого стрелка застало место отступления.

От линии нашего фронта сел Константиновское—Благодатное, до линии село Петровское и хутора Соленые — 15 верст. К последним полки корпуса, и уже без боя, подошли перед самым вечером, с начинающейся темнотой, т. е. с начала боя, с пяти часов утра — шли почти что двенадцать часов — чуть более версты в час. Это по описанию Врангеля, Все это было не так; и не так поэтично.

В гостях у екатеринодарцев

Соленые хутора расположены у самой подошвы высокой и длинной кручи. Преследовать противника никто не собирался, и “на верх” выдвинуты только сторожевые сотни.

Командир 1-го Екатеринодарского полка полковник Муравьев как старший в чине считался “за командира бригады”, почему Бабиев и пошел к нему для получения распоряжений.

В просторной длинной крестьянской хате, у русской печки, с ворохом соломы, на табуретке сидел маленький ростом человек в нижней рубахе, вобранной в шаровары, и рогачом подавал в печь это сухое топливо, ярким пламенем пожирающееся там. Это был полковник Муравьев. Рядом с ним, в черкеске, стоял есаул Лебедев. Бабиев еще и не поздоровался, как мы слышали из уст Муравьева резкий “разнос” штаба корпуса, за отсутствие какого бы то ни было маневра в этот день. В выборе слов — Муравьев был беспощаден и настолько, что явно смутил Бабиева. В полках, даже и в мирное время,

принято было поругивать и критиковать высшее начальство. Критиковал и поругивал, порой, и Бабиев, но не в такой мере. Во многом Муравьев был прав, но все же меры он не знал. Смущен был и есаул Лебедев, будучи его помощником, но никто из нас троих не реагировал в защиту штаба корпуса. Одно было хорошо, что в хате никого не было из посторонних, т. е. — ни хозяев-крестьян, ни ординарцев.

— Можно войти? — слышим голос снаружи.

— Заходи! — словно желая прекратить разговор, как всегда, громко, командно, произнес Бабиев, ближе Муравьева сидевший к двери.

Отворяется дверь, и в нее “вваливаются” человек шесть казаков в шубах, в папахах, в бурках, закутанных башлыками. Мы, в полутьме, при керосиновой лампе, удивленно смотрим на незнакомых людей, не зная, кто они и зачем вошли?

— Здравствуй, Коля! — говорит передний из них. Бабиев в полутьме и с ворвавшимся со двора холодным паром, не узнает — кто это? Но поднимается, идет к нему навстречу и...

— А-а!.. Миша!.. Дорогой! Вот где встретились! — радостно восклицает он, и они по-мужски обнимаются и целуются.

Это вошел к нам командир 1-го Кубанского полка, войсковой старшина Фостиков. Чины его штаба движутся за ним, козыряют Бабиеву и произносят каждый: “Здравия желаю, господин полковник”.

Бабиев остро смотрит в глаза каждому и дает им руку. Все они проходят дальше вглубь хаты и представляются Муравьеву, Лебедеву и мне.

— Здравия желаю, господин полковник! — произносит предпоследний из них. Бабиев всматривается в него, выпрямляет стан и твердо отвечает:

— А Вам, подьесаул, я руки не подам... и Вы, конечно, знаете почему!

Офицер смутился, откозырнул и отступил в сторону. Бабиеву представлялся уже следующий.

В этом офицере я узнал бывшего сотника 2-го Черноморского полка по лагерным сборам Кавказского отдела в 1914 г., Григория Григорьевича Барагунова. Он кабардинец Терской области, но почему-то и тогда служил по Кубанскому Войску. Очень добрый человек, и офицеры-черноморцы называли его “Гри-Гри”. Тогда, в майских лагерях, все офицеры полков — Кавказского, Черноморского и 10-го пластунского батальона — жили очень дружно между собой, и всяк о себе оставил приятную память. От жеста Бабиева было очень неприятно, но все присутствующие постарались этого “не заметить”. У меня же — прошел легкий холодок по спине, так как подобное явление в офицерской среде тогда — могло окончиться большой неприятностью. Но я понял, что, если Бабиев не подал руки, значит, было за что. Было и жаль “Гри-Гри”. Кстати сказать, он приходился родным дядей сотнику К.И. Барагунову, бывшему в Югославии в Гвардейском дивизионе и потом участнику джигитских групп.

Из-за этого ли инцидента с его подчиненным офицером или по боевой обстановке — но Фостиков недолго пробыл “в гостях у екатеринодарцев”. Он и Бабиев говорили между собой добро, хорошо, ласково, как большие и старые друзья-сверстники. Первым долгом

они вспоминали свой родной и славный 1-й Лабинский полк по мирному времени, и по времени Кавказской войны, и видно было, как он им был до сих пор особенно дорог по воспоминаниям. Они оба после окончания военного училища прибыли в полк молодыми хорунжими, вместе были в Персии еще в мирное время в экспедициях против племени курдов “шаксевен”, оба получили тогда же по две боевых награды. В чине сотника они вышли на Турецкий фронт в 1914 г. В самом начале февраля месяца 1915г. сотник Фостиков, тогда полковой адъютант 1-го Лабинского полка, был командирован в войско, на Кубань, где формировалась новая Сводно-Кубанская дивизия. С тех пор они не виделись и встретились впервые вот только здесь, через три с половиной года и в такой особенно неуютной обстановке. По отзывам офицеров лабинцев — оба признаны были выдающимися офицерами. Через несколько месяцев — они стали генералами Кубанского Войска. Только война рождает Героев!

Ушли и мы от екатеринодарцев. Мы у себя, в крестьянской хате. И я немедленно же обратился к Бабиеву: “Что случилось? Почему Вы не подали руки? Это ведь ужасно! Могла бы произойти большая неприятность!”

И он мне отвечает — спокойно, твердо, резонно: “Когда наш кузнецовский конный отряд в горах, в районе Туапсе был окружен и пленен, препровожден в Майкоп и был допрос, — этот Барагунов, у которого “душа с г-ном смешалась” (любимое выражение Бабиева, когда кто струсил, Ф.Е. }, — он говорил красным, что они, молодежь, здесь ни при чем... их вели “старшие”, и при этом указывал прямо на меня. Я был в отряде только командиром офицерского взвода! Но все равно ведь это прямое предательство! И меня могли бы расстрелять по этому наговору!” — закончил он.

Я его понял. Бабиев был прав. После двух дней на холодном ветре, в нервозности, на сухом хлебе, мы крепко заснули на одной кровати в теплой крестьянской хате, конечно, в черкесах, сняв с себя только оружие.

Представление офицеров к следующим чинам

11 ноября, когда полк вошел в Донскую Балку, из Войскового штаба, за подписью атамана генерала Филимонова был получен приказ по войску, что “чин прапорщика упраздняется и всех офицеров в этом чине, приказом по полкам, переименовать в чин хорунжего”.

Это было очень приятно. В тот же вечер 11 ноября, приказом по Корниловскому полку, были переименованы в хорунжих следующие прапорщики: Дзюба Константин, Дзюба Семен, Бэх Андрей, Бэх (большой), Ишутин Андрей, Тюнин Александр — эвакуирован по ранению, Хлус Александр — эвакуирован по ранению, Ищенко — эвакуирован по болезни, Астахов Иван. Фамилии других не помню. Приказ подписал вр. командир подьесаул Сменов.

В селе Петровском получен приказ командующего Добровольческой армией генерала Деникина “представить за выслугу лет на фронте всех офицеров, согласно Императорского приказа по Военному ведомству 1915 г., № 681.

Согласно этого Императорского приказа Великой войны 1914-1917 гг., следующий чин сотника и подьесаула давался при нахождении в строю и на фронте в течение 12 месяцев. Чин есаула давался при нахождении на фронте и в строю только командирам сотен и эскадронов в течение шестнадцати месяцев, имея уже чин подьесаула, штабс-ротмистра.

Чин войскового старшины давался есаулам в должности командиров сотен или выше по должности, находившимся в строю и на фронте в течение шестнадцати месяцев. Чин полковника давался войсковым старшинам, проведенным на фронте и в строю шестнадцать месяцев.

Офицерам, получившим очередной чин за боевые отличия, — выслуга на следующий чин исчисляется по предыдущему чину. Этот расчет касался только кавалерии. В пехоте — выслуга на следующий чин короче. В артиллерии и других специальных войсках, как менее теряющих от огня противника, — выслуга чуть больше, чем в кавалерии.

К этому Императорскому приказу генерал Деникин ввел послабление, а именно: для производства в есаулы, ротмистры и выше — не требовался стаж командования сотней или эскадром, а только непрерывное пребывание на фронте. Этот пункт, не требовавший командного стажа, внес большой сумбур в офицерскую среду и дал возможность многим продвинуться, даже до штаб-офицерского чина, что при императорской власти во время войны же было совершенно недопустимо.

Получив этот приказ, я доложил Бабиеву.

— Я ничего не знаю. Вам даю полное право написать наградные листы на тех, кто выслужил, и я все подпишу, — дружески говорит он.

В селе Петровском собраны офицеры полка. Наведены справки, чего невозможно было точно сделать по послужным спискам или на эвакуированных офицеров.

На второй день Бабиев читает и подписывает все. Ему очень неловко подписывать своей левой рукой, почему время тянется долго. Подписав последний, он спрашивает:

— А где же Ваш наградной лист?

— Какой? — отвечаю ему.

— Да для производства в есаулы!

— Мне не хватает на выслугу около двух недель, — вторю ему.

— А за боевые отличия! — говорит он.

— Это дело командира полка, — отвечаю в тон.

— Ну, тогда пишите под мою диктовку... у Вас два ранения за две недели, Вы мой непосредственный помощник... и я хочу, чтобы Вы были есаулом, — трактует он безапелляционно.

— Тогда позвольте представить в есаулы за боевые отличия и Лопатина? — предлагаю ему.

— Ну, конечно! Он такой молодчина! — соглашается он.

В Великой войне я прокомандовал сотней одиннадцать месяцев. На стаж для производства в есаулы не хватало пяти месяцев. Теперь же, в Добровольческой армии, как писал выше, стажа командования сотней не требовалось, а требовалось только

пребывание в строю и на фронте, хотя официально я и был законным командиром сотни и мое “адъютанство” было временным.

Подъесаул Лопатин Великую войну закончил полковым адъютантом 1-го Таманского полка, что не учитывалось на стаж. В полку и на фронте он всего лишь около двух месяцев, но он кадровый и отличный офицер, вполне был достоин повышения. К тому же вчера, в долгом и упорном бою, был ранен двумя пулями в грудь. Бабиев, любивший поощрять своих подчиненных, в этом отношении был справедлив и приятен.

Тогда к производству в чин есаула были представлены следующие подъесаулы, помещаемые в порядке старшинства по выпускам из военных училищ:
Подъесаул Черножуков — находившийся в эвакуации после ранения.
Подъесаул Безладнов — находящийся в отпуску.
Подъесаул Елисеев.

Подъесаул Ярыш* — выбывший из строя в июне месяце после тяжелого ранения под станцией Шаблиевкой Ставропольской губернии в начале 2-го Кубанского похода и в полк уж никогда не вернувшийся.

Подъесаул Лопатин.
Подъесаул Сменов.

С 15 ноября и по 19-е включительно — Корниловский полк, в составе всей 1-й Конной дивизии, занимал фронт в районе села Петровского. Полки, после непрерывных боев, немного передохнули. Их, действительно, замотали.

Вот как пишет генерал Деникин об этом, очень тяжелом, боевом периоде: “После поражения, понесенного 7 ноября под Ставрополем, 11-я советская армия отступила в двух главных направлениях: Таманская группа на северо-восток, к селу Петровскому, а группа Гудкова — на восток, к селу Бешпагир.

11 ноября 1 -и Конный корпус генерала Врангеля, форсировав реку Калаус и преодолев сопротивление Таманской группы, соединившейся уже с частями красных, действовавших севернее, взял село Петровское, узел дорог, ближайшую базу противника. В течение четырех дней, в этом районе, происходили тяжелые бои, и село Петровское дважды переходило из рук в руки.

Корпус понес большие потери, особенно в офицерском составе. Причем едва не попал в руки противника штаб корпуса, расположившись в селе Константиновском.

Только 15 ноября генерал Врангель овладел окончательно Петровским” (Очерки Русской Смуты, т. 4, стр. 106).

Что пишет пластун-урядник об этих днях

9-й Кубанский пластунский батальон в октябре-ноябре 1918г.:

“Когда был освобожден город Армавир, наш батальон погрузился на поезд и направился к Ставрополю, но, не доезжая одной или двух станций до города, мы увидели потрясающую картину — бегущих в грязи воинов пехоты, а вслед за ними противника. Конница красных настигала и даже одним флангом охватывала эту станцию. Казалось, сметут все... При

виде этого батальон в спешном порядке оставил свои вагоны и бросился к полотну железной дороги и сильным огнем заставил противника остановиться. Положение было спасено, а заодно — спасено и немало жизней бегущих пехотинцев-корниловцев.

Эту холодную ночь наш батальон простоял в поле. Дул холодный с дождем ветер. Наше обмундирование, как говорится, было “летнее”.

Утром мы пошли не на Ставрополь, а свернули влево (на север). Идти было тяжело — земля распухла от дождей и снега. В 10 часов утра подошли к селу Михайловскому. Здесь немного задержались, пока не вышибли из него противника. Прошли балку — впереди открылась равнина, и по ней тянулись вереницы пехоты красных.

Надо сказать, что в этом месте они отбивались геройски. Мы видели с правой стороны свою кавалерию, численностью до трех сотен. Она появилась неожиданно для нас из балки и пошла полным аллюром (карьером) на пехоту, в атаку. Поднялась ураганная стрельба, и пехота скрылась из глаз (видимо, залегла, Ф.Е.). Кавалерия раза три бросалась в атаку и каждый раз несла потери. После мы и свою кавалерию утерjali.

Через несколько дней наш батальон подошел к селу Петровскому и остановился возле железнодорожной станции. День стоял солнечный, но дул сногшибательный холодный ветер. В два часа дня подошла походная кухня. Пластуны разобрали котелки идти за супом, но есть этот суп не пришлось. С западной стороны, совершенно неожиданно, из-за бугра, выскочили лавы отступающей нашей кавалерии, а за ними следом гналась таким же аллюром конница красных. Стрельбы не было, но был невероятный шум и крики. Красные нагоняют, и на солнце сверкающие клинки шашек, как с одной, так и с другой стороны. Положение наступило критическое. Опасность грозила для всех, ибо отдельные красные всадники с разбега проскочили к самому селу. В этой поднявшейся суматохе подалась команда — В ЦЕПЬ! И батальон открыл сильный огонь, особенно пулеметный. Это привело противника в замешательство. Вся эта масса конницы закрутилась и поспешила уйти туда, откуда и появилась. Батальон пошел за ними, но вскоре наша кавалерия обогнала нас и пошла преследовать. Батальон, вдоль бугра, занял позицию и так и остался на всю ночь при холодном ветре. И только слышно было, как пластуны “цокали зубами” от холода. Эта ноябрьская ночь надолго запомнилась.

На рассвете — батальон вступил в село Петровское. Пластуны от холода и голода, занимая помещения, немедленно же ложились и засыпали мертвым сном.

В этих двух случаях я хочу отметить не только доблесть пластунов, но и героизм нашего командира батальона, войскового старшины Цыганка*. Его находчивость и смелость — спасли батальон. К. Стадник*”.

...Я не видел действия 9-го Кубанского пластунского батальона, даже и не знал, что с нами, там и тогда были наши храбрые пластуны, но они, оказывается, были.

И о них генерал Врангель, на странице 95-й, пишет так: “...наши части вновь овладели селом Петровским и в последующие дни, с помощью подошедшего ко мне пластунского батальона, закрепились на высотах к северу и востоку от местечка”.

Врангель не называет номер батальона, но указывает, что это был пластунский батальон. И так как в то время и в том месте никак не мог быть батальон казаков-пластунов ни Донского, ни Терского казачьих Войск, то значит — был только Кубанского Войска. И то, что генерал Врангель повествует — “с помощью подошедшего пластунского батальона

ЗАКРЕПИЛИСЬ на высотах” — соответствует рассказу казака Стадника; и даже больше: возможно, без подошедшего пластунского батальона, конница там и НЕ закрепились бы?!

В тот период конных схваток “в шашки” между собой не было. Обыкновенно одна сторона, будь то белые или красные, не выдержав конной атаки противоположной стороны, немедленно поворачивали назад и удирали широкими аллюрами, крича при этом — СТОЙ! СТОЙ! Этот крик-призыв своих командиров, красных или белых, часто передавался всей массе уходящих, скачущих воинов. Они также начинали кричать — СТОЙ! СТОЙ! И конная масса, до того спасавшаяся чуть ли не во весь опор своих лошадей, постепенно “задерживала повод”, останавливалась, поворачивала назад. Преследовавшие же, обыкновенно разрозненные и по силе своих лошадей, и по силе личной храбрости, не выдерживали, останавливались, поворачивали назад и удирали так же, как удирал только что от них его противник.

Такие волны “отскока и наскока” конных групп друг на друга порой доходили до смешного, но психологически были понятны каждой стороне: удирающие отлично знали, что, если их настигнет противник, то обязательно зарубит, поэтому лучше остановиться, повернуть назад и произвести контратаку.

Подхорунжий Стадник. Вице-урядники

“В 1912 г. мы, молодые казаки прибыли в местечко Кинакиры (возле Эривани, Ф.Е.). Тут же находилась и 5-я Кубанская батарея. Полка, 1-го Полтавского, здесь уже не было, — он находился в Персии. Оставались мы в Кинакирах два месяца. И, как говорили прибывшие из полка вице- урядники — “нам нужно утрусить домашни галушки и варэнькы”.

После нас перевезли поездом от города Эривани в полк, в Персию. Штаб 1-го Полтавского полка в это время стоял возле города Хой. Сотни были брошены на посты, занимая линию от границы местечка Джульфа, река Араке, вглубь этой страны. Это было в 1913 г. В Персии нас и захватила Турецкая война 1914 г. на Кавказском фронте. Мы были в городе Ване и в маршруте вокруг озера Ван. В это время (1915 год, 77.С.) 1-й Полтавский полк находился в направлении Дильмана, а нас, шесть казаков, прикомандировали к отряду генерала Назарбекова. Ваши брошюры напомнили мне прошедшие походы в Персии и Турции, те перевалы, ущелья и тропинки для прохода ишаков, где казаку, по этим тропинкам, приходилось с большой осторожностью проводить за повод коня. Вверху где-то вершина гор, а внизу бездна. Слышно — хлещет вода, но речки не видно.

Питались мы тогда американскими галетами. Разбивали их камнем, мочили в воде и потом только можно было их йисты (есть). Летом дуже жарко було, а зимой все занесено снегом. Було холодно и голодно, а жылы козаки дружно. Службу действительную закончил урядником в 1917 г., а за границу попал в 1920 г. подхорунжим”.

Из письма Стадника видно, что он прошел хороший и продолжительный срок военной казачьей службы, как в мирное, так и в военное время. Поэтому как опытный и боевой урядник в операциях и боях под Ставрополем он видел не только, что делается в его боевых цепях, но и вне них.

К пояснению его письма. В полках “вице-урядниками” называли казаков, окончивших курс полковой учебной команды, откомандированных в свои сотни, но еще не переименованных в звание “младшего урядника”. Не переименовывали их потому, что еще не открывались вакансии, с которыми было связано жалование, установленное в

государстве. Рядовой казак получал тогда 50 копеек в месяц, а младший урядник — один рубль. В каждой части Императорской армии был установлен штат начальствующих лиц из нижних чинов, на который и отпускалось от казны жалование.

Таких казаков в сотнях называли черноморцы “выць-урядныкы”, а линейцы — “виц-урядники”. Откуда казаки взяли в употребление это латинское слово — неизвестно. В их понятии это означало — “будущий урядник”, как имеющий на это право, и только тот, кто окончил курс учебной команды и выдержал экзамен.

Не легко было в мирное время дослужиться до звания младшего урядника. В учебную команду принимали молодых казаков, прослуживших в полку около года и прошедшего, следовательно, всю предварительную строевую подготовку. Надо было быть отличным строевым казаком, во всем исправным, и иметь хорошую лошадь. Бывали случаи, что — казак хороший, но конь его плохой, или конь отличный, но казак малограмотный — и они не попадали в учебную команду, куда так стремились.

В учебной команде курс девять месяцев. В ней свободного времени у казака совершенно нет. Одна “уборка лошадей” три раза в день. Сплошные занятия. Все ходили только “по ниточке”. Все делалось быстро. Передвижения в исполнении всяких обязанностей только “бегом”. Вот отсюда-то и выходили отличные помощники офицерам, урядники мирного времени.

Возвращаясь в свои сотни “виц-урядниками” — их положение, до переименования в младшие урядники, было немного ложным. Дело в том, что в сотнях все казаки, кто позже прибыл в полк, старших себя называли на “Вы” и по имени и отчеству. “Нашивочников”, т. е. начальствующих лиц, начиная с приказного, все казаки, независимо от старшинства, называли только на “Вы” и по имени и отчеству. По имени и отчеству называли и взводных урядников. Но к вахмистрам и подхорунжим — обращались по их званию, так как эти лица в сотне считались “недосягаемыми”. И вот для новых “виц-урядников”, которые были летами и годами прихода в полк младше многих и которых старые казаки, до учебной команды, “цукали”, цукали не зло, а по-казачьи “пидтягувалы” по службе, — теперь роли как бы менялись. Но прославленное казачье братство всегда брало верх, и все входило постепенно в нормальную казачью стезю.

Весной 1910 г. в 4-ю сотню 1-го Екатеринодарского кошевого атамана Чепеги полк вернулись наши вице-урядники. Всегда занятые в учебной команде, всегда подтянутые, всегда “ходившие по ниточке” у строгого подьесаула Давыдова — здесь им как будто было и скучно, и нечего делать. После вечерней зари они выходили на песни в бешметах и при кинжалах. Ходили быстрым неслышным шагом в мягких чевяках на дратвяных подошвах. В свободное время кувыркались на гимнастических снарядах. Безделье их словно мучило. И вот, к подобным “выць-урядныкам”, в 1-м Полтавском полку в 1912г., попал и Стадник, чтобы “утрусить домашни галушки и варэныкы”... И они их утрусили.

Отклики

“В Вашей брошюре № 3 перечислены потери в офицерском составе Корниловского конного полка и назван прапорщик Шевченко, убитый 15 октября 1918 г. у хутора Абдурахманова. По распоряжению атамана Таманского отдела мне лично пришлось принять гроб с его останками и перевезти в его и мою родную станицу

Староджерлиевскую, в 5 верстах от станицы Полтавской, где на главной площади он и был похоронен со всеми полагающимися воинскими почестями.

Имею от своих станичников новой эмиграции сведения, что при захвате красными власти, после нашего отступления — первое, что сделали они, это уничтожили памятник-крест, выкопали останки покойного и выбросили в сорные ямы за станицей, в глинищах.

Есаул А. Земляной”.

При подавлении красными восстания казаков Кавказского полкового округа в марте 1918г. — ими были расстреляны следующие видные старики Кавказской станицы: Ловягин, Диденко, Елисеев, Наумов, Севостьянов, Чаплыгин.

По занятии белыми войсками станицы Кавказской — все они были извлечены из общей могилы и похоронены на кладбище. В память первых мучеников за казачество станица поставила большой деревянный крест на церковной площади. И вот, когда красные ворвались в станицу в самых последних числах февраля 1920 г., то первым долгом они уничтожили этот крест.

После этого же восстания в станице Тифлисской было расстреляно 34 казака 1-го Кавказского полка Великой войны, вернувшихся из конного отряда восставших во главе с младшим урядником Кольцовым. При белых — станица поставила на их общей могиле “Белый Памятник”. 2 или 3 марта 1920 г. 2-й Кубанский конный корпус оставил станицу Тифлисскую, и красные, войдя в станицу, сразу же уничтожили его.

Несомненно, так было и в других местах на Кубани.

ТЕТРАДЬ СЕДЬМАЯ

Зачисление в постоянные списки полка

В селе Петровском Корниловский полк простоял несколько дней, по очереди, между полками дивизии ведя разведку и сторожевое охранение. Конечно, лошади не расседывались, и все полки были всегда в полной боевой готовности. Мы с Бабиевым, в крестьянской хате, при полном вооружении, сидя за столом, почти всегда в папах, — говорили...

— Ты не знаешь ли, как это делается для зачисления в постоянные списки полка старших офицеров, давшие за слугу полку? — спросил он.

— Это решает полное собрание общества офицеров полка под председательством старшего среди них в чине, подписывается всеми офицерами полка, представляется командиру полка, и тот уже отправляет его на утверждение по команде. Раньше самому Императору, через Военное министерство, а теперь — на имя войскового атамана, — ответил я ему и добавил: — А что?

— Да, видишь ли, — как-то смущенно продолжает он. — Полковник Науменко, бывший командир полка, выхлопотавший перед генералом Деникиным, чтобы его 1-й Кубанский полк назывался “Корниловским”, отозван для работы в Раде, и надо же его отблагодарить

за это... я думал, что это делается властью командира полка, т. е. мной, но, оказывается, совсем иначе. Согласятся ли на это офицеры?

— Не сомневаюсь,— ответил ему.

— Ну, так вот что: ты как старший в чине собери офицеров, расскажи им, внуши и добавь, что этого я хочу.

Полковника Науменко офицеры любили и уважали. Хотя в данное время много было новых офицеров, его не знавших, но в успехе я не сомневался. Из кадровых офицеров в наличии в полку был только один подъесаул Сменов; и хотя он выпуска 1-го октября 1914 г., т. е. уже военного времени, и этого мог не знать, — но он был очень рассудительный, и на его поддержку я вполне рассчитывал. Все остальные офицеры, которых было немного, получили офицерские чины в школах прапорщиков, или бывшие молодецкие урядники, произведенные за боевые отличия. Они тем более не были в курсе дела “об этом положении” — как зачисляются отличившиеся офицеры или принесшие большую пользу в постоянные списки полка. Все сразу же согласились и подписались. Все это прошло благополучно, и Бабиев был очень рад.

Пояснение: зачисленные в постоянные списки полка имеют право до конца своей жизни носить “мундир полка”. Во всех Казачьих войсках все полки имели “общевойсковую” форму одежды, имея только на погонах — или номер полка, что было во всех “степных войсках”, или “литеру полка”, что было в Кубанском и Терском Войсках. Наш же Корниловский полк имел более видные внешние отличия, о чем будет сказано своевременно. Но самое главное: быть в постоянных списках любимого полка — льстило личному самолюбию.

Неприятный случай

По выздоровлении после болезни в полк вернулся войсковой старшина Каменский, эвакуированный из-под станицы Михайловской 15 октября этого года, при мне. Он отсутствовал два месяца, и, по закону, — его нельзя было исключить из списков полка.

Мы сидим в комнате, в селе Петровском, как всегда, в черкесках и при оружии, ожидая всяких тревог. Вошел Каменский и отрапортовал Бабиеву “о прибытии в полк после выздоровления”. Вид штаб-офицерских погон смутил Бабиева. Должности его помощников были уже заняты, так как Бабиев прибыл со своими полковниками — Артифексовым и Налетовым. Но Артифексов был тяжело ранен, а Налетов — вернулся в Раду, будучи ее членом. Не подавая руки Каменскому и не вставая со стула, он сухо ответил ему, что в полку уже есть штаб-офицеры, и для него, для Каменского, места нет.

— Как прикажете мне быть? — учтиво спросил он.

— Возвращайтесь в штаб войска... там вам дадут другое назначение, — ответил Бабиев.

— Слушаюсь, — сказал спокойно Каменский и немедленно же удалился.

Каменский вышел на войну 1914 г. в чине подъесаула и командира сотни 1-го Таманского полка, на Турецкий фронт. Он окончил Казачью сотню Николаевского кавалерийского училища в Петербурге гораздо раньше Бабиева. Войну окончил в чине войскового старшины, как и Бабиев. Среди офицеров 1-го Таманского полка был принцип: “от службы не отказывайся, но на службу не напрашивайся”. Вообще же к высшему начальству они относились критически. У них всегда было что-то от запорожцев. В данном случае Каменский так и поступил. Я не только что хорошо знал его по войне, как офицера одной бригады, но и подружился с ним. Озадаченный таким афронтом, я немедленно же вышел вслед за ним, чтобы успокоить. Но Каменский и не волновался. На мой вопрос — “что же Вы будете делать?” — он спокойно ответил: “поеду домой... а там видно будет”.

В мае 1919 г., вызванный в штаб войска, в этом же селе Петровском, на железнодорожной станции, я случайно встретил его. Мы оба были очень рады. От него я узнал, что “теперь он назначен помощником командира 1-го Полтавского полка”. Я был рад за него. Полтавским полком тогда командовал храбрый полковник Мамонов и удачно бил красных на Маныче. Полк был сильный — свыше 500 шашек. Он входил в состав 2-й Кубанской казачьей дивизии и стоял в селе Воздвиженском, восточнее села Дивного, где находился штаб, уже генерала, Бабиева.

Надобно было случиться так, что вечером этого же дня в полк вернулся после болезни старший медицинский врач, в штаб-офицерском чине по медицинскому ведомству. Представительный, лет 45, спокойный, войдя к нам в комнату, он отрапортовал:

— Господин полковник... Старший врач вверенного Вам полка (фамилию забыл, Ф. Е.), представляюсь, прибыл после выздоровления.

— Вы старший врач полка? — спрашивает Бабиев.

— Так точно, господин полковник, — спокойно отвечает он.

— У меня уже есть старший врач полка, и Вы мне не нужны, — отвечает ему безапелляционно Бабиев.

— Кто таков он? — невозмутимо спрашивает доктор.

— А вот... зауряд-лекарь Александров, — говорит Бабиев и жестом показывает на Александра, бывшего в комнате.

Прибывший доктор поворачивается всем своим корпусом к Александрову и спрашивает:

— Вы есть старший врач полка?

— Так точно! — отвечает Александров, не вставая со скамьи.

— Кол-лег-га! А кто Вас сюда назначил? — протянул вошедший.

— Полковник Бабиев, — отвечает Александров. И вдруг старый полковой врач спокойно, внятно, наставительно говорит ему:

— А Вы, кол-лега, знаете, что Вы как врач подчиняетесь только Главному начальнику Санитарного ведомства? И только он может делать назначения всем врачам, но отнюдь не строевое начальство.

Александров был “раздавлен”. Он густо покраснел, молчит и со стула не встал. А вновь прибывший, так же спокойно, повернулся к Бабиеву и говорит:

— Господин полковник! Я этому не подчиняюсь... и я вступаю в свои обязанности старшего врача Корниловского полка и немедленно же доношу обо всем своему непосредственному Санитарному начальнику.

Доложил и тут же вышел из комнаты. И остался в полку. И командир полка полковник Бабиев — ничего не мог ему сделать.

Это были “первые картинки”, после которых я немножко “косо” поглядел на Бабиева; но они ничуть не отразились на наших взаимоотношениях ни по службе, ни по дружбе.

Ночной набег бригады Бабиева в тыл красных

В ночь на 21 ноября вся 1-я Конная дивизия (пять полков) незаметно для красных была оттянута в село Константиновское. В ночь на 22 ноября — она сосредоточилась у железнодорожной станции Кугуты. В маленьком вокзале полковник Топорков собрал всех командиров полков и доложил секретный приказ командира корпуса генерала Врангеля. Дивизии давалась задача: окружить пехоту красных в селе Спицевке и уничтожить ее. Для этого: 1-й Запорожский и 1-й Уманский полки будут наступать “в лоб”, а Корниловский и 1-й Линейный полки, под начальством полковника Бабиева, должны зайти в тыл красным и на рассвете атаковать их, взяв в клещи с запорожцами и уманцами, которые будут под его командованием. Село Спицевка, на юго-запад от Кугуты, находилось в 12-15 верстах. С проводником-крестьянином бригада Бабиева выступила после полуночи. Ей предстоял длинный обходной путь по долине одного из левых притоков реки Калауса.

Выступили. Была очень темная ночь. Полки шли в колонне “по три”, рядом, без дорог, по скошенному полю. Бабиев вел полки так, чтобы и командир другого полка был бы в курсе всяких возможных неожиданностей и чтобы не растягивать колонну, с пулеметными командами, около 1000 всадников. Почва была суха, почему лошади шли легко. Колонна двигалась шагом. Было тихо и свежо. Шли без головных дозорных. Бабиев считал, что в случае неожиданности — надо сразу же атаковать красных массивом, а головные дозоры могут “выдать” приближение полков.

Командир 1-го Линейного полка полковник Мурзаев, всегда с рукою “на перевязке” после тяжелого ранения, при докладе Топоркова молчал. За него расспрашивал Топоркова о задаче его помощник, есаул Румбешт*, который фактически и командовал полком.

На рассвете, вправо и впереди от нас, на склоне высокого крутого берега одного из притоков Калауса — показалось село. Проводник сказал Бабиеву, что это и есть село Спицевка.

Все в природе спало, как спало и само село. Полки немного опоздали. Из села нас так хорошо было видно. Полки внизу, в широкой долине, а село на другом берегу. До него еще 3-4 версты. Бабиев перестроил полки “во взводные колонны” и перевел в аллюр

“рысью”. Линейный полк шел левее Корниловского, параллельно, голова с головою, но на интервале шагов в двести. Наша долина заканчивалась, и надо было подниматься на плато. Полки были уже обнаружены, и из села выбросились на юг, по плато, многочисленные подводы и люди. Надо было торопиться, чтобы отрезать их. Поднимаясь на плато, градусов на десять высоты, — полки перешли в аллюр “намет”.

Линейный полк был перед нами как на ладони. 24 взвода, каждый в двух шеренгах своего развернутого строя, массивной лентой скакал вперед, на уклон, не видя еще противника. Впереди него, на мощном белом коне, устремив все свое внимание “в неизвестность”, скакал умный, храбрый есаул Румбешт — “черный Клим”, как его мы называли в военном училище. Полковник Мурзаев, совершенно один, скакал на уровне головы своего полка справа, в сторону нашего полка, но на интервале от своего полка шагов на сто. На крупном темно-гнедом коне, в офицерском пальто мирного времени, с широкой черной перевязкой, которая поддерживала его больную руку, — он ярко выделялся, даже в своем одиночестве. Далеко позади него — скакал его вестовой.

Бабиев перед боем всегда держал свой револьвер за бортом черкески. “На всякий случай — если шашку уроню”, — как-то ответил он мне. Сейчас мы скачем. Его здоровая рука занята поводом. Правая же, как всегда — недействующая. По-черкески — револьвер он носил на левом боку.

— Вытащи мне револьвер и дай! — бросил он фразу. Кобура у него длинная и мягкая. Сразу не вытащить из нее револьвера, да еще на намете. Все же вытащил, передал. Он его сунул за борт. Потом, намотав повод на правую руку, левой рукой, кое-как, вытянул из ножен шашку. Все это кажущиеся мелочи, но они очень характерны для тех, кто не знает, кто не видел Бабиева в конных атаках. И, таким образом, приготовившись сам лично, все на аллюре “намет” — он, повернувшись всем корпусом в седле, к своему полку, громко, растяжно, выкрикнул:

— В ЛИ-НИ-Ю-У КО-ЛО-ОНН!

Это означало, что все шесть сотен полка, идя каждая во взводной колонне, должны построить развернутый строй полка, оставаясь, каждая, в своей взводной колонне. И сотни, не ожидая исполнительной команды МАРШ-МАРШ! — широким наметом бросились на уровень головной сотни, — дали этот строй, имея интервалы между собой расстоянием в один взвод.

Таким строем Корниловский полк выскочил на самое плато. Обоз красных, красноармейцы, кто как попало, без дорог, сплошной саранчой — скакали-бежали перед нами на юг. Само село Спицевка было уже севернее нас. Мы его отрезали...

— ШАШКИ-И К БО-О-Ю-У! — прорезал раннее утро, еще до восхода солнца, пылкий Бабиев, и сотни, впопыхах и как попало, блеснули своими обнаженными клинками. Красные драпанули сильнее. Подняв шашку вверх, как предварительный знак для новой команды, он наклонил ее в сторону красных и зычно, коротко, выкрикнул: — В АТАКУ!

По перестроению полка “в линию колонн” — штаб полка оказался на левом фланге. И когда сотни бросились в карьер — Бабиев, повернув голову к сотням, высоким фальцетом, поверх их голов, прокричал протяжно:

— А-РЯ-РЯ-РЯ-РЯ-РЯ-А-А!..

Так кричали-алкали курды па Турецком фронте, когда нужно было дать тревожную весть “своим” через далекое пространство или когда шли в атаку, т. е. — для бодрости, возбуждая друг друга.

Прокричав это, он остановил своего коня, весело смотря на несущихся вперед своих казаков. Несколько секунд и — все перемешалось: конные казаки, красноармейцы, беженцы, многочисленные подводы. И все это широко раскинулось на плато. Многие красноармейцы и подводы повернули назад и бросились к селу. Но не дошли... Все было отрезано и полностью захвачено. На тех же, кто успел проскочить на юг, — на них обрушился 1-й Линейный полк. Поле боя затихло, словно и не было боя. Все подводы остановились. Это не был военный обоз, а подводы с беженцами, нагруженные доверху разным имуществом. Красноармейцы побросали винтовки и сгрудились к подводам. А казаки... одни переседывали лошадей, меняя своих на свежих беженских, другие сидели на возах, шашками резали веревки и рылись в узлах разного барахла... и только немногие гнали обозы и пленных, почему-то к Спицевке, видимо, считая, что оно уже “наше”. Бабиев явно торжествовал, вкушая полную победу, и словно давал своим казакам право тут же воспользоваться кто чем может, за общий успех. Подвод и красноармейцев было так много, что казаков полка было мало видно. Позади нас стояло только 12 ординарцев от сотен и наши два вестовых. Это был весь резерв полка. О случаях, что красноармейцы хватили свои винтовки и стреляли в разрозненных казаков, мы слышали. Все это меня волновало и совершенно не нравилось. Оглянувшись в сторону линейцев, я увидел: на кургане, верхом, стоял полковник Мурзаев и смотрел на юг, куда за бугор скрылся его полк.

“Ну, чего он это стоит один-одинешенек? — промелькнула тревожная мысль. — Любой красноармеец, схватив с земли винтовку, свалит его с коня!” — думаю я.

Бабиев, при своей пылкости — мог быть и беспечным, о чем я хорошо знал.

— Мурат! Надо собрать полк, — говорю ему.

— Ну, чиво там... пусть казаки позабавятся, — отвечает он с улыбкой.

— Красноармейцы могут схватить винтовки и по разрозненным казакам, того... — предупреждаю его.

— Ну, если хочешь, то скачи и дай команду командирам сотен, — все так же беспечно и весело сказал он.

Повернув коня вправо, широким наметом скачу к этой гуще людей. Первым мне попадает командир 2-й сотни сотник Лебедев. Он стоит беспомощно в этом хаосе, и возле него только казак с сотенным значком и его вестовой.

— Где Ваша сотня, Пантелей? — кричу ему. А он, вздернув плечами, рукой показал на своего значкового, дескать, — вот и вся моя сотня.

— Собирайте сотню! — не останавливаясь, бросил этому молодецкому офицеру и, скача дальше, кричу: — Корниловцы, к своим значкам! Корниловцы к своим значкам!

Вижу, из села Спицевка двигаются на нас две густых цепи пехоты. “Наши, — мелькнула мысль. — Значит, село уже взято”, — успокаиваюсь. А потом пронеслось в голове: “Но у нас же не было пехоты? Откуда же она? Возможно — генерала Казановича?” И вдруг,

словно гром среди ясного дня, — по всей этой массе “заговорили пулеметы” и неприятный шипящий полет пуль пронизал все наше поле боя. Ах, какой он неприятный, этот пулеметный огонь, такой неожиданный и на таком близком расстоянии! И он словно электрическим током пронесся по всему полю. Казаки сразу же поняли все... Они поняли, что надо уходить; надо как можно скорее извлечь с поля боя “живых людей”, т. е. пленных. Их надо как можно скорее изолировать от брошенных на землю винтовок и от подвод с оружием. Стегая плетями, они гонят группы людей и подводы на восток, к тому пути, по которому шел полк. Все сразу же опомнились и бросились к своим сотенным значкам и офицерам. Огонь из цепей повторился и заговорил “по-настоящему”. Пленные красноармейцы, с перекошенными от страха лицами, попадали на землю, оглядываются на свои винтовки. Беженцы соскочили с подвод и прячутся под ними. Момент был страшный. Надо было поднять лежачих, удалить их от винтовок и гнать, гнать. И казаки, угрожая плетями и шашками, поспешно гнали то, что можно было гнать. Впечатление было такое, будто человек стал ногами в большой муравейник и ему трудно отряхнуться от облепивших его насекомых. И если он сейчас же не отряхнется, — то они загрызут его. Жуткая тревога ясно выражалась на лицах казаков. Резко хлестали они и лошадей, и людей, стремясь как можно скорее вырваться из kloкочущего котла, но выскочить с добычей, с пленными. Бросив же пленных — надо было ждать от них выстрелы в спину...

Видя наше положение, красные цепи из Спицевки перешли в наступление. Со случайными казаками гоню большую группу пленных и подводы. Пленные бросают на казаков ожесточенные в злости взгляды. А цепи красных, не щадя и своих в плену, поливают всех. Шшш — цак-цак! — несется снап пуль, ударяясь в подводы.

С новым “цак-цак” — я почувствовал очень острую боль в левой ноге, ниже чашечки, и такую, будто кто-то резко пронизал острым шилом, и нога, выскочив из стремени, беспомощно повисла книзу; а мой нервный конь неестественно подпрыгнул всеми четырьмя ногами. Я испугался, что ранен мой конь. Тогда не уйти... Но он нервно продолжал идти рысью. Мне так неудобно сидеть в седле, опираясь только на одну ногу. Мысль работает секундами. “А вдруг я упаду! — несется она. — Меня не успеют подхватить казаки и тогда... меня тут же добьют пленные, которые, запыхавшись, бегут с нами лишь под угрозами казаков”. От усталости они падают, отстают, и их казаки уже бросают позади себя.

— Я ранен... — коротко, негромко бросаю ближайшим казакам. Двое подхватывают меня под руки. Но мне стало еще более неудобно “баланси́ровать” в седле.

— Не надо... но только следите за мной, чтобы я не упал с коня, — тихо говорю им, чтобы не услышали красноармейцы.

И мы все гоним и пленных, и подводы с беженцами и... окунулись в низину. Огонь красных уже не доставал до нас. Мы ушли.

В этой низине стоит наша санитарная летучка. Шагом, с двумя казаками, подъезжаю к полковому врачу, тому, который имел случай с Бабиевым в селе Петровском. Мы были дружны.

— Ну как? — спрашивает он.

Кто бывал в боях, тот знает, как остро воспринимается в тылу бой своего полка и волнует своей неизвестностью.

— Я ранен, доктор... — отвечаю ему. И он, довольно крупный мужчина, лет на 15 старше меня годами, опытный военный врач — как он быстро, активно, авторитетно приказал казакам снять меня с седла. Я сел на что-то. Ноговицу снять нельзя — все затекло кровью. Ее разрезали ножницами. Чувствую острую боль. Нога едва сгибается в колене.

— Пуля прошла под чашечкой... по сухожилиям... в коленных связках... задета большая берцовая кость... еще бы на один палец выше и... прямо в чашечку. Счастье ваше, дорогой: были бы навеки калекой, — говорит профессорски. В течение одного месяца — это было третье ранение.

Пока шла перевязка, толпы пленных и много десятков подвод с награбленным имуществом в Ставрополе проследовали мимо, направляясь в село Константиновское. Наши полки, корниловцы и линейцы, все же были сброшены с плато, хотя и успели отхватить большую часть пленных и обозы. Бабиев назначает сотника Лебедева, с его сотней, сопровождать “добычу” и резко приказывает: “никому не уступать ничего и все доставить только в полк”.

В полках был известен приказ генерала Врангеля, что все трофеи доставлять в штаб корпуса, который и будет выдавать, что надо, нуждающимся полкам. Молодецкий и отчетливый Лебедев, взяв под козырек, спрашивает Бабиева: “А если навстречу выедет комендантская команда штаба корпуса и потребует все представить в штаб — то как быть?”

— Не давать! — коротко ответил Бабиев.

— А если будут брать силой, то что делать? — гарантирует себя Лебедев.

—Открыть огонь! — серьезно говорит-приказывает Бабиев.

Тогда все полки считали, что захваченное в бою должно принадлежать полку. Генерал Врангель выехал навстречу полкам и видел всю эту добычу. Согласно своему приказу, он приказал все направить в его штаб. Сотник Лебедев доложил ему все, как приказал Бабиев. Конечно, в случае настойчивости Врангеля, Лебедев “не открыл бы огня по комендантской команде”, но Врангель, любя Бабиева и ценя его как исключительно молодецкого и боевого командира полка, да еще Корниловского — он только посмеялся и все оставил полку. В войсках личность начальника украшает свою часть. Бабиев тому яркий пример.

Генерал Врангель об этой операции (Белое Дело, т. 5, стр. 95) пишет так: “Я решил использовать выдвинутое положение моих частей, помочь генералу Казановичу. 21 ноября, оставив заслон на фронте Донская Балка—Петровское—Николина Балка 2-ю Кубанскую казачью дивизию, я сосредоточил в районе железнодорожной станции Кугуты 1-ю Конную дивизию и Сводную бригаду (т. е. 1-й Черноморский полк и 2-й Офицерский конный полк, Ф.Е.) под общим начальством полковника Топоркова и, выдвинувшись ночным переходом к югу, на рассвете 22 ноября, атаковал у села Спицевка красных, действовавших против генерала Казановича в тыл (1-й армейский корпус, Ф.Е.). Противник был разбит наголову. Мы захватили 2000 пленных, 40 пулеметов, 7 орудий и огромный обоз. 1-й армейский корпус к вечеру 22 ноября подошел к реке Калаус.

Я верхом выехал встречать возвращающиеся полки. Навстречу попадались конвоируемые казаками группы пленных, лазаретные линейки с тяжело ранеными. Встречающиеся раненые казаки весело отвечали на приветствие. По одному ответу видно было, что дело

удачное. Навстречу ехал накрытый брезентом транспорт. На облучке сидело два казака. Я поздоровался. Казаки ответили как-то угрюмо.

— Как дела? — спросил я.

— Плохо... Командира полка убили.

Тут только заметил я свешивающиеся с транспорта, из-под брезента, ноги. Снял шапку и перекрестился.

— Кого именно?

— Их Высокоблагородия, полковника Мурзаева, — ответили они”.

Смерть полковника Мурзаева была тяжелой потерей для корпуса. Это был способный, редкой доблести и огромного порыва начальник.

По описанию генерала Врангеля, на Спицевку, в лоб, под общим командованием Топоркова наступало пять полков — 1-й Уманский, 1-й Запорожский, 1-й Екатеринодарский, 1-й Черноморский и 2-й Офицерский конный, но и тогда, и теперь участники говорят только об уманцах и запорожцах; и истинная правда теряется в давности времени.

Генерал Деникин, в своем труде “Очерки Русской Смуты”, т. 4, на стр. 106 пишет чуть иначе, а именно: “1-й Армейский корпус генерала Казановича, преследовавший Гудкова, встретил также серьезное сопротивление на линии речка Бешпагирка и в течение девяти дней дрался с переменным успехом в районе села Бешпагирка. Только 20 ноября обозначился успех и на этом направлении. Ген. Врангель, оставив небольшой заслон у села Петровского, бросил 1-ю Конную дивизию к юго-западу, на Спицевку, в тыл войскам Гудкова. Застигнутые врасплох этим неожиданным ударом, атакованные одновременно с фронта 1-й дивизией и обойденные Кубанцами полковника Науменко долиною реки Горькой с юга, — группа Гудкова была смята и, теряя пленных (больше 3 тысяч) и орудия, бросилась на восток. Генерал Казанович преследовал большевиков за реку Калаус на расстоянии двух переходов”.

Оба генерала обобщают действия 1-й Конной дивизии в этом набеге и не указывают — как именно было дело? Полковник Науменко в это время был в Екатеринодаре, уйдя совсем из состава 1-й Конной дивизии, работая в Краевой Раде. Генерал Деникин не указывает и числа захваченных дивизией пулеметов и орудий. Не сходится и число пленных. Орудийной стрельбы мы не слышали под Спицевкой. Главная доля успеха выпала на бригаду полковника Бабиева, которая, действительно, очень много захватила пленных и обозов. И со всей этой массой пленных и подвод Корниловский полк только к ночи вернулся в село Константиновское, проделав “с набегом в тыл” около 70 верст, не спав сутки. Можно представить усталость людей и лошадей...

Мы ночуем с Бабиевым, и он рассказывает, как погиб полковник Мурзаев. “В момент “сполоха” он стоял на том же кургане, вдали от своего полка. Те красноармейцы, которых мы не успели захватить, схватили винтовки с земли и открыли по казакам огонь... В числе первых, почти в упор, был убит Мурзаев, тремя пулями в грудь”, — коротко рассказал он.

Фатальный случай

Накануне набега в село Константиновское в наш полк прибыло пополнение казаков с Кубани, около ста человек. Поздно вечером к нам в комнату, к Бабиеву, явился один подхорунжий из этого пополнения. Светлый блондин с рыжеватым оттенком небольших усов, правильный профиль лица. Одет в гимнастерку и темно-синие бриджи с красным кантом. Одет был почти по-офицерски и очень чисто. На груди висел золотой Георгиевский крест 2-й степени. Хорошим правильным языком, очень тактично, без ненужной воинской натяжки, он доложил, что — всю службу провел в 1-м Уманском полку, где заслужил подхорунжего и три Георгиевских креста. Он просит понять его чувство и отпустить в свой полк, который, кстати, является одной дивизии с Корниловским полком и находится сейчас в селе, тут же. Доложил и, держа папаху в руке “по-уставному”, спокойно смотрит в глаза Бабиева. Бабиев не был строгий начальник, как о нем думают некоторые, и никогда не был сухой формалист. И хотя, в те времена, каждый казак был дорог в полку, а заслуженный подхорунжий в особенности — Бабиев сказал, что чувство его он понимает, почему и отпускает в 1-й Уманский полк. Я тут же написал “сношение”, Бабиев подписал и подхорунжий, поблагодарив, мягко по-воински повернулся “кругом” и вышел.

— Какой красавец... и молодец, — сказал Бабиев. — Просто — настоящий офицер! Жаль было отпускать, но... он прав, — добавил чуткий Бабиев.

На второй день после ранения меня везут на перевязку в корпусную санитарную летучку, главой которой является баронесса Врангель. На костылях передвигаюсь по длинному застекленному коридору. У стены, на полотняных санитарных носилках, лежит убитый казак. Лицо его прикрыто белым носовым платком. Тело лежит ровно вытянуто — в хорошего сукна гимнастерке, в темно-синих бриджах с красным кантом и в хороших мягких сапогах. На груди золотой Георгиевский крест 2-й степени. Что-то очень знакомое во всем костюме показалось мне... Остановился и смотрю, разглядываю. “Открой лицо”, — говорю я сопровождающему меня казаку. То был подхорунжий, отпущенный Бабиевым в его родной 1-й Уманский бригадира Головатого полк. Поздно вечером перевелся, а рано утром, на второй же день — был убит в грудь, прямо в сердце. Под золотым Георгиевским крестом, на гимнастерке, видно и очень маленькое входное отверстие от вражеской пули...

Мне стало очень грустно. Он ведь только что из своей станицы, от семьи и — сразу же в бой. И вот — убит. Бедная и несчастная вдовушка! Как она горько заплачет, узнав об этом! А его отец?! А мать-старушка?! А его детки?!

И моя рана в ногу, мое “тяжелое ранение”, как написал доктор, показалось мне игрушечным.

ТЕТРАДЬ ВОСЬМАЯ

Полковник Мурзаев

В конном набеге на село Спицевка Ставропольской губернии 22 ноября 1918 г. погиб признанно доблестный командир 1-го Линейного полка ККВ полковник Мурзаев.

“Александр Мурзаев, окончив Николаевское кавалерийское училище в 1910 г., вышел хорунжим в 1-й Линейный генерала Вельяминова полк нашего Войска, стоявший тогда в городе Каменец-Подольске. Был он там младшим офицером 3-й сотни у своего дядюшки есаула А.М. Труфанова и потом несменяемым начальником полковой учебной команды.

Мурзаев был офицером в высшей степени толковым и находчивым. Помню, как однажды, после конного ученья учебной команды, он поскакал наметом с ней к казармам и скомандовал:

— К пешему строю ГОТОВСЬ! К пешему строю... СЛЕЗА-АЙ!

Казачи лихо спешили, выстроились перед своими коноводами и “замерли”. Казалось, что все было исполнено образцово, но он что-то там заметил и своим густым, сильным голосом произнес: “гибнет казачество”... и при этом — густо выругался.

Эти его слова отозвались во мне каким-то эхом, и показалось мне, что его слова, были пророческими.

С Мурзаевым я был на гимнастическо-фехтовальных курсах в Киеве, где он был одним из инструкторов по легкой атлетике. На войну он выступил младшим офицером 3-й сотни и, в первом же бою, в конной атаке на два эскадрона венгерских “Гонвад гусар”, был ранен из револьвера в правую ногу, ниже колена. Ранение, казалось, было легкое, но он провалялся в госпитале почти восемь месяцев и все же как-то волочил правую ступню.

Вернулся в полк сотник Мурзаев весной 1915 г. и принял 1-ю сотню, в которой я был младшим офицером. Был он для меня не только командиром, но и хорошим другом. В боях он был в высшей степени храбрым, но “с головой”.

При отступлении (весна 1915 г.) перед фалангой немецкого генерала Макензена — мы часто попадали в очень опасные и сложные боевые положения, но благодаря находчивости Мурзаева всегда удачно выходили из неприятного состояния. 1-я сотня Мурзаева была самой блестящей. Среди казаков Мурзаев пользовался большой популярностью, но он всегда относился к казакам критически и при всяком случае давал определенные нравоучения.

В Первом Кубанском походе он был в отряде доблестного войскового старшины Улагая, в котором была большая часть офицеров 1-го Линейного полка. При штурме фермы под Екатеринодаром, где потом был убит генерал Корнилов, — был он моим командиром взвода и был опять, казалось, легко ранен в правую руку ниже плеча. Рана быстро заросла, но он все время чувствовал большие боли, и впоследствии у него высохла рука.

В гражданскую войну однажды я встретил Мурзаева в Екатеринодаре, в кутеже. Говорили, что он был очень строг с пленными красными.

Подъесаул М. Асеев, тоже офицер нашего полка, рассказывал мне, что перед смертью Мурзаев выразился так: “здыхаю...” и при этом, как часто бывало с ним, грубо выругался по-солдатски.

Натура у него была, безусловно, очень сильная. Мир праху его”.

К. Непокупной*.

Есаул Румбешт

В этом набеге 1-м Линейным полком фактически командовал есаул Румбешт. Очень интересная личность. В Оренбургском казачьем училище, юнкером, я пробыл с ним два года. Выпуском он был годом старше меня, окончив его в 1912 г. по 1-му разряду.

Не окончив Ставропольскую классическую гимназию — по экзамену, он поступил в “общий класс” Оренбургского училища в 1909 г., где проявил исключительные способности по всем предметам и шел первым по баллам среди сверстников. Общий годовой балл у него был “около 12”. Все считали, что он — как “первый ученик” — будет произведен в вахмистры сотни юнкеров, но случилось непредвиденное...

Будучи “старшим в классе” своих сверстников и старшим на строевых занятиях, — он правдиво, но резко ответил своему сменному офицеру подъесаулу Пичугину на его неуместное замечание-выговор Румбешту. От Пичугина последовал рапорт “по-команде”, и Румбешт, вместо ожидаемого всеми “вахмистерского басона на юнкерские погоны” был переведен “в третий разряд за поведение”. Это означало, что по окончании училища он будет выпущен в полк званием младшего урядника, и только через шесть месяцев в строю, и по удостоению начальства — получит свой заслуженный “первый офицерский чин”. Пока же, в течение шести месяцев, он лишается права отпуска в город и, “спотыкнись” еще, — будет уволен из военного училища, с откомандированием в один из полков Кубанского войска, без права производства в офицеры. Мы, кубанцы-юнкера, очень пожалели нашего “Клима”, как его все называли.

Кроме того, чтобы снова быть переведенным “в первый разряд”, в котором он состоял, надо беспорочно пробыть шесть месяцев в третьем разряде, заслужить перевода “во 2-й разряд по поведению” и, пробыв в этом разряде также* шесть месяцев — уже тогда только можно было ждать, что — “за хорошее поведение” — юнкер перечисляется в первый разряд.

К несчастью для Румбешта — все это случилось перед весной 1911 г., перед переходными экзаменами, перед лагерными выступлениями, когда каждому юнкеру был так дорог “отпуск в город” как отдых.

Румбешт не растерялся. И не жаловался никому из юнкеров “на свое падение”. Много читал. Начальство поняло трагедию души незаурядного юнкера и перед летними каникулами, после учебного похода сотни юнкеров по станицам Оренбургского войска, перевело его во “2-й разряд по поведению”, чтобы он не уезжал на Кубань, в свое отцовское семейство, “штрафованным”. Но в 1-й разряд он был переведен, будучи уже во 2-м специальном классе, после выпускных экзаменов, перед выступлением в лагерь, за три месяца до производства в офицеры. Учился он все так же отлично, почти на круглые “12 баллов”, но на “золотую доску” не был помещен. Умышленно были повышены баллы вахмистра сотни Кулебякина, который учился всегда только на “десять с половиной”. Несправедливость была и среди казачьего начальства.

В 1912 г. Румбешт окончил военное училище по 1-му разряду и хорунжим вышел в 1-й Уманский бригадира Головатого полк в Каре.

В полночь на 22 ноября 1918 г. я впервые с ним встретился, после шести лет разлуки, на собрании начальников частей полковником Топорковым, перед набегом на село

Спицевку. И Бабиев, и Мурзаев молчали, и только один есаул Румбешт, как и в военном училище, подробно спрашивал Топоркова “о задачах набега”. Потом он вызвал всех вахмистров и взводных урядников своего 1-го Линейного полка, точно рассказал им “все”, пронизывая каждого своими маленькими черными глазами. Он, видимо, отлично знал своих урядников, так как только некоторым приказал повторить “суть дела”. Меня удивило то, что раньше, в военном училище, Клим Румбешт был либерально настроен, но здесь я увидел его очень точным, настойчивым, властным, словно полкового диктатора. Но диктатора умного и знающего, — чего он хочет. Это он старался передать и непонимающим своим взводным урядникам. Повторяю: настоящий командир 1-го Линейного полка полковник Мурзаев за все время не проронил ни одного слова, все передав своему помощнику, есаулу Румбешту. Возможно, что его могучая душа чувствовала скорую гибель. Она и случилась через несколько часов.

В мае 1919 г., за Манычем, красная конница сбила казаков. Полки отступали широкими аллюрами. Храбрый и упрямый Румбешт, чтобы спасти положение, сам сел “первым номером” пулемета на тачанке. И стрелял до тех пор, пока не был зарублен шашками красных кавалеристов, догнавших его.

Высшая доблесть человеческой души проявляется только в несчастье, в жуткие моменты, будь то на поле брани или в другой драматической обстановке. Есаул Румбешт блестяще выдержал экзамен в обоих случаях.

Таманская красная армия

Нашей 1-й Конной дивизии, как и многим другим частям Кубанского Войска и Добровольческой армии, — под Армавиром и на Урупке, под Ставрополем и до Петровского — пришлось действовать против этой армии красных. Название “Таманская” говорит о том, где она образовалась, т. е. в Таманском отделе Кубанской области, но образовалась исключительно из иногородних, проживавших и в станицах, и в русских селах этого отдела, и в городах. Конечно, в армии были иногородние или, как говорят в Черноморье, — “городовыкы” — и из других мест. Несомненно, были и немногие казаки, сочувствовавшие красным.

Генерал Врангель, все время действовавший против этой армии в должности начальника 1-й Конной дивизии, о ней пишет так: “Дрались красные упорно, но общее управление было из рук вон плохо” (Белое Дело, т. 5, стр. 74).

Что красноармейцы этой армии дрались упорно, нам, природным кубанским казакам, было вполне понятно. Иногородние, живя в станицах на Кубани с малых лет, родившиеся на Кубани — они как бы “оказались”. Занимались, как и казаки, земледелием, живя безбедно с малых лет, общались со сверстниками-казачатами, парубками участвуя во всех холостяцких похождениях и очень часто в станичных кулачках “край на край”. Жестче в черноморских станицах были драки казаков-парубков против городовыкив, даже с “киямами”, т. е. замашными палками с железными гайками на одном конце, или природной балберкой — это “воспитывало” в них дух смелости, желания борьбы и ненависти к казакам. Ненависть вызывалась гражданским их бесправием в станицах и завистью к казачьей земле. Они не имели казачьего “паевого надела” и для жизни — должны были снимать ее в наем. Иногородние в станицах не только что не имели права голоса, как жители станицы, по всем хозяйственным делам ее, но считались людьми “чужими здесь”, случайными, непрошенными.

На Кубани и на Тереке каждый казак, с самых малых лет, носил только папаху, мальчиком бешметик, шаровары на очкуре; парубком он имел уже черкеску, даже и раньше, кто был богат. Женился казак обязательно в черкеске. Кинжал на поясе был необходим к его костюму. На действительную службу, как известно, каждый казак шел с собственным обмундированием, оружием и конем. Восемь лет после четырехлетней службы — казак и в станице носил погоны в нужных случаях. Идя на действительную службу, он должен был иметь три черкески: строевую, выходную и парадную. На службе — приобретал еще одну-две, обыкновенно цветных, чтобы щегольнуть в них, вернувшись в станицу. И все это казачье форменное обмундирование он носил до гробовой доски.

А что же носили иногородние в станицах? Черная куртка, черные штаны, вобранные в сапоги, атласную рубашку, по ней поясок-шнур с бахромами и на голове черный картуз с лакированным козырьком. Фуражка (картуз) сдвинута на затылок, и из-под нее вырывался лохматый чуб “под польку”. И в таком костюме — всю жизнь. Вот откуда и идет прозвище — “картузник”.

Все было у иногородних полная противоположность казакам, хотя и жили они не только что в одной станице, но и бок о бок — соседи дворами. Редкий случай бывал, чтобы казак женился на девушке-иногородней. Но чтобы девушка-казачка вышла замуж за иногороднего — это считалось просто позором.

Вот при таких психологических взаимоотношениях — неожиданно свалилась русская революция 1917 г. В казачьих частях ее совершенно не ждали, а в станицах ее посчитали как настоящий “бунт против царя”. Иногородние же посчитали, что пришел долгожданный час, когда настало полное равенство с казаками, и что теперь “казачья земля” будет даваться и им, как равным гражданам России. И когда на всей Кубани установилась советская власть в самом начале 1918г., а Добровольческая армия из Донских степей двинулась на Кубань для ее освобождения вместе с кубанскими полками, атаманом и правительством, — то самыми отъявленными противниками и стойкими красными бойцами против “белых” были иногородние Кубани.

Нелишне здесь отметить, что Таманской красной армией тогда командовал поручик Ковтюх, офицер из иногородних. Если сказать, что он променял офицерскую честь “на красную звезду”, то нужно и предполагать, что он как иногородний Кубани, т. е. “городовык”, возможно, был и вдохновителем своих подчиненных в ненависти к казакам. И, кроме того, эти иногородние своими отцами и дедами были выходцы с Украины. Как можно и допускать, что их деды и прадеды были казаками, может быть, и запорожцами, расказаченными после разрушения Запорожской Сечи, а отсюда — у потомков еще сохранился воинский дух, “хохлацкое” упрямство, настойчивость, что является положительными чертами для воина.

В первых числах марта 1920 г., когда Добровольческий корпус генерала Кутепова грузился на пароходы для переброски в Крым (из Новороссийска), дивизии Донской армии подходили к городу, также для погрузки или отступления на юг, по шоссе, вдоль берега моря, на Туапсе. “Красное командование поспешило бросить свои войска далее на юг, через горные перевалы в Черноморскую губернию, чтобы перерезать дорогу между Новороссийском и Туапсе. 50-я Таманская красная дивизия, остатки бывшей Таманской красной армии, была направлена на Джугбу (маленький порт между Новороссийском и Туапсе, Ф.Е.). Бросив в труднопроходимых горах свой обоз и большую часть артиллерии, — дивизия вышла в район Джугбы, где соединилась с “Черноморской советской красной армией” (Е. Ковтюх “От Кубани до Волги и обратно”, стр. 91).

Так закончил эпопею своей армии поручик Ковтюх, позже ставший красным генералом. И арьергардная конница Донской армии, подойдя к Новороссийску и не найдя для себя пароходов на погрузку, отрезанная от Туапсе, капитулировала перед красными...

Можно признать, что Таманская красная армия сыграла роковую и мстительную роль для Кубанского казачьего Войска.

Эвакуация. Гамалий и Заурбек

Меня эвакуируют. Я вновь забираю своих вестовых Данилку Соболева и Андрейку Ермолова, грузюсь с лошадьми на станции Кугуты и двигаюсь в свою станицу. В одной стороне вагона лошади, а в другой, на сене — с седлами, с сумами — мы. Так приятно лежать на мягком ложе и ощущать запах сена и лошадей, их фыркание, цокот копыт, когда они просят зерна. Оба моих вестовых очень рады, что они вновь едут домой, к своим женам, и на столько времени, пока не выздоровеет “их пан”. Я уже сознаю, что они есть “ненужный хвост”, который надо было оставить в полку, но... так все делают, делаю и я. Тут уже выходило наоборот: “у пана чуб трещит, а хлопцы радуются”. Вот так, на доброту людской, делается прямой ущерб армии, которая так нуждается в бойцах. Но никто не останавливал...

Мы у отцовского дома. Данилка быстро соскакивает с фаэтончика, быстро и умело открывает ворота, и мы въезжаем во двор, к крыльцу. Совершенно случайно в это время мать вышла на крыльцо с тарелкой в руках. Она так рада моему неожиданному возвращению, но когда Данилка, уже по-привычному, берет меня за талию и, приподнимая, дает возможность стать на здоровую ногу, — миска выпала у нее из рук, и она заплакала:

— Опя-ать?! Родименький мой сыночек...

На ее крик выскочили сестренки, бабушка... все в сильном волнении, плачут. Все обнимают и хотят помочь, а чем — и сами не знают. Успокаиваю их, что я “ранен легко”. Мой умный, жуликоватый Данилка, богатырь и казак большой души — он словно цербер — стоит рядом, поддерживает за талию и ласково, дипломатично говорит им:

— Тетенька... и Вы, бабушка... вить ничиво страшнава... Федар Ваныч жив-здоров... а там и рана скоро зарастеть.

Привезли доктора и сделали новую перевязку после двух дней перерыва. Доктор отправляет меня в Екатеринодар. Со мной едет и Данилка. Андрейка с лошадьми пошел в свою станицу Расшеватскую.

Мы на станции Екатеринодар. Много раненых. Подают носилки и кладут на них не могущих двигаться. Поздний вечер. Кругом тусклые огни. Моросит мелкий дождик. Я лежу на носилках и жду транспорт. Данилка где-то и о чем-то хлопочет. Неприятно быть в беспомощном состоянии.

— Глянь, ребята!.. Да вить эта наш подьесаул Елисеев лежит, — слышу я голос казака ив группе проходящих узнаю казаков своего 1 -го Кавказского полка по Турции. И такие простые слова родных казаков-кавказцев как-то тепло прошли по всему моему существу. И еще тогда я понял, что значит — “боевые соратники”.

Четыре санитары поднимают носилки и несут к прибывшему амбулансу. Ночью прибываем в госпиталь, что недалеко от здания Мариинского института, и помещают в большую общую палату, вперемежку — и казаков, и офицеров. В госпитале тесно и не совсем чисто. Низкий потолок, почему и полутьма. Новая перевязка. Лечение — покой.

Бабиев уведомляет свою матушку, и она немедленно же пришла навестить адъютанта “своего Коли”, как она сказала. Милая приятная дама. Навестила она и еще раза три, и от нее я узнавал “новости в полку”.

Нога моя поправляется, но от самого колена и до ступни — вся она черно-красного цвета, а почему — я не знаю. Мне прописано ежедневно принимать горячие соленые ванны и электрическую гальванизацию ноги. Но эти “специальные ванны” находятся в другом госпитале, на Почтовой улице, возле городского сада. И я, на костылях, должен ходить туда. Но я должен быть здоров, почему и “шканды-баю” ежедневно. К тому же сама “гальванизация” ноги, ощущение ее — приятны. Но в колени левой ноги силы нет. И я лечусь, лечусь...

“Если я хожу на костылях на гальванизацию ноги, то почему я не могу пройти и дальше в город? По Красной улице... хотя бы до Екатерининской? Может быть, встречу кого из друзей?” — думаю я.

И я уже там. Стою у телеграфного столба, чтобы кто-либо случайно не свалил меня на землю. И мне так подчас-тило: встретил здесь подъесаула Якова Васюкова, милейшего человека и друга по военному училищу и Василия Гамалия*. Последнего вижу впервые после 1911 г., когда он окончил училище и вышел хорунжим в 1-й Уманский бригадира Головатого полк, в Каре.

От него я узнал, что он является командиром 2-го Кабардинского конного полка Кабардинской бригады и прибыл в Екатеринодар от ротмистра Заурбека Серебрякова*, восставшего против красных и отошедшего со своей бригадой в Баталпашинский отдел, присоединившись к отряду полковника Шкуро. Гамалий прибыл, чтобы доложить Кубанской Раде о прибывших кабардинцах, прося материальной помощи на содержание бригады. Вслед за ним прибыл и Заурбек. Он приглашает меня в гости в войсковое офицерское собрание (т. е. в войсковую гостиницу для офицеров) и втроем, с Заурбеком — устроить “байрам”.

Я у них. Какая прелесть! Гамалий — “кубанский запорожец”, живая старина, казачья поэзия, дивная чистейшая речь черноморских казаков и их музыкальные песни. И малороссийская колбаса, порезанная крупными кусками, под большой стакан водки. Ширь, размах. Буйный во хмелю, добрый по-хорошему и жестокий по-плохому. Это — Гамалий. И тут же — изящный как серна, легкий, поворотливый, остроумный и находчивый Заурбек. Изящный даже и в еде, изящный и в кутеже, никогда не теряющий себя и своего — ни личного, ни горского, ни офицерского достоинства, жгучий брюнет, с ястребиным носом — кабардинец Серебряков-Доутоков, — с черными густыми усами “а ля Вильгельм”, признаком личной гордости.

В училище он “первый корнетист” и капельмейстер юнкерского хора трубачей. Он православный и поет в партии баритонов в юнкерском хоре, и в церкви, и на концертах. Отлично танцует лезгинку и декламирует армянские анекдоты с соответствующим акцентом. Он и литератор и вообще совершенно культурный человек. Гамалий и Заурбек — два противоположных полюса, но — такая у них дружба еще с училища, хотя Заурбек младше годом Гамалия по выпуску из училища.

В Екатеринодар он прибыл, чтобы представиться генералу Деникину, доложить о восстании и просить зачислить его бригаду на полное иждивение. Заурбек чуть запоздал. Войдя к нам — его первые слова были к Гамалию:

— А ты знаешь, Васыль, что мне сказал генерал Деникин?

Флегматичный черноморский казак, каковым был Гамалий, лениво ответил: “а почему я знаю”...

— А Ваши кабардинцы пойдут на Москву? Первые слова были генерала Деникина на мой доклад, — возбужденно говорит Заурбек. — Только тогда я могу дать помощь Вашей бригаде, — продолжает слова Деникина Заурбек, — если они пойдут на Москву вместе с Добрармией. И не подал мне руки... потому что — я ведь только ротмистр... да еще какой-то там Дикой дивизии... — печально, обидчиво продолжает наш гордый Заурбек. И чтобы рассеять свое огорчение и разочарование — он сегодня может и хочет пить.

— Васыль!.. Федя! — наливайте же! — кричит он.

Кабардинцы Серебрякова “пошли на Москву”, но не дошли до нее. В июле 1919 г., в районе Царицына, командуя Кабардинской конной дивизией в чине полковника, — в конной атаке трагически погиб наш замечательный во всех отношениях Заурбек Серебряков, имея от роду около 30 лет. Терское войско сделало ему торжественные похороны, как национальному герою.

Генерал Врангель. Потери Корниловского полка

Изредка я стал появляться в войсковом офицерском собрании, пообедать. Как-то, выходя из зала, в коридоре 2-го этажа при спуске к лестнице, вижу генерала Врангеля в папаче и серой черкеске. По записной книжке он перечислял какому-то генералу в штатском костюме количество трофеев, захваченных его казаками. Имея костыль под правой мышкой, левой рукой отдал ему честь. Врангель знал меня лично и, коротким поклоном головы, с улыбкой ответил мне на приветствие.

“От нечего делать”, опираясь на один уже костыль, тихо иду по Красной улице. Вдруг кто-то длинной рукой охватывает меня за талию. Оборачиваюсь и вижу генерала Врангеля.

— Как здоровье, подьесаул? — очень ласково спрашивает он и добавляет немедленно же: — У Вас очень красивый покрой черкески... где Вы ее шили? Я очень люблю казачью форму и все присматриваюсь, на ком и как сидит черкеска, чтобы одеваться соответственно. Я еще очень мало понимаю в черкеске.

Не касаясь политики, надо сказать, что генерал Врангель был человек не злой, общительный. Он очень любил кубанских казаков как воинов и смотрел на них похвально только с этой стороны, мало зная их станичную жизнь, их семейственность, их психологию как земледельцев. Он очень любил полки своей 1-й Конной дивизии и, не хвалясь — Корниловский полк, под командованием молодецкого, храброго, всегда веселого и воински отчетливого полковника Бабиева — радовал его душу больше, чем другие полки. Ценность каждой строевой части, да и всякого дела, зависит исключительно от личности, которая это дело возглавляет.

Возможно, что это случайность, но наш полк нес очень большие потери в офицерском составе. Супруга генерала Врангеля являлась главой санитарной дивизионной летучки и потом — корпусной. По роду службы она регистрировала всех, и офицеров, и казаков, прошедших на перевязках ее пункт. Врангель как начальник дивизии, естественно — проверял не только что количество раненых, но, не сомневаюсь, как всякий серьезный начальник — он интересовался и числом, и фамилиями раненых офицеров по полкам. Баронесса Врангель сама лично делала перевязки после двух моих ранений, расспрашивая, что надо. Последнее тяжелое ранение, да еще в таком успешном ночном набеге в тыл красных, где погиб и доблестный Мурзаев, не могло быть неизвестно генералу Врангелю. Вот почему он так и любезен, и откровенен был со мной здесь, в Екатеринодаре, в глубоком и веселом тылу, где можно почувствовать себя просто человеком со своим, хотя и подчиненным, но боевым соратником по победному движению.

Перечислю здесь потери полка в офицерском составе за время с 8 по 22 ноября 1918 г., т. е. только после того, как я вернулся в полк после первого ранения и — до третьего. Бои же начались только 10 ноября, под селом Константиновским.

Убиты: 1. Сотник Поляков — 12 ноября у хутора Соленого; 2. Хорунжий (фамилию не помню) — 15 ноября у села Константиновского.

Ранены: 1. Подъесаул Елисеев — 10 ноября у села Кон-стантиновского; 2. Прапорщик Тюнин — 10 ноября у села Константиновского; 3. Хорунжий Литвиненко — 10 ноября у села Константиновского; 4. Сотник Демяник — 12 ноября у хутора Соленого; 5. Сотник Зеленский — 12 ноября у хутора Соленого; 6. Подъесаул Лопатин — 15 ноября у села Константиновского; 7. Подъесаул Елисеев — 22 ноября у села Спицевка.

Все убиты и ранены в течение 12 дней в районе этих памятных сел Ставропольской губернии. В записках, которые мной делались в 1941 г., у меня отмечено, что убитых офицеров было двое, а раненых — 14. Фамилии же запомнились только те, которые здесь поместил.

Праздник Оренбургского казачьего училища

В сентябре месяце 1917г., после Корниловского выступления, я был зачислен на должность сменного офицера Оренбургского казачьего училища. Большевистский переворот помешал мне быть там. Меня как офицера интересовало стать строевым воспитателем и готовить молодых людей с образованием к тому, к чему сам шел по своему глубокому убеждению.

Находясь в Екатеринодаре, я узнал, что формируется Кубанское военное училище, вернее — бывшая Екатеринодарская школа прапорщиков будет переименована в военное училище. Это меня прельщало. Где-то на Сенном базаре, в непрезентабельном помещении, я нашел канцелярию училища и представился полковнику Ермоленко, являвшегося тогда главой этого переформирования. Доложив о том, что я уже зачислен кандидатом в Оренбургское училище, но так как мы отрезаны от Оренбурга и имеем теперь свои войсковые интересы, — хотел бы быть сменным офицером в своем Кубанском военном училище. Ермоленко и училищный казначей есаул Вербицкий, отнесясь сочувственно к моему желанию, все же как-то не особенно тепло сказали:

“Подайте об этом рапорт с приложением соответствующих документов и... ждите ответ”. Я подал и ждал. Узнав об этом — Бабиев очень косо посмотрел на меня, о чем скажется своевременно, и чем это закончилось.

Приближалось 20 декабря — день нашего училищного праздника. В одном из грузинских шашлычных-погребков собралось свыше 20 человек воспитанников. Что я воспринял на этом празднестве, так это то, что у многих интерес, духовный интерес, был уже не к училищу, а к своему войску, к настоящим событиям, а не былым. И интерес был уже чисто офицерский, но не юнкерский. Имело некоторое значение и передвижение в офицерских чинах. На этом легком, веселом, но без кутежа, ужине — были главными:

выпуска 1911 г., по старшинству баллов и, как все это переменялось — подьесаул Соколов Василий, есаул Мальцев Павел, войсковой старшина Гамалий Василий и подьесаулы — Помазанов, Скрыбин Феодор, Стояновский Константин;

выпуска 1912 г. — есаул Посевин Фрол, подьесаулы — Васюков Яков и Беляевский Василий;

выпуска 1913г. — подьесаулы Ряднина Алексей и Елисеев Феодор. Приятными гостями были терские казаки — ротмистр Заурбек Серебряков и подьесаул Белоусов. Было несколько сотников и хорунжих, ускоренных курсов военного времени и среди них адъютант Кубанского запасного полка в Екатеринодаре, сотник Джалюк.

Странно было наблюдать, что с этими молодыми офицерами мы как-то не находили общего языка для разговора. Все мы, старшие, знали друг друга по училищу, все были между собой на “ты”, всем нам были ясно понятны “все уголки юнкерской души”, и, все мы были проникнуты “горением” за свое училище, как и яркими воспоминаниями о нем. Трехлетний курс наук и воспитания, воинского, психологического воспитания — каков должен быть офицер, конечно, сильно разнился от шестимесячных курсов. И, как курьез — в нашем училище, юнкера младшего класса, будь он со средним образованием или поступил в училище из полка, урядником — в отпуск пускали только через четыре месяца, вот перед этим самым училищным праздником. Мотив был один: “они еще не умеют отдавать воинскую честь как следует — по-юнкерски”.

Да они, офицеры ускоренного курса военного времени, и не были проникнуты тем горением за свое училище, которым были проникнуты мы. Для них это был только короткий эпизод в военном училище, тогда как для нас — период времени, золотой период времени нашей лучшей жизни.

Вензель на погонах. Мои братья

Лечение мое естественное: нога должна сама выздороветь в поврежденных коленных связках, а так — я могу лечиться и дома. Подходят и Рождественские Святки, и своим присутствием надо порадовать всю женскую половину семьи. Тем более что старший брат Андрей, сотник 1-го Кавказского полка, на фронте, на Маныче, а младший Георгий, хорунжий — после очень тяжелого ранения в июле месяце — до сих пор лежит в госпитале, в Ставрополе.

Я в станице. Радости в семье нет конца. Прибыла и следующая радость: приказом Главнокомандующего Добровольческой армией генерала Деникина все представленные к следующим чинам офицеры нашего полка произведены, в том числе и я, в есаулы — за

боевые отличия. Приказ вышел 24 декабря. Это были “первые производства”, почему так и ценны.

У меня психологически тяжелая работа: на всех черкесках надо спорить “все четыре звездочки” самого красивого погона чина подьесаула. Хотя и лестно было стать есаулом в 26 лет от роду, но, откровенно говоря, — так было жаль расставаться “с четырьмя звездочками”, в таких лишениях, походах и боях заслуженных на Турецком фронте, с которыми щеголял два года и четыре месяца. Четыре золотых звездочки на серебряном погоне окружали также золотые, вензельной прописи, инициалы старого и родного 1-го Кавказского полка — 1К. Но... я теперь в новом полку, в Корниловском, имеющем на погонах “свои инициалы”. Следовательно, надо быть последовательным! И я снимаю 1К. Снял и разочаровался: получился совершенно “лысый, погон”, словно у военного чиновника или у врача.

...Выздоровел и прибыл в станицу наш младший брат Георгий. В июле месяце, командуя взводом, при наступлении — брат был тяжело ранен в бок, под мышку. Пуля задела брюшину и остановилась там. Ранение было признано смертельным, но крепкий организм брата выдержал. Это все же оставило свой след: в плохую погоду, в сильный встречный ветер — ему тяжело было дышать. Мне как старшему брату — он говорит:

— Федя! Я офицер 2-го Черноморского полка Великой войны. Я служил в кавалерии... нас совершенно неправильно мобилизовали и отправили в солдатский полк, да еще пехотный. Я не хочу туда возвращаться и хочу служить в полках своего войска. Кстати — и мой строевой конь еще цел, с которым был в Персии. Помоги мне, Федя! — закончил он как-то печально.

Я был вполне с ним согласен. Я уже знаю хорошо подлую канцелярскую рутину и буквоедство. Идет жестокая война. Фронт должен быть сильнее всяких тыловых хитросплетений. И я проявляю инициативу — пишу письмо Бабиеву о брате, с полным изложением его военной службы с 1915г. Конным вестовым посылаю в наш Корниловский полк, в полной уверенности, что молодецкий и душевный полковник Бабиев немедленно же зачислит его к себе, так как на фронте, ввиду постоянных потерь — каждый офицер дорог. И через неделю — получаю от Георгия письмо, что он уже “корниловец”, чему очень рад. Офицеры полка ему понравились; но добавляет - - “только вот Бабиев очень строгий и приказал мне быть похожим на тебя”. Прочитав, я был очень рад за Жоржа и посмеялся над аттестацией им Бабиева и его пожеланиями.

Проходит неделя — и вдруг прибывает с Маныча старший брат, раненный в ногу. Он семейный, предпочел лечиться в станице и ходить на перевязку в местную войсковую больницу. Я уже почти выздоровел и охотно передал ему свой костыль.

У Андрея была дивная гнедая кабардинская кобылица, на которой он провел всю войну на Турецком фронте. Умная, приткая, но очень строгая. Чистить ее надо было с осторожностью. Она была, словно нетронутая девица, т. е. если ее, даже ласково, погладить ладонью в нежных местах — она очень быстро и ловко может лягнуть задней ногой. Под седлом же — огонь, но полное послушание “поводу”.

Благородное животное и умерло благородно. Брат был командиром сотни 1-го Кавказского полка. Под огнем красных лава его сотни замялась и остановилась. Чтобы ободрить казаков — шагом он идет вдоль фронта. Красные сильно обстреливают. Дальше он говорит: “Слышу, что-то “цокнуло” впереди меня. И вдруг моя Ольга (кличка кобылицы) тихо склонилась на передние ноги и потом — легла. Я быстро соскочил с

седла, а она и голову положила на землю... и уже не дышала: пуля попала прямо в висок, около уха”.

У казаков строевой конь считался как бы членом семьи. В особенности если он хороший. Его берегли и смотрели за ним, как за дитятей. Несчастье с конем больно отражалось на всех членах семьи. В данном случае, когда брат рассказывал, как погибла “его Ольга”, — почти все женщины семьи плакали. В особенности жена брата. Она стоит рядом с ним, утирая слезы.

Проходит вторая неделя. Я уже собираюсь на фронт, но мать вновь плачет:

— Долго ли до греха... могут ведь и убить, сыночек. Смотри, сколько станичных офицеров сидят дома... никто их не тревожит, а ты... — и не договорила, горьше заплакала.

Но вот еще новость: Георгия привозят тяжело раненным. Он даже не мог ходить. Для успокоения семьи — решил задержаться.

— Наш полк наступал. Впереди, лавой, шла 5-я сотня, в которой я был младшим офицером. И когда поднялись на перекат у села Малые Ягурты, то внизу, шагах в пятистах, увидели скопище красной конницы. Сотня немедленно повернула назад. Красные, всей массой, бросились в атаку. Когда вся эта масса красной конницы показалась на бугре, — повернул назад и полк. Все покатило вниз... Вдруг мой “Мальчик” (кличка коня) “зашкандыбал” на трех ногах и потом стал останавливаться. Я его толкаю обнаженной шашкой, но он совсем остановился. Оказалось, пулей перебита у него задняя нога. Я соскочил с седла и бегу вслед за казаками, но они быстро обогнали меня и скакали дальше. Какой-то казак повернул назад, подскакал ко мне и кричит: “Господин хорунжий! Скорее садитесь позади седла!” И только что вскочил на круп его коня, — как пуля ударила меня прямо в ягодицу. Но я крепко схватился за казака, и мы успели ускакать, — рассказывает наш добряк, крупный и беспечный казачина и... сам улыбается, словно все это была шутка.

Это было у него второе “слепое” ранение, т. е. пули остались в теле. С ними он и погиб в Таврии, в своем Корниловском конном полку дивизии Бабиева, на пятом ранении. 24-летний есаул, любимец полка, “Жорж”, как его все звали за его добрый уживчивый характер, который был кумиром девиц — казак-красавец со смеющимися глазами. Жорж был положен в местную Войсковую больницу. Потом, выздоровев, — старший брат передал Георгию мой костыль, ставший как бы семейным. Уже и в те времена многие наши станичные молодые офицеры из недоучившейся молодежи “крутили” от фронта. Станица это видела. В особенности станичный атаман Стукалов, умнейший казак, который как-то выразился в правлении так: “Елисеевых офицеров можно видеть в станице только “на костылях”.

ТЕТРАДЬ ДЕВЯТАЯ

Разность понимания. Наш тыл

В Екатеринодаре, когда я был в госпитале, меня навещал мой друг по военному училищу и сверстник, Алексей Ряднина. Поступив охотником-вольноопределяющимся 1-го разряда

в один из Кубанских пластунских батальонов, там он окончил учебную команду, стал старшим урядником. В 1910 г., вместе со мной, выдержал экзамен в Оренбургское казачье училище. Он отлично учился и шел первым. Оба мы окончили училище взводными портупей-юнкерами, и он, среди юнкеров-кубанцев, “первым” выбирал вакансию и вышел хорунжим в 1-й Екатеринодарский кошевого атамана Чепеги полк, стоянка которого в самом Екатеринодаре считалась наилучшей.

Он первопоходник. Во Втором Кубанском походе, как специалист-техник — формировал войсковую автомобильную сотню. Теперь он в ней один из главных офицеров-руководителей. Любя меня, зная нашу семью, — он настаивал, чтобы я устроился в тылу, в их автомобильной сотне.

— Чего ты лезешь на фронт?.. Мало воевал, что ли?.. Мало трех ранений за один месяц?.. Пожалей семью-сирот! — упрекает он.

Я слушаю своего бескорыстного друга и молча улыбаюсь. Он по природе мирный человек. Кроме того, первое военное образование и психологическое воспитание он получил в пластунском батальоне, где все должно делаться “осмотрительно”, осторожно, продуманно. Я знаю, что он меня совершенно не поймет, если я стану рассказывать:

что такое Корниловский конный полк;

каков молодецкий, храбрый офицерский состав этого полка;

каковы орлы-казаки этого полка, которые, после жаркого боя, в котором потеряли, может быть, станичников, друзей, родичей или любимого командира, — с песнями могут возвращаться в свое село;

он не поймет, что собой представляет наша ударная 1-я Конная дивизия, как и не поймет — как щекотно-страшновато чувство перед боем, как оно становится почти не страшным в самом бою и как оно становится совершенно приятным в момент обозначенной удачи, как счастливы бойцы после боя, после победного боя с пленными, трофеями и другими реальными ощущениями;

он меня не поймет, что мне уже скучно в тылу, что моя душа давно витает в полку, и я досаую, — почему я не там, со своими корниловцами, с Бабиевым “Хаджи Муратом”, с которым всегда быть приятно и весело. И мое отклонение его забот — не огорчает, а удивляет его мирную душу.

— Ты як був дурный, так им и zostався! — махнув рукой, говорит он, черноморский казак, что является признаком его доброты. В 1920 г., перед самым оставлением Екатеринодара — он умер от тифа, находясь все в той же Кубанской войсковой автомобильной сотне. Судьба...

Строевые офицеры всегда не любили тыла. Для авторитетности этого мнения — послушаем генерала Врангеля.

По его книге на странице 98-й, с разрешения генерала Деникина — он прибыл в Екатеринодар в первых числах декабря 1918г. — по делам 1-го Конного корпуса, состоявшего тогда из десяти кубанских конных полков, занимавших очень широкий фронт на восток от села Петровского. Вот его исповедь: “Несмотря на присутствие в Екатеринодаре Ставки генерала Деникина — как прибывающие, так и проживающие в

тылу офицеры вели себя непозволительно распущенно: пьянствовали, безобразничали и сорили деньгами. В войсковой гостинице, где мы стояли, сплошь и рядом происходил самый бесшабашный разгул. Часов в 11-12 вечера являлась ватага подвыпивших офицеров, в общий зал вводились песенники местного Кубанского гвардейского дивизиона, и на глазах публики шел кутеж. Одна из таких попоек, под председательством генерала Покровского, закончилась трагично: офицер-конвоец застрелил офицера Татарского дивизиона” (стр. 99 и 100).

Это генерал Врангель пишет, что происходило в самом центре вооруженных сил Добровольческой армии, а вот что я видел в своей станице, находясь на излечении. Я живу-лечусь в ней около месяца. Я вижу много празднующихся прапорщиков и хорунжих станичников, ставших офицерами во время войны. Почему они дома? Почему не в своих полках? — спросить неловко. Станичный атаман не имел над ними власти, а управление Кавказского отдела, находившееся в семи верстах на хуторе Романовском, молчало также. Удивительно было и то, что и меня никто не спрашивал, дескать, — а не пора, ли вам, есаул, ехать на фронт?

К концу января я был уже здоров. Полк тянул меня безумно. А семья и раненые братья, смотря мне в глаза, молча говорили-просили: “поживи еще с нами, Федя...” И я жил. И мог жить долго в станице, если бы захотел. Но мы ведь кадровые офицеры! Мы воспитаны на принципах чести! Мы не можем свернуть с этого пути! И я решил резко оторваться от станицы и от семьи и вернуться в полк. Вызвав с лошадьми обоих своих вестовых из их станиц, приготовился в дорогу.

На фронт. В стане Бабиева

Погрузившись с лошадьми на “Гетмановском разъезде” — через сутки мы были на конечной железнодорожной станции Петровское Ставропольской губернии, т. е. в том центральном селе, за которое так долго дрался весь 1 -и Конный корпус генерала Врангеля в ноябре прошлого года.

По привычке — ишу старую квартиру штаба полка, нахожу и располагаюсь в ней. В селе нахожу “обрывки” своего полкового обоза и там же встречаю друга, есаула Иосифа Лопатина. В есаулы он произведен одновременно со мной. Он очень рад встрече, но в полк не торопится. “Почему, Филиппыч?” — спрашиваю его. “Да ну его к черту!.. Еще убьют!.. — шутит, смеется он и добавляет: — Я жду вызова в войсковой учебный конный дивизион, куда подал рапорт, так чего же торопиться?”

Я рассказал ему, что также подал рапорт о зачислении меня сменным офицером во вновь открывающееся Кубанское военное училище. Мой поступок он одобрил, но спросил, есть ли протекция?

Этот вопрос меня удивил и я ему высказался, что для зачисления сменным офицером протекция не нужна, а нужно иметь отличное прохождение военной службы, стаж, полученные награды, пролитую кровь в боях. К тому же я уже был зачислен кандидатом на эту должность в Оренбургское училище. Выслушав все это, по-дружески, совершенно спокойно он ответил: “Эх, Федор Иванович, не знаешь ты тыла и разных закулисных ходов... надо быть, жить в Екатеринодаре, иметь “заручку”, а ты уехал на фронт. Трудно тебе ждать положительного результата”, — предрек он мне.

От него я узнал, что наш полк находится на Маныче, в селе Дивном. Бабиев уже генерал и начальник дивизии, а кто командует полком, — он не знает.

По грязной ужасной дороге, верхом на лошадях мы двигаемся в Дивное. На дороге, под грязью, еще осталась ледяная затвердевшая кора, и идти лошадям по ней скользко. Свернув с дороги, сразу же вязнешь в паханом поле. Навстречу лениво и тяжело тянутся разрозненные подводы с больными казаками. Появилась какая-то болезнь под названием “испанка”. Она немилосердно косит людей, выводя их из строя.

В два перехода мы были в селе Дивном. С дороги прямо заехали в штаб дивизии, чтобы представиться генералу Бабиеву. В просторном богатом крестьянском дворе стоит мажара, и к ней привязано шесть молодых кобылиц-неуков, рыжей масти. Меня это заинтересовало.

— Чьи это? — спрашиваю казака.

— Та гэнэрала Бабиева! — отвечает он и добавляет: — Цэ шо отбылы за Манычем табун доньских коний.

Об отбитом табуне у красных, собственности какого-то донского коннозаводчика, я слышал. О нем в газетах писалось, что — “Бабиев прислал войску как подарок от Корниловского полка”, предварительно взяв себе несколько кобылиц и раздав некоторым офицерам полка, почему у меня мелькнула тут же мысль, что Бабиев подарит и мне “одну из своих”.

По деревянной лестнице большого дома поднимаемся во 2-й этаж и входим прямо в столовую, без предупреждения, где неожиданно видим Бабиева и еще какого-то молодого полковника. Бабиев в черкеске, в папахе, при офицерском Георгиевском кресте 4-й степени и... в погонах генерала. Все это было для меня неожиданно и ново, как было неожиданно и для Бабиева наше появление.

— Ваше превосходительство, есаул Елисеев представляюсь, прибыв по выздоровлению от ранения, — рапортую ему по всем правилам воинского устава и делаю шаг в сторону.

— Ваше превосходительство, есаул Лопатин представляюсь, прибыв по выздоровлению после ранения, — повторяет также по-уставному мой Филиппыч.

Бабиев, находясь по другую сторону большого стола, — немедленно же поднялся со стула, приложил левую (здоровую) руку к папахе и с серьезным лицом выслушал оба рапорта. Потом опускает руку, радостно улыбается в серые глаза, подходит к нам, обнимает каждого за плечи и целует. Он любил нас обоих и знал нас давно, еще по Турецкому фронту. Потом тут же поворачивается к молодому полковнику, который находился с ним, и представляет нам его так: “вот мой начальник штаба дивизии, Генерального штаба, полковник Рябов-Решетин*, казак Астраханского войска”. Последний сам подходит к нам, дружески жмет руки и ласково улыбается, словно своим друзьям и сверстникам. Он молод, летами, думаю, сверстник Бабиева, но он без усов, почему и выглядит моложе его.

Бабиев, как всегда, бодр и весел. Сейчас же он в особенности молодецует, так как он генерал, получил заветный офицерский Георгиевский крест, в его храбрый полк вернулись старшие офицеры, его друзья и — все это ему очень приятно.

— Вы, конечно, пообедаете у меня? — говорит он. — Кстати, время обеденное, — добавляет.

Мы с удовольствием согласились.

Сидим за столом, ждем, смотрим друг на друга и говорим. Бабиев расспрашивает о тыле. Его все интересует. Он ругает Раду, что она не шлет пополнения казаков в полки. Полки стали небольшого состава, по 150-200 шашек в каждом. Я смотрю на него и изучаю его в чине генерала. Легко сказать — он в чине генерала! Ждал ли он этого и так скоро? И я не оправдываю его, что он ругает Раду. Строевые казаки в станицах находятся на учете станичного правления и управления атаманов отделов, а не Рады. А в главном — находятся на учете войскового штаба, так при чем же здесь Рада? Но эти мысли я не высказываю, они не уместны и не реальны.

Бабиев все так же стильно одет и, как всегда, предпочитает у себя в доме и за обедом быть в папахе на голове. К титулованию “ваше превосходительство”, видимо, уже привык, но душа... душа еще хочет молодиться. Он старается быть солидным, но глаза... глаза ведь зеркало души! Я вижу, что ему очень приятно видеть нас обоих, с которыми есть о чем вспомнить и поговорить запросто, как с равными. Я вижу, что штабные офицеры набраны им из Корниловского полка — хорунжий Ишутин, Чибишев* и корнет Ступников. На все вопросы они отвечают ему односложно: “так точно... никак нет”, при этом неизменно добавляют титулование “ваше превосходительство” и стоят перед ним в положении “смирно” — почтительно и боязливо. И даже за столом величают так же и привстают со стульев, если он обращается к кому-либо из них лично. Полковник Рябов-Решетин титулуется так же, но держится совершенно спокойно, достойно. Мы же с Лопатиным говорим с ним запросто, и ему это, думаю, приятно.

Под его испытывающим взглядом — я перевожу глаза на его офицерский Георгиевский крест, которого он до этого не имел. Он понял мой взгляд и объяснил при всех, что — в Екатеринодаре, по распоряжению генерала Деникина, сформирована новая Георгиевская Дума, которая, рассмотрев старые представления, наградила его и подьесаула Кадушкина* орденом Св. Георгия Победоносца 4-й степени, а генерала Шатилова* орденом 3-й степени.

На Турецком фронте, на левом фланге Кавказской армии, действовавшей больше против курдов, — очень трудно было получить этот орден. По статуту он давался за взятие действовавших орудия или пулемета, за захват неприятельского знамени, но у курдов не было ни пушек, ни пулеметов, ни знамен. Не густо было этого оружия и у пехоты турок, в особенности в указанном районе. Вот почему Бабиев рад и счастлив, добившись, наконец, высшего и так желанного боевого ордена.

Обедаем мы хорошо, но скромно. Узнали, что временно полком командует есаул Трубачев*, сверстник Лопатина по Николаевскому кавалерийскому училищу. Бабиев им недоволен: “вялый и не распорядительный”, — как сказал он. Трубачев молодой корниловец.

— Ну, пишите приказ о новом назначении командира Корниловского полка, — говорит Бабиев за столом полковнику Рябов-Решетину.

— Какого из них? — улыбается, спрашивая, он, глядя на нас, двух молодых есаулов. — Ошую или одесную? — добавляет.

Мы сидели за столом — я по правую руку Бабиева, а Лопатин по левую.

— Конечно, ошую, — отвечает он, ласково посмотрев на меня.

Приказ написан, получен мной, он гласил: “Есаул Елисеев как старший в чине назначается командующим Корниловским полком. Есаулу Трубачеву сдать полк. О сдаче и приеме донести мне. Начальник 3-й Кубанской казачьей дивизии генерал-майор Бабиев”. Это было 2 февраля 1919 г.

Я не сомневался, что Бабиев по-кунацки подарит мне одну из своих кобылиц-неуков, из отбитого Корниловским полком табуна лошадей, но ошибся. Это меня немного огорчило, так как я имел только одного строевого коня.

Вновь в родном полку

По топкой густой грязи, по неуютным улицам села Дивного — мы следуем в расположение нашего полка. На одной из улиц в сторону Маныча, над парадным крыльцом небольшого крестьянского дома “под железом” — увидели полковой флаг красного войскового цвета. На крыльце сидели несколько офицеров в шубах-черкесках, при полном вооружении — кинжал, шашка, револьвер. Все они нам незнакомы: по виду бывшие урядники. При нашем приближении встали и отдали честь. Поздоровавшись за руку, вошли в комнату. В ней небольшого роста есаул, а второй, высокий, в чине сотника — определил мне, кто из них командир полка. С Лопатиным мы отрапортовали официально, но Филиппыч, рапортуя, улыбается. Улыбается и Трубачев: они ведь сверстники по училищу. Сотник оказался полковым адъютантом. Он дает левую руку, так как правая была без кисти. Это сотник Николай Малыхин.

Мы садимся за стол, и я сразу же предъявляю Трубачеву приказ по дивизии. Вижу, что приказ ему не понравился, но — закон есть закон, к тому же я старший в чине. Сдачи и приема — никаких, простая формальность. Это ведь совсем не те полки, каковые существовали в мирное время. Я прошу Трубачева собрать всех офицеров полка, чтобы познакомиться с ними и вместе пообедать. Они пришли. И так мало было среди них старых знакомых и боевых друзей! И вижу среди наличных офицеров — только нас, троих есаулов, кадровых. Несколько сотников, остальные в чине хорунжего. Все из школ прапорщиков или из урядников за боевые отличия. Большинство из них летами старше нас. Держатся хорошо, почтительно, без излишней воинской субординации, что мне очень понравилось. Здесь узнаю, что распоряжением полковника Бабиева полковой обоз 2-го разряда, из станицы Усть-Лабинской, переведен в станицу Лабинскую и им заведует есаул Сменов. При нем полковой казначей хорунжий Клыгин* и два чиновника-делопроизводителя. При обозе открылись сапожная и шорная мастерские. Разговаривали спокойно, по-деловому.

Здесь мы с Лопатиным узнали, что 3-я Кубанская казачья дивизия “молодая”, недавно сформированная и в нее входили: Корниловский полк, 1-й Кавказский полковника Орфенова, 1-й Таманский полковника Гречкина*, 1-й Черноморский полковника Малышенко и 2-й Полтавский полковника Преображенского*. Была артиллерия, но какие батареи — не помню.

1-й Кавказский полк находился за Манычем в селе Приютном, а 1-й Черноморский в селе Кистинском. Все остальные части и артиллерия — в Дивном. Тут же стояла и Кубанская пластунская бригада Ходкевича четырехбатальонного состава, чуть свыше 1000 штыков.

Я хочу видеть полк в конном строю, чтобы знать — каков он, каков конный состав — главная сила полка? И грустное впечатление произвел он на меня, былой наш могучий полк, представившейся силой около 200 шашек боевого состава, не считая пулеметной команды и других чинов хозяйства. Всего же на довольствии числилось около 300 человек.

Принимая дивизию, Бабиев взял с собой команду связи, численностью в 30 человек, и половину хора трубачей. В полку не было полкового марша, почему я был встречен войсковым маршем. Ответили казаки дружно. Прошел в седле меж сотен. Казаки одеты хорошо, тепло, в кожихах, некоторые в шубах-черкесках. Все в погонах. Вид казаков хороший, но лошади подморены. Казаки смотрят с открытым сознанием полковой и войсковой гордости. Никакой речи перед полком я не сказал. В жуткой топкой грязи, при сырой полуснежной погоде — она была не к месту. И хотя лица казаков произвели на меня хорошее впечатление — все же картина малочисленности полка, какой-то бедности или усталости — так оголенно представилась передо мной, что на душе не было отрадно. Но война оставалась войной, и надо было жить и работать.

В полку, по списку, было много офицеров, почти до сотни человек; в наличии же чуть свыше двух десятков. В те времена была большая вольность, а именно: заболевший или раненый офицер мог долго оставаться в своей станице и его никто не тревожил. Некоторые “первоходники”, после взятия Екатеринодара 2 августа 1918г., считали, что они свое дело сделали, они теперь могут оставаться в тылу, устраивались там на новую службу, но в душе считали себя корниловцами и как бы числились в полку. Готовый наклепать на себя всякие неудовольствия подобных офицеров — я собрал наличных и, с полковым списком, совместно стали разбирать “историю каждого отсутствующего”.

К моей радости, я нашел в сердцах и в мозгах их не только что полное сочувствие, но и возмущение. В особенности со стороны сотника Васильева и хорунжего Литвиненко. Оба первоходники и офицеры 2-го Полтавского полка Великой войны. Их хорошо знали старые корниловцы и генерал Науменко. Кроме того, они оказались очень авторитетными офицерами среди всех и по боевым качествам, и в быту. О Васильеве скажу потом. Литвиненко же — храбрый офицер. Много раз раненый. Окончил реальное училище, был хорошо грамотный. Редко говорил по-русски, но его черноморский язык был одно восхищение. Казаки его любили — за храбрость, за заботу о них, как и побаивались за его правду. Все выскажет, всех выругает, тут же остроумно проиронизирует по-черноморски, все казаки засмеются и — всем легко становится.

Я находил и пояснил всем, что термин “временно командующий сотней” надо упразднить потому, что это, во-первых, толкает офицера относиться к своим обязанностям не так радетельно, а во-вторых, командуя сотней, он получает жалованье младшего офицера. Хотя жалованье в то время было очень малое (250 рублей в месяц для младшего, командира сотни на 100 рублей больше), но все же — это было приятно каждому, и морально и денежно. И вот на мое предложение — попросил слово хорунжий Литвиненко. Казаки называли его “хурунджый Лытвын”.

— Господын эсаул! Вымытайтэ йих усих!.. Ничего жалить йих!.. Дэ воны? Шо боны там роблять?.. По Катэринодару гуляють?! А ты тут воуей одын?! А гроши дай йим!.. Дай як командыру сотни! — запальчиво говорит он.

Его слова поддержали и шумом, и смехом все.

Хорунжий Литвиненко был один из самых доблестных офицеров-корниловцев. В 1920 г., в Крыму, он был последним законным командиром Корниловского полка, имея чин полковника. И на Перекопе, в последней конной атаке против пехоты красных — был смертельно ранен в живот и умер в Константинополе, куда был эвакуирован. Эту последнюю доблестную конную атаку совершили уманцы и корниловцы под личным водительством полковника Гамалия.

Вернусь к описанию результатов собрания офицеров полка. Выслушав всех и наведя точные справки — кто, когда и почему выбыл из полка, давно находящихся в тылу — исключил из списка офицеров полка. Офицеров, “временно командующих сотнями”, зафиксировал “законно командирами сотен”. Не говоря уже о ясности получения жалованья по должностям — у командиров сотен появилась моральная повышенная ответственность, тем более что все они были в небольших чинах. Здесь я привожу список всех офицеров полка, находящихся тогда в наличности:

Командующий полком есаул Елисеев.

1-й помощник по строевой части есаул Лопатин.

2-й помощник по строевой части есаул Трубачев.

Заведующий хозяйством есаул Сменов, но так как он находился с обозом в станице Лабинской, то на фронте помощником командира полка по хозяйственной части был назначен —

Сотник Марков*.

Командиры сотен:

первой — сотник Васильев; второй — хорунжий Дорошенко*; третьей — хорунжий Литвиненко; четвертой — сотник Лебедев; пятой — сотник Мишуров; шестой — сотник Иванов*.

12. Сотник Мартыненко* — начальник пулеметной команды.

13. Сотник Малыхин — полковой адъютант.

Младшие офицеры сотен:

Хорунжие Голованенко*, Щеховцов*, Тюнин, Копчев, Козменко*, Яковенко*, Бэх Андрей, Бэх (большой), Савченко*.

Младшие офицеры пулеметной команды: сотник Ковалев-второй, хорунжий Кононенко*, Сердечный*.

26. Зауряд-лекарь Александров — старший полковой врач. 27. Лекарь Яковлев* — полковой ветеринарный доктор.

Все командиры сотен и младшие офицеры, за единичным исключением, стали офицерами по окончании школ прапорщиков или получили чины за боевые отличия, будучи урядниками. Возможно, что не столь благородное происхождение многих — оно именно и дало отличный боевой офицерский элемент, в особенности в должностях командиров

сотен. Их казаки любили, уважали и верили им, офицерам своей среды — бесхитростным, сердечным и откровенным в обращении с ними. Кроме того, боевыми событиями, в особенности в бытность командования полком Бабиевым — в нем установилась неписаная и никем не уставленная “традиция дружелюбности”, будь то рядовой казак или сам “грозный генерал Бабиев”, который, еще раз подчеркиваю, никогда не был грозным. В Корниловском полку, принцип — один за всех и все за одного — чувствовался всегда и во всем, будь то бой или пирушка. Это я ощущал еще тогда, прибыв в полк — и в боях, и в быту — теперь же, став их командиром, ощутил еще больше, как и вел всех к этому.

Приняв Корниловский полк, Бабиев напрягал все силы, чтобы комплектовать его казаками лабинских станиц. Для него лабинцы были — выше всего. Он звал в полк своих офицеров, и вот теперь в нем их четыре, из коих три станичника. Он умышленно перевел обоз 2-го разряда из станицы Усть-Лабинской в станицу Лабинскую, в свой отдел, чтобы, выражусь так — “облабинизировать” свой полк.

В Астраханских степях

В ночь на 3 февраля Корниловскому полку и 9-му Кубанскому пластунскому батальону приказано выступить за Маныч, для усиления головных сотен 1-го Кавказского полка, занимавших село Приютное Астраханской губернии, с задачей — для расширения заманычского плацдарма. До Маныча было 12 верст и после, до села Приютного, так же двенадцать. Приказано дойти ночью, скрытно от противника.

При закате солнца — полк выступил. За селом Дивным, на север от него, на выгоне, в двухшереножном строю стоял батальон, силой до 250 казаков. Он должен был идти за нами, не связывая полк своим движением, почему я и не обратил на него внимания. Пластуны стоят строем, значит, ждут командира, подумал я. Пройдя версты две, — выкрикнул:

— Головные дозоры вперед! Старшего ко мне!

Погода стояла сырая. По степи сплошной снег, а по дороге мокрая грязь. Я слышу копыта коней головных дозоров четко, нервно, цокают по ней, и кто-то, в затылок, словно гипнотизирует меня, и мне от этого неприятно.

— Чего звольтя, господин есаул? — слышу я голос старшего дозорного левее себя, и он показался мне знакомым.

Обернувшись к нему, чтобы дать указания, — я тут же удивленно выкрикнул:

— Невзоров? — и холодная струйка “чего-то” пробежала у меня по позвонку, спустилась вниз и растаяла в седалешнем клубке. Это у меня всегда бывало перед атакой, как чувство невольного страха или большой неприятности.

— Так точно, господин есаул! — отвечает мне казак, весь бледный как полотно.

“Я тэбэ породив, — я тэбэ и убью!” — невольно одним лишь мгновением пронеслась мысль в голове, но тут же и отошла прочь...

— Впереди нас, за Манычем, в селе Приютном, находится наш 1-й Кавказский полк. К нему мы подойдем в полночь. Поэтому не бойся, но, конечно, осматривайся... Езжай! — закончил я.

И казак, со словом “слушаюсь!”, словно спасаясь от меня, широким наметом, с тремя другими дозорными, поскакал.

“Какая встреча! — думал я. — Что я мог бы сделать с этим казаком? И нужно ли было что делать?” И в те пять секунд моих дум я нашел, что “делать с ним” ничего не нужно, так как его душа дошла до полного понимания красных, и он теперь будет у меня самый надежный “белый воин”.

В месяцы революции 1917 г., под Карсом, в Финляндии и по возвращении на Кубань в последних числах декабря того же года — я был командиром 2-й сотни 1-го Кавказского полка. Жуткие месяцы развала армии в Финляндии и потом, когда наша 5-я Кавказская казачья дивизия возвращалась на Кубань через огнево разрушения всей России от самой Финляндии и до земель Войска Донского, где существовала законная казачья власть. Первый эшелон полка, моя 2-я сотня, при которой был весь штаб полка, полковой штандарт, денежный ящик и полковой хор трубачей, всего до десяти офицеров и до 200 казаков — этот путь по красной России, уже при советской власти, совершил в течение двух недель — с 8 по 24 декабря 1917 г. В Воронеже и на станции Миллерово — красная власть требовала от нас сдачи оружия. Мы не дали. Не буду описывать личных переживаний, но вот этот казак Невзоров станицы Новопокровской и два других его сверстника все месяцы мутили сотню, которая считалась самой стойкой. И не замутили. Невзоров — совершенно серый казак, малограмотный, с “рязанским” произношением слов, казак 4-го взвода, и из таких — которых за негодностью и плюгавостью в строю — вахмистры назначают пасти свиней, чтобы своим паскудным видом не портить строй. И, несмотря на это, Невзоров хотел мутить сотню, вызывая этим только презрение казаков, а от молодецких урядников — даже окрик, на который он почему-то не возражал.

В полночь, прибыв в Приютное, представился старшему в чине, командиру 1-го Кавказского полка полковнику Арфенову. Его я вижу впервые. В пенсне, в кителе, в фуражке. Лицо хорошее, умное, интеллигентное. От радости “подкрепления силами” — он не знает, где нас усадить? Ему лет под 40. В углу, среди полусонных ординарцев, с дивана поднимается рослая богатырская фигура в косматой белой папахе и с черными, воспаленными глазами. Она улыбается мне, рычаще произносит слова приветствия и — дружески тянет руку.

Я удивленно смотрю в полутьме на этого богатыря-офицера в погонах есаула и улавливаю что-то знакомое; и, уловив, — радостно жму, трясую его руку. Это был знаменитый Михаил Казанов*, бывший в лагерях 1914 г. хорунжим 1-го Черноморского полка, а сейчас он есаул и помощник командира 1-го Кавказского полка. Мы не виделись с ним более 4 лет. Но как он возмужал! По разговору с ним Арфенова, я вижу, что Казанов — опора всего полка. Здесь я приведу слова Бабиева, его друга, его двойника по молодецким казачьим пирушкам еще в мирное время (они были тогда одной дивизии):

— Я боюсь этого черта! — как-то сказал Бабиев мне. — Ведь он может пырнуть и кинжалом!

Да, Казанов был иного сорта молодец и орел, чем Бабиев. Такова наша Кубань, рождающая своих казачьих богатырей.

Арфенов и Казанов смеются, что я не вовремя прибыл с полком, так как “расширения плацдарма” не будет, потому что — батальон пластунов отказался выступить за Маныч, о чем они получили сообщение от самого генерала Бабиева, немедленно же, по телефону. Через сутки Корниловскому полку приказано было вернуться назад, в село Дивное. Ко мне немедленно же прибыл Бабиев и рассказал о пластунах так: “Командир пластунской бригады генерал Ходкевич прибыл и доложил о нежелании батальона идти за Маныч. Я выехал к батальону сам, верхом, уверенный, что заставлю их исполнить боевой приказ. На мое приветствие батальон ответил дружно, хорошо. Ну, думаю, — я их ломаю...

— Почему не идете? — выкрикнул им.

Все молчат.

— Выходи вперед и говори причину! — грозно говорю им. Но никто не выходит. Вдруг из задних рядов слышу голоса:

— Нэ пидэмо за Манычь!.. Будэмо тут дэржаты гряньцю!
Я резко выругал их, как слышу новые слова:

— Та якы мы доброволци!.. Мы вси абылызовани (мобилизованы)!

Я вижу, что дело плохо и мои слова не подействуют... значит, нужно принять другие, более суровые меры. Твой полк был в версте от нас. И я думал, Джембулат, — вернуть полк, да... из пулеметов по ним! А потом подумал — а вдруг и мой Корниловский полк откажется... откажется стрелять по своим, то что тогда может быть? Я испугался и не вернул полк. Ну, а по-твоему, — пошел бы полк против своих пластунов?”

— Думаю, что нет... — отвечаю ему. — Против своих казаков — это было бы очень опасное распоряжение, — добавил я.

— Я и сам это думал... почему и не прибег к этому, — закончил спокойно, но грустно молодецкий генерал Бабиев, большой казак.

Этот жуткий случай с батальоном храбрых пластунов, как неповиновение боевому приказу — надо объяснить, первым делом боевой усталостью и “казачьим одиночеством” на этом Манычском фронте. Дивизия генерала Бабиева и бригада пластунов генерала Ходкевича входили здесь в состав 2-го Кубанского казачьего корпуса генерала Улагая. От 2-й Кубанской казачьей дивизии, входившей в этот корпус, — восточнее нас по Манычу — было только два полка: 1-й Полтавский и 2-й Кавказский (бывший 4-й Сводно-Кубанский). Значит — здесь по Манычу, в крестьянской Ставропольской губернии, воевали против красных семь кубанских конных полков с артиллерией, четыре батальона кубанских пластунов и... ни одного русского солдата, вернее — ни одного солдата-крестьянина своей же Ставропольской губернии. Надо точно сказать, что громаднейшее большинство ставропольских крестьян-земледельцев, будь то и богатые — сочувствовали советской красной армии.

И казаки, живя в крестьянских хатах, конечно, видели недоброжелательное отношение крестьян к себе. И то, что мужик не мог сказать квартиранту-офицеру, — он мог сказать казаку. Ставропольские крестьяне определенно были настроены против казаков. Они, может быть, и не были большевиками, так как жили богато, вольготно, и революция к их богатству дала еще и “необязательность перед государством”. Паши землю, сей, убирай плоды ее, ешь, пей и... никаких обязанностей ни перед кем. Это ли не прелесть для них от

революции! Здесь долго оперировала мужичья Таманская красная армия и всех мобилизовала в свою кастовую рабоче-крестьянскую армию, сражавшуюся против “кадет”, т. е. против офицеров и казаков. Знаменитая красная 39-я пехотная дивизия, состоявшая в своем большинстве из солдат Ставропольской губернии, свой “революционно-насильственный стяг” жестоко пронесла по Кубанской области. И обогатилась. И насладились жизнью в богатых казачьих станицах. И насладились слезами и кровью казачьего населения... А теперь, сюда, к ним пришли казаки и... объедают их.

Ставропольские крестьяне совершенно не хотели “белой власти”, а тем более идти воевать против своей “рабоче-крестьянской” власти. И казаки это отлично видели, знали. И уставшие и одинокие здесь — они согласны были “дэржаты граныцю тикы по Манычу...”

Конечно, это было их глубокое заблуждение. Но тогда не понимали этой психологии казака даже многие рядовые офицеры, не говоря уже о высшем командном составе. В этом была главная наша трагедия.

Случаи с Бабиевым...

К середине февраля 3-я Кубанская казачья дивизия и пластуны генерала Ходкевича были сосредоточены в селе Приютном. На том берегу Маныча, в селе Кистинском, оставался только 1 -и Черноморский полк полковника Малышенко. Полки вели усиленную рекогносцировку против сел Кормового и Крутик.

Село Приютное абсолютно объедено фуражом. За Манычем — оно единственное в наших руках. Все побочные заняты красными, и фуражировку делать некуда. Сотни разбросали свои разьезды конных с подводами в разные стороны по снежной степи, ища хутора и калмыцкие юрты с сеном. О зерне приходится только мечтать. Подвоза с тыла никакого. А если он и есть, то его забирает для себя штаб дивизии. К нашему неудовольствию — у самого генерала Бабиева, после отбития донского табуна, до десятка собственных лошадей. К лошадям у него какая-то противоестественная жадная страсть. Если бы он имел табун собственных лошадей, то он хотел бы иметь их два, три и больше. И, Боже упаси, чтобы у другого офицера, ему подчиненного, была бы под седлом лошадь, лучшая, чем под ним. Он тогда “загрызет, съест” этого человека, пока не приобретет для себя лучшую, чем у другого, лошадь. В остальных случаях — он бессребреник.

И вот случай: фуражиры 3-ей сотни хорунжего Литвиненко везут воз сена, достав где-то в степи. И надо было случиться так, что они проезжали мимо штаба дивизии.

— Чье сено? — кричит с крыльца генерал Бабиев.

— Трэтий сотны Корныловського полка! — отвечает урядник.

Надо сказать, что генерал Бабиев очень любил командира 3-ей сотни хорунжего Литвиненко. И любил его не только за личную храбрость, но любил его и “за смелое слово” ему же, генералу Бабиеву. Любил Бабиева и Литвиненко. Бабиев это знал, и он кричит-командует уряднику:

— Вези ко мне во двор!

— Ныкак нет, Ваше превосходытэльство! Цэ сино для нашой сотни!

— Вези сюда и скажи своему командиру сотни, что сам генерал Бабиев приказал, — безапелляционно поясняет Бабиев.

Хорунжего Литвиненко казаки любили и глубоко уважали, но знали, что за промах, за трусость и другие провинности — “вин рознэсэ” в пух и прах.

— Та мэнэ хорунжий Литвынэнко убье, як я прйиду бэз сина? — взмолился урядник.

— Вези сюда, во двор! — вторично командует Бабиев, и урядник отдал свое сено, с таким трудом найденное для сотни, может быть, “на одну закладку”.

Хорунжий Литвиненко приходит ко мне и злобно докладывает об этом, хотя отлично знает, что помочь ему я не смогу.

— Тэпэр я, заказав козакам шоб воны за взрсту мыналы цэй наш штаб дывызыи! — для успокоения себя говорит мне он.

Бабиев приехал в наш штаб полка на тройке рыжих донских кобылиц, неуках, и на захудалом тарантасике. Он почему-то в гимнастерке и без шашки, что так не похоже на него. Это он просто совершает “прогулку по селу”, как сказал мне, добавив, что эти кобылицы-неуки — не поддаются выезде под седлом. Но он одного не знал, что горячего характера человеку — трудно выездить лошадь-неука.

Грязь в селе ровно по ступки колес. И его “тройка”, и экипажик, и он сам, в брызгах, в грязи. Со мной он и теперь откровенен, словно он сотник, а я хорунжий. Поговорив о делах и “о сене Литвиненко”, заговорили о пластунах.

— Не нравятся мне ни Ходкевич, ни Цыганок, — как-то смущенно говорит он. — Все это старые перешницы... в отставку им надо.

На это я ему ничего не отвечаю, так как знаю, что и он им не нравится.

— Вы давно знаете генерала Бабиева? — в этом же селе Приятном спросил меня полковник Цыганок.

— Давно... а что? — отвечаю ему, очень приятному на вид старому полковнику, смуглому лицом, спокойному и, вижу, серьезному.

— Да уж больно он молод... и горяч! И не уважает старших, — отвечает он. Генерал Ходкевич стоит здесь же и молчит. Этим “старикам” было около 50 лет.

Когда прибыл в Приятное штаб дивизии, то генерал Бабиев приказал очистить дом и весь двор, в котором помещался генерал Ходкевич со своим штабом пластунской бригады, чтобы занять все своим штабом. Генерал Ходкевич, старик, возмутился, но... очистил. Поэтому-то он и молчит сейчас.

Я начинаю “не узнавать” своего молодецкого, скромного и бесребреника полковника Колю Бабиева. Генерал Бабиев становится хуже полковника Бабиева. Положение людей меняет, но у нас с ним остались все те же дружеские и доверительные взаимоотношения. Об изменении их я и не думал.

В селе Приютном я люблюсь своим родным 1-м Кавказским полком. Хотя состав казаков наполовину изменился, но врожденное молодечество и “поворотливость” их остались те же по станичному наследству. Ко мне приходят урядники и казаки Великой войны на Турецком фронте, и мы только и говорим о прошлом и о том, как наш молодецкий полк не гнулся и в беде.

В Кавказский полк вернулся после ранения наш старший брат Андрей, сотник и мой сверстник по полку мирного времени есаул Храмов. С есаулом Михаилом Казаковым — они мощь и традиции полка, а я для них — всегда желанный гость. Казанов дружески смотрит на меня, потом на брата и Храмова, и любовно произносит — “Кавказская старшина”. Да, мы были коренные и старшие кавказцы.

1-м Кавказским полком в бою фактически командует он — доблестный офицер Кубани. При мне, на глазах всего Корниловского полка — бросившись вперед с тремя сотнями — он схватил с головы свою косматую белую папаху, жестоко потряс ею в воздухе над головой, потом “ткнул” в сторону красной конницы, подступившей к Приютному, — и его сотни сразу же перешли в широкий намет. А он — впереди всех своих казаков...

Корниловский же полк был брошен на помощь 1-му Таманскому полку, ведущему бой у села Крутик (стык Ставропольской, Астраханской губерний и Донской области). До него верст 12-15. По полю глубокий снег и холодно. Развернутым строем, “в линию колонн”, рассекая снег, широкой рысью полк идет ровным полем. От Приютного видны как на ладони и село Крутик, и село Кормовое. Последнее на высоком крутом плоскогорье, и от него еще яснее видно все, даже и за Маныч, до села Дивного включительно. В общем красным видно движение даже одиночных наших всадников.

У села Крутик протекал болотистый ручей с крутыми берегами и единственной греблей. За ними, на берегу, само село. Мы этого не знали. 1-й Таманский полк напоролся на огонь красных из дворов села — и уже отступал с ранеными. Вдали, на снегу, видны были трупы убитых казачьих лошадей. Огонь красных прекратился. И когда этот казачий полк отходил по очень снежной дороге в Приютное — думаю, что красные, в своих теплых хатах, уже ели горячий ужин.

Тогда в 1-м Таманском полку было около ста шашек в строю. У них худые лошади. Отступавшие казаки “замурованы” в башлыки так, что видны только нос и глаза. Впереди этой небольшой группы казаков шел верхом полковник Штригель. Он временно командует полком. Остановив свой полк, поскакал к нему. На мой доклад как старшему в чине о прибывшей помощи — он безразлично махнул рукой и мягко ответил:

— Никакой поддержки мне не нужно... возвращайтесь также в Приютное.

До моего прибытия в полк отряд генерала Бабиева уже был в этих местах, достигнув села Ремонтного включительно. Под последним был довольно жестокий бой 19 января. Там сильно пострадал наш полк, и были ранены сотник Кононенко и хорунжие Твердохлебов и Бэх (большой). По рассказам офицеров — красные захватили в плен даже две сотни пластунов. И Бабиев должен был со всем отрядом отступить за Маныч. Теперь красные занимают командные высоты у села Кормового. Вытеснив белых из этого района, явно красные не хотели отдать его обратно.

Оставаться в Приютном, на равнине, имея в тылу Маныч, видимо, не было смысла, и Бабиев ночью вернул весь отряд в село Дивное, где оставались обозы частей. Через сутки

Корниловский полк был отправлен на запад в село Киевское, где начался период боев и полугодного существования лошадей, а для казаков — изнуряющая болезнь “испанка”.

ТЕТРАДЬ ДЕСЯТАЯ

26 декабря 1918 г., на станции Торговая, во время свидания командующего Добровольческой армией генерала Деникина и Донского атамана генерала Краснова, состоялось соглашение о подчинении первому Донской казачьей армии. Объединив командование Добровольческой и Донской армиями, генерал Деникин принял звание “Главного командующего Вооруженными Силами на Юге России”.

29 декабря того же года генерал Врангель назначен был командующим Добровольческой армией. Командиром 1-го Конного (Кубанского казачьего) корпуса назначен был начальник 1-й Кубанской казачьей дивизии генерал Покровский, причем его дивизия включалась в состав корпуса, взамен 2-й Кубанской казачьей дивизии генерала Улагая.

Начальником 1-й Конной дивизии, по возглавлении генералом Врангелем 1 -го Конного корпуса — долгое время оставался временно генерал Топорков, будучи официально командиром 1-й бригады этой дивизии. При наступлении на Терек — эту дивизию возглавил генерал Шатилов (Генерал Врангель. Белое Дело, т. 5, стр. 105 и 106).

Дальше генерал Врангель пишет, что генералом Деникиным предположено: “Войска, действующие в Каменноугольном районе и в Крыму, — объединить в армию, поставив во главе ее генерала Боровского, с присвоением этой армии наименования “Добровольческой”; вверенная же мне армия — получит наименование “Кавказской”.

Известие о предстоящем переименовании моей армии меня огорчило. Вся героическая борьба на Юге России, неразрывно связанная со священными для каждого русского патриота именами генералов Корнилова и Алексеева, велась под знаменем “Добровольческой армии”. Каждый из нас, сознательно шедший на борьбу, предпочел это знамя знаменам Украинской, Астраханской и других армий. Пойдя под это знамя, я решил идти под ним до конца борьбы. Генерал же Деникин, учитывая, что большая часть “не казачьих” добровольческих полков должна была войти в состав армии генерала Боровского, — полагал, что этой армии принадлежит преимущественное право именоваться Добровольческой. Я предложил генералу Деникину сохранить за обеими армиями дорогое войскам название “добровольческих”, добавив к нему наименование по району действий армий.

В конце концов, моя армия получила название “Кавказской Добровольческой”, а армия генерала Боровского — “Крымско-Азовской Добровольческой”. 10 января 1919 г. я вступил в командование армией” (там же, стр. 107 и 108).

Кавказская Добровольческая армия, состоявшая почти полностью из кубанских строевых частей и имевшая фронт от Маныча и до Кавказских гор — главной своей массой — устремилась для освобождения Терека, на юг со стороны Ставропольской губернии, и с запада, по железнодорожной магистрали Армавир—Петровск, и со стороны Баталпашинской станицы. Минеральные Воды были еще в руках красных.

“Безостановочно гоня красных, генерал Улагай 24 декабря 1918 г. овладел селом Благодарным и 4 января 1919 г. захватил базу Таманской красной армии — Святой Крест, овладев здесь огромными запасами” (там же, стр. 106).

“Конница генерала Топоркова усиленным маршем перерезала железнодорожную ветку Святой Крест—Георгиевск, отрезав путь бегущим на юг красным эшелонам. Генерал Ляхов продолжал теснить противника к Минеральным Водам. Части генерала Топоркова — 1-я Конная дивизия и генерала Крыжановского — 1-я Кубанская казачья дивизия, под общим командованием генерала Шатилова, после двухдневного боя — 8 января овладела г. Георгиевском (жел.-дорожный узел).

1-й Конный (Кубанский казачий) корпус, неотступно идя на плечах противника, беспрерывно продвигался вперед, захватывая пленных, орудия, пулеметы и обозы. Спеша нагнать свой корпус, через Минеральные Воды проехал генерал Покровский. Конницей последнего занят Моздок, Грозный, Кизляр. За -12 дней преследования конница генерала Покровского, т. е. 1-я Конная и 1-я Кубанская казачьи дивизии, прошла 350 верст.

Одновременно с занятием генералом Покровским Кизляра и Грозного — Кавказская казачья дивизия генерала Шкуро (хоперцы) и пластуны генерала Геймана, после упорного боя, овладели Владикавказом. Северо-Кавказская красная армия была разгромлена полностью, Северный Кавказ был освобожден” (там же, стр. 107-109, 113).

20 января 1919 г., в Минеральных Водах им отдан приказ № 3 об очищении от красных Северного Кавказа. Перечислены захваченные трофеи, которые были колоссальны. Одно странно, что Врангелем не упомянуты части Терского войска, участвовавшие в освобождении своего Терека, словно их там и не было. Но есть несколько колоритных строк о славных терских казаках, помещенных Врангелем на стр. 112 и 113, которые здесь и привожу:

“Освобожденный от красного ига Терек поднимался. Станицы, через которые мы проезжали, кишели народом. Скакали спешившие на сбор, к станичному правлению, казаки. Шли в праздничных нарядах статные, красивые казачки. На околице одной из станиц мы встретили человек пять казачат с винтовками. Автомобиль завяз в грязи, и, пока подоспевшие казаки его вытаскивали, я разговорился с казачатами:

— Куда идете, хлопцы?

— Большевиков идем бить... тут много их в камышах попряталось, як их армия бежала. Я вчерась семерых убил, — в сознании совершенного, заявил один из хлопцев, казачонок лет двенадцати — в бешмете и огромной мохнатой папахе.

Никогда за все время междоусобной брани — передо мной не вставал так ярко весь ужас братоубийственной войны...” — так интересно, сердечно и чутко закончил генерал Врангель описание “Освобождение Терека”.

Доблестный генерал Фостиков, тогда войсковой старшина, а потом полковник, командир 1 -го Кубанского полка и временно командующий бригадой во 2-й Кубанской казачьей дивизии генерала Улагая, очень сжато, но рельефно описывает действия своего полка и дивизии у села Петровского и до Святого Креста включительно, перечисляя и захваченные им трофеи. Он пишет, что при движении на Благодарное и Святой Крест из 2-й Кубанской дивизии был взят 1-й Полтавский полк, для усиления фронта сел Дивное, Приютное, так что генерал Улагай с тремя полками — 1-м Кубанским, 1-м Лабинским и 2-

м Кубанским — занял Благодаренский и Свято-Крестский уезды Ставропольской губернии и взял у Таманской красной армии Святой Крест, по занятии которого — сдал дивизию генералу Репникову*. Командиром 1 -и бригады был назначен полковник Говору-щенко*. Улагай уехал в отпуск.

“За время пребывания в этом районе, — пишет Фостиков, — мною были взяты в плен: штаб 11-й пехотной красной дивизии, две роты пехоты, 20 пулеметов и 20 орудий. Сдался начальник конной дивизии Таманской армии Кочубей с двумя эскадронами мобилизованных молодых казаков-кубанцев, в возрасте 18-19 лет”. О Кочубее он пишет, что, “поссорившись в Астрахани с красным командованием, — он ушел оттуда, заблудился в Астраханских песках, где потерял до 90 процентов состава своих частей, и заболел тифом сам”.

Обо всей этой операции на Тереке генерал Деникин пишет: “Овладение нами Святым Крестом, помимо огромной военной добычи, которую представляла эта передовая база всего Северо-Кавказского советского фронта, окончательно лишало остатки 11-й армии северо-восточных путей отступления. Это был полный разгром противника — тактический и моральный — требовавший лишь неотступного преследования. К середине января 1919 г. Северо-Кавказского советского фронта уже не существовало. Оставались только разрозненные отряды.

Стотысячная армия Северо-Кавказского большевистского фронта перестала существовать. Она оставила в наших руках 50 тысяч пленных, не считая больных и раненых, 150 орудий, 350 пулеметов и огромное количество всякого военного имущества” (Очерки Русской Смуты, т. 4, стр. ПО, 111 и 113).

Выступая в начале февраля месяца перед Большим Войсковым Крутом на Дону, генерал Деникин сказал следующее: “Доблестные кубанские казаки, которым посчастливилось освободить уже свою землю, и которые самоотверженно сражались в Терско-Дагестанском крае, dokonчили его освобождение и поспешат на помощь Дону” (стр. 79).

Это генерал Деникин сказал потому, что — “к началу февраля 1919г. обстановка на нашем северном фронте коренным образом изменилась. Первоначальная линия фронта, подходившая к Курску и Воронежу и обусловившая возможность выполнения этого плана — с падением Гетманской и Петлюровской Украины, — откатилась уже к Азовскому морю.

Донская армия, доходившая до Лиски, Поворина и Камышина —• упавшая духом и совершенно расстроенная — находилась в полном отступлении к Северному Донцу и к реке Салу. Чувство усталости и безнадежности охватило не только казаков, но и часть донской интеллигенции. Советские войска наступали почти безостановочно, направляясь на Новочеркасск. Круг, Атаман, Правительство Дона указывали на смертельную опасность, угрожающую Дону и просили помощи. На Царицынском направлении Донские войска, в значительной мере потерявшие боеспособность — под напором красной конницы Думенко медленно, но почти безостановочно отходили к Манычу. Донская армия, имевшая в декабре 1918 г. 50 тысяч бойцов, отошла за Донец в феврале 1919 г. с 15 тысячами” (там же, т. 5, стр. 72, 73).

Для спасения “общего положения” и сохранения Донецкого каменноугольного бассейна в своих руках “с началом февраля 1919 г. на север потянулись эшелоны Добровольческой армии — в голове 1 -я Кавказская казачья дивизия генерала Шкуро, за ней 1-я Кубанская казачья дивизия корпуса генерала Покровского и 1-я Терская казачья дивизия генерала

Топоркова) и другие части. Появление помощи оказало решительное влияние на поднятие духа войска Донского” (стр. 73).

Возможно, что в связи с этими событиями на Донском фронте и чтобы отвлечь на себя противника — 26 февраля 1919 г. генерал Бабиев, со всем отрядом перейдя Маныч, двинулся в наступление на село Кормовое Астраханской губернии, являвшееся тактическим ключом красных.

Бой под селом Кормовым Астраханской губернии

Наше наступление началось с утра. Стоял холодный и неуютный февральский зимний день. Затверделый снег покрывал все поле. Дул холодный восточный ветер. В этот день не показалось и солнце. Красные, верные своей системе, встретили казаков у самого села на буграх, и завязался бой.

Пластуны генерала Ходкевича наступали в лоб, с юга. Конница действовала на флангах - - Корниловский, 1-й Черноморский и 1-й Кавказский на левом, а 1-й Таманский и 2-й Полтавский — на правом. Полки имели по 150-250 шашек каждый, а в спешенном порядке — на одну треть меньше. Наши редкие цепи спешенных казаков были не только что бессильны, а просто слабы. Фланговые сотни маячили в лавах. Чувствовалось превосходство в силах красных, и они занимали командные бугры. Корниловский полк действовал на самом левом фланге, что давало инициативу. Отлично работали пулеметы сотника Мартыненко.

Цепи полка продвинулись вперед. Мы рассматриваем убитых и тяжело раненных лошадей красных, оттеснив их лавы. Эти лошади были не только что в хороших “телах” и донской породы, но были и чищены, т. е. за ними был должный уход. Я понял, как поняли и мои офицеры, что конница красных гораздо сильнее нашей и бороться с ней будет нелегко.

На левом фланге полка тяжело ранен командир 5-й сотни хорунжий Шеховцев. Наше наступление как бы застопорилось. Уже стало вечереть. Было очень холодно и голодно. Мне становится подозрительным, что красные конные, поодиночке и по два, через каждые одну-две минуты, переваливая бугорок, все время движутся в село с севера. Мне с фланга хорошо видно, но это не видно другим полкам за постройками села. Позади своих цепей, с ординарцами, еду вправо к командиру Черноморского полка полковнику Малышенко как к ближайшему по участку и старшему в чине — доложить и предпринять сразу же атаку двумя полками и захватить село, что считал возможным, атакуя с фланга.

Позади цепей мы идем рысью. Красные открыли беглый огонь. Это так неприятно, когда пули щелкают сбоку. Казаки крутят головами и, словно защищаясь от удара слева, свои лица сдвигают вправо. Значковый, чтобы скрыть обозначение “штаба полка”, опустил полковой флаг полотнищем книзу. Я смеюсь, но ничего ему не говорю, не упрекаю “за трусость”... Проскочили. Впереди отвесной глыбы, защищаясь от ветра, стоит Малышенко со своим штабом полка и командирами левофланговых сотен кавказцев — есаулом Храмовым и сотником Елисеевым, нашим старшим братом, Андреем. Они смеются, что “черт меня принес к ним, чем вызвал сильный огонь красных и по ним”, но я, увидев брата, испугался. “А вдруг, — думаю, — его сейчас убьют в бою!” За глаза это не так страшно, так как ничего не знаешь и считаешься с совершившимся фактом. Но, когда сам здесь, и это может совершиться на твоих глазах, это страшно. Видимо, и брат испытывал те же чувства, но только сильнее. Он ведь для меня за погибшего отца. К тому же я

буквально выскочил из боевого огненного пламени. Он с неестественной улыбкой смотрит в мое лицо и осматривает всего и меня, и моего коня.

— Федя!..Да под тобой конь ранен! — говорит он и, нагнувшись к правой передней ноге коня, стал осматривать рану. Я скосился с седла и вижу — выше венчика струйка крови брызжала в сторону. Пуля задела только кровеносный сосуд.

Я выражаю Малышенко свой план атаки, но он, выслушав, с улыбкой отвечает — “на это нет распоряжений начальства...”

Вернулся к полку. Уже чувствовалось приближение сумерек. За весь день мы не видели солнца. Наше положение на снегу, на подъеме к селу Кормовому, было неопределенное на ночь и неприятное. И вдруг, в предвечерних заморозках, по линии прозябших, проголодавшихся казачьих цепей — прокатилось радостное: “Выслать квартирьеров в штаб дивизии... Квартирьеров в штаб дивизии!”

Уставшие и замученные в холоде — полки облегченно вздохнули, предвкушая теплоту приближающихся квартир и горячую пищу. Одна из сотен кавказцев на широких рысях двинулась к селу, вошла в него и скрылась из наших глаз. Но то, чего мы совершенно не предполагали, — свершилось неожиданно: сотня, широким наметом, кубарем “валилась” из села, а за ней явилась кучная масса красной конницы и с криком, шумом, гамом резко обрушилась на наш левый фланг, в стыке Черноморского и Корниловского полков. На наше счастье, с вызовом квартирьеров были немедленно вызваны и коноводы, в противном случае была бы полная катастрофа. От неожиданности наша конная контратака разрозненных полков — не была возможна. И напрасно доблестный сотник Мартыненко “горячо строчил” на наседающую конницу красных из всех своих 12 пулеметов, сев даже сам за один из них — “первым номером”, и напрасно офицеры командовали-кричали: “Стой!.. Стой!” Борьба за командное тактическое положение фронта и борьба за теплый ночлег и горячий ужин — красным были так же дороги, как и нам.

Полки не выдержали, и весь фронт покатился вниз. Корниловцы и черноморцы, быстро свернувшись в резервные полковые колонны, рысью шли в направлении села Крутик. До него было около пятнадцати верст. Красные следовали за нашей “отколовшейся” бригадой и грозно, грязно матерно ругались вслед нам. Глубокий снег и наступившая темнота не дали им возможности развить удара. Красные остановились; и в ночной темноте — мы еще слышали их брань вслед нам. И наши два полка, под начальством полковника Малышенко, глубокой ночью вошли в село Крутик и расположились по квартирам.

Красное командование нас перехитрило. Как я и заметил со своего фланга расположения полка — красные, “цепочкой”, скопили свою конницу в северной окраине села и к вечеру прекратили огонь. Бабиев понял, что они оставили село, почему и вызвал квартирьеров. Вскочившая в село сотня кавказцев была под командованием сотника Елисеева. Она дошла в селе до церковной площади, где и обнаружила конницу красных. Немедленно повернув назад и сбив по пути отдельных красных всадников, — вырвалась. На войне, в боях, бывают такие курьезы, которые никак нельзя предусмотреть в мирное время. Один из них был в этот день 26 февраля 1919г.

Расположив полк по квартирам, явился к полковнику Малышенко, чтобы условиться о сторожевом охранении и о планах завтрашнего дня. Должен сказать, что в самом начале 1913 г. он, в чине подъесаула, прибыл к нам в Оренбургское казачье училище на должность сменного офицера, а я был тогда юнкером выпускного класса. Теперь я

встретился с ним впервые с тех пор, но мы уже оба командиры полков. Явно, что у меня еще остался перед ним респект юнкера.

Он принял меня очень любезно. У него хорошая квартира. Он, видимо, любил уют. И его штабные офицеры это знали, что было видно по всему. Все в доме работали энергично, и горячий чай и закуска были уже готовы.

Условились, что в сторожевое охранение будет выдвинута одна сотня корниловцев. Я хотел уйти, но он меня задержал по одному вопросу.

— Вы знаете, Ф.И., что должна формироваться Кубанская армия? — спросил он. — Как Вы смотрите на это? — добавил.

К нам на фронт не приходили никакие газеты, кроме “Великой России” — органа Главного командования, где печатались все приказы. Мы что-то слышали об этом, и в случайных беседах между собой, обыкновенно с командирами сотен, этому сочувствовали. Сочувствовали не политически, а вернее — практически. Имея свою Кубанскую армию, мы считали, все казаки более охотно будут идти на фронт, дружнее можно воевать в “единой Войсковой Силе”, а главное — тогда будет надежнее снабжение полков и фуражом и провиантом из своего же войскового интенданства. Всем, кто был на фронте Великой война 1914-1917 гг., известно, что у Государственного интенданства казачьи части были как бы пасынками. Все это я выразил Малышенко. Выслушал он внимательно и ответил отрицательно, т. е. против создания Кубанской армии.

— В Кубанской армии может быть не больше трех корпусов, — сказал он спокойно. — И вот я и другие офицеры Кубанского войска могут достигнуть только должности командира корпуса, и дальнейшая карьера их прекратится. В Русской же армии я могу достигнуть и высшей должности, — закончил он.

Мы, юнкера Оренбургского училища, как и юнкера сотни Николаевского кавалерийского училища в Петербурге, куда он скоро был переведен, отлично знали характер и воинскую эрудицию Малышенко. Его мечты быть командиром корпуса — были напрасны.

Кавалерийские сигналы

Не задерживаясь у Малышенко, с ординарцем проехал в штаб своего полка. Он расположился также на церковной площади, в хорошем кирпичном доме сельского священника, расстрелянного красными в 1918 г. Матушка занимает только две комнаты. Большая столовая пуста. При моем появлении — она, сложив руки ниже груди, ласково, скромно кланяется мне. Она молода, скромна, чистенькая, приятная, интеллигентная и по-городскому одета. Здороваюсь с ней и ободряю. Здесь уже ждут меня все командиры сотен, в ожидании распоряжений. Боевая обстановка была им хорошо известна, как и мне. В сторожевое охранение была назначена вся 1-я сотня. Полкового адъютанта сотника Малыхина со мной нет. Он остался с канцелярией и обозами в Приютном и удачно, своевременно, прислал полку кое-что из провизии и двухведерный бочоночек красного вина, только что прибывший из Святого Креста. Хорунжий Литвиненко, самый смелый на слово, предлагает “спробовать його... якэ воно?”

Находя это несвоевременным, я все же спросил присутствующих — “как Вы смотрите?”

Все были голодны. На холоде провели весь день, так неприятно закончившийся. Решили поужинать вместе. Позвали всех офицеров. У матушки оказался богатый и большой сервиз к столу. Поужинали и разошлись. Все село погрузилось в сон. После полуночи я почему-то проснулся и слышу: по улице, по замерзшим кочкам грязи, крупной рысью “стучит” казак. Интуитивно почувствовал, что он несет неприятную весть. Прислушиваюсь. Соскочив с коня и быстро войдя в комнату спавших ординарцев, он негромко, но тревожно произнес:

— Будите скорее командира полка!. Красные наступают!
Казак мигом вскочил на ноги и бросился к лошадям.

Один из них, стуча в дверь, громко произнес:

— Господин есаул! Тревога!

Есаул Лопатин, мой помощник, спал со мной в маленькой комнатке, на полу. Он тут же вскочил. Я же крикнул в дверь:

— Трубач! Труби тревогу!

И он “зацокал” на сигнальной трубе спящему селу уставших казаков, в лютый мороз, за полночь времени: “Тревогу трубят... скорее седлай... но без суеты... оружие оправь, себя осмотри... и тихо на сборное место веди коня — стой, равняйся и приказа жди!”

Таковы слова тревоги кавалерийского сигнала — цокотанием, тревожным цокотанием, с перерывами первой строчки его, а потом — резко, тревожно, часто половину второй строки, и растяжно, чтобы все поняли, и по всему пространству, куда долетят звуки трубы, — растянул: “и приказа жди-и...”

Всех, кажется, 39 кавалерийских сигналов мы, юнкера, должны были знать текст наизусть и на уроках строевого устава — пропеть поодиночке перед своим сменным офицером. За давностью лет, возможно, порядок слов частью забыт мной, но все они точны.

Каждого истинного конника мотив этого сигнала волнует и опасностью, и любопытством. Опасностью потому, что он подается только во время неожиданного случая, а любопытством потому, что хочется знать, — что же на самом деле случилось? И какова эта опасность?

Боже мой, что случилось “с казачьим селом”?! Сотенные трубачи подхватили сигнал в своих районах. По улицам уже скачут сотни к штабам полков. Ординарцы бросают в полковую тачанку вчера привезенные продукты. Все делается с исключительной поспешностью. Матушка помогает моим казакам. Не дождавшись всех сотен — с прибывшими скачу к ветряной мельнице, к северу от села, в сторону противника, к своей сторожевой сотне. Распорядительный сотник Мартыненко своими пулеметами на линейках уже занял бугры у мельницы, но сторожевая сотня отошла к нам, и командир ее докладывает, что идет наступление красных, и в ночной темноте, по морозной дороге, был слышен цокот их орудий. Не прошло и пяти минут после доклада, как раздалось два орудийных выстрела и шрапнель разорвалась над мельницей. Все это было так неожиданно — ночью и... из пушек.

Но это было только начало, “пристрелка”. За ними — грянули сразу четыре выстрела. У нас же только пулеметы. И пока я раздумывал — что делать? — как прискакал казак “от бригадного командира Малышенка” с приказанием — “Корниловскому полку отступить за село, за речку”.

Было совершенно темно. Еще не всходила и заря. Чтобы “не разорваться” — взводной колонной, широкой рысью, веду полк к переправе. 1-й Черноморский полк уже переправился на ту сторону речки Крутик. На этом берегу ждал корниловцев Малышенко со своими ординарцами. С ним полк и двинулся к переправе.

Болотистую речку Крутик с обрывистыми берегами пересекала единственная гребелька, шириной для проезда одной повозки. Гребелька земляная, обледенелая, с выбоинами. Казаки могли идти по ней только в колонне “рядами”, т. е. по два всадника. И только что полк взошел на нее, как красные перенесли обстрел артиллерии по гребле и гранатами. И так ловко!

На наше счастье — гранаты рвались рядом с греблей, но каскады воды и грязной тины летели вверх, обдавая собой греблю и казаков, делая ее мокрой и скользкой. Уже сорвалось с гребли несколько казаков с лошадьми и попадали в тину, и мы не знаем — убиты ли они или ранены! Малышенко не показывает страха, спокойно отдает распоряжение впереди идущим, и он мне в этот момент нравится.

Задние ряды казаков напирают на нас, и с хвоста колонны слышатся крики: “Рысью!.. Рысью!..” Нам были очень понятны эти выкрики, и мы перешли в аллюр рысью. Мы не совсем благополучно прошли эту отвратительную болотистую речонку почти со стоячей водой, но больше пострадал в потерях людьми и лошадьми, почему-то, Черноморский полк, хотя он и не был на позиции и переправился раньше Корниловского полка.

Выйдя из сферы досягаемости артиллерийского огня, полки остановились. А когда развиднелось — мы глупо стояли, не зная — что же дальше? Стали делать проверку людей. Командир 1-й сотни с грустью доложил мне, — убит вахмистр сотни. Я его хорошо знал: это был молодой и очень авторитетный подхорунжий, получивший звание за боевые отличия. Офицерский состав не пострадал. От Бабиева получено распоряжение: Корниловскому полку идти в Приятное, а Черноморскому прямым путем перейти Маныч и расположиться в своем селе Кистинском.

В ночь на 28 февраля — весь отряд Бабиева также перешел Маныч и расположился по квартирам в своем старом селе Дивном.

“Под винтовкой”. Полковник Малышенко

Получив дневку, 29 февраля Корниловский полк был отправлен в село Киевское, которое находилось западнее села Кистинского, на южном берегу Маныча. На этот раз полк выступил со всеми своими обозами и “хвостами”, которых в каждом полку было много. Полку указывалась задача — охрана этого района и разведка в направлении села Крутик Астраханской губернии.

В этот день полк ночевал в Макинских хуторах и 30-го, через Кистинское (мужики называли его “Киста”), направился в свое село. Оно было в 60 верстах от Дивного.

Если на северном берегу Маныча стоял еще твердый снег, то по эту сторону — все утопало в густой липкой грязи. Причина та, что там была песчаная почва, а здесь жирный

чернозем. Но когда полк вошел в Кистинское — он словно окунулся в болото. Жидкая грязь переваливала ступки передних колес линеек. Порой эти колеса не крутились, а скользили, словно плыли по жидкой грязи. И три лошади едва тянули свою пулеметную линейку.

Мы на площади Кисты. У одного из маленьких чистеньких домов видим полковой флаг Черноморского полка. А на тротуаре, впереди флага — стояли, не шевелясь, три казака с обнаженными шашками. Я вначале подумал, что это стоят часовые, но оказалось, это были наказанные казаки, по уставному термину — “под винтовку”. И это на фронте!.. В такой грязи!.. И в непосредственной близости к противнику!.

Здесь я должен остановиться на следующем: еще в мирное время, в нашем 1-м Кавказском полку, старшие благоразумные офицеры говорили, что наказание казаков “под винтовку” следовало бы отменить, как вредное для здоровья человека, в особенности в кавалерии. Наказание это приводилось в исполнение всегда в послеобеденное время, т. е., когда все воинские чины отдыхали два часа, наказанные же должны страдать физически. А после отбытия наказания — идти на учение вместе с другими, отдохнувшими. Воинский чин устал “под винтовкой” в неподвижности двух часов, явно он обозлен, и учение уже не шло ему впрок. Некоторые злостные начальники ставили наказанных под солнцем, чтобы еще больше усугубить это наказание. И если таковых начальников было немного, то они все же были.

В кавалерии — на дню три раза уборка лошадей. Утренняя уборка начиналась еще при темноте, а вечерняя — при заходе солнца. Естественно, что людям должен быть физический отдых. А тут ему дают “двухчасовое наказание” — быть недвижимым с обнаженной шашкой. И за всю Турецкую войну 1914—1917 гг. — никто из офицеров нашего полка и не подумал наказывать казака “под винтовку”.

По воинскому этикету — всякий начальник проходящей части должен представиться старшему начальнику квартирующей воинской единицы. Со своим помощником есаулом Лопатиным и полковым адъютантом сотником Малыхиным вошли к полковнику Малышенко. Кстати сказать, Лопатин при нем окончил Казачью сотню Николаевского кавалерийского училища в июне 1914 г. и хорошо знал своего придирчивого сменного офицера подъесаула Малышенко. Командир черноморцев был очень любезен. Стояли дни масленицы, о которой мы и забыли, но у Малышенко блины. Он угощает нас ими, под малую толику водки, а за окном, спиной к нам — недвижимо стояли три казака “под винтовкой”... Я не выдержал и лукаво спросил — “за что наказаны?”

— Заслужили... вот и поставил, — ответил он просто, но с намеком, дескать, “не Ваше дело”...

По военному училищу мы знали Малышенко как строгого “пунктуалиста”, который считал, что “всякий проступок нижнего чина не должен оставаться безнаказанным”, как говорит устав внутренней службы. И это я лично испытал на себе: по выходе сотни юнкеров в лагерь, он, будучи моим командиром взвода, за маловажный проступок дал мне четыре наряда дежурства на конюшню. Дал дежурство именно на конюшню, как самый неприятный наряд, но не дежурство по сотне или по кухне. Взводные портупей-юнкера не несли сотенного наряда по своей должности, и вот — я его получил... Это было ровно за три месяца до производства в офицеры. Я это не забыл, уже не сердился на него, но вижу, что он не переменялся.

Учтиво распрощавшись, к вечеру полк прибыл в свое село Киевское, где пришлось пробыть больше месяца. Село большое, богатое, но грязь в нем — непролазная.

Здесь, по южной стороне Маныча — стал фронтом 2-й Кубанский конный корпус генерала Улагая, в который входили:

а) пять конных полков 3-й Кубанской казачьей дивизии генерала Бабиева с артиллерией — 1-я Кубанская казачья конно-горная батарея есаула Бондаренко и 5-я Кубанская казачья батарея полковника Певнева 2-го*;

б) 2-я Кубанская пластунская бригада генерала Ходкевича и

в) одна бригада 2-й Кубанской казачьей дивизии — 1-й Полтавский и 2-й Кавказский полки.

Корпус занял широкий фронт около ста верст, начиная от села Киевского на левом фланге, через Кистинское, Дивное, Воздвиженское с 1-м Полтавским полком полковника Мамонова* и до села Рагули на правом фланге, где стоял 2-й Кавказский полк полковника Просвирина. Оба фланга корпуса не имели никакой “живой связи” с соседними частями. Главные силы корпуса были сосредоточены в селе Дивном.

1-я бригада 2-й Кубанской казачьей дивизии — 1-й Кубанский полк полковника Фостикова и 1-й Лабинский полковника Шапринского — с занятием Святого Креста некоторое время оставались в том районе.

Об этих двух полках генерал Фостиков пишет мне лично так: “15 февраля 1919 г., из района Св. Креста, 1-й Лабинский полк был направлен в Медвеженский уезд Ставропольской губернии для подавления крестьянского восстания”.

Хотя это крестьянское восстание проявилось в той же Ставропольской губернии, юго-западнее расположения 2-го Кубанского корпуса — мы о нем не слышали. Крестьяне же, конечно, знали. Все это складывалось не в пользу их взаимоотношений с казачьими частями, расквартированными в селах.

Генерал Романовский, начальник штаба генерала Деникина, 15 февраля обратился с телеграммой к Донскому атаману генералу Краснову: “В Ставропольской губернии, в районе сел Медвежье и Летническое (соседние с Кубанью и Доном, Ф.Е.), на почве большевистской пропаганды, началось брожение, грозящее перейти в открытый мятеж”. Далее Романовский просит донские власти послать донцев для подавления беспорядков.

Следующая телеграмма Романовского от 17 февраля была послана Ставропольскому военному губернатору и генералу Науменко, военному министру Кубани, такого содержания: “Главкомандующий приказал соединенными силами направленными отрядов и гарнизонов Кубанских и Задонских станиц самым энергичным образом привести в повиновение восставшие села”.

Киевское село, в котором расположился Корниловский полк, было ближайшим к восставшим селам. Вот почему крестьяне этого села и встретили нас замкнуто, чтобы не сказать больше — враждебно.

Генерал Фостиков продолжает: “В первых числах марта 1-й Кубанский полк из-под Св. Креста, а 1-й Лабинский из Медвежьего, под общим моим командованием, были

переброшены на Маныч в район станицы Великокняжеской Донской области”. Где находился 2-й Кубанский полк полковника Лопаты, — он не помнит. Не указывается и артиллерия их дивизии.

Генерал Деникин пишет, что: “К началу марта 1919 г. за Манычем сосредоточилась группа генерала Кутепова — частью в районе станицы Великокняжеской, частью южнее у Дивного—Приютное. Численность ее была в 9-11 тысяч, но — кроме 2-го Кубанского конного корпуса генерала Ула-гая — прочие части ее находились в стадии формирования, и боевой эквивалент их был невысок” (т. 5, стр. 74).

На этой же странице, внизу, в примечании, указано — какие именно части были в периоде формирования и не обладали достаточно боевой силой. Это были: а) Горская дивизия, б) кадры формировавшихся на Дону бывшей “Астраханской Армии”, затем “Саратовского корпуса” и т. д.

В это же время, из состава 2-го Кубанского корпуса, перебросены под Великокняжескую 2-й Кавказский полк полковника Просвирина и 9-й Кубанский пластунский батальон полковника Цыганка. Об этом батальоне будет написано дополнительно.

Мапычский период. Пишущая машинка

И потянулись для казачьих полков нудные и монотонные дни на этом степном участке фронта, полные всевозможных лишений, невзгод и неприятностей. Крестьяне должны кормить полки. За все платили им мизерные “справочные цены”.

Начиная с середины 1918г. в этих селах перебивали разные строевые части войск, и белые, и красные. Каждый начальник выставлял свои жестокие требования: давать частям фураж, продовольствие, подводы. И, конечно, в конце концов почти полностью “объели” села и заморили крестьян. В селе Киевском стояла какая-то “белая” бригада калмыков, и крестьяне с ужасом вспоминают этот период времени:

— Ну, хай... били, красни... все ж свои русьскы люды... но ци, нэхрысты!.. Забыралы все, шо бачэ своима очыма, — жаловались бабы.

Такими поборами довели крестьян до того, что по весне — у них не осталось семян и для посева. Крестьяне “изворачивались” и прятали зерно, куда только могли. Они придумали ямы, такие — которые мы видели у курдов в Турции. Но горе было тому, если находили их... Тогда все зерно забиралось бесплатно, и мужику давались подзатыльники. Упрек “в большевизме” — был достаточен для приведения в исполнение любой экзекуции. Я совершенно не разделял подобные действия и строго запретил это. Для урегулирования всех житейских вопросов назначил есаула Лопатина комендантом села. Лопатин был офицер разумный, гуманный и умел говорить с простыми людьми. Крестьяне были довольны.

Получен приказ Главнокомандующего генерала Деникина о мобилизации двух призывных возрастов, которых надлежало отправить в тыл для пополнения Добровольческой армии. У Лопатина это прошло хорошо. Но бабы плакали, а мужики чесали в затылках... Лопатин сказал собравшимся хорошее слово и, выстроив мобилизованных, подал команду и сам запел “в ногу” солдатскую песню, всем знакомую — “Чубарики-чубчики, калина...” Мобилизованные выступили все. До Ставрополя дошли немногие — разбежались...

Из Дивного прибыл в наше село командир 2-го Полтавского полка полковник Преображенский, который предъявил мне предписание начальника дивизии генерала Бабиева следующего содержания: “В распоряжение полковника Преображенского назначить двух офицеров, как членов военно-полевого суда и десять казаков для выполнения постановления суда над неявившимися крестьянами по мобилизации”.

Хотя это меня удивило и возмутило, но приказ выполнить я должен. А так как “нам каждый гость дается Богом, какой бы не был он среды...”, как поется в застольной кавказской песне, и Преображенский прибыл к вечеру — то я собрал всех офицеров полка на ужин, чтобы и они знали о причинах прибытия гостя со столь неожиданным распоряжением.

Офицеры Корниловского полка умели веселиться, как и умели петь строевые казачьи песни и, в особенности, черноморские. Сотник Иванов, избранный тамадой, отлично вел дело и умело угощал серьезного, малоразговорчивого и сурового гостя, да так, что Преображенский сам назвался спеть нам романсы “соло”. У него оказался мощный баритон, и в пении он понимал.

Я его вижу впервые, и на меня он произвел хорошее впечатление старого служаки. За столом он рассказал, что окончил Иркутское пехотное училище, находясь в кавалерийском взводе, почему и вышел офицером “в гусары”. Теперь он командир казачьего полка, он любит казаков, а в особенности Корниловский полк, славный боевой, который великолепен, даже в офицерской пирушке, где видна такая сердечная спайка, каковой он не видел в других полках.

Приезд и задание Преображенскому — удивило всех офицеров. Никто из них не хотел быть добровольно членами военно-полевого суда. Пришлось назначить. Суд был короткий: двоих повесили за селом, некоторых выпороли, а остальных отправили под конвоем в уездное правление. Я был огорчен как представитель Добровольческой армии “на местах”. Довольно высокий ростом, стройный — Преображенский был строг и жесток. Службист.

Стоять изолированно с полком в далеком селе было приятно “для ремонта полка”. Никто нам не мешал в этом. И дружная офицерская семья корниловцев, совместно решив “что надо?” — всеми силами приступила к делу.

Старший полковой писарь Александр Шаратов, казак станицы Ильинской, доложил мне, что в сельском правлении есть пишущая машинка “Ремингтон” на полный лист. В полку же была старая и очень плохая на пол-листа. Я зашел и посмотрел. Машинка была совершенно новая. Меня сопровождал сельский староста, крестьянин лет 35, серьезный, толковый и не раболепствующий. Предложил ему продать ее для полка и слышу совершенно резонный ответ:

— Господин командир! Машинка принадлежит селу и куплена на общественные деньги. Она не продажная, так как нужна самим нам. Я, старший унтер-офицер Великой войны, прошу все это понять и не обижать нас.

Все это было сказано так просто и так правдиво, что меня обезоружило.

— Я Вам заплачу вдвойне ее стоимости, — подкупаю его.

— Денег нам не надо, господин командир, — отвечает он. — Да и что стоят теперь эти деньги? — парирует он, но держится почтительно.

В общем, староста села ни за что не хотел уступить нам машинку. Но я был удивлен, — почему ни одна стоявшая здесь воинская часть не реквизировала ее? И думаю: кто-то и когда-то все же отберет ее! И я говорю ему эту жестокую правду. Слово “реквизиция”, вижу, его испугало.

— Могу реквизировать ее и я, для нужд армии... но я этого не хочу делать. Я хочу ее купить у Вас по-хорошему! — внушаю ему как можно спокойнее.

Мои слова дошли до него, и машинку он уступил. Полк заплатил за нее 400 рублей и впридачу дал свою — маленькую и на пол-листа.

Прошло всего лишь несколько дней, как получено официальное требование начальника штаба дивизии: “представить машинку в штаб, в которой он нуждается”. На столь насильственное требование — полк не ответил.

“Реквизированную Вами пишущую машинку “Ремингтон” “на полный лист” в селе Киевском — начальник дивизии вторично требует препроводить в штаб, которому она нужна”, — получаю следующее требование.

“Пишущая машинка Ремингтон является собственностью полка. Она не реквизирована, а куплена. И она так же нужна полку, как и штабу дивизии. Требование исполню только за личной подписью генерала Бабиева”, — отвечаю в штаб. Ответа не последовало. Но я не успокоился, зная “власть” всякого штаба и характер Бабиева.

Несколько дней спустя Бабиев, без своего штаба, а только с адъютантами и ординарцами, прибыл в село Кистинское, в 1-й Черноморский полк, куда вызвал и меня для доклада о состоянии полка. Мне было приятно встретиться с ним, как и доложить обо всем лично, о чем не всегда можно писать. Он, как всегда — бодр и весел, но о машинке — ни слова. Но я-то помню об этом! И перед самым его отъездом, как бы “между прочим”, спросил о его распоряжении.

— Да отправь ее, а то этот Рябов-Решетин надоел мне с ней! — выкрикнул он и солдатски выругался по адресу своего начальника штаба.

Я понял, что если и теперь отказать — будет хуже... Машинку отправил, 400 рублей от штаба получил за нее, но пришлось отобрать и свою у старосты, так как она была единственная в полку. Приплатил немного и за нее, за свою же машинку, чтобы загладить всю эту неприятную историю.

Есаул Лопатин вызван в Екатеринодар, для службы в войсковом конном учебном дивизионе. Из старых корниловцев туда были приняты есаул Безладнов и сотник Демянник. В полк прибыли новые офицеры — подьесаул Козлов* и сотник Твердый*.

В полку появились чесоточные лошади, а среди казаков — цинга. Чесотку, безусловно, занес “беспризорный” табун донских отбитых лошадей, а цинга появилась от недостатка лука, перца, чеснока. Полк ставился в угрожающее положение обезлюдения и обезлошадения. Бездействовать было нельзя, чтобы сохранить часть в необходимой боевой готовности. Стояла стужа. Лошади в холодных сараях и всегда оседланы.

Противник ведь под боком. И все же казаки умудрялись мыть их горячей водой “с зеленым мылом” — единственным способом лечения.

Награждения казаков и офицеров

Приказом Главнокомандующего генерала Деникина — разрешено награждать казаков Георгиевскими крестами. За все старые бои в полк прислали около 200 крестов. Надо было отметить этот день особенно торжественно.

На большой площади села полк был построен в резервную колонну. После общего поздравления — полковой адъютант сотник Малыхин, по списку, вызывал казаков для выезда вперед перед строем. Половина награжденных отсутствовала — эвакуированы. Было холодно, дул восточный ветер. Под ногами лошадей грязь, слякоть. Потом пошла мелкая густая “крупка” (град), перешедшая в снег. И все это било в лица казаков. И под эту непогоду, проезжая вдоль длинного фронта, каждому казаку я вручал прямо в руки, кровью и доблестью заслуженные ими Георгиевские кресты. И думаю, как и не сомневаюсь, что все казаки, даже и награжденные — были очень рады, когда сотенные командиры повели их на теплые квартиры. Такова горькая ирония фронтовой жизни и в высокоторжественные моменты.

Одним из приказов Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России генерала Деникина — в Добровольческой армии упразднялся чин подполковника. Приказами по частям и учреждениям — все подполковники переименовывались в полковники. И так как Кубанские строевые части находились в подчинении генерала Деникина, то этот приказ полностью распространялся и на Кубанское Войско, т. е. упразднялся чин войскового старшины.

Должен сказать, что упразднение чина подполковника проектировалось еще к концу Великой войны, Императорской властью. Причина — для уравнивания в чинах офицеров армии с офицерами гвардии, в которой не было чина подполковника, где капитаны, ротмистры и есаулы производились прямо в чин полковника.

Ввиду постановления Кубанской Краевой Рады о формировании Кубанской армии и после долгих переговоров Кубанского правительства с Главным Командованием Добровольческой армии — генерал Деникин уступил право производства в офицеры и повышение в чинах в Кубанском Войске — войсковому атаману.

В связи с этим — Рада постановила, что, так как чин войскового старшины считается у казаков древним и почетным, то —

а) восстановить в войске чин войскового старшины, но вместо него

б) упразднить чин подьесаула.

И вот — согласно правилам, приложенным к Высочайшему приказу по Военному Ведомству 1915 г. № 681, и приказу Кубанскому казачьему войску о льготных производствах 1919 г. № 505 — предложено представить к производству в следующие чины всех выслуживших на фронте, но сотников — представить к производству прямо в есаулы.

Этот приказ мне не понравился. По Императорскому приказу 1915 г. за № 681, чтобы быть произведенным в есаулы, ротмистры, надо было прокомандовать на фронте сотней или эскадрой — один год и четыре месяца. Т. е. надо было иметь командный стаж. Теперь же, — кроме того, что сотни перескакивали через один чин, не требовалось и командного стажа. Это была явная несправедливость для тех, кто был подесаулом. Но, конечно, все сотни были очень рады. А их в нашем полку, с эвакуированными по ранениям или по болезни — было немало.

Я собрал всех наличных офицеров полка, и опросом, и по послужным спискам, с эвакуированными, выслуживших для производства в сотни и в есаулы, оказалось около 30 человек. На всех надо было приготовить наградные листы, персонально. Работы предстояло много. В помощь полковому адъютанту назначен сотник Васильев как человек образованный, опытный, серьезный, находящийся в полку с самого дня его формирования и знавший всех офицеров по службе, даже и эвакуированных. И работа началась.

По положению вышеупомянутых приказов, Императорского № 681 и Кубанскому Войску № 505 — офицерам, произведенным в следующий чин за боевые отличия, право на последующий чин исчисляется по предыдущему чину, который они имели до производства за боевые отличия, т. е. чин за отличия пропускался. По этому правилу я давно выслужил на чин войскового старшины. Командиров полков удостоивает к производству начальник дивизии, поэтому я и запросил генерала Бабиева его мнение. Он предписал прислать в штаб дивизии соответствующие требования, что мной и было сделано.

Так как это было “первое” узаконенное представление в следующие чины в гражданской войне за выслугу лет на фронте, и так как многие “очень засиделись” в тех чинах, которые они получили в Великой войне, то явно — все радостно волновались. В особенности сотни.

Зная канцелярскую рутину, и чтобы как можно скорее ее пройти — я запросил Бабиева — командировать с наградными листами в Екатеринодар, в войсковой штаб, полкового адъютанта сотника Малыхина*. Бабиев разрешил, утвердил представления, и Малыхин “полетел” в Екатеринодар “быстрее лани”...

Сотник Малыхин по короткому времени пребывания на фронте не выслужил ценза для производства в есаулы. Но по своим летам, по образованию, по знанию службы и сознанию офицерского достоинства — подлежал поощрению в моих понятиях. У него была оторвана вся кисть правой руки. Он был калека-инвалид, а следовательно, мог законно устроиться на любую тыловую должность. И то, что он прибыл на фронт, — меня подкупало. По этому поводу у меня с ним произошел короткий разговор:

— Где Вы потеряли руку, Николай Павлович?

— На фронте в Линейном полку, господин есаул.

— Чем награждены за это? — участливо спрашиваю.

— Ничем... — скромно отвечает он.

— Так хотите, я Вас представлю в чин есаула “за старые боевые отличия” в Линейном полку?

— Это дело Ваше, господин есаул, — вновь скромно и вежливо отвечает он.

И я представил его к чину есаула, “за старые боевые отличия в 1-м Линейном полку Великой войны 1914-1917 гг.”. Их полк был на Западном фронте.

С отъездом в Екатеринодар Малыхина с наградными листами — временным адъютантом был назначен сотник Васильев. Его 1-ю сотню принял сотник Твердый. Сотник Марков был назначен помощником моим по строевой части, а подьесаул Козлов — по хозяйственной части. Козлов был из старых сверхсрочных подхорунжих 1-го Кавказского полка мирного времени, которого я отлично знал. Он был образцовый вахмистр сотни, умный, энергичный, тактичный. Опытный воин и отлично понимал нужды казаков и полка в целом. Его заботами — появился фураж и из соседних сел. Он умел говорить с крестьянами, не обижая их.

Сотник Малыхин отличный был офицер и как полковой адъютант — хорошо знал свое дело. Он сам писал приказы по полку левой рукой, те пункты, которые были шаблонны. Неудобство ли писания левой рукой, а от этого и нервозность, но с писарями он был очень строг, нелюдим с ними, требовательный, с оттенком властности капризного барина, требования которого должны исполняться беспрекословно. Канцелярская же работа с писарями, с разными справками, требовала разговора, порой совета, чего Малыхин не допускал. Это был его недостаток в канцелярской работе.

Сотник Васильев был ему полная противоположность. Упорно-трудолюбивый, настойчивый, интересующийся всяким вопросом до полной его глубины, умевший говорить с казаками деловым языком, выслушивая их до конца, — он с головой окунулся в полковые бумаги, подробно изучая всякий вопрос. Мы спали в одной комнате. Порой, если надо — он быстро вскакивал с постели, надевал на гимнастерку кинжал и револьвер и торопливо шел в канцелярию, которая помещалась в соседнем доме. Всегда строгий к себе, к казакам, ко всякому делу — подчиненные его любили, уважали, но и боялись. Там, где был Васильев, — я был спокоен.

Кроме его личных качеств — нас связывало чувство памятной дружбы по Майкопскому техническому училищу. В 1908 г. мы расстались и встретились впервые через десять лет, в Корниловском полку. Он был сотник, и я не сразу узнал в нем краснощекого техника Яшу Васильева, так он переменялся. Окончив техническое училище, он поступил в университет, стал студентом, а с войной 1914 г. поступил в Оренбургское казачье училище на ускоренные курсы, которые и окончил вахмистром сотни юнкеров. После десятилетней разлуки — я машинально назвал его на “Вы”, и мы остались в таких взаимоотношениях до самой его трагической гибели.

Отличия формы Корниловского конного полка

С прибытием полковой канцелярии — я поинтересовался ее письменным содержанием и, к своему удовольствию, нашел подлинную переписку бывшего командира полка полковника Науменко с командующим Добровольческой армией генералом Деникиным.

Перед выступлением во 2-й Кубанский поход и в самом походе наш полк официально назывался “1-й Кубанский”, как “первый” по сформированию в рядах Добровольческой армии, но состоявший из казаков разных отделов войска.

8 июля 1918 г., после взятия Ставрополя партизанами полковника Шкуро — на второй же день и там же, стал формироваться прежний, территориальный по своему Лабинскому отделу 1-й Кубанский полк под командованием войскового старшины Фостикова. Таким образом, в Добрармии получилось два полка, имевших одну и ту же нумерацию. После занятия Екатеринодара 2 августа 1918 г. головными частями армии (кстати сказать, первым ворвался в него 1-й Кубанский полк Науменко своими головными сотнями), с продвижением в Закубанье — полковник Науменко подал рапорт генералу Деникину, с ходатайством — его полк переименовать в Корниловский.

“В воздаяние заслуг перед Родиной, за все труды, лишения и отменную боевую работу — вверенный мне 1-й Кубанский полк — прошу переименовать в КОРНИЛОВСКИЙ, в честь Национального Русского Героя, генерала Лавра Георгиевича Корнилова”.

Приблизительно такого содержания был рапорт полковника Науменко, и на нем, коротко, лаконично, было написано: “Утверждаю. Генерал Деникин”.

При этом прилагались рисунки и пояснения к форме одежды полка, нисколько не изменяя общей формы казаков Кубанского Войска.

Устанавливалось:

Погоны войскового цвета, но с черной траурной выпушкой по краям и с черной вензельгай (прописной) буквой “К”, как у офицеров, так и у казаков.

К парадной форме, на черной папахе, полагалась “белая полоса” шириной в два пальца, идущая по высоте папахи сверху вниз, с небольшим уклоном влево. Полоска устанавливалась: для офицеров серебряная, галунная, а для урядников и казаков — нитяная.

На сотенных значках устанавливалась черная полоса в одну треть ширины значка, идущая по диагонали сверху вниз.

На полковом флаге устанавливалась такая же полоса, и на ее черном фоне, крупными буквами белого сукна — накладывалось только одно слово: КОРНИЛОВСКИЙ.

Вот и все были изменения-дополнения к общей форме всех полков Кубанского Войска. Целью дополнения к форме одежды было: черными траурными “отделками” увековечить память погибшего шефа полка.

Все это было напечатано на пишущей машинке и на самой обыкновенной белой бумаге, видимо, на походе. Здесь же были приложены и рисунки, сделанные, думаю, самим полковником Науменко. И если они были не особенно художественно начертаны, •— то ясны и понятны.

В полку о видоизменениях в погоне знали только старые корниловцы, но о сотенных значках и о полковом флаге — никто не знал, так как они оставались войскового установления “по цветам”.

(Сотенные значки — верхняя половина войскового цвета, т. е. красного. Нижняя часть: 1-я сотня — весь красный, 2-я сотня — низ голубой, 3-я сотня — низ белый, 4-я сотня — низ зеленый, 5-я сотня — низ желтый, 6-я сотня — низ коричневый. Полковой флаг — весь красный, по цвету Войска. — Я. С.)

Как устанавливаются традиции в полках

Я обратил внимание, что возвращающиеся в полк старые корниловцы офицеры, вахмистры и урядники — имели следующее на погонах, кроме черной выпушки и вензельного “К”:

а) офицеры — черные звездочки;

б) вахмистры и урядники — черные нитяные нашивки;

в) некоторые имели на красных верхах своих папах вместо серебряных галунов — черные, нитяные, а на шароварах — черный, в два пальца шириной лампасик.

Наступила весна. Появились ягнята. Резали ли их в пищу крестьяне или они падали — неизвестно, но в селе появилось много белых курпеев от ягнят. Крестьяне хорошо выделывали их домашним способом. И скоро сотни обзавелись белыми небольшими папахами. Радостная весна как бы перерождала казаков и от тусклой зимы, — они шли к свету.

В Добрармии существовал самый старый Корниловский ударный полк. В нашем полку иногда получали официальные бумаги с адресом “Корниловскому полку”, но по содержанию они относились к Корниловскому пехотному. Один раз явился поручик-пехотинец, явно спутав полки. Я находил, что к названию нашего полка надо добавить слово “конный” и обязательно — “Кубанского казачьего Войска”, так как “конный” может быть и регулярной кавалерии.

Я всегда любил и носил небольшие (как говорили в нашей станице, “осетинские”) белые или коричневые папахи. В данное время находил, что траур нельзя сгущать до предела. Это было бы чересчур тускло и мало нарядно. И со временем выдающийся и героический Корниловский полк — мог потерять ласковое притяжение для глаз. Надо к установленному трауру сделать какую-то светлую черту. Наиболее подходящее было — белые небольшие папахи, и, кстати, есть полная возможность достать белые курпеи ягнят. Черные черкески и бешметы, черная на всем отделка, но на головах всего полка — белые папахи должны ласкать глаз каждого.

Собрав всех офицеров, рассказав все и показав официальный лист с формой полка, — получил полную поддержку. Решено все это провести в жизнь.

Кроме того, чтобы оттенить оригинальную сторону полка, — решено ввести на сотенные значки и на полковой флаг черные конские развевающиеся хвосты “с балберками”, на манер староказачьего бунчука. А чтобы все это было обязательно для всех, издал приказ по полку, который воспроизвожу на память.

Приказ Корниловскому конному полку Кубанского казачьего Войска.

“...” марта 1919 г. Село Киевское Ставропольской губ., п. 1-й.

Для установления однородности формы одежды полка, к уже имеющимся траурным отличиям на погонах, как черная выпушка и черная вензельная буква “К”, добавляется: Офицерам на погонах иметь черные звездочки.

Подхорунжим, вахмистрам, урядникам и приказным на погонах иметь черные нитяные нашивки.

На папахах, вместо галунов, черная тесьма.

Повседневная папаха обыкновенного белого курпея, с белым верхом и черной тесьмой на нем накрест — для урядников четыре, а для офицеров восемь тесем.

На шароварах черная полоса в два пальца шириной, как лампас, на полковом флаге и сотенных значках иметь пушистые черные конские хвосты, как эмблему легкой казачьей конницы.

Командующий полком есаул Елисеев.

Должен еще раз подчеркнуть, что все эти нововведения выявили сами казаки, вернее, урядники, но не офицеры и рядовые казаки; и я, заметив это их стремление, фиксировал приказом по полку. Но конские хвосты на сотенных значках, как “эмблема легкой казачьей конницы” — это есть чисто мое личное нововведение, которое особенно понравилось всем. Казаки ведь конники!

И вот, когда Бабиев увидел полк по весне в таком виде, на походе в село Дивное — в белых небольших папахах, а впереди сотен оформленные сотенные значки с пышными черными хвостами, колышавшимися по ветру, — он пришел в восторг. В особенности мощный был полковой флаг с траурной полосой по диагонали его и крупными белыми буквами по этой полосе, вырезанными из белого сукна и нашитыми на нее — **КОРНИЛОВСКИЙ**.

Бабиев властный и завистливый. Новатором — должен быть он. Но здесь я опередил. Но так как он был умный человек, исключительно военный, а это новаторство введено в его полку, который он так любил, и введено его же другом и заместителем — он не только что не приревновал, но немедленно же ввел “бунчужный черный конский хвост” и к своему дивизионному флагу.

В первых числах февраля 1920 г. я принял в командование 1-й Лабинский полк. И каково же было мое удивление, как и восхищение, что в нем, на полковом флаге и на сотенных значках развевались белые конские хвосты.

Начальник 2-й Кубанской казачьей дивизии генерал Фостиков пригласил меня к себе на обед. Мы скачем с ним по улицам села Ивановка Ставропольской губернии и позади него его флаг с пышным белым конским хвостом.

За обедом я ему заметил, откуда и как появились в Корниловском конном полку “конские хвосты”. Доблестный и умный офицер дружески улыбается и говорит: “Я это увидел под Царицыном, мне понравилось, и я, чтобы не путать — в своей дивизии ввел их, но только белые”. Сказал, немного помолчал, а потом добавил: “А казаки говорят, что я потому их

ввел, что моя фамилия Фостиков, как корень ее, а отсюда и эмблема”. Сказал и засмеялся весело. Смеюсь и я над казачьим умозаключением.

В том же месяце, под станицами Кавказской и Дмитриевской, были жестокие успешные бои против пехоты красных. Были только конные атаки, и я видел, как эти белые конские хвосты на значках поднимали боевой дух казаков.

Каждая воинская часть любит свои полковые отличия и дорожит ими. Они дают пафос (воодушевление). Так устанавливаются традиции полков, вызываемые событиями, порой неожиданными и чрезвычайными и в обстановке исключительной.

По штатам военного времени, казачий полк имел около 1000 казаков, включая все команды. Здесь же, на Маныче, весной 1919г., полки 3-й Кубанской казачьей дивизии имели по 200-300 шашек боевого состава. В Корниловском полку тогда насчитывалось чуть выше 200 шашек, но на довольствии было около 400 казаков. Приняв эту цифру за основную — остальные составляли:

1) пулеметная команда — около 50 казаков; 2) санитарная команда — 20; 3) сотенных артельщиков — 6; 4) сотенных каптенармусов — 6; 5) шесть сотенных тачанок с кучером, писарем и его помощником — 18; 6) полковой хор трубачей — 15; 7) офицерских денщиков — 25; 8) конных вестовых — 25. Итого — 165.

К этому надо прибавить писарей полковой канцелярии, обоз 1-го разряда, сотенные двуколки, кухни — всего наберется около 200 казаков, которые не участвуют в конных боях, в охране и разведческой службе, кроме офицерских конных вестовых; последние участвуют в конных боях со своими офицерами.

Следовательно, на довольствии в полку находилось около 400 казаков, но вся тяжесть боевой службы ложилась только на строй. Офицеры полка всеми силами стремились сократить хозяйственный и другие наряды казаков, но жизнь жестоко коверкала их добрые намерения.

Кроме этого — в станице Лабинской находился обоз 2-го разряда и разные мастерские, которыми заведывал есаул Сменов. При нем полковой казначей хорунжий Клыгин, два военных чиновника и свыше сотни казаков. Все они были совершенно изолированы от полка. В своих описаниях — я “потревожу” и их покой...

При таком боевом составе Корниловского конного полка — подошел апрель месяц 1919 г. Начались переменные бои с красными на Маныче, с центром в селе Дивном Ставропольской губернии, закончившиеся полным разгромом и пленением всей пехоты красных этого участка; после чего началось победное движение Кавказской Добровольческой армии на Царицын.

Елисеев Ф.И.

С Корниловским конным

ТЕТРАДЬ ОДИННАДЦАТАЯ

Бабиев и Корниловский конный полк

Старый корниловец, полковник, совершивший 2-й Кубанский поход из Донских степей, бравший Екатеринодар 2 августа 1918 г. и дошедший с ним до Царицына и за Волгу, пишет мне, что “только с прибытием Бабиева — начались конные атаки полка”.

Не вдаваясь в рассуждения по этому поводу, должен подчеркнуть, что Бабиев, большой конник — действительно, признавал только конные атаки, как завершение боя и законченность победы над противником. Но, приняв в командование Корниловский полк 13 октября 1918 г. в станице Урупской Лабинского Отдела, параллельно с этим — он ковал и внутреннюю воинскую полковую спайку. Прибыв в полк вместе со своим другом по Турецкому фронту полковником Артифексовыш, который стал его помощником по строевой части, — они решили работать над полком так, чтобы он был лучшим в 1-й Конной дивизии, которой тогда командовал генерал Врангель. Но через три-четыре дня Артифексов был тяжело ранен в ногу, эвакуировался и в полк уже никогда не вернулся. Ходом боевых событий — я стал и полковым адъютантом, и самым старшим офицером полка, его помощником и заместителем. По ежедневной боевой обстановке — мы не расставались с ним 24 часа в сутки.

Все планы Бабиева сводились к возвеличиванию боевой славы полка. Я полностью разделял это. Гордый и тщеславный — Бабиев был, безусловно, отличным строевым офицером, храбрым воином и одним из лучших офицеров Кубанского Войска. Как храбрый начальник, естественно, он стремился к воинской славе и достиг ее. И если у него были немногие завистники и недоброжелатели — то Бабиев был тут ни при чем: всем была дана возможность выделиться в боях, чтобы быть даже лучше Бабиева. Но для этого надо было иметь соответствующие личные качества, и только.

Всегда скромно, но тонно одетый под кавказского горца. Под ним должен быть горячий и мощный конь. И в оружии, и в седле — все должно быть удобно и облегченно. Ничего лишнего. Глубокая легкая посадка в седле. Управление конем “на длинном поводе”. И конь должен быть психологически подчинен тому, кто на нем сидит.

И вот, в таком виде появляясь перед полком, — он импонировал всем. И все чины полка, от старшего офицера и до рядового казака, — при виде Бабиева, при встрече с ним — они не могли не подтянуться воински и не ответить ему бодро, весело, молодецки. Бабиев не был строг воински и человечески. Сам он был всегда бодр и весел и хотел, и требовал от своих подчиненных, чтобы и они были бодр, веселы и обязательно отчетливы и молодецки. Зная Бабиева давно, — я разделял полностью его взгляд на воинское дело, на военную дисциплину, на казачье молодечество и был активным его помощником во всем.

Мы оба слыли наездниками, лезгинерами. При случае могли шумно кутнуть по-казацки и обязательно с песнями, с плясками казацкими. И недаром Бабиев назвал меня своим “младшим братом”... Назначая меня командующим Корниловским полком, — он отлично знал, что я буду полностью продолжать его дело в полку.

По военной службе и по женитьбе его отца — родился он в Варшаве. Как пишет его однополчанин и друг, генерал Фостиков — “Коля Бабиев учился во многих гимназиях, но окончил Бакинскую”. В это время его отец-есаул был переведен в 1-й Лабинский полк, который стоял в немецкой колонии Еленендорф, под Елисаветполем, что между Баку и Тифлисом.

Судя по этому, сын, Коля Бабиев, почти не жил в своей станице Михайловской Лабинского отдела, а следовательно, хозяйственный станичный быт казаков знал мало. Это и наложило свой отпечаток на его психологию. Он считал, что — “казак есть слуга Царю и Отечеству и защитник его от врагов внешних и внутренних”, как говорил 1-й параграф воинского устава внутренней службы, а каковы духовные запросы казака как земледельца, семьянина и хозяина в своей станице — Бабиев не хотел и знать.

При нем в полку было два-три кадровых офицера. Большинство получили офицерские чины за боевые отличия Великой войны, будучи урядниками или из школ прапорщиков и немногие с ускоренных курсов военных училищ, т. е. — “это большинство” офицеров были такие же земледельцы, каковыми были и их подчиненные казаки. Все Кубанское Войско было мобилизовано и стало в строй для решительной борьбы против красных. И стало в строй сознательно, добровольно. Следовательно, подход к воинской дисциплине должен быть иной, менее резкий и требовательный, как это было в мирное время.

Я уже второй месяц командую Корниловским полком. В феврале и марте месяцах непогодь. Все в сплошном снегу, а в селах невылазная грязь. Идет то снег, то дождь. Холодно и сыро. Сообщение только в седле. Офицеры и казаки в овчинных шубах (кожухах) отсюда и неповоротливы. За плечами всегда мокрый башлык. Папаха не в своей казацкой щеголеватости. Отдание чести не отчетливое. Прощается и это.

Но отдавание воинской чести по всем правилам устава есть необходимость воинской дисциплины, воинской этики, духовной связи. Без них — нет воинской части. Да и скучно без них. Можно превратиться в обывателя. И вот — рапортует мне сотник или хорунжий, старше меня летами, громоздко одетый, и руку берет под козырек “по штаб-офицерски”, т. е., как попало. Выслушав рапорт спокойно говорю: “Возьмите руку под козырек так, как вас учили в учебной команде”. Сказал одному, другому, третьему... и скоро все стали брать руку под козырек так, как их учили в учебных командах, в училищах и в школах прапорщиков.

Гости из тыла

“На кой черт обоз 2-го разряда стоит в станице Лабинской?!” — возмущались в полку. Бабиев не разрешил мне подтянуть его ближе к фронту.

Командиры полков, батальонов и батарей назначались Кубанским войсковым атаманом по кандидатскому списку, ведущемуся Войсковым штабом, и сместить их с занимаемой должности, без основательных причин, было нельзя, хотя в гражданской войне с этим уже мало считались. Командиры полков должны быть в чине полковника, а командиры

пластунских батальонов и батарей — в чине войскового старшины. Я имел только чин есаула и был назначен командующим вакантным полком, как старший в полку, властью начальника дивизии генерала Бабиева и считался как бы временно командиром полка. Следовательно, мое положение зависело исключительно от личных взглядов генерала Бабиева. Он меня назначил и он меня мог снять с должности в любой момент, если ему не понравилось бы что в моем командовании полком. Вот почему я и не мог переместить свой обоз 2-го разряда ближе к полку, чего почему-то не хотел Бабиев.

Бабиев очень любил Корниловский полк и находил большое удовольствие быть в полку. Он, начальствуя над дивизией, негласно хотел руководить и Корниловским полком, имея в нем “свои глаза и уши” офицеров-станичников.

Я совершенно не боялся генерала Бабиева как своего начальника, так как при случае — мог говорить и доказывать ему все запросто, как и знал, что он меня любил, ценил и уважал и был давним другом, когда мы были оба в малых чинах. Но подобные его вмешательства во внутренние порядки полка были недопустимы и, естественно, мне были неприятны. Каждый полк есть самостоятельная единица, в особенности в хозяйственных своих порядках. У каждого полка Императорской армии были свои традиции и другие особенности, и все считали это не только что нормальным явлением, но никто не покушался и изменить их. И насколько должность всякого командира полка была высока, говорит то, что все командиры полков назначались Русским Императором и проводились Высочайшим приказом по всей армии. В гражданской войне многое измельчало и было ненормальным.

Наш обоз был совершенно бесполезным для полка. Мы абсолютно ничего не получали от него. А там находились два офицера — заведующий им, есаул Сменов, назначенный еще Бабиевым, полковой казначей хорунжий Клыгин*, два военных чиновника и до 150 казаков разных рангов. Жалование для всех чинов полка получалось случайно, с оказией, а аванс на довольствие полка — из штаба дивизии. Я писал есаулу Сменову строгие предписания и частные письма, но и он, разделяя мой взгляд, ничего не мог изменить из-за дальности расстояния; но в обозе составилось мнение обо мне как об очень строгом командире. Изверившись в возможностях перемены — послал в Лабинскую строгое предписание: полковому казначею и старшему делопроизводителю прибыть в полк с жалованьем для всех чинов полка, с авансом на довольствие и с точным докладом по хозяйственным и денежным вопросам. Это произвело переполох в Лабинской. И надо было видеть лица хорунжего Клыгина и военного чиновника, старшего делопроизводителя полка, когда они представлялись мне в селе Киевском. Делопроизводитель был “субботник” (иудействующая секта) и станичник Бабиева. Конечно, было странным, что за семь месяцев моего пребывания в полку — я впервые вижу полкового казначея.

Представились они отчетливо. Смотрю им в глаза, жму руку и прошу к столу.

Все это происходило в присутствии полкового адъютанта сотника Васильева, храброго и очень дельного офицера, ненавистника всего тылового. За обедом гости немного “отошли”. Умный Васильев под столом толкает меня ногой, дескать — “посмотрите, каковы эти гуси!”

В полку всегда был запас белых курпеев на папах. Они предназначались для тех офицеров, которые прибывали в полк и еще не имели “полковых белых папах”, установленных приказом по полку. Это был подарок каждому от полка.

После обеда вызываю “шапошника”, даю курпей и приказываю сшить две папахи гостям к вечеру же этого дня, к общему офицерскому ужину.

После обеда начался отчет и выдача жалованья и аванс. Все офицеры радостно сидят во дворе, ждут очереди. И Клыгин, и делопроизводитель оказались очень приятными людьми и знающими свое дело. Лед был сломан, и все ждали приятного и веселого ужина.

По воскресеньям и разным случаям — все офицеры обедали в моей квартире. Это сближало людей и основывало полковое офицерское товарищество. Напитки были редки и только в исключительных случаях. Корниловцы очень хорошо пели казачьи строевые песни, больше песни черноморского казачества. И вот, чтобы собрания офицеров были бы более приятны и полезны, — предложено садиться за стол не по старшинству чинов, а “по голосам”, чтобы стройно петь. В пении должна быть дисциплина, даже и в веселии. И если тамада запел песню, — все должны ее подхватить. Всем это понравилось.

В этот день все особенно ждали общего офицерского ужина. Прибыли гости из глубокого тыла, привезли всему полку жалованье, аванс — надо и повеселиться! А главное — показать им, тыловикам, — каковы мы на фронте! И когда дружная бойкая семья корниловских офицеров запела песни, то они совершенно были удивлены. Веселиться корниловцы умели.

Хорунжий Клыгин, вижу, спокойный, умный офицер. Он большой друг многих здесь. Хорунжий Литвиненко, как всегда веселый и смелый на слово, громко острит над ним:

— Ну, як?.. Лякався, як йихав сюды?!

Клыгин мягко улыбается и не скрывает того, что он “ля-кався” (боялся). Делопроизводитель, юркий молодой человек, экспансивный, произнес похвальный тост. И если он также боялся, едучи сюда, то отсюда выезжает “другим человеком”.

При веселии, в особенности когда бывали гости, — обязательно избирался тамада. Им бывал сотник Иванов. Человек интеллигентный, находчивый, смелый на слово, хитрый и отличный командир сотни. Хорошо понимал в пении и хорошо знал роль тамады, умел “мелким бесиком” подойти ко всем.

Через два-три дня — Клыгин и делопроизводитель выехали к себе опять в обоз в станицу Лабинскую, и я их больше не видел.

Сюрприз для Бабиева

Бабиев любил Корниловский полк исключительно глубокой любовью. И молодецкие утехы он мог ощущать только в среде офицеров этого полка. Как и безжалостно бросал его в огонь боев. О потерях полка он не думал. И бросал полк потому, что хотел ему только славы. И если полковник Науменко исхлопотал для полка почетное и героическое имя **КОРНИЛОВСКИЙ**, — то Бабиев украсил полк и боевой славой, и молодецеством. Об этом я знал и оценивал больше, чем другие офицеры полка. За свои заслуги перед полком — он полностью был достоин, чтобы зачислить его имя в постоянные списки офицеров полка. Это делалось постановлением общего собрания офицеров, под председательством старшего в чине, конечно, всегда с согласия и благословения командира полка. Но для этого кто-то авторитетный должен проявить инициативу. По ранениям и по болезням

состав офицеров полка быстро менялся. И то, что мы уже зачислили в постоянные списки полка полковника Науменко, многие и не знали. Собрание должен был вести есаул Лопатин. Я поделился с ним своим замыслом. И хотя он не был большим поклонником Бабиева, но нашел, что это сделать надо. Собрали офицеров, и я рассказал, — как и почему был зачислен в постоянные списки полковник Науменко, и подчеркнул, что Бабиев особенно этого достоин. Я знал, что офицеры полка недолюбливали Бабиева, именно за его требование к молодечеству, но что он был выдающийся командир полка в боях — никто отрицать не мог. Вообще же — Бабиев во всем был отличный офицер, дружелюбный и с подчиненными, доступным для каждого и примерный во всем — на коне, в бою, в казацкой пирушке...

Все согласились. Я вышел. Лопатин официально провел собрание, все дали свои подписи под актом и представили мне. Мой рапорт, постановление офицеров и приказ по полку о зачислении генерала Бабиева в постоянные списки полка — ему повез офицер. Бабиев ликовал, в чем мы и не сомневались.

Вот почему Бабиев и носил на своих генеральских погонах вензельную черную букву “К”, что означало: он состоит в постоянных списках полка до самой смерти.

По положению, все полки, пластунские батальоны и батареи — ежемесячно должны представлять в штаб войска полный список офицеров, с указанием чина, фамилии, имени, отчества, должности и какой станицы. Отмечалось, кто эвакуирован и по какой причине. Список составлялся по старшинству в чинах. По списку, с эвакуированными, в Корниловском полку числилось чуть ли не около сотни офицеров. И мне приятно было подписывать этот перечень, который начинался в таком порядке:

Генерал-майор Науменко Вячеслав — зачислен в постоянные списки полка.

Генерал-майор Бабиев Николай — зачислен в постоянные списки полка.

Есаул Елисей Феодор — командующий полком.

Есаул Лопатин Иосиф — помощник по строевой части.

Есаул Сменов Михаил — помощник по хозяйственной части.

Дальше шли командиры сотен в чинах сотника, из которых два командира сотен были только в чине хорунжего Дорошенко и Литвиненко, за ними следовали десятки хорунжих. Это было показательно, — как мало было в строю старых офицеров.

По послужным спискам проверилось, что каждый офицер Корниловского полка был ранен не менее 2 раз. Многие имели большее число ранений. Это была марка полка: Официальное положение не требовало указания о ранениях офицеров, но мы ввели новую графу, в которой отмечалось, — кто и сколько раз ранен, чтобы знал это и войсковой штаб.

Первая неприятность с Бабиевым

Ординарец привез пакет из штаба дивизии, адресованный лично мне. Вскрываю и читаю: “По приказанию генерала Бабиева, посылаю Вам свидетельства о трех его ранениях, которые проведите приказом по полку и копию приказа представить ему лично”. Дальше стоит подпись начальника штаба дивизии. Им, кажется, уже не был полковник Рябов-Решетин.

Я прочитываю свидетельства о ранениях командира Корниловского полка полковника Бабиева. Они очень коротки. Подписаны старшим полковым врачом зауряд-лекарем Александровым:

В январе 1919 г., во время движения полка от села Овоши в село Камбулат Ставропольской губернии — была обморожена правая щека.

В январе 1919 г., во время движения полка из села Камбулат в село Малые Айгуры — была обморожена левая щека.

Во время боя у села Казгулак Ставропольской губернии — пуля пробила черкеску и чиркнула по руке.

Прочитав эти свидетельства о ранениях, думаю: что это? незнание закона о ранениях? или что другое?

В самом начале войны 1914 г. вышел Высочайший приказ, который говорил, — привожу почти дословно и по существу совершенно точно:

“Ранение признается тогда, когда на теле появилась кровь от неприятельского оружия, полученного в бою. На каждое ранение должно быть выдано свидетельство пострадавшему, подписанное медицинским врачом, с точным указанием ранения. Это свидетельство должно быть полностью помещено в приказе по части, и только тогда офицер имеет право на серебряную нашивку на левом рукаве мундира. Получивший одновременно несколько ранений, допустим, от разорвавшейся шрапнели — считать за одно ранение, но не по числу царапин и пр., и имеет право только на одну нашивку на рукаве”.

Таков был приказ по всей Русской Армии, подписанный Императором Николаем Вторым. Генерал Деникин подтвердил это приказом по Добровольческой армии, о чем не мог не знать Бабиев, человек исключительно военный, отлично знавший все воинские субординации и любивший их. И то, что он сам не провел их приказом, когда командовал полком, и в ближайшие же дни, как требовал закон, — все это показало мне, что он понимал незаконность подобных ранений. Теперь же приказывает мне их узаконить... т. е. накладывал официальную и моральную ответственность на меня.

“Что делать, что делать?!” — думаю я и чувствую, словно кто-то полынной горечью обдал меня, а по всему телу “чесоточно” проползли муравьи. Я отлично знал, что Бабиев был гордый, властный и тщеславный, и неисполнение его приказа, да еще по личному делу — он мне никогда не простит. И в то же время взять на себя эту фальшь — не позволяла воинская честь. Видимо, я переменялся в лице, стоя у стола.

— Что там такое, Федор Иванович? — участливо спрашивает меня сотник Васильев.

Я передаю ему эти бумаги.

— Ну, это уже безобразие, ваше превосходительство... — спокойно, но с явным недоумением говорит он, правдист. — Где же тут ранения? Да я сам там был под этими селами и ничего не видел! Да и при чем тут обморожение? А мы-то разве не мерзли там? — философствует он.

— Как хотите, Ф.И., но я как полковой адъютант этого приказа не подпишу... и попрошу Вас тогда освободить меня от должности, — мрачно заявляет он. К тому же подпись зауряд-врача Александрова, для нас обоих, была одиозной. После боя под селом Кормовым 26 февраля — он выдал два ложных свидетельства о ранениях и выдал на третий день после боя. Я решил выждать и при встрече переговорить с Бабиевым.

Прошло несколько дней, как получаем запрос от начальника штаба дивизии: “Генерал Бабиев спрашивает, почему до сих пор не прислана копия приказа о его ранениях?”

Все полки должны ежедневно представлять свои копии приказов в штаб дивизии, по которым последний следит за работой и жизнью полков.

Отвечаю: “Прошу прислать подобное приказание за личной подписью генерала Бабиева”. Я думал, что Бабиев как умный и честный офицер — подобного письменного приказания не сделает. Но я ошибся.

“Командиру Корниловского полка, есаулу Елисееву. Приказываю в трехдневный срок провести приказом по полку мои старые три ранения и копию приказа представить мне. Начальник 3-й Кубанской казачьей дивизии, генерал-майор Бабиев”.

Тон предписания был настолько строгий, что сопротивление ему грозило мне печальными последствиями. Приказание было исполнено. Но Бабиев этого не забыл. И жестоко, коварно отомстил. И так как это повлияло на мою военную карьеру, то я и пишу все об этом. Как Бабиев отомстил, — будет подробно описано в последней брошюре о Корниловском конном полку.

Необходимо пояснение: зачисление в постоянные списки полка генералов Науменко и Бабиева, с указанием в графе по должности “командир полка” — не означало, что они оставались командирами полка и могли продолжать командовать им, занимая уже высшие должности. Это была почетная награда от полка, и единственно что — они могли носить мундир полка до самой своей смерти. В постоянные списки полка мог быть зачислен офицер и в младших чинах, за особые заслуги в полку или за боевой исключительный подвиг. И в каком бы он чине ни был потом — зачисление было в том чине, который он имел при зачислении или при совершении подвига.

Генерал Улагай. Гибель урядничьего разъезда

К концу марта снег сошел полностью. Под тепловыми лучами весеннего солнца — земля радостно дышала паром. Крестьяне выехали в поле пахать и сеять. В степи появились небольшие гурты рогатого скота. Пахари раскинулись своими “таборами” по всему полю. Все это усугубляло разведывательную службу полка, так как издали, без бинокля, который не имели урядники в разъездах, — совершенно невозможно было распознать — гурт скота ли это или спешенный разъезд красных? Красные разведчики могли находиться и при крестьянских таборах. Как их можно отличить? К тому же мы видели, что ставропольские крестьяне, почти поголовно, сочувствовали красным, как своей “рабоче-крестьянской власти”, в противовес нашей — белой, кадетской, казачьей.

С весенней теплотой — красные проявляли большую активность. В их руках был полностью весь Сальский округ Донского Войска с окружной Великокняжеской станицей, т. е. самая южная часть Донской области. Сильный кулак красных повис уже и над

городком Батайском, готовый перерезать единственную железнодорожную магистраль Ростов—Баку, чем отрезал все донские силы от Кубани и Терека. Все наши силы новой Кавказской Добровольческой армии занимали позиции только по южному берегу болотистого Маныча. Наступал кризис...

Генерал Бабиев приказал выслать одну сотню корниловцев в селение Малая Джалга, что в пятнадцати верстах юго-западнее нашего села Киевского, где было беспокойно в связи с крестьянским восстанием в Медвежьенском уезде. Туда была послана 1-я сотня под командой хорунжего Тюнина.

Под вечер одного дня стою у своей квартиры, как из-за угла показалась конная группа казаков. “Кто они?” — думаю. И опознаю по сотенному значку свою 1-ю сотню. Человек сорок казаков, спешным шагом, на захлюстанных грязью лошадях, приближались ко мне. Впереди на красивой своей кобылице шел Тюнин. У меня расширились глаза, так как приказания о присоединении сотни к полку я не отдавал.

— Вы почему возвращаетесь? — грозно крикнул я Тюнину, не ожидая его команды и доклада.

— А ты знаешь... там мужики — такие черти, што они могли перебить нас в одну из ночей, — запросто, совсем не по-воински, хмуро отвечает мне Саша Тюнин, которого я знал с 1910 г. и был с ним на “ты”.

Раззукал его и приказал стать по квартирам, а завтра — вновь идти и занять то же село.

Утром следующего дня прискакал урядничий разъезд от командира 1-го Черноморского полка полковника Малышенко, который сообщал мне, что — красные, на рассвете, по гребле перешли Маныч, выбили полк из села Кистинского и он отошел с полком на юг, о чем донес генералу Бабиеву и до получения от последнего приказания — просит поддержки.

Дело получалось скверное. Какой силы красные перешли Маныч, — Малышенко не указывал. Наш полк был изолирован от дивизии. В тылу были враждебные крестьяне. До села Кистинского пятнадцать верст.

Широкой рысью полк спешит к Кистинскому. Боевая обстановка неизвестна. Влево, в сторону Маныча — выслано два урядничьих разъезда, каждый силой в шесть коней. Одному разъезду приказано идти по самому берегу Маныча, а другому правее, охватывая северную сторону села. Из села Киевского полк вышел в полном составе, с обозами, предполагая, что по боевой обстановке — мы мотаем и не вернутся назад.

Не доходя до Кистинского версты две, — в голову была брошена лавой разведывательная сотня. За ней следовал полк в двухшереножном развернутом строю, предполагая — или наскоком захватить село, или вызвать красных на бой, чем сразу же выяснит приблизительно их силы. Полк шел крупной рысью, но, не доходя до села около версты, был встречен сильным огнем пехоты красных из окраин. Положение менялось. Где находился 1-й Черноморский полк, было неизвестно. Промаявшись до темноты, полк вернулся в свое село. Здесь ночью получено распоряжение от генерала Бабиева, который уведомлял, что черноморцы Малышенко ночуют в ближайшем селе к югу от Кистинского. Завтра, с утра, начнется наступление: с востока, от села Дивного — пластуны генерала Ходкевича, 1-й Таманский и 2-й Полтавский полки; с юга 1-й Черноморский полк; Корниловскому полку приказано наступать с запада. Село Кистинское должно быть взято.

Наступление началось с утра. Полк вновь был встречен ружейным и пулеметным огнем красных, но гораздо слабее, каковой был вчера. Почувствовалось, что это, видимо, заслон. И когда полк перешел в намет — огонь красных сразу прекратился. Головная сотня, свернувшись — широкой рысью втянулась в главную улицу. За ней последовал полк, прошел село и на восточной окраине встретился со своими частями. По длинной прямой гребле через Маныч, длина которой была не менее одной версты, — виден был хвост колонны красной конницы. Их артиллерия, из-за закрытых позиций, редко стреляла шрапнелью по казакам.

Все полки подтянулись к очень высокому кургану перед греблей, на котором стоял сам командир 2-го Кубанского конного корпуса генерал-майор Улагай. Он вызвал к себе всех командиров полков со своими командирами сотен.

Я его вижу второй раз в своей жизни. Сейчас он одет в темно-серую черкеску кавказской “дачки”, при черном бешмете. Было еще холодно. Поверх черкески — такого же цвета шуба-черкеска нараспашку, отделанная черным каракулевым курпеем. На голове небольшая черная каракулевая папаха, чуть суживающаяся кверху. Соколиный взгляд культурного красивого черкеса с тонкими правильными чертами лица. Стоя, веселым тоном, с улыбкой, но не зло, он возмущался, — как это Черноморский полк не заметил переправу красных через столь длиннейшую дамбу?

Курган был у самой гребли, под которым и была конная застава от сторожевой сотни. Оказывается — “дядьки” сбатовали лошадей и к утру заснули. На них и наскочила передовая красная конница. Тут же, около кургана, лежат три убитых казачьих лошади.

...Вчера, когда полк вел бой с красными около западной окраины села, сотник Васильев очень волновался и все время тревожно посматривал на север от нас, в сторону Маныча, и много курил.

— Чего это Вы так волнуетесь, Яков Клементьевич? — спросил его.

— Да, мой родной брат, рядовой казак, находится в левом разъезде... что-то душа неспокойна... — отвечает он.

И тут, в бою, я только узнал, что его два родных меньших брата, рядовые казаки, находятся в полку, в 1 -и сотне.

— Чего же Вы мне не сказали раньше? Я бы взял их к себе ординарцами! — упрекаю его.

— Ну, вот еще!.. Не хватало этого... чтобы сказали, — братьев устроил на тепленькое место, — решительно отвечает мне.

Я удивился этой скромности и его благородству. Но когда к ночи не вернулся один из разъездов, что были посланы левее полка, и не вернулся именно тот разъезд, в котором был его брат, — мне стало не по себе. Не нашли разъезд и в селе Киевском, куда отошли на ночлег. Я боялся тревожить словами успокоения своего бескорыстного друга и адъютанта.

Вечером он пишет приказ по полку под мою диктовку. Много курит, молчит. Но когда обращается ко мне, то как-то особенно твердо и внятно выговаривает мои имя и отчество — “Фед-дорр... Ив-ван-новичч...”

Генерал Улагай отпустил всех офицеров... Я подошел к генералу Бабиеву за распоряжениями и всматриваюсь в его глаза, чтобы прочесть в них — как он будет реагировать на мои “первые неприятности с ним по службе” — пишущую машинку и его ранения. Но он как ни в чем не бывало говорит мне:

— Джембулат! Вы с полком пойдете со мною в село Дивное. А пока — часовой привал в селе.

В село Кистинское пришли два казака вчерашнего пропавшего разъезда. Из двух спасшихся казаков один — был брат Васильева. Он доложил нам:

“Наш разъезд, следуя по степи, дошел до уровня середины села, никого не встретив. Потом нас обстреляли. Разъезд остановился и увидел позади себя лаву конных, человек около ста. Кто они? наш полк? или красные? Рассыпав так же в лаву всех шестерых своих казаков, урядник пошел на них для выяснения. И скоро мы узнали, что это были красные...

— ШАШКИ ВОН! ЗА МНОЙ! — крикнул урядник и бросился на них, чтобы пробиться назад. Но... где же там?! Красные быстро сомкнулись. Урядник был смят и убит. А нас захватили в плен. И сегодня, когда красные отступали, мы вдвоем спрятались, а тех троих казаков они увели с собой”, — закончил рассказ молодой казак Васильев.

Его старший брат, суровый воин, сотник — даже и не обнял брата, спасшегося от неминуемой гибели. И только его редко улыбающиеся глаза говорили мне о том, насколько он рад. Но он активно и строго расспрашивал брата, как все это случилось? И старался не пропустить и одного слова в рассказе, словно “выуживал” — не было ли разъездом, и им, его братом — проявлены трусость или оплошность? А меньший брат Васильева, рядовой казак, так бесхитростно рассказывал, как это все случилось, что мне пришлось сказать: “Ну, довольно расспрашивать, Яков Клементьевич! Брат же предлагает проехать на то место, где все это произошло, и, может быть, найдем труп урядника”.

Мы поскакали туда. Убитый урядник лежал лицом вниз, вытянув руки вперед. Он убит был, видимо, в седле и, падая с коня — автоматически вытянул руки вперед. Убит пулей, в грудь. Он не был раздет красными. Снято было только оружие. Гимнастерка и погоны были довольно свежие. И что особенно тронуло сердце: он был вахмистр, а не урядник; и черная выпушка на красном погоне, и черной тесьмы “басон вахмистра” — резко подчеркнули, как он гордился новой формой своего КОРНИЛОВСКОГО полка. Так жаль было этого, безусловно, храброго и нерастерявшегося вахмистра, так жутко принявшего смерть в бою.

В этот же день я отдал приказ по полку, с описанием его подвига, и тело в гробу было отправлено в его станицу. Спасшихся казаков приказом по полку того же числа — я переименовал в звание приказных. Кто поймет теперь все это?!

Острый глаз Бабиева

Штаб полка часто посещал хорунжий Копчев, родом болгарин, доброволец-воин. Он меньше всех “тянулся воински”, считая себя “гостем из Болгарии”. Под ним была рослая светло-буланая кобылица донской породы, худая, небрежно чищенная, со стриженной

гривой, чего у казаков не полагается. Ясные глаза говорили, что она молода. Копчев неизменно приезжал на легком английском седле, небрежно сидя и с распущенными поводьями. Было даже досадно смотреть на всю его фигуру на лошади, настолько она беспечна в седле по незнанию и езды, и лошади. Я заинтересовался его кобылицей и как-то попросил проехать на ней. Лошадь оказалась благородного характера и послушная.

Мой Карабах, живой как ртуть, был отличный под седлом во всех отношениях, но он был мал ростом для меня. И что хорошо было для командира сотни, то мало выигрывало для командира полка. Я предложил Копчеву поменяться лошадьми. И когда он под седлом испытал моего коня, — влюбился в него и мена состоялась. В Киевском я ежедневно делал поездки на новой кобылице, вестовой хорошо за ней ухаживал и выровнял в теле. Кобылица стала неузнаваема.

В селе Кистинском полки 3-й Кубанской дивизии выстроились для движения в село Дивное. Бабиев не видел наш полк два месяца. Знаю, он по нему скучал. Прибыл поздороваться и... не узнал полк.

Во-первых. Почти весь полк был в белых небольших папахах, а офицеры — поголовно в них.

Во-вторых. Все в погонах: У вахмистров, урядников и приказных — черные нашивки на них, вместо белых, нитяных, которые говорили о какой-то серьезности, сосредоточенности, глубине чувств к подвигу своего Великого Шефа полка, генерала Корнилова.

В третьих. Конские черные хвосты на сотенных значках, с продольной полосой по диагонали. Полковой войскового красного цвета флаг на высоком древке; по широкой черной, по диагонали, полосе, белыми накладными буквами обозначалось — КОРНИЛОВСКИЙ, как указано было в официальном документе о форме полка. Сверху, от балаберки, как и на сотенных значках — от легкого ветерка колыхался длинный густой черный конский хвост, как эмблема легкой казачьей конницы. Три цвета ярко выделялись в массе резервной колонны полка — красный, черный и белый. Первое же впечатление — “белоголовый полк”.

Бабиев, как заядлый конник остро обратил на это внимание. Он был ревнив, но в данную встречу — я не заметил в его глазах ревности, а заметил только радость. Ведь Корниловский полк был его любимое детище, которому он уже дал очень много.

Что надо пожалеть, так это то, что в полку не было знамени. Когда еще Бабиев командовал полком, говорилось как-то или предполагалось, что скоро нашему полку будет пожаловано войсковым атаманом одно из знамен-значков Запорожского войска, хранящихся при Войсковом штабе. Но мы его не дождались не только что с Бабаевым, но и вообще — полк так и не имел своего знамени или штандарта.

В дороге в Дивное — я шел верхом рядом с ним, и мы, как всегда, говорили, вернее — он больше говорил.

— Неужели это есть кобылица хорунжего Копчева? — спрашивает он, рассматривая с седла ее подо мной, как говорится, с ног и до головы, изучая опытным глазом большого конника все ее “статьи”. И эта кобылица, по кличке “Ольга”, послужила частицей “моей гибели” перед Бабиевым, вскоре в селе Дивном. Памятная кобылица.

Прибыв в Дивное, полк расположился по старым квартирам. Как-то он верхом прибыл ко мне. Тары-бары обо всем, больше о полку родном, а потом, немного смущенно, говорит:

— Бери перо и бумагу, а я продиктую письмо матери.

— Да у тебя там, в штабе, адъютанты... почему они не могут написать? — говорю ему.

— Да неловко как-то по одному вопросу... да и не хочу, чтобы об этом знали в штабе дивизии, — отвечает он.

И я пишу под диктовку: “Дорогая мама!..” В легком, шутовском тоне диктует он о здоровье и житье-бытье на фронте и продолжает: “посылаю тебе к Празднику Святой Пасхи 400 куриных яиц и один пуд сливочного масла от благодарного населения”.

Я останавливаюсь писать, улыбаюсь и смотрю на него — шутит ли он или всерьез диктует? Оказалось — всерьез. Только “от благодарного населения” просит поставить в кавычки. На мое удивление — он отвечает наивно так:

— Ну, посуди сам! Где она там, в Екатеринодаре, может достать к празднику того и другого? А здесь — половину я купил, а другую половину казаки достали. Ну, вот и будет там, старушке, и радость, и экономия к празднику.

У него, в Екатеринодаре, отец-генерал в отставке. Всю жизнь он привык жить широко. Пенсия была — небольшая. Вот сын и хотел помочь, как мог, да еще к такому светлому Празднику. И я его за это совершенно не осудил.

Я хорошо знал, что Бабиев был бессребреник, и для себя, даром, у крестьян ничего не брал, щедро расплачиваясь при уходе. В данном случае, яиц и масла у крестьян было много. Город Ставрополь в 120 верстах. Сбыта нет. Ну, так чего же?! Как и не сомневался я, что часть яиц и масла он купил, а остальную часть его верные вестовые не украли, а разными способами выпросили у крестьян. Гордый, но он не был злым и недобрым человеком. Иногда бывал и малодушным, но только на миг. Но никогда не терял себя.

Подобное преподношение генерал Бабиев мог получить и через сельского старосту. В тот период времени это было совершенно непредосудительно.

В субботу, перед Святой Пасхой

Полк в селе Дивном. Мы были так рады, попав “в центр”, что решили достойно встретить и провести День Святой Пасхи, который приближался. Собрав сотенных командиров, рассказал им “свой план”. Решили: щедро отпустить денег из экономических полковых и сотенных сумм, чтобы порадовать душу своих младших братьев-казаков.

В Святой Крест Ставропольской губернии, славившийся приготовлением вина, был командирован офицер с казаками, чтобы доставить к празднику 40-ведерную бочку вина и семь ведер водки, из расчета — ведро с четвертью вина на каждый взвод казаков и ведро водки на каждую сотню. В сотнях тогда числилось по пятьдесят казаков. В Страстную Пятницу вино было доставлено в полк и передано на хранение в полковой обоз, которым руководил строевой вахмистр Бойко, умный, честный и большой хозяин.

На второй день было очень теплое солнечное утро. После завтрака я прошел на полковой двор, проверить — все ли в порядке? Двор был чисто выметен до последней соломинки. До десяти двуколок поставлены в ряд. Сбруя повешена для просушки на солнце. Приятно пахло сеном, зерном и ремнями. Отдельно, на мажаре без дробин — пузато высилась 40-ведерная бочка с красным вином. Рядом, на двуколке — пять ведер водки в четвертовых бутылках. Все прикрыто брезентом от соблазна казачьих глаз. Вахмистр Бойко хорошо знал психологию своего брата-казака. Знал и я, и на ночь выставил к этим подводам вооруженный караул. Я боялся — как бы ночью казаки не проявили активности... Ведь такая у них серая жизнь! Абсолютно нет никаких удовольствий и развлечений! Нет и нормальной человеческой жизни, но зато риск — ежедневно, ежечасно. От этого легко проявить “соблазн”, которого надо не допустить. Поэтому-то я и пошел проверить все сам и строго-настрога приказал — следить!

Бойко встретил меня рапортом приветливо, как всякий хороший хозяин, у которого все исправно. Я в черкеске, при кинжале и револьвере, но без шашки. Полковой двор против моей квартиры — так зачем же надевать шашку, да еще поутру? Я нагнулся у колеса двуколки и что-то рассматриваю внимательно, как вдруг толпа офицеров — быстро, шумно, весело нагрянула в чисто выметенный двор. Впереди всех сотник Малыхин — веселый, радостный. Я как-то и забыл, что он в командировке. Выше среднего роста, стройный, затянутый в темно-вишневую черкеску, он, через ножку, бегом подскочил ко мне, взял левую руку под козырек и громко произносит:

— Господин полковник, есаул Малыхин представляется по возвращению из Екатеринодара!

Первые два слова я пропустил, и моя мысль включилась, только начиная со слов — “есаул Малыхин”. Я удивился, почему он называет себя есаулом, когда он только сотник?

Через высокие плечи Малыхина вижу необычайно радостные лица офицеров, и впереди всех особенно радостное лицо сотника Васильева, сотников Маркова, Лебедева, Мартыненко, Иванова, Твердого, лицо хорунжего Литвиненко, Тюнина, Савченко и других хорунжих. При рапорте Малыхина — все они замерли в положении “смирно” и как-то отчетливо приложили ладони правой руки к своим папахам. Малыхин, отрапортовав, сделал шаг влево, словно давая дорогу тем, кто стоял позади него. Я подаю ему руку и говорю с улыбкой:

— Вы так скоро вернулись, Николай Павлович!

— Так точно, господин полковник! — рубит он. И, вновь взяв руку под козырек, произносит:

— Позвольте поздравить Вас с производством в полковники!

И теперь я понял, почему он титулет меня “полковником”. Но я не успел ему ответить, как два десятка рук офицеров-корниловцев подхватили меня и я, потеряв почву под ногами, полетел вверх...

— Ур-ра-а!.. Ур-ра-а!.. Ур-ра-а!.. — понеслось по двору.

— Да стойте!.. Стойте!.. Дайте понять, что случилось? — кричу им, а сам схватился за папаху, чтобы она не сорвалась с головы.

— Нашему дорогому полковнику — ур-ра-а! — кричит Васильев благим матом, и я опять полетел к небу и... обратно.

Наконец я на своих ногах. И, обращаясь к Малыхину, — спрашиваю:

— Николай Павлович — все ли офицеры произведены в следующие чины, в которые были представлены?

— Абсолютно все, господин полковник! — рубит он вновь меня словом “полковник”, как бы получая от этого удовольствие. И в доказательство — повел горизонтально рукой.

Я смотрю на его погоны, — и они у него уже без трех звездочек славного чина сотника. Он был уже в погонах есаула. Я отлично знаю, кто представлен из сотников в есаулы, и они находятся здесь, но еще в старых погонах. Малыхин же купил себе погоны есаула уже в Екатеринодаре.

— Так почему же новые есаулы еще в погонах сотника?! — кричу всем.

Это был сигнал. Их тут же окружили, выхватили кинжалы и... сорвали звездочки благородного сотника, который стоял часовым даже у гроба Господня.

Все с удовольствием поддались “этому насилию”, и только экономный сотник Васильев выкрикнул: “осторожнее— чтобы погоны не испортить!” В есаулы произведены и отсутствующие сотники Клерже и Пухальский. Остальных не помню. Малыхин же не унимается. Сделав лицо серьезным и взяв под козырек, произносит:

— Позвольте Вам, ото всех офицеров полка, преподнести погоны полковника!

И, достав из-за борта черкески, — протягивает мне их. Малыхин был умный и понимающий офицер.

Я беру погоны и смотрю на них. И мне стало почему-то грустно. Я почувствовал, что это еще рано для меня, для моих 26 лет от роду. Ведь я должен теперь посолиднеть, т. е. постареть, когда душа так еще молода! К тому же — я еще не насладился чином и есаула! И чин есаула для меня был солиден! А вот теперь я полковник. И, может быть, и конец карьеры? И так скоро?!

— Ну, господа, а теперь на обед ко мне! — говорю всем и мы, перейдя улицу, — были в своем штабе полка.

— Дайте приказ по войску о производстве, — говорю я Малыхину, когда сели за стол.

— Приказа еще нет, господин полковник, — вдруг отвечает Малыхин.

— Как, т. е., нет? — удивленно спрашиваю его.

И он при всех докладывает:

“После утверждения начальником нашей дивизии генералом Бабиевым — он со всеми наградными листами прибыл в Екатеринодар, представился с ними лично походному атаману генералу Науменко; последний так же утвердил их и представил в Войсковой штаб на подпись Войсковому атаману генералу Филимонову, от которого зависело производство. Но так как подходил праздник Святой Пасхи, то по техническим причинам

— приказ о производстве отпечатан не был. Он выйдет официально только на 4-й день Пасхи, 12 апреля.

Меня это удивило. Не верить Малыхину я не мог, как официальному лицу по должности полкового адъютанта, но не мог я признать “на слово” производство своих офицеров и себя, почему — возвратил тут же ему свои погоны полковника. Это немного огорчило офицеров, так как они, не имея приказа по войску, должны оставаться в прежних чинах. А произведенных было не меньше тридцати человек. Но — приказ по войску действительно вышел на 4-й день Святой Пасхи, 12 апреля 1919 г., который и был получен в полку своевременно.

Святая Пасха на Маныче в 1919 г.

На этом собрании командиры сотен доложили мне, что казаки хотят быть на церковном богослужении и услышать в полночь из уст священника радостное и торжественное “Христос Воскресе!”

Этот вопрос был нелегкий. Противник был от нас в 12 верстах, за Манычем. Астраханский мост через реку находился в руках красных, следовательно, инициатива нападения была также в руках красных. Им ничего не стоило перейти Маныч, и конной массой, пройдя по сухому ровному полю 12 верст — напасть на нас, врасплох. И мы ждали этого нападения именно в ночь под Святую Пасху, когда душа верующего казачества будет в молитвах нестись к Богу, а следовательно, будет расслаблена воля, а они, безбожники, в сатанинской ненависти к Богу — только усилят свой порыв.

Поскакал к Бабиеву. Он разрешил полку быть в церкви, но быть в ней в полной боевой готовности. К 11 часам ночи Корниловский полк численностью до 400 казаков со всеми командами, в конном строю, прибыл на церковную площадь села и построился в резервную колонну. Восемь пулеметов сотника Мартыненко расположились вокруг полка, направив дула пулеметов по всем расходящимся от площади улицам. Мартыненко приказано быть все время только при пулеметах, в церковь не входить и быть в полной готовности ко всяким неожиданностям.

Половине полка, трем сотням, спешившись и держа лошадей в поводу, — быть также в полной боевой готовности. Другая половина полка, сбатовав лошадей, со своими офицерами и с винтовками в руках, вошла в церковь, став строем в несколько шеренг. Казакам разрешено стоять в положении “вольно”, но быть начеку. В черкесках, с винтовками в руках, гуськом, свыше 150 казаков вошли в церковь. Они должны простоять полслужбы и потом заменить те три сотни, которые остались на площади.

Село Дивное было большое и богатое. Просторная церковь. Празднично нарядная толпа зрителей, в особенности крестьянок, с зажженными свечами в руках — удивленно посмотрели на вооруженных казаков в святой церкви, но, видимо, поняли, что идет война, так надо — спокойно продолжали молиться.

На правой мужской половине, впереди всех, стоял наш молодой генерал Бабиев. Рядом с ним усатый генерал-пластун Ходкевич. Подойдя к Бабиеву — тихо, коротко доложил, что сделано на случай тревоги. Он чуть улыбнулся и кивком головы — одобрил.

Служба шла торжественно. Служили три священника и среди них наш полковой батюшка Золотовский из станицы Терновской Кавказского отдела — высокий, стройный, красивый.

Он имел гражданскую прическу, коротенькую подстриженную бородку, чисто выбрит выше нее, а в частной жизни носил штатский костюм. Прибыл в полк он на днях, и я впервые вижу его в церковном облачении. Он был красив в нем и выглядел очень благообразно.

Мне всегда казалось, что священники, отправляя церковную службу, в эти часы не живут личной жизнью, забывают все мирское. Мне думалось, что в эти часы их мысли витают только на небесах, в разговоре с Богом. Но в эту памятную ночь, когда я стоял впереди своих казаков-корниловцев, — я встретился с глазами своего полкового священника. И он не только что посмотрел на меня “по-человечески”, но, как мне показалось, — он чуть улыбнулся глазами. И мне показалось, что он в душе сказал ласково так: “Очень приятно, Ф.И., что вы прибыли в церковь со своими казаками... и я теперь еще торжественнее буду отправлять церковное богослужение. Спасибо вам”. И я не ошибся: он так и рассказал мне свои чувства потом, когда увидел ряды своего Корниловского полка в церкви.

Красные не сделали набега на нас в эту ночь Святой Пасхи. Полк вернулся на свои квартиры и лег спать. Но казачий пасхальный обед начался рано. При раздаче вина и водки по сотням присутствовали многие офицеры, все вахмистры и взводные урядники от сотен и команд полка, со своими артельщиками и многими помощниками. Присутствовали не потому, что нужно было, а потому, что это было впервые в полку, а может быть, и во всей их военной службе. Я и сам, за всю свою военную службу, начиная с 1910г., — впервые вижу, что для казаков была приготовлена та традиционная “чарка водки”, о которой так беспокоился всегда Суворов; и которая так необходима была каждому воину, в особенности на войне.

На Турецком фронте в 1-й Великой войне 1914-1917 гг., в лютые зимние стужи, оторванные от родной земли, почти всегда полуголодные, изможденные в постоянных думах о своей заброшенности казачьи полки, в частности наш 1-й Кавказский, — никогда не дали казаку этой “чарки водки” в праздники. Просто — было не принято. И об этом не думалось. Конечно, казаки пили вино в армянских селах, но пили только украдкой, под страхом наказания, секретно. Суворовская же “чарка водки” кроме физического — давала и моральное подкрепление и выпивалась законно, открыто, при всех и на глазах своих офицеров. И солдат, перед тем как выпить ее, заветную — снимал шапку и крестился.

Вот где была сила, радость, красота и святость этой “солдатской чарки водки”, исходящей от самого батюшки-царя. Вот почему теперь пришли многие, чтобы посмотреть на эту официальную раздачу вина казакам.

Господь Бог послал в этот день мягкое теплое весеннее утро. Заведывающий хозяйственной частью полка подъесаул Козлов, из сверхсрочных образцовых подхорунжих мирного времени 1-го Кавказского полка, был скромнен в своих распоряжениях потому, что он считался “молодым корниловцем”.

Наблюдать картину раздачи вина, действительно, было очень интересно. Сотенные артельщики со своими помощниками прибыли с самыми настоящими и большими ведрами — “чтобы не упустить свое”... Кругом бочки толпились офицеры, вахмистры, урядники. Все ждали этого события, как чего-то особенно жизненного, но “не по питью”, а вот именно как “казенной чарки водки”. Наконец момент настал.

— Можно начинать, господин есаул? — спрашивает Козлов.

— Начинайте, Иван Матвеевич, — отвечаю ему.

— Ну, Господи благослови! — торжественно произносит он и громко, коротко говорит:

— Бойко! Открывай “чоб”! — И густая красная влага вина под своим напором в бочке — длинной дугой выбросилась вон... и первый же казак ловко подставил свое ведро. За ним подставлено следующее ведро, и потом еще — следующее, следующее, следующее, беспрерывно, по одному ведру с четвертью на каждый взвод казаков. Это было чисто запорожская раздача вина. Всем было очень весело и радостно. Черноморские остроты лились рекой тут же, как и лилось из 40-ведерной бочки так приятное на вид красное вино. Роздана и водка — по одному ведру на каждую сотню. Разные команды полка, по ревнивому подсчету вахмистров, — получили пропорционально численности в людях. Казаки на этот счет были ревнивы, подозрительны, но аккуратны.

С поздравлениями своих казаков — офицеры разошлись по своим сотням. И скоро “корниловский район” села заговорил песнями.

Празднику офицеров полка

Бабиев, имея “глаза и уши” в полку, — отлично знал, что в нем приготовились к празднику. Но эти его “глаза и уши” передавали с улыбкой и мне, что он думал.

“Если Елисеев лично не пригласит меня, — в полк я не приеду” — передали они мне его слова.

Я это понял, и мне это понравилось. Я отлично знал его пылкую и пристрастную любовь к полку, и знал, что он будет долго бесноваться, не побывав у нас. И никто его, даже и женщины, не удовлетворят так, как кутеж с офицерами Корниловского полка. Офицеры не могли не знать о неприятностях у меня с ним из-за пишущей машинки и особенно о ранениях. Сотник Васильев, как адъютант и свидетель всего этого, — он со свойственной ему резкостью в правде — возмущался открыто. Вот почему офицеры напряженно ждали: поеду ли я к Бабиеву с приглашением или нет? Но я и минуты не думал, чтобы не пригласить на столь Великий праздник кровью с нами связанного, молодецкого и всегда веселого генерала Бабиева.

Офицерский стол был накрыт в просторном и светлом зале местной школы, находившейся в районе полка. Всем офицерам предложено было прибыть верхом на лошадях к школе, для встречи Бабиева. К штабу дивизии нужно было проехать один квартал вправо и потом один квартал влево. Я там.

— Генерал у себя в комнате, наверху, — сказал мне начальник штаба.

Постучав в дверь, вошел. Бабиев был в своей верблюжьего цвета дачковой черкеске, при кинжале и револьвере, в папахе. Словно куда-то собрался ехать. Вид его был скучный, немного злой, а может быть, разочарованный. Я остановился у двери и, не снимая папахи, приложив руку к ней, докладываю:

— Ваше превосходительство, господа офицеры Корниловского полка и я — просим вас пожаловать к нам на полковой обед по случаю дня праздника Святой Пасхи.

Я хорошо знал Бабиева. Он был бесхитростный человек и добрый, но воспитанный в холе, которому с детства было позволено многое родителями как единственному сыну у них.

Естественно, это развило в нем чувство “мне все возможно”. Но когда он стал офицером, то начал познавать, что это было совсем не так. И “все для него” не могло быть: равные ему офицеры не хотели, а старшие не позволяли. Это его задевало, но — “все хочу” все же не вытравлялось жизнью. И если оно было сдерживаемо старшими и сверстниками тогда, когда он был молодым офицером, то теперь, когда он стал генералом и начальником пяти конных полков, — оно всплывало вновь.

Вот почему в светлый день Святой Пасхи, когда и природа даже оживает, и весь мир ликует Воскресением Христа, — ему было скучно и одиноко.

Доложив, я смотрю, как и полагается, прямо ему в глаза. В те глаза, которые я хорошо знал, изучил и понимал их. И уловил в них, как они чуть дрогнули и... обрадовались. Чопорно, гордо, грудным голосом — он произносит: “Христос Воскресе!” и целует меня в губы три раза. Потом добавляет:

— Вы это искренне зовете меня на обед?

— Разве Вы, Николай Гаврилович, можете сомневаться во мне и в офицерах-корниловцах? — ответил ему.

Подать ему коня было делом одной минуты. У него никто не ходил шагом. И мы в седлах идем вдоль улицы. Он вновь осматривает мою кобылицу, а я любуюсь его энергичным, сильным, веселым и нарядным по-дикому калмыцким конем, которого вижу впервые. Светло-гнедой масти, с лысиной, две или три ноги “в чулках”, физическая сила и задор выпирают во всем его красивом мускулистом теле и в особенности в выпуклых, энергичных и как будто злых, острых ясных глазах. При высоком и гордом поставе головы и шеи — у него очень широкий шаг. Глаза и уши остро направлены только вперед. И только изредка он повернет голову в стороны, будто хочет всем сказать, кто находится впереди и по сторонам: “смотрите, кого я несу на своей спине!” И Бабиев, и его конь — они, действительно, украшали один другого, а вдвоем — представляли редкого по красоте казака-кавказца.

Мы повернули за второй угол улицы. И когда он так неожиданно увидел группу конных офицеров-корниловцев до 25 человек, — недоуменно спросил:

— Что это значит?

— Господа офицеры встречают Вас, — ответил ему.

Медлительный сотник Марков как самый старший в чине едва успел скомандовать: “Смирно! Господа офицеры!” — как Бабиев выкрикнул: “За мной!” и скопытка бросился в карьер вдоль улицы, к нашему штабу полка. Поднимая облачко сыроватой пыли, все офицеры кавардачком понеслись вслед за ним, преследуемые злым лаем собак, выскочивших из своих дворов.

Два длинных стола с яствами и напитками поставлены под прямым углом, буквой “Г”, почему Бабиеву видны были все офицеры. В противоположном углу был накрыт стол для полковых трубачей, также с закусками и выпивкой.

Все мы в черкесках и при полном холодном вооружении. Бабиев впервые среди офицеров с тех пор, как принял дивизию. И он видит, как мало осталось тех, с кем он был тогда! Он

внимательно рассматривает каждого со своего места, спрашивает меня их фамилии, какой станицы и прочее.

После первых рюмок были короткие тосты. Оркестр сопровождал их бравурной “тушью”. Как принято в полку — офицеры садились за стол не по чинам, а по голосам для песен, кроме двух-трех старших, для представительства около Бабиева. И вот, когда офицеры-корниловцы запели свои песни, исключительно черноморские — душа Бабиева растаяла... Он сам хорошо пел, но линейные песни. И он любил в песнях казачьих гик, крик, свист, тарелки, бубен, зурну. Вообще — он любил “бум”, а мы его услаждали, как и услаждались сами такими минорными и мелодичными песнями. Наконец, потешили мы его и веселыми песнями.

Много пелось и много пилось. Обед был долгий, многие размякли. Участились тосты. Самым интересным был тост хорунжего Литвиненко. Он не был особенно пьющим, но компанию поддержать мог и любил. Крупный, широкоплечий, широколицый, весь покрасневший от выпитого — он попросил слова. Все примолкли, так как всегда ожидали от него и умного, и логичного, но чаще очень оригинального. Оно и вышло оригинальным.

“Хурунджый Лытвын”, как называли его казаки, редко говорил по-русски, но зато его черноморская речь всегда была так образна и интересна, как редко у кого:

— Я ню (пью) за гэнэрала Бабия, котрый нас роздрачуе (возбуждает) на всэ!

Дальше ему не дали закончить... Громовое “ура”, крик, смех — заглушили самые благородные его намерения. Бабиев, широко улыбаясь, понял это с самой хорошей стороны, и только сам автор этих слов недоумевал и возмущался, что ему не дали докончить его мысли, тоста.

Ненужное дело

Веселие продолжалось. Было уже за полночь. Вдруг принесли почтограмму от начальника штаба корпуса, генерального штаба полковника Егорова на имя Бабиева. Он просит прочитать ему тихо, и я читаю: “По агентурным сведениям, на Астраханский мост, что через Маныч, только что пришли две новые роты красных с пулеметами. Не находите ли Вы возможным выслать туда две сотни Корниловского полка, чтобы они, с рассветом, атаковали бы их и захватили в плен”.

Мы оба удивлены подобным предложением, к тому же совершенно несвоевременным. Да и почему надо послать сотни от Корниловского полка, когда в селе стоят еще три кубанских конных полка? Бабиев решил не отвечать. Но через час пришло повторное предложение.

— Две сотни в 80 шашек не смогут конной атакой взять две роты в плен, — тихо говорю ему. — И если Вы будете настаивать, то должен выступить весь полк, — добавляю.

— Корниловцы — алла-верды! — встав, крикнул Бабиев.

— Якши иол! — как всегда, дружно подхватили все. И он прочитал всем почтограмму полковника Егорова — “выслать две сотни”. К моему удовольствию — все были удивлены и молчали. Тогда Бабиев продолжил от себя:

— Я посылаю весь полк, и сам с Вами скачу на Маныч!

Дружное “ура” было ему ответом. И многолюдная зала довольно уставших людей, громко загомонила голосами и топотом ног, быстро выскакивая на улицу, чтобы бежать к своим сотням, будить казаков и скакать к Манычу.

Я был настроен совершенно против такого несвоевременного набега, но настаивать перед Бабиевым уже не хотел, чтобы не иметь еще и “третью неприятность” и к тому же по боевому приказу. В душе и Бабиев был против, но предлагал ведь начальник штаба корпуса!..

Походный сигнал “Генерал-марш”, пропетый всем хором трубачей, — не разбудил казаков в их хатах после торжественного и веселого дня Святой Пасхи. В общем, сотни долго седлали, собирались, строились. Мы с Бабиевым были нормальны, но многие офицеры сильно размякли от выпитого. И 12 верст к Манычу — полк все же шел широкой рысью, изредка переводя коней в шаг.

И как мы ни торопились, а к Манычу подошли с рассветом. Где этот Астраханский мост? каков он? — никто из нас не знал. Два раза мы его переходили только ночью, почему местность вокруг была неведома.

Бабиев оставляет с собой две сотни, пулеметную команду и хор трубачей к югу от места моста, а меня с четырьмя сотнями отправляет на восток, между двух параллельных полынней воды, пройдя которые, надо свернуть на север, перейти вброд заросли и атаковать красных с востока. Он же атакует с юга; при неудаче — обеспечит путь отхода моим сотням. Со мной чуть свыше 150 казаков.

Чтобы поспеть до полного рассвета — широкой рысью иду на восток. Впереди цепь головных дозоров. Со мной мужичонка-старик, проводник, на худой лошаденке без седла. Прошли версты три и видим — северный, левый Маныч будто сразу сузился, словно пересох. Мужичонка показывает рукой на север, сказав — что здесь его можно перейти вброд. Уже светало. Мы явно опоздали. И только что сотни повернули на север — как по ним зацокотали выстрелы с высокого берега красных. Это была конная застава противника, которая, рассыпавшись, скрылась за бугром. Мы и опоздали, и обнаружены. И когда перешли вброд и выбрались на плато, — было совершенно светло. Наступал день. Выбросив вперед 6-ю сотню под командованием зауряд-хорунжего Черного, с остальными тремя сотнями, в линии колонн, последовал за ним. Сотни пошли сразу же широким наметом, а куда и на кого — не знали, как и не видели противника, — где он? И жаркий немедленный ружейный и пулеметный огонь сказал нам, что нас уже ждали... В головной сотне сразу же появились потери в лошадях. Несколько казаков с седлами в руках бежали нам навстречу. Рой пуль пронизал уже и мой густой строй. Скакавший впереди 2-й сотни хорунжий Савченко 2-й как-то неестественно запрыгал в седле... потом соскочил с раненого коня и бросился влево, к обрыву. 6-я головная сотня, не выдержав огня, повернула назад. Чтобы не быть смятым своими — шашкой указал сотням хлынуть также влево, к обрыву.

Все погибло, точно вижу я. Не хватало еще того, чтобы красные сбили заслон Бабиева и отрезали бы нам путь отступления... Вновь быстро перейдя заросли Маныча — на рысях, взводной колонной сотен, иду назад. Рядом со мной, за спиной казака, на крупе его коня — трясется хорунжий Савченко и горестно выкрикивает:

— Господин полковник!.. Восемнадцать лет прослужил на коне... и вот... потерял!.. — и при этом крутит беспомощно головой.

Я хорошо знал его рослого могучего гнедого коня, старого летами, но еще очень крепкого. Сам хорунжий Савченко крупный мужчина и немолодой. И мне его очень жаль, как он убивается по своему коню.

— Если бы к делу!.. Ну, а тут!.. Зачем все это было? — громко говорит он мне, чем точно выражает и мое личное мнение, да, думаю, — и мнение всего полка. Человек десять казаков так же трясутся на крупах лошадей своих товарищей. Двух тяжело раненных казаков поддерживают с обеих сторон в седлах, стараясь не отставать от сотен. Раненые казаки стонут и беспомощно болтаются в седлах. Оба ранены в живот, но перевязывать нет времени...

Я проклиная свое малодушие перед Бабиевым, почему не отклонил, не настоял на ненужности этого набега, да еще в такое время, после такого пира всего полка, задуманного и организованного с благородной целью. На душе было полынно горько.

Бабиев со своим ординарческим взводом наметом двинулся в Дивное, а полк, перевязав раненых и усадив их на линейки вместе с казаками, потерявшими своих лошадей — шагом, устало, с досадой — также двинулся в Дивное. Я страдал морально. То, что я более чем два месяца так ревностно и так осторожно, деликатно созидал в понятии чести и благородной воинской дружеской дисциплине, — все это было словно похоронено в это утро. К вечеру умерли эти два раненые казака.

ТЕТРАДЬ ДВЕНАДЦАТАЯ

Пикник у Бабиева

На второй день Святой Пасхи 10 апреля 1919 г., к вечеру — я и все офицеры полка неожиданно получили приглашение от Бабиева на ответный пикник, за селом, куда приглашались выехать верхом на лошадях и с хором трубачей. Сборный пункт у штаба дивизии. В приглашении сказано, что он, Бабиев, из Святого Креста, получил двухведерный бочоночек красного церковного вина и хочет распить его с родными корниловцами. Все угощение от него.

К 4 часам вечера мы выехали. Миновав село, открылся выгон. Вдали стояла ветряная мельница на бугорке. Бабиев шел впереди, нас всех выстроил в одну шеренгу. Идем шагом и, как всегда, весело перебрасываемся между собой шутивными фразами. Вдруг Бабиев неожиданно выкрикнул:

— За мной!.. Чья возьмет!

И с места бросил в полный карьер своего горячего прыткого коня Калмыка. Под офицерами были довольно хорошие строевые лошади, но, конечно, не для скачек. Высокие и сильные кобылицы были только подо мной, есаулом Васильевым и сотником Литвиненко. Лучшая лошадь во всей дивизии Бабиева была под Васильевым, на три четверти английской крови, мощная, но спокойная.

Есаул Васильев не был “скакун”. От неожиданности — мы также бросились в карьер, но — как попало, и тогда, когда Бабиев был уже далеко от нас впереди. Некоторые прыткие кони выскочили первыми. Моя кобылица, по кличке Ольга, — словно уловив чувство состязания, потребовала от меня “повод”. Да и я сам был ущемлен — как лукавым подходом Бабиева, так и тем, что несколько подчиненных офицеров были впереди меня.

Сильными махами кобылица опередила всех и приближалась к Бабиеву. Я уже не сомневался, что опережу и его. И хотя он указал дистанцию до мельницы, но тут, не доходя до нее шагов двести, вдруг поднял руку вверх и громко скомандовал:

— СТОЙ РАВНЯЙСЯ СТО-ОЙ! — словами кавалерийского устава.

Уже шагом, на разгоряченных лошадях приблизившись к мельнице, — спешили, сбатовали лошадей. Вслед подошла личная тачанка Бабиева, с вином и закуской. Казаки быстро постлали на траве скатерти, и все расселись вокруг “по-азиатски”. И началось очень дружное веселье, полковое семейное, без высоких слов и тостов. Полковой оркестр трубачей, у полкового флага с пышным черным конским хвостом на высоком древке, наигрывал нам свои мелодии. Мы пьем, закусываем, смеемся, говорим. Генерал Бабиев, словно равный среди нас. Офицеры полка веселые, радостные. Всего лишь третий день, как почти все получили высшие чины за боевую службу, за подвиги. Рады и веселы, в особенности есаулы, бывшие только “вчера” сотниками, перескочив через чин — Марков, Васильев, Лебедев, Мартыненко, Друшляков, Иванов, Твердый, Саша Клерже, Малыхин. Как и рады многие сотники, засидевшиеся так долго в чине хорунжего, среди которых храбрый и самый остроумный и веселый Литвиненко. Все в новых погонах, и только я не надел погоны полковника до получения официального приказа по войску.

В разгар веселья полковой адъютант есаул Малыхин вдруг резко поднялся на ноги, вытянулся в отчетливую стойку “смирно”, взял руку под козырек и как-то настойчиво и вызывающе спросил у генерала слово. Все офицеры сразу примолкли и повернули к нему головы.

“Что он хочет сказать?” — удивленно подумал я, когда за все веселье, если и были тосты, то короткие, семейные и которые произносились запросто и сидя на бурках с поджатыми по-азиатски ногами. Получив разрешение и опустив руку, но стоя как-то особенно щегольски “смирно”, он начал:

— Я ездил... я старался... я бегал по Екетеринодару... я хлопотал и торопился назад, чтобы поспеть в полк к Святой Пасхе и порадовать всех офицеров с производством их в следующие чины... Все остались рады, все надели новые погоны, и только сам командир полка, полковник Елисеев, огорчает нас всех, оставаясь все в тех же своих погонах есаула...

И, как бы передохнув после такой тирады слов, он повернулся лицом к Бабиеву и, взяв вновь руку под козырек, резко и настойчиво выкрикнул:

— Ваше превосходительство! Позвольте нам силой надеть на него полковничьи погоны?

— Взять его! — резко выкрикнул Бабиев; и толпа офицеров набросилась на меня, схватила за руки, повалила на спину... ближайшие выхватили кинжалы, мигом спорили погоны, а предусмотрительный Малыхин — уже держал в руках погоны полковника и английские булавки. Я уже не сопротивлялся. И через две-три минуты — они бросали меня вверх и вниз под крики “ура” и бравурную “тушь” полкового оркестра трубачей.

Малыхин был хорошо воспитанный и находчивый офицер. И, как потом оказалось, все это было сговорено заранее со старшими офицерами. После этого веселье как бы усилилось. Бабиев же, как всегда, был бодр и весел. Но вдруг он нескромно и гордо говорит:

— Никто из Вас не мог опередить моего коня!

— Если бы Вы не остановили нас, моя кобылица опередила бы Вашего Калмыка, — нарочно, шутейно, по-дружески, спокойно ответил я.

При офицерах я называл его на “Вы” и по имени и отчеству.

— Меня-а?! Моего коня обогнать?! — вдруг резко, удивленно и ревниво выкрикнул он. — Завтра же, на выгоне, прикажу расставить “вехи” на две версты по длине и выедем на состязание... и если Ваша кобылица обгонит моего Калмыка — то я отдаю его Вам бесплатно! Такой конь тогда мне не нужен! — добавляет он резко, нетерпеливо.

Все офицеры примолкли от такой неожиданности. Меня же “черт дернул” ответить ему, хотя и спокойно, но с некоторым ехидством:

— Хорошо... но, если Ваш Калмык обгонит мою кобылицу, я так же отдам Вам ее бесплатно.

Это еще больше “подлило в огонь масла”.

— Если обгоню — я не возьму Вашу кобылицу! — гордо говорит он.

— Если обгоню — я тоже не возьму Вашего коня, — вторю ему спокойным языком, принимая этот диалог с ним совершенно несерьезным. Все офицеры примолкли, зная властность Бабиева.

— Я тоже нэ взяв бы Вашего “Кимлыка” (Калмыка), як бы обигнав його на своей кобыльци, — вдруг громко говорит всегда находчивый и остроумный сотник Литвиненко, любимец Бабиева, и громко рассмеялся.

Засмеялись и другие офицеры, и вопрос был исчерпан. Но мне не понравилось такое заявление Бабиева. Я отлично знал его властность на первенство во всем и над всеми, но в спортивном мире подобное заявление совершенно недопустимо. И в конном спорте чинов и начальников нет! В 1910 г. в Екатеринодаре, на полковых скачках, 20-летний хорунжий Журавель далеко оставил позади себя командиров сотен, 45-летних есаулов Крыжановского и Аландера и те, после поражения — дружески жали руку молодому хорунжему, годному им в сыновья. А потом, в полковом веселье дружной офицерской семьи, какой может быть спор — у кого лошадь лучше?!

Вопрос был так же быстро исчерпан, как и возник, и веселье продолжалось. Но Бабиев этого не забыл...

Одно интересное озорство

Уже темнело. Вдруг Бабиев говорит: “Господа... я и забыл: сегодня во 2-м Полтавском полку ужин и бал с местной интеллигенцией и я туда приглашен. Едемте все!.. Все со мной!.. Я не хочу расставаться с корниловцами!”

С оркестром трубачей мы вступили в село и приблизились ко второй местной школе. Во всех окнах яркий свет.

Перед парадным крыльцом Бабиев выровнял нас в одну шеренгу. Наш оркестр ревет брагурный марш. Командир полка, полковник Преображенский, выскочил на парадное крыльцо и просит Бабиева войти, где его давно ждут.

— Дорогу!.. Хочу въехать верхом! — громко говорит он Преображенскому и направляет своего коня на порожки крыльца. В коридоре темно. Его горячий Калмык, которому, казалось, тесно и в степи — нервно семенит передними ногами, крутит задом и хвостом и не слушает своего седока.

— Джембулат — вперед! — кричит он мне.

Я выдвинулся из тесного фронта своих офицеров, и моя кобылица, обнюхав порожки, послушно взошла на них. За мной последовали есаул Васильев и сотник Литвиненко, всегдашние инициаторы в полку. Конь Бабиева, следуя животному инстинкту, двинулся за ними.

— В залу, в залу! — командует мне позади Бабиев, и я, повернув в первую же дверь направо, въехал в очень освещенную залу, где за длинным столом у противоположной стороны сидело человек до 25 офицеров и штатских и столько же дам.

— Цок-цок-цок-цок... — издавали этот характерный звук по деревянному полу входившие один за другим всадники и выстраивались в одну шеренгу, фронтом к столу. При таком диком нашем появлении — все дамы нервно вскочили со своих стульев и с испугом прижались к стене. И я заметил на лицах их не один испуг, но и то, от чего становилось стыдно...

— На-право — равняйся! — командует Бабиев. И все офицеры-корниловцы повернули головы направо, т. е. на меня, на своего командира полка, на “озорника номер два”, так как Бабиев был “номер первый”. И я уже думаю-страдаю — почему я не отговорил или не ослушался своего начальника дивизии генерала Бабиева и не ускакал от него в полк со своими офицерами? Но это была бы уже “четвертая неприятность” с Бабиевым. И ослушания он не забывает... Бабиев же, словно упиваясь этим озорством, — командует:

— Смирно!.. Господа офицеры! — взяв руку под козырек, словно приветствуя полтавцев и их гостей, молча и изумленно смотревших на нас.

— Становись на седла! — несется следующая его команда — и мы все “стали на седла”. Он хочет также стать на седло, но его нервный конь не стоит на месте. К тому же у него только одна рабочая рука.

— Лезгинку! — кричит он трубачам. И лезгинка грянула.

— Полковник Елисеев!.. Со мной! — командует он и... спрыгнув с седел, — мы понеслись в танце.

Это вывело “зрителей” из недоумения, и они громко зааплодировали. Полковник Преображенский, храбрый офицер, большой службист и почитатель Бабиева — он не знал — что делать? Он уважал и боялся Бабиева, почему и не знал, как все это прекратить? И когда лезгинка окончилась, он быстро подошел к Бабиеву и попросил представиться дамам. А я, воспользовавшись “отлучкой” генерала, “прошипел” своим офицерам: “Выводи лошадей как можно скорее!”

— Куд-да? — бросил Бабиев, услышав топот уводимых лошадей. Но я ему махнул только рукой, дескать — “довольно”! Он не реагировал.

Я не раз кутил с Бабиевым, когда он был сотником и подъесаулом. Он пьет немного, но он может долго кутить ради веселья. И в веселье должен быть обязательно “бум”, танцы, гик, стрельба из револьверов и вообще все шумно, широко, оригинально. Но, делая в веселье озорство, он никогда не терял головы, т. е. делал все продуманно. Зная все эти его увлечения и став в дивизии командиром полка, да и раньше, будучи его помощником, — я всегда воздерживался в шумном веселье, чтобы вовремя и по-дружески — умерить его пыл. Так было и теперь.

У кубанских и у терских казаков считалось шиком во время гульбы въехать в дом верхом на лошади. Это в станичной жизни. Прodelывали это только молодецкие казаки, отслужившие и, конечно, на своем строевом коне. Это считалось верхом лихости и смелости. Как и полной послушности лошади ее хозяину. Но в данном случае “въехавших” было очень много, свыше двух десятков. Кроме того, въехали в чужую среду, не в казачью, которая этого понять не могла. И термин “озорство” определяется много лет спустя, когда психология переменялась. Молодецкая кровь бушевала и не знала, куда и во что должна вылиться.

Пополнение в полк

Из войска совершенно неожиданно прибыло пополнение в полк, силой в 120 конных казаков. Эту сотню привел сотник Гурбич*, сын члена Краевой Рады; его помощником был сотник Троян*.

Все эти молодые казаки, призыва 1919 г., сидели на отличных лошадях, т. е. на таких лошадях, на которых казаки отправлялись на действительную службу при императорской власти. Надо было не только что восторгаться, но надо было удивляться: как в такое смутное время, когда русский крестьянин и рабочий, да и другие слои населения Великой России, психологически стали на сторону красной власти — Кубанское Войско, его станицы, его казачьи семьи на собственный счет шлют конными и вооруженными своих сыновей на фронт, словно по приказу самого Царя, ослушаться которого считалось недопустимым религиозно-государственным мышлением всего казачества. Эта сотня молодых казаков была составлена из Хоперского, Лабинского и Уманского полковых округов. Каждому из них шел 21-й год от рождения. Сердце радовалось, смотря на эту бодрую зеленую молодежь. Полк сразу же вырос в своей численности до 400 боевых пашек в строю, не считая пулеметной и других команд полка.

Это пополнение прибыло на Страстной неделе, за несколько дней до Святой Пасхи. С командирами сотен осматриваем и оцениваем лошадей, на предмет вознаграждения семьям, в случае гибели их в боях. В оценке не скупимся, так как деньги уже теряли свою ценность. Потом ревниво распределили их по сотням, как не служивших и не обстрелянных или, может быть, очень мало и случайно обстрелянных. И надобно же было случиться, что через несколько дней, в ночь на второй день Святой Пасхи, во время ненужного набега полка на Астраханский мост через Маныч — тяжело раненные и умершие в тот же день два казака были именно из этого пополнения. В боях потери были и сильнее, когда был нужный бой. Но здесь — был набег совершенно ненужный, по капризу штаба. Я остро пережил гибель этих двух молодых казачат, погибших зря.

Из войскового штаба пришло распоряжение: “от каждого полка командировать в Анапу, на пулеметные курсы, по одному офицеру в чине хорунжего и по два младших урядника”. Я всегда считался с мнением офицеров полка, когда предстояло хорошее или плохое дело. Я считал, что всякое дело надо обсудить вместе, решить его и потом уже действовать, чтобы каждому было ясно — что и как? В данном случае предстояла очень приятная командировка в тыл. Кого же командировать? Всяк ведь хотел отдыха! К тому же требовался офицер грамотный, как и грамотные урядники. Собрав офицеров и прочтя приказ, спросил: “Кто хочет?”

Все молчат. Молчат не потому, что не хотят, а потому что — ну как это можно изъявить личное желание уехать из полка, из храброго Корниловского конного полка и... в тыл? Ведь за это будет всегдашний укор от других и дружеская насмешка: “А-а... бисова душа!.. На пулымэтни курсы издыв? тикав з хронта?” Так и будут всегда его “тыкать” этим. Все это было далеко до Святой Пасхи.

— Господин есаул! А не лучше ли командировать на курсы Жоржа, после его выздоровления? — прерывает молчание хорунжий Литвиненко. Это он говорит о нашем третьем брате, Георгии, хорунжем, который находился на Кубани после тяжелого ранения.

Я всегда был щепетильный, когда дело касалось этики. В данном случае, командировать на курсы своего родного брата — я запротестовал. Но, к моему удивлению, — все громко поддержали мнение Литвиненко, как лучший выход из положения, и я согласился. Из урядников был командирован Макаренко*.

Полк обогатился есаулами. В наличии их было девять. Я решил поощрить и уравнять их труд. По новому положению, полагалось два помощника в строю. Ими были назначены есаулы Марков и Лебедев Пантелеймон. Я готовил почву подтянуть обоз 2-го разряда из Лабинской станицы, ближе к полку, а для этого его начальником должен быть испытанный строевой офицер и офицер с фронта. Все остановились на Васильеве. С резким, правдивым и неподкупным характером — он подходил как нельзя лучше к этой операции, к тому же все были уверены, что он выгонит из обоза всех дармоедов на фронт. Есаула Сменова я решил вызвать в полк. Его по хозяйственной части замещал здесь 10-й из наличных есаулов, Козлов, только что переименованный из подьесаулов в есаулы. На Васильева были приготовлены все документы, и он должен выехать в Лабинскую “завтра”.

Тревога. Есаул Васильев

На второй день, 13 апреля, в часы завтрака — по селу Дивному раздались сигнальные звуки тревоги. Корниловский конный, 1-й Кавказский, 1-й Таманский и 2-й Полтавский полки — быстро выскочили на сельскую площадь и там узнали, что красные перешли Маныч, но где они и сколько их — мы не знали. И когда полки стояли на площади в ожидании генерала Бабиева — ко мне подъехал на своей мощной гнедой кобылице есаул Васильев — вяло, нерешительно, словно не зная — где ему стать и что делать? Он имел уже при себе все командировочные документы.

— Ну, езжайте с Богом, Яков Клементьевич, — говорю я ему.

— Я не поеду, Федор Иванович, — вдруг отвечает он.

— То есть как не поедете? — удивленно спрашиваю его.

— Да как же мне ехать, когда наш полк выскочил по тревоге? Окончится она, тогда я и поеду, — спокойно, грустно отвечает он.

— Езжайте, езжайте, Клементич!.. Мы все это и без Вас сделаем, — дружески говорю ему.

— Нет... я не поеду!. Это совсем неловко будет. Еще скажут, что обрадовался Васильев... и не пошел с полком, — продолжает он упорствовать.

— Езжайте! Кто это о Вас так может сказать? Словно Вас не знают! — уже более твердо говорю ему.

— Нет-нет, Федор Иванович! Я буду при Вас. И как только все пройдет, и мы отобьем красных — я прямо с места тронусь на село Петровское. И не уговаривайте меня... я не могу иначе поступить, — упрямо закончил он.

Мне было досадно за его упрямство, но в это время к полкам молодецки подлетел Бабиев, поздоровался с каждым в отдельности и быстро двинулся с ними из села.

Широкой рысью полки шли на запад, к Макинским хуторам. Впереди шел 1-й Кавказский полк. За ним наш Корниловский. Весна была в полном своем цвету. Трава была уже выше четверти. В линии взводных колонн — полк легко идет вперед. Рядом со мной, скучно, без дела, не находя своего места в строю, — молча рысит Васильев.

— Дорогой друг!.. У Вас документы уже в кармане... поезжайте с Богом, шляхом... — трактую ему на широком аллюре рысью.

— Дорогой друг и господин полковник! — пронизывал он меня. — Не могу же я ехать шляхом, когда наш полк, Корниловский, скачет в бой! Меня сочтут еще трусом!..

Мне следовало бы просто приказать ему не быть с полком и двигаться по назначению! Но — у нас были исключительно дружеские взаимоотношения, и его воинские чувства я понимал. Почему и не осмелился приказывать.

Не доходя до Макинских хуторов, полки были остановлены, сосредоточены и спешены, укрывшись в ложбине. Перед полками маленький перекаат местности. На нем небольшой курганчик. С командирами сотен взошел на него и остановился. Впереди курганчика стояли генералы Бабиев и Ходкевич и еще несколько офицеров-пластунов. Все они в бинокли смотрели вперед, на север, в сторону противника. Направили свои бинокли и мы,

но противника не обнаружили. Неожиданно защелкали выстрелы красных, и пули высоко пролетели над нашими головами. Один батальон пластунов был двинут вперед. Быстрым шагом рассыпаясь в цепь — они на ходу заряжали винтовки. Пластуны, кто в гимнастерках, а кто в черкесках, но все “в кожных” нараспашку — очень быстрым шагом, словно на кулачки, активно бросились на врага, которого видно не было. Со стороны красных затрещали частые выстрелы. Мы все, стоявшие на кургане, — вперились в бинокли. Вдруг очередь пуль из пулемета, шурша в своем полете, пронеслась над нашими головами. Мы переглянулись. Следом вторая очередь пронеслась уже над нашими головами. Корниловцы не любили “пригинаться” под пулями. Вернее — в полку это считалось просто недопустимым явлением, хотя бы и было страшно. Но я все же предложил всем офицерам спуститься с курганчика вниз, к полку, стоявшему позади. Офицеры переглянулись между собой, словно испытывая и спрашивая один другого: “Кто же первый из нас решится на столь позорный шаг?”

И тут же следующий сноп пуль хватил всех нас по бедрам. И из всех стоявших офицеров — есаул Васильев дико крикнул, схватился за живот, согнулся и стал падать — единственный из нас... Он стоял со мной рядом. Я быстро схватил его под руки, сзади. Есаул Лебедев за ноги. Подскочили ближайšie офицеры, и все мы густой толпой сбросились вниз с кургана, неся стонущего друга.

Подбежал полковой врач Александров. Васильев жестоко стонал. Его перевязали.

— Конец — Федор Иванович! — очень явственно произнес Васильев, глядя на меня.

— Што Вы, дорогой!.. Крепитесь! — совершенно не думая “о его конце”, бодро, но с большим состраданием в душе успокаиваю его.

— Умру... чувствую, — коротко, трезво произносит он.

Уложили его на линейку и с фельдшером и полковым священником отцом Золотовским — немедленно отправили в Дивное. Он уже не стонал. Но только двинулась линейка — как раздирающие душу стоны, со словами “тише! тише!” — раздались из его уст. Он просил ехать как можно тише. Всем нам стало очень грустно. Врач Александров сказал, что ранение очень серьезное, в живот, и о результатах сказать еще не может.

Конная атака корниловцев. Путаница

Оставив всех офицеров при полку, взошел вновь на курганчик, но уже один.

У Бабиева было хорошее боевое чутье и порыв. Он и команды произносил всегда порывисто. Желая родному полку боевой славы, он бросал его чаще, чем другие полки дивизии, всегда, везде и всюду. Его девиз был — “Корниловцы должны быть только впереди”. Пластуны одним махом сбили красных. Последние повернули назад.

— КОРНИЛОВЦЫ — В АТАКУ-У! — быстро повернувшись лицом в мою сторону, крикнул Бабиев. И больше ни слова. Брошено твердо и определенно.

Миг... один лишь миг. И густой резервной колонной, с развивающимися конскими хвостами на значках — полк, как стоял, так и рванулся с места, умиляя сердце пылкого Бабиева. А миновав его — 1-я и 2-я сотни, карьером бросились вперед, размыкаясь на ходу в двухшереножный развернутый строй.

Я не любил боевого строя “лавы”. В гражданской войне он был беспомощный при густых и многочисленных пехотных цепях красных. Кроме того, в лавах казаки выходили из-под слов команды своих офицеров и конного удара этим строем нанести не могли. Я совершенно запретил им пользоваться. Вахмистрам сотен — строго-настрого приказал в конных атаках быть всегда на своих местах, т. е. — позади строя сотен и, если нужно, пользоваться плетью...

В данном случае, выбросив две сотни вперед двухшереножным рассыпанным строем, я держал “в кулаке” остальные четыре сотни и пулеметную команду, с которыми мог в любой момент отразить всякую неожиданную неприятность.

Не допустив красных до Маныча, полк захватил полностью весь Красноярский стрелковый полк, численностью до 500 штыков, и два ручных пулемета. Шедшие вслед за корниловцами, “уступом позади”, 1-й Кавказский и 2-й Полтавский — захватили еще четырех пулемета и одно полевое орудие. Конница красных с тачанками (видимо, с пулеметами) — хлынула на север. Без задержки двигаясь через полувысохший топкий Маныч, — мы увидели вправо от себя еще одну пехотную группу красных, спешно отходивших на север по возвышенности. Командир правофланговой 1-й сотни есаул Твердый, по собственной инициативе, бросил вправо один взвод казаков. Из рассыпного строя своих казаков быстро выдвинулся вперед хорунжий Голованенко. На своей высокой длинноногой донской кобылице, оставив далеко позади себя своих, он заметно приближался к колонне красных, густую “кишкой” отходивших на север.

“Пог-гиб офицер” — волновался я. И как это неразумно — бросив казаков, на своей резвой кобылице — одному скакать в атаку против двухсот красных солдат. Ведь один лишь выстрел и... полетит храбрая голова хорунжего. Но произошло иное: красные остановились и... побросали винтовки на землю. Тут же подсккали отставшие казаки, и вся рота сапер, только вчера прибывшая из Царицына для наводки нового моста через Маныч, — стала также добычей Корниловского полка.

Этот участок фронта красных был пленен полностью. И насколько была стремительна атака, можно судить по тому, что полки не понесли абсолютно никаких потерь.

Фронт перед нами оголился. Корниловцы и кавказцы, под командой бригадного командира полковника Венкова*, — были брошены на север к селу Кормовому, в преследование конной группы красных. Генерал Бабиев с 1-м Таманским и 2-м Полтавским полками задержался где-то позади. У самого села Кормовое, по поперечному бугру — полки встретили сопротивление и остановлены Венковым. С единственным своим конным вестовым, составлявшим его “штаб бригады”, — он скакал впереди полков на упрощенной, но сильной строевой лошади, изредка мрачно покрикивая полкам: “Вперед!.. Вперед!”

Мы были в далекой голой степи и почувствовали себя и уставшими и как бы беспомощными. Широким наметом полки прошли около двенадцати верст, и двигаться дальше, не зная боевой обстановки, скакать, было небезопасно.

На восток от нас, у села Приютного, и на север, у села Кормового, по степи видны были — гурты ли скота, или группы войск — мы не смогли точно рассмотреть при весеннем мареве играющего солнца. Оно, в своей весенней прихоти — изображало даже и озера (мираж). Потом все это исчезало, и перед нами была вновь молодая степь, раскинутая так далеко, насколько хватало человеческих глаз.

Впереди нас маячили наши наблюдательные лавы, а полки, спешившись, отдыхали, ожидая дальнейших распоряжений. Полковник Венков, недавно прибывший в дивизию, был нелюдим. Со своим вестовым он спешил вдали от полков. Мы же, молодежь бригады, сидя кружком на молодой травке, болтали, как всегда, о разном. Как-то так вышло, что я сидел спиной к противнику. Против меня сидел есаул Храмов, сверстник по Оренбургскому училищу и однополчанин по полку мирного времени. Рядом — наш старший брат Андрей, сотник-кавказец, и другие кавказцы и корниловцы. Изредка, с визгом, пролетали пули над нашими головами, но на них как-то никто не обращал внимания. Потом они участились. Было уже неприятно сидеть спиной к ним. Так и думалось: вот одна из них ударит обязательно в затылок... или в спину. Но менять место — было стыдно. К тому же — мы только что одержали дивную победу; нам весело и приятно; в особенности быть вместе с родными кавказцами.

“Джик-джик!” — несется над головами. Есаул Храмов после непрерывной скачки — вспотел. Он сидит без папахи и, как мы все, по-азиатски поджав под себя ноги. И мне очень приятно быть с ним и говорить, говорить. Вдруг, с очень близкого расстояния пронеслось “джик!” и Храмов, коротко “ахнув”, — упал лицом вперед, схватившись руками за голову. Мы к нему, думаем — убит! Но он тихо поднялся сам и смотрит на нас безумными глазами, словно очень много выпил и чешет голову. Пуля угодила ему ровно выше лба и четко прорезала борозду его черных волос до самой макушки, скользнув по черепу. Врач тут же спиртом промыл царапину, перевязал голову и отправил в тыл молодецкого Ваню Храмова. На палец ниже — пуля угодила бы прямо в лоб. И был бы конец доблестному кубанскому офицеру. Столько странностей бывает в боях.

Вдруг — всю нашу бригаду спешно отзывают назад, к полтавцам и таманцам, к резерву генерала Бабиева. Широкими аллюрами полковник Венков ведет полки на юг. В дороге узнаем: красные целой пехотной дивизией перешли Маныч, опять отеснили 1-й Черноморский полк полковника Малышенко к югу, за село Кистинское и Макинские хутора, и угрожают селу Дивному, где остались наши канцелярии, обозы и разные “хвосты полков”. Оказалось, что захваченный только что Черноярский пехотный полк — был их левой колонной, с демонстративным наступлением на село Дивное. Главные же силы были брошены через греблю на село Кистинское.

Огорченный событиями и ужаленный в самое чувствительное место — пылкий Бабиев немедленно бросается со всеми четырьмя своими полками и двумя батареями по их свежим следам, на Кистинское с севера. Корниловцы и кавказцы, на уставших лошадях, едва поспевают за свежими полками Таманским и Полтавским, оставляя позади себя “хвосты” отсталых казаков, свои пулеметы и даже свою батарею. Облако пыли от двухтысячной массы конницы — скрывало и наши хвосты, и нас от наблюдения красными.

Солнце уже клонилось к закату, когда полки доходили до района гребли с севера, где были встречены жестоким артиллерийским огнем четырех орудий с южного (нашего) берега Маныча и пулеметным — у начала гребли на северном берегу. С севера, к Манычу — шел пологий скат, и полки видны были красным как на ладони. Перед полками стояло узкое дефиле-гребля около одной версты длиной, защищаемое артиллерийским, пулеметным и пехотным огнем и, естественно, — конница не могла взять его. Фактически — полки, целая дивизия казачьей конницы — была в тылу у красных, но в то же самое время красные угрожали всему нашему тылу и самой базе на Ставрополь. Полки крутились на пологом склоне в сторону красных, беспомощно, посотенно, укрываясь в разных скважинах. Но и там находил их адский огонь красных. По форватеру балки,

спускающейся к красным, — один, без вестового, шагом кружился Бабиев, бросая строгие острые взгляды на полки, которые стояли молча, не зная, что делать. Командиры полков — Кавказского Орфенов, Полтавского Преображенский (оба не казаки) и Таманского Гречишкин — были старыми офицерами, лет под 45 и видные ростом. Все они были летами гораздо старше Бабиева, и только я был молод.

Кружась между полками, вдруг он зло выкрикнул: “Полковник Елисейев! Соберите свой полк!” Я не удивился: на ком-то он должен был сорвать свою злость. Ну, конечно, на своем друге и на самом младшем подчиненном в должности командира полка. Откозырнув ему, дескать — “Слушаюсь!” — я шагом проехал перед своими сотнями в балочках и вновь стал на прежнем месте. Посмотрев в мою сторону — он ничего не сказал. Да и нечего было говорить, так как если собрать полк в густую массу, то это будет лучшая цель для красной артиллерии.

Шрапнельный огонь красных, выпускаемый сразу из четырех орудий, удачно рвался над полками. И полки буквально не находили места, где бы укрыться от него. После разрыва снарядов над сотнями — они самостоятельно искали место для нового укрытия. И словно ужаленная в голову змея — они изворачивались в своем строе, стараясь еще как-то и где-то укрыться. Было ясно, что наше пребывание здесь и в таком положении — совершенно бесполезно. Но... кто мог доложить, внушить это гордому Бабиеву?

— Полковник Орфенов! Атакуйте греблю! — вдруг приказывает он командиру 1-го Кавказского полка.

И 45-летний гусар-полковник, в кителе, в пенсне, на английском легком седле, одетый очень легко, совершенно не по-походному, а словно выехавший на конную прогулку, храбрый и любимый казаками своего полка — он приложил руку к козырьку фуражки и произнес:

— Слушаюсь, Ваше превосходительство! — и нерешительно выдвинул две сотни вперед. Под уклон — сотни рассыпались, идя крупной рысью, — но по ним сразу же заскворчали пулеметы красных. Они заерзали по неровной местности, замялись и скрылись в буграках. Боевой приказ остался невыполненным.

На наше счастье — солнце зашло за небосклон, и стало темнеть. Возвращаясь глубоким обходом назад, кругом, между многочисленными маньчскими рукавами — мы совершенно не знали, что будет завтра. До села Дивного, нашей базы, было верст 40-45. И мне казалось, что из-за усталости лошадей сегодня мы не дойдем до него. К тому же целый день и эту ночь — никто не ел и не пил — как люди, так и лошади.

Проводник крестьянин, на неоседланной лошади, шел впереди штаба дивизии. Корниловский полк шел головным. От Бабиева меня отделяла лишь группа казаков-ординарцев человек в тридцать. Меж извилин Маныча, в непроглядной темноте, мы начали блуждать. Бабиев нервничал и был очень злой. И только к полуночи мы достигли Астраханского моста. Мы теперь знали, что через двенадцать верст будем в нашем Дивном, где найдем главное — отдых. Есть уже и не хотелось. Далеко за полночь — молча, грузно, усталые — полки вошли в село. В этот день корниловцы и кавказцы — на широких аллюрах — сделали не менее 75 верст. В этот день и белые, и красные были друг у друга в тылу.

На следующий день, 14 апреля, вновь поход. Полки выстроились на той же сельской площади и ждали Бабиева. 2-й Полтавский полк выступил раньше на Макинские хутора как разведывательная часть.

На площади мы видим вчерашний, нашим полком плененный, Черноярский пехотный полк и роту сапер, которые, большими группами, лениво грелись на весеннем солнышке на завалинках и под заборами, подозрительно рассматривая казачьи конные полки. Но вот из-за угла показался Бабиев, как всегда тонно по-кавказски одетый, на своем горячем веселом нарядном хвостатом коне Калмыке — гордый и властный и, безусловно, любимый большинством нас за боевую доблесть. Позади ординарцев всегда велась под седлом его высокая вороная кобылица — спокойная, которую он брал после боя, взамен уставшего Калмыка.

По полкам, стоявших “покоем”, пронеслись слова команды. Полки замерли. Бабиев был еще далеко и подъезжал к полкам шагом. Строевая тишина говорила всем, что приближается какой-то большой начальник. Красноармейцы начали переглядываться между собой, словно не зная, что же им делать? А потом, вначале нехотя, поднялись на ноги. Бабиев, едучи молча, — слегка повел на них глазами... и, выдержав, когда они приняли воинскую стойку и вид, он бросил задористо в массу:

— Здорово, солдаты!

И эта масса красных солдат в несколько сот человек — вдруг гаркнула в страхе:

— Здравия желаем, Ваше превосходительство!

Многие из нас улыгнулись, насколько позволял строй, этому ответу вчерашних врагов. Желая, видимо, ободрить пленников, естественно, боявшихся за свою судьбу, — Бабиев уже весело крикнул им:

— Што?.. Жарко вчера было?

И ослабившиеся лица красных солдат, русских солдат, уже весело, по-простому, ответили хором:

— Так точно... жарко было...

Лед был сразу же сломан. Теперь — только давай им винтовки, поставь над ними хороших офицеров и веди этих красных солдат — против красных же. И они пошли бы... Бабиев очень хорошо разобрался в душе каждого воина. И после этих слов — он с места бросился в намет и бодро, весело поздоровался со своими тремя полками, с каждым в отдельности. Красные солдаты молча созерцали эту картину казачьего строя.

Полки выступили из села весело, с песнями. Мимо корниловцев, головным полком, вытягивается 1-й Кавказский полк. Я стою в непосредственной близости от него и пропускаю сотни кавказцев по фронту резервной колонны своего полка. Кавказцы затянули свою веселую игривую полковую песню:

Та удовинька молода — пусти ночку ночевать...

Гей! Гей! и хо-хо! пусти ночку ночевать...

Я смотрю на свой родной дедовский полк и приятно улыбаюсь, слушал эту, так знакомую мне, песню.

— Здравия желаю!.. Здравия желаю, господин полковник! — слышу из строя кавказцев голоса казаков, обращенных ко мне, и узнаю многих урядников, с которыми был в мирное время в Закаспийской области и с которыми исколесил почти пол-Турции в войне 1914-1917 гг.

Каждая сотня поет свою песню. Впереди одной из них, управляя песенниками, идет подхорунжий Митрофанов*. Лицо его особенно весело и, не прерывая песни, — он радостно смотрит в мою сторону, отдавая воинскую честь. Вот проходит мимо меня командир сотни хорунжий Лебединцев. За кавказцами вытянулись корниловцы. Эти два полка составляли бригаду в 3-й Кубанской казачьей дивизии генерала Бабиева. Внешний вид их был почти одинаков. И кавказцы, как и корниловцы, — почти все были в небольших папахах. Во главе нашего полка идет 2-я сотня есаула Друшлякова, сплошь состоявшая из калниболотцев и незамаевцев — отличных песельников. “Черноморцы” не могут удержаться, чтобы не подпустить некоторую “пикантность” в своей песне, глядя на рдеющую женскую часть села, провожающую казаков и толпящуюся на тротуарах. Песенниками управляет молодец и “козарлюга на всэ” вахмистр Палий.

У сусида у Ивана, хата била, жинка гарна,

Завсигда встае ранэнько, прыбэрэця чэпурнэнько,

А як ляже, прыголубэ — то извисно, шо там будэ...

Песня заканчивается совсем неприличными словами. Мне как холостому и радостно, и весело, но неловко за последние слова песни перед дамочками и девицами, радостно и восторженно провожавшими казачьи полки в новый неведомый бой. Одновременно я удивляюсь и восхищаюсь казачьей душой: такая жестокая война... что ни бой — то смерть! А вчера?.. Как все мы измотались! И вот, сегодня — поют... Поют, словно ничего и не случилось.

За селом я вызываю вахмистра Палия, которого хорошо знал, и спрашиваю:

— Как это ты затынул такую скабрзную песню? Ведь неловко же перед дамами и девицами!

— Та воны всэ равно нэ розумиють нашой мовы! — весело отвечает он и улыбается лукаво. Улыбаюсь и я и отпускаю его в строй.

Смерть есаула Васильева

2-й Полтавский полк застал в Макинских хуторах только один эскадрон конницы красных. Как у Преображенского получилась стычка с ним — мне неизвестно, но мы увидели трупы порубленных красных солдат и около полуэскадрона — было захвачено полтавцами в плен. Их лошади были худы и в чесотке. Красные отступали, и дивизия легко заняла село Кистинское, в которое с юга пришел и 1й Черноморский полк

полковника Малышенко. И то, что вчера было так недостижимо, — сегодня легко удалось сделать, т. е. восстановить свой фронт.

К обеду полки вернулись в Дивное. Распустив сотни по квартирам — мы, почти все офицеры полка, верхами полетели навестить тяжелораненого есаула Васильева. Он лежал в школе. Уходивший от него наш полковой врач Александров сообщил, что состояние его безнадежное. Это нас убило. Мы тихо вошли к нему. Как он переменялся! Лицо стало бесконечно худым и изможденным страданиями. Глаза глубоко ввалились, пожелтели, но смотрели ясно и сухо. Я подумал, что он в полузабытьи. А если его глаза ясны, то, значит, он галлюцинирует.

Васильев был человек-реалист. Он не был излишне разговорчив, но когда он и молчал даже — его мысль всегда работала. И я знаю, что если бы мы шумно и весело вошли к нему — он был бы счастлив и хоть на минуту был бы отвлечен — и от тяжелой физической боли, и от жестокой мысли, что он умирает. Я тогда совсем выпустил из головы, что человек, раненный в живот, умирает в полном сознании. И если бы я этого не забыл, вернее, если бы доктор не оглушил нас своим жутким сообщением, — наша последняя встреча с ним была бы более приятна и нам, и ему. А мы вошли понуро и... молчим. Словно умирает не он, а мы.

Он уже не стонал. Он смиренно лежал, не шевелясь, и только нудно дышал. Возле него стоял его денщик Иван Беседин, казак станицы Дмитриевской — мрачный, мрачный. Васильев бросает на меня несколько испытывающих взглядов и вдруг, совершенно здраво, ясно и довольно громко, говорит:

— Ну, что Федор Иванович?

“Может, завтра, в чистом поле нас на ружьях понесут?.. И в могилу нас зароят, — память вечную споют?!” Это он продекламировал ту песню, которой я научил офицеров полка, которая очень нравилась им и которую мы всегда пели только “за вином”. И в веселье мы старались именно веселиться, зная, что подобный конец может ждать каждого из нас и... каждый день. Васильев особенно полюбил эту песню, и вот теперь он как бы фиксирует это, а может быть, и упрекает меня, что я предрек его гибель.

— Что Вы, дорогой Яков Клементьевич?.. Все пройдет... Вы выздоровеете, — сознательно лгу я, чтобы его успокоить. А он как-то особенно зло посмотрел на меня и, сжав губы, — процедил:

— Н-не-ет... я знаю, что это конец...

От этих слов всем нам стало жутко. Мы разговаривали, словно с покойником. Есаул Клерже и сотник Литвиненко, его очень близкие друзья еще по 2-му Полтавскому полку, стали его успокаивать:

— Что ты, Яков?.. Успокойся, дорогой... все буде хорошо.

Но он только так же зло посмотрел на них и отвернулся. Простояв еще минут пять, все мы тихо, молча, на цыпочках — вышли. Больше живым мы его не застали.

Прискакав в штаб полка, решили пообедать вместе... Но не прошло и получаса времени, как прискакал его денщик казак Беседин и неестественным голосом, сдерживая рыдания, произнес:

— Господин полковник... Есаул Васильев умерли...

У меня сдавило что-то в горле. Я хочу сказать и — не могу. И, напрягаясь, едва выдавил адъютанту есаулу Малыхину: “Пошлите за офицерами”. Скачем опять в школу. Нам хочется как можно скорее повидать его и убедиться — так ли это? Умер ли он? Не ошибка ли это? Мы молча поднимаемся по крутым порожкам коридора и входим. Со сложенными руками на груди, все в той же потертой в походах и боях гимнастерке с навесными погонами есаула, лежит он. Изможденное от страданий лицо. Глаза плотно закрыты, глубоко впавшие, но черты так знакомого лица остались те же. Стоим и смотрим и не знаем, чем и как еще можно выразить свое горе. Но слез нет. Организм словно скован. Молча целуем его и уходим.

В этот же день вместо Васильева заведующим обозом в Лабинскую — назначил есаула Лебедева, где у него отец, мать и жена. И приказал ему: “Сегодня же выехать! И никакие “тревоги полка” не должны его касаться”.

— Усих нас пэрэбьют по очереди, — мрачно говорит Литвиненко.

— Почему Вы так думаете? — спрашиваю его.

— Э-эх! Господин полковник! Столько погибло в полку офицеров на моих глазах... и нет ни смены, ни замены никому... значит, жди своей очереди... ось як наш Якив, — закончил он.

В Крыму в 1920 г., в чине полковника и командуя Корниловским полком, — Литвиненко так же был ранен в живот и умер по пути в Константинополь. Жуткая и неуловимая судьба.

Снабдив казака Беседина всевозможными льготными документами, я написал горькое письмо молодой вдовушке Васильева, местной казачке-учительнице, с которой был знаком, вложил приказ по полку о неожиданной гибели ее мужа и — все до единой ниточки из его вещей — отправил в его станицу. И печальный транспорт с гробом друга на линейке, с его двумя верховыми лошадьми — двинулся из села. И я представил весь ужас жены, отца-атамана, матери, братьев и сестер — когда они увидят этот транспорт... Постояв еще за околицей села несколько минут, пока транспорт скрылся с наших глаз, — мы, все офицеры полка, молча, шагом вернулись домой.

Скоро казак Иван Беседин сообщил мне, что на шестые сутки, по неизвестной причине — околела дивная кобылица есаула Васильева, которую, с оружием в руках, в героической личной схватке с красным командиром-кавалеристом — достал Васильев.

Мы в этом увидели что-то таинственное, но определенно связанное со смертью ее хозяина.

ТЕТРАДЬ ТРИНАДЦАТАЯ

Полковник Венков

В апреле 1919 г. в 3-ю Кубанскую казачью дивизию генерала Бабиева, в село Дивное, на должность командира 1-й бригады (корниловцы и кавказцы), прибыл полковник Венков

Василий Кузьмич. Впервые мы увидели его в бою 3 апреля. Он нам мало понравился и лишь потому, что был необщительный, сух, замкнут, настойчив и смелый в бою, сухо смелый. Для того чтобы знать, почему он был таковым — надо знать — кто он?

В январе и феврале месяцах 1915 г. 1-й Кавказский и 1-й Лабинский полки, на Турецком фронте в Алашкертской долине, занимали маленькое село Челканы, в котором почти все лошади стояли под открытым небом. Ввиду близости противника на Клыч-Гядукском перевале и сильных холодов — казачьи лошади редко когда расседывались. За полтора месяца боевой совместной работы и такой скученности полков силой свыше 1500 шашек — все очень подружились между собой, в особенности офицеры. Стояли сильнейшие холода. Все занесено глубоким снегом. Подвоза фуража и довольствия казакам — почти никакого. От всего этого было очень скучно. А потому, в долгие нудные вечера “при свечах”, — в нашу офицерскую “хану” (нору) 3-й сотни подьесаула Маневского — часто собирались офицеры-лабинцы, командиры сотен. И чаще всех навещал нас командир 3-й сотни сотник Бабиев. Если же доставали “ракии”, то это уже был праздник. Тогда Коля Бабиев обязательно вызывал своих сотенных песенников, и веселье было шумное. Тогда Бабиев и запевал, и управлял своими песенниками, и танцевал лезгинку. На подобных вечеринках иногда бывал один из самых старших командиров сотен лабинцев — пожилой, с седой подстриженной по-черкесски бородкой, есаул Венков. Он всегда был скромен и мало разговорчив, словно считал, что все вокруг него “зеленая молодежь”. Офицеры-лабинцы были очень почтительны к нему и говорили, что в молодости Венков был исключительный наездник. И чтобы не распространяться, добавляли: “он был таков, как вот теперь наш Коля Бабиев и по наездничеству — еще жестче”. В общем тогда, в 1-м Лабинском полку, имя есаула Венкова произносилось с большим уважением, даже всеми подьесаулами, а не только что бесшабашным сотником Бабиевым. На него Венков смотрел как на “неперебродившего” отличного офицера, и на озорство которого надо смотреть снисходительно, так как он сам был таковым в ранней офицерской молодости. Все это я знал и был удивлен, что старого седого полковника Венкова назначили бригадным командиром к молодому генералу Бабиеву. И я молча наблюдал за их взаимоотношениями в течение целого месяца боевой службы.

Полковник Венков определенно смущал генерала Бабиева. Последний называл его всегда только по имени и отчеству — Василий Кузьмич и, отдав распоряжение, — спрашивал: “Как Вы смотрите на это, Василий Кузьмич?”

Венков же всегда был молчалив и, взяв под козырек, отвечал: “Слушаюсь, Ваше превосходительство!” и потом, став в положение “вольно”, — он слушал его молча, положив обе руки на рукоять кинжала. Одет он был всегда в гимнастерку. И, выслушав все распоряжения Бабиева, смотрел на него внимательно из-под своих густых седых бровей, как будто контролируя его, но никогда не противоречил. А получив задание, спокойно откозыряв, быстро садился в седло и вел полки в дело. Тут он был уже точный исполнитель всех распоряжений Бабиева, может быть, не потому, что так надо было, а потому, чтобы ему, старому седому полковнику — не иметь замечания от того, которого, может быть, не раз цукал в 1-м Лабинском полку. И, получив распоряжения, Венков был сух и строг со своими полками, что нам и не нравилось.

К тому же — он был очень скромен. У него не было никакого штаба бригады. За ним следовал только его единственный вестовой да два ординарца от полков, которых он немедленно отпускал, когда миновала надобность. В полевой книжке сам он писал и донесения и распоряжения. Войска любят “пышность”, чем особенно импонировал Бабиев, а у Венкова этого не было. У него — сплошная скромность и замкнутость. Тщетно Бабиев предлагал ему переселиться к нему, в штаб дивизии. Он отклонил и занимал

маленькую комнатку у крестьянина с одним окном на улицу. И весь его “офицерский выюк” заключался в обыкновенных казачьих ковровых сумах на его же строевом коне.

Генерал Фостиков, однополчанин его по мирному времени, о генерале Венкове писал мне так: “Василий Кузьмич родом из села Надежка Ставропольской губернии. При переименовании станицы Надежная в село, когда была императорской властью упразднена Ставропольская казачья бригада и казаки ее переименованы в крестьян, — отец Венкова с двумя сыновьями (брат его был офицер-пластун) переселился на Кубань и зачислился в Чамлыкскую станицу Лабинского отдела”.

Разное в полку

Числа 15 апреля получен приказ по Кубанскому Войску от 12 апреля, которым властью Кубанского войскового атамана генерала Филимонова были произведены в следующие чины до 30 офицеров полка. Одним и тем же приказом я был произведен в чин войскового старшины “за выслугу лет на фронте” со старшинством с 10 сентября 1918 г. и в полковники “без указания старшинства” в этом чине. Представление было сделано генералом Бабиевым, видимо, “за отличие”, но он мне этого не сказал, когда представлял.

Во время празднования Святой Пасхи, в одном из своих тостов Бабиев как-то загадочно сказал, что “корниловцам нечего устраиваться в тылу! Они должны умереть в своем полку”. Я тогда не понял, — к чему он это говорит? Но через несколько дней через штаб дивизии пришел “отказ мне” для поступления сменным офицером во вновь формируемое Кубанское военное училище — “ввиду заполнения штата”. Но этот вопрос уже отпадал: о зачислении меня сменным офицером в военное училище — я подал рапорт поздней осенью 1918г., находясь в Екатеринодаре на излечении после третьего ранения и будучи в чине подьесаула. Теперь же, командуя полком и имея чин полковника — естественно, этот вопрос становился беспредметным — и для меня, и для Кубанского военного училища. Но Бабиев явно был недоволен.

Давно эвакуировался по болезни один из храбрых командиров сотен хорунжий Дорошенко. Теперь эвакуировались по болезни же — командир 6-й сотни есаул Иванов, полковой адъютант есаул Малыхин, болгарин сотник Копчев, пулеметчик сотник Кононенко. В штаб корпуса откомандирован сотник Козменко. Тогда была недопустимая “вольность”, а именно: офицер подавал рапорт на имя командира полка, что он “болен” и... беспрепятственно отправлялся в тыл. Борьба с этим, по этическим офицерским соображениям, было очень трудно, но это многих возмущало. Меня удивило, что полковой адъютант Малыхин, получив чин есаула “за потерянную руку” в 1-м Линейном полку Великой войны, — в июле месяце того же года имел уже чин войскового старшины и занял должность начальника Войсковой военно-ремесленной школы в Майкопе, где я с ним и встретился после его эвакуации с Маныча.

Перед самой Святой Пасхой или вскоре после нее — в полк прибыли следующие офицеры: сотники Степаненко*, Ростовцев*, Носенко* и Дубовик*. Остановлюсь на Носенко. Он доложил мне, что был ранен в полку под станицей Михайловской Лабинского отдела в августе 1918 г. Следовательно, пробыв в эвакуации восемь месяцев. Небольшого роста, скромный, тихий, будто чем-то запуганный. В седле сидел “попехотному” — на задней луке. Я тогда не знал, что он бывший пластун-урядник и со льготы. Бабиевское молодечество в полку, видимо, пришлось ему не по душе, так как через несколько дней он вновь эвакуировался в тыл по болезни.

Тогда в тостах, а иногда и в разговоре, некоторые из нас называли себя “корниловцами-бабиевцами”, чем подчеркивали героический дух в полку, привитый Бабиевым. Конечно, этот дух был воспринят только корниловцами-фронтовиками, но не теми, кто долго засиделся в тылу.

Я давно отдал приказ, что офицеры, возвращающиеся в полк, могут заезжать в обоз 2-го разряда в станицу Лабинскую и получать бесплатно: красный прибор к седлу (уздечку, пахвы и нагрудник), пояс с костяным набором и плеть — работы полковой шорной мастерской. Хотелось сделать офицерам подарок от полка, ввести щегольскую однообразность. Всем офицерам и казакам чинить бесплатно все обмундирование; если же есть запас гимнастерок и шаровар — выдавать казакам бесплатно. И прибывшие офицеры были “первыми ласточками” этого распоряжения. Некоторые позавидовали прибывшим, а всегда остроумный сотник Литвиненко — нашелся и здесь сказать: “Хочь бы и мэнэ пидбылы... и я бы получыв всэ цэ в обози тоди!”

Хорунжий Лебединцев

В марте или апреле месяце 1914 г. из города Мерва Закаспийской области (Туркестан), из 1-го Кавказского полка, уходил в войско на льготу большой эшелон урядников и казаков, прихода в полк 1911 г. Численность этого эшелона равна была одной четверти наличного состава.

Обыкновенно, на полковом плацу, служили молебн перед строем уходящих казаков, и командир полка переименовывал некоторых в высшие звания — в вахмистры, в старшие урядники, в младшие урядники и в приказные. Это еще более усиливало радость уходящих на льготу, после четырехлетней, с несколькими месяцами, обязательной царской службы казаков на далекой окраине обширного Русского государства. Этот день для уходящих был нервный, но торжественный.

Одним из взводных урядников 6-й сотни есаула Флейшера был младший урядник Лебединцев. По положению, взводным урядником должен быть старший урядник. Все ждали, что Лебединцев после молебна будет представлен к повышению в звании, но командир сотни Флейшер сказал, что этого не будет.

Мы, молодые офицеры, очень дружно жили между собой, любили казаков, а урядников в особенности, и считали их своими младшими братьями. Узнав, что есаул Флейшер не будет поощрять Лебединцева, — мы всей полковой гурьбой хорунжих “атаковали” доброго, покладистого и сердечного Алексея Николаевича Флейшера, который своими летами был старше наших отцов.

— Он распустил свой взвод!.. Вместо наказаний — любит поговорить со своими подчиненными!.. Да и со мной тоже! — запальчиво произнес нам не зло, а как бы в свое оправдание Флейшер. Но мы не отстали, настояли на своем, и он дал согласие — “представить после молебна Лебединцева к переименованию в старшие урядники”.

В Мерве, при штабе полка, находились только две сотни казаков и все команды полка. Поэтому мы знали не только что по фамилиям всех урядников, но знали и их внутреннее содержание. Лебединцев был видный собой, выше среднего роста, с красивыми темными густыми усами и бровями на крупном мужественном лице. Серо-голубые красивые глаза

отдавали мечтательностью. Скромный, серьезный. Крупного черного туркменского курпея папаха, чуть заломленная, очень шла к его казачьему лицу. С офицерами он был, как и все в полку, почтителен, но не стремился к особенной воинской отчетливости и субординации.

Казачи ушли на льготу в свои станицы, а через несколько месяцев началась война. Лебединцев был мобилизован во 2-й Кавказский полк, вошедший во 2-ю Кубанскую казачью дивизию, и отправлен на Западный фронт. Там Лебединцев стал Георгиевским кавалером нескольких степеней и дослужился до чина подхорунжего. Что случилось в полку после октябрьской революции 1917 г. — мне неизвестно. Известно лишь, что все офицеры покинули полк и на Кубань прибыли в одиночном порядке. Полк, оставшись без офицеров, — командирами сотен избрал урядников, а командиром полка — подхорунжего Лебединцева, который из-под Орши привел 2-й Кавказский полк на Кубань.

В марте 1918 г., во время нашего восстания против большевиков в Кавказском отделе, Лебединцев оставался при главных силах, с пехотой. 24 марта пехота была разбита красными, и я его больше не видел...

В Дивном стояли четыре полка дивизии Бабиева и бригада пластунов генерала Ходкевича. Я как старый кавказец — иногда бывал у командира 1-го Кавказского полка полковника Орфенова. Кстати сказать, в его полку были наш старший брат, сотник, и еще два-три старых кавказца — есаулы В.Н. Кулабухов и И.И. Храмов. Поговорить было о чем. И вот в одно из моих посещений — в квартиру командира полка с докладом вошел Лебединцев. На черкеске он имел погоны хорунжего. Я был удивлен и обрадован. Поздоровался с ним уже как с равным, человеком одной корпорации. Он был командиром сотни. Доложив Орфенову, он вышел. Ничего не говоря командиру полка “о прошлом” Лебединцева, только спросил: “Каков хорунжий Лебединцев?” “Отличный боевой офицер”, — ответил он. Я был очень рад за Лебединцева.

Во время освобождения Кубани в 1918 г. не только что некоторые строевые начальники Добровольческих частей, но и кубанские казачьи — занимая станицы, позволяли произвольную расправу над жизнью тех, кто по разным причинам, вольно или невольно, соприкоснулся с красной властью. Известны случаи повешения офицеров в Майкопе и в станице Баталпашинской. Мне известны фамилии повешенных, как и фамилии старших начальников, отдавших подобные распоряжения. И счастье Лебединцева в том, что он не попался подобному кровожадному начальнику, иначе был бы повешен “как революционер, бунтовщик, красный командир полка”, которым он и не был. Много было произвола. И благородное освободительное движение оказалось и завоевательным и порой карательным. Были и более легкие несурзности.

— Почему есаул Елисеев не первоходник, а командует нашим Корниловским полком?
— обратились к Походному атаману генералу Науменко в Екатеринодаре два есаула полка, первоходники, старше меня по выпуску из военного училища, но... с занятием Екатеринодара устроившиеся там в тылу.

— Поезжайте на фронт! И как старшие в чине — вы примете полк! — разумно ответил генерал Науменко.

Так передавал мне сотник Хлус, бывавший тогда в Екатеринодаре, в штабе походного атамана — своего командира полка и первоходника. Назвал он и фамилии этих есаулов.

В начале первопоходники “кичились”, считая, что вся власть на Кубани должна принадлежать им. Но одно они не учли, что — не могла же вся Кубань пойти в поход! Пошли в поход те, кто был по службе или случайно в Екатеринодаре, в ближайших станицах к нему или по их станицам проходила Добровольческая армия. С занятием 9-й красной пехотной дивизией железнодорожных узловых станций на Кубани — Армавира, Кавказской и Тихорецкой — от Екатеринодара отрезались полностью Баталпашинский и Лабинский отделы, части Кавказского и Майкопского. Не в лучших условиях были Ейский и Уманский отделы. Доблестные кубанские генералы — Шкуро, Бабиев, Фостиков, Топорков, Маневский, Павличенко, Соломахин — не были в 1-м Кубанском походе. А сколько еще младших, меньших? И всех выравнять, оценить перед Кубанью — это было, есть и должно быть делом Кубанского войскового штаба.

Сосредоточение сил на Маныче

В “Очерках Русской Смуты” (т. 5, стр. 80 и 81) Деникин пишет: “Угроза со стороны 10-й красной армии становилась весьма серьезной. К этому времени противник вышел уже на линию железной дороги Батайск—Торговая, и передовые его части подходили на один переход к Ростову.

18-20 апреля 1919г. закончилось сосредоточение войск Манычского фронта в трех группах: генерал Покровский — 1-я Кубанская казачья дивизия, 2-я Терская казачья и части Донской армии сосредоточились в районе Батайска. Генерал Кутепов — усиленный 1-й Конной (Кубанской казачьей) дивизией генерала Шатилова и Кубанской бригадой генерала Говорущенко, сосредоточенных западнее станции Торговой. Генерал Улагай — 2-й Кубанский корпус — к югу, у села Дивного, в Ставропольском направлении. Главную массу составляли кубанские казаки”.

Здесь немедленно же нужно сделать разъяснение. Генерал Врангель в том же своем труде (Белое дело, стр. 134 и 135), об этом же сосредоточении войск на Маныче, пишет более подробно, а именно: “Для обороны Маныча в районе Великокняжеской станицы противник сосредоточил всю свою 10-ю армию, около 30 тысяч штыков и шашек. С нашей стороны против нее действовали кроме отряда генерала Кутепова 6-й пехотной дивизии (Сводно-Астраханский пех. полк, Сводно-Саратовский пех. полк, Сводно-Гренадерский пех. полк и Саратовский конный дивизион с артиллерией) и Отдельной Астраханской конной бригадой под начальством генерала Зыкова, — 1-й Конный корпус генерала Покровского (1-я Кубанская казачья дивизия и 2-я Терская казачья, Ф.Е.), Горская конная дивизия полковника Гревса*, 1-я Конная (Кубанская казачья, Ф.Е.) дивизия генерала Шатилова, Сводно-Донской корпус генерала Савельева* и Атаманская дивизия (Донская казачья, Ф.Е.}. Всего — одна дивизия пехоты и семь с половиной дивизий казачьей конницы.

Шестая пехотная дивизия малочисленная и сборного состава — была мало боеспособна. Сравнительно слабыми качественно и количественно были Астраханцы и Горцы. Зато Донские, Кубанские и Терские полки были вполне достаточной численности, и в большинстве — отличных боевых качеств”.

Так похвально отзывается генерал Врангель о доблестных казачьих полках, о превалирующей Казачьей Силе и отличном боевом качестве казачьих полков, сосредоточенных на Маныче. Главные штабы иногда неточно пишут о своих частях, что огорчает участников. В данном случае генерал Деникин пишет, что у села Дивного был

сосредоточен 2-й Кубанский корпус, который фактически состоял из 2-й Кубанской казачьей дивизии генерала Репникова, 3-й Кубанской казачьей дивизии генерала Бабиева и 3-й Кубанской пластунской бригады генерала Ходкевича. К этому времени из состава 2-й Кубанской дивизии оставались на Маныче, восточнее села Дивного, только 1-й Полтавский полк полковника Мамонова и 2-й Кубанский полк (фамилия командира полка неизвестна). Об этом периоде времени генерал Фостиков мне пишет следующее: “15 февраля 1919 г. из района Св. Креста (село Урамайное) был переброшен 1-й Лабинский полк в Медвеженский уезд Ставропольской губернии для подавления крестьянского восстания. В начале 1919 г. против Царицына действовали Донские части, которые начали терпеть неудачи. В помощь им были посланы наши части — 2-й Кавказский полк полковника Просвирина и 9-й Кубанский пластунский батальон полковника Цыганка”.

От себя разъясню: эти части стояли на Маныче — 2-й Кавказский полк в селе Рагули, восточнее Дивного, а 9-й батальон — в самом селе Дивном. Дальше Фостиков продолжает: “Во время всего отхода из-под Царицына Донских частей вплоть до станицы Великокняжеской эти полк и батальон были в арьергарде отступавших Донцов, отбиваясь вдоль полотна железной дороги Царицын—Великокняжеская. В марте месяце 1919 г. мой 1-й Кубанский полк на станции Св. Крест был погружен в поезда и эшелонами, почти без остановок, был переброшен на Маныч, под Великокняжескую. Отступавшие Донские части прошли в тыл к нам, а красных задержали мы — 1-й Кубанский, 2-й Кавказский полки и 9-й Кубанский пластунский батальон, перед Великокняжеской, до подхода пехоты генерала Кутепова. Бои были тяжелые, днем и ночью, что нас измотало.

В марте месяце на Маныч к нам прибыл и 1-й Лабинский полк и прибыл наш командир 1-й бригады генерал Говорущенко; но, пробыв на фронте дней десять, эвакуировался по болезни. Я принял бригаду, которая превращается в дивизию, — 1-й Кубанский полк полковника Логвинова (Варшавского дивизиона и погибшего под Камышиным), 1-й Лабинский (командира не помню), 2-й Кавказский полковника Просвирина (убит в конце 1919 г.) и 9-й Кубанский пластунский батальон полковника Цыганка. Март и апрель месяцы на Маныче проходили в жестоких и непрерывных боях. К маю месяцу на Маныче сосредоточились: 1-я Конная дивизия генерала Шатилова, моя бригада, Сводно-Горская дивизия генерала Глазенапа, несколько частей Добровольческой армии, Астраханская конная бригада. Командующим фронтом назначен генерал Кутепов”.

Из этих трех выдержек генералов Деникина, Врангеля и Фостикова — войсковая история когда-то сделает свой “вывод”. О том, как действовал 9-й Кубанский пластунский батальон полковника Цыганка в этот период времени, — приведу бесхитростные строки участника, подхорунжего Стадника:

“Надо сказать, что в Ставропольском походе происходили схватки, как с одной, так и с другой стороны — не на жизнь, а на смерть. Когда перешли Маныч, то вступили в пески, где он нас засыпал, словно мело снегом. Особенно это было чувствительно во время ночных переходов. Ночной переход через Астраханский мост был тяжелый. Дул ветер. Песок, хуже снега, засыпал и резал глаза. Горело лицо. Лошади устали. Приходилось подталкивать под колеса. А дня через два я выехал в двухнедельный отпуск. Но за этот промежуток времени — батальон был переброшен в Донскую область. Возвращаясь из отпуска, нашел его на реке Аксай. Батальон занимал посты. Лежал снег. Скрипел мороз, и на постах, по ночам, от холода дрожали. Питание слабое. Обмундирования казенного не давали, а захваченное из дому обносилось. Да и по станицам шили из мешков штаны и юбки. Командиром пулеметной команды был у нас москвич-капитан. Но вскоре красные нас так прижали, что, как говорили пластуны: “Хлопцы!.. Намазуй пятки салом!” И это было верно. Через два дня мы докатились до Великокняжеской... но она была уже занята

красной конницей Думенко, и мы оказались отрезаны. Причина такого неожиданного и скорого отхода, как нам тогда было сообщено, было то, что — донские казаки Верхнего Округа открыли фронт и красные своей силой обрушились на нас. Насколько помню, здесь был и 2-й Кавказский полк и масса отступающих калмыков со всем их скарбом. Но они так и не ушли и жестоко были наказаны, как нам передавали. А наш батальон, благодаря тому, что красные еще не успели своей пехотой занять Великокняжескую, ночной атакой пробился через конницу Думенко и соединился со своими частями на станции Торговой. Они нам сообщили, что на нас был уже “поставлен крест”.

Чтобы закончить вопрос о численности казачьих сил (в главном — Кубани и Терека), сосредоточенных к концу апреля 1919 г. для весенней операции, — приведу еще одну выдержку из книги генерала Врангеля (глава “На Москву”): “На правом фланге генерала Май-Маевского только что сосредоточился, после удачного рейда в тыл противника, Сводный конный корпус, в составе Кавказской (Кубанской) и 1-й Терской казачьих дивизий. Корпусом временно командовал начальник Кавказской дивизии генерал Шкуро. Во главе дивизий стояли: Кавказской — временно замещающий генерала Шкуро, командир одной из бригад, генерал Губин, бывший мой сослуживец по Уссурийской дивизии; Терской — доблестный генерал Топорков” (стр. 124).

Перейду к боевым действиям на Маныче 2-го Кубанского корпуса генерала Улагая, нашей 3-й Кубанской дивизии, Корниловского конного полка и пластунов. “18-го апреля 1919 г. я отдал директиву войскам Манычского фронта: разбить противника и отбросить его за Маныч и реку Сал. При чем генералу Улагая развивать успех в направлении Ставрополь — Царицынского тракта, перехватив железную дорогу. 21 апреля началось наше наступление, и к 25 апреля 10-я советская армия, на всем течении Маныча, была отброшена за реку. В центре дивизия генерала Шатилова дважды переходила через Маныч, доходя передовыми частями до ст. Эльмут в тылу Великокняжеской, по пути своем разбив несколько полков противника, взяв несколько тысяч пленных и орудия. Генерал Улагай перешел Маныч и разбил большевиков у Кормового и Приютного” (Генерал Деникин, указ, соч., стр. 81).

Победный бой на Маныче 21 апреля

В ночь на 21 апреля 1919 г. 3-я Кубанская дивизия генерала Бабиева и Кубанская пластунская бригада генерала Ходкевича (без 9-го батальона) двинулись к Манычу, к Астраханскому мосту через него. Как сказано выше — 9-й пластунский батальон был переброшен под Великокняжескую. В селе Дивном для прикрытия всех обозов — оставлен был 1-й Таманский полк, самый слабый по численности шашек в строю, несмотря на то, что им командовал доблестный старый хоперец и Георгиевский кавалер, полковник Гречкин. Из села Кистинского (Киста) к Астраханскому мосту должен самостоятельно подтянуться 1-й Черноморский полк.

Выступили. До Маныча было 12 верст. От Кисты — около сорока. Частям приказано быть у Астраханского моста до рассвета. Впереди шли пластуны. За ними 2-й Полтавский полк, потом корниловцы и кавказцы. Движение в темноте ночи было томительно, с остановками, рывками. У моста конница задержалась, пока пластуны переходили мост. Перестрелки не было, значит, мост был свободен. Полки были спешены. Мы стояли с полковником Малышенко, когда подошел штаб дивизии. За то, что казаки 1-го Черноморского полка, свернув с дороги, лежали на траве, держа лошадей в поводу и некоторые спали, — Бабиев резко накричал на Малышенко. Бабиев был неправ. Из Кисты полк шел всю ночь, и, естественно, казаки устали. Подобный отдых всегда был

позволителен в полках, если к тому была возможность. Я почувствовал в его неуместном окрике к старшему полковнику лишь личную неприязнь. К чести Малышенко, он не только что не испугался, но и резко парировал ему. И когда Бабиев, не останавливаясь, проехал дальше вперед, он послал ему вслед несколько нелестных эпитетов, которых Бабиев не услышал. Они относились к его молодости, как генерала, и заучливости. Мне это понравилось, и я подумал, что Малышенко своей полковой пишущей машинки штабу дивизии не уступил бы. А вот я уступил, “мальчишка”...

В этих личных взаимоотношениях было то, что Малышенко и летами, и производством в офицеры был настолько старше Бабиева, насколько я был моложе. К тому же — они одного и того же Николаевского кавалерийского училища и как кадровые офицеры по воинской этике — должны соблюдать известный такт. И это право было на стороне Малышенко. Кроме того, полковник Малышенко был уже долгим командиром 1-го Черноморского полка и назначенный им властью генерала Деникина еще весной 1918 г., в Донских степях, перед 2-м Кубанским походом и совершившим его в должности командира полка, когда Бабиев проживал в Майкопе и имел чин войскового старшины. Все это, естественно, задевало Малышенко, человека достаточно гордого.

С Бабиевым перешел мост и 2-й Полтавский полк, а корниловцам, кавказцам и черноморцам — приказано ждать распоряжений. Начало светать. Была полная тишина. Здесь Маныч был не широк. И вдруг в тишине — пронесся громкий, чуть хриловатый голос Бабиева:

— Корниловцы! Через мост широким наметом!

Команда была приятная. Приятная тем, что мы не знали, что делается на том берегу, и то, что Бабиев вызывает свой полк таким неожиданным манером, означало, что там что-то случилось или творится что-то особенное. Я даже не подал команду — “Садись!”, так как не только Корниловский, но и другие полки, стоявшие здесь, слышали тревожную команду Бабиева, почему лишь выкрикнул — “Полк! За мной!”, видя, как все офицеры и казаки полка бросились к стремянам своих седел.

По дощатому настилу моста, в колонне “по три”, с сильным грохотом, полк летел к Бабиеву. И с высоты моста нам представилась небывалая картина: три цепи пластунов в несколько сот человек, в кожаных нараспашку, держа винтовки как кому удобно — во всю мощь, чтобы спасти свои жизни — бежали назад, к Манычу. Густая масса красной конницы неслась полным карьером за ними, словно голодный зверь, подкарауливший свою жертву, теперь спасающуюся от него. Было страшно за пластунов... Их могут порубить красные!

Астраханский мост выходил на ровное место, но от него назад, к берегу Маныча, тянулась низина, защищаемая крутым скатом чуть выше роста человека. В этой низине стоял весь спешенный штаб дивизии с ординарцами и сам Бабиев, так же спешенный. Он смеется, машет мне рукой и кричит:

— Сюда, сюда! В укрытие!

И полк, длинной кишкой, крутым изгибом змеи повернув после моста на 180 градусов, — валился вниз, в низину, поворачивался фронтом к противнику и строился в резервную колонну. Меня поразило, что Бабиев был не только что весел, но он и его штаб не были в седлах, когда, казалось, надо именно быть на лошадях, чтобы “не смяли” свои же бегущие пластуны, а за ними порубила красная конница. Шагах в пятидесяти на восток от Бабиева,

в той же низине, скрытно в резервной колонне, стоял 2-й Полтавский полк. Его командир, полковник Преображенский, высокий, стройный, в черкеске и на хорошем коне — стоял впереди с обнаженной шашкой, опущенной к стремени. Он был недвижим со строгим выражением лица, видимо, ожидая команды от Бабиева. Его полк был небольшой, чуть свыше 200 шашек. Казачьи полки не были видимы красным, как и казаки не видели, — что делается впереди них? Верхом я стоял вблизи Бабиева, и мы оба наблюдали странную и страшную картину бегства пластунов, но бегства не расстроенного, а стремившегося к какому-то пункту или моменту “спасения”.

В гражданской войне красная пехота при атаке на нее казаков обыкновенно бросала оружие в последний момент и с поднятыми руками бежала навстречу атакующим, чем показывала “полную сдачу”. Здесь же пластуны этого не сделали и явно бежали назад с какой-то надеждой. Красная конница с криками вот-вот уже настигала заднюю цепь пластунов. Вот-вот они уже дойдут до шашек.

И в этот момент, в момент кажущейся гибели пластунов, в момент полного опьянения победной атакой красной конницы — Корниловский полк до 400 шашек — бросается Бабиевым буквально в упор им. Полк как стоял в резервной колонне, так и бросился вперед широким наметом всей своей густой массой.

Бегущие пластуны бросились в стороны... Красная конница от неожиданности — как-то завизжала сотнями голосов... заерзала, задержала свой победный аллюр скачущих коней и... повернув назад, — бросилась полным ходом своих лошадей на север.

Я видел, что при штабе дивизии были два горных орудия Кубанской батареи подпоручика Курбатова, коренного жителя Майкопа из богатой семьи. И я впервые за время двух войн увидел, ощутил, как своя артиллерия, через головы своих атакующих войск, — бьет противника. Это было интересно и приятно, как и придавало бодрости. Но что странно было видеть, что шрапнели горных орудий, делая разрывы над головами бешено удиравших красных всадников, — очень мало оставляли убитых и раненых. Возможно, раненые в горячей скачке этого еще не чувствовали. Но огонь нашей слабенькой артиллерии все же наносил ущерб, а главное — деморализовал красную конницу. Не обращая внимания на раненых и убитых красных, полк скакал вперед, чуть разрознившись из резервной колонны.

В схватках конницы на конницу — нельзя разрознить ряды. Бывает столько неожиданностей, когда уходящий противник вдруг поворачивает назад и сбивает атакующего. Бывает, удар во фланг небольшой группы конницы деморализует весь полк. Кто участвовал в гражданской войне, тот хорошо знает это. Я всегда старался держать полк в кулаке. Но упоенный победой, командир правофланговой сотни хорунжий Яковенко вырвался из строя. Широкоплечий и скуластый, полный тип строевого урядника, на своем прытком гнедом коне, с несколькими казаками, он хотел дойти до удара шашками, но... красные так удирали, что ему и не пришлось позабавиться.

Слева, поперек нашему движению, показался маленький автомобиль. В нем сидел генерал Улагай и его начальник штаба полковник Егоров. Улагай между ног держал карабин. На лице его сияла какая-то детская довольная улыбка. Все это промелькнуло коротко и осталось позади нас. Правее полка, в беспорядке, остановились какие-то тачанки, подводы и группа красной пехоты без винтовок. Конница красных ускользнула и скрылась с глаз. Я остановил полк, считая бой оконченным. Позади, уступом вправо, назад — скакал Бабиев с полтавцами и кавказцами. Окружив красных, Бабиев бросил Корниловский полк опять вперед, для занятия села Приютного. Широкой рысью, на взмыленных лошадях, в линии

взводных колонн, двигается полк дальше. У села Приютного нас встречают красные лавы. Они отходят за село. Конной атакой полк занимает Приютное с юго-востока и захватывает одно полевое орудие. Здесь тяжело ранен хорунжий Сердечный и легко — командир 3-й сотни Литвиненко. Под ним была убита и его отличная мощная вороная кобылица, которую он так любил. Всегда веселый и остроумный — он не утерпел и здесь и, ругаясь, выразился: “Краще б мэнэ вбылы, чим ии...”.

Оправившись от потерь и собрав полк, решил гнать красных до села Кормового. Красные лавы широко маячили недалеко от Приютного к северу, но когда полк двинулся на них — он вперся в болотистую речонку с крутыми берегами, о которой мы не знали. Красные же открыли орудийный и пулеметный огонь, и полк вынужден был отойти к окраинам села, спешиться и укрыться, выслав стрелков вперед. В этой последней атаке полк понес чувствительные потери в конском составе.

Скоро подъехали к полку генерал Бабиев и полковник Венков со своими вестовыми. Красные жестоко обстреливали нас шрапнельным огнем. Бабиев, Венков и я со штабом полка и ординарцами находимся в котловине с крутыми берегами, заполненной гнилой водой. Казаки с лошадьми ютятся тут же. Попадающие в самую котловину снаряды разбрасывают фонтаны вонючей воды и грязи. Лошади шарахаются в стороны. Над ними разрываются новые снаряды, и несколько из них сваливаются в эту заводь...

Полковник Венков вынимает из кобуры свой револьвер, идет к тяжело раненной лошади, которая, завязнув в топи, беспомощно бьется в грязи, прижав уши к шее... Вокруг нее кровь перемешана с грязью, и бедное животное в своем бессилии страдает. Венков останавливается у воды, выжидает, пока лошадь поднимет свою мокрую голову поверх воды и, выждав момент, спускает курок. “Цок!” — послышался короткий сухой звук револьверного выстрела... Пуля попала прямо в лоб, и несчастное животное, дрыгнув всем телом, на половину своего туловища скрылось в этой вонючей топи...

— Ловко Вы, Василий Кузьмич! — смеется Бабиев.

— Да к чему же мучиться лошади! — отвечает Венков и вкладывает револьвер в кобуру.

На ночь вся дивизия Бабиева и пластуны Ходкевича расположились в Приютном. Красные отошли в села Кормовое и Крутик. Раненый хорунжий Сердечный эвакуировался, сотник Литвиненко остался в строю. Тяжело ранен мой штаб-трубач, черноморец.

Как указано раньше — из 2-й Кубанской казачьей дивизии, в составе 2-го Кубанского корпуса генерала Улагая, здесь на Маныче, к этому периоду времени, оставались только 1-й Полтавский и 2-й Кубанский полки, находившиеся восточнее села Дивного. Нам было известно, что полковник Мамонов со своим сильным, до 600 шашек в строю, 1-м Полтавским полком, часто самостоятельно переходил Маныч и удачно бил красных. В данной операции на нашем участке фронта их не было. И вся боевая сила корпуса заключалась в 3-й Кубанской дивизии Бабиева и неполной Пластунской бригаде Ходкевича. Этот “кулак” составлял не более 3 тысяч шашек и штыков.

Боевая разведка полком

Разведывательная служба производится мелкими разъездами, взводами и отдельными сотнями. Но есть еще “боевая разведка” целым полком и даже крупными войсковыми соединениями. Цель этой разведки — ложным, демонстративно-коротким боем — выяснить силы противника.

Бабиев, любя Корниловский полк, желал ему боевой славы, почему и бросал его всегда в бой вне очереди. Через два-три дня после занятия Приютного — Корниловский полк был послан для боевой разведки сил красных у села Кормового. От Приютного до Кормового — гладкая равнина. Перед Кормовым видны бугры и дальше, на самой высшей точке их — село Кормовое, которое абсолютно командовало над всей местностью и откуда всякое наше передвижение видно было как на ладони. “Какую же вести разведку? Как же подойти к селу?” — думал я.

Полк был выслан после обеда. С пулеметной командой он доходил до 400 лошадей. На открытой местности — это довольно заметная сила.

Словно “на проезде лошадей” полк идет шагом и широким фронтом в линии взводных колонн. Т. е.: каждая сотня идет во взводной колонне, имея один общий фронт, с интервалами между сотнями в один взвод. Этот строй считался самым удобным и поворотливым для всех боевых перестроений. Впереди полка только несколько дозорных. Сотни распределены: в случае обстрела — тремя эшелонами, разомкнутым строем — произвести ложную атаку.

Полк идет молча, имея в одну линию шесть сотенных значков с черными конскими хвостами. Посредине, чуть впереди — широкий полковой флаг на высоком древке. Кругом тишина. Вдруг, из поперечных бугров — несколько выстрелов. Потом они зачастили. И сотни, как условились, по две в каждый эшелон, широким наметом развернувшись, понеслись к буграм. Пехота красных усилила огонь. Где-то что-то, далеко-далеко от нас “бухнуло”, и скоро мы услышали высоко над собой шелестящий полет, словно летела большая птица. И затем гулкий взрыв позади полка, и огромные куски земли полетели в разные стороны по широкому диаметру. “Неужели это стреляет тяжелое орудие?” — подумал я. Но “зашелестело” вновь, и гранатный снаряд упал и разорвался гораздо ближе к полку и каскад земляных камней — захватил уже и задний эшелон.

“Бух-бух-бух!” — зачастили где-то очень далеко глухие выстрелы уже по всему полку, — и земля стала покрываться большими воронками разорвавшихся снарядов в одну сажень диаметром и около двух аршин глубиной. Это было так неожиданно для нас. От сильных разрывов, от множества земляных комьев, брошенных вверх, и от их падений на землю с гулом — лошади бросались в стороны. Казаки припадали к шеям лошадей, спасаясь от ударов по головам камнями, разрозняли строй. Это открыла огонь по полку тяжелая артиллерия красных из далекого расстояния за селом Кормовым, о которой мы не знали.

Задача полка окончена. По сигнальной трубе — сотни отошли назад. В этой разведке полк потерял ранеными трех офицеров: командира 4-й сотни сотника Степаненко, командира 5-й сотни есаула Кононенко-старшего* и хорунжего Бэха (большого). Все они эвакуировались в тот же день.

О потерях в казаках — можно узнать только в приказах по полку. Но — где они? Как всегда, большой процент потерь был в конском составе. Каждый начальник очень сокрушается, когда его часть несет потери. Мы же, корниловцы, особенно их несли. Бабиев был прав: имя генерала Корнилова обязывало...

Елисеев Ф.И.

С КОРНИЛОВСКИМ КОННЫМ

ТЕТРАДЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Наступление на Кормовое

В полночь на 27 апреля три полка нашей дивизии, с генералом Бабиевым, из села Приютного выступили куда-то на северо-восток. Впереди полков шел Бабиев. За ним Корниловский полк, потом 1-й Кавказский и последним 2-й Полтавский. Перед рассветом — уперлись в болотистую речку, где нас ожидал 8-й пластунский батальон бригады Ходкевича. Перейдя вброд эту речонку, Бабиев круто повернул свой маршрут на запад. Батальон пластунов должен следовать за конницей.

Полки шагом шли по сухой проселочной дороге. Справа тянулся очень глубокий овраг с крутым южным берегом; северный же берег — полого шел к высокому перекату возвышенности, простираясь версты на две вдаль. Левее дороги к югу, параллельно нашему движению, — тянулся невысокий перекал. Что за ним — нам не было видно.

Уже светало, когда голова колонны подошла к Кормовому с востока. До него было версты две. На противоположном пологом берегу оврага, верстах в двух от нас к северу — мы увидели простым глазом бивак красной конницы до 500 лошадей, спавший под открытым небом и нас не заметивший.

Бабиев остановил колонну, вызвал полковника Орфенова, рассказал ему обстановку и бросил его с 1-м Кавказским полком на север, чтобы разгромить эту красную конницу. Молодецкие кавказцы, посотенно в одну линию, круто повернули направо и “скатились” с крутого берега в овраг на глазах всех.

Бабиев, как всегда — и бодр, и весел, и нетерпеливый по горячности своего характера — он не дождался момента атаки кавказцев. И когда последние, перейдя русло оврага, широкой рысью стали подниматься на уклон и по изгибу местности еще не могли видеть противника, Бабиев вызвал два горных орудия Кубанской батареи и открыл шрапнельный огонь по спящему биваку. Нам было весело и смешно видеть, как красный бивак, расположенный четырехугольником, от неожиданности — бросился к своим лошадям, и в мгновение ока как попало, безо всякого строя — бросился на север во всю мощь своих лошадей. Фактически — эта конница находилась в глубоком тылу своих войск, своей пехоты, и совершенно не ожидала появления казаков здесь.

Кавказцы, разбросавшись сотнями — перешли в широкий намет и вскоре и красная конница, и казаки скрылись от нас за высоким перекатом, подгоняемые удачными разрывами наших шрапнелей. Следом, вразрез кавказцев и села Кормового — он бросил

2-й Полтавский полк полковника Преображенского, который также вскоре скрылся за далеким от нас перекатом.

Для обеспечения своего левого фланга — он приказал мне выбросить туда, на юг, за невысокий перекат местности, две сотни. Брошены были 5-я сотня сотника Гурбича и 6-я хорунжего Яковенко. Для разведки села Кормового, которое находилось в двух верстах западнее нас и которое очень хорошо было видно, были брошены 3-я сотня сотника Литвиненко и 4-я сотника Ростовцева. И когда подошел к нам 8-й батальон — он бросил меня с двумя сотнями и полковой пулеметной командой — вслед за полтавцами.

Я совершенно не понимал, что делает Бабиев? В особенности, когда он послал меня с остальными сотнями разбросанного Корниловского полка вслед далеко ушедшим кавказцам и полтавцам, скрывшимся от нас за далекими буграми. Видимо — он хотел обогнуть село Кормовое с севера, полагая, что в нем сосредоточены все силы красных. Я впервые вижу, что Бабиев разбросал по частям всю свою конницу и теперь оставался только со своим очень небольшим штабом и ординарцами от полков.

Свалившись с крутого южного берега, достиг дна оврага. Овраг оказался очень глубоким и предательским. Весь его южный склон был очень бугорчатым, с кустарниками мелкого хвороста. Казаки-пулеметчики соскочили со своих линеек и поддерживали их руками, чтобы они не перевернулись. По дну оврага протекал мелкий ручеек, покрытый также кустарниками. И только что сотни перешли его и стали подниматься на противоположный пологий берег оврага, как прискакал ординарец со словесным приказанием от Бабиева — “как можно скорее вернуться к нему!”

Круто повернув на 180 градусов, окунувшись вновь в овраг, сотни тяжело карабкались вверх. И, выбравшись на простор, наметом шли к Бабиеву. Наш путь пересекает казак-корниловец, скачущий на восток.

— Ты куд-да? — кричу ему громко, думая, что он прячется в тыл.

— Я раненый... господин полковник! — криком отвечает он и, в доказательство, приподнимает свою гимнастерку ниже пояса. И у него напористо брызнула фонтаном густая темно-красная жидкость, накопившаяся выше пояса. Махнул рукой, — чем сказал, — скачи дальше, в тыл...

Мы приближались к Бабиеву. После ночного перехода верст в двадцать пять, теперь два раза преодолев глубокий овраг и идя на подъем к Бабиеву, — наши лошади изнемогали от усталости. Пулеметные линейки по буеракам — едва попевали вслед.

Увидев приближающиеся мои сотни, Бабиев зычно, нетерпеливо пронизал воздух только двумя словами: “Елисеев!.. В атаку!” — и порывисто ткнул рукою куда-то на юго-запад. Это означало, что положение очень серьезное и разговаривать нет времени. Поджав хвост, под ним нервничал его конь...

Золотая атака корниловцев

Не видя ничего перед собой из-за переката местности, сотни, как шли в колонне по шести, так сразу же переведены были мной в широкий намет, насколько позволяли силы лошадей, скачущих на подъем. И когда мы поравнялись с Бабиевым, стоявшим верхом на пригорке, — перед нами, во все стороны, представилась исключительно ясная картина расположения войск — и красных, и казаков...

Внизу, поднимаясь по пологому склону, навстречу нам скорым шагом двигались три густые длинные цепи красной пехоты, на расстоянии каких-нибудь пятисот шагов. Не было сомнений, что они уже знали, что конница казаков зашла им в глубокий тыл, и они, отступая — должны пробиться. Шли уверенно, твердо и в полном боевом порядке. Меж цепей шло до двух десятков тачанок с пулеметами. На их правом фланге отступления (на восток) — конная группа человек в сто пятьдесят — сдерживала натиск двух сотен корниловцев, 5-й и 6-й, общей численностью чуть выше 70 шашек. Две сотни корниловцев, 3-я и 4-я, разрозненно маячили восточнее села Кормового, поражаемые откуда-то шрапнельным огнем красных. Их сила была также чуть выше 70 шашек.

Далеко-далеко позади отступающих цепей красной пехоты, вне досягаемости оружейного огня — виднелись три линии “маленьких точек”: это наступали последние два батальона пластунов генерала Ходкевича. Там где-то должен быть 1-й Черноморский полк полковника Малышенко, но его не было видно.

Так неожиданно столкнувшись лицом к лицу с главными силами красной пехоты, мои 1-я и 2-я сотни есаулов Твердого и Друшлякова, с растянувшейся пулеметной командой есаула Мартыненко — как шли-скакали в колонне по шести, так и без слов команды — ринулись за своими офицерами вперед, в сокрушающий карьер...

Неизбежность атаки... захватывающий душу порыв... жажда боевой схватки да еще на глазах самого Бабия... Благоприятный уклон местности и необъяснимая уверенность в удаче — все это вместе взятое — дало сильнейший порыв в атаке.

Ни малочисленность 1-й и 2-й сотен перед грозной и наглядной силой врага, ни звук жестоко свистящих и цокающих пуль, готовых, казалось, снести целиком голову с плеч, ни чувство страха смерти — ничто уже не волновало... все отлетело прочь! И расстояние до врага в каких-нибудь пятьсот шагов, разделявших нас, — показалось так близким, близким...

Увидев порыв своих сотен при штабе полка — фланговые сотни всегда дружных и сплоченных кровью корниловцев — как стаи голодных и озлобленных волков, бросились в поддержку со своих противоположных флангов. 3-я и 4-я сотни храбрых и гордых офицеров Литвиненко и Ростовцева, которые были гораздо дальше от противника, чем остальные четыре сотни полка, — они, разрозненно, без всякого строя, карьером бросились с возвышенности, чтобы не опоздать к моменту “удара на шашки”. Впереди всех, с поднятыми вверх шашками, блестя клинками на утреннем солнце, давая пример своим подчиненным казакам, — скакали командиры сотен.

Было яркое теплое солнечное весеннее утро. То утро, когда проснувшийся жаворонок начинает виться в воздухе на одном месте и петь песнь свою... И когда в природе чувствуется еще ночная тишина и разряженность...

В такое мягкое доброе упоительное весеннее утро — малочисленные сотни Корниловского полка — неслись на смерть...

Тихо-тихо было кругом... И только топот бешено скачущих коней по мягкому грунту, поросшему молодым ковылем, да жестокий короткий визг смертоносных пуль навстречу — нарушал чьи-либо предсмертные секунды... Казаки даже не кричали “ура”... Словно оно и не нужно было или было еще рано... Общий порыв захлестнул всех!

Моя рослая кобылица Ольга, гораздо сильнее казачьих лошадей и к тому же совершенно без вьюка на седле, — она неслась впереди всех, просто по признаку превосходства своей физической силы, но отнюдь не от храбрости своего седока. За мной скакал мой помощник, скромный есаул Марков. За ним ординарцы. Потом есаул Твердый со своей сотней. Дальше есаул Друшляков с незамаевцами и калниболотцами своей сотни. Двенадцать полковых пулеметов на линейках есаула Мартыненко, растянувшись в длину, попеременно со своими урядниками и нумерными казаками, — также неслись в конную атаку, усиливая наглядно, численно, боевую мощь полка. Блеск выхваченных из ножен шашек — окрылил всех. Все были во власти бешеной стихии атаки... Впереди была победа или, для некоторых, смерть. И при неудаче — остановиться, повернуть назад, скрыться — было уже нельзя...

Красные цепи остановились и стоя открыли жестокий огонь по казакам. Такого огня я не ощущал, не видел ни в Великой войне на Турецком фронте, ни в гражданской. Здесь — словно разверзлась пасть зверя, и он своим предсмертным рычанием выплюнул на нас все свое смертоносное зло и яд в две тысячи с лишним винтовок и свыше десятка пулеметов. Мне казалось, что разверзлось небо, и весь запас свинца лился именно на нас. Но мы неслись вперед... Слышал я позади себя короткий возглас-стон тяжело раненного есаула Твердого. По разрозненному строю пронеслось еще несколько стонов тяжело раненных казаков. Видел я мельком, как на нашем левом фланге 5-я и 6-я сотни с блеском шашек рванулись вперед, во фланг красной пехоте и как командир 6-й сотни хорунжий Яковенко, выдвинувшись вперед далеко от казаков на своем прытком гнедом кабардинце — свалился неожиданно с коня. Что-то дернуло меня в левое плечо. Потом общий блеск шашек в воздухе, неистовые клики победного “ура!” и потом... потом как-то все смешалось и... смолкло. Словно ктодохнул, — затушил свечу. Красноармейцы бросили винтовки на землю и подняли вверх руки...

Вся атака продолжалась столько времени, сколько потребовалось для преодоления карьером расстояния в пятьсот шагов.

Правее нас, полным карьером, удирали на запад все конные красных, силой до 150 человек. Преследовать их было и некогда, и некому. Казаки, разбросавшись в этой массе красных солдат, в десять раз превышающих их численность, гнали группы пленных на восток, стараясь как можно быстрее отеснить их от брошенных на землю винтовок. Некоторые казаки отбирали у пленных кошельки...

Со штабом полка я врезался (случайно) прямо в четыре полевые орудия, брошенные на дороге “без упряжки”. Уносы пушек, сбросив сбрую, ускакали вместе с конницей и комиссарами, т. е. ускакало 12 пар артиллерийских лошадей. Бой окончен. Красноармейцы изолированы от своих винтовок, но неожиданности всегда могут быть. Надо как можно скорее привести в порядок полк.

“Соберитесь, всадники ратные...” — запела сигнальная труба, и сотни, на широких рысях, стекались к победному полковому флагу войскового цвета, на котором по диагонали сверху вниз, от древка легла широкая черная траурная полоса в одну треть ширины флага. На ее черном фоне при колыпании свежего весеннего утреннего ветерка красноармейцы могли прочесть слово, написанное крупными белыми буквами, — “КОРНИЛОВСКИЙ”.

Флаг развевался на высоком древке, поверх которого колыхался пышный черный конский хвост как эмблема легкой казачьей конницы.

Пулеметчик, хорунжий Семен Дзюба, летит к полку на пулеметной тачанке красных, запряженной тремя дивными караковыми, донской породы лошадьми в богатой сбруе “в бляхах”, явно парадный выезд какого-то донского богача-коннозаводчика. Он веселый, радостный, сам сидит на козлах, привычно упираясь на вожжи своими сильными руками. Рыжий, крупный, некрасивый, добряк и храбрец — он смотрит на меня, улыбается, и глаза его говорят мне: “Смотри, что достал я для полка сам!”

Было тихо кругом, словно и не было атаки. Перед выстраивающимся полком стояли новенькие четыре полевых орудия и тринадцать пулеметов на тачанках, в запряжке по три дивных лошади, словно приготовленные для свадебного путешествия.

Я быстро рассматриваю пушки и упряжь для “уносов” (унос — не менее одной пары лошадей для запряжки в орудие). Сбруя для упряжки артиллерийских лошадей была мной еще не виденная. Это были широкого сыромятного ремня “немецкие шлеи”, через которые, по сторонам, вместо постромок — проходила сплошная цепь на три пары лошадей в упряжке для орудия. Легкая и удобная упряжь. Поэтому ездовые артиллеристы, расцепив “шлеи”, сразу же сбросили Их с лошадей и... ускакали. На лафетах и на зарядных ящиках много солдатских парусиновых сумок защитного цвета. Они набиты чем-то, как бы спресованным. Казаки подумали, что это деньги. Быстро разрезали их шашками, но оказалось, это были много сотен пар красных погон с белой выпушкой по краям. Зачем они возили “подгоны белогвардейцев” — мы так и не узнали, да и некогда было расспрашивать пленных, так как издали показался генерал Бабиев, шедший к полку легким наметом.

— Корниловский полк... сми-ир-но!. Гос-спода оф-фи-цер-ры! — команду ему и лечу с рапортом, докладывать о трофеях полка и о потерях в офицерском составе.

Наповал, в грудь, почти в упор — убит храбрый командир 6-й сотни хорунжий Яковенко и тяжело ранен в левую руку, продольно от кисти до локтя, с раздроблением кости, командир 1-й сотни есаул Твердый. Мне особенно жаль было хорунжего Яковенко. Он был уже пожилой человек, мобилизованный на Великую войну со льготы — наш старый кавказец. Широкоплечий, скуластый, определенно храбрый, всегда впереди казаков — он был тихий, скромный и послушный. И как бы стеснялся меня, старшего офицера-кавказца, боясь уронить себя. Среди казаков заметно, что офицеры и казаки одного и того же отдела — чувствуют себя ближе друг к другу. Так вот было у меня и с хорунжим Яковенко.

— Спасибо, орлы, за победоносную атаку! — громко выкрикнул Бабиев, подскакав к полку и остановив своего коня. Он был один, без штаба. Штаб, видимо, уже подсчитывал число пленных.

Поблагодарил полк, а сам, как мне показалось, как-то недоброжелательно и ревниво посмотрел на трофеи. И не взглянул на меня, и ни слова командиру тех, кто это сделал... Я был удивлен и обижен. “Что с ним? — думаю я. — Боевая ревность? Что это не он вел полк?”

И в довершение всего этого, словно чтобы полк не участвовал в приятном осознании своей победы, — он резко, досадливо приказывает мне с полком преследовать отскочившую на северо-запад конницу красных, численностью приблизительно в 150

коней — видимо, “дивизионную конницу” ординарцев, комиссаров и 12 пар уносов от орудий, которая далеко была на горизонте и была, конечно, небоеспособна.

1-я и 6-я сотни вернулись после боя без своих сотенных командиров. Чувствовались сильные потери в конском составе, так как полк, как-то очень заметно, поредел. Потом уже подсчитали, что из строя выбыло убитыми и ранеными до 50 казаков и до четверти состава лошадей. Для полка в двести с лишним шашек в строю, без пулеметной команды — это были очень большие потери.

Собрав все сотни и тут же назначив новых командиров сотен вместо выбывших из строя, — широкой рысью двинулся на северо-запад, оставив Бабиеву подсчитывать трофеи полка и чинить суд и расправу. Кроме тринадцати пулеметов, захваченных в этой атаке, все трофеи полка были оставлены на месте, и каковы они были — мы потом и не поинтересовались. В Корниловском полку была гордая чистота. И после двух атак на Маныче, где была захвачена пехота красных, — полк продолжал скакать вперед, даже и не поинтересовавшись точной численностью пленных. Но полк был счастлив тем, что имел теперь 25 действующих пулеметов и массу патронов к ним и к винтовкам. Опытный и распорядительный начальник пулеметной команды есаул Мартыненко сразу же нашел в сотнях необходимых казаков к ним, и командиры сотен с удовольствием отпустили своих казаков к нему.

Пройдя на запад версты две, полк уперся в топкую заводь, через которую пролегал узкая земляная гребелька для движения в один конь, да и та развалившаяся. Дальше тянулась водяная полынья “озеро Голое”. Спешенная конная группа, переправившись здесь, заняла ближайшие бугорки. Я нашел, что незачем полку переправляться, нести ненужные потери, так как к вечеру красные все равно уйдут дальше. Да и казакам надо дать отдых. Одна спешенная сотня вела с ними совершенно незначительную перестрелку, а остальные сотни, расбросавшись, — в поводу пасли своих лошадей подножным кормом. Казаки же закусывали тем, что у кого было в сумках. Надо было подсчитать потери после столь кровавой атаки. К тому же — всем приятно было быть вдали от глаз высшего начальства и отдохнуть после ночного похода и бессонной ночи.

В атаке что-то “дернуло” меня в левое плечо. Тогда я не обратил на это внимания. Теперь я почувствовал неприятный зуд в плече. Ночь и утро были холодные. Все казаки и офицеры были в кожных. На мне, нараспашку, шуба-черкеска. Сняв ее, черкеску, бешмет, рубаху — обнаружил под ними кровь. Оказывается, пуля чиркнула в мякоть плеча ниже ключицы, кровь уже высохла и “мулила” рану. Полкового врача Александра не было с нами. Фельдшер продезинфицировал рану спиртом, наложил пластырь, и все обошлось благополучно.

В штабе дивизии, видимо, забыли о нас. Красные отошли от гребли куда-то на запад. Не получая приказаний — с сумерками, собрав полк, двинулся на ночлег в Кормовое, где явился к Бабиеву и доложил о потерях полка. Он был очень доволен атакой полка и сообщил, что была захвачена в плен полностью 32-я красная пехотная дивизия, свыше двух тысяч штыков, четыре полевых орудия и 13 пулеметов на тачанках. Бабиев очень сожалел о сильных потерях полка. Когда я доложил о своем ранении — он, как мне показалось, завистливо посмотрел на меня, но поздравил и пожал руку, когда я сказал, что останусь в строю. Это было четвертое ранение в храбром Корниловском полку. В этот день, в приказе по дивизии, было указано, что совершил полк для всего отряда.

Генерал Деникин в своем труде (Очерки Русской Смуты, т. 5, стр. 83) написал следующее: “В боях у сел Приютное, Ремонтное и станица Граббевская — Улагай разгромил до основания всю Степную группу красных 10-й красной армии, взяв в плен шесть полков 32-й пехотной стрелковой дивизии, штабы, обозы, свыше 30 орудий”.

Читая воспоминания генералов Деникина и Врангеля о тех боях, где участвовал наш полк, вначале в 1-й Конной, а потом в 3-й Кубанской казачьей дивизии, находишь многие неточности. В данном случае, главный и самый удачный бой не корпуса генерала Улагая, а только трех полков 3-й дивизии генерала Бабиева, а еще точнее — одного Корниловского полка, силой чуть больше двухсот шашек — разыгрался у села Кормового Астраханской губернии. И здесь именно была захвачена в плен 32-я пехотная стрелковая дивизия красных. Полку неизвестно, что было захвачено в конной атаке между Астраханским мостом через Маныч и селом Приютным 21 апреля. Под селом Ремонтным совсем не было боя, и дивизия вошла в него, нигде не обнаружив противника. Под станицей Граббевской, как пишет сам генерал Деникин, у Улагая был бой “с шестью полками лучшей конницы Думенко”. О пехоте же ничего не сказано, значит, ее там не было. Ничего не сказано о числе захваченных пулеметов, но слишком сгущена цифра захваченных орудий. Все это получается оттого, что старшие начальники “обобщают” успех боя и в своих донесениях указывают, что — “захватил корпус, или дивизия — столько-то”, когда в действительности это сделал какой-либо полк в отдельности.

Еще один случай с Бабиевым

Утром 26 апреля дивизия Бабиева выступила дальше в глубь Астраханских степей. Так было приятно идти победно вперед. Стояла дивная погода. Кругом тишина. Вся степь покрыта свежей травой. Вся природа улыбалась казакам. Красные же как в воду канули. До следующего села Крестового, на северо-восток от Кормового — полки не встретили противника и остановились в нем на ночлег. На завтра объявлена в нем дневка. Село богатое, раскинуто в ложине.

Под вечер второго дня, как часто я делал на других стоянках полка, — без вестового выехал за село “промять” свою кобылицу и “наломать” в манежной езде.

Вернувшись домой — я не нашел ни одного офицера при штабе полка. Дежурный по полку офицер доложил, что генерал Бабиев вызвал за село всех офицеров, вахмистров и взводных урядников “на угощение за позавчерашнюю атаку”. Услышав это, я почувствовал, что во мне словно “остановилась кровь”, и я побледнел.

— Как же это офицеры уехали без моего разрешения? — строго спросил дежурного по полку офицера, но он ничего не мог мне объяснить, сознавая сам всю эту ненормальность.

“Почему он, дежурный по полку офицер, не послал конных казаков разыскать меня?.. Ведь я был только за окраиной села! Мы находимся в боевой обстановке! Всегда можно ожидать нападения красных, и полк остался без своих начальников, вплоть до взводных урядников!” — строго читаю я ему уже ненужную мораль за воинское преступление, сделанное им. Но он, сознавая все это, вновь доложил, что — “приказал сам лично Бабиев и... как же можно было послушаться начальника дивизии?”

— В какую сторону уехали офицеры? — спросил его коротко и, не слезая с лошади, один, без вестового, поскакал в ту сторону, куда уехал Бабиев, “чтобы угостить офицеров за молодецкую атаку полка 27 апреля”.

Я скакал так, как скачет человек, у которого может случиться большое несчастье, которого надо избежать и которое может быть предотвращено только личным вмешательством, присутствием.

Скачу, а мысли бушуют в голове: “Как мог Бабиев, генерал, начальник дивизии, позволить такой произвол в одном из своих полков — через голову командира полка извлечь всех офицеров, вахмистров и взводных урядников для личного удовольствия и утех, да еще при тревожной походной обстановке? К тому же тот Бабиев, который очень тонко знает всю воинскую субординацию, любит ее и проявляет всегда сам во всяких и любых случаях! Да еще со мной, с его “младшим братом”, самым им названным?” Этот случай был совершенно ненормален и недопустим в воинской части.

За селом на юг, в версте расстояния — длинной линией сидел на траве весь командный состав моего полка, т. е. свыше двадцати офицеров, семи вахмистров и около тридцати взводных урядников, считая и пулеметную команду; всего свыше 50 человек. В стороне держат лошадей в поводу вестовые офицеры, вахмистров и взводных урядников — еще около 50 казаков. Итого, из полка извлечено до одной сотни боевых шашек. Рядом стоят подвода и тачанка. Бабиев сидит не на земле, а на каком-то стуле. Он, как всегда, без своих штабных офицеров.

Скачу и думаю, — как же ему доложить, представиться? И что будут чувствовать мои офицеры, главным образом, храбрые командиры сотен, когда я сойду с седла? Все они люди умные, но как офицеры военного времени — тонкостей военной этики не совсем понимают. Как-то, еще в селе Киевском, они попросили меня рассказать, объяснить им — как в мирное время жили офицеры? Какие были их права, взаимоотношения и прочее. Многое я рассказал тогда им. Но одного рассказа мало, если нет настоящего образования и того воинского воспитания, которые даются в военных училищах мирного времени.

Одно можно точно сказать, что — кадровые офицеры подобного шага не сделали бы, считая его совершенно недопустимым без ведома и через голову своего командира полка. Здесь же, в полку, не было и одного кадрового офицера.

Воинский устав внутренней службы говорит, что “все воинские чины, в присутствии старшего начальника — не командуют и не отдают честь при приближении своего непосредственного начальника, если он младший в чине присутствующего”. Но, когда я подскакал к биваку, — все они встали на ноги и взяли руки под козырек. Бабиев сидел ко мне боком, чуть склонившись вперед. Он был грустен и не посмотрел на меня. Против него, на бурке с напитками и явствами, сидела молоденькая сестра милосердия, которую я вижу впервые.

Глянув строго на всех своих подчиненных, подхожу к Бабиеву, взял под козырек и представляюсь-докладываю, стараясь ясно и точно выразить ему свою мысль, не задевая ни его личную гордость, ни его начальственное надо мной положение:

— Ваше превосходительство... не опасно ли, что Вы обезоружили весь Корниловский полк, пригласив сюда всех офицеров, вахмистров и взводных урядников?

— Я за все отвечаю, — спокойно говорит он, оставаясь сидеть. Этим он показал мне, что ведет со мной частную беседу, не больше. И добавляет уже совсем по-дружески: — Вон видишь?.. Прибыл из Святого Креста бочоночек вина... вот я и хочу распить его с корниловцами за молодецкую атаку под Кормовым. А теперь, Джембулат, садись рядом с сестрой милосердия. А то она почему-то очень грустная.

Все это было сказано им так просто, что мне нечем было и реагировать. Да и бесплодно. Кроме того, он просит меня рассадить офицеров попеременно с урядниками. Это — для большего единения и неофициальности веселия. И так как все это было сидя на бурках, и офицеры отлично знали своих молодецких урядников, да и большинство из них сами стали офицерами из урядников — то это нисколько не нарушало прочно создавшегося взаимоотношения в полку офицеров с казаками.

Я отлично знал и понимал, что Бабиев, вне Корниловско-го полка, не мог найти полного духовного удовлетворения своей широкой мятущейся душе. Здесь, в кутеже, он мог позволить многие вольности, чего он не мог сделать в других полках, как и мог откровенничать в разговорах, словно в родной семье. К тому же здесь он мог петь песни и танцевать лезгинку, чего в другом полку было бы почти недопустимо.

Веселие было хотя и не так веселым, но непринужденным. Бабиев почему-то грустен, но хотел забыться в песнях. Потом он вспомнил “о скачках” в Дивном. Я считал этот вопрос забытым, но его не забыл он. Бабиев хочет скакать, хоть завтра, но обязательно “на пари”.

— На какое? — спрашиваю, шутя, его.

— Я отдам тебе своего Калмыка, если он придет вторым... но от тебя ничего не требую, — сказал он, так как и не представляет, что моя кобылица опередит его коня. Не придавая всему этому никакого значения, считая все это шуткой — мы весело заключили пари скакать завтра же...

Бабиев входит в азарт веселья, чего раньше я в нем не видел. Его “волнует близостью” сестра милосердия... Она краснеет и не знает, как реагировать своему высокому начальнику? А когда Бабиев понесся в лезгинке, она быстро говорит, прося дать ей казаков, чтобы они сопроводили ее в штаб дивизии на тачанке, стоявшей здесь.

Я знаю, что этого сделать “открыто” совершенно невозможно. Я еще знаю, что совершенно невозможно “кому бы то ни было” прекратить и это веселье, если только его не захочет прекратить сам Бабиев. Уже вечерело. Наступала темнота. Вообще — надо было кончать этот байрам. И когда Бабиев бросился вновь в лезгинку, мои казаки подали тачанку, сестра быстро вскочила в нее, но... Бабиев, увидев это, как и понял, что все делалось по моему приказанию. Резко, приказом, остановил моих казаков с тачанкой, потребовал своего коня, вскочил в седло и с немногими ординарцами сопровождал сестру в свой штаб дивизии. Мы же, все оставшиеся, немедленно двинулись к себе в полк. Все это, вместе взятое, оставило очень нехороший осадок в душе.

Утром следующего дня ко мне прибыл из штаба дивизии хорунжий Ишутин и предупредил, что он получил от генерала Бабиева приказание “расставить на выгоне “вехи” на две версты по дистанции, так как у него будут скачки со мной”.

Ишутин наш старый корниловец. Он начальник саперной команды штаба дивизии и обер-офицер для поручений у генерала Бабиева. Со мной он очень откровенен. Хотя мы

посмеялись с ним над затеей Бабиева, но в душе это меня возмутило: как может так поступать начальник дивизии в боевом походе?

Но вызов я решил принять. Скакать же не пришлось. Неожиданно получено было распоряжение генерала Улагая — дивизии выступить немедленно в село Ремонтное, что в 35 верстах севернее нас.

Казак Курочкин. Случай с калмыками

Полки выступили. Кругом простиралась широкая ровная степь. Полки шли “вольно”, не соблюдая между собой особых дистанций. Свернув с дороги и построив полк в линию взводных колонн, вызвав всех офицеров к себе, — позволил казакам идти “вольно”, курить и мурлыкать песни, кто хочет. Я чувствовал, что на душе у всех было хорошо, легко и приятно. После каждого боя полк еще более крепчал своей полковой спайкой. И горделивое достоинство заполняло, казалось, душу всех чинов полка. И даже то, что генерал Бабиев навесил черный конский хвост на свой флаг штаба дивизии, т. е. перенял его от нашего полка, говорило о том, что это наше нововведение — оригинально и интересно.

Бабиев хотел сшить для себя флаг “георгиевского полотна”, как имеющий орден Святого Георгия, но начальник штаба внушил ему, что этого права он не имеет.

“А почему георгиевский флаг имел генерал Юденич?” — попечаловался он мне по-дружески еще в Дивном, ругая начальника своего штаба. Я не стал говорить ему, что — “он не есть Юденич”.

В Сарыкамыше я видел, как над зданием командующего Кавказской армией, где жил генерал от инфантерии Юденич, развевался большого размера флаг цвета георгиевской ленты. Его, конечно, видел и сотник Коля Бабиев и теперь, став генералом, — хотел иметь и себе такой же...

В Ремонтное полки прибыли вечером, но ни по пути, ни в селе — противника не обнаружили. В селе нашли только нескольких оставленных раненых и отсталых красных солдат. Противник ухрдил от нас куда-то в степи. Все это показывало, что под Кормовым была полностью ликвидирована их пехотная группа. Это сделал Корниловский полк своей “золотой атакой”.

На второй день дневка. У нас в полку удивлялись, что, ликвидировав красных под Кормовым, — мы двигаемся вперед медленно, делая даже дневки, когда надо было гнать противника без задержки, не давая ему отдыха. Как писал раньше, полки не имели сводок ни о своих соседних частях, ни о противнике. Мы думали, что станица Великокняжеская уже давно в наших руках! Мы думали, что если корпус Улагая перешел Маныч, полностью разбил красных и прошел “за Манычем” около ста верст, — то это же совершили и главные силы, сосредоточенные у станции Торговой! Но, оказалось, там только готовятся к операции.

Я стою на парадном крыльце дома, смотрящего прямо в привольную травяную равнину. Надо мной реет полковой флаг. К крыльцу подъехала какая-то “беда” (тележка) на двух колесах из-под плуга. В нее была впряжена лошаденка. С этой “беда” слез какой-то мужичонка в картузе и странном костюме, подходит ко мне и произносит:

— Здравия желаю, господин полковник!

Сказал, а сам так радостно улыбается и словно хочет заплакать.

— Здравствуй... — отвечаю ему. — Ты кто же такой? — добавляю.

— Да казак 1-й сотни Вашего полка!.. Наш разъезд красные захватили у села Кистинского... Урядника зарубили, а нас увели в плен... Ну вот я у них и служу в обозе... и все высматриваю — неужели не придут наши? А потом услышал от жителей, что идут казаки... Я и поехал сюда, в Ремонтную, как будто на мельницу. И вот — ну, слава тебе Господи — вырвался, наконец! Видите, господин полковник, какой “картуз” я себе приобрел?.. Чтобы под них подделаться... Да и анучи накрутил мужичьи, кацапские... — так просто и бесхитростно рассказывал казак свою печальную эпопею, претерпев более полутора месяца в плену у красных.

Я с любопытством слушаю и смотрю на него и действительно — в его костюме, в его образе — ничего не было казачьего. Настоящий и очень простой захудалый мужичишка. Но разговор, речь, выражения — наши, казачьи.

— Какой же ты станицы, братец? — спрашиваю его, а сам прямо-таки хочу обнять и расцеловать этого молодца-казака, не растерявшегося в плену, у людей-зверей.

— Да Тихорецкой!.. Казак Курочкин, господин полковник! — отвечает он и совсем не воински.

— Семейный? — спрашиваю, а сам так любовно смотрю на него и думаю — какую бы ему оказать свою “начальницкую милость”?

— Ну, а как же!.. И жена, и дети есть!.. Да и родители! — отвечает.

— Сколько же тебе лет? — смотрю я на этого рыжеватого, заросшего, настоящего русского мужичка.

— Да под тридцать будет, господин полковник!

— Давно дома был?

— Да с полгода...

— А домой хочешь?

— Кто ж не хочет домой, господин полковник? — весело отвечает он.

— Так вот что, братец! — говорю ему серьезно. — Во-первых, стань смирно!

При этих словах — он изумленно посмотрел на меня, вытянулся в воинскую стойку и сразу же стал серьезным. Он, видимо, подумал, что будет арестован мной и наказан “за плен”. Но я, все так же серьезно, продолжаю:

— Во-вторых, — поздравляю тебя в младшие урядники! В третьих, — дарю тебе эту лошадь, что ты привел от красных. В четвертых, — даю тебе месячный отпуск... забирай этого коня к себе в хозяйство и езжай в свою станицу. Согласен? — закончил я.

Жалкий ты мой брат-казак!.. Видели бы посторонние люди, сколько было радости и счастья в его глазах! Он буквально растерялся и не верил, — правду ли я ему говорю или нет? Но я ему подтвердил это тем, что — в тот же день отдал пространный приказ по полку с пояснением его пленения при гибели разезда, — где и когда? Потом о его возвращении-бегстве из красного плена и о производстве в младшие урядники. В тот же день был приготовлен и выдан ему отпускной билет, на имя “младшего урядника Курочкина”. Была выдана и “литера” для провоза его лошади по железной дороге от Торговой до Тихорецкой.

Наученный горьким опытом, смертью доблестного есаула Васильева, кстати сказать, его командира сотни — я приказал ему выехать в отпуск немедленно же.

Судьбе было угодно, чтобы такое благодеяние я сделал маленькому человеку, для которого оно было очень большим и бесконечно приятным. И сделано было именно тогда, когда я оказался и сам буквально накануне крушения своей власти командира полка. И оно оказалось моим последним деянием в родном Корниловском конном полку.

...Есаул Козлов остался “за Манычем”, где готовил фураж для полка. Старый хозяйственный вахмистр оказался и здесь на высоте своей должности заведывающего хозяйством полка.

В калмыцких селах Дербетовского улуса Ставропольской губернии он нашел достаточно сена. И вот, вслед за полком, проделав около 150 верст, — он прислал десять подвод фуража. Это было большое богатство для полка. Фураж привезли калмыки на своих “железных ходах”, упряжкой в две лошади. Две подводы с сеном я уступил штабу дивизии, остальное сено приказал сложить, как резерв, в “полковой стожок”.

За все сено Козлов уплатил на месте, я же дал калмыкам “на магарыч”, чем они были очень довольны. Я впервые вижу калмыков в их хозяйственном быту. Калмыки уже собирались возвращаться к себе домой, как в полк прибыл Бабиев, чтобы посмотреть на “сенное богатство” полка. Приехал и увидел, что у калмыков хорошие лошади в упряжи. “Хорошие”, конечно, относительно.

“Обменять!” — приказал он своему офицеру-ординарцу. Тот поскакал в штаб дивизии. Не прошло и десяти минут, как чины его штаба привели своих худых лошадей и, не рассуждая, немедленно лее забрали у калмыков подходящих под седло лошадей, а им бросили у подвод своих.

Бедные калмыки! Их доводы мне, что их там “наняла адна афицера-казак вазить сена белм (белым)” — конечно, не имели никакого успеха у Бабиева. Вначале я и сам старался разъяснить ему, что это грабеж! И грабеж своих же верных союзников-калмыков. И каково будет положение есаула Козлова, когда эти ограбленные калмыки вернутся в свои села? И что после этого никто из калмыков не повезет сюда сена!

Все это мной сказанное даже озлобило Бабиева. Мне стыдно было смотреть не только что на этих несчастных калмыков, но и на свет Божий! На последней пирушке, при всех, совершенно открыто, он произнес, словно девиз, слова: “Это Астраханская губерния... Здесь еще нет губернатора, а потому — все позволено!”

Мой старший брат, “Хаджи Мурат” Коля Бабиев, стал меняться.

Произвол власти

В полк, в село Ремонтное Астраханской губернии, из отпуска вернулся есаул Трубачев. Я о нем уже и забыл. Пробыв недолго в полку, 3 февраля он выехал из села Дивного в месячный отпуск, но пробыл в нем ровно три месяца. Все это было очень странно и совершенно недопустимо в Императорской армии, но теперь, в гражданской войне — многое было иначе... Я и не предполагал, что его прибытие связано с продуманным планом Бабиева. Его я назначил первым помощником по строевой части, а есаула Маркова — вторым.

Где был противник, полкам не было известно. Они отдыхают в богатом селе третий день. 2 мая, после полудня, я выехал за село промять свою кобылицу. Вернувшись часов в пять — я не нашел в штабе полка никого из офицеров. Со мной жили — Трубачев, Марков и за полкового адъютанта хорунжий Андрей Бэх. Отсутствие всех меня удивило. К тому же в штаб полка всегда приходили командиры сотен, чтобы узнать новости, да и скоротать время. Я приучал всех “не бежать от штаба полка”, как от “внутреннего врага”, а наоборот — приходите в него, чтобы обо всем переговорить, все выяснить, а нет, то просто — на чай. Привыкнув к этому, я удивился пустоте в нем. “Ну, может быть, куда вышли?” — думаю я.

Минут через пятнадцать — вдруг в штаб вошли все офицеры.

— Где Вы были, господа? — весело спрашиваю их, но больше смотрю на есаула Маркова, как на долгого своего помощника. Но вижу, что все пасмурны и словно стесняются смотреть на меня. Вошли, заняли места у окон, стоят молча.

— Что с Вами, господа? — допытываюсь у них. Но — все молчат.

— Да где же Вы были?.. Что случилось? — уже удивленно спрашиваю и обвожу всех глазами. Все продолжают молчать.

— Вот что, господа! — вдруг выступает вперед командир 3-й сотни сотник Литвиненко. — Мы как военные ничего не должны скрывать... и в особенности от своего командира полка. И так как старшие офицеры молчат, словно боятся чего-то, то я, хотя и младший в чине — я скажу все...

И, повернувшись ко мне лицом, начал:

— Господин полковник! Мы только что были у генерала Бабиева. Вы выехали верхом, он прислал за нами... Мы, ничего не зная и думая, что Вы там — пошли. Бабиев встретил нас очень сердито... не позволил сесть и сразу же спросил почему-то:

— Вам нравится Ваш командир полка полковник Елисеев?

Мы, совершенно не ожидая такого вопроса, — стоим и молчим. Он строго смотрит на нас и вновь спрашивает:

— Почему Вы молчите? Бойтесь, что ли? Я Вас спрашиваю — нравится ли Вам полковник Елисеев, как командир полка?

Мы вначале не понимали — к чему этот вопрос? Да и можем ли мы критиковать своего командира? Думаем... лично я думал, что здесь что-то неладное. И так как все молчали, как вот и сейчас молчат — я, зная хорошее расположение к себе генерала Бабиева, — спрашиваю его:

— Почему Вы задаете нам такой вопрос?

— А потому, — отвечает Бабиев, — что до меня дошли слухи, что вы недовольны!.. Да и к тому же — есть распоряжение от Походного атамана генерала Науменко — полковника Елисеева откомандировать в распоряжение войскового штаба.

Тогда я, не спрашивая никого, отвечаю генералу Бабиеву:

— Если есть такое распоряжение, то зачем же вы нас спрашиваете? Мы не вправе критиковать — ни волю начальства, ни своего командира полка.

Вот и все, что я ему ответил. Бабиеву этот ответ, видимо, не понравился. Он хотел, чтобы мы осудили вас.

— Никто больше ничего не скажет? — спросил Бабиев вновь. Все мы молчали.

— Ну тогда можете быть свободны. И я сам поступлю так, как мне будет угодно... — закончил Литвиненко слова генерала Бабиева.

Я молча, с бледным лицом и с оскорбленным чувством выслушал этот нескладный монолог самого смелого на слово и самого храброго офицера, поверив в его искренность. Все офицеры Корниловского полка стояли тут же и глупо, убого молчали... И я точно представил себе, что они вот так же робко стояли и молчали перед властным и не терпящим противоречий генералом Бабиевым. И мне стало стыдно за них, за таких доблестных офицеров в боях, но не имевших гражданской мужественности перед Бабиевым, своевольный характер которого хорошо знали.

Возможно ли было подобное молчание среди кадрового офицерства!? Да еще после таких победных дел полка? Да ник-когда бы!

Конечно, — я не нуждался в заступничестве своих офицеров. И если бы это случилось, то я был бы зависим от них. Но все же высказать свое мнение они должны были бы. Я оскорбился за их человеческие души. И мой труд в развитии у них офицерского и человеческого достоинства — оказался проделанным впустую. Объясняться и говорить с ними о заявлении Бабиева — считал излишним.

— Идите, господа, по домам, — сказал им.

Оставшийся есаул Марков полностью подтвердил слова Литвиненко. И добавил, что все офицеры не только удивлены, но и огорчены этой какой-то каверзной неизвестностью. Я же не понимал — что хочет Бабиев? И как он мог вызывать моих офицеров, чтобы вырвать у них какой-то протест против своего командира полка?!

Это был столь недопустимый случай в организации и психологии всякой армии, что я отказывался понять Бабиева. Но пока мы говорили с Марковым, буквально минут через пятнадцать после ухода офицеров — из штаба дивизии прибыл ординарец и вручил мне пакет, на котором было написано: “Срочно. Лично. Полковнику Елисееву”.

Вскрываю при Маркове пакет, вынимаю две бумажки и читаю: “1. Согласно телеграммы Походного Атамана генерала Науменко — приказываю Вам сдать полк есаулу Трубачеву и выехать в Екатеринодар, в распоряжение Войскового штаба.

2. Предъявитель сего есть полковник Кубанского казачьего войска Феодор Елисеев, что подписью и приложением печати удостоверяется.

Начальник 3-й Кубанской казачьей дивизии, генерал-майор Бабиев”.

Свершилось... Свершилась затаенная месть за сопротивление своевольной власти Бабиева в полку. И я не только понял, “за что именно”, но этого и ждал. Началом было, конечно, эти его “три искусственных ранения в полку”. А потом сопротивление тому, что он генерал и начальник дивизии — не вникал бы в полк, которым командует уже другой. Но Бабиев хотел командовать и дивизией, и Корниловским полком. Этого, конечно, ни один новый командир полка не допустил бы. Не допускал и я этого, но старался делать в мягкой форме, всегда считаясь с ним, как со старым командиром полка и долгим личным другом. Ничего не говорило о таком исходе! И так коварно... чисто по-персидски! Молча, в тыл, без объяснений, за глаза... Да еще после таких молодецких конных атак, с такими богатыми трофеями! И с такими большими кровавыми потерями полка! За три атаки, в течение двух недель потерять убитыми двух офицеров — командиров сотен и семь ранеными... в том числе раненым был и сам командир полка — увольняемый... И за эти три атаки захватить пять полевых орудий, 15 пулеметов и целую дивизию красной пехоты.

Объяснения с Бабиевым я считал излишними. Я сразу же “закусился”. Может быть, Бабиев был храбрее меня? Может быть, он был авторитетнее меня в полку? Может быть, лучше меня представлял тип кубанского казака? Может быть, лучше меня сидел в седле? Может быть, сильнее меня любил Корниловский полк?..

Его любовь к полку лучше, глубже всех охарактеризовал как-то все тот же остроумный и смелый на слово сотник Литвиненко, сказавший: “Як бы Бабиев мэньш любыв наш полк — нам було б лэхчэ”...

Возмутительно было еще то, что в дни главных боевых операций всего фронта, чтобы отбросить красных от границ Кубани, когда, казалось, нужно было “все тыловое” насильно выбросить на фронт, в строевые части, — одного из командиров полков “отзывают” в тыл, в распоряжение Войскового штаба.

Меня возмутило и то, что в “удостоверении о личности” — он указал, что я есть “просто” полковник Кубанского Войска. Для исправления этого я тут же написал ему частное письмо, подчеркивая, что я являюсь “командующим Корниловским конным полком” и как таковой — откомандировываюсь в распоряжение Войскового штаба.

Бабиев не заставил долго ждать и скоро прислал “новое удостоверение о личности”, в котором не указал “командующий полком”, но проставил — “полковник Корниловского полка”. Не желая “раздувать эту историю” — я уже не протестовал. И выехать в Екатеринодар решил завтра.

Мы обносились. Плохо дело было с обувью. Скота было много. Он был калмыцкой породы, буро-красный. Я приказал в сотнях шить “выворотные чевяки”, шерстью наружу, как шили себе когда-то наши пластуны “постолы” и какие носили турецкие солдаты,

татары и курды Закавказья. Они были мягки и удобны в сухую погоду, а в седле тем более. Сшил таковые и себе.

По воинскому положению — всякий офицер, прибывая или убывая из части, должен представиться своему непосредственному начальнику. Таковым для меня был генерал Бабиев. Утром 3 мая я выехал в штаб дивизии. Через офицера-ординарца доложил о себе Бабиеву.

— Войдите! — громко ответил он на мой стук в дверь.

В гимнастерке, при кинжале и револьвере и в папахе — стоял он в просторной комнате, в противоположном углу. Он всегда был в папахе в комнате. Не снимая папахи и взяв руку под козырек, твердо рапортовал ему, остро смотря ему в глаза:

— Ваше превосходительство! Командующий Корниловским конным полком, полковник Елисеев представляется, по случаю откомандирования в Екатеринодар, в распоряжение Кубанского Войскового штаба!

Бабиев немедленно же взял левую (здоровую) руку под козырек и серьезно выслушал рапорт. Он всегда был отчетлив. Первый его взгляд был на мои рыжие чевяки-постолы с острыми носами, по-восточному загнутые кверху. И я заметил, как у него дрогнули глаза. К тому же — на мне истрепанная черкеска, потертая небольшая, коричневого каракуля, папаха, туркменский кривой “кльч” в кавказских ножнах с легкой отделкой серебра “с подчернью”, длинный кинжал в черных ножнах с таким же скромным серебром, как и шашка. В общем, вид почти абрека, что всегда нравилось Бабиеву. И все это “резнуло” по сердцу Бабиева. Я-то хорошо знал Бабиева, в особенности выражение его серых глаз.

Конечно, он знал, что я должен ему представиться. И к этому приготовился, встав в самый дальний угол большой комнаты, чтобы не подать мне руки, якобы “за дальностью расстояния”. И не подал... Да это было уже излишним. Объяснений быть не могло. У него все было подготовлено заранее для моего увольнения, он, видимо, ждал дня прибытия есаула Трубачева, лабинца и молодого корниловца, которому хотел вручить полк.

Отрапортовав, я опустил руку. Он стоял молча, не подошел ко мне и даже не сказал “здравствуйте”. Мы оба стоим и молчим. Думаю, что он сознавал и стыдился своего решения. Не только раньше, когда он был командиром полка, но и теперь, будучи генералом и начальником дивизии, а я три месяца командиром полка и его подчиненным — он ни разу не сделал мне и одного замечания по службе или неудовольствия. Так в чем же дело? — невольно навязывается вопрос. Значит, он не прав?

— Вы, Джембулат, на меня не сердитесь... так все случилось... но я знаю, что и в другом полку Вы будете отличным офицером, — наконец, выдал он из себя, “Юпитер”...

Я на это ничего ему не ответил. И чтобы окончить этот ненужный разговор и показать, что я его выслушал, — взял руку под козырек, давая понять, что хочу уходить. Я чувствовал себя зло и грустно. С отъездом из полка — я терял очень много не только в своей военной карьере, но я чувствовал банкротство в человеческой правде. Я чувствовал, что я “смят, разбит и почти что уничтожен”. Убери открыто! Вызови к себе! Выщукай! Но так коварно...

Видимо, и он переживал подобное и понимал “все это”. Он подошел ко мне, протянул руку, поцеловал в губы и пожелал... счастливого пути. Еще одна незабываемая и горестная страница перевернулась в моей личной жизни.

Утром 3 мая 1919 г. вся дивизия выступала дальше на север. Полк был выстроен у моей квартиры. Я выехал к нему, чтобы попрощаться навсегда. Есаул Трубачев скомандовал “встречу”. Тихо, рысью, спокойно подъехал я к тому полку, к которому подлетал раньше, словно на крыльях своей нарядной кобылицы. “Что говорить?.. К чему говорить?.. И как говорить?.. И как здороваться с полком?” — неслась мысль. Бодро говорить — не могу. Грустно говорить — не к чему. И я не поздоровался с полком, так как моя душа была наполнена одной печалью.

Было тихо-тихо кругом. Дышали, может быть, только лошади, для которых было все равно — в природе, в полку, в людской ли ссоре. Мой прощальный приказ был уже прочитан в сотнях. Что же еще сказать? Я несколько не сомневался в полном сочувствии офицеров, но для казаков, может быть, это было “все равно”?

— Я уезжаю из полка по воле начальства... Оставайтесь, братцы, все такими же храбрыми и молодецкими, которыми были всегда. Кубань родная — вас возблагодарит. Прощайте! — закончил я.

— Покорно... Рады стараться... Счастливо!.. — все это перемешалось в ответах казаков, так как мой минорный тон речи и сама речь были таковы, что казакам понять было трудно, — как ответить?

Козырнув офицерам и поворотя свою кобылицу, крупной ускользящей рысью шел я к воротам своего бывшего штаба полка. Корниловский конный полк — оставался в гробовом молчании. И свой родной, кровный полк — я встретил ровно через год, на Черноморском побережье в 1920 г., в трагические дни Кубанской армии, когда он вошел в состав 2-й Кубанской казачьей дивизии, которой я командовал тогда.

В тот же день я выехал в тыл, в Екатеринодар. На второй день мы проезжаем места боев, где обильно была пролита кровь полка в конных атаках. Следующая ночевка в Дивном. Много разгороженных дворов: это полки разобрали доски на постройку гробов погибшим казакам, отправляя их на Кубань, в свои станицы...

На вокзале села Петровского неожиданно встречаю полковника Камянского, того старого корниловца, которого Бабиев не принял в полк, куда он вернулся после болезни.

— Куда и как?.. Где дивизия? — забросал он меня вопросами. Я пояснил ему, “где дивизия”, и сообщил по-дружески, что “отстранен по Войску”.

— Как, т. е.? — недоуменно спрашивает он.

— Не подошел Бабиеву... — поясняю ему.

— Да, такому человеку трудно подойти, понравиться, — смеется он. — И я очень рад, что еду к своим, в свой 1-й Полтавский полк. А вы еще послужите, вы так еще молоды. Это мы, старики... — смеется он, добряк. Этому “старик” тогда было не больше 38 лет.

Встречаю старшего полкового писаря, вахмистра Александра Шарапова, казака станицы Ильинской, сослуживца по Турецкому фронту.

— Слышали?.. Георгий Константинович перевернулся ведь! — кричит он мне.

— Где?.. Когда? — с горестью спрашиваю его.

— Да на Маныче!.. Под Великокняжеской! — отвечает он.

Это был убит мой долгий командир сотни по мирному времени и Кавказскому фронту, теперь полковник и начальник 1-й Кубанской казачьей дивизии, Маневский. Производство в генералы застало его в гробу. От такой жуткой новости — гибели этого выдающегося кубанского штаб-офицера — мое личное горе сжалось в маленький комочек.

Финал

Я в Екатеринодаре. Иду в Войсковой штаб. И только что стал подниматься по лестнице на 2-й этаж, — как навстречу мне спускается Походный атаман Кубанского Войска, генерал Науменко. Отступив назад, — рапортую:

— Ваше превосходительство! Командующий Корниловским конным полком полковник...

Я не договорил рапорта, как генерал Науменко быстро обнимает меня за плечи и со своей подкупающей улыбкой, с веселым видом, перебивает меня словами:

— Елисеев... выбирайте любой полк на штаб-офицерскую вакансию, но в Корниловский полк Вы не можете вернуться, — и добавляет: — Против Вас здесь есть недовольные и в тылу...

Но это было уже возмутительно, безосновательно и недопустимо. Во время Великой войны на Кавказском фронте офицеры нашего полка, да, думаю, и всех остальных полков войска — всякое распоряжение Войскового штаба (фактически Кубанского Наказного атамана), назначенного Императором, — считали справедливым, почти священным. Воспитанный и привыкший так мыслить — теперь я усомнился в этом, так как исключительная любезность Походного атамана и его слова ясно говорили мне, что генерал Бабиев условился с генералом Науменко лично, чтобы он “отозвал” меня с фронта, но не Бабиев “уволит” меня. И главное, безо всяких причин — ни со стороны начальника дивизии генерала Бабиева, ни со стороны Походного атамана генерала Науменко.

Единоначалие во всякой армии необходимо. Это есть тот основной стержень, на котором она держится. Но надо быть очень честным и благородным “в верхах”, чтобы армию не расшатывать пристрастием, протекционизмом, дружеством, кумовством и вообще разным произволом. Я был жертвой всего перечисленного.

— Я не знаю других полков, Ваше превосходительство, почему и назначайте меня сами, куда угодно... Мне все равно, — ответил я генералу Науменко.

Я был взволнован. Чуткий Науменко, конечно, все знал и понял меня. Он остановился, немного подумал и говорит:

— Хотите к полковнику Гамалию? Он в станице Екатерининской формирует 3-й Уманский полк. Вы знаете его? Он, кажется, однокашник с Вами по военному училищу?

“К Васылю!.. К юнкерскому защитнику всех сырых и обиженных... к кубанскому герою и богатырю-казаку?” — думаю я. И тут же дал согласие. Науменко был очень рад такому быстрому исходу, поднялся наверх и приказал написать мне соответствующее предписание.

СПИСОК

офицерам Корниловского конного полка Кубанского войска, убитым и раненым с 13 сентября 1918 г. по 3 мая 1919 г., за время моего пребывания в полку, что точно известно мне, как происшедшее на моих глазах.

Убиты:

Полковник Федоренко, командир полка — убит под станицей Михайловской Лабинского отдела 13 сентября 1918 г.

Есаул Удовенко, полковой адъютант — убит под станицей Курганной Лабинского отдела 18 сентября 1918г.

Прапорщик Шевченко — убит под хутором Абдурахмановым Лабинского отдела 15 октября 1918 г.

Зауряд-хорунжий Корякин — убит у станицы Урупской Лабинского отдела 18 октября 1918г.

Сотник Поляков, командир сотни — убит у Соленых хуторов Ставропольской губернии 12 ноября 1918 г.

Сотник станицы Михайловской Лабинского отдела (фамилия забыта) — убит у села Константиновского Ставропольской губернии 15 ноября 1918г.

Есаул Васильев, полковой адъютант — убит у Макинских хуторов Ставропольской губернии 13 апреля 1919г.

Хорунжий Яковенко, командир 6-й сотни — убит у села Кормового Астраханской губернии 27 апреля 1919г.

Ранены:

Полковник Бабиев, командир полка — легко ранен у станицы Урупской Лабинского отдела 13 октября 1918 г., остался в строю.

Сотник Васильев, командир 1-й сотни — тяжело ранен у хутора Абдурахманова Лабинского отдела 15 октября 1918г.

Полковник Артифексов, помощник командира полка — тяжело ранен у хутора Стасикова Лабинского отдела 16 октября 1918г.

Подъесаул Черножуков, командир 4-й сотни — тяжело ранен у хутора Стасикова Лабинского отдела 16 октября 1918г.

Сотник Мишуров, командир сотни — тяжело ранен у станицы Урупской Лабинского отдела 18 октября 1918 г.

Подъесаул Елисеев Феодор, командир дивизиона — ранен у станицы Убеженской Лабинского отдела 24 октября 1918г.

Прапорщик Хлус — ранен у станицы Убеженской Лабинского отдела 24 октября 1918 г.

Сотник Друшляков, командир 2-й сотни — тяжело ранен под Ставрополем в начале ноября 1918 г.

Прапорщик Тюнин — ранен у села Константиновского Ставропольской губернии 10 ноября 1918 г.

Подъесаул Елисеев Феодор, вр. полковой адъютант — контужен в правый глаз у села Константиновского Ставропольской губернии 10 ноября 1918г., остался в строю.

Хорунжий Литвиненко, командир 3-й сотни — ранен у села Константиновского Ставропольской губернии 10 ноября 1918г.

Сотник Демяник, командир 5-й сотни — ранен у хутора Соленого Ставропольской губернии 12 ноября 1918 г.

Сотник Зеленский, командир 3-й сотни — ранен у хутора Соленого Ставропольской губернии 12 ноября 1918 г.

Подъесаул Лопатин, командир 4-й сотни — ранен у села Константиновского Ставропольской губернии 15 ноября 1918 г.

Одновременно ранен хорунжий 4-й сотни (фамилия забыта), казак станицы Михайловской Лабинского отдела.

Подъесаул Елисеев Феодор, помощник командира полка — тяжело ранен у села Спицевка Ставропольской губернии 21 ноября 1918 г.

Хорунжий Елисеев Георгий — тяжело ранен под селом Большие Айгуры Ставропольской губернии в январе 1919г.

Сотник Литвиненко, командир 3-й сотни – ранен под селом Приютным Астраханской губернии 21 апреля 1919г., остался в строю.

Хорунжий Сердечный, пулеметчик — ранен под селом Приютным Астраханской губернии 21 апреля 1919 г.

Есаул Кононенко (большой), командир 5-й сотни - ранен у села Кормового Астраханской губернии 23 апреля 1919г.

Хорунжий Бэх (большой), офицер 5-й сотни — ранен тогда же и там же.

Сотник Степаненко, командир 4-й сотни — ранен тогда же и там же.

Есаул Твердый, командир 1-й сотни — тяжело ранен у села Кормового Астраханской губернии 27 апреля 1919г.

Полковник Елисеев Феодор, командир полка — легко ранен у села Кормового Астраханской губернии 27 апреля 1919 г., остался в строю.

25. Хорунжий Шеховцов, командир 5-й сотни — тяжело ранен у села Кормового Астраханской губернии 26 февраля 1919г.

О потерях полка после 2 мая 1919г. — мне ничего не известно. Но известно, что погибли, в том числе в боях в Таврии и в десанте на Кубань в 1920 г. следующие офицеры:
Сотник (поручик) Дубовик — под Царицыном в 1919г.
Есаул Елисеев Георгий (младший брат) — в Таврии.
Есаул Марков и 4. Есаул Клыгин — в десанте на Кубань.

5. Полковник Литвиненко, последний командир корниловцев — погиб на Перекопе, в последней атаке полка на пехоту красных, смертельно раненный в живот. Погиб в Таврии и генерал Бабиев, замкнув свой долгий молодецкий круг казачьей доблести.

Потери полка были исключительно большие, и за отсутствием полкового архива — точность их не может быть выяснена.

Елисеев Ф.И.

С КОРНИЛОВСКИМ КОННЫМ.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

ОБ АВТОРЕ

Федор Иванович Елисеев родился 11(24) ноября 1892 г. в станице Кавказской Кубанского Войска в многодетной казачьей семье. 17 лет от роду поступает вольноопределяющимся в 1-й Екатеринодарский Кошевого атамана Чепеги полк ККВ. На полковой джигитовке получает первый приз из рук Наказного атамана генерал-лейтенанта М.П. Бабыча — массивные серебряные часы с цепочкой, с правом ношения в строю.

В 1910 г. принимается на трехгодичный курс Оренбургского казачьего училища и оканчивает его взводным портупей-юнкером с двумя золотыми жетонами за джигитовку и гимнастику. В 1913 г. выходит хорунжим в 1-й Кавказский наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полк ККВ в Туркестанский военный округ (г. Мерв). С началом Великой войны на Кавказском фронте (19 октября 1914 г.) Елисеев непрерывно в строю: младший офицер сотни, полковой адъютант, командир сотни на Западном фронте (Финляндия), награжден шестью боевыми орденами до ордена Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом включительно.

Походный атаман всех казачьих Войск, великий князь Борис Владимирович, инспектируя части Русской армии на турецком фронте, в Карее, после концерта казаков приглашает полкового адъютанта 1 -го Кавказского полка перейти в свой штаб.

Только февральская революция помешала подьесаулу Елисееву поступить в Собственный Е.И.В. Конвой.

По возвращении казачьих частей на Кубань — активный участник восстания против большевиков в Кавказском отделе Войска в марте 1918 г., командир конного отряда. Потерпев неудачу, восставшие рассеиваются. Елисеев тайно пробирается в Ставрополь. С освобождением города частями полковника А.Г. Шкуро вступает к нему в отряд и начинает свою боевую работу в Белом движении.

С сентября того же года и по май 1919-го он — в Корниловском конном полку: четыре раза ранен, командир сотни, помощник командира полка Н.Г. Бабиева, “яркой и талантливой личности, как бы воплотившей в себе, в эпоху последних кавалерийских битв, самый дух конницы, с ее стремительными рейдами, сокрушительными атаками и такими неотъемлемыми чертами, как особая картинность, удаль и непрменный “порыв, не терпящий перерыва” (А.С. Кручинин, главный редактор журнала “Военная быль”).

В должности командующего полком, Ф.И. Елисеев разрабатывает и утверждает своим приказом форму и знаки отличия Корниловского конного полка, известные на всем южном фронте гражданской войны.

С осени 1919г. полковник Елисеев — командир Хоперских полков (от Воронежа и до Кубани), 1-го Лабинского полка и командующий 2-й Кубанской казачьей дивизии (Улагаевской) при отступлении с боями к Черному морю и капитуляции Кубанской армии под Адлером и Сочи в апреле 1920г.

Плен, лагеря и тюрьмы в Екатеринодаре, Костроме, Москве и Екатеринбурге, откуда Елисеев бежит в Олонецкую губернию и летом 1921 г. переходит границу с Финляндией.

Атаман Финляндско-Кубанской станицы, работа на лесопильной фабрике, в октябре 1924 г., получив визы, вместе со своими казаками отбывает во Францию. В 1925-1926 гг. организатор и главный участник джигитовки под руководством генерал-лейтенанта Шкуро в Париже и по странам Европы.

В г. Виши полковник Елисеев назначается представителем Кубанского войскового атамана генерал-майора В.Г. Науменко, начальником армейской рабочей группы РОВС, активно помогает Русскому зарубежному союзу военных инвалидов генерала от кавалерии Н.Н. Баратова.

С 1933 по 1939 гг. — руководитель группы джигитов в “кругосветном турне” по Индии, на островах Ява, Борнео, Филиппинах, в Индокитае, Бирме, Сиаме, Малайе, Сингапуре и других странах.

В 1937-1938 гг., проживая в Шанхае, — назначен представителем Кубанского атамана на Дальнем Востоке для установления и поддержания связи с возглавителем Дальневосточной эмиграции атаманом Г.М. Семеновым.

В 1939 г. на о. Суматра Елисеева застаёт 2-я мировая война. Как офицер союзной армии по 1-й мировой войне, вступает офицером во Французский Иностраный Легион в Индокитае, участвует в боях с японцами. В 1945 г., прикрывая отход батальона легионеров в арьергарде и спасая раненого товарища, сам дважды раненый, попадает в плен. Ему шел 53-й год, это была его третья война. После освобождения в 1946 г. возвращается во Францию. За боевые отличия в Легионе Елисеев награждался девять раз, в том числе орденом Круа де Герр (Военного Креста) 2-й степени с золотой звездой на ленте.

В 1947-1948 гг. работал с группой джигитов в Голландии, Швейцарии и Бельгии. Когда он слез с седла, ему было 56 лет.

Еще в джигитовке по странам Юго-Восточной Азии Ф.И. Елисеев закончил писать свой труд (пять тысяч страниц), посвященный истории полков ККВ с начала XX в.

“Федор Иванович Елисеев — не только боевой офицер, но один из наиболее крупных военных историков и мемуаристов русского зарубежья. Он оставил тысячи страниц произведений, посвященных истории полков Кубанского казачьего Войска, начиная с предвоенного времени. Собственно, большую часть того, что было написано в эмиграции по истории кубанских частей, составляют именно труды Ф.И. Елисеева. Да и за исключением ряда высших руководителей Белого движения и профессиональных военных

историков, пожалуй, никто другой среди русской военной эмиграции не оставил такого обширного наследия.

Свод воспоминаний Ф.И. Елисеева о полках Кубанского казачьего Войска, в которых ему довелось служить, по объему, степени подробности и насыщенности фактическим материалом практически не имеет себе равных в такого рода литературе и является ценнейшим источником по истории Первой мировой и Гражданской войн...” (С.В. Волков, доктор исторических наук).

Сотни и тысячи имен офицеров и казаков, лично ему известных, — сохранила удивительная память Елисеева для историков и потомков.

Перебравшись в 1949 г. в США, он публикует все основные свои работы. Всего было выпущено на ротаторе более 90 брошюр (2500 страниц), так и не изданных в виде книг. Брошюры рассылались по подписке, а старикам в богадельни — бесплатно.

“Ф.И. Елисеев ближе к П.Н. Краснову, но не к его таланту повествования и безукоризненному русскому языку, а к восторженной любви к “военному ремеслу”. Желанием все прошлое подробно запомнить и хранить.

...В каждом литературном произведении совсем не часто — “как” и “о чем” бывают равноценны. Всегда что-то перевешивает. У Елисеева они уравновешены, и от этого легко его читателю” (А. Туроверов, Париж).

Умер Федор Иванович Елисеев 3 марта 1987 г. в Нью-Йорке на 95-м году жизни.

П. Стрелянов (Кулабухов)

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абашкин Петр Степанович — род. 19 декабря 1868 г. в ст. Лабинской ККВ. Сын офицера. Окончил Александровское Кубанское реальное училище, в службе с 1887 г., окончил Ставропольское казачье юнкерское училище (1890), Офицерскую кавалерийскую школу. В Персидском походе (1909-1912) — есаул, командир дивизиона 1-го Лабинского генерала Засса полка ККВ; в Великую войну — полковник, командир Ейского (на 04.1917), 1-го Лабинского полков (на 24.06.1917). Атаман Баталпашинского отдела ККВ (1918-1920), генерал-майор (8.09.1919). В 1920 г. взят в плен красными и помещен в лагерь. Умер в Ростове после пыток 7 января 1934 г.

Авильцев Владимир Николаевич — род. в г. Майкопе. Окончил Екатеринодарскую гимназию, Ставропольское казачье юнкерское училище. В Великую войну — есаул 1-го Кавказского заместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка ККВ (на 01.1917). В Добровольческой армии полковник. В 1920 г. сослан на Урал.

Автономов Александр Исидорович — род. в 1890 г. в г. Новочеркасске. Донской казак. В Великую войну — хорунжий. Поступил в Красную армию и в апреле 1919 г. назначен

командующим войсками Северного Кавказа. В мае 1918 г. отстранен от командования. Умер от тифа 2 февраля 1919 г.

Ажигоев Пшемаф — род. ок. 1890 г. Из черкесских дворян. Окончил Майкопское техническое училище. В Великую войну — корнет Черкесского конного полка. Во ВСЮР — полковник 2-го Черкесского конного полка (1920). В эмиграции во Франции. Умер в Париже 10 сентября 1963 г.

Алферов Федор Макарович — род. в ст. Урупской ККВ. Окончил Бакинское реальное училище, сотню Николаевского кавалерийского училища (1900). В Великую войну — войсковой старшина 1-го Кавказского наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка ККВ (на 01.1917); орден Св. Георгия 4-й ст. (1917). В Добровольческой армии — в 1-м Кавказском полку ККВ. Убит в 1918 г. в конной атаке против красных под Армавиром.

Артифексов Леонид Александрович — казак 1КВ. Окончил Тифлискую гимназию (1907), Алексеевское пехотное училище (1909), вышел хорунжим в 1-й Сибирский Ермака Тимофеевича полк СКВ. В Великую войну сотник пулеметной команды 2-й Кавказской казачьей дивизии; орден Св. Георгия 4-й ст. (1915). Во ВСЮР и Русской армии — полковник Корниловского конного полка (1918), командир 1-го Линейного полка ККВ (1919), в Крыму генерал-майор (1920). Умер 3 июня 1926 г. в Югославии.

Ас(с)еев Михаил — В Великую войну подъесаул 1-го Линейного генерала Вельяминова полка ККВ (на 12.1916). В Добровольческой армии — есаул, помощник командира 1-го Екатеринодарского полка ККВ (1918).

Астахов Иван — род. в ст. Вознесенской ККВ. В Добровольческой армии хорунжий Корниловского конного полка (1918).

Бабаев Василий Терентьевич — род. в ст. Усть-Лабинской ККВ. Окончил Майкопское техническое училище, Оренбургское казачье училище (1908). В Великую войну — есаул 1-го Таманского генерала Безкровного полка ККВ (на 1.01.1917); орден Св. Георгия 4-й ст. В августе 1920 г. в числе 6 тысяч кубанских офицеров и военных чиновников сослан на Соловки.

Бабаев Иван Терентьевич — род. в ст. Усть-Лабинской ККВ. Окончил Ставропольское казачье юнкерское училище. В Великую войну — войсковой старшина 1-го Кавказского наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка ККВ (1917). Первопоходник. В Добровольческой армии — полковник, в комиссии “офицерской чести” (1918). В эмиграции. Умер в Греции после 1950 г.

Бабаев Павел Иванович — род. в 1896 г. в ст. Усть-Лабинской ККВ. Окончил Владикавказский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище (1915). В Великую войну подъесаул 1-го Кавказского наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка ККВ (1917). После взятия Добровольческой армией г. Екатеринодара судим комиссией “офицерской чести” за службу у красных, разжалован в рядовые (1918), затем в Русской армии, на о. Лемнос, восстановлен в чине, есаул Кубанской конной батареи в Королевстве С.Х.С. (1925). В мае 1945 г. выдан советским органам в Лиенце. После лагерей вернулся в Югославию. Умер в Белграде в 1979 г., похоронен на Старом кладбище.

Бабиев Гавриил Федорович — род. 18 марта 1860 г. в ст. Михайловской ККВ. Окончил Ставропольское казачье юнкерское училище (1882), Офицерскую кавалерийскую школу (1894); сотник Кубанского (Варшавского) казачьего дивизиона (1883-1892), помощник командира 1-го Лабинского генерала Засса полка ККВ (26.02.1911), полковник (26.08.1912), командир 1-го Екатеринодарского Кошевого атамана Чепеги полка (с 2.05.1913). В Великую войну — генерал-майор (18.11.1915), командир 1-й бригады 1-й Кубанской казачьей дивизии (с 7.06.1916); Георгиевское оружие (1914). Первопоходник, во ВСЮР в резерве чинов ККВ (08.1918), генерал-лейтенант. Умер на о. Лемнос 6 февраля 1921 г., перезахоронен в г. Вранье (Югославия).

Бабиев Николай Гавриилович — род. 30 марта 1887 г. в Варшаве, казак ст. Михайловской ККВ. Окончил Бакинскую гимназию (1906), сотню Николаевского кавалерийского училища (1908), участник Персидского похода (1909-1912). В Великую войну командир сотни 1-го Лабинского генерала Засса полка ККВ; войсковой старшина, командир 1-го Черноморского полковника Бурсака 2-го полка ККВ (1917). В марте 1918 г. в отряде полковника Кузнецова, в Добровольческой армии и ВСЮР, полковник (23.09.1918), командир Корниловского конного полка (13.10.1918), орден Св. Георгия 4-й ст. (3.11.1918, за отличия в Великой войне), генерал-майор (01.1919), начальник 3-й Кубанской казачьей дивизии (с 26.01.1919), генерал-лейтенант (18.06.1919). В Русской Армии командир Конного корпуса (с 16.07.1920); орден Св. Николая Чудотворца 2-й ст. (10.09.1920). Погиб в бою в Таврии у с. Шолохове 30 сентября 1920 г.

Бабыч Михаил Павлович — род. 22 июля 1844 г. в ст. Нововеличковской ККВ. Из потомственных дворян ККВ. Окончил Михайловский Воронежский кадетский корпус, юнкер Тарутинского Великого Герцога Ольденбургского полка. Был отчислен в полки ККВ, за Кавказскую войну получил Георгиевский крест 4-й ст., произведен в прапорщики (1864); участник русско-турецкой войны 1877-1878 гг., Ахал-Текинской экспедиции 1880-1881 гг., командовал армейскими полками, генерал-майор (6.05.1899), военный губернатор Карской области (1906-1908), генерал-лейтенант (22.04.1907), начальник Кубанской области и наказной атаман ККВ (1908-1917), генерал от инфантерии (17.11.1914). Зарублен красными под Кисловодском 20 октября 1918 г. В апреле 1919 г. перезахоронен в Екатеринодарском войсковом соборе.

Баратов Николай Николаевич — род. 1 февраля 1865 г. в ст. Владикавказской ТКВ. Окончил Владикавказское реальное, 2-е Константиновское военное, Николаевское инженерное училища и Академию Генштаба. В русско-японской войне 1904-1905 гг. полковник, командир 1-го Сунженско-Владикавказского генерала Слепцова полка ТКВ; награжден золотым оружием, генерал-майор (18.05.1905). С 1907 г. начальник штаба 2-го Кавказского корпуса. В Великую войну начальник 1-й Кавказской казачьей дивизии (1912-1915), орден Св. Георгия 4-й ст. (1916), командир Экспедиционного Кавказского кавалерийского корпуса (11.1915-06.1918) в Персии, генерал от кавалерии (8.09.1917). Представитель Добровольческой армии и ВСЮР в Закавказье, председатель Зарубежного Союза Русских Инвалидов (1920-1932). Умер в Париже 22 марта 1932 г.

Бардич Кондратий Лукич — род. 9 марта 1968 г. в ст. Брю-ховецкой ККВ. Окончил Ставропольское казачье юнкерское училище (1888). Подъесаул, член Государственной Думы, член Кубанского правительства по внутренним делам (11.1917), начальник добровольческого отряда в походе на Таманский полуостров. Расстрелян большевиками вместе с сыновьями 9 марта 1918 г.

Башта Антон — в Великую войну сотник 1-го Таманского генерала Безкровного полка ККВ (1917). Первопоходник, в Добровольческой армии состоял в Запасном полку (1918).

Беданокв Махмуд — в Добровольческой армии и ВСЮР, корнет Черкесского конного полка (1918), за отъездом старших офицеров возглавил Черкесскую конную дивизию при капитуляции Кубанской армии в марте 1920 г.

Безладнов Алексей — в Великую войну войсковой старшина 2-го Таманского полка ККВ. В Добровольческой армии полковник, командир 1-го Кавказского полка ККВ (05.1918), впоследствии атаман Лабинского отдела.

Безладнов Владимир Арсеньевич — род. в г. Екатеринодаре. Окончил Екатеринодарское реальное училище (1910), сотню Николаевского кавалерийского училища (1912). В Великую войну подъесаул 2-го Екатеринодарского полка ККВ (на 1.07.1917). Первопоходник, в Добровольческой армии и ВСЮР, врид командующего Корниловским конным полком (09-10.1918), войсковой старшина, командир Корниловского конного полка (1920). Взят в плен во время десанта генерала Улагая на Кубань в августе 1920 г. и расстрелян красными.

Белый Михаил — род. в ст. Уманской ККВ. Окончил Михайловский Воронежский кадетский корпус, сотню Николаевского кавалерийского училища. В Великую войну войсковой старшина, вр. командир 1-го Таманского генерала Безкровного полка ККВ (1917). Погиб в восстании против красных весной 1918 г.

Белый Юрий Николаевич (Никитич) — из казаков ККВ. Окончил Михайловское артиллерийское училище. В Великую войну есаул 4-й Кубанской казачьей батареи, затем командир батареи на Западном фронте, полковник.

Беляевский Николай Николаевич — род. в ст. Староминской ККВ. Окончил сотню Николаевского кавалерийского училища (1902). В Великую войну подъесаул 1-го Кавказского наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка (1915), войсковой старшина Екатеринославского полка ККВ на Персидском фронте (1917). Убит большевиками на станции Ладожская вместе с генералом Радацем летом 1918 г.

Бичерахов Лазарь Федорович — род. 15 ноября 1882 г. Казак-осетин ТКВ, сын вахмистра Собственного Е.И.В Конвоя. В Персидском походе (1909-1912) сотник 1-го Горско-Моздокского генерала Круковского полка ТКВ. В Великую войну войсковой старшина, начальник первого Партизанского отряда на Персидском фронте (1916) и арьергарда корпуса в 1918 г., Георгиевский кавалер. Во ВСЮР командир казачьих отрядов в Закавказье (1919), генерал-майор. Умер в Ульме (Германия) 22 июня 1952 г.

Боровский Александр Александрович — род. 6 июня 1875 г. Окончил Псковский кадетский корпус (1894), Павловское военное училище (1896), Академию Генштаба (1903), офицер Л.-гв. Литовского полка, преподаватель Павловского военного училища (с 1907). В Великую войну полковник, командир 6-го Сибирского стрелкового полка (с 1914), орден Св. Георгия 4-й ст., Георгиевское оружие, генерал-майор (31.05.1917), командир бригады 2-й Сибирской стрелковой дивизии (16.09.1917). Первопоходник, в Добровольческой армии и ВСЮР командир Офицерского полка (с 17.03.1918), начальник 2-й дивизии (с 06. 1918), командир 2-го армейского корпуса (с 15.11.1918), командующий войсками Закаспийской области (с 22.07.1919), генерал-лейтенант (12.11.1918). Умер в Скопле (Югославия) 27 декабря 1939 г.

Бородычев Никифор Иванович — из вахмистров. В Великую войну Георгиевский кавалер, подъесаул 2-го Кавказского полка ККВ (на 12.1916). Первопоходник, в Добровольческой армии и ВСЮР есаул Корниловского конного полка (1920). В эмиграции в Югославии (войсковой старшина), в США (на 1959 г.).

Бэх Андрей — род. в ст. Незамаевской ККВ. Во ВСЮР, есаул Корниловского конного полка (1920).

Бэх (большой) — род. в ст. Незамаевской ККВ. Во ВСЮР, есаул Корниловского конного полка (1920).

Васильев Яков Климентьевич — род. в ст. Воздвиженской ККВ. Из студентов. В 1915 г. окончил Оренбургское казачье училище, хорунжий 2-го Полтавского полка ККВ (на 01.1917). Первопоходник, в Добровольческой армии и ВСЮР, есаул Корниловского конного полка. Смертельно ранен в бою 13 апреля 1919г.

Васюков Яков — род. в ст. Усть-Лабинской ККВ. Окончил Оренбургское казачье училище (1913). В Великую войну подъесаул 2-го Екатеринодарского полка ККВ (1917). В Добровольческой армии офицер 1-го Екатеринодарского полка ККВ (1918).

Венков Василий Кузьмич — род. в 1872 г. в ст. Чамлыкской ККВ. Окончил Ставропольское казачье юнкерское училище. В Великую войну есаул 1-го Лабинского генерала Засса полка ККВ; на Персидском фронте — войсковой старшина Ставропольского (4-го Сводно-Кубанского) полка (1917). Во ВСЮР и Русской армии полковник, командир 1-й бригады (корниловцы и кавказцы) 3-й Кубанской казачьей дивизии (1919), генерал-майор (1920). На о. Лемнос командир 1-го Сводно-Кубанского полка. Умер в г. Нише (Югославия) 28 июля 1931 г.

Винников Александр Апполонович — род. в ст. Славянской ККВ. Окончил Владикавказский кадетский корпус (1912), сотню Николаевского кавалерийского училища (1914). В Великую войну подъесаул 1-го Кавказского заместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка ККВ (на 01.1917). Убит красными у ст. Ловлинской ККВ в феврале 1918 г.

Воропаев — род. в ст. Некрасовской ККВ. В Добровольческой армии хорунжий Корниловского конного полка (1918).

Врангель Петр Николаевич, барон — род. 15 августа 1878 г. в г. Ново-Александровске Ковенской губернии. Окончил Ростовское реальное училище и С.-Петербургский Горный институт (1901). Вольноопределяющийся Л.-гв. Конного полка, выдержал экзамен при Николаевском кавалерийском училище на чин корнета гвардии (1902). В русско-японской войне сотник 2-го Верхнеудинского полка ЗабКВ. Окончил Академию Генштаба (1910). В Великую войну орден Св. Георгия 4-й ст. (1914), полковник (11.12.1914), командир 1-го Нерчинского полка ЗабКВ (с 8.10.1915), генерал-майор (13.01.1917), вр. командующий Уссурийской конной дивизией (с 23.01.1917), командующий Сводным конным корпусом (с 10.07.1917). Во ВСЮР начальник 1-й Конной дивизии (30.10.1918), генерал-лейтенант (22.11.1918), командующий Кавказской Добровольческой армией (10.01.1919), Главнокомандующий ВСЮР (с 22.03.1920). Провел эвакуацию Русской Армии из Крыма (11.1920), преобразовал Армию в РОВС (1.09.1924). Умер в Брюсселе (Бельгия) 25 апреля 1928 г., перезахоронен в Свято-Троицкой церкви в Белграде (Югославия) 6 октября 1929 г.

Галаев Петр — род. в 1879 г. в ст. Ново-Осетинской 1КВ. Окончил Владикавказское реальное и Новочеркасское казачье училища (1900). В Великую войну войсковой старшина 2-го Черноморского полка ККВ (25.03.1917). Командир первого партизанского отряда на Кубани (12.1917). Погиб в бою у ст. Энем 22 января 1918г.

Гамалий Василий Данилович — род. 1 мая 1884 г. в ст. Переяславской ККВ. Окончил Оренбургское казачье училище (1911). В Великую войну командир сотни 1-го Уманского бригадира Головатого полка ККВ в легендарном рейде в Месопотамию; орден Св. Георгия 4-й ст. (1916), командир партизанской Георгиевской сотни. Во ВСЮР и Русской Армии — полковник, командир 2-го Кабардинского конного (1918), 2-го Уманского ККВ (11.1919) полков, на Перекопе командир конной бригады (уманцы и корниловцы, 1920). Умер в Лейквуде, Нью-Джерси (США) 22 ноября 1956 г.

Гейман Александр Александрович — род. 26 августа 1866 г. в ст. Геймановской ККВ. Окончил Тифлисский кадетский корпус, 3-е Александровское военное училище (1885), Офицерскую стрелковую школу (1912). В Великую войну полковник, командир 14-го, 8-го, 2-го Е.И.В Великой княжны Ольги Николаевны Кубанских пластунских батальонов, генерал-майор (1916), начальник 3-й Кубанской пластунской бригады (1917). Во ВСЮР и Русской Армии, командир Майкопского отряда, начальник 2-й Кубанской пластунской бригады, генерал-лейтенант (1918). В эмиграции. Умер в 1939 г. в старческом доме в Великой Киекинде (Югославия).

Гетманов Михаил Демьянович — род. в 1891 г. в ст. Бар-суковской ККВ. Окончил Владикавказский кадетский корпус (1909), сотню Николаевского кавалерийского училища (1911). В Великую войну сотник 2-го Кавказского полка ККВ (на 1.12.1916). Первопоходник, во ВСЮР и Русской Армии полковник, командир Сводно-Кубанских полков (1919), командир Кубанской войсковой автомобильной сотни, галлиполиец, в составе Кубанского Алексеевского училища в Болгарии (1925), генерал-майор. До 1945 г. находился в эмиграции в Югославии, затем до 1949 г. — в лагерях в Германии. Умер в Нью-Йорке 26 января 1978 г.

Гетманов Сергей Демьянович — род. в ст. Барсуковской ККВ. В Великую войну есаул (1917). Первопоходник, в Добровольческой армии и ВСЮР, генерал-майор, погиб в бою в конце 1920 г.

Гиршберг Константин Оскарович — род. на хут. Романовском (ст. Кавказская) ККВ. Из обрусевших шведов. Окончил Екатеринодарское реальное училище (1910), ветеринарный врач 1-го Кавказского наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка ККВ (1917). В эмиграции в Югославии, во 2-м полку Русского корпуса; затем в эмиграции в Венесуэле (на 1961 г.).

Глазенап Петр Владимирович — род. 3 марта 1882 г. в Гжатске. Сын офицера. Окончил 1-й Московский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1903). В Великую войну полковник, командир особого Ударного отряда. Первопоходник, командир 1-го офицерского конного полка (25.03.1918), начальник 1-й отдельной Кубанской казачьей бригады (06.1918), Ставропольский военный губернатор (10.1918), генерал-майор (12.11.1918), начальник Сводно-Горской конной дивизии (23.03.1919), генерал-лейтенант (1919), командующий Северо-Западной армией (23.11.1919-22.01.1920), командующий 3-й Русской Армией в Польше (до 08. 1920). В эмиграции председатель Союза Андреевского флага (1946). Умер в Мюнхене (Германия) 27 мая 1951 г.

Говорущенко Сергей Дмитриевич — род. 7 октября 1867 г. Окончил Старопольское казачье юнкерское училище (1889). В Великую войну войсковой старшина Ставропольского (4-го Сводно-Кубанского) полка ККВ, командующий 3-м Хоперским полком (с 26.07.1917). Во ВСЮР командир 1-й бригады 2-й Кубанской казачьей дивизии, генерал-майор (03.1919). В эмиграции. Умер 21 июня 1946 г. в Ницце (Франция).

Голованенко — род. в ст. Михайловской ККВ. В Великую войну урядник 1-го Лабинского генерала Засса полка ККВ. Во ВСЮР хорунжий Корниловского конного полка (1919).

Головин Николай Николаевич — род. 22 февраля 1875 г. в Москве. Окончил Пажеский Корпус (1894), Академию Генштаба (1900), в Л.-гв. Конной артиллерии, профессор Академии. В Великую войну полковник, командир Л.-гв. Гродненского гусарского полка (1914), орден Св. Георгия 4-й ст. (1916), генерал-лейтенант (16.08.1917), начальник штаба помощника главнокомандующего армиями Румынского фронта (с 17.04.1917). Руководитель обороны Омска в армии адмирала Колчака (1919), военный дипломат в Европе, в эмиграции создатель Высших Военно-Научных курсов, автор более ста трудов, преподаватель военных академий в Югославии, Чехословакии, Франции, США. Умер 10.01.1944 г. в Париже, похоронен на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа.

Гончаров Дмитрий Иванович — род. в Лабинском отделе ККВ. Окончил Баталпашинское городское училище. В Великую войну Георгиевский кавалер. Окончил 4-ю Тифлискую школу прапорщиков, хорунжий 1-го Кавказского заместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка ККВ (1917).

Горпищенко Григорий Иванович — окончил Михайловский Воронежский кадетский корпус, сотню Николаевского кавалерийского училища. В Великую войну подьесаул 1-го Таманского генерала Безкровного полка ККВ (на 1.01.1917).

Гревс Александр Петрович — род. 18 августа 1876 г. в Киевской губернии. Окончил Николаевский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1897). В русско-японской войне — в Терско-Кубанском казачьем полку, золотое оружие. Полковник (6.12.1913) Л.-гв. Гусарского полка (до 1916), на Персидском фронте командир 18-го драгунского Северского Короля Дании Христиана IX полка (с 20.03.1916), командующий Л.-гв. Конно-гренадерским полком (с 3.12.1916). Во ВСЮР и Русской Армии, командир Черкесского конного полка (1918), начальник Горской конной дивизии, генерал-майор (1919), командующий Сводным корпусом (1919), командир Горской конной бригады в Крыму (1920). В эмиграции в Сербии. Умер во Франции 14 января 1936 г.

Гречкин Илья Георгиевич — род. в 1881 г. Окончил Оренбургское казачье училище. В Великую войну полковник 1-го Хоперского Е.И.В Великой Княгини Анастасии Михайловны полка ККВ (11.1917); орден Св. Георгия 4-й ст. Во ВСЮР командир 1-го Таманского полка ККВ (1919), помощник атамана Баталпашинского отдела ККВ (1920).

Гулыга Иван Емельянович — род. 26 августа 1857 г. в ст. Незамаевской ККВ. Окончил Ставропольское казачье юнкерское училище (1877), Академию Генштаба (1899). Атаман Кавказского отдела ККВ, генерал-майор (6.12.1912). В Великую войну начальник 2-й, затем 1-й Кубанских пластунских бригад, Георгиевское оружие (1915), командир Терско-Кубанского пластунского корпуса, генерал-лейтенант (1.10.1917). Командующий Кубанской армией (17. 01-14.02.1918), первопоходник. Во ВСЮР врид начальника 8-й Донской казачьей дивизии (1919), в резерве офицеров Генштаба (1920). Умер в июне 1936 г. в Югославии.

Гулыга Георгий Иванович — род. 15 февраля 1884 г. в ст. Незамаевской ККВ. Окончил Эриванскую гимназию, Павловское военное училище, офицер Собственного Е.И.В Конвоя. В Великую войну есаул, командир сотни 2-го Кавказского полка ККВ (на 1.12.1916). Во ВСЮР и Русской Армии, о. Лемнос, в Кубанском дивизионе в Сербии, полковник, в Русском Корпусе. Умер в Сан-Франциско (США) 15 декабря 1953 г.

Гурбич — род. в ст. Павловской ККВ. Во ВСЮР сотник, командир сотни Корниловского конного полка (1919).

Давыдов Михаил — окончил Ейское реальное и Ставропольское казачье юнкерское училища. В Великую войну войсковой старшина 2-го Екатеринодарского полка ККВ (на 1.07.1917), расстрелян большевиками на станции Ладожская вместе с генералом Радцацем летом 1918 г.

Демяник Василий — окончил Екатеринодарское реальное (1909) и Елисаветградское кавалерийское (1911) училища. В Великую войну подъесаул 1-го Таманского генерала Безкровного полка ККВ (на 01.1917).

Демяник Евгений Владимирович — род. в ст. Славянской ККВ. В Великую войну подхорунжий, Георгиевские кресты 3-й и 4-й ст., сотник 2-го Полтавского полка ККВ (на 01.1917). Пер-вопоходник, в Добровольческой армии в Корниловском конном полку (1918), есаул Кубанского конного учебного дивизиона.

Деникин Антон Иванович — род. 4 декабря 1872 г. в г. Шпеталь Дольный Варшавской губернии. Окончил Ловичское реальное (1890) и Киевское пехотное юнкерское (1892) училища, Академию Генштаба (1899), в русско-японской войне начальник штаба Забайкальской казачьей дивизии (28.10.1904), полковник, начальник штаба Сводного кавалерийского корпуса генерала Мищенко (08.1905). Генерал-майор (06.1914). В Великую войну начальник 4-й стрелковой “Железной” дивизии, генерал-лейтенант (1916), Георгиевское оружие, ордена Св. Георгия 3-й и 4-й ст. ст., Георгиевское оружие с бриллиантами (1916), командир 8-го армейского корпуса (с 9.09.1916), главнокомандующий войсками Юго-Западного фронта (с 2.08.1917), участник выступления генерала Корнилова (08.1917). Главнокомандующий Добровольческой армией с 31.03.1918, Главнокомандующий Вооруженными Силами Юга России (26.12.1918-22.03.1920). Умер в Энн Эрбор (США) 7 августа 1947 г.

Дзюба Константин — род. в ст. Старокорсунской ККВ, из урядников Великой войны. В Добровольческой армии хорунжий, начальник пулеметной команды Корниловского конного полка (1918).

Дзюба Семен — род. в ст. Старокорсунской ККВ, из урядников Великой войны. В Добровольческой армии хорунжий Корниловского конного полка (1918).

Долгоруков Александр Николаевич, князь — род. 28 декабря 1872 г. в Петербурге. Окончил Пажеский корпус (1893), Академию Генштаба. Служил в Л.-гв. Кавалергардском полку, орден Св. Георгия 4-й ст. (1914), генерал-лейтенант (29.04.1917), командир 1-го кавалерийского корпуса (с 19.04.1917). Главнокомандующий войсками Украины при гетмане Скоропадском (1918), начальник 4-й дивизии в Северо-Западной армии (1919), начальник отдела РОВСа в Марокко. Умер в Раббате 17 января 1948 г.

Доморацкий Семен Иосифович — род. в Майкопе. Окончил сотню Николаевского кавалерийского училища (1903). В Великую войну в 1-м Кавказском, Екатеринославском (2-м Сводно-Кубанском) полках ККВ, войсковой старшина, убит большевиками на станции Ладожская вместе с генералом Раддацем летом 1918г.

Дорошенко — род. в ст. Павловской ККВ. В Великую войну прапорщик 3-го Уманского полка ККВ (на 1.01.1917). Во ВСЮР и Русской Армии, хорунжий Корниловского конного полка (1919). В эмиграции войсковой старшина. Погиб в Югославии.

Дроздовский Михаил Гордеевич — род. 7 октября 1881 г. в Киеве. Из дворян, сын генерала. Окончил Киевский кадетский корпус (1899), Павловское военное училище (1901), Академию Генштаба (1908), офицер Л.-гв. Волынского полка. В русско-японской войне — в 34-м стрелковом Восточно-Сибирском полку. В Великую войну полковник, начальник 14-й пехотной дивизии, Георгиевский кавалер. Командир 1-й отдельной бригады русских добровольцев на Румынском фронте, с которой выступил из Ясс на Дон (26.01.1918), начальник 3-й дивизии, генерал-майор (12.11.1918). Умер от ран 1 января 1919 г. в Ростове.

Дронов Георгий Иванович — род. в ст. Усть-Лабинской ККВ. В Великую войну прапорщик 3-го Екатеринодарского полка ККВ. Во ВСЮР есаул Корниловского конного полка (1920), в эмиграции во Франции (на 1959).

Друшляков Федор Матвеевич — род. в ст. Ильинской ККВ, урядник Собственного Е.И.В Конвоя. В Великую войну окончил 3-ю Петергофскую школу прапорщиков, хорунжий 2-го Запорожского полка ККВ (на 1.01.1917). Во ВСЮР войсковой старшина Корниловского конного полка (1920).

Дубовик — иногородний одной из черноморских станиц ККВ, поручик-пластун Великой войны. Во ВСЮР сотник Корниловского конного полка (1919).

Дутов Александр Ильич — род. 5 августа 1879 г. в г. Каза-линске. Окончил Оренбургский Неплюевский кадетский корпус (1897), сотню Николаевского кавалерийского училища (1899), Академию Генштаба (1908). В русско-японской войне служил в 1-и Оренбургском казачьем полку. В Великую войну полковник (5.09.1917), командир 1-го Оренбургского Наследника Цесаревича полка ОКБ (1917), председатель Совета Всероссийского Союза Казачьих войск, атаман Оренбургского казачьего Войска (10.1917). Генерал-лейтенант (14.10.1918), командующий Отдельной Оренбургской армией (01.1919). Убит агентами ЧК в Китае 6 февраля 1921 г.

Дьячевский Диамид. Алексеевич — род. в ст. Уманской ККВ. Окончил Михайловский Воронежский кадетский корпус (1906), Александровское военное училище (1908). В Великую войну подъесаул 1-го Кавказского заместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка ККВ (на 01.1917). Есаул, в августе 1920 г. в числе 6 тысяч кубанских офицеров и военных чиновников сослан на Соловки.

Елисеев Андрей Иванович — род. в ст. Кавказской ККВ. В Великую войну Георгиевский кавалер (1915). Окончил Телавскую школу прапорщиков, хорунжий 3-го Кавказского полка ККВ (на 12.1916). Во ВСЮР войсковой старшина 1-го Кавказского полка ККВ (1920). Был взят в плен красными. В 30-х гг. расстрелян вместе с сыном.

Елисеев Георгий Иванович — род. в ст. Кавказской ККВ. В Великую войну вольноопределяющийся 1-го Кавказского заместника Екатеринославского генерал-

фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка ККВ (1916). Окончил Тифлисское пехотное военное училище (1917). Хорунжий 2-го Черноморского полка ККВ. Во ВСЮР и Русской Армии есаул Корниловского конного полка. Погиб в Таврии в июле 1920 г.

Ерыгин Михаил — род. в ст. Бжедуховской ККВ. В Великую войну войсковой старшина, помощник командира 1-го Кавказского заместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка ККВ. Умер в Екатеринодаре в 1916 г.

Жарков — окончил 3-й Московский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище. В Великую войну войсковой старшина 2-го Уманского полка ККВ (на 1.01.1917). В Добровольческой армии полковник, командир 1-го Уманского полка ККВ (1918).

Жуков Георгий Семенович — окончил Михайловский Воронежский кадетский корпус, сотню Николаевского кавалерийского училища, Офицерскую кавалерийскую школу, офицер Собственного Е.И.В Конвоя. В Великую войну служил в 3-м Екатеринодарском полку ККВ, полковник, командир 1-й бригады 5-й Кавказской казачьей дивизии (1917). Расстрелян красными после подавления восстания в Кавказском отделе ККВ 24 марта 1918 г.

Жуков (Потоцкий) Алексей Тимофеевич — род. в ст. Бе-ломечетской ККВ. Окончил Ставропольскую духовную семинарию (4 класса), Оренбургское казачье училище (1915). В Великую войну сотник 1-го Кубанского генерал-фельдмаршала Великого князя Михаила Николаевича полка ККВ (на 1.01.1917). Активный участник восстания в Кавказском отделе ККВ (03.1918), во ВСЮР войсковой старшина (1920). Под фамилией Потоцкий умер в Сан-Франциско (США) в 1959 г.

Журавель Николай — окончил Екатеринодарское реальное и Елисаветградское кавалерийское училища. В Великую войну командир сотни 2-го Екатеринодарского полка, орден Св. Георгия 4-й ст., войсковой старшина (1917). Убит красными у ст. Ловлинской ККВ в феврале 1918 г.

Закрепа Константин Николаевич — окончил Ставропольское казачье юнкерское училище. В Великую войну войсковой старшина, помощник командира 1-го Таманского генерала Безкровного полка ККВ (на 1.01.1917).

Зеленин (ский) Федор Петрович — род. в ст. Расшеват-ской ККВ. В Великую войну подъесаул 1-го Кавказского заместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка, войсковой старшина Екатеринославского (2-го Сводно-Кубанского) полка ККВ на Персидском фронте (1917). Участник восстания в Кавказском отделе ККВ в марте 1918 г.

Зеленский Василий Никитович — род. в ст. Усть-Лабин-ской ККВ. Окончил Оренбургское казачье училище. В Великую войну сотник 3-го Кавказского полка (на 12.1916). Перво-походник, в Добровольческой армии и ВСЮР, командир сотни Корниловского конного полка (1918), обер-офицер для поручений при штабе Походного Атамана ККВ (1919), в Русской Армии полковник, старший адъютант Кубанского войскового атамана в Сербии (1921). Умер в 1975 г.

Иванов Иван Андреевич — род. в ст. Михайловской ККВ. В Великую войну хорунжий 1-го Лабинского генерала Засса полка ККВ (на 01.1917). Во ВСЮР есаул Корниловского конного полка (1919), полковник (1920).

Ишутин Андрей — род. в ст. Ильинской ККВ. В Добровольческой армии и ВСЮР, хорунжий, начальник команды связи Корниловского конного полка (1918), в штабе 3-й Кубанской казачьей дивизии (1919).

Ищенко — род. в ст. Павловской ККВ. В Добровольческой армии хорунжий Корниловского конного полка (1918).

Кабища Михаил Васильевич — род. в ст. Архангельской ККВ. В Великую войну окончил 3-ю Тифлисскую школу прапорщиков, прапорщик 1-го Кавказского заместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка ККВ (на 01.1917). Во ВСЮР, войсковой старшина. Убит в бою с “зелеными” близ Сочи в 1920 г.

Кадушкин Петр Алексеевич — род. в ст. Усть-Лабинской ККВ. Окончил Владикавказский кадетский корпус, сотню Николаевского кавалерийского училища. В Великую войну сотник, полковой адъютант 1-го Черноморского полковника Бурсака 2-го полка ККВ (1916). Первопоходник, в 1-м конном полку, в Добровольческой армии подъесаул, орден Св. Георгия 4-й ст. за отличия, в Великую войну (11.1918). В эмиграции полковник, выдан советским органам в Лиенце в мае 1945 г.

Казанов Михаил Трофимович — окончил Владикавказский кадетский корпус (1909), сотню Николаевского кавалерийского училища (1911). В Великую войну сотник 1-го Черноморского полковника Бурсака 2-го полка ККВ (1916). Первопоходник, в Добровольческой армии и ВСЮР полковник, командир 1-го Черноморского полка ККВ. Погиб под Царицыном в 1919г.

Казанович Борис Ильич — род. 10 июля 1871 г. Окончил Могилевскую гимназию, Московское пехотное юнкерское училище (1892), Академию Генштаба (1899), участник русско-японской войны. В Великую войну генерал-майор (6.12.1916), командующий 6-й Сибирской стрелковой дивизией (с 5.05.1917). Первопоходник, в Добровольческой армии и ВСЮР, командир Партизанского полка (03.1918), начальник 1-й дивизии (12.06.1918), генерал-лейтенант (12.11.1918), командир 1-го армейского корпуса (15.11.1918), командующий войсками Закаспийской области (10.1919-01.1920), в Русской Армии начальник Сводной пехотной дивизии в десанте на Кубань (08.1920). Галлиполиец. Умер в Панчево (Югославия) 2 июня 1943 г.

Казаров — из казаков ККВ. Окончил Владикавказское реальное и Ставропольское казачье юнкерское училища. В Великую войну полковник, помощник командира 1-го Запорожского Императрицы Екатерины Великой полка ККВ (на 1.12.1916).

Ка(у)лабухов Владимир Николаевич — род. 14 июня 1890 г. в ст. Новопокровской ККВ. Окончил Екатеринодарское реальное (1910) и Елисаветградское кавалерийское (1912) училища, вышел в 1 -и Запорожский Императрицы Екатерины Великой полк ККВ. В Великую войну командир сотни (1916), полковой адъютант 1-го Кавказского заместника Екатерино-славского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка ККВ (1917), орден Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом. Во ВСЮР, есаул 1-го Кавказского полка ККВ (1919), старший адъютант атамана Баталпашинского отдела. Умер от тифа в декабре 1919 г., похоронен в ст. Новопокровской в ограде Николаевской церкви.

Каледин Алексей Максимович — род. 12 октября 1861 г. на хуторе Каледина ст. Усть-Хоперской ДКВ. Окончил Михайловскую Воронежскую военную гимназию, Михайловское артиллерийское училище (1882), Академию Генштаба (1889), вышел в 1-ю Забайкальскую казачью батарею. В 1903-1906 гг. начальник Новочеркасского казачьего юнкерского училища. В Великую войну начальник 12-й кавалерийской дивизии (с 9.12.1912), командир 12-го армейского корпуса (с 5.07.1915), командующий 8-й армией (с 20.03.1916), генерал от кавалерии (10.06.1916), атаман Донского казачьего Войска (17.06.1917). Застрелился 29 января 1918 г. в Новочеркасске.

Калугин Степан Егорович — род. в ст. Ладожской ККВ. Окончил Ставропольское казачье юнкерское училище, Офицерскую кавалерийскую школу. В Великую войну войсковой старшина, командующий 1-м Кавказским наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полком ККВ (1917). Во ВСЮР полковник, командир 1-го Кавказского полка ККВ (1919), сослан на Урал (1920). Убит красными на Кубани в 1930-х гг.

Камя(е)нский Всеволод — окончил Михайловский Воронежский кадетский корпус, сотню Николаевского кавалерийского училища. В Великую войну есаул 1-го Таманского генерала Безкровного полка ККВ (на 1.01.1917). В Добровольческой армии и ВСЮР, войсковой старшина, врид командующего Корниловским конным полком (1918), помощник командира 1-го Полтавского полка ККВ (05.1919).

Катасонов Михаил Федорович — род. в ст. Новопокровской ККВ, учитель. В Великую войну Георгиевский крест 4-й ст. Окончил Тифлисское военное училище (1916), хорунжий 1-го Кавказского наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка ККВ (1917). Во ВСЮР в 1-м Кавказском полку ККВ. Убит в бою с “зелеными” под Туапсе в 1919г.

Кисиль Никифор Лукич — В Великую войну сотник 1-го Линейного генерала Вельяминова полка ККВ (на 12.1916). Первопоходник, есаул, командир 2-го батальона Корниловского полка (28.03.1918). В эмиграции инженер, соавтор (с генерал-майором В.Г. Науменко) подробной карты Кубанского Войска, в США (на 11.1961).

Клерже Александр Иосифович — окончил Тифлисский кадетский корпус, Елисаветградское кавалерийское училище (1915). В Великую войну хорунжий 2-го Полтавского полка ККВ (на 01.1917). Первопоходник, в Добровольческой армии и ВСЮР, войсковой старшина Корниловского конного полка (1920). В эмиграции в Румынии.

Клыгин Гавриил Петрович — род. в ст. Усть-Лабинской ККВ. Первопоходник, во ВСЮР хорунжий, казначей Корниловского конного полка, сотник отряда степных партизан за Волгой (1919), в Русской Армии есаул. Погиб в десанте на Кубань под ст. Поповической в августе 1920 г.

Ковалев 2-й — род. в ст. Старокорсунской ККВ, из урядников. В Добровольческой армии и ВСЮР, сотник Корниловского конного полка (1918), есаул 1-го Лабинского полка ККВ (1920). В Русской Армии, в 1921 г. был переброшен из Константинополя на Кубань с группой офицеров-разведчиков. Командуя партизанским отрядом, погиб в бою в 1922 г.

Ковтюх Елифан Иович — род. 9 мая 1890 г. в с. Висунск Херсонской губернии. Из иногородних ст. Полтавской ККВ. В Великую войну награжден двумя Георгиевскими крестами. Окончил 3-ю Тифлискую школу прапорщиков (1916), штабс-капитан (1917). Командующий Таманской красной армией (1918), комкор. Расстрелян 29 июля 1938 г.

Козлов Иван Матвеевич — род. в ст. Дмитриевской ККВ, на Великую войну вышел подхорунжим 1-го Кавказского наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка ККВ. Во ВСЮР подъесаул Корниловского конного полка (1919), войсковой старшина (1920), расстрелян красными в тюрьме.

Коз(ь)менко Григорий — род. в ст. Терновской ККВ. В Великую войну прапорщик Ейского (3-го Сводно-Кубанского) полка ККВ на Персидском фронте (на 06. 1917). Во ВСЮР сотник Корниловского конного полка (1919).

Кононенко Никанор — род. в ст. Старокорсунской ККВ. Во ВСЮР есаул, командир сотни Корниловского конного полка (1919).

Кононенко Аким — род. в ст. Старокорсунской ККВ. Во ВСЮР сотник Корниловского конного полка (1919), войсковой старшина (1920).

Копанев Павел Игнатович — род. в ст. Дмитриевской ККВ. Окончил 3-й Московский кадетский корпус, сотню Николаевского кавалерийского училища. В Великую войну войсковой старшина 3-го Кавказского полка ККВ (на 12.1916). Полковник, жил в Югославии (на 1938).

Копчев — болгарин. В Великую войну офицер 3-го Линейного полка ККВ. В Добровольческой армии и ВСЮР, сотник Корниловского конного полка (1919).

Корнилов Лавр Георгиевич — род. 18 августа 1870 г. в Семипалатинске, сын подхорунжего Сибирского казачьего Войска. Окончил Сибирский кадетский корпус (1889), Михайловское артиллерийское училище (1892), академию Генштаба (1898). В русско-японской войне — в 1-й стрелковой бригаде, Георгиевское оружие, орден Св. Георгия 4-й ст., в полковники за боевые отличия, генерал-майор (26.12.1912). В Великую войну начальник 48-й пехотной дивизии (с 30.12.1914), генерал-лейтенант (16.02.1915). Взят в плен, бежал, за отличия награжден орденом Св. Георгия 3-й ст. (1916), командующий 8-й армией (с 29.04.1917), генерал-от-инфантерии (27. 6. 1917), Верховный Главнокомандующий (18.07-29.08.1917). Главнокомандующий Добровольческой армией (с 5.12.1917), которую повел в 1-й Кубанский (“Ледяной”) поход. Погиб под Екатеринодаром 31 марта 1918 г.

Косинов Георгий Яковлевич — род. 9. 08. 1871 г. в ст. Ладожской ККВ. Окончил Ставропольское казачье юнкерское училище, Офицерскую кавалерийскую школу. В Великую войну полковник, командир 1-го Кавказского наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка ККВ (1917). Первопоходник, в Добровольческой армии и ВСЮР, командир 1 -го Кубанского полка ККВ (1918), начальник 4-й Кубанской казачьей дивизии, генерал-майор (1919). Был взят в плен (04.1920), прошел лагеря. Расстрелян в Ростове в 1930-х гг.

Косульников Андрей Алексеевич — из казаков ТКВ. В Великую войну Георгиевский крест 4-й ст. Окончил Екатеринодарскую школу прапорщиков, прапорщик 1-го Кавказского Наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка ККВ (на 01.1917). Во ВСЮР, адъютант 1-го Лабинского полка ККВ (1920).

Кочубей Иван Антонович — род. в 1893 г. на хуторе близ ст. Беломечетской ККВ. В Великую войну урядник партизанской сотни в Персии, награжден двумя Георгиевскими

крестами. Командир красного конного отряда, полка, кавалерийских бригад в 11-й и 12-й армиях большевиков (1918), в феврале 1919 г. попал в плен, повешен в Святом Кресте 22 марта 1919г.

Кравченко Афанасий Иванович — казак ст. Гиагинской ККВ. Окончил Оренбургское казачье училище (1911). В Великую войну подъесаул 1-го Запорожского императрицы Екатерины Великой полка ККВ (на 1.12.1916). В Добровольческой армии и ВСЮР, командующий 1-м Запорожским полком ККВ (1918), полковник (1919), командир 1-го Кубанского полка ККВ (1920).

Краморов Валериан Яковлевич — из казаков ККВ. В Великую войну есаул, командующий 4-й Кубанской казачьей батареей (1917). В Добровольческой армии командир офицерской батареи (01.1918), первопоходник, командир 1-й Кубанской конно-горной батареи (04.1918), во ВСЮР, командир 3-го Кубанского конно-артиллерийского дивизиона (09.1919), полковник, в эмиграции в Югославии, в Русском Корпусе. Умер в Милуоки (США) 5 января 1957 г.

Кротов Александр Павлович — казак Терского Войска. В Великую войну полковник 2-го Кавказского полка ККВ (1.12.1916). В Добровольческой армии и ВСЮР, штаб-офицер Корниловского конного полка (1918), командир 2-го Лабинского полка ККВ (1920).

Кузмичев — род. в ст. Темижбекской ККВ, хорунжий 1-го Кавказского наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка (1917).

Кузнецов — Генерального штаба полковник, первопоходник, в марте 1918г. командир Кубанского конного отряда, расстрелян большевиками в мае 1918г.

Кулабухов Алексей Иванович — род. 15 марта 1980 г. в ст. Новопокровской ККВ. Окончил Ставропольскую духовную семинарию (1901), учился в Императорском Юрьевском (Дерптском) университете, священник, член Кубанской Рады (1917-1919). Первопоходник, член Кубанского правительства по внутренним делам (1918), член делегации на Парижской мирной конференции (1918-1919), повешен генералом Покровским в Екатеринодаре 7 ноября 1919 г. за якобы подписанный договор с горскими народами. В действительности был подписан лишь проект договора, предусматривающий совместные действия ККВ и горцев против большевиков в случае ухода Добровольческой армии с Кубани и Кавказа.

Кутепов Александр Павлович — род. 16 сентября 1882 г. Окончил Архангелогородскую гимназию, С.-Петербургское пехотное юнкерское училище (1904), в русско-японской войну служил в 85-м пехотном Выборгском полку, за боевые отличия переведен в Л.-гв. Преображенский полк (1907). В Великую войну награжден орденом Св. Георгия 4-й ст. и Георгиевским оружием, полковник, командующий Л.-гв. Преображенским полком (1917). В Добровольческой армии — командир 3-й офицерской, гвардейской роты (11.1917), первопоходник, командир Корниловского полка, бригады, 1-й пехотной дивизии, генерал-майор (12.11.1918), во ВСЮР командир 1-го армейского (13.01.1919), Добровольческого (12.1919) корпусов, в Русской Армии генерал-лейтенант (23.06.1919), командующий 1-й армией (08.1920), генерал-от-инфантерии (20.10.1920). В Галлиполи — командир 1-го армейского корпуса, начальник РОВС (с 29.08.1928), убит в Париже 26 января 1930 г.

Ламанов Петр Антонович — род. в ст. Кавказской ККВ. Окончил 3-й Московский кадетский корпус, сотню Николаевского кавалерийского училища (1902). В Великую войну есаул 1-го Кавказского наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала

князя Потемкина-Таврического полка ККВ (на 1917), командир 30-й Особой Кубанской казачьей сотни (с 1.07.1917). Первопоходник, во ВСЮР, интендант одного из Кубанских корпусов (1920). Плен, убит красными в Пензе в 1920 г.

Лебедев Олег Иванович — род. 11 января 1892 г. в Екатеринодаре, казак ст. Роговской ККВ. Окончил сотню Николаевского кавалерийского училища (1911). В Великую войну подъесаул 1-го Екатеринодарского кошевого атамана Чепеги полка ККВ, Георгиевское оружие (1916). В Добровольческой армии и ВСЮР, помощник командира 1-го Екатеринодарского полка ККВ (09.1918), полковник (1919), в Русской Армии генерал-майор (1920), о. Лемнос, в эмиграции начальник Кубанского Алексеевского военного училища (1921-1925), офицер-воспитатель Кадетского корпуса имени Императора Николая II в Версале, Франция (1946). Умер в Нью-Йорке 15 ноября 1973г.

Лебедев Пантелеймон Михеевич — род. в ст. Лабинской ККВ, вахмистр Конвоя Наместника на Кавказе. В Великую войну окончил Тифлисскую школу прапорщиков, хорунжий 2-го Екатеринодарского полка ККВ, начальник партии партизан Особого отряда штаба 9-й армии (05.1916). Во ВСЮР, войсковой старшина Корниловского конного полка (1920).

Лебединцев Никита — род. в ст. Новолокинской ККВ. В Великую войну подхорунжий 2-го Кавказского полка ККВ, Георгиевский кавалер. Во ВСЮР хорунжий, командир сотни 1-го Кавказского полка ККВ (1919).

Ле(и)твиненко Илларион Васильевич — род. в ст. Раевской ККВ. Окончил Екатеринодарское реальное училище, Тифлисскую школу прапорщиков. В Великую войну прапорщик 2-го Полтавского полка ККВ (на 01.1917). Первопоходник, в Добровольческой армии и ВСЮР, хорунжий Корниловского конного полка (1918), в Русской Армии полковник и командир того же полка (05.1920), орден Св. Николая Чудотворца 2-й ст. Умер от ран в Константинополе в ноябре 1920 г.

Леурда Николай Васильевич [19] — род. в Горячем Ключе ККВ. Окончил Владикавказский кадетский корпус (1912), сотню Николаевского кавалерийского училища (1914), подъесаул 1-го Кавказского наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка ККВ (на 01.1917). Погиб (застрелился) в Екатеринодаре в 1918г.

Ловягин Иван Харитонович — род. в ст. Кавказской ККВ. Окончил Ставропольскую гимназию, сотню Николаевского кавалерийского училища (1895). В Великую войну есаул 2-го Кавказского полка ККВ (1.12.1916). Войсковой старшина, один из руководителей восстания в Кавказском отделе ККВ, убит красными 24 марта 1918 г.

Лопатин Иосиф Филлипович — род. в ст. Расшеватской ККВ. Окончил Екатеринодарское реальное училище, сотню Николаевского кавалерийского училища (1914). В Великую войну полковой адъютант 1-го Таманского генерала Безкровного полка ККВ, орден Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом, подъесаул (01.1917). В отряде полковника Кузнецова (03.1918), в Добровольческой армии и ВСЮР, есаул Корниловского конного полка (1918), в Кубанском конном учебном дивизионе (1919).

Луценко Михаил Данилович — род. в ст. Терновской (Попутной?) ККВ, из урядников. В Великую войну окончил 1-ю Тифлисскую школу прапорщиков, хорунжий 1-го Кавказского наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-

Таврического полка ККВ (на 01.1917). Во ВСЮР, сотник 1-го Лабинского полка ККВ (1920).

Ляхов Владимир Платонович — род. 20 сентября 1869 г. Окончил 1-й Московский кадетский корпус, 3-е Александровское военное училище, Академию Генштаба. Служил в Л.-гв. Измайловском полку, полковник, командир Казачьей Его Величества Шаха бригады (10.09.1906-12.07.1909), начальник войскового штаба ККВ (13.05.1912-12.01.1915). В Великую войну — генерал-лейтенант (1916), награжден орденом Св. Георгия 4-й ст. и Георгиевским оружием, командир 1-го Кавказского армейского корпуса (с 12.03.1917). В Добровольческой армии и ВСЮР, командир 3-го армейского корпуса (1918); командующий войсками Терско-Дагестанского края (10.01-16.04.1919). Убит в Батуме 30.04.1920 г.

Маглиновский Иван Васильевич — род. в ст. Брюховецкой ККВ. Окончил Владикавказский кадетский корпус (1911), сотню Николаевского кавалерийского училища (1913). В Великую войну подьесаул 1-го Кавказского наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка ККВ (1917). Во ВСЮР — есаул. Погиб в бою с красными под Саратовом в 1919 г.

Макаренко Антип Мефодьевич — род. в ст. Новолеушковской ККВ. Во ВСЮР, урядник Корниловского конного полка (1919), сотник, проживал под Нью-Йорком (на 1959).

Макаренко Петр Леонтьевич — род. в ст. Новошербиновской ККВ. Первопоходник, член Кубанской Рады (1917-1920), эвакуирован из Новороссийска (03.1920). Умер в Венесуэле 13 апреля 1970г.

Малы хин Николай Павлович — род. в ст. Ханской ККВ. В Великую войну хорунжий 1-го Линейного генерала Вельяминова полка ККВ (на 12.1916). Во ВСЮР адъютант Корниловского конного полка (1919), войсковой старшина (1919). В эмиграции в Париже (на 1959).

Мальшенко Николай Иванович — род. 20 декабря 1882 г. Окончил 3-й Московский кадетский корпус, сотню Николаевского кавалерийского училища. В Великую войну есаул 2-го Екатеринодарского полка ККВ (1.07.1917). Первопоходник, в Добровольческой армии и ВСЮР, командир 1-го Черноморского полка ККВ, полковник (1918), командир 2-й бригады 3-й Кубанской казачьей дивизии (1919), начальник отряда особого назначения, генерал-майор (1920), в эмиграции член правления объединения Николаевского кавалерийского училища. Умер в Париже 30 апреля 1947 г.

Мальцев Павел Васильевич — род. в ст. Келермесской ККВ. Окончил Кубанскую учебную семинарию, Оренбургское казачье училище (1911). В Великую войну подьесаул 2-го Екатеринодарского полка ККВ, начальник особого отряда штаба 9-й армии, Георгиевское оружие (1916). Первопоходник, войсковой старшина. Погиб под Екатеринодаром 31 марта 1918г.

Мамонов Петр Петрович — род. 9 марта 1870 г. Окончил Ярославскую военную школу, Ставропольское казачье юнкерское училище, офицер 1-го Екатеринодарского Кошевого атамана Чепеги полка ККВ. В Великую войну войсковой старшина Персидской казачьей Его Величества Шаха бригады. В Добровольческой армии и ВСЮР командир 1-го Полтавского полка ККВ, генерал-майор (1919), начальник 3-й Кубанской казачьей дивизии (06.1919). Убит в бою к северу от Царицына 27 сентября 1919г.

Маневский Георгий Константинович — род. в ст. Царской ККВ. Окончил 3-й Московский кадетский корпус (1900), сотню Николаевского кавалерийского училища (1902). В Великую войну войсковой старшина, помощник командира 1-го Кавказского заместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка ККВ (1917). Во ВСЮР, полковник, командир 2-го Линейного полка ККВ (6.03.1919), вр. начальник 1-й Кубанской казачьей дивизии, смертельно ранен в бою на Маныче в апреле 1919г. Приказ о производстве в генерал-майоры застал его в день смерти.

Марков Сергей Леонидович — род. 7 июля 1878 г. Окончил 1-й Московский кадетский корпус (1895), Константиновское артиллерийское училище (1898), Академию Генштаба (1904), офицер Л.-гв. 2-й артиллерийской бригады. В русско-японскую войну старший адъютант штаба 1-го Сибирского армейского корпуса (4.06.1904), затем преподаватель Академии Генштаба (1911). В Великую войну начальник штаба 4-й “Железной” стрелковой дивизии (1914-1915), награжден орденом Св. Георгия 4-й ст., генерал-майор (11.10.1916), начальник штаба Западного и Юго-Западного фронтов, генерал-лейтенант (16.08.1917). Первопоходник, в Добровольческой армии командир Сводно-офицерского полка (с 12.02.1918), начальник 1-й пехотной дивизии (06.1918). Убит у ст. Шаблиевка 12 июня 1918 г.

Марков — из учителей, во ВСЮР, есаул Корниловского конного полка (1919).

Мартыненко Емельян Федорович — род. в 1890 г. в ст. Старокорсунской (Плосской?) ККВ. В Великую войну урядник 5-го Кубанского пластунского Е.И.В Великого Князя Бориса Владимировича батальона, полный Георгиевский кавалер (04.1915), хорунжий (1917). Первопоходник, во ВСЮР, начальник пулеметной команды Корниловского конного полка (1919), войсковой старшина (1920), в Русской Армии, галлиполиец, в Югославии во 2-м Сводно-Кубанском полку, полковник (1925), в Русском корпусе. Умер в Патерсоне (США) 28 июля 1980 г.

Мацак Гавриил Гаврилович — род. в ст. Баталпашинской ККВ. Окончил Владикавказский кадетский корпус (1912), сотню Николаевского кавалерийского училища (1914). В Великую войну подъесаул 1-го Кавказского заместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка ККВ (01.1917). В эмиграции во Франции (на 1938).

Мельников Александр Павлович — род. в ст. Баталпашинской ККВ. Окончил Оренбургское казачье училище (1913), офицер 1-го Кавказского полка ККВ. В Великую войну подъесаул 1-го Линейного полка ККВ (4.03.1917). В Добровольческой армии и ВСЮР, командир партизанского отряда во 2-й Кубанской казачьей дивизии генерала Шкуро (1918), есаул. Заболел тифом в плену у красных в 1920 г.

Мигузов Дмитрий Александрович — род. 26 октября 1864 г. в ст. Горячеводской ТКВ. Окончил Владикавказское реальное и 2-е Константиновское военное училища, хорунжий (14. 08. 1884) 1-го Волгского полка ТКВ, командир 2-го Кизляро-Гребенского полка ТКВ (25.09.1910), полковник (6.12.1910). В Великую войну командир 1-го Кавказского заместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка ККВ, командир бригады 1-й Кубанской казачьей дивизии (8.02.1916), с 7.06.1916 в резерве чинов штаба Кавказского военного округа. Во ВСЮР, атаман Кизлярского отдела ТКВ (с 8.04.1919). Расстрелян красными около Баку в 1920г.

Миргородский Павел Григорьевич — род. в ст. Брюховецкой ККВ. Окончил Ставропольское казачье юнкерское училище, полковник, командир 3-го Екатеринодарского полка ККВ (1917).

Мистулов Эльмурза Асланбекович — род. 16 сентября 1869 г. Из казаков-осетин ст. Чернойарской ТКВ, сын ротмистра. Окончил Ставропольское казачье юнкерское училище (1890), вышел в 1-й Волгский полк ТКВ. Участник военной экспедиции в Китай (1900), русско-японской войны, Персидского похода (1913). Награжден золотым (Георгиевским) оружием и орденом Св. Георгия 4-й ст. (25.02.1907). В Великую войну полковник, командир 2-го Сунженско-Владикавказского полка ТКВ (1914), 1-го Кавказского наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка ККВ (1916), генерал-майор (5.05.1917), командир бригады 1-й Кубанской казачьей дивизии (Западный фронт), на Персидском фронте — командир Отдельной Кубанской казачьей бригады (11.1917). После революции — командующий войсками Терского района. Погиб (застрелился) 30 октября 1918 г.

Митрофанов Василий Иванович — род. в ст. Расшеватской ККВ. В Великую войну вахмистр 1-го Кавказского наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка ККВ, Георгиевский кавалер (имел три степени). Во ВСЮР, подхорунжий 1-го Кавказского полка ККВ (1919).

Мишуров Антон — род. в ст. Архангельской. В Великую войну урядник 3-го Кавказского полка ККВ, Георгиевский крест 4-й ст., хорунжий 1-й Черноморского полка ККВ (1917). В Добровольческой армии, сотник Корниловского конного полка (1918).

Муравьев Всеволод Вениаминович — окончил 3-й Московский кадетский корпус, сотню Николаевского кавалерийского училища. В Великую войну войсковой старшина 2-го Полтавского полка ККВ. Первопоходник, в Добровольческой армии и ВСЮР, командир 1-го Екатеринодарского полка ККВ (1918), начальник 1-й Конной дивизии, генерал-майор (9.12.1919), начальник 1-й Кавказской казачьей дивизии (1920), в Русской Армии. Убит в Варне (Болгария) в 1921 г.

Мурзаев Александр Константинович — род. в ст. Ярославской ККВ. Окончил Ярославский кадетский корпус (1908), сотню Николаевского кавалерийского училища (1910). В Великую войну войсковой старшина 1-го Линейного генерала Вельяминова полка ККВ (1917), награжден Георгиевским оружием. Первопоходник в отряде Улагая, в Добровольческой армии полковник, командир 1-го Линейного полка ККВ. Погиб в бою 22 ноября 1918г.

Налетов Владимир — окончил Николаевское кавалерийское училище. В Великую войну войсковой старшина 2-го Лабинского полка ККВ (1.01.1917). В Добровольческой армии, полковник Корниловского конного полка (1918), в эмиграции. Умер в Чехии.

Науменко Вячеслав Григорьевич — род. 25 февраля 1883 г. в ст. Петровской ККВ. Окончил Михайловский Воронежский кадетский корпус (1901), сотню Николаевского кавалерийского училища (1903), Академию Генштаба (1914), офицер 1-го Полтавского Кошевого атамана Сидора Белого полка ККВ. В Великую войну старший адъютант, и. д. начальника штаба 1-й Кубанской казачьей дивизии, Георгиевское оружие, подполковник (2.04.1917). Начальник Полевого штаба Командующего войсками Кубанской области (28.11.1917), первопоходник, в Добровольческой армии и ВСЮР, полковник (4.03.1918), командир Корниловского конного полка (8.06.1918), начальник 1-й Конной дивизии (19.11.1918), генерал-майор (8.12.1918), Походный атаман ККВ (1.02.1919), командир 2-го

Кубанского конного корпуса (11.10.1919), в Русской Армии командир конной группы (1920), Кубанский войсковой атаман (1920-1958). Умер в Нью-Йорке 30 октября 1979 г.

Неженцев Митрофан Осипович — род. в 1886 г. Окончил Николаевскую гимназию (1906), Александровское военное училище (1908), Академию Генштаба (1914). В Великую войну подполковник, командир 1-го Ударного полка (1917). В Добровольческой армии командир Корниловского полка (12.1917), полковник, первопоходник. Убит под Екатеринодаром 29 марта 1918 г.

Некрасов Александр Семенович — род. в 1891 г. в ст. Николаевской ККВ. Окончил Михайловский Воронежский кадетский корпус (1911), сотню Николаевского кавалерийского училища (1913). В Великую войну подъесаул 1-го Кавказского наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка ККВ (на 01.1917). В эмиграции в Сербии, войсковой старшина, в Русском корпусе. Умер в Германии в 1950 г.

Непокупной Константин Гаврилович — род. в 1893 г. В Великую войну подъесаул 1-го Линейного генерала Вельяминова полка ККВ, начальник партизанского отряда, Георгиевское оружие (на 12.1916). В Добровольческой армии, первопоходник в отряде Улагая (1918), во ВСЮР командир 2-го Черноморского полка ККВ (1919), полковник, о. Лемнос, в эмиграции в Югославии. Умер в США в январе 1972 г.

Николаев Андрей Михайлович — род. 18 июля 1858 г. в ст. Павловской Оренбургского казачьего войска. Окончил Михайловское артиллерийское училище, Офицерскую артиллерийскую школу, Михайловскую артиллерийскую академию. В русско-японскую войну награжден золотым оружием (1905), генерал-майор (2.06.1910). В Великую войну начальник 5-й Кавказской (1915-1916) и 2-й Кубанской казачьих дивизий (1916-1917), генерал-лейтенант (21.07.1915).

Носенко Яков — В Великую войну урядник-пластун. Во ВСЮР есаул Корниловского конного полка (1920), жил под Нью-Йорком (на 1959).

Одарюк Сергей Диомидович — род. 11 сентября 1883 г. в ст. Березанской ККВ, из учителей. В Великую войну хорунжий (сотник). Комиссар Кавказского отдела, начальник штаба 11-й красной армии. Умер 23 февраля 1919 г.

Орановский Владимир Алоизович — род. 7 января 1866 г. Окончил Пажеский корпус (1884), Академию Генштаба (1891). Служил в Л.-гв. Драгунском полку. В Великую войну генерал-от-кавалерии (25.10.1914), командир 1-го кавалерийского (1915-1917) и 42-го армейского (1917) корпусов. Убит в Выборге большевистски настроенными солдатами 29 августа 1917г.

Орфенов Михаил Николаевич — ротмистр гусарского полка (1916), в Добровольческой армии и ВСЮР, командир 1-го Кавказского полка ККВ, полковник, погиб под Царицыном (1919), похоронен в ст. Тифлисской ККВ.

Павличенко Иван Диомидович — род. в 1889 г. в ст. Шку-ринской ККВ. Военную службу начал казаком в 1-м Запорожском императрицы Екатерины Великой полку ККВ, урядник конвоя наместника на Кавказе. В Великую войну Георгиевский кавалер. Окончил 1-ю Тифлисскую школу прапорщиков (1915), сотник 1-го Запорожского полка (1917). В Добровольческой армии и ВСЮР, полковник, командир того же полка (20.04.1919), командующий 2-й бригадой 1-й Конной дивизии, генерал-майор (2.07.1919), начальник 3-

й Кубанской казачьей дивизии, в Русской Армии, о. Лемнос. В эмиграции в Сербии, Перу. Умер в Бразилии 9 августа 1961 г.

Певнев 2-й, Сергей Иванович — род. 16 октября 1886 г. в ст. Таманской ККВ. Окончил 3-й Московский кадетский корпус (1903), Константиновское артиллерийское училище (1906). В Великую войну есаул, командующий 1-й Кубанской казачьей батареей (на 1.01.1917). Первопоходник, во ВСЮР командир 1-й, 5-й Кубанских казачьих батарей (1919), Кубанского учебного артдивизиона, полковник, плен под Сочи (04.1920). Служил в Красной армии, репрессирован (расстрелян) в 1937г.

Пенчуков Козьма Петрович — род. в ст. Белореченской ККВ. Окончил Оренбургское казачье училище (1908). В Великую войну есаул 1-го Кавказского заместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка ККВ (1917). Перешел на службу к красным в 1918г.

Перепеловский Александр Васильевич — род. 1 декабря 1863 г. Окончил Николаевское кавалерийское училище, офицер Собственного Е.И.В Конвоя. В Великую войну командир 1-го Таманского генерала Безкровного полка ККВ (1913-1916), командующий бригадой, 1-й Кавказской казачьей дивизией (26.09.1916) на Персидском фронте, генерал-майор (14.07.1917). Расстрелян большевиками на ст. Ладожская в июне 1918 г.

Перетятыкин Владимир — окончил Темрюкское училище, Ставропольское казачье юнкерское училище. В Великую войну полковник 1-го Черноморского полковника Бурсака 2-го полка ККВ (1917).

Поволоцкий Владимир Алексеевич — род. в ст. Нефтяной ККВ. Окончил Владикавказский кадетский корпус (1912), сотню Николаевского кавалерийского училища (1914). В Великую войну подесаул 1-го Кавказского заместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка ККВ (01.1917). Во ВСЮР, в Кубанском учебном конном дивизионе (1919). В августе 1920 г. в числе 6 тысяч кубанских офицеров и военных чиновников сослан на Соловки.

Подъшов Никита — род. в ст. Казанской ККВ, В Великую войну писарь Кубанской Особой конной сотни, за боевые отличия прапорщик (1917). Хорунжий, станичный атаман (1918-1920), в эмиграции в Югославии, вернулся на Кубань. Расстрелян в Армавире в 1930-х гг.

Покровский Виктор Леонидович [121] — род. в 1889 г. Окончил Одесский кадетский корпус (1906), Павловское военное училище (1908). В Великую войну капитан, командир 12-го армейского авиаотряда (1917). В Добровольческой армии и ВСЮР, командир Кубанского отряда, полковник (01.1918), генерал-майор. (03.1918), начальник 1-й Кубанской конной дивизии (07.1918-01.1919), командир 1-го Кубанского корпуса (1919), командующий Кавказской армией (11.1919-03.1920), генерал-лейтенант (4.04.1919). В мае 1920 г. покинул Крым. Убит в Болгарии 9 ноября 1922 г.

Поляков — род. в ст. Динской ККВ. В Добровольческой армии, сотник Корниловского конного полка, погиб в бою в ноябре 1918 г.

Попов Герасим — окончил Вольский кадетский корпус, Оренбургское казачье училище (1912), офицер 1-го Кавказского заместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка ККВ (до 1915 ив 1917). В Великую войну в конвое консула в Персии, сотник. В 1918 г. в английских войсках в Персии. Умер в Канаде.

Посевин Фрол Яковлевич — род. в ст. Усть-Лабинской ККВ. Окончил Оренбургское казачье училище (1912). В Великую войну подъесаул 1-го Линейного генерала Вельяминова полка ККВ, Георгиевское оружие (на 12.1916). Первопоходник в батальоне Улагая, есаул, командир Запасного полка (1918), член Кубанской Рады, полковник (1920).

Постников Николай Николаевич — окончил Новочеркасское казачье юнкерское училище. В Великую войну войсковой старшина, помощник командира 3-го Кавказского полка ККВ (на 12.1916). Полковник, в эмиграции в США (на 1938).

Преображенский Сергей Николаевич — окончил кавалерийский взвод Иркутского пехотного юнкерского училища. Первопоходник, во ВСЮР полковник, командир 2-го Полтавского полка ККВ (1919). Умер в Праге 26 марта 1930 г.

Пухальский Федор Васильевич — в Добровольческой армии, первопоходник в конном дивизионе Кубанской армии (03.1918), поручик Корниловского конного полка (1918), во ВСЮР командир отряда “степных партизан”, полковник Корниловского конного полка (1919), командир 1-го Уманского полка ККВ (03.1920), в Русской Армии, командир пещей сотни Запорожского полка в Крыму (1920). В эмиграции в Лос-Анджелесе (на 1967).

Пучков Александр Григорьевич — род. в Майкопе ККВ. Окончил Ставропольское казачье юнкерское училище. В Великую войну войсковой старшина, помощник командира 1-го Кавказского заместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка ККВ, орден Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (на 01.1917). Полковник, сослан на Урал (1920).

Раддац Эрнст-Август Фердинандович — род. 18 июня 1868 г. Эстонец. Окончил Николаевское кавалерийское училище. В Великую войну командир 1-го Сибирского казачьего Ермака Тимофеевича полка, награжден орденом Св. Георгия 4-й ст. (1915) и Георгиевским оружием (7.01.1916), генерал-майор, начальник Отдельной Сибирской казачьей бригады, командующий 1-й Кавказской казачьей дивизии (с 25.05.1916) в Персии, генерал-лейтенант. Расстрелян большевиками на станции Ладожская в июне 1918г.

Растегаев Михаил Петрович — род. в ст. Некрасовской ККВ. Окончил 1-й Московский кадетский корпус, сотню Николаевского кавалерийского училища, офицер Кубанского (Варшавского) казачьего дивизиона, подъесаул 1-го Кавказского заместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка (1917). Первопоходник, в Добровольческой армии и ВСЮР, командир 1-го Партизанского полка ККВ, генерал-майор (1919), командир бригады (03.1920), в Русской Армии, галлиполиец. Умер в Париже 6 июля 1961 г.

Рафалович Александр Фердинандович — род. 15 августа 1861 г. Окончил Александровское военное училище. Во время Персидского похода (1909-1912) полковник, командир 1-го Лабинского генерала Засса полка ККВ. В Великую войну генерал-майор (15.06.1915), начальник 3-й (Сводной) Кубанской казачьей дивизии в корпусе генерала Баратова (1916-1918). Умер в Брюсселе (Бельгия) 26 апреля 1932 г.

Репников Дмитрий Васильевич — казак ст. Расшеватской ККВ. Окончил Ставропольскую гимназию, Ставропольское казачье юнкерское училище, Офицерскую кавалерийскую школу. В Великую войну войсковой старшина 1-го Кубанского генерал-фельдмаршала Великого князя Михаила Николаевича полка ККВ, награжден орденом Св. Георгия 4-й ст.,

командующий Ейским полком ККВ (с 31.07.1917). Во ВСЮР генерал-майор (24.12.1918), начальник 2-й Кубанской казачьей дивизии (1919), в Русской Армии, о. Лемнос, в эмиграции в Югославии. В конце 2-й мировой войны застрелился в г. Нише.

Репников — род. в ст. Расшеватской ККВ, полковник, атаман Кавказского отдела (1917-1918).

Романов Михаил Андреевич — род. в ст. Терновской ККВ, из урядников. Окончил 1-ю Тифлисскую школу прапорщиков. В Великую войну хорунжий 1-го Кавказского наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка ККВ. В Добровольческой армии. Убит в бою 1 красными в 1918г.

Ростовцев Иван — род. в ст. Батуринской ККВ. В Великую войну прапорщик из урядников 2-го Кубанского Е.И.В Великой княжны Ольги Николаевны пластунского батальона (на 1.12.1916). Во ВСЮР, войсковой старшина Корниловского конного полка (1920).

Румбешт Климентий Петрович — род. в ст. Дондуковской ККВ. Окончил Оренбургское казачье училище (1912). В Великую войну сотник 3-го Уманского полка ККВ (на 1.01.1917). В Добровольческой армии и ВСЮР, есаул, помощник командира 1-го Линейного полка ККВ (1918). Погиб на Маныче в мае 1919г.

Рыбальченко Александр Григорьевич — род. 11 октября 1859 г., из казаков ККВ. Окончил Ставропольское казачье юнкерское училище (1881). В Великую войну командир 1-го Кизляр-Гребенского генерала Ермолова (с 1915г. — Его Величества) полка ТКВ, генерал-майор, начальник 4-й Кубанской казачьей дивизии (1917).

Рябовол Николай Степанович — род. в 1883 г., председатель Кубанской Законодательной Рады, первопоходник. Убит в Ростове 13 июня 1919 г.

Рябов-Решетин Гавриил Васильевич — род. в 1890 г. в ст. Атаманской (Гродо-Форпостинской) Астраханского войска. Окончил Михайловское артиллерийское училище (1910), Академию Генштаба. Офицер Л.-гв. Сводно-Казачьего полка. Во ВСЮР, полковник, начальник штаба 3-й Кубанской казачьей дивизии (1919). Умер от тифа в Одессе, похоронен 12 декабря 1919г.

Ряднина Алексей Петрович — род. в ст. Должанской ККВ. Окончил Майкопское техническое училище, старший урядник-пластун, Оренбургское казачье училище (1913). В Великую войну подъесаул 2-го Екатеринодарского полка (1917). Первопоходник, во ВСЮР, офицер Кубанской Войсковой автомобильной сотни (1918-1920), есаул. Умер от тифа в 1920 г.

Савельев Виктор Захарович — род. 2 января 1875 г. в ст. Ермаковской ВВД. Окончил Донской кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище, Академию Генштаба (1902). В Великую войну и. д. начальника штаба Оренбургской казачьей дивизии (16.09.1914), 1-й Донской казачьей дивизии (17.01.1915), Георгиевское оружие (14.06.1915), командир 9-го уланского Бугского полка (17.10.1915). Награжден орденами Св. Георгия 4-й ст. (1916) и 3-й ст. (23.09.1916), генерал-майор (20.01.1916), начальник Елисаветградского кавалерийского училища (12.11.1916). Командир Сводного корпуса 2-й Донской армии (25.01.1919), начальник Астраханской казачьей дивизии (08.08.1919), генерал-лейтенант (05.09.1919). Умер в Болгарии в 1943 г. [по И.М. Алабину].

Савицкий Вячеслав Дмитриевич — род. 7 марта 1880 г. в Екатеринодаре. Окончил Оренбургский Неплюевский кадетский корпус, сотню Николаевского кавалерийского училища (1903). В 1917 г. есаул Собственного Е.И.В Конвоя, первопоходник, полковник (12.03.1918), член Кубанского правительства по военным делам, генерал-майор (11.1918), член делегации на Парижской мирной конференции (1918-1919), остался в Париже, исключен из ККВ (2.12.1919). Умер в Лос-Анджелесе (США) 12 февраля 1963 г.

Савченко Назар — юрист. Окончил Оренбургское казачье училище (1913). В Великую войну хорунжий, командир сотни 3-го Кубанского полка ККВ. В Добровольческой армии и ВСЮР, войсковой старшина, вр. командующий 2-м Кубанским полком ККВ (1920). Умер в Югославии.

Савченко 2-й — род. в ст. Павловской ККВ, из урядников. В Великую войну прапорщик (1917). Во ВСЮР хорунжий Корниловского конного полка (1919).

Сербии Юрий Владимирович — род. в 1888 г. Окончил 1-й Московский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище (1908). В Великую войну в конно-горном дивизионе Кавказской кавалерийской дивизии, Георгиевское оружие. Окончил курсы академии Генштаба (1917), капитан, и. д. начальника штаба 5-й Кавказской казачьей дивизии (1917). Первопоходник, в Добровольческой армии и ВСЮР, подполковник, начальник штаба 1-й Кубанской казачьей дивизии (1918), генерал для поручений в штабе Кавказской армии (11.1919), в Русской Армии начальник штаба конного корпуса генерала Бабиева (1920), в эмиграции в Югославии, служил в Русском корпусе, после 1945 г. в Аргентине, полковник. Умер в Буэнос-Айресе 10 марта 1963 г.

Сердечный Петр Иванович — род. в ст. Старокорсунской ККВ. В Добровольческой армии, первопоходник в 1-м Кубанском конном полку, во ВСЮР хорунжий Корниловского конного полка (1919), в Русской Армии, Крым, о. Лемнос, сотник 2-го Сводно-Кубанского полка в Югославии (1925), в Русском корпусе, подьесаул. Умер в Патерсоне под Нью-Йорком в 50-х гг.

Сердюк Степан Фомич — род. в ст. Динской ККВ. Окончил Оренбургское казачье училище (1913). В Великую войну командир сотни 3-го Кубанского полка ККВ. Во ВСЮР войсковой старшина, вр. командующий 1-м Кубанским полком ККВ (1920), в 30-х гг. жил в Чехословакии.

Серебряков-Доутоков Заурбек Асланбекович — казак-кабардинец ст. Луковской ТКВ, православный. Окончил Оренбургское казачье училище (1912). В Великую войну офицер 1-го Сунженско-Владикавказского полка ТКВ, ротмистр Кавказской конной (Туземной) дивизии. В Добровольческой армии и ВСЮР, командир Кабардинской конной бригады (1918), полковник, начальник Кабардинской конной дивизии. Погиб севернее Царицына 27 августа 1919г.

Слащов Яков Александрович — род. 29 декабря 1885 г. в Санкт-Петербурге, из дворян. Окончил реальное училище (1903), Павловское военное училище (1905), Академию Генштаба (1911). В Великую войну полковник (12.11.1916), командир Л.-гв. Московского полка. В Добровольческой армии (с 18.01.1918), начальник штаба отряда Шкуро (06.1918), начальник 1-й Кубанской отдельной пластунской бригады (15.11.1918), начальник штаба 2-й Кубанской казачьей дивизии, во ВСЮР генерал-майор (04.1919), начальник 5-й, 4-й пех. дивизий, командир 3-го армейского корпуса (11.1919), командир 2-го армейского

корпуса, генерал-лейтенант (03.1920). В эмиграции в отставке (12.1920). Вернулся в Советскую Россию (3.11.1921), служил в Красной армии. Убит в Москве 11 января 1929 г.

Сменов Михаил Евдокимович — род. в ст. Ладожской ККВ, фельдфебель Кубанского пластунского батальона. Окончил Оренбургское казачье училище (1914). В Великую войну подьесаул 3-го Екатеринодарского полка ККВ. Первопоходник, во ВСЮР командир сотни Корниловского конного полка, полковник (1920). Умер в Париже 24 июня 1976 г.

Соболев — род. в ст. Тифлисской ККВ. В Великую войну подхорунжий 1-го Кавказского наместника Екатеринославско-го генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка ККВ. Окончил школу прапорщиков, офицером расстрелян на ст. Ладожской вместе с генералом Раддацем в июне 1918г.

Соколов Василий — окончил Оренбургское казачье училище (1911). В Великую войну подьесаул 2-го Екатеринодарского полка ККВ (1917).

Соколовский Василий Иоанникиевич — в Добровольческой армии и ВСЮР, полковник, начальник штаба 1-й Конной (Кубанской) дивизии (1918), армейской группы генерала Врангеля (с 11.1918), 3-го Кубанского корпуса генерала Шкуро (1919). В эмиграции во Франции, начальник Константиновского пехотного училища. Умер в Париже после 1933 г.

Солоцкий 1-й — род. в ст. Владимирской ККВ. Окончил университет за границей. В Великую войну подьесаул 2-го Лабинского полка ККВ. После большевистского переворота член “Общества Спасения Кубани”, вступившего в вооруженную борьбу с красными, руководитель восстания казаков в Лабинском отделе, командир Лабинской бригады 2-й Кубанской казачьей дивизии Шкуро. Погиб под Ставрополем летом 1918г.

Сопонев Степан — род. под Майкопом ККВ. Окончил Оренбургское казачье училище (1912). В Великую войну подьесаул 2-го Черноморского полка ККВ.

Сорокин Иван Лукич — род. в 1886 (?) в ст. Петропавловской ККВ. Окончил военно-фельдшерскую школу. В Великую войну Георгиевский кавалер 3-й и 4-й ст. Окончил 2-ю Тифлисскую школу прапорщиков (1915), сотник 3-го Линейного полка ККВ (1917). Главнокомандующий Северо-Кавказской красной армией, вр. командующий 11-й армией. Арестован и убит большевистским руководством в Ставрополе 3 ноября 1918г.

Стадник Константин Иванович — род. в 1891 г. в ст. При-морско-Ахтырской ККВ. В Великую войну урядник 1-го Полтавского Кошевого атамана Сидора Белого полка ККВ. В Добровольческой армии и ВСЮР, в 9-м Кубанском пластунском батальоне (1918), подхорунжий (1920). В эмиграции в Калифорнии, США (на 01.1959).

Степаненко Игнат — род. в ст. Павловской ККВ. В Великую войну урядник. Во ВСЮР сотник, командир сотни Корниловского конного полка (1919).

Султан-Келеч-Шахович-Гирей — окончил Елисаветградское кавалерийское училище. В Великую войну офицер Кавказской конной (Туземной) дивизии, полковник. Первопоходник, в Добровольческой армии и ВСЮР, начальник Черкесской конной дивизии (с 8.12.1918), генерал-майор (1918). Во 2-ю мировую войну служил в кавказских национальных частях вермахта, выдан англичанами большевикам (1945). Казнен в Москве 19 января 1947 г.

Субботин — род. в ст. Ильинской ККВ. В Великую войну окончил сотню Николаевского кавалерийского училища (1916), хорунжий 1-го Кавказского наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка ККВ (на 01.1917). В эмиграции в Париже (на 1930).

Суворов Сильвестр Афанасьевич — род. в ст. Темижбекской ККВ. В Великую войну окончил 3-ю Тифлисскую школу прапорщиков, хорунжий 1-го Кавказского наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка (1917).

Суржиков Алексей Иванович — род. в ст. Николаевской ККВ. Окончил Ставропольское казачье юнкерское училище. В Великую войну войсковой старшина 1-го Лабинского генерала Засса полка ККВ (01.1917), полковник, командир 1-го Кубанского полка ККВ в корпусе генерала Баратова на Персидском фронте (1917). Убит большевиками на ст. Ладожская вместе с генералом Раддацем в июне 1918 г.

Твердый Николай Николаевич — во ВСЮР есаул, командир сотни Корниловского конного полка ККВ (1919). В эмиграции в г. Праге (Чехословакия).

Томашевский Сергей Владимирович — род. в 1857 г. Окончил Елисаветградское кавалерийское юнкерское училище (1877), генерал-майор (23.12.1911). В Великую войну генерал-лейтенант (10.10.1915), начальник 2-й Кубанской (1915-1916) и 5-й Кавказской (1916-1917) казачьих дивизий.

Топорков Сергей Михайлович — род. 25 сентября 1881 г. в ст. Акинтьевской Забайкальского казачьего войска. Во время русско-японской войны произведен в офицеры. В Великую войну полковник (20.09.1917), командир Чеченского и Татарского полков Кавказской конной (Туземной) дивизии. В Добровольческой армии и ВСЮР, командир 2-й бригады 1-й Конной дивизии, генерал-майор (11.1918), командир 1-й Терской казачьей дивизии, 4-го, затем 2-го Кубанского корпуса, генерал-лейтенант (1919). В Русской Армии командир Сводного корпуса в Крыму (1920). В эмиграции в Сербии. Умер в Белграде 13 февраля 1931 г.

Троян Иван Николаевич — род. в ст. Вознесенской ККВ. В Великую войну урядник Конвоя наместника на Кавказе. Во ВСЮР сотник Корниловского конного полка (1919).

Трубачев Александр Дмитриевич — род. в ст. Родниковской ККВ. Окончил сотню Николаевского кавалерийского училища (1914). В Великую войну Георгиевское оружие (1915), подъесаул 2-го Лабинского полка ККВ (к 1.01.1917). Во ВСЮР войсковой старшина, помощник командира Корниловского конного полка (1919). В 1920 взят в плен.

Трубицын Иван Алексеевич — род. в ст. Расшеватской ККВ, из урядников. В Великую войну награжден Георгиевским крестом 4-й ст. (1914). Окончил Горийскую школу прапорщиков, хорунжий 1-го Кавказского наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка ККВ (на 01.1917).

Тюнин Александр Алексеевич — род. в ст. Некрасовской ККВ, вольноопределяющийся 1-го Екатеринодарского Кошевого атамана Чепеги полка ККВ (1912). Первопоходник в 1-м Кубанском конном полку. В Добровольческой армии и ВСЮР есаул Корниловского конного полка (1920). В Русской Армии войсковой старшина, награжден орденом Св. Николая Чудотворца 2-й ст. В эмиграции в Сербии. Служил в Русском корпусе и 15-м Казачьем кавалерийском корпусе, полковник. Выдан советским властям в Лиенце (05.1945).

Уваров Василий Борисович — род. в ст. Новопокровской ККВ, из урядников. Окончил Телавскую школу прапорщиков. В Великую войну хорунжий 1-го Кавказского наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка ККВ. В Добровольческой армии. Убит в бою с красными летом 1918 г.

Удовенко Василий Иванович — род. в ст. Баталпашинской ККВ. Окончил сотню Николаевского кавалерийского училища. В Великую войну есаул 1-го Екатеринодарского Кошевого атамана Чепеги полка ККВ. В Добровольческой армии адъютант Корниловского конного полка. Погиб в бою 18 сентября 1918 г.

Улагай Сергей Георгиевич — род. 19 октября 1875 г. Окончил Михайловский Воронежский кадетский корпус, сотню Николаевского кавалерийского училища (1897), офицер Кубанского (Варшавского) казачьего дивизиона. В Великую войну служил в 1-м Линейном генерала Вельяминова полку ККВ (с 17.07.1916), Георгиевское оружие (1916), полковник (4.03.1917), командир 2-го Запорожского полка ККВ (7.06.1917). Первопоходник, командир Кубанского пластунского батальона, во ВСЮР и Русской Армии начальник 2-й Кубанской казачьей дивизии, генерал-майор (12.11.1918), командир 2-го Кубанского корпуса, генерал-лейтенант (1919), командующий Кубанской армией (03.1920), командующий войсками в десанте на Кубань (08.1920). В эмиграции в Югославии. Умер в Марселе (Франция) 20 марта 1947 г.

Федоренко — род. в ст. Славянской ККВ. Окончил Ставропольское казачье юнкерское училище. В Великую войну во 2-м Уманском полку ККВ, полковник (на 1.01.1917). В Добровольческой армии командир Корниловского конного полка. Погиб в бою 13 сентября 1918 г.

Фендриков Филипп Никитович — род. в г. Майкопе ККВ. Окончил Майкопское реальное училище. В Великую войну Оренбургское казачье училище (1916), сотник 1-го Кавказского наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка ККВ (1917). В Добровольческой армии в отряде генерала Геймана. Убит в разведке под Майкопом.

Филимонов Александр Петрович — род. 14 сентября 1866 г. в ст. Григорополисской ККВ. Окончил Владимирский Киевский кадетский корпус, 3-е Александровское военное училище (1885), Александровскую военно-юридическую академию (1907), Московский историко-археологический институт. Атаман Лабинского отдела ККВ (4.07.1911), полковник (1.12.1912). Председатель Кубанского правительства (1917), Кубанский войсковой атаман (12.10.1917-10.11.1919), генерал-лейтенант (15.03.1919). В эмиграции в Югославии, председатель Союза участников 1-го Кубанского похода. Умер в г. Осек 4 августа 1948 г.

Филиппов Петр Григорьевич — род. 29 июня 1867 г. Терский казак. Окончил Московское пехотное юнкерское училище. В русско-японскую войну командир сотни 1-го Сунженско-Владикавказского полка ТКВ, награжден золотым оружием. В Великую войну командир 1-го Черноморского полковника Бурсака 2-го полка ККВ, генерал-майор (12.7.1916), командир 1-й бригады 5-й Кавказской казачьей дивизии (1917).

Флейшер Николай Алексеевич — род. в ст. Дондуковской ККВ. Окончил Ставропольское казачье юнкерское училище. В Великую войну есаул 1-го Кавказского наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка ККВ. Во ВСЮР полковник, комендант г. Майкопа. Расстрелян красными в Армавире в 1920 г.

Фостиков Михаил Архипович — род. 25 августа 1886 г. в ст. Баталпашинской ККВ. Окончил Ставропольское реальное (1905) и Алексеевское военное училище (1907), Академию Генштаба (1-й курс, 1918). Во время Персидского похода (1909-1912) служил в 1-м Лабинском генерала Засса полку ККВ. В Великую войну полковой адъютант, командир сотни Ставропольского (4-го Сводно-Кубанского) полка ККВ в Персии (с 1915), войсковой старшина (1917). В Добровольческой армии и ВСЮР, командир 1-го Кубанского полка ККВ (8.07.1918), генерал-майор (5.06.1919), начальник 2-й Кубанской казачьей дивизии, в Русской Армии командующий “Армией возрождения России” на Кубани (май-октябрь 1920), генерал-лейтенант, награжден орденом Св. Николая Чудотворца 2-й ст. (17.10.1920). На о. Лемнос — командир Сводного Кубанского корпуса. В Сербии начальник Кубанской казачьей дивизии (1921). Умер в Белграде 29 июля 1966 г.

Харченко — род. в ст. Калниболотской ККВ, в Кубанском (Варшавском) казачьем дивизионе. В Великую войну Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии, первопоходник, вахмистр сотни Корниловского конного полка, подхорунжий (1918).

Хлус Александр Георгиевич — род. в ст. Новолеушковской ККВ, в Добровольческой армии хорунжий Корниловского конного полка (1918). В эмиграции войсковой старшина, в Нью-Йорке (на 1959).

Ходкевич Дмитрий Иванович — род. в 1865 г. В Великую войну полковник (1915), командир 6-го Кубанского пластунского Его Величества батальона (1.01.1917). В Добровольческой армии и ВСЮР, генерал-майор (26.12.1918), начальник 3-й Кубанской пластунской бригады (1918-1919), в распоряжении Кубанского войскового атамана (с 1.03.1920). Умер в эмиграции в Югославии.

Хоменко Владимир Николаевич — окончил 2-й Московский кадетский корпус, сотню Николаевского кавалерийского училища. В Великую войну есаул 3-го Кавказского полка ККВ (12.1916). В Добровольческой армии и ВСЮР, полковник, командир 1-го Кавказского полка ККВ (1920).

Храмов Иван Иванович — род. в ст. Бжедуховской ККВ. Окончил Екатеринодарское реальное, Оренбургское казачье училища (1913). В Великую войну сотник 3-го Кавказского полка ККВ (12.1916). В Добровольческой армии и ВСЮР, войсковой старшина, помощник командира 1-го Кавказского полка ККВ, плен (1920).

Цыган(ков)ок Спиридон Филимонович — род. в 1875 г. ст. Поповичевской ККВ. Первопоходник, в Добровольческой армии и ВСЮР, войсковой старшина, командир 9-го Кубанского пластунского батальона (9.11.1918), полковник, начальник 3-й Кубанской пластунской бригады (28.11.1919). В Русской армии командир пластунского полка, генерал-майор (1920). На о. Лемнос начальник 2-й Кубанской стрелковой дивизии, командир 2-й бригады Кубанской казачьей дивизии (1921). Умер 19 марта 1935 г. в эмиграции в Югославии.

Черножуков Николай Николаевич — род. в ст. Усть-Ла-бинской ККВ. Окончил Тверское кавалерийское училище (1911). В Великую войну подъесаул 3-го Черноморского полка ККВ. В Добровольческой армии командир сотни Корниловского конного полка (1918).

Черный Константин Константинович — род. 9 февраля 1871 г. в ст. Елисаветинской ККВ. Окончил 2-е Константинов-ское училище (1891), Академию Генштаба (1902). В Великую войну командир 1-го Линейного генерала Вельяминова полка ККВ, награжден

Георгиевским оружием, начальник штаба 16-й кавалерийской дивизии (2.02.1916), генерал-майор, командующий 5-й Кавказской казачьей дивизии (2.09.1917). Главнокомандующий вооруженными силами Кубанского края (11.1917-01.1918). Умер в эмиграции в Югославии.

Чибишев Владимир Николаевич — из казаков ККВ, пер-вопоходник. В Добровольческой армии и ВСЮР хорунжий Корниловского конного полка, служил в штабе 3-й Кубанской казачьей дивизии (1919).

Чирсков Трофим Семенович — терский казак. Окончил Чугуевское юнкерское училище. В Великую войну полковой делопроизводитель 1-го Кавказского наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка ККВ, надворный советник (1917). Убит красными после подавления восстания в Кавказском отделе ККВ в ст. Темижбекской в марте 1918 г.

Шатилов Павел Николаевич — род. в 1881 г. Окончил Пажеский корпус, Академию Генштаба (1908), вышел в Л.-гв. Казачий Его Величества полк. Во время русско-японской войны служил в 4-м Сибирском казачьем полку. В Великую войну полковник (6.12.1915), командир 1-го Черноморского полковника Бурсака 2-го полка ККВ (с 16.12.1916), награжден орденом Св. Георгия 4-й ст., генерал-квартирмейстер штаба Кавказской армии, генерал-майор (1917?). В Добровольческой армии и ВСЮР, начальник 1-й Конной дивизии, командир 4-го конного корпуса, генерал-лейтенант (05.1919), начальник штаба Кавказской армии (06.1919), помощник Главнокомандующего Русской Армии (22.03.1920), начальник штаба Русской Армии (21.06.1920-1922), генерал от кавалерии, начальник 1-го отдела РОВС во Франции (1924-1934). Умер под Парижем 5 мая 1962 г.

Шевченко — род. в ст. Староджерлиевской ККВ, в Добровольческой армии, прапорщик Корниловского конного полка, убит в бою 15 октября 1918 г.

Шеховцов Петр Николаевич — род. в ст. Михайловской ККВ, из казаков 1-го Лабинского генерала Засса полка ККВ. В Великую войну хорунжий 2-го Хоперского полка (на 1.02.1917). В Добровольческой армии и ВСЮР, командир сотни Корниловского конного полка (1919), полковник (1920). Умер в Югославии.

Шиллинг — в Добровольческой армии, прапорщик Корниловского конного полка (1918).

Ширай Афанасий — из казаков ККВ. Окончил Ейское реальное и Ставропольское казачье юнкерское училища. В Великую войну полковник, командующий 3-м Таманским полком ККВ (по 10. 1915), командир 1-й бригады 5-й Кавказской казачьей дивизии (1917).

Шкуро (Шкура) Андрей Григорьевич — род. 7 февраля 1886 г. в ст. Пашковской ККВ. Окончил 3-й Московский кадетский корпус (1905), сотню Николаевского кавалерийского училища (1907). В Великую войну служил в 3-м Хоперском полку ККВ, награжден Георгиевским оружием (1914), начальник Кубанского отряда особого назначения (12.01.1916), в корпусе генерала Баратова на Персидском фронте, полковник (1917). В Добровольческой армии и ВСЮР, командир казачьего отряда в Баталпашинском Отделе ККВ (05.1918), начальник 1-й Казачьей (06.1918), 2-й Кубанской (07.1918), 1-й Кавказской (10.1918) дивизий, генерал-майор (30.11.1918), генерал-лейтенант (4.04.1919), командир 3-го Кубанского конного корпуса (4.05.1919), командующий Кубанской армией (01-03. 1920). В эмиграции во Франции, Югославии, во время 2-й мировой войны начальник Резерва казачьих войск. Выдан в Лиенце (05.1945), казнен в Москве 16 января 1947 г.

Штригель Евгений Петрович — офицер-воспитатель Владикавказского кадетского корпуса. В Великую войну полковник, орден Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (на 1.12.1916), командир 3-го Линейного полка ККВ (1917).

Шурихин — род. в ст. Ладожской ККВ, в Добровольческой армии, есаул Корниловского конного полка (1918).

Щербаков Владимир Иванович — из казаков ККВ. Окончил Ростовское реальное и Николаевское кавалерийское училища (1915). В Великую войну сотник 1-го Кавказского Наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка ККВ (1917). В эмиграции в Югославии.

Щербаков Николай Михайлович — род. в 1882 г. в Одессе. Окончил гимназию, Одесское военное училище (1904), Академию Генштаба (1913). В Великую войну подполковник, начальник штаба 5-й Кавказской казачьей дивизии (1917). Командир Отдельного корпуса в Сибирской армии, генерал-майор (1919). Умер в Шанхае 24 декабря 1937 г.

Эрдели Иван Георгиевич — род. 15 октября 1870 г. Окончил Николаевский кадетский корпус (1887), Николаевское кавалерийское училище (1890), Академию Генштаба (1897), вышел в Л.-гв. Гусарский Его Величества полк, с 1910 г. генерал-майор, командир Л.-гв. Драгунского полка. В Великую войну начальник 14-й кавалерийской дивизии (18.10.1914), генерал-лейтенант (1916), командир 18-го армейского корпуса (6.04.1917), генерал-от-кавалерии (18.06.1917), командующий Особой армией (12.07.1917). Первопоходник, в Добровольческой армии командир отдельной конной бригады, начальник 1-й Конной дивизии (06.1918). Во ВСЮР главноначальствующий и командующий войсками Терско-Дагестанского края (04.1919). В Русской Армии — в распоряжении Главнокомандующего. В эмиграции во Франции, начальник 1-го отдела РОВС (29.06.1934). Умер в Париже 7 июля 1939 г.

Яковенко — род в ст. Терновской ККВ. В Великую войну урядник. В Добровольческой армии командир сотни Корниловского конного полка, хорунжий. Убит в бою 27 апреля 1919 г.

Яковлев — донской казак. В Великую войну ветеринарный врач 1-го Кавказского наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка ККВ, в Добровольческой армии ветеринарный врач Корниловского конного полка.

Ярыш — окончил Оренбургское казачье училище (1.913). В Великую войну сотник 2-го Уманского полка ККВ (на 1.01.1917). В Добровольческой армии, первопоходник, есаул Корниловского конного полка. Умер от ран (1918).